F5 3/5

МАЛАЙСКІЙ АРХИПЕЛАГЪ.

СТРАНА ОРАНГЪ-УТАНА

и

РАЙСКОЙ ПТИЦЫ.

Альфреда Русселя Уэлласа.

27066.

Переводъ со 2-го англійскаго изданія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мойкѣ, № 5.

1872.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Января 1872 г.

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ.

АВТОРУ СОЧИНЕНІЯ

«ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВИДОВЪ».

Посвящаю эту книгу не только какъ выраженія личнаго уваженія и дружбы, но и какъ знакъ моего глубокаго уваженія къ его генію и твореніямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мои читатели вѣроятно спросить меня, почему я спустя уже шесть лѣтъ послѣ моего возвращенія, принялся за изданіе книги; причину такого замедленія я считаю необходимымъ объяснить.

Возвратясь въ Англію весною 1862 года я нашелъ у себя на квартирѣ массу запакованныхъ ящиковъ съ коллекціями, которыя я отъ время до время посылалъ домой, съ приказаніемъ не трогать ихъ до моего пріѣзда. Оказалось что изъ трехъ тысячь птичьихъ шкуръ у меня накопилось до тысячи видовъ, и покрайней мѣрѣ до семи тысячь разновидностей изъ двадцати тысячь жуковъ и бабочекъ; кромѣ того еще коллекція четвереногихъ и туземныхъ раковинъ. Большую часть изъ нихъ я просматривалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; распаковка, разборка и приведеніе ихъ въ порядокъ, при моемъ нездоровьѣ въ то время, должны были отнять у меня не мало времени.

Я скоро рѣшилъ, что до тѣхъ поръ, пока не опишу и не распредѣлю главнѣйшихъ группъ моихъ коллекцій и не разработаю наиболѣе интересныя задачи разнообразія и географическаго распредѣленія, которыя разъяснялись мнѣ по мѣрѣ собиранія ихъ, не приступлю къ изданію моего сочиненія. Я могъ печатать, конечно, все, касающееся естественной исторіи моего путешествія отдѣльными замѣтками и статьями, но я находилъ, что это неудовлетворило бы ни меня, ни друзей моихъ и не было бы поучительно для читателей.

Со дня моего возвращенія до настоящаго времени, я напечаталъ восемнадцать очерковъ въ отчетахъ Зоологическаго и Энтомологиче-

скаго общества Линнея, въ которыхъ описалъ и разобралъ часть моихъ коллекцій; еще двѣнадцать статей я помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ ученыхъ журналахъ, занимающихся болѣе или менѣе этими вопросами.

Около двухъ тысячъ изъ жесткокрылыхъ и нѣсколько сотень бабочекъ уже описаны многими знаменитыми британскими и иностранными естествоиспытателями; большая же часть коллекцій остается неописанною. Изъ ученыхъ, которымъ наука наиболѣе обязана въ этомъ отношеніи, я долженъ упомянуть имя г-на Ф. П. Пасюэ, бывшаго президента энтомологическаго Лондонскаго Общества, который почти окончилъ классификацію и описаніе моей большой коллекціи длиннорогихъ жуковъ Эта коллекція стала теперь его собственностью; она заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи видовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ девятьсотъ не были раньше описаны и извѣстны европейскимъ ученымъ.

Остальные роды насѣкомыхъ, заключающіе въ себѣ болѣе двухъ тысячъ видовъ, находятся въ коллекціяхъ г-на Виліама Вильсона Саундерса, большая часть которыхъ описана лучшими энтомологами. Однихъ перепончатокрылыхъ наберется болѣе девяти тысячъ видовъ; между ними находится до двухъ тысячъ восьмисотъ различныхъ видовъ муравьевъ, изъ которыхъ двѣсти до этого времени были неизвѣстны.

Такимъ образомъ шестилѣтняя задержка изданія моего сочиненія дала мнѣ возможность, на что я и надѣялся, представить интересные и поучительные результаты моихъ трудовъ при изученіи коллекцій. Такъ какъ страна, о которой я хочу говорить, была до сихъ поръ мало извѣстна и мало описана, а физическія и соціальныя условія ее не особенно быстро мѣняются, то я надѣюсь, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ мои читатели скорѣе выиграли, чѣмъ потеряли, не прочитавъ шесть лѣтъ тому назадъ книги, содержаніе которой они въ настоящее время вѣроятно бы уже забыли.

Я скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ сочиненія.

Мое путешествіе по островамъ зависѣло отъ средствъ сообщенія

времени года. На нѣкоторыхъ островахъ я бывалъ по два и по три раза въ различныя времена, а на иныхъ и по четыре. Хронологическое перечисленіе ихъ въ разсказѣ затруднило бы читателей. Они никогда не знали бы гдѣ они именно находятся; частыя ссылки на группы острововъ классифицированныхъ по особенностямъ естественныхъ произведеній и обитателямъ было бы еще менѣе ясно И потому я принялъ порядокъ географическій, зоологическій и этнологическій. Переходя съ острова на островъ, я придерживался естественной послѣдовательности, и въ тоже время старался какъ можно меньше отступать отъ того порядка, въ какомъ я посѣщалъ ихъ самъ

Я раздѣляю Архипелагъ на пять слѣдующихъ группъ:

I. Индо-Малайскіе острова: состоящіе изъ Малакскаго полуострова, Сингапура, Борнео, Явы и Суматры.

II. Тиморская группа: состоящая изъ острововъ Тимора, Флореса, Сумбавы, Лембока и другихъ многихъ небольшихъ острововъ.

III. Целебесъ съ островами Сулу и Бутонъ.

IV. Молукская группа, состоящая изъ Буру, Серама, Батчіана Джилоло, Морти и маленькихъ острововъ: Терната, Тидора, Макіана Кайоа, Амбойна, Банды, Горама и Матабеллы.

V. Папуанская группа, состоящая изъ большаго острова Новой-Гвинеи, острововъ Ару, Майсоль, Сальвати, Вайгіу и многихъ другихъ. Острова описаны въ этой же группѣ потому, что они сходны съ нею по своему этнологическому характеру, хотя въ географическомъ и зоологическомъ отношеніяхъ они скорѣе должны быть отнесены къ Молукскимъ.

Главы, посвященныя всѣмъ этимъ островамъ отдѣльныхъ группъ начинаются описаніемъ ихъ Естественной Исторіи, и сочиненіе раздѣлено на пять частей; каждая часть указываетъ на естественное дѣленіе Архипелага.

Первая глава посвящена физической географіи всей страны, а послѣдняя очерку расы людей, населяющихъ Архипелагъ и сосѣднія страны. Съ этими предварительными объясненіями читатели, я надѣюсь, всегда будутъ знать, гдѣ они находятся, и куда имъ слѣдуетъ направиться.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что моя книга далеко не исчерпываетъ всего описываемаго въ ней. Это не болѣе какъ очеркъ, который однако я по возможности старался сдѣлать точнымъ. Почти вся повѣствовательная и описательная часть была окончена на мѣстѣ, впослѣдствіи пришлось сдѣлать только незначительныя измѣненія. Главы посвященныя Естественной Исторіи, какъ и многія другія мѣста сочиненія, написаны въ надеждѣ возбудить интересъ о различныхъ вопросахъ, касающихся происхожденія видовъ и ихъ географическаго распредѣленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я въ состояніи былъ подробно объяснить мои взгляды, въ другихъ же по большой сложности предмета, я счелъ за лучшее ограничиться только перечнемъ наиболѣе интересныхъ фактовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ быть найдено въ принципахъ развитыхъ Дарвиномъ во многихъ его сочиненіяхъ.

Такъ какъ главная цѣль моего путешествія была собираніе новыхъ видовъ для себя, а также для знатоковъ и музеевъ, то я укажу здѣсь на число собранныхъ коллекцій, которыя удалось благополучно достать. Я долженъ замѣтить, что въ собираніи мнѣ постоянно помогали два или три малайца и прислуживавшій мнѣ впродолженіи трехъ лѣтъ молодой англичанинъ г-нъ Чарль Олленъ. Я не былъ въ Англіи ровно восемь лѣтъ, впродолженіи которыхъ сдѣлалъ по Архипелагу около четырнадцати тысячъ миль, да около шестнадцати или семнадцати путешествій внѣ Архипелага; на это потребовалось конечно извѣстное количество времени, такъ что сборомъ коллекцій я не занимался болѣе шести лѣтъ. Разобравъ мои восточныя коллекціи я нашелъ:

310	видовъ	Млекопитающихъ.
100	»	Пресмыкающихся.
8,050	»	Птицъ.
7,500	»	Раковинъ.
15,100	»	Чешуекрылыхъ насѣкомыхъ.
83,200	»	Жесткокрылыхъ насѣкомыхъ.
13,400	»	другихъ насѣкомыхъ.
125,660	видовъ.	

Мнѣ остается теперь поблагодарить друзей моихъ, которые оказывали мнѣ помощь. Посылаю мою глубокую благодарность Совѣту Королевскаго Географическаго Общества, черезъ рекомендацію котораго мнѣ оказана была большая помощь нашимъ и голландскимъ губернаторомъ, и г-ну Вильяму Вильсону Саундерсу. Его дружественное и доброе содѣйствіе въ началѣ моего путешествія оказало мнѣ большую пользу. Я много обязанъ также г-ну Самуилу Стевенсу (бывшему моему агенту) какъ за заботу о моихъ коллекціяхъ, такъ и за неутомимую дѣятельность при доставкѣ ихъ

Я увѣренъ, что они и всѣ остальные друзья, сколько нибудь заинтересованные въ моемъ путешествіи и коллекціяхъ, поймутъ до нѣкоторой степени то удовольствіе, какое я испытывалъ, наблюдая все, описываемое въ книгѣ.

ГЛАВА I.

Физическая географія Малайскаго Архипелага. — Границы и пространство острововъ. — Геологическіе контрасты. — Контрасты растительности. — Глубина прилежащаго моря. — Различіе въ естественныхъ произведеніяхъ. — Противуположности расъ.

Взглянувъ на карту или глобусъ восточнаго полушарія, мы замѣтимъ между Азіею и Австраліею нѣсколько большихъ и малыхъ острововъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ совершенно отдѣльную группу, имѣющую мало общаго со смежными съ нею материками. Расположенные на самомъ экваторѣ, эти острова омываются теплою водою тропическихъ океановъ и пользуются, благодаря этому обстоятельству, однимъ изъ лучшихъ климатовъ на земномъ шарѣ: онъ тепелъ, влаженъ, безъ рѣзкихъ переходовъ и способствуетъ развитію многихъ растеній, неизвѣстныхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь родина самыхъ богатыхъ плодовъ, драгоцѣнныхъ кореньевъ, гигантскаго цвѣтка рафлезіи, большой зелено-крылой орнитоптеры (царицы бабочекъ) человѣко-образнаго орангъ-утана, и прелестной райской птички. Острова населены особенно интересною рассою малайцевъ, которые живутъ только на этихъ островахъ, отчего тѣ и получили названіе Малайскаго Архипелага.

Большинству англичанъ эта часть свѣта очень мало извѣстна. Наши владѣнія тамъ очень ограничены; рѣдкіе путешественники отправлялись туда для изслѣдованій, и на многихъ картахъ эти острова вовсе необозначены, какъ отдѣльная группа, а отнесены частью къ Азіи, частью къ

островамъ Тихаго Океана; вслѣдствіе этого очень немногіе смотрятъ на нихъ, какъ на отдѣльную часть свѣта, и не подозрѣваютъ, что нѣкоторые изъ входящихъ сюда острововъ больше Франціи и Австрійской Имперіи. Однако, отправившійся туда путешественникъ скоро мѣняетъ свои прежніе взгляды. Онъ ѣдетъ цѣлые дни и даже недѣли вдоль береговъ такого большаго острова, который часто такъ великъ, что туземцы принимаютъ его за материкъ; онъ видитъ, что для путешествія по всѣмъ этимъ островамъ ему необходимы недѣли и мѣсяцы, и что ихъ многочисленные обитатели также мало знаютъ другъ друга, какъ туземныя расы сѣверной Америки жителей южной. Онъ скоро убѣждается, что эта страна составляетъ совершенно отдѣльную часть съ характерными, свойственными ей одной климатомъ, флорой и фауной, что она населена людьми, которые по своему внѣшнему виду, языку, нравамъ и обычаямъ составляютъ совершенно особенную расу. По многимъ причинамъ на эти острова можно смотрѣть, какъ на одну нераздѣльную географическую группу, и многіе путешественники и ученые никогда не смотрѣли на нее иначе. Но болѣе тщательное и подробное изученіе ея съ разныхъ сторонъ открываетъ совершенно неожиданно, что она раздѣлена на двѣ почти равныя по величинѣ части, которыя отличаются другъ отъ друга по своей природѣ, и дѣйствительно составляютъ части двухъ большихъ материковъ. Я уже доказывалъ это со всѣми подробностями въ моихъ обозрѣніяхъ естественной исторіи различныхъ частей Архипелага, и такъ какъ въ описаніи моихъ путешествій и пребыванія на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ, я долженъ буду постоянно возвращаться къ этому взгляду и подтверждать его фактами, то я и счелъ за лучшее начать съ общаго очерка тѣхъ характерныхъ чертъ Малайской страны, которыя придадутъ нужнымъ мнѣ для этой цѣли фактамъ болѣе интереса и сдѣлаютъ ихъ при такомъ обобщеніи болѣе удобопонятными. Я начну по этому съ опредѣленія границъ и пространства Архипелага и укажу на самыя выдающіяся черты его геологіи, физической географіи, флоры и фауны.

Обращая вниманіе на распредѣленіе животной жизни, я ограничиваю малайскую группу Малакскимъ полуостровомъ до Тенасерима, Никобарскими островами на западѣ, Филиппинскими на сѣверѣ и островомъ Соломона близъ Новой Гвинеи на востокѣ. Всѣ большіе острова входящіе въ эти границы, соединены другъ съ другомъ множествомъ маленькихъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не стоитъ отдѣльно. Почти всѣ, за очень небольшимъ исключеніемъ, пользуются одинаково ровнымъ климатомъ и покрыты самою роскошною растительностью. Если мы будемъ изучать ихъ форму и распредѣленіе по картамъ, или переѣзжая съ ост-

рова на островъ, то по первому впечатлѣнію намъ покажется, что они образуютъ одну группу, части которой тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Малайскій Архипелагъ тянется болѣе чѣмъ на 4,000 миль въ длину отъ востока къ западу и имѣетъ до 1,300 миль въ ширину отъ сѣвера къ югу. Онъ покрылъ бы пространство равное всей Европѣ отъ ея крайняго запада до центральной Азіи или самую широкую часть южной Америки, захвативъ при томъ и земли лежащія въ Тихомъ и Атлантическомъ океанахъ. Три изъ его острововъ больше Великобританіи, а одинъ изъ нихъ, Борнео, покрылъ бы всѣ британскіе острова, да еще осталось бы мѣсто для громадныхъ лѣсовъ. Новая Гвинея, хотя и съ болѣе извилистою береговою линіею, по пространству однако не менѣе, если не болѣе Борнео. Суматра почти равна Великобританіи; Ява, Люсонъ и Целебесъ—Ирландіи. Болѣе восемнадцати острововъ приближаются по величинѣ къ Ямайкѣ, болѣе ста къ острову Уайту, а островамъ и островкамъ меньшей величины нѣтъ числа. Собственно величина земли, находящейся подъ этими островами, не больше пространства занимаемаго западною Европою отъ Венгріи до Испаніи, но, принявъ во вниманіе разбросанность этихъ острововъ, мы увидимъ, что разнообразіе продуктовъ, этихъ острововъ скорѣй пропорціонально огромному пространству, по которому они разсѣяны, чѣмъ количеству занимаемой ими земли.

Черезъ весь Архипелагъ тянется одна изъ главныхъ на земномъ шарѣ вулканическихъ цѣпей и производитъ разительный контрастъ въ явленіяхъ вулканическихъ и невулканическихъ острововъ. Для обозначенія направленія этого ряда дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ должно провести кривую по всей длинѣ Суматры и Явы и оттуда по островамъ Бали, Ломбакъ, Сумбавѣ, Флоресъ, о-вамъ Серватти, Банда, Амбойна, Бачіанъ, Махіонъ, Тидоръ, Тернатъ и Джилоло къ островамъ Морти. Въ этомъ мѣстѣ является не рѣзкій, но хорошо обозначенный перерывъ на 200 миль къ западу, послѣ чего вулканическая цѣпь снова начинается въ сѣверномъ Целебесѣ, проходитъ по Сіу и Сангюиру къ Филиппинскимъ островамъ, идетъ вдоль ихъ восточныхъ береговъ по кривой линіи къ сѣверной оконечности. Отъ крайняго восточнаго склона этой цѣпи у острова Банда тянется на 1,000 миль не вулканическая мѣстность и за тѣмъ снова начинаются вулканы, замѣченные Дампьеромъ въ 1799 году на сѣверо-восточномъ берегу Новой-Гвинеи. Здѣсь можетъ быть проведена новая кривая черезъ Новую Британію, Новую Ирландію, и острова Соломона къ восточнымъ границамъ Архипелага. По всей этой мѣстности и далеко за предѣлами ея землетрясенія бываютъ постоянно. Не проходитъ мѣсяца, а иногда и недѣли, чтобы не было легкихъ уда-

ровъ; сильныя же землетрясенія, послѣ которыхъ гибнутъ цѣлыя деревни съ людьми и имуществомъ, случаются ежегодно въ той или другой мѣстности. Во многихъ изъ этихъ острововъ года большихъ землетрясеній служатъ для времяисчисленія; по нимъ туземцы замѣчаютъ возрастъ своихъ дѣтей и опредѣляютъ время важныхъ событій. Я только вкратцѣ упомяну о самыхъ страшныхъ изъ этихъ многочисленныхъ землетрясеній. По своему вреду, количеству жертвъ и силѣ, онѣ не уступятъ ни одному изъ прославленныхъ ранѣе. Сорокъ деревень было разрушено во время изверженія Папандаянги на Явѣ въ 1712 году. Страшные, повторяющіеся взрывы разрушили гору, оставивъ на ея мѣстѣ широкое озеро. Во время страшнаго изверженія Томборы на Сумбавѣ въ 1815 году погибло 12,000 человѣкъ, а пепелъ наполнилъ воздухъ и густо покрылъ землю и море на 300 миль кругомъ. Наконецъ, только что я оставилъ эту мѣстность, какъ одна гора, остававшаяся спокойною болѣе двухсотъ лѣтъ, внезапно вновь начала дѣйствовать. Въ 1646-мъ году одинъ изъ Молукскихъ острововъ, Макіанъ, былъ разорванъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое образовало пропасть въ самомъ островѣ ниже горы. Въ 1860 году, когда я былъ на этомъ островѣ въ послѣдній разъ, гора была покрыта зеленью до самой вершины и заселена двѣнадцатью малайскими деревнями. 29-го декабря 1862-го года послѣ двухсотлѣтняго полнѣйшаго бездѣйствія, вдругъ послѣдовалъ взрывъ, гора сравнялась съ землею, большая часть жителей погибла, а пепелъ и зола затемнили горизонтъ Терната на четыре тысячи миль вокругъ и погубили хлѣбъ на этомъ и на сосѣднихъ съ нимъ островахъ.

На островѣ Явѣ больше дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ, чѣмъ въ какой либо другой мѣстности, равнаго съ ней протяженія. Ихъ насчитываютъ тамъ до сорока пяти, и многіе изъ нихъ представляютъ лучшіе образцы вулканическихъ конусовъ. На широкомъ основаніи возвышается иногда два, иногда одинъ такой конусъ, усѣченная или цѣльная вершина котораго достигаетъ до десяти тысячъ футовъ вышины.

Теперь уже доказано, что большая часть вулкановъ постепенно образовывалась отъ накопленія выбрасываемыхъ ими-же самими веществъ: —ила, золы и лавы. Отверстія или кратеры часто измѣняютъ свое положеніе; страна сначала бываетъ покрыта неправильнымъ рядомъ холмовъ, идущихъ цѣпями или скученныхъ вмѣстѣ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти холмы принимаютъ форму высокихъ конусовъ, всѣ же остальные конусы образуются при вулканическомъ изверженіи. Этимъ способомъ образовалась большая часть Явы, здѣсь было нѣсколько возвышеній по большей части на южномъ берегу, гдѣ были найдены большіе

залежи кораловаго извѣстняка. Они вѣроятно были нижними слоями старыхъ, переслоившихся скалъ. Но большая часть Явы вулканическаго происхожденія; этотъ прекрасный и плодородный островъ настоящій садъ востока, самый богатый, наилучше обработанный и наилучше управляемый изъ всѣхъ тропическихъ острововъ свѣта, обязанъ своему существованію тѣмъ самымъ вулканическимъ явленіямъ, которыя причиняютъ ему теперь столько вреда.

Большой островъ Суматра имѣетъ сравнительно съ своимъ пространствомъ гораздо меньше вулкановъ, и его значительная часть вѣроятно невулканическаго происхожденія.

Къ востоку длинный рядъ острововъ, идущихъ къ сѣверу отъ Явы и Тимора и дальше до Банды, вѣроятно весь вулканическаго происхожденія. Самъ Тиморъ состоитъ изъ старыхъ переслоившихся скалъ и въ немъ, какъ говорятъ, есть одинъ вулканъ недалеко отъ центра.

Далѣе къ сѣверу отъ Амбойна часть Бурю, западный край Серама, сѣверная часть Джилоло и всѣ сосѣдніе маленькіе острова, сѣверная оконечность Целебеса и острова Сіу и Сангуиръ вполнѣ вулканическаго происхожденія. На Филиппинскомъ архипелагѣ находится много дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ; ихъ дѣйствіе вѣроятно и было причиною такой раздробленности архипелага.

Вдоль этой большой линіи вулкановъ идетъ рядъ низменностей и возвышенностей, болѣе или менѣе рѣзко обозначенныхъ. Цѣпь острововъ къ югу отъ Суматры, часть южнаго берега Явы, острова къ востоку отъ него, восточный и западный конецъ Тимора, части Молукскихъ острововъ, острова Кэ, Ару, Ваджіу и весь югъ и востокъ Джилоло состоятъ изъ возвышенныхъ кораловыхъ скалъ, которыя очень сходны съ кораллами образующимися въ прилежащихъ съ ними моряхъ. Во многихъ мѣстахъ я замѣтилъ сохранившіяся поверхности возвышенныхъ рифовъ съ большими массами корала, которыя лежали въ совершенно естественномъ положеніи; сотни раковинъ выглядывали такими свѣжими, что казалось будто они только что вышли изъ подъ воды. А между тѣмъ на такія измѣненія требуются сотни лѣтъ.

Длина всѣхъ этихъ вулканическихъ цѣпей равняется девяносто градусамъ, или четверти всей земной окружности. Ширина доходитъ до пятидесяти миль, но на двѣсти миль по обѣимъ сторонамъ видны слѣды подземныхъ дѣйствій горъ въ недавно образовавшихся кораловыхъ скалахъ или рифахъ, снова поглощенныхъ водою. Въ центрѣ или фокусѣ этой большой кривой стоитъ островъ Борнео, на которомъ нѣтъ никакихъ признаковъ недавняго вулканическаго дѣйствія; землетрясенія, столь

характерныя въ окружающихъ мѣстностяхъ, на немъ вовсе неизвѣстны. Такой-же большой островъ Новая-Гвинея составляетъ другую спокойную мѣстность безъ всякихъ признаковъ недавняго дѣйствія. Большой островъ Целебесъ также совершенно безъ вулкановъ за исключеніемъ восточнаго края и сѣвернаго полуострова, которые, какъ полагаютъ, составляли прежде отдѣльный островъ. Малакскій полуостровъ также не вулканическаго происхожденія.

Такимъ образомъ, первымъ и самимъ рѣзкимъ дѣленіемъ архипелага будетъ дѣленіе его на вулканическія и спокойныя мѣстности; можно было бы ожидать, что это дѣленіе продолжится соотвѣтственно животной и растительной жизни. Однако это соотвѣтствіе очень ограниченно, и мы увидимъ, что не смотря на то, что дѣйствіе подземныхъ силъ на такомъ большомъ пространствѣ разрушило цѣлыя цѣпи горъ въ десять или двѣнадцать тысячъ футовъ высоты, разорвало на части землю, выдвинуло изъ подъ воды новые острова, оно однако по своей недавности не могло оказать существеннаго вліянія на измѣненіе растеній и животныхъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти острова, расположеные у самаго экватора и окруженныя обширными океанами, покрыты почти всѣ лѣсами отъ уровня моря до вершинъ высочайшихъ горъ: вездѣ растительность имѣетъ лѣсистый характеръ. Суматра, Новая-Гвинея, Борнео, Филиппинскіе и Молукскіе острова, невоздѣланныя части Явы и Целебеса покрыты всѣ лѣсами за исключеніемъ небольшихъ и незначительныхъ мѣстностей, которыя вѣроятно обязаны прежней обработкѣ или случайнымъ землетрясеніямъ. Важнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила является островъ Тиморъ и сосѣдніе съ нимъ маленькіе острова, на которыхъ вовсе нѣтъ такихъ лѣсовъ, какъ на другихъ островахъ. Это же отсутствіе лѣсовъ, хотя и въ меньшей степени, замѣчается во Флорисѣ, Сумбавѣ, Ломбукѣ и Бали.

Самыя обыкновенныя деревья въ Тиморѣ — эвкалиптіи различныхъ породъ, столь характерныя въ Австраліи, сандальныя деревья, акаціи и другія породы хотя и не въ столь большомъ количествѣ. Онѣ растутъ болѣе или менѣе густо по всей мѣстности, но никогда не достигаютъ размѣровъ лѣса. Болѣе безплодные холмы острова поросли грубою и малосочною травою, а влажныя мѣстности самою раскошною зеленью. На островахъ между Тиморомъ и Явою встрѣчаются болѣе лѣсистыя мѣстности, изобилующія терновыми и колючими растеніями, которыя рѣдко достигаютъ значительной вышины. Онѣ теряютъ листья во время сухаго времени года; вмѣстѣ съ безплодною почвою они составляютъ рѣзкій

контрастъ съ густыми, влажными и вѣчно зелеными лѣсами другихъ острововъ. Подобные же лѣса встрѣчаются хотя и не въ такомъ изобиліи на южномъ полуостровѣ Целебеса и въ восточномъ краѣ Явы, и вѣроятно переходятъ сюда съ близь лежащаго материка Австраліи. Юго-восточный муссонъ, дующій впродолженіи двухъ третей года (отъ марта до января) приноситъ въ сѣверныя части этой мѣстности сухость и жаръ, который распространяетъ свое дѣйствіе на растительность и климатъ близь лежащихъ острововъ. Немного далѣе къ востоку въ Тиморѣ и Кэ преобладаетъ болѣе влажный климатъ; юго-восточныя вѣтры, дующіе изъ Атлантическаго Океана черезъ проливъ Торесъ проходятъ надъ густыми лѣсами Новой-Гвинеи и покрываютъ каждый скалистый островокъ роскошною зеленью до самой вершины. Далѣе къ западу сухой вѣтеръ, проходя черезъ громадное пространство океана, напитывается влажностью, вслѣдствіе чего воздухъ острова Явы становится менѣе и менѣе сухимъ, и на крайнемъ западѣ его около Батавіи дожди уже льютъ круглый годъ, и горы повсюду покрыты самыми роскошными гигантскими лѣсами.

Г-нъ Джорджъ-Уиндзоръ-Ирль въ своемъ отчетѣ королевскому географическому обществу въ 1845-мъ году и затѣмъ въ статьѣ о физической географіи юго-восточной Азіи и Австраліи въ 1855-мъ году первый высказалъ мысль, что большіе острова Суматра, Ява и Борнео имѣютъ много общаго съ Азіею, а Новая-Гвинея съ Австраліею. Они отдѣляются отъ смѣжныхъ материковъ только неглубокимъ моремъ и сходны съ ними въ своихъ естественныхъ произведеніяхъ.

Этотъ фактъ является самымъ рѣзкимъ признакомъ при раздѣленіи архипелага; изучая его въ подробностяхъ я пришелъ къ тому заключенію, что мы можемъ провести линію между островами и раздѣлить ихъ на двѣ части, изъ которыхъ одна будетъ принадлежать къ Австраліи, а другая съ такою же вѣроятностью можетъ быть присоединена къ Азіи. Я назвалъ ихъ Индо-Малайскою и Австрало-Малайскою частями.

Г-нъ Ирль доказываетъ, что Азія и Австралія составляли прежде одинъ материкъ. Не смотря на совершенно противуположный взглядъ, я не могу не воздать ему чести перваго указанія на раздѣленіе архипелага между Австраліею и Азіею, такъ какъ я самъ только развилъ его во всѣхъ подробностяхъ.

Чтобы понять всю важность факта различія въ естественныхъ произведеніяхъ архипелага и его соотношеніе къ первоначальному распредѣленію воды и земли, необходимо взглянуть на результаты, добытые геологами и натуралистами въ другихъ частяхъ свѣта.

Теперь уже общепризнано, что настоящее распредѣленіе животной

жизни есть результатъ долгаго ряда переворотовъ, которымъ подвергалась земля. Геологія учитъ насъ, что поверхность земнаго шара и распредѣленія на немъ воды и земли измѣнялось постепенно. Она также учитъ насъ, что форма животныхъ, обитавшихъ на ея поверхности, постепенно измѣнялась въ періодъ времени столь продолжительный, что мы не можемъ составить себѣ о немъ никакого понятія.

Теперь необходимо сказать какого рода были эти измѣненія, такъ какъ мнѣнія объ этомъ весьма различны. Достовѣрно только то, что эти измѣненія начались отъ первыхъ геологическихъ временъ и продолжаются по настоящее время. Послѣдовательное расположеніе пластовъ земли однаго на другомъ доказываютъ, что поверхность земли мѣнялась, а остатки различнаго рода животныхъ, найденныхъ въ этихъ пластахъ, доказываютъ, что подобное же измѣненіе происходило и въ органическомъ мірѣ.

Принявъ такимъ образомъ за достовѣрное такой двойной рядъ измѣненій, мы можемъ объяснить ими большую часть особенностей и аномалій въ распредѣленіи породъ. На нашихъ собственныхъ островахъ, мы видимъ, что большинство четвероногихъ, птицъ, насѣкомыхъ, гадовъ и растеній можно найти также и на прилежащемъ материкѣ. На небольшихъ островахъ Сардиніи и Корсики есть нѣсколько четвероногихъ, насѣкомыхъ и множество растеній свойственныхъ только имъ однимъ. На Цейлонѣ, соединенномъ съ Индіею тѣснѣе чѣмъ Британія съ Европою, есть множество растеній и животныхъ, свойственныхъ только одному этому острову и рѣзко отличающихся отъ растеній и животныхъ Индіи. На островахъ Галапагосъ почти каждое туземное растеніе растетъ только на нихъ, хотя въ ближнихъ частяхъ американскаго континента находятся другія породы близко къ нимъ подходящія.

Большинство натуралистовъ полагаетъ, что эти явленія могутъ быть объяснены только количествомъ времени протекшимъ съ тѣхъ поръ, какъ эти острова были выдвинуты изъ океана или отдѣлены отъ близь лежащей земли, на что обыкновенно указываетъ (хотя и не всегда) небольшая глубина смежнаго моря. Огромное количество морскихъ остатковъ, находимыхъ въ громадныхъ пластахъ, показываютъ, что это осѣданіе продолжалось втеченіе долгихъ эпохъ, хотя и съ перерывами. Глубина моря, происшедшаго вслѣдствіе этого осѣданія земли, увеличивается въ теченіе долгихъ временъ, и такой-же періодъ времени необходимъ и для измѣненія органическихъ формъ. Если мы допустимъ постоянный наплывъ животныхъ и растеній изъ окружающихъ мѣстностей тѣми способами, которые были выяснены Шарлемъ Ляйэлемъ и Дарвиномъ, то

увидимъ, какъ замѣчательно соотвѣтствуютъ эти два факта другъ другу. Британія отдѣлена отъ континента только очень неглубокимъ моремъ, и наши растенія и животныя очень мало отличаются отъ континентальныхъ породъ. Корсика и Сардинія, отдѣленныя отъ Италіи гораздо болѣе глубокимъ моремъ, представляютъ уже больше различія въ своихъ органическихъ формахъ. Куба, отдѣленія отъ Юкатана широкимъ и глубокимъ проливомъ, большею частью покрыта уже свойственными ей одной продуктами. Мадагаскаръ, отдѣленный отъ Африки глубокимъ каналомъ въ триста миль ширины, обладаетъ множествомъ характерныхъ породъ, которыя доказываютъ, что его отдѣленіе отъ материка произошло въ очень отдаленной древности, и даже заставляетъ сомнѣваться, былъ ли онъ когда нибудь соединенъ съ материкомъ.

Возвращаясь къ Малайскому архипелагу, мы видимъ, что вся громадная часть моря отдѣляющая Борнео, Яву, Суматру другъ отъ друга, и отъ Малакки и Сіама, такъ мелка, что корабли вездѣ могутъ становиться на якорь: она рѣдко бываетъ глубже сорока сажень; также не глубоко море и дальше до Филипинскихъ острововъ и Бали къ востоку отъ Явы, гдѣ оно не превышаетъ глубины ста футовъ. Если же острова были отдѣлены одинъ отъ другого и отъ континента осѣданіемъ части земли, то мы должны признать, что это осѣданіе произошло сравнительно недавно, такъ какъ глубина, на которую земля осѣла, очень незначительна. Слѣдуетъ замѣтить, что громадная цѣпь дѣйствующихъ вулкановъ на островахъ Явѣ и Суматрѣ подтверждаетъ фактъ осѣданія земли; огромныя массы вещества, которое они выбрасываютъ, берутся изъ слоевъ окружающихъ мѣстностей. Этимъ же можно объяснить часто приводимый фактъ, что вулканы и вулканическія цѣпи расположены около моря. Вслѣдствіе такого пониженія земли, вокругъ нихъ образуется современемъ море, если его прежде не было.

Но самымъ разительнымъ подтвержденіемъ этого факта служитъ зоологія этихъ странъ; она неопровержимо доказываетъ, что эти большіе острова составляли нѣкогда материкъ и отдѣлены отъ него въ сравнительно близкую геологическую эпоху. Слонъ и тапиръ Суматры и Борнео, носорогъ Суматры и всѣ породы Явы, дикая кошка Борнео и другія породы, о которыхъ долгое время предполагали, что онѣ свойственны только одной Явѣ, находятся, какъ извѣстно уже въ настоящее время, во многихъ частяхъ южной Азіи. Невозможно допустить, чтобы эти большія животныя переправились черезъ море, раздѣляющее эти страны; присутствіе же ихъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ показываетъ, что во время происхожденія этихъ породъ, острова не были отдѣлены еще отъ ма-

27066.

Библіотека Географическаго Общества Союза ССР

терика. Большая часть находимыхъ здѣсь млекопитающихъ также туземцы южной Азіи. Но во время громадныхъ физическихъ переворотовъ, происходившихъ отъ разрыва и осѣданія этихъ обширныхъ мѣстностей, нѣкоторыя изъ породъ на иныхъ островахъ совершенно исчезли, а на другихъ переродились въ новые виды. Птицы и насѣкомыя одинаковымъ образомъ подтверждаютъ этотъ взглядъ, такъ какъ каждое семейство и даже каждый родъ, находимый на островахъ, имѣетъ своихъ представителей и въ Азіи, даже побольшей частью и самые виды тожественны. Птицы лучше всего объясняютъ намъ законъ распредѣленія животныхъ; на первый взглядъ кажется, что они могутъ перейти черезъ море, удерживающее млекопитающихъ, но въ дѣйствительности это не такъ. За исключеніемъ водныхъ всѣ остальныя породы и въ особенности перелетныя, составляющія громадное большинство, обыкновенно также задерживаются моремъ, какъ и четвероногія.

Въ подтвержденіе этого я могу привести замѣчательный фактъ, наблюденный мною на этихъ островахъ. Ни одна изъ многочисленныхъ птицъ Явы никогда не перелетала на Суматру, хотя эти острова отдѣлены другъ отъ друга всего 50 милями, да еще связаны на этомъ разстояніи цѣлою цѣпью промежуточныхъ острововъ. На Явѣ больше птицъ и насѣкомыхъ, свойственныхъ ей одной, нѣмъ на Суматрѣ и Борнео, и это показываетъ, что этотъ островъ былъ раньше остальныхъ отдѣленъ отъ континента. За нимъ по своей индивидуальности идетъ Борнео, и затѣмъ уже Суматра, которая, по своимъ органическимъ формамъ, близко подходитъ къ полуострову Малаккѣ, такъ что мы смѣло можемъ заключить, что онъ дольше другихъ оставался соединеннымъ съ Азіею.

Такимъ образомъ мы пришли къ тому выводу, что сходство органическихъ формъ на островахъ Борнео, Явѣ, Суматрѣ съ произведеніями на прилежащихъ частяхъ Азіи, сходство, сохранившееся несмотря на огромное пространство, раздѣляющее теперь эти страны, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что они составляли нѣкогда одинъ материкъ. Это близкое сходство, небольшая глубина и однообразіе смежнаго съ ними моря и наконецъ большая цѣпь вулкановъ на Суматрѣ и Явѣ, которые отнимаютъ громадныя массы земли для образованія новыхъ горъ и плато и составляютъ такимъ образомъ истинную причину осѣданія земли—все это вмѣстѣ неопровержимо доказываетъ, что въ сравнительно недавній геологическій періодъ материкъ Азіи простирался на юго-востокъ дальше своихъ настоящихъ границъ, за острова Яву, Суматру, Борнео и на все протяженіе стофутовой глубины моря.

Филиппинскіе острова схожи во многихъ отношеніяхъ съ Азіею и

другими островами, но многія аномаліи, встрѣчающіяся на нихъ, указываютъ на ихъ раннее отдѣленіе отъ материка и происходившіе на нихъ многіе геологическіе перевороты.

Обратившись теперь къ остальной части архипелага, мы увидимъ, что всѣ острова къ востоку отъ Целебеса и Лембока также близко подходятъ къ Австраліи и Новой Гвинеѣ, какъ западные острова къ Азіи. Извѣстно, что разница между естественными произведеніями Австраліи и Азіи гораздо рѣзче, чѣмъ между другими частями. Австралія стоитъ совсѣмъ особнякомъ: въ ней нѣтъ обезьянъ, кошекъ, тигровъ, волковъ, медвѣдей, гіенъ, антилопъ, козловъ, быковъ, слоновъ, лошадей, векшъ, и кроликовъ, наконецъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ породъ четвероногихъ, которыя встрѣчаются въ другихъ странахъ свѣта. Вмѣсто того она изобилуетъ сумчатами кенгуру, двуутробками и утконосами Птицы въ ней также характерны: тамъ нѣтъ ни фазановъ, ни дятловъ, семейства которыхъ встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта; но вмѣсто того въ ней водятся brush-turkey, honeysuck, cocchata и лирохвостки, которыхъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Всѣ эти характерныя животныя встрѣчаются также и на островахъ,образующихъ Австро-малайскую часть архипелага.

Большая разница, существующая между двумя частями Архипелага, нигдѣ не проявляется такъ рѣзко какъ на островахъ Бали и Лембокъ, которые лежатъ очень недалеко другъ отъ друга. Въ Бали водятся barbets и дятлы; въ Лембокѣ ихъ уже нѣтъ; тамъ преобладаютъ какаду, медососы, гребенчатый индѣйскій пѣтухъ, которые совершенно непзвѣстны въ Бали и на другихъ смежныхъ островахъ. Проливъ здѣсь шириною въ пятнадцать миль, такъ что можно въ два часа перейти изъ одной части свѣта въ другую; эти двѣ части уже такъ рѣзко отличаются по своей животной жизни, какъ Европа и Америка. Если мы перейдемъ изъ Явы или Борнео на Целебесъ и Моллукскіе острова различіе между этими островами поразитъ насъ еще сильнѣе. На первыхъ лѣса изобилуютъ обезьянами различныхъ породъ, дикими кошками, оленями, мускусными кошками, выдрами, различными породами бѣлокъ. На послѣднихъ этихъ животныхъ совсѣмъ нѣтъ; изъ всѣхъ земноводныхъ млекопитающихся здѣсь водятся только luscus, дикіе кабаны, которые встрѣчаются на всѣхъ островахъ, да еще олени (появившіеся здѣсь впрочемъ недавно). Изъ птицъ на западныхъ островахъ больше всего дятловъ, дроздовъ, питающихся листьями, и дроздовъ, питающихся плодами trogons и barbets. Всѣ онѣ постоянно пребываютъ въ этихъ мѣстностяхъ и придаютъ имъ особенный, орнитологическій характеръ. Въ восточныхъ островахъ онѣ совершенно непзвѣстны, тамъ встрѣчаются только *poney*, cickerc

*

и небольшія лирохвостки, такъ что натуралистъ тотчасъ же чувствуетъ себя въ совершенно новомъ мірѣ и можетъ дѣйствительно сказать, что онъ въ нѣсколько дней, не теряя изъ виду земли, прошолъ различныя части свѣта.

Изъ этихъ фактовъ мы можемъ вывести заключеніе, что всѣ восточные острова за Явою и Борнео составляли нѣкогда часть Австраліи, хотя нѣкоторые изъ нихъ не были соединены съ ними. Этотъ материкъ отдѣлился отъ восточныхъ острововъ не только ранѣе чѣмъ западные острова отдѣлились отъ Азіи, но и раньше чѣмъ юго-восточная часть Азіи была выдвинута изъ океана. Большая часть земли Борнео и Явы состоитъ изъ новѣйшихъ геологическихъ формацій, тогда какъ разница между видами и даже иногда родами въ произведеніяхъ восточныхъ Малайскихъ острововъ и Австраліи и большая глубина раздѣляющаго ихъ моря показываютъ, что они раздѣлены въ болѣе отдаленную эпоху. Замѣчательно, какъ точно прилагается выведенный нами законъ и въ частности къ самымъ островамъ. Чѣмъ меньше глубина моря, отдѣляющая два острова, тѣмъ болѣе между ними сходства. Острова Ару, Вайгу и Иоби по своимъ породамъ птицъ и млекопитающихъ болѣе походятъ на Новую Гвинею, чѣмъ на Моллукскіе, и отдѣляются отъ новой Гвинеи только не глубокимъ моремъ. На всемъ пространствѣ сто футовой глубины вокругъ Новой Гвинеи порхаютъ стаи настоящихъ райскихъ птичекъ.

Необходимо замѣтить, что различіе Архипелага по естественнымъ произведеніямъ вовсе не соотвѣтствуетъ дѣленію на основаніи физическихъ и климатическихъ условій, фактъ очень интересный для теоріи зависимости животныхъ формъ отъ внѣшнихъ явленій. Большая вулканическая цѣпь, проходящая черезъ обѣ части, не способствуетъ ни мало смягченію рѣзкихъ контрастовъ въ ихъ происхожденіяхъ. Борнео очень походитъ на Новую Гвинею не только отсутствіемъ вулкановъ и громадностью пространствъ, но и климатомъ, разнообразіемъ человѣческой структуры и общимъ видомъ лѣсной растительности, покрывающей острова. Моллукскіе острова по своей вулканической природѣ, чрезвычайному плодородію, изобилію лѣсовъ и частнымъ землетрясеніямъ составляютъ какъ бы вторые Филиппинскіе острова. Климатъ Бали и восточный край Явы также сухи и почва также безплодна, какъ въ Тиморѣ. А между тѣмъ между этими островами, образованными какъ бы по одной модели, омываемыми однимъ и тѣмъ же океаномъ и обладающими одинаковымъ климатомъ, существуетъ громадная разница въ животныхъ формахъ. Нигдѣ прежняя теорія о зависимости естественныхъ произведеній страны отъ физическихъ условій не встрѣчаетъ такого рѣзкаго и очевиднаго

противорѣчія, какъ здѣсь. Борнео и Новая Гвинея, совершенно тождественные по физическимъ условіямъ, отличаются въ зоологическомъ отношеніи не менѣе странъ, находящихся въ двухъ различныхъ поясахъ. Австралія, съ своими сухими вѣтрами, открытыми долинами, каменистыми пустынями и умѣреннымъ климатомъ, населена птицами и четвероногими, которые водятся также во влажномъ и тепломъ климатѣ Гвинеи, покрытой роскошною растительностью.

Чтобы лучше объяснить какимъ образомъ произошелъ такой громадный контрастъ, посмотримъ, что было бы, если бы эти двѣ части свѣта были тѣсно соединены. Нѣтъ двухъ частей свѣта болѣе различныхъ по своимъ естественнымъ произведеніямъ, какъ Азія и Австралія; но разница, существующая между Африкою и Южною Америкою также велика, и эти двѣ страны уяснятъ намъ разсматриваемый нами вопросъ. На одномъ материкѣ обитаютъ павлины, львы, слоны, буйволы и жирафы; а на другомъ игрунки, пума, муравьѣды, тапиры и тихоходы; что-же касается птицъ, то африканскіе hornbills, turacos, иволги и медососы рѣзко отличаются отъ тукановъ, попугаевъ, и другихъ американскихъ птицъ.

Теперь постараемся представить себѣ (весьма вѣроятно, что это такъ и случится въ будущемъ) что произойдетъ медленное поднятіе дна Атлантическаго океана, между тѣмъ какъ въ то же самое время землетрясенія и вулканическіе дѣйствія на землѣ вызовутъ усиленное отложеніе наносимыхъ рѣками наслоеній, такъ что оба материка постепенно расширятся отъ прибавленія вновь образовавшихся земель и такимъ образомъ превратятъ раздѣляющій ихъ нынѣ Атлантическій океанъ въ море шириною въ нѣсколько сотень миль. Въ то же самое время предположимъ, что въ томъ срединномъ каналѣ выдвинутся острова, и такъ какъ подземныя силы будутъ различны по интенсивности и будутъ мѣнять точки ихъ наиболѣе сильнаго дѣйствія, то острова эти будуть то соединены съ землею по ту или по другую сторону пролива, то отдѣлены отъ нея. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ будутъ то сливаться между собою, то вдругъ снова разъединяться, пока наконецъ, по прошествіи многихъ лѣтъ такого перемежающагося дѣйствія, мы получимъ неправильный архипелагъ, наполняющій каналъ Атлантическаго океана по внѣшнему виду и по расположенію котораго мы никогда не будемъ въ состояніи узнать, что было прежде соединено съ Африкою и что съ Америкою. Впрочемъ животныя и растенія населяющія эти острова выяснятъ конечно отъчасти ихъ прежнюю исторію. На тѣхъ островахъ, которые нѣкогда составляли часть материка Южной Америки мы навѣрное найдемъ тукановъ и колибри а также нѣкоторыхъ свойственныхъ

Америкѣ четвероногихъ, между тѣмъ какъ на отдѣлившихся отъ Африки несомнѣно окажутся клювороги и медососки. Нѣкоторая часть выдвинутой земли въ разныя времена могла имѣть временную связь съ обоими материками, и потому живыя обитители ея будутъ представлять нѣкоторую смѣсь. Такъ было по видимому съ островами Целебесомъ и Филиппинскими. Другіе же острова напротивъ, хотя находятся въ столь близкомъ сосѣдствѣ, какъ напр. Бали и Ломбокъ, однакоже представляютъ почти чистые типы продуктовъ тѣхъ материковъ, къ которымъ они принадлежали нѣкогда, посредственно или непосредственно.

Малайскій Архипелагъ представляетъ, по моему мнѣнію, нѣчто совершенно подобное тому, что я предположилъ здѣсь. Мы имѣемъ указанія на обширный материкъ со свойственною ему фауною и флорою, который раздѣлился постепенно и неправильно, и крайнюю западную часть котораго состовлялъ по всей вѣроятности островъ Целебесъ; за послѣднимъ уже простирался обширный океанъ. Въ то время Азія, какъ кажется, простирала свои границы въ юго-восточномъ направленіи, сначала въ видѣ непрерывной массы, а затѣмъ въ видѣ раздѣльныхъ острововъ, какъ мы это видимъ теперь, приходя почти въ дѣйствительное столкновеніе съ разбросанными остатками большой южной земли.

Изъ этого очерка видно, какого необходимаго помощника имѣетъ геологія въ естественной исторіи, которая не только истолковываетъ намъ находимыя въ земной корѣ остатки вымершихъ животныхъ, но и опредѣляетъ такія измѣненія поверхности, которыя не оставили слѣдовъ въ лѣтописяхъ геологіи. Безъ сомнѣнія страннымъ и неожиданнымъ покажется тотъ фактъ, что точное знаніе распредѣленія птицъ и насѣкомыхъ можетъ дать намъ возможность чертить на картахъ такія страны и материки, которыя изчезли подъ водами океана за долго до самыхъ раннихъ преданій человѣческаго рода. Гдѣ геологъ можетъ изслѣдовать земную поверхность, тамъ онъ увидитъ многое изъ ея прошлой исторіи и можетъ опредѣлить приблизительно ея позднѣйшія измѣненія, какъ надъ уровнемъ моря, такъ и ниже его; тамъ-же гдѣ нынѣ волнуются океаны и моря, онъ безсиленъ, и можетъ дѣлать развѣ только теоретическія умозаключенія въ весьма тѣсныхъ границахъ, обусловливаемыхъ глубиною водъ. Но тутъ выступаетъ на сцену натуралистъ и даетъ ему возможность пополнить этотъ большой пробѣлъ въ прошлой исторіи земли.

Одною изъ главныхъ задачъ моихъ трудовъ было найти доказательства именно этаго рода, и поиски мои вознаградились большимъ успѣхомъ, такъ что я былъ въ состояніи чертить съ нѣкоторымъ вѣро-

лтіемъ тѣ измѣненія, которымъ подверглась нѣкогда одна изъ самыхъ интересныхъ странъ земнаго шара. Можетъ быть покажется, что представленные здѣсь факты и обобщенія должны были бы скорѣе стоять въ концѣ, а не въ началѣ описанія того путешествія, изъ котораго онѣ почерпнуты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ быть и такъ, но я нашелъ невозможнымъ изложить, какъ мнѣ хотѣлось, естественную исторію многочисленныхъ острововъ и группъ Архипелага, не обращаясь постоянно къ этимъ обобщеніямъ, столь значительно увеличивающимъ ихъ интересъ. Давши этотъ общій обзоръ предмета, я буду въ состояніи показать, какъ одни и тѣ же принципы могутъ быть приложены къ отдѣльнымъ островамъ группы и ко всему Архипелагу, а описанія новыхъ и любопытныхъ животныхъ, ихъ населяющихъ, сдѣлать интереснѣе и поучительнѣе чѣмъ были бы они, если бы сообщались какъ голые отдѣльные факты.

Прежде чѣмъ придти къ убѣжденію, что восточная и западная половины Архипелага принадлежатъ къ различнымъ первоначальнымъ областямъ земли, я былъ вынужденъ сгруппировать обитателей Архипелага въ двѣ радикально другъ другу противоположныя расы. Въ этомъ я расходился съ большинствомъ этнологовъ, писавшихъ раньше о томъ же предметѣ, ибо прежде было почти всеобщимъ обычаемъ слѣдовать въ этомъ случаѣ Вильяму Гумбольту и Причарду и распредѣлять расы Океаніи, какъ видоизмѣненія одного и того же типа. Наблюденія скоро показали мнѣ однако-же, что малайцы и папуанцы радикально различны по всѣмъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ признакамъ, а дальнѣйшія, болѣе подробныя изслѣдованія, продолжавшіяся втеченіи восьми лѣтъ, убѣдили меня въ томъ, что подъ эти двѣ формы или эти два типа могутъ быть подведены всѣ народы Малайскаго Архипелага и Полинезіи. Проводя линію, раздѣляющую эти расы, оказывается, что она подходитъ близко къ линіи, раздѣляющей области зоологическія, но нѣсколько восточнѣе послѣдней; обстоятельство это кажется мнѣ весьма знаменательнымъ, ибо показываетъ, что на распредѣленіе человѣческаго рода вліяли тѣ же самыя причины, которыя опредѣлили границы другихъ животныхъ формъ.

Причина, по которой границы эти не сходятся въ одну линію, достаточно очевидна. Человѣкъ обладаетъ средствами переплывать моря, которыми животныя не обладаютъ, и высшая раса имѣетъ возможность или вытѣснить, или ассимилировать себѣ низшую. Благодаря своимъ морскимъ предпріятіямъ и высшей цивилизаціи, малайскія расы завладѣли частью прилежащей области, совершенно выжили оттуда туземныхъ обитателей,

если таковые были, и распространили свой языкъ, своихъ домашнихъ животныхъ и свои обычаи далеко по Тихому Океану до тѣхъ острововъ, гдѣ они или слишкомъ слабо или уже вовсе не измѣнили физическаго и нравственнаго характера народовъ.

Я полагаю поэтому, что всѣ народы различныхъ острововъ могутъ быть распредѣлены между малайцами и папуанцами, которые не имѣютъ опредѣленныхъ сходныхъ другъ съ другомъ признаковъ. За тѣмъ я нахожу, что всѣ расы на востокъ отъ проведенной мною линіи, болѣе сходны между собою, чѣмъ съ какою либо изъ расъ по другую сторону этой линіи, и что въ дѣйствительности азіятскія расы, включая малайцевъ, всѣ континентальнаго происхожденія, между тѣмъ какъ расы Тихаго Океана со включеніемъ всѣхъ живущихъ на востокъ отъ первыхъ (кромѣ можетъ быть нѣкоторыхъ изъ сѣверной части этого Океана) разсѣлились не съ какого либо изъ нынѣ существующихъ материковъ, но съ земель Тихаго Океана, существующихъ и теперь, или существовавшихъ прежде. Эти предварительныя замѣчанія дадутъ читателю возможность понять, какое значеніе придаю я частностямъ физической формы и нравственнаго характера при описаніи обитателей многихъ острововъ.

Малайская джонка.

ГЛАВА II.

СИНГАПУРЪ

Описаніе города и острова.—Китайцы.—Ихъ дѣятельность.—Миссіонеры.—Тигры.

Немногія мѣстности представляютъ болѣе интереса для европейскаго путешественника, чѣмъ городъ и островъ Сингапуръ, соединяющій въ себѣ образцы разнообразныхъ восточныхъ расъ, а также различныхъ религій и образовъ жизни. Правительство, гарнизонъ и высшее купечество составляютъ англичане, масса же населенія китайцы, включая сюда и нѣкоторыхъ наиболѣе зажиточныхъ купцовъ, агрономовъ внутренней страны и большинство ремесленниковъ и землепашцевъ. Туземные малайцы по большей части рыбаки и лодочники; они же составляютъ главнымъ образомъ полицію. Значительное число чиновниковъ и мелкихъ торговцевъ—португальцы изъ Малакки. Туземцы Западной Индіи вмѣстѣ съ арабами представляютъ весьма многочисленное магометанское населеніе; это—мелкіе купцы и лавочники. Слуги и прачки (мужчины) всѣ бенгальцы; есть также весьма малочисленный, но весьма уважаемый классъ парсійскихъ купцовъ. Кромѣ того, здѣсь много яванскихъ матросовъ и домашнихъ слугъ, точно также какъ и торговцевъ съ Целебеса, Бали и многихъ другихъ острововъ архипелага. Гавани запружены военными и торговыми судами многихъ европейскихъ націй и сотнями малайцевъ и китайцевъ, начиная съ кораблей въ нѣсколько сотень тонъ и кончая маленькими рыбачьими лодками и перевозными сампанами; въ самомъ же городѣ есть общественныя зданія и церкви, магометанскія мечети, индусскіе храмы, китайскія молельни, хорошіе европейскіе дома, громадные амбары, странныя старинные индѣйскіе и китайскіе базары и обширныя предмѣстья съ китайскими и малайскими хижинами.

Изъ всѣхъ различныхъ народовъ въ Сингапурѣ, наиболѣе замѣтны и наиболѣе привлекаютъ вниманіе иностранца—китайцы; многочисленность и непрестанная дѣятельность которыхъ даетъ Сингапуру видъ китайскаго города. Китайскій купецъ обыкновенно человѣкъ полный, круглолицый, съ значительнымъ и озабоченнымъ взглядомъ. Онъ носитъ такое же платье (т. е. широкую бѣлую рубаху и синія или черныя штаны) какъ и самые послѣдніе кули, но изъ болѣе тонкой матеріи, и притомъ всегда чистъ и опрятенъ, а его длинная коса, украшенная на концѣ краснымъ шелкомъ, спускается до пятъ. Въ городѣ у него всегда есть красивая кладовая или лавка, а за городомъ хорошій домъ. Онъ держитъ здѣсь отличную лошадь и одноколку, и каждый вечеръ можно видѣть, какъ онъ катается съ непокрытою головою, наслаждаясь свѣжимъ вѣтеркомъ. Онъ богатъ, имѣетъ нѣсколько мелочныхъ лавокъ и нѣсколько торговыхъ шкунъ, даетъ деньги подъ большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе, усердно торгуетъ и съ каждымъ годомъ становится все толще и богаче.

На китайскомъ базарѣ есть сотни маленькихъ лавокъ, гдѣ можно найти цѣлую коллекцію мелкихъ желѣзныхъ вещей и другихъ товаровъ, и гдѣ нѣкоторыя вещи продаются замѣчательно дешево. Буравчики можно покупать по пенни за штуку, четыре клубка бѣлой бумаги за полъпенни, перочинные ножи, штопоры, порохъ, пищую бумагу и многія другія вещи такъ же дешево или даже дешевле, чѣмъ въ Англіи. Лавочникъ чрезвычайно добродушенъ, онъ старается показать вамъ все, что у него есть, и не сердится, если вы не купите ничего. Онъ уступаетъ немного, но далеко не такъ, какъ индѣйцы, запрашивающіе всегда вдвое противъ того, что желаютъ получить. Если вы купите у него хоть немного, то послѣ этого онъ будетъ разговаривать съ вами уже каждый разъ, какъ вы проходите мимо его лавки, будетъ просить васъ войти и посидѣть или выпить чашку чаю; вы удивляетесь, какимъ образомъ можетъ онъ имѣть барышъ, когда тутъ же многіе другіе продаютъ тѣ же самыя бездѣлушки. Портные сидятъ за столами, а не на столахъ и какъ они, такъ и сапожники, работаютъ хорошо и берутъ не дорого. Цирюльникамъ здѣсь дѣла не мало, ибо имъ приходится брить головы и чистить уши; для этой послѣдней операціи у нихъ имѣется множество маленькихъ щипчиковъ, уховертокъ и щеточекъ. Въ предмѣстьяхъ города живетъ множество плотниковъ и кузнецовъ; первые занимаются по преимуществу дѣланіемъ гробовъ и крайне размалеванныхъ и разукрашенныхъ сундуковъ для платья; послѣдніе главнымъ образомъ дѣлаютъ ружья, выдалбливая отъ руки ружейный стволъ изъ твердыхъ желѣз-

ныхъ брусьевъ. За этимъ скучнымъ занятіемъ ихъ можно видѣть ежедневно, и кремневыя ружья они умѣютъ выдѣлывать весьма изящно. По всѣмъ улицамъ множество продавцевъ воды, зелени, фруктовъ, супу и агаръ-агару (желе изъ водорослей); крики ихъ также непонятны, какъ и лондонскихъ торговцевъ. Иные возятъ съ собою переносную печь, прикрѣпленную къ бревну, на другомъ концѣ котораго для баланса устроенъ столъ—у нихъ можно получить обѣдъ изъ молюсковъ, рису и зелени за два или за три полупенса; въ то же самое время всюду можно встрѣтить кули и лодочниковъ, ожидающихъ, чтобы ихъ наняли.

Внутри острова китайцы рубятъ лѣсныя деревья и распиливаютъ ихъ на доски, разводятъ растенія, и привозятъ ихъ на рынокъ, а также воздѣлываютъ перецъ и имбирь, составляющіе значительный предметъ вывоза. Среди этихъ китайцевъ, внутри страны, французскіе іезуиты учредили миссіи, которыя повидимому имѣютъ большой успѣхъ. Однажды я нѣсколько недѣль прожилъ съ миссіонерами въ Бэкитъ-Таймѣ, лежащемъ около центра острова; тамъ выстроена хорошенькая церковь и имѣется до 300 обращенныхъ. Во время моего тамъ пребыванія я встрѣтилъ одного миссіонера, только что пріѣхавшаго изъ Тонкина, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Іезуиты до сихъ поръ дѣлаютъ свое дѣло совершенно такъ же, какъ и прежде. Въ Кохинъ-Хинѣ, Тонкинѣ и Китаѣ, не смотря на то, что всѣ проповѣдники христіанства принуждены жить тайкомъ и подвергаются преслѣдованію, изгнанію, даже смерти, въ каждой провинціи, даже самыхъ отдаленныхъ внутреннихъ провинціяхъ, есть постоянныя миссіонерныя учрежденія іезуитовъ, которыя поддерживаются безпрестанно смѣняющимися кандидатами, обучившимися въ Пенангѣ или Сингапурѣ языкамъ тѣхъ странъ, куда они отправляются. Въ Китаѣ число обращенныхъ доходитъ, какъ говорятъ, до милліона; въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ ихъ болѣе полумилліона. Одна изъ причинъ успѣха этихъ миссій заключается въ крайне экономической тратѣ капиталовъ: миссіонеръ получаетъ не болѣе 30 фунтовъ въ годъ, на которые онъ и живетъ, въ какой бы странѣ онъ ни былъ. Это даетъ возможность содержать большое число миссіонеровъ при весьма ограниченныхъ средствахъ; туземцы-же, видя, что ихъ наставники живутъ въ бѣдности, не пользуясь никакою роскошью въ жизни, убѣждаются въ искренности ихъ ученія, и въ томъ, что они дѣйствительно отрѣшились отъ дома, друзей, покоя и безопастности ради блага другихъ. Неудивительно, что число обращенныхъ увеличивается, ибо тѣ бѣдные люди среди которыхъ они трудятся, должны считать величайшимъ счастіемъ имѣть у себя человѣка, къ которому они могутъ обратиться въ горѣ или несчастіи, ко-

торый утѣшитъ ихъ и поможетъ своимъ совѣтомъ, посѣтитъ ихъ въ болѣзни, облегчитъ ихъ нужды, и при всемъ томъ живетъ изо дня въ день подъ страхомъ гоненія и смерти единственно ради ихъ благополучія.

Мой другъ въ Бэкитъ-Таймѣ былъ истиннымъ отцомъ своей паствы. По воскресеньямъ онъ говорилъ имъ проповѣди на китайскомъ языкѣ, а втеченіи недѣли у него были назначены вечера для преній и разговоровъ о религіи. У него была школа для обученія дѣтей, и домъ его былъ открытъ для всѣхъ днемъ и ночью. Если бы къ нему пришелъ человѣкъ и сказалъ: «уменя нѣтъ рису, чтобы накормить сегодня семью», то онъ отдалъ бы половину запаса, имѣвшагося у него въ домѣ, какъ бы малъ онъ ни былъ. Если бы другой сказалъ ему: «уменя нѣтъ денегъ, чтобы заплатить долгъ», то онъ отдалъ бы ему половину всего того, что нашлось бы въ его кошелькѣ, будь это даже послѣдній долларъ. За то, когда онъ самъ нуждался, онъ могъ послать къ любому изъ зажиточныхъ людей своей паствы, и сказать, «у меня нѣтъ рису въ домѣ», или «я отдалъ свои деньги и имѣю нужду въ томъ-то и въ томъ-то». Результатъ всего этого былъ таковъ, что паства вѣрила ему и любила его, чувствуя вполнѣ, что онъ ея истинный другъ и, живя среди ихъ, не имѣетъ тайныхъ цѣлей.

Островъ Сингапуръ состоитъ изъ множества небольшихъ холмовъ, величиною въ триста или четыреста футовъ, вершины которыхъ частью покрыты дѣвственными лѣсами еще и нынѣ. Домъ миссіи въ Бэкитъ-Таймѣ былъ окруженъ нѣсколькими такими холмами, которые часто посѣщались дровосѣками и лѣсопильщиками, а для меня открывали широкое поле для собиранія насѣкомыхъ. Тамъ и сямъ встрѣчались тигровыя ямы, старательно заваленныя прутьями и листьями, и скрытыя такъ искусно, что нѣсколько разъ я чуть было не попадалъ въ нихъ. Онѣ устроены какъ горны т. е. внизу шире, чѣмъ вверху, и глубиною бываютъ вѣроятно до пятнадцати или двадцати футовъ, такъ что человѣку, упавшему туда, безъ помощи другаго вылѣзти вонъ было бы невозможно. Прежде на днѣ вбивали острый колъ, но послѣ того, какъ одинъ несчастный путешественникъ убился объ него, упавши въ яму, обычай этотъ былъ запрещенъ. По Сингапуру всегда бродитъ нѣсколько тигровъ, умерщвляющихъ среднимъ числомъ по одному китайцу въ день, по большей части изъ работающихъ на имбирныхъ плантаціяхъ, ибо послѣднія разводятся всегда на вновь очищенныхъ отъ кустарниковъ мѣстахъ. Ревъ тигра мы слышали одинъ или два раза въ вечеръ, и охота за насѣкомыми среди сваленныхъ стволовъ и старыхъ пильныхъ ямъ

была дѣломъ весьма опаснымъ, такъ какъ хищное животное могло скрываться гдѣ нибудь по близости, выжидая случая для нападенія.

Въ каждый ясный день мы проводили по нѣсколько часовъ въ этихъ лѣсистыхъ мѣстечкахъ, гдѣ такъ прохладно и такъ много тѣни, въ противоположность съ голыми открытыми мѣстами, лежащими на пути къ нимъ. Растительность по большей части была роскошная и состояла изъ огромныхъ лѣсныхъ деревьевъ, различныхъ папоротниковъ, caladium'овъ а другихъ мелкихъ растеній, а также множество вьющихся ратановыхъ пальмъ. Насѣкомыя были чрезвычайно многочисленны, интересны, и представляли каждый день сотни новыхъ и любопытныхъ формъ. Въ два мѣсяца приблизительно я пріобрѣлъ не мѣнѣе 700 видовъ жуковъ, изъ которыхъ большая часть были совершенно новы, и между ними до 130 отдѣльныхъ родовъ красивыхъ долгороговъ (Cerambycidae), такъ уважаемыхъ собирателями насѣкомыхъ. Все это было собрано на небольшомъ, поросшемъ лѣсомъ пространствѣ, занимавшемъ не болѣе квадратной мили; если во всѣхъ моихъ послѣдующихъ путешествіяхъ на востокъ мнѣ и удавалось встрѣчать такія богатыя мѣста, то весьма рѣдко. Причина такой крайней производительности безъ сомнѣнія заключалась отчасти въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ почвы, климата и растительности, а также въ погодѣ, чрезвычайно ясной и солнечной, причемъ дождя падало достаточное количество, чтобы сохранить во всемъ свѣжесть. Кромѣ того, мнѣ кажется, тутъ много способствовали китайскіе дровосѣки своею работою. Они трудились здѣсь нѣсколько лѣтъ, и втеченіи всего этого времени доставляли постоянные запасы сухихъ, завядшихъ опавшихъ листьевъ и коры, а также множество щепокъ и опилокъ, для пропитанія насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Это привело къ скопленію множества разнообразныхъ видовъ на ограниченномъ пространствѣ, и я былъ первый натуралистъ, пришедшій собирать подготовленную ими жатву. На этомъ же мѣстѣ, а также во время прогулокъ по другимъ направленіямъ я собралъ прекрасную коллекцію бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, такъ что вообще я остался доволенъ моею первою попыткою познакомиться съ естественною исторіею Малайскаго Архипелага.

ГЛАВА III.

МАЛАККА И ГОРА ОФИРЪ.

Такъ какъ птицъ и другихъ животныхъ было мало въ Сингапурѣ, то въ іюлѣ я оставилъ его и отправился въ Малакку, гдѣ прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ внутри страны и предпринималъ экскурсію на гору Офиръ. Древній и живописный городъ Малакка тѣснится вдоль береговъ небольшой рѣки и состоитъ изъ узкихъ улицъ съ лавками и домами, занятыми потомками португальцевъ и китайцами. Въ предмѣстьяхъ находятся дома служащихъ англичанъ и немногихъ португальскихъ купцовъ, скрытые среди пальмъ и плодовыхъ деревьевъ, разнообразная и красивая листва которыхъ доставляетъ пріятный отдыхъ для глазъ и самую отрадную тѣнь.

Старая крѣпость, огромный домъ губернатора и развалины собора свидѣтельствуютъ о прежнемъ благосостояніи и значеніи этой мѣстности, бывшей нѣкогда такимъ же центромъ восточной торговли, какъ въ настоящее время Сингапуръ. Слѣдующее описаніе ея, сдѣланное Линнотомъ, писавшимъ двѣсти семнадцать лѣтъ тому назадъ, поразительно обнаруживаетъ тѣ перемѣны, которымъ она подверглась:

«Малакка населена португальцами и природными жителями страны, называемыми малайцами. Португальцы имѣютъ здѣсь крѣпость, какъ и на Мозамбикѣ, и нѣтъ ни одной крѣпости во всей Индіи, кромѣ Мозамбика и Ормуза, гдѣ бы управители лучше исполняли свое дѣло, чѣмъ здѣсь. Мѣсто это служитъ рынкомъ для всей Индіи, Китая, Молукскихъ и многихъ другихъ лежащихъ по близости острововъ, откуда, точно такъ же какъ изъ Банды, Явы, Суматры, Сіама, Пегу, Бенгаліи, Коромандельскаго берега и всей Индіи, пріѣзжаютъ сюда и снова уѣзжаютъ корабли, нагруженные безконечнымъ множествомъ товаровъ. Здѣсь жило бы гораздо больше португальцевъ, если бы не былъ такъ неблагопрія-

тенъ и такъ вреденъ здѣшній воздухъ, дѣйствующій разрушительно не только на иностранцевъ, но и на туземцевъ; живущіе въ странѣ платятъ дань своимъ здоровьемъ, страдая особенною болѣзнью, отъ которой или слѣзаетъ кожа, или вылѣзаютъ волосы; кто избѣжитъ этого, тотъ считаетъ это чудомъ. Вотъ что заставляетъ многихъ покидать эту страну, между тѣмъ какъ другіе, изъ жажды пріобрѣтенія, рѣшаются рисковать здоровьемъ и жить въ такой атмосферѣ. По происхожденію этотъ городъ, согласно съ разсказами туземцевъ, былъ ничтоженъ: по причинѣ вреднаго воздуха тутъ жило только шесть или семь рыбаковъ но число это возросло, благодаря столкновенію съ рыбаками Сіама, Пегу и Бенгаліи, которые пришли, основали здѣсь городъ, и установили особый языкъ, составленный изъ самыхъ элегантныхъ языковъ другихъ націй, такъ что въ дѣйствительности языкъ малайцевъ въ настоящее время самый утонченный, точный и самый знаменитый на всемъ Востокѣ. Городу этому дано было названіе Малакка, и вслѣдствіе удобства его положенія онъ скоро достигъ такого благосостоянія, что не сталъ уступать многимъ сильнымъ сосѣднимъ городамъ и областямъ. Туземцы, какъ мужчины, такъ и женщины, очень учтивы и на комплименты самый изобрѣтательный народъ въ мірѣ; они много упражняются въ сочиненіи и заучиваніи стиховъ и любовныхъ пѣсень. Языкъ ихъ такъ же распространенъ въ Индіи, какъ французскій у насъ.»

Въ настоящее время въ гавань Малакки едвали когда нибудь входитъ судно болѣе чѣмъ во сто тоннъ, и торговля ея вполнѣ ограничивается немногими ничтожными лѣсными продуктами и плодами, приносимыми, къ удовольствію жителей Сингапура, тѣми деревьями, которыя нѣкогда были посажены португальцами. Притомъ она не считается теперь столь вредною для здоровья, хотя и подвержена нѣсколько лихорадкамъ.

Населеніе Малакки состоитъ изъ нѣсколькихъ расъ, изъ коихъ многочисленнѣе всѣхъ вездѣсущіе китайцы, сохраняющіе всюду свои нравы, обычаи и языкъ; за ними по численности слѣдуютъ туземные малайцы, языкъ которыхъ тамъ все равно, что французскій. За тѣмъ слѣдуютъ потомки португальцевъ—смѣшанное, упавшее и выродившееся племя, но все таки не оставившее привычки говорить своимъ роднымъ языкомъ, хотя грамматика его сильно искажена; наконецъ идутъ англичане—управители и потомки голландцевъ, которые всѣ говорятъ по англійски. Португальскій языкъ, которымъ говорятъ въ Малаккѣ—это извѣстный филологическій феноменъ. Глаголы почти утратили свои флексіи, и одна и та же форма употребляется для всѣхъ наклоненій, временъ, чиселъ и

лицъ. *Eu vai*, значитъ «я иду», «я пошелъ» или «я пойду». Прилагательныя также лишены окончаній для женскаго рода и для множественнаго числа, и такимъ образомъ языкъ упрощенъ до невѣроятія; если же ко всему этому прибавить нѣсколько малайскихъ словъ, то онъ будетъ скорѣе путать того, кто слыхалъ только чистый лузитанскій языкъ.

По костюмамъ своимъ народы эти такъ же различны, какъ и по языку. Англичане не отстаютъ отъ узкаго сюртука, жилета, брюкъ и отвратительныхъ шляпы и галстука; португальцы любятъ легкую куртку, а часто даже одну рубашку и штаны; малайцы носятъ свою національную куртку съ саронгомъ (родъ юбки) и просторные штаны, между тѣмъ какъ китайцы также ни на шагъ не отступаютъ отъ своего національнаго костюма, который въ сущности какъ нельзя болѣе подходитъ къ тропическому климату, какъ по удобству, такъ и по виду. Свободно ниспадающіе штаны и хорошенькая бѣлая полурубашка—полукуртка—представляютъ именно такую одежду, какая должна быть въ этой широтѣ.

Я нанялъ двухъ португальцевъ сопровождать меня во внутрь страны; одного въ качествѣ повара, а другого для того, чтобы стрѣлять птицъ и сдирать съ нихъ кожу, что въ Малаккѣ составляетъ почти промыселъ. Въ первый разъ я остановился недѣли на двѣ въ деревнѣ, называемой Годингъ, гдѣ я помѣстился въ домѣ однихъ обращенныхъ въ христіанство китайцевъ, которымъ я былъ отрекомендованъ іезуитскими миссіонерами. Домъ ихъ былъ просто сарай, но его держали чисто, и я пристроился въ немъ довольно удобно. Хозяева мои были заняты работами на перечной и имбирной плантаціяхъ, а тутъ-же по сосѣдству были обширныя оловомойни, гдѣ работало до тысячи китайцевъ. Олово добывается въ формѣ черныхъ зернышекъ въ грядахъ кварцеваго песку и плавится въ слитки въ грубыхъ земляныхъ горнахъ. Почва казалась скудною, лѣса густо заросли низкими растеніями и вовсе не изобиловали насѣкомыми; но за то птицъ было множество, и я сразу напалъ на богатыя орнитологическія сокровища малайской области.

Въ первый же разъ какъ я разрядилъ свое ружье, я застрѣлилъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и красивыхъ малаккскихъ птицъ, синеклюваго ротозѣя (Cymbirhynchus macrorhynchus) называемаго малайцами «дождевою птицею». Величиною онъ приблизительно со скворца, а цвѣта чернаго вперемѣжку съ цвѣтомъ бордосскаго вина, съ бѣлыми полосами на плечахъ, и чрезвычайно длиннымъ и широкимъ клювомъ, который вверху самаго чистаго цвѣта синяго кобольта, а внизу оранжеваго, при чемъ зрачки глазъ зеленые, какъ изумрудъ. Когда шкура высохнетъ, то клювъ

становится черным, но тѣмъ не менѣе птица все таки остается красивою. Но у только что убитой птицы контрастъ живого синяго цвѣта съ богатыми цвѣтами перьевъ замѣчательно поразителенъ и прекрасенъ. Скоро я пріобрѣлъ и хорошенькихъ восточныхъ трогоновъ съ роскошной темной спиною, красиво расписанными крыльями и малиновою грудью, а также большихъ зеленыхъ Megalaema versicolor—птицъ плотоядныхъ, нѣчто вродѣ маленькихъ тукановъ съ короткими, прямыми, покрытыми щетиною клювами, причемъ голова и шея у нихъ испещрены самыми яркими синими и малиновыми пятнами. День или два спустя мой охотникъ принесъ мнѣ одного зеленаго ротозѣя (Calyptomena viridis) который похожъ на маленькаго каменнаго пѣтушка, но только весь совершенно яркаго зеленаго цвѣта съ легкими черными полосками на крыльяхъ. Красивые дятлы и веселые зимородки, зеленыя и темныя кукушки съ бархатисто-красными физіономіями и зелеными носами, красно-грудые голуби и медососки приносились мнѣ ежедневно и поддерживали во мнѣ пріятное возбужденное настроеніе. Недѣли черезъ двѣ одного изъ моихъ слугъ схватила лихорадка, а по возвращеніи въ Маллаку та же болѣзнь случилась и съ другимъ слугою, и со мною. Но, благодаря значительнымъ пріемамъ хинина, я скоро поправился и, взявъ новыхъ людей, отправился въ Эйеръ-Панасъ въ сопровожденіи одного молодого человѣка изъ туземцевъ, имѣвшаго склонность къ естественной исторіи.

Въ Эйеръ-панасѣ мы имѣли возможность помѣститься въ удобномъ домѣ со множествомъ комнатъ, для сушки и храненія чучелъ. Такъ какъ промышленныхъ китайцевъ, которые бы рубили лѣсъ, здѣсь не было, то насѣкомыя были относительно рѣдки, за исключеніемъ бабочекъ, изъ которыхъ я составилъ весьма порядочную коллекцію. Одно хорошенькое насѣкомое я пріобрѣлъ весьма страннымъ образомъ, и этотъ случай можетъ служить доказательствомъ, какъ отрывочны и несовершенны должны быть неминуемо коллекціи путешественниковъ. Однажды послѣ полудня я прогуливался съ ружьемъ по любимой дорогѣ лѣса и вдругъ увидѣлъ на землѣ большую, красивую, совершенно мнѣ незнакомую бабочку, къ которой я подошелъ весьма близко, прежде чѣмъ она улетѣла. Тутъ я замѣтилъ, что она сидѣла на кучѣ помета какого то животнаго, и, разсчитывая, что она должна возвратиться на тоже самое мѣсто, я взялъ на слѣдующій день послѣ завтрака сѣтку и, приближаясь туда, съ радостью увидѣлъ, что таже самая бабочка сидѣла опять на той же кучѣ, гдѣ мнѣ и удалось поймать ее. Это былъ совершенно новый, чрезвычайно красивый видъ, который былъ названъ М. Хюитсономъ Nymphalis calydonia. Мнѣ никогда болѣе неудалось

*

видѣть другую такую же особь, и только по прошествіи двѣнадцати лѣтъ попалъ въ эту страну другой индивидъ этого рода съ сѣверовосточной части Борнео.

Рѣшившись побывать на горѣ Офирѣ, находящейся въ серединѣ полуострова, приблизительно въ пятидесяти миляхъ отъ Малакки, мы наняли шестерыхъ малайцевъ сопровождать насъ и нести нашъ багажъ. Такъ какъ мы разсчитывали пробыть тамъ не менѣе недѣли, то взяли съ собою добрый запасъ рису, немного сухарей, масла и кофе, нѣсколько сушеныхъ рыбъ, немного водки, а также одѣяла, платья, ящики для птицъ и насѣкомыхъ, сѣтки и ружья. Разстояніе отъ Эйеръ-панаса полагается около тридцати миль. Въ первый день дорога шла по лѣснымъ просѣкамъ, мимо малайскихъ деревень и была довольно пріятна. Ночь мы спали въ домѣ одного малайскаго начальника, который уступилъ намъ веранду, далъ намъ курицу и нѣсколько яицъ. На слѣдующій день мѣстность становилась болѣе дикою и холмистою. Мы проходили обширные лѣса по дорогамъ, гдѣ грязь была часто по колѣно, и гдѣ намъ страшно надоѣдали піявки, которыми славится эта мѣстность. Эти маленькія твари кишатъ на листьяхъ и травѣ по сторонамъ дороги и когда проходитъ кто нибудь мимо, они вытягиваются во всю свою длину и если прикоснутся къ платью или къ тѣлу, то тотчасъ же прицѣпляются, и затѣмъ, пробравшись къ ногѣ или къ другой части тѣла начинаютъ сосать, причемъ первое укушеніе ихъ рѣдко бываетъ чувствительно во время ходьбы. Купаясь вечеромъ каждый изъ насъ находилъ ихъ на себѣ съ полдюжины или съ дюжину, большею частью на ногахъ, а иногда и на туловищѣ; у меня же піявка разъ присосалась съ боку на шеѣ, но къ счастью не тамъ, гдѣ проходитъ шейная вена. Лѣсныхъ піявокъ существуетъ множество породъ; всѣ онѣ небольшой величины, и нѣкоторыя изъ нихъ украшены яркими желтыми полосками. По всей вѣроятности, онѣ прицѣпляются къ оленямъ и другимъ животнымъ, посѣщающимъ эти лѣса и такимъ образомъ пріобрѣли свою странную привычку вытягиваться, какъ только заслышатъ шаги или шорохъ листьевъ. Вскорѣ послѣ полудня мы достигли подошвы горы и расположились лагеремъ на берегу красиваго ручья, скалистыя берега котораго поросли папоротникомъ. Самый старшій изъ нашихъ малайцевъ часто стрѣлялъ въ этихъ окрестностяхъ птицъ для торговцевъ Малакки, и бывалъ на вершинѣ горы, а потому пока мы забавлялись стрѣляньемъ и ловлею насѣкомыхъ, онъ отправился вмѣстѣ съ двумя другими очистить дорогу для нашего восхожденія на слѣдующій день.

На другой день рано утромъ, послѣ завтрака, мы снова тронулись въ

путь, взявши съ собою одѣяла и провизію, такъ какъ намѣревались спать на горѣ. Пройдя маленькою рощею и болотистыми чащами, сквозь которыя нашими людьми была прочищена дорога, мы вошли въ высокій красивый лѣсъ, вовсе не заросшій мелкими растеніями, въ которомъ можно было ходить совершенно свободно. На протяженіи нѣсколькихъ миль мы подымались по легкому откосу, по лѣвую сторону котораго шелъ глубокій оврагъ. За тѣмъ намъ предстояло пройти плоскую площадку, послѣ чего подъемъ становился круче, а лѣсъ гуще, пока мы не вышли на «Padang-batu» или «Каменное поле», о которомъ мы много слышали, но которое никто не могъ описать намъ какъ слѣдуетъ. Это былъ гладкій, скалистый, крутой откосъ, который простирался такъ далеко, что скрывался изъ виду. Мѣстами онъ былъ совершенно голый, но тамъ, гдѣ были разсѣлины и трещины, росла самая роскошная растительность, среди которой всего замѣчательнѣе были кувшинковыя растенія, которыя, какъ кажется, никогда не удается вырастить у насъ въ теплицахъ, гдѣ онѣ кромѣ того не бываютъ и вовсе такъ красивы. Здѣсь же онѣ вырастаютъ въ полувьющіеся кусты, а ихъ странные кувшины различной величины и формы свѣшиваются съ листьевъ во множествѣ, возбуждая удивленіе какъ своими размѣрами такъ и красотою. Затѣмъ появились впервые нѣсколько шишконосцевъ изъ породы Dacrydium, а въ чащахъ, тотчасъ же за скалистою площадью, намъ пришлось идти среди густыхъ и роскошныхъ папоротниковъ Dipteris Horsfieldii и Matonia pectinata, съ большими расходящимися, дланевидными листьями на тонкомъ стеблѣ, вышиною въ шесть или восемь футовъ. Matonia, самый высокій, красивый изъ этихъ папоротниковъ, извѣстенъ только на этой горѣ, и ни одна изъ этихъ породъ не разводится въ нашихъ теплицахъ. Когда мы вышли на этотъ жаркій, открытый скалистый откосъ изъ густаго, прохладнаго и тѣнистаго лѣса, которымъ мы шли все время съ той минуты, какъ снялись съ мѣста, то мы были поражены; казалось, что мы разомъ перелѣтели изъ низменной страны въ страну альпійской растительности. Высота по измѣренію оказалась приблизительно въ 2800 футовъ. Намъ сказали что на Padang-batu мы найдемъ воду, но мы искали ее напрасно, хотя намъ страшно хотѣлось пить. Наконецъ мы обратились къ кувшинкамъ, но вода, заключавшаяся въ ихъ сосудикахъ (по полупинты въ каждомъ), была полна насѣкомыми и другими непрошенными гостями. Однако, попробовавши ее, мы нашли, что она довольно сносная, только слишкомъ тепла, и мы всѣ утолили ею свою жажду. Далѣе мы снова пришли къ лѣсу, который впрочемъ былъ гораздо ниже и хуже нижняго, и переходя то хребты, то долины, достигли наконецъ пика, отдѣленнаго отъ на-

стоящей вершины горы большою пропастью. Тутъ носильщики наши остановились и объявили, что не могутъ нести багажъ далѣе.

Подъемъ на самый высокій пикъ былъ несомнѣнно чрезвычайно крутъ, но такъ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, не было воды, а между тѣмъ было достовѣрно извѣстно, что у самой вершины есть ключъ, то мы рѣшили продолжать путь безъ нихъ, взявши съ собою только самое необходимое. Согласно такому рѣшенію мы раздѣлили между собою съѣстные припасы и другія вещи, взяли каждый по одѣялу и, въ сопровожденіи только стараго малайца и его сына, пошли далѣе.

Спустившись въ углубленіе между двумя пиками, мы убѣдились, что восхожденіе будетъ весьма затруднительно, такъ какъ склонъ былъ чрезвычайно крутъ,—и дѣйствительно, намъ часто приходилось карабкаться на четверенькахъ. На почвѣ изъ опавшихъ листьевъ и шероховатыхъ камней, кромѣ кустарниковъ, росли мхи глубиною по колѣно. Намъ пришлось лѣзть такимъ образомъ цѣлый часъ до маленькаго выступа подъ самою вершиною, гдѣ скала образуетъ значительный навѣсъ, а въ маленькомъ бассейнѣ скопляется проточная вода. Тутъ мы сложили свою поклажу, а черезъ нѣсколько минутъ стояли уже на вершинѣ горы Офиръ, на высотѣ 4,000 футовъ надъ поверхностью моря. Вершина эта представляетъ маленькую скалистую площадку покрытую рододендронами и другими кустарниками. День былъ ясный, и видъ открывался великолѣпный: всюду виднѣлись ряды холмовъ и долинъ, покрытыхъ безконечными лѣсами, среди которыхъ блестя, извивались рѣчки.

Лѣсистая страна на значительномъ протяженіи весьма однообразна, и ни одна изъ тѣхъ горъ, на которыя я восходилъ въ тропическихъ странахъ, не представляетъ панорамы, подобной сноудонской, которая однако же стоитъ неизмѣримо ниже швейцарскихъ видовъ.

Пока варился кофе, я произвелъ нѣкоторыя наблюденія при помощи хорошаго термометра и симпьезометра, и затѣмъ уже мы стали наслаждаться ужиномъ и созерцаніемъ раскинувшейся передъ нами величественной картины. Погода была тихая и весьма теплая; сдѣлавъ себѣ постели изъ вѣтвей, мы покрыли ихъ своими одѣялами, и провели ночь съ комфортомъ. Носильщики наши, отдохнувъ, также послѣдовали за нами, захвативъ съ собою только рисъ; къ счастью оставленный ими багажъ намъ не понадобился. Утромъ я поймалъ нѣсколькихъ бабочекъ и жуковъ, а мой пріятель нашелъ нѣсколько сухопутныхъ раковинъ; за тѣмъ мы стали спускаться, захвативъ съ собою изъ Падангъ-бату нѣсколько видовъ папоротниковъ и кувшинковыхъ растеній.

Мѣсто у подошвы горы, гдѣ мы останавливались прежде, было весьма

Виды Сингапурскаго рейда.

мрачное, а потому мы выбрали другое, близь рѣки, на болотѣ, поросшемъ имбирными растеніями, гдѣ весьма легко было разчистить себѣ нѣкоторое пространство. Здѣсь люди наши построили два маленькіе шалаша безъ стѣнъ, въ которыхъ мы могли скрыться лишь отъ дождя, и въ которыхъ мы прожили около недѣли, занимаясь охотою, ловлею насѣкомыхъ, и скитаньемъ по лѣсамъ около подошвы горы. Это была страна большого фазана-Аргуса, и мы постоянно слышали его крикъ. Но когда я сталъ просить стараго малайца застрѣлить мнѣ хотя одного изъ нихъ, то онъ сказалъ что, хотя онъ втеченіи двадцати лѣтъ стрѣлялъ птицъ въ этихъ лѣсахъ, но ему ни разу еще не удавалось застрѣлить фазана или даже видѣть его иначе, какъ пойманнымъ. Птица эта до такой степени пуглива и осторожна, и такъ быстро убѣгаетъ въ самыя густыя части лѣса, что приблизиться къ ней невозможно, тѣмъ болѣе, что ея цвѣтъ и пятна въ родѣ глазокъ, которыя кажутся такими красивыми въ музеяхъ, должны вполнѣ гармонировать съ опавшими листьями, среди которыхъ она живетъ, и дѣлать ее чрезвычайно незамѣтною. Всѣ экземпляры, посланные въ Малакку, были пойманы силками, и мой малаецъ, хотя не убилъ ни одного фазана, въ силки ловилъ ихъ множество.

Тигры и носороги здѣсь еще встрѣчаются, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь водилось также много слоновъ, но за послѣднее время они всѣ исчезли. Кое гдѣ намъ попадались кучи какъ будто слоновьяго навоза, и слѣды носорога, но самихъ животныхъ мы не встрѣчали ни одного. Впрочемъ мы поддерживали огонь обыкновенно всю ночь, на случай чтобы не вздумала посѣтить насъ какая нибудь подобная тварь, а двое изъ нашихъ людей даже утверждали, что однажды видѣли носорога. Когда рисъ нашъ вышелъ, а ящики были полны экземплярами животныхъ, мы возвратились въ Эйеръ-Панасъ, откуда черезъ нѣсколько дней отправились въ Малакку, а затѣмъ въ Сингапуръ. Гора Офиръ славится лихорадками, и друзья наши удивлялись тому, что мы были такъ неблагоразумны, и оставались такъ долго у ея подошвы; но никто изъ насъ нисколько не пострадалъ, и я всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать о своей неосторожности, ибо тутъ мнѣ впервые удалось созерцать горную картину восточныхъ тропическихъ странъ.

Бѣдность и краткость описанія моей поѣздки въ Сингапуръ и на Малакскій полуостровъ происходитъ отъ того, что я главнымъ образомъ довѣрился частной корреспонденціи и записной книгѣ, которыя были потеряны, точно также какъ и статья моя о Малаккѣ и горѣ Офирѣ, которая была послана въ Королевское Географическое Общество, но не была тамъ ни читана, ни напечатана. Впрочемъ я нисколько о томъ не

сожалѣю, ибо по этому предмету было написано весьма много сочиненій, и я всегда думалъ коснуться слегка лишь моихъ путешествій по западнымъ, болѣе извѣстнымъ частямъ архипелага, для того, чтобы посвятить больше мѣста описанію болѣе отдаленныхъ странъ, о которыхъ на англійскомъ языкѣ писано весьма мало.

ГЛАВА IV.

БОРНЕО.

Орангъ-утапы на Борнео.—Мои охоты за ними.—Попытка дѣтеныша.—Нравы и привычки животнаго.—Его величина.

Я прибылъ въ Саравакъ 1-го ноября 1854 года, а оставилъ его 25-го января 1856. Въ этотъ промежутокъ времени я жилъ во многихъ различныхъ мѣстахъ и видѣлъ много дайякскихъ племенъ, и борнейскихъ малайцевъ. Я былъ гостепріимно принятъ Сэромъ Джемсомъ Брукомъ, и всегда останавливался въ его домѣ, когда бывалъ въ городѣ Саравакѣ, во время перерывовъ моихъ странствованій. Но послѣ того, какъ я былъ на Борнео, объ этой части острова написано столько книгъ, что я постараюсь не вдаваться въ подробности того, что я видѣлъ, слышалъ и думалъ о Саравакѣ и его управителѣ, а ограничусь преимущественно естественными историческими отчетами о моихъ поискахъ за раковинами, насѣкомыми, птицами, орангъ-утаномъ и описаніемъ путешествія въ одну изъ внутреннихъ странъ, рѣдко посѣщаемую европейцами.

Первые четыре мѣсяца я провелъ въ различныхъ мѣстахъ на рѣкѣ Саравакѣ отъ Сантубонга у ея устья, вверхъ до живописныхъ известковыхъ горъ и китайскихъ золотыхъ полей Боу и Бедэ. Эта часть страны была столько разъ описана, что я пройду ее молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что дождливое время было въ полной силѣ, и мои коллекціи сравнительно бѣдны и незначительны.

Въ мартѣ 1855 года я рѣшилъ отправиться на угольныя копи, разрабатываемыя близъ рѣки Симуньона, небольшого притока рѣки Садонгъ, текущей къ востоку отъ Саравака, между послѣднею и Батангъ-Люпаромъ. Рѣка Симуньонъ впадаетъ въ Садонгъ миляхъ въ двадцати отъ устья; она очень узка и извилиста, а берега поросли высокими лѣсами, которые часто сходятся надъ нею. Все пространство между нею и моремъ

представляетъ совершенно плоскую, поросшую лѣсомъ, болотистую низменность, на которой возвышаются нѣсколько одинокихъ холмовъ; у подошвы одного изъ нихъ и расположены угольныя копи. Отъ пристани къ холму проложена была дайякская дорога, состоящая просто изъ древесныхъ стволовъ, положенныхъ вдоль одинъ за другимъ. Босоногіе туземцы ходятъ по ней совершенно свободно и носятъ даже большія тяжести, но для обутаго европейца это дѣло весьма опасное, и если вниманіе постоянно отвлекается въ сторону различными интересными предметами, то паденія въ топь совершенно неизбѣжны. Въ первый разъ, когда я проходилъ по этой дорогѣ, я видѣлъ мало насѣкомыхъ и птицъ, но замѣтилъ нѣсколько прекрасныхъ цвѣтущихъ орхидей изъ рода Coelogyne — группы, весьма богатой, какъ я увидѣлъ впослѣдствіи, и характеризующей эту мѣстность. На скатѣ холма, близъ его подошвы, сдѣлана въ лѣсу прогалина и выстроено нѣсколько незатѣйливыхъ домовъ, въ которыхъ жилъ инженеръ Коульсонъ и нѣсколько человѣкъ китайскихъ работниковъ. Сначала меня радушно пріютили въ домѣ М-ра Коульсона, но найдя мѣсто весьма благопріятное для себя и весьма удобное для собиранія коллекцій я занялъ отдѣльный маленькій домъ въ двѣ комнаты, съ нарочно устроенною для меня верандою. Здѣсь я прожилъ около девяти мѣсяцевъ и составилъ огромную коллекцію насѣкомыхъ, посвятивъ свое вниманіе преимущественно этому классу животныхъ, вслѣдствіе особенно благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ.

Въ тропическихъ странахъ обиліе большей части насѣкомыхъ всѣхъ разрядовъ и преимущественно крупныхъ жуковъ находится въ большей или меньшей зависимости отъ растительности, и главнымъ образомъ отъ обилія сваленныхъ деревьевъ, коры и листьевъ, подверженныхъ различной степени гніенія. Въ нетронутыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ мѣстныя насѣкомыя обыкновенно бываютъ разсѣяны на грамадномъ пространствѣ, скопляясь лишь тамъ, гдѣ много деревьевъ, сваленныхъ годами, или порывомъ бури. Между тѣмъ на пространствѣ двадцати квадратныхъ миль невозможно было бы найти такого множества сваленныхъ деревьевъ, сколько бываетъ ихъ на небольшой прогалинѣ. Такимъ образомъ многочисленность и разнообразіе жуковъ и многихъ другихъ насѣкомыхъ, которые могутъ быть собраны въ извѣстное время въ какой нибудь тропической мѣстности, зависитъ во первыхъ отъ близкаго сосѣдства, раскинутаго на большое пространство дѣвственнаго лѣса, а во вторыхъ, отъ обилія деревьевъ, срубленныхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но оставленныхъ на мѣстѣ, гдѣ они предаются разложенію и гніенію. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, въ которые я постоянно собиралъ коллекціи

въ восточныхъ и западныхъ тропическихъ странахъ, я никогда не пользовался такими благопріятными обстоятельствами въ этомъ отношеніи, какъ на симуньонскихъ угольныхъ копяхъ. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду отъ двадцати до пятидесяти китайцевъ и дайяковъ были почти исключительно заняты здѣсь вырубкою лѣса на большомъ пространствѣ и расчисткою просѣки для проложенія рельсовой дороги къ Садонгу, отстоящему на двѣ мили отсюда. Кромѣ того въ чащѣ въ различныхъ мѣстахъ были устроены пильныя ямы и срубались большія деревья, изъ которыхъ пилили бревна и доски. Между тѣмъ великолѣпный лѣсъ разстилался на сотни миль по всѣмъ направленіямъ по горамъ и равнинамъ, скаламъ и болотамъ, и я прибылъ туда именно въ то время, когда дожди начинали уменьшаться, а свѣтъ солнца увеличиваться, т. е. въ такое время года, которое я всегда нахожу наиболѣе благопріятнымъ для составленія коллекцій. Множество открытыхъ и освѣщаемыхъ солнцемъ мѣстечекъ и дорожекъ привлекали сюда также осъ и бабочекъ, и, платя по центу за каждое принесенное мнѣ насѣкомое, я пріобрѣлъ отъ дайяковъ и китайцевъ много красивыхъ стрекозъ и Pharmidae, а также множество прекрасныхъ жуковъ.

Въ предъидущіе четыре мѣсяца у меня было собрано 320 различныхъ видовъ жуковъ. Когда же я прибылъ на коли 14 марта, то менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли я удвоилъ свою коллекцію, собирая среднимъ числомъ по 24 новыхъ вида въ день. Однажды я собралъ въ одинъ день 76 различныхъ видовъ, изъ которыхъ 34 были для меня новы. Къ концу апрѣля у меня было болѣе тысячи видовъ, но затѣмъ коллекціи мои стали прибывать не такъ быстро. Вообще на Борнео было пріобрѣтено до двухъ тысячъ различныхъ видовъ, и всѣ они, кромѣ какой нибудь сотни, были собраны именно на этомъ мѣстѣ, на пространствѣ не болѣе квадратной мили.

Самая многочисленная и самая любопытная группа жуковъ были долгороги и Rhynchophora; какъ тѣ такъ и другіе по преимуществу древоѣды. Первая изъ этихъ группъ отличается изяществомъ формъ и длинными усиками; она была здѣсь особенно многочисленна, представляя приблизительно до трехъ сотъ видовъ, изъ коихъ девятнадцать были совершенно новы и многіе особенно замѣчательны по своей величинѣ, оригинальности формъ и прекраснымъ цвѣтамъ. Вторая группа соотвѣтствуетъ нашимъ долгоносикамъ и сроднымъ съ ними группамъ; въ тропическихъ странахъ она чрезвычайно многочисленна и разнообразна; насѣкомыя эти часто кишатъ во множествѣ на гніющихъ древесныхъ стволахъ, такъ что мнѣ случалось ловить ихъ до пятидесяти или шести-

десяти различныхъ видовъ въ день. Моя борнейская коллекція этой группы простиралась до пяти сотъ видовъ.

Собраніе бабочекъ было у меня не такъ значительно; но я пріобрѣлъ нѣсколько рѣдкихъ и чрезвычайно красивыхъ особей, изъ которыхъ всѣхъ замѣчательнѣе были Ornithoptera Brookeana, одинъ изъ самыхъ изящныхъ видовъ, какіе только извѣстны. Это прекрасное созданіе имѣетъ весьма длинныя заостренныя крылья, и по формѣ походитъ отчасти на сфинкса. Оно густого, бархатисто-чернаго цвѣта съ дугообразною полосою пятенъ блестящаго металлически-зеленаго цвѣта, идущею по крыльямъ отъ одного края до другого, причемъ каждое пятно представляетъ форму маленькаго треугольнаго перышка,—все это вмѣстѣ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто на черный бархатъ положенъ рядъ надкрылій мексиканскаго трогона. Остальные признаки этой бабочки—широкое ожерелье ярко малиноваго цвѣта и нѣсколько легкихъ бѣлыхъ полосокъ по краямъ заднихъ крыльевъ. Этотъ видъ былъ тогда совершенно новъ и названъ мною по имени Сэра Джемса Брука; онъ встрѣчался весьма рѣдко. Лишь случайно можно было видѣть, какъ эти бабочки, быстро летаютъ по прочиненному мѣсту, садясь по временамъ на лужи и тинистыя мѣста, такъ что мнѣ удалось поймать ихъ всего двѣ или три штуки. По всей вѣроятности ихъ было много гдѣ нибудь въ другихъ мѣстностяхъ страны. Значительное число экземпляровъ ихъ было послано въ Англію; но пока все это были самцы, и мы совершенно не въ состояніи представить себѣ каковы должны быть самки, вслѣдствіе крайней изолированности видовъ и осутствія близкаго сходства съ какимъ нибудь другимъ извѣстнымъ насѣкомымъ.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ и занимательныхъ пресмыкающихся какихъ я встрѣчалъ на Борнео, была большая древесная лягушка, принесенная мнѣ однажды китайскимъ работникомъ. Онъ увѣрялъ что видѣлъ, какъ она будто бы летѣла съ дерева въ косвенномъ направленіи. Изслѣдовавши ее, я нашелъ что пальцы у ней весьма длинны и до самыхъ концовъ соединены плавательною перепонкою, такъ что, будучи растянуты, они представляли поверхность гораздо больше всего туловища. Передніе ноги были также окаймлены перепонкою, а тѣло способно сильно надуваться. Спина и конечности были блестящаго темно-зеленаго цвѣта, а снизу тѣло и пальцы темнѣе, перепонки же черныя съ темными полосками. Туловище было длиною около четырехъ дюймовъ, между тѣмъ растянутыя перепонки каждой изъ заднихъ ногъ, занимали поверхность въ четыре квадратные дюйма, а перепонки всѣхъ четырехъ ногъ вмѣстѣ около двѣнадцати квадратныхъ дюймовъ. Такъ

какъ на концахъ пальцевъ у этой лягушки есть широкія присасывательныя бородавки, доказывающія, что животное это дѣйствительно древесная лягушка, то трудно предположить, чтобы огромныя перепонки пальцевъ предназначались единственно для плаванія, и увѣреніе китайца, что она летѣла съ дерева, получаетъ значительное вѣроятіе. Это, мнѣ кажется, первый извѣстный примѣръ «летающей лягушки», который долженъ интересовать послѣдователей Дарвина, ибо онъ доказываетъ, что видоизмѣненіе пальцевъ для приспособленія къ плаванію и присасывательному лазанью произвело способность летать по воздуху подобно летучей ящерицѣ. По видимому это новый видъ изъ рода Rhacophorus, къ которому принадлежатъ лягушки гораздо меньшей величины и съ менѣе развитыми перепонками пальцевъ.

Во время моего пребыванія на Борнео у меня не было охотника, который стрѣлялъ бы для меня постоянно, самъ же я былъ исключительно занятъ насѣкомыми, по этому мнѣ не удалось собрать хорошей коллекціи птицъ и млекопитающихъ; впрочемъ многіе изъ нихъ хорошо извѣстны, ибо тожественны съ видами, находящимися на Малаккѣ. Изъ млекопитающихъ у меня было пять бѣлокъ и два тигрокота, Gymnurus Raffllesii, составляющій, какъ кажется, переходъ отъ свиньи къ хорьку, и Cynogale Bennettii рѣдкое животное съ весьма широкою мордою, покрытою длинною щетиною.

Одною изъ главныхъ причинъ моего пребыванія на Симуньонѣ было желаніе увидѣть орангъ-утана (большую человѣкоподобную борнейскую обезьяну) въ его родныхъ мѣстахъ, изучить его нравы, пріобрѣсти хорошіе экземпляры различныхъ разновидностей и видовъ обоего пола и вскормить молодое животное. Во всемъ этомъ я успѣлъ болѣе, чѣмъ ожидалъ и намѣренъ теперь передать все, что я узналъ во время охоты на орангъ-утана или міаса, какъ его называютъ туземцы. Такъ какъ это послѣднее названіе кратко и легко произносится, то я и буду обыкновенно употреблять его вмѣсто «Simia satyrus» или «орангъ-утанъ».

Въ первый разъ я увидѣлъ міаса ровно черезъ недѣлю по моемъ прибытіи на копи. Я собиралъ насѣкомыхъ не болѣе какъ въ четверти мили отъ дома, когда на деревѣ находившемся по близости, услышалъ шорохъ и, взглянувши вверхъ, увидѣлъ большое красно-шерстное животное, которое медленно передвигалось по вѣткамъ, свѣшиваясь на рукахъ внизъ. Оно переходило такимъ образомъ съ одного дерева на другое, пока не изчезло въ чащѣ, гдѣ было такъ топко, что я не могъ слѣдовать за нимъ. Этотъ способъ передвиженія весьма обыкновененъ у обезьянъ, но болѣе свойственъ Hylobates чѣмъ орангамъ. Въ данномъ

случаѣ онъ былъ употребленъ или вслѣдствіе индивидуальной особенности животнаго, или вслѣдствіе субъективнаго свойства деревьевъ въ этомъ мѣстѣ, дѣлавшаго этотъ способъ наиболѣе удобнымъ.

Недѣли двѣ спустя мнѣ сказали, что въ болотѣ на деревѣ, тотчасъ же за домомъ, сидитъ орангъ, и я былъ на столько счастливъ, что, взявъ свое ружье и придя туда, еще засталъ его на указанномъ мѣстѣ. Когда я приблизился, онъ хотѣлъ было спрятаться въ листвѣ, но я сталъ стрѣлять по немъ, и вторымъ выстрѣломъ свалилъ его почти мертвымъ, такъ какъ двѣ пули вошли ему въ тѣло. Это былъ полувзрослый, едва равнявшійся тремъ футамъ самецъ. 26 апрѣля я былъ на охотѣ съ двумя дайаками, и мы нашли другого міаса приблизительно такой же величины. Онъ упалъ послѣ перваго же выстрѣла, но повидимому былъ раненъ не сильно, ибо тотчасъ же вскарабкался на ближайшее дерево; но я выстрѣлилъ еще разъ, и онъ упалъ снова съ раздробленною рукою и роною въ тѣлѣ. Дайаки тотчасъ же подбѣжали къ нему и, схвативъ его за руку, сказали мнѣ, чтобы я принесъ шестъ и что тогда они уже не дадутъ ему уйти. Но хотя у животнаго была сломана рука и оно было лишь на половину взрослое, однако оно было слишкомъ сильно для молодыхъ дикарей, и притягивало ихъ къ своему рту, такъ что несмотря на всѣ ихъ усилія, имъ пришлось снова оставить его, чтобы не быть укушенными серьезно. Тутъ оно опять стало взбираться на дерево, и чтобы покончить съ нимъ, я выстрѣлилъ ему въ голову.

2-го мая я снова увидѣлъ міаса на очень высокомъ деревѣ, и хотя со мною было лишь маленькое ружье, я все же выстрѣлилъ въ него; увидавъ меня, онъ началъ выть страннымъ голосомъ и, казалось, пришелъ въ страшное бѣшенство, ломалъ руками вѣтви и кидалъ ихъ на землю, но скоро скрылся, переходя съ одной вершины дерева на другую. Я не сталъ слѣдовать за нимъ, ибо было вязко, и я подвергался бы до нѣкоторой степени опасности заблудиться, увлекшись преслѣдованіемъ.

12-го мая мнѣ опять попался міасъ, который велъ себя совершенно такимъ же образомъ: вылъ, кричалъ въ бѣшенствѣ и кидалъ на землю вѣтви. Я убилъ его пятью выстрѣлами, но тѣло его осталось на вершинѣ дерева, держась между сучьями такъ, что не могло упасть. Поэтому я вернулся домой и, къ счастію, нашелъ дайаковъ, которые пошли со мною и слазали за животнымъ на дерево. Это былъ первый вполнѣ взрослый экземпляръ, пріобрѣтенный мною; но только это была самка, которая далеко не такъ велика и замѣчательна, какъ взрослые самцы. Однако же она равнялась 3 футамъ 6 дюймамъ, а въ плечахъ съ вытянутыми руками 6 ф. 6 д. Я сохранилъ кожу этого животнаго и изго-

товилъ полный скелетъ его, который впослѣдствіи купленъ въ Дербійскій музей.

Спустя четыре дня дайаками снова былъ замѣченъ міасъ близъ того же самаго мѣста, о чемъ они и пришли сообщить мнѣ. Животное это оказалось меньше и сидѣло на верху высокаго дерева. Послѣ второго выстрѣла оно покатилось внизъ, но тотчасъ же снова поднялось и стало опять взбираться на дерево. Послѣ третьяго выстрѣла оно упало замертво. Это была также взрослая самка, и мы собирались уже тащить ее домой, какъ вдругъ замѣтили въ болотѣ еще такое же существо, но маленькое, ростомъ не болѣе фута,—оно по всей вѣроятности держалось за мать, когда та упала въ первый разъ. Къ счастью, оно по видимому не было ранено и когда мы обтерли ему ротъ, оно начало кричать и оказалось очень сильнымъ. Когда я несъ его домой, оно такъ крѣпко вцѣпилось руками въ мою бороду, что мнѣ стоило большого труда высвободить ее, такъ какъ пальцы этихъ животныхъ бываютъ обыкновенно загнуты внутрь у послѣдняго сустава, и образуютъ настоящіе крючки. Во время поимки, у маленькаго міаса не было еще ни одного зуба, но черезъ нѣсколько дней у него прорѣзались два нижніе рѣзца. Къ несчастію я нигдѣ не могъ достать молока, такъ какъ его не употребляютъ ни малайцы, ни китайцы, ни дайаки, и тщетно искалъ какой нибудь самки, которая могла бы кормить моего малютку Я былъ принужденъ давать ему рисовую воду изъ бутылки съ прикрѣпленнымъ къ горлышку стержнемъ пера, который онъ скоро научился сосать совершенно какъ слѣдуетъ. Но животное не могло довольствоваться такою скудною пищею, хотя иногда я и прибавлялъ въ воду сахаръ и молоко изъ кокосовыхъ орѣховъ, чтобы сдѣлать ее болѣе питательною. Когда я клалъ ему въ ротъ палецъ оно начинало сосать съ жадностью, втягивая щеки изо всѣхъ силъ, въ тщетномъ стараніи добыть молока, и оставлялъ его лишь послѣ долгихъ усилій, начиная кричать совершенно такъ же, какъ кричатъ въ подобныхъ случаяхъ маленькіе дѣти.

Когда имъ занимались и нянчились съ нимъ, оно было весьма спокойно и довольно, но коль скоро его клали и оставляли одного, оно непремѣнно начинало кричать, и въ первыя ночи было чрезвычайно неугомонно. Я устроилъ ему изъ маленькаго ящика родъ колыбели съ матрацемъ, который перемѣнялся и стирался ежедневно, а въ скоромъ времени я нашелъ необходимымъ мыть и самого маленькаго міаса. Послѣ нѣсколькихъ разъ онъ любилъ эту операцію и, замаравшись сейчасъ же начиналъ кричать, не переставая до тѣхъ поръ, пока я не бралъ его и не подносилъ къ крану, гдѣ онъ тотчасъ же успокоивался, хотя при

*

первомъ окачиваніи холодною водою слегка вздрагивалъ, а при окачиваніи головы строилъ пресмѣшныя рожи. Вытиранье доставляло ему большое наслажденіе, а когда я начиналъ чесать его, онъ казался вполнѣ счастливымъ; когда я старательно расчесывалъ его длинные волосы на спинѣ и на рукахъ, онъ лежалъ обыкновенно совершенно смирно, вытянувъ руки и ноги. Въ первые дни онъ отчаянно хватался всѣми четырьмя руками за все, что ни попадалось ему, и я долженъ былъ старательно оберегать свою бороду, ибо въ волосы онъ вцѣплялся всего крѣпче, и мнѣ было бы невозможно освободиться безъ посторонней помощи. Когда онъ бывалъ неспокоенъ, то махалъ руками по воздуху, старался схватить что нибудь, и былъ совершенно счастливъ, когда это дѣйствительно удавалось ему. Часто, за неимѣніемъ ничего другого, онъ схватывалъ собственную свою ногу, а впослѣдствіи часто скрещивалъ руки, и каждою изъ нихъ хватался за длинные волосы на противоположномъ плечѣ. Но сила и цѣпкость его хватанья скоро стала уменьшаться, и я былъ принужденъ придумать какія нибудь средства для упражненія и усиленія его членовъ. Я устроилъ коротенькую лѣстницу съ тремя или четырьмя перекладинами, по которой давалъ ему лазать по четверти часа подрядъ. Сначало это казалось нравилось животному, но ему не удавалось привести въ удобное положеніе всѣ четыре руки вмѣстѣ и послѣ нѣкотораго времени онъ опускалъ одну руку за другою и падалъ на полъ. Иногда, держась только двумя руками, онъ отнималъ одну изъ нихъ и протянувъ ее къ плечу другой руки, схватывалъ свои собственные волосы, которые находилъ гораздо болѣе пріятными на ощупь, чѣмъ палку; поэтому тотчасъ же отнималъ и другую руку,—и падалъ. Но онъ казалось никогда не ушибался при этихъ многочисленныхъ паденіяхъ, и, скрестивъ обѣ руки, оставался лежать на спинѣ, повидимому совершенно довольный. Видя что онъ такъ любитъ волосы, я попробовалъ сдѣлать искусственную мать, свернувъ куклу изъ буйволовой шкуры и повѣсивъ ее на футъ отъ полу. Сначала онъ казалось былъ чрезвычайно доволенъ, ибо всюду, куда ни протягивалъ руки, онъ находилъ волосы, за которые ухватывался чрезвычайно крѣпко. Теперь у меня явилась надежда, что мой маленькій сирота совершенно счастливъ, что такъ и было повидимому впродолженіе нѣкотораго времени, пока онъ не вспомнилъ о своей потерянной родительницѣ, и не возымѣлъ желанія сосать. Онъ сталъ плотно прижиматься къ шкурѣ и всюду искать соска, но въ ротъ ему набивались только волоса и шерсть, что сильно сердило его; онъ начиналъ страшно кричать, и послѣ двухъ или трехъ попытокъ оставлялъ куклу въ покоѣ. Однажды шерсть попала ему въ

горло, и я думалъ, что онъ подавится; но хотя онъ и оправился, я все таки былъ вынужденъ разорвать на клочки его поддѣльную мать и отказаться отъ всякихъ стараній доставить упражненіе маленькому созданію.

Черезъ недѣлю я нашелъ лучшимъ кормить своего маленькаго міаса съ ложки, и давать ему болѣе разнообразную и болѣе твердую пищу. Хорошо намоченные сухари съ яйцомъ и сахаромъ, а иногда сладкій картофель онъ ѣлъ охотно; чрезвычайно интересно было наблюдать забавныя перемѣны въ его поведеніи, которыми онъ выражалъ свое одобреніе или неодобреніе тому, что ему давали. Несчастный малютка облизывалъ губы, втягивалъ щеки и закатывалъ глаза съ выраженіемъ полнѣйшаго довольства, когда ротъ его былъ набитъ чѣмъ нибудь такимъ, что было ему особенно по вкусу. Если же, напротивъ, пища его была недостаточно сладка или вкусна, то онъ сначала ворочалъ ее во рту языкомъ, какъ бы желая хорошенько узнать вкусъ ея, а за тѣмъ вываливалъ ее изо рта; если же ему продолжали давать тоже самое, то онъ начиналъ кричать и барахтаться совершенно такъ, какъ дѣлаютъ разсердившіяся маленькія дѣти.

Недѣли три спустя послѣ того, какъ я пріобрѣлъ маленькаго міаса, мнѣ удалось пріобрѣсти еще маленькую обезьяну Macacus cynomolgus которая хотя была и мала, но чрезвычайно жива и могла уже ѣсть сама. Я посадилъ ее въ одинъ ящикъ съ міасомъ, и они тотчасъ же стали наилучшими друзьями, не выказывая другъ передъ другомъ ни малѣйшаго страха. Маленькая обезьянка садилась міасу на брюхо и даже на лицо, нисколько не заботясь о томъ, нравится это ему или нѣтъ. Когда я кормилъ міаса, она сидѣла около него, подбирая все что падало мимо, а иногда и перехватывая ложку; когда же я оканчивалъ кормленье, она тотчасъ же облизывала съ губъ міаса все, что на нихъ оставалось, открывала ему ротъ и смотрѣла, нѣтъ ли тамъ чего нибудь, а за тѣмъ укладывалась бѣднягѣ на брюхо, точно на подушку. Маленькій, безпомощный міасъ переносилъ всѣ эти оскорбленія съ примѣтнымъ терпѣніемъ, будучи счастливъ тѣмъ, что рядомъ съ нимъ есть нѣчто теплое, что онъ можетъ съ любовью обнимать руками. Впрочемъ иногда онъ и мстилъ обезьянѣ, такъ напр. когда та захочетъ уйти, онъ схватывалъ ее за кожу на спинѣ, или за голову, или за хвостъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока могъ, такъ что ей удавалось вырваться лишь послѣ многихъ усиленныхъ прыжковъ.

Весьма интересно было наблюдать, какъ различно вели себя эти два животныя, которыя должны были быть приблизительно одного возраста.

Міась, какъ маленькій ребенокъ, безпомощно лежалъ на спинѣ, лѣниво поворачиваясь съ боку на бокъ, протягивая въ воздухъ всѣ четыре руки, чтобы схватить что нибудь и едва умѣя направить свои пальцы къ какому нибудь опредѣленному предмету; когда же онъ бывалъ чѣмъ нибудь недоволенъ, то широко раскрывалъ свой беззубый ротъ, и выражалъ свое недовольство самымъ ребяческимъ крикомъ. Маленькая обезьянка, напротивъ, была постоянно въ движеніи, бѣгала и прыгала всюду, куда ей вздумается, разсматривала все, что видѣла вокругъ себя, умѣла брать въ руки самые маленькіе предметы съ величайшею осторожностью, качалась на краю ящика, лазила по столбу и хватала все съѣдобное, что только попадалось ей подъ руку. Контрастъ былъ самый рѣзкій, и въ сравненіи съ нею маленькій міась еще болѣе казался ребенкомъ.

Пробывъ у меня съ мѣсяцъ, онъ сталъ выказывать нѣкоторые признаки того, что скоро научится ходить. Когда его клали на полъ, онъ отталкивался ногами или перекувыркивался, и такимъ образомъ неуклюже подвигался впередъ. Лежа у себя въ ящикѣ, онъ поднимался иногда, держась за край, и принималъ почти вертикальное положеніе, и разъ или два раза даже вываливался вонъ. Когда его оставляли грязнымъ, или голоднымъ, или какимъ либо другимъ образомъ забывали о немъ, онъ начиналъ сильно кричать, пока кто нибудь не услышитъ, сопровождая крикъ свой чѣмъ то вродѣ кашля, звукомъ весьма похожимъ на тотъ, какой издаютъ взрослыя животныя. Если никого не было въ домѣ, или если на крикъ его не обращали вниманія, то онъ замолкалъ послѣ нѣкотораго времени, но какъ только заслышитъ шаги, тотчасъ же начиналъ кричать снова еще громче прежняго.

Черезъ пять недѣль у него прорѣзались два верхніе передніе зуба, но во все это время онъ ни на волосъ не выросъ, оставаясь и ростомъ, и вѣсомъ совершенно такимъ же, какимъ былъ въ то время, когда я взялъ его. Это безъ сомнѣнія происходило отъ недостатка въ молокѣ или другой, столь же питательной пищѣ. Рисовая вода, рисъ и сухари были плохою замѣною ея, а упомянутое молоко изъ кокосовыхъ орѣховъ не совсѣмъ хорошо дѣйствовало на желудокъ. Его дѣйствію приписываю я поносъ, отъ котораго сильно пострадало маленькое животное; но небольшой пріемъ костороваго масла помогъ ему, такъ что оно скоро поправилось. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ оно впрочемъ захворало снова, и на этотъ разъ уже серьезнѣе. У него показались совершенно такіе же симптомы какъ въ перемежающейся лихорадкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ водянистая опухоль ногъ и головы. Несчастное созданьице потеряло всякій аппетитъ, и, прохворавъ съ недѣлю, умерло; оно прожило у меня

около трехъ мѣсяцевъ. Я сильно сожалѣлъ о потерѣ своего любимца, котораго я надѣялся вырастить и увезти съ собою въ Англію. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ежедневно развлекалъ меня своими забавными выходками и неподражаемо смѣшными гримасами своей маленькой рожицы. Вѣсъ его равнялся тремъ фунтамъ девяти унціямъ, ростъ 14 вершкамъ, ширина же плечъ съ вытянутыми руками 23 вершкамъ. Я сохранилъ его кожу и скелетъ, а когда изготовлялъ послѣдній, то нашелъ, что должно быть при паденіи съ дерева у него была сломана рука и нога, но они срослись такъ быстро, что я замѣтилъ это только по твердымъ опухолямъ на членахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошло неправилное соединеніе костей.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ я разрѣзалъ это интересное маленькое животное, мнѣ удалось застрѣлить взрослаго орангъ-утана самца. Я только что возвратился съ энтомологической экскурсіи, какъ, запыхавшись отъ быстроты движенія и волненія, въ комнату вбѣжалъ Чарльзъ *) и прерывистымъ голосомъ вскричалъ: «берите ружье, сэръ,— скорѣе,—такой огромный міасъ!»— Гдѣ? спросилъ я, схватывая ружье, одинъ стволъ котораго по счастью оказался заряженнымъ пулею. «Тутъ близко сэръ—по дорогѣ къ копямъ—онъ не можетъ уйти». Въ домѣ случились въ это время два дайака; я позвалъ ихъ съ собою и пустился бѣжать, велѣвъ Чарльзу какъ можно скорѣе нести за мною всю амуницію. Дорога отъ нашей прочищенной лощины къ копямъ шла краемъ холма, немного вверхъ по его откосу, а параллельно съ нею, у подошвы его, была сдѣлана широкая просѣка для дороги, гдѣ работало нѣсколько китайцевъ, такъ что животное не могло уйти въ болотистый лѣсъ, находившійся внизу, не спустившись съ дерева, чтобы перейти эту дорогу, или не взобравшись на верхъ холма, чтобы обогнуть просѣку. Мы шли осторожно, безъ малѣйшаго шума, внимательно прислушиваясь ко всякому звуку, могущему обличить присутствіе міаса, и останавливаясь по временамъ, чтобы взглянуть вверхъ. Чарлзъ скоро присоединился къ намъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ животное и когда я взялъ суму, и зарядилъ пулею другой стволъ, мы разошлись немного, чувствуя что оно непремѣнно было гдѣ нибудь тутъ, по близости, ибо оно по всей вѣроятности сошло съ холма и не охотно воротилось бы назадъ. Спустя короткое время, я услышалъ надъ головою легкій шорохъ, но, взглянувъ вверхъ, ничего не могъ разглядѣть. Я ворочался во всѣ стороны, чтобы

*) Чарльзъ Оленъ, англичанинъ, юноша 16 лѣтъ, сопровождавшій меня въ качествѣ помощника.

вполнѣ осмотрѣть каждую часть дерева, подъ которымъ стоялъ, и вдругъ снова услышалъ тотъ же самый шумъ, но громче, и увидѣлъ, какъ закачались листья, словно отъ движенія тяжелаго животнаго, перебиравшагося на смежное дерево. Я тотчасъ же кликнулъ всѣхъ остальныхъ людей, чтобы они постарались разглядѣть, гдѣ животное. Но это было дѣло не легкое, ибо міасъ имѣлъ привычку выбирать такія мѣста, гдѣ снизу была густая листва. Очень скоро, однако же, одинъ дайакъ, позвалъ меня и показалъ вверхъ, гдѣ я увидѣлъ большое красное волосатое тѣло и огромную черную физіономію, смотрѣвшую внизъ съ большой высоты, какъ бы желая узнать причину происходившей подъ нимъ тревоги. Я тотчасъ же выстрѣлилъ, и животное скрылось въ ту же минуту, такъ что я не могъ сказать тогда, попалъ я въ него, или нѣтъ.

Такъ какъ оно сейчасъ же стало уходить весьма быстро и весьма неслышно для такого большого животнаго, то я велѣлъ дайакамъ, слѣдовать за нимъ и не терять его изъ виду, пока самъ заряжу ружье. Чаща въ этомъ мѣстѣ была наполнена угловатыми обломками скалъ, скатившимися сверху горы, и густо заросла висячими и вьющимися растеніями. То бѣгомъ, то карабкаясь, то пролѣзая между этими камнями и растеніями, мы добрались наконецъ до дороги, у которой животное сидѣло на вершинѣ высокаго дерева; замѣтившіе его китайцы въ изумленіи кричали во весь ротъ: «Іа туанъ — что значитъ оранъ-утанъ, туанъ». Видя что здѣсь ему нельзя пройти, не слѣзая внизъ, міасъ поворотилъ снова обратно къ холму; тутъ я сдѣлалъ по немъ два выстрѣла, и, быстро слѣдуя за нимъ, успѣлъ выстрѣлить въ него еще два раза, пока онъ успѣлъ снова достичь дороги, ведущей къ копямъ; но онъ постоянно былъ болѣе или менѣе скрытъ за листвою и защищенъ тѣмъ сукомъ, по которому шелъ. Разъ, впрочемъ, въ то время, какъ я заряжалъ ружье, я видѣлъ его отлично; онъ пробирался по большой вѣтви въ полустоячемъ положеніи и видимо былъ субъектомъ самыхъ большихъ размѣровъ. У дороги онъ взобрался на одно изъ самыхъ высокихъ въ лѣсу деревьевъ, и мы видѣли какъ одна нога его безполезно свѣшивалась, будучи раздроблена пулею. Здѣсь онъ помѣстился въ одномъ развѣтвленіи, защищенномъ густою листвою, и казалось не намѣренъ былъ тронуться съ мѣста. Я боялся, чтобы онъ не умеръ въ этомъ положеніи, ибо приближался вечеръ, и дерево не могло бы быть срублено въ тотъ же день. По этому я выстрѣлилъ еще разъ, и онъ пошелъ снова. Взбираясь на холмъ, онъ принужденъ былъ спуститься на болѣе низкія деревья, и на вѣтвяхъ одного изъ нихъ, помѣстившись такъ, чтобы не упасть, онъ свернулся въ клубокъ, какъ мертвый или умирающій.

Фазанъ Аргусъ. Самецъ и самка.

Мнѣ хотѣлось теперь, чтобы дайаки влѣзли наверхъ и отрубили тотъ сукъ, на которомъ онъ помѣщался, но они боялись и говорили, что онъ не умеръ и нападетъ на нихъ. Тогда мы начали качать сосѣднія деревья, дергать за свѣшивавшіяся ползучія растенія и дѣлали все, что могло бы потревожить его,—но напрасно; по этому я счелъ за лучшее позватьдвухъ китайцевъ съ топорами, велѣть срубить дерево. Но пока посланный ходилъ за ними, одинъ изъ дайаковъ рѣшился полѣзть къ міасу, но тотъ не подпустилъ его и перебрался на другое дерево, гдѣ забрался въ такую густоту вѣтвей, что почти совсѣмъ скрылся отъ насъ изъ виду. По счастію дерево это было небольшое, и когда явились топоры, оно скоро было срублено; густыми нитями ползучихъ растеній оно было такъ крѣпко связано съ сосѣдними деревьями, что не упало, а только наклонилось. Міасъ не трогался съ мѣста, и я начиналъ бояться, что послѣ всего этого мы всетаки не достанемъ его, ибо день клонился къ вечеру, а между тѣмъ нужно было срубить еще съ полдюжины деревьевъ, чтобы упало то, на которомъ онъ помѣщался. Прибѣгая къ послѣднему средству, мы всѣ принялись дергать за ползучія растенія,—дерево качалось весьма сильно, и черезъ нѣсколько минутъ, когда мы уже потеряли всякую надежду, міасъ вдругъ рухнулъ на землю съ трескомъ и шумомъ, какъ какой нибудь гигантъ. И дѣйствительно это былъ гигантъ. Голова и туловище его были совершенно такой же величины, какъ у человѣка. Онъ принадлежалъ къ породѣ, называемой дайаками *«міасъ чаппанъ»* или *«міасъ паппанъ»*, у котораго кожа лица по обѣимъ сторонамъ образуетъ полосы или складки. Въ плечахъ съ вытянутыми руками онъ имѣлъ семь футовъ три дюйма, а точно вымѣренная вышина его отъ макушки головы до пятъ равнялась четыремъ футамъ двумъ дюймамъ. Обхватъ туловища подъ мышками равнялся тремъ футамъ двумъ дюймамъ; длиною оно было совершенно такое же, какъ человѣческое, но ноги были относительно чрезвычайно коротки. Изслѣдовавъ его, мы нашли, что онъ былъ страшно израненъ. Обѣ ноги его были сломаны въ бедряныхъ сочлененіяхъ, основаніе спины совершенно раздроблено, и двѣ сплющенныя пули оказались кромѣ того въ шеѣ и въ челюсти. Однако во время паденіи онъ все еще былъ живъ. Два китайца отнесли его ко мнѣ на домъ, привязавъ къ палкѣ, и весь слѣдующій день я и Чарли были заняты изготовленіемъ его шкуры и вареніемъ его костей для составленія полнаго скелета, хранящагося нынѣ въ Дербійскомъ музеѣ.

Дней черезъ десять послѣ этого, 4 іюня, нѣсколько дайаковъ пришли сказать намъ, что наканунѣ міасъ чуть было не убилъ одного изъ ихъ товарищей. Нѣсколько миль внизъ по рѣкѣ былъ дайакскій домъ,

жители котораго увидѣли большого оранга, поѣдавшаго молодые побѣги дерева на берегу рѣки. Когда поднята была тревога, онъ направился въ сосѣднюю чащу, куда побѣжало за нимъ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ копьями и топорами, съ цѣлью пересѣчь ему путь. Одинъ дайякъ, бывшій впереди всѣхъ, попробовалъ было вонзить свое копье въ тѣло животнаго, но міасъ схватилъ это копье руками, а за тѣмъ и самую руку человѣка, и перекусивъ ее выше локтя, сталъ страшно дергать и теребить ее; не будь тутъ другихъ людей, онъ нанесъ бы ему еще больше вреда, если бы не убилъ его окончательно, такъ какъ несчастный былъ уже совершенно обезсиленъ; но люди скоро убили животное своими копьями и топорами. Человѣкъ этотъ хворалъ долго и навсегда пересталъ владѣть рукою.

Дайаки сообщили мнѣ, что мертвый міасъ лежитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его убили, а потому я предложилъ имъ вознагражденіе, если они немедленно принесутъ его къ намъ, что они и обѣщали сдѣлать. Однако они не принесли его до слѣдующаго дня, когда уже началось разложеніе, такъ что волосы вылѣзали большими пучками и сдирать кожу не стоило. Я весьма сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ животное это былъ взрослый самецъ. Я отрубилъ его голову, и взялъ ее домой для очистки, а вокругъ остальнаго тѣла, велѣлъ своимъ людямъ сдѣлать глухую загородку, футовъ въ пять вышиною; черви, маленькія ящерицы и муравьи скоро должны были пожрать его, оставивъ мнѣ одинъ скелетъ. На лицѣ у міаса былъ большой шрамъ, глубоко врѣзавшійся въ кость, но голова все таки была прекрасная, а зубы замѣчательно широки и хороши.

18 іюня я снова имѣлъ большой успѣхъ на охотѣ и пріобрѣлъ прекраснаго взрослаго самца. Одинъ китаецъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ міаса, кормившагося у дороги къ рѣкѣ, и я нашелъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ застрѣлилъ первое животное. Онъ ѣлъ овальные зеленые плоды съ красивою красною шелухою, въ родѣ той мякоти, что окружаетъ мускатный орѣхъ, и, какъ казалось, онъ ѣлъ только ее, обгрызая твердую наружную скорлупу, которая сыпалась съ дерева непрерывнымъ дождемъ. Я этотъ же самый плодъ находилъ въ желудкахъ и другихъ, убитыхъ мною, міасовъ. Послѣ двухъ выстрѣловъ животное потеряло равновѣсіе, но долгое время висѣло еще, держась одною рукою, пока не упало наконецъ прямо внизъ лицомъ, погрузившись на половину въ болото. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ оно стопало и билось, а мы стояли вокругъ, считая каждый вздохъ его послѣднимъ. Вдругъ, сдѣлавъ страшное усиліе, животное поднялось на ноги, заставивъ всѣхъ насъ отступить на нѣсколько шаговъ, и, схватившись за маленькое дерево, стало взлѣ-

зать на него, но новый выстрѣлъ въ спину свалилъ его мертвымъ. Сплющенная пуля была найдена у него въ языкѣ: войдя въ нижнюю часть брюшной полости, она прошла все тѣло и раздробила первый шейный позвонокъ. И послѣ этой-то ужасной раны животное поднялось на ноги и стало взбираться на дерево съ значительною легкостью. Это былъ также взрослый самецъ приблизительно такихъ же размѣровъ, какъ и вымѣренные мною два другіе экземпляра.

21-го іюля я снова убилъ взрослую самку, ѣвшую плоды на низенькомъ деревѣ,—это былъ единственный міасъ, убитый мною съ одного выстрѣла.

24-го я былъ позванъ однимъ китайцемъ, чтобы убить міаса, находившагося по его словамъ на деревѣ у самаго его дома, на угольныхъ копяхъ. Прибывъ на мѣсто, мы встрѣтили затрудненіе въ томъ, чтобы найти животное, такъ какъ оно ушло въ чащу, гдѣ было много скалъ и гдѣ весьма трудно было пройти. Наконецъ мы увидѣли его сидящимъ на весьма высокомъ деревѣ. На сколько мы могли разглядѣть, это былъ весьма большой самецъ. Когда я выстрѣлилъ, онъ полѣзъ выше, но я выстрѣлилъ снова и раздробилъ ему руку. Между тѣмъ онъ достигъ самой верхней части огромнаго дерева, и, обламывая вокругъ себя сучья, сталъ складывать ихъ крестъ на крестъ, чтобы устроить гнѣздо. Интересно было видѣть, какъ ловко выбралъ онъ мѣсто и какъ быстро протягивалъ нераненую руку во всѣ стороны, обламывая чрезвычайно легко довольно толстые сучья, которые онъ складывалъ крестъ на крестъ позади себя, такъ что черезъ нѣсколько минутъ образовалась плотная масса листвы, совершенно скрывшая его отъ нашихъ взоровъ. Очевидно онъ намѣревался провести здѣсь ночь, а на слѣдующій день рано утромъ навѣрное ушелъ бы, если рана его была не слишкомъ тяжела. По этому я выстрѣлилъ еще нѣсколько разъ, въ надеждѣ, что онъ оставитъ свое гнѣздо, но онъ все таки не уходилъ, не смотря на то, что я навѣрное ранилъ его, ибо онъ шевелился при каждомъ выстрѣлѣ. Наконецъ онъ приподнялся такъ, что можно было видѣть половину его тѣла; затѣмъ медленно опустился снова, и только голова его осталась на краю гнѣзда. Тутъ я уже убѣдился, что онъ былъ мертвъ и старался уговорить китайца и его товарища срубить это дерево, но оно было слишкомъ велико, а они работали цѣлый день и потому ничто не могло склонить ихъ предпринять это дѣло. На слѣдующій день рано утромъ я снова пришелъ на это мѣсто и нашелъ, что міасъ дѣйствительно мертвъ, такъ какъ голова его лежала совершенно въ томъ же положеніи, какъ и наканунѣ. Я предложилъ четыремъ китайцамъ дневную рабочую плату на каждаго, что-

бы срубили дерево сейчасъ-же, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ часовъ дневного свѣта началось бы уже разложеніе кожи; но китайцы, посмотрѣвъ на дерево и попробовавъ его, нашли, что оно слишкомъ толсто и слишкомъ твердо, и рубить его не соглашились. Если бы я удвоилъ плату, они по всей вѣроятности не отказались бы, потому что работы было всего часа на два или на три—я такъ бы и сдѣлалъ, если бы не намѣренъ былъ оставаться здѣсь долго, но, предполагая прожить тутъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, я не могъ быть слишкомъ щедрымъ, такъ какъ потомъ уже они не стали бы мнѣ работать за меньшую плату.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, надъ тѣломъ мертваго міаса кружились цѣлые рои мухъ и мошекъ; но черезъ мѣсяцъ все уже было спокойно, остатки его по всей вѣроятности сохли подъ вліяніемъ вертикальныхъ лучей солнца и тропическихъ дождей. Мѣсяца два или три спустя два малайца влѣзли на дерево и сняли ихъ, получивъ за это отъ меня долларъ. Кожа была почти цѣла и заключала въ себѣ скелетъ; съ внутренней же стороны ея было множество куколокъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ и тысячи маленькихъ жуковъ necrophagus. Голова была сильно раздроблена пулями, но скелетъ былъ совершенно полный,—нехватало лишь маленькой косточки запястья, которая по всей вѣроятности выпала и утащена ящирицею.

Черезъ три дня послѣ того какъ я застрѣлилъ этого міаса и потерялъ его, Чарльсъ нашелъ трехъ маленькихъ, пасшихся вмѣстѣ міасовъ. За ними мы охотились долго, и имѣли случай видѣть, какъ они перебирались съ дерева на дерево, выбирая постоянно такія вѣтви, которыя перепутывались съ вѣтвями сосѣдняго дерева, на которое они рѣшались перейти только тогда, когда схватывали въ руку нѣсколько маленькихъ вѣтвей обоихъ деревьевъ. Они дѣлали это такъ быстро, что проходили не менѣе пяти или шести миль въ часъ; чтобы не отстать отъ нихъ и намъ приходилось постоянно бѣжать. Одного изъ нихъ мы убили, но онъ остался между вѣтвями высокаго дерева, и такъ какъ молодыя животныя представляютъ относительно мало интереса, то я не сталъ хлопотать о томъ, чтобы достать его.

Въ это время я имѣлъ несчастіе ушибить себѣ лодыжку, поскользнувшись среди упавшихъ деревьевъ, и такъ какъ я не былъ достаточно остороженъ вначалѣ болѣзни, то у меня сдѣлалось сильное гноистое воспаленіе, которое не проходило долго и привязало меня къ дому на весь іюль и на часть августа. Когда я снова могъ выходить, то рѣшилъ предпринять поѣздку вверхъ по одной вѣтви Симуньона до Семабанга, гдѣ, какъ разсказывали, былъ большой дайакскій домъ, гора покрытая

плодовыми деревьями и множество оранговъ и красивыхъ птицъ. Такъ какъ рѣка была очень узка, и я долженъ былъ ѣхать въ очень маленькой лодкѣ съ возможно меньшимъ количествомъ клади, то я взялъ съ собою только одного китайскаго мальчика въ качествѣ слуги, а клади только боченокъ съ аракомъ, приготовленнымъ для сохраненія кожъ мiасовъ, да недѣли на двѣ провизіи и снарядовъ. Когда мы проѣхали нѣсколько миль, рѣка стала чрезвычайно узка и извилиста; берега ея по обѣ стороны были затоплены, и на нихъ было множество обезьянъ (Macacus cynomolgus черныхъ *Semnopithecus* и особенныхъ *длинноносыхъ обезьянъ* (Nasalis larvatus), ростомъ съ трехлѣтняго ребенка, имѣющихъ весьма длинный хвостъ и мясистый носъ, который длиннѣе чѣмъ у самаго большеносаго человѣка. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ рѣка становилась уже и извилистѣе, и свалившіяся деревья по временамъ преграждали намъ путь, а иногда надъ рѣкою перекрещивались вѣтви и ползучія растенія, которыя приходилось перерубать, чтобы проложить себѣ дорогу. На путешествіе до Семабанга намъ пришлось употребить два дня, и во все это время мы едва ли видѣли хоть бы одинъ клочекъ сухой земли. Подъ конецъ пути, иногда на протяженіи нѣсколькихъ миль, я могъ доставать руками до кустарниковъ, росшихъ на обоихъ берегахъ; часто насъ задерживали панданы, росшіе въ водѣ въ изобиліи, мѣстами же рѣчку запружали сплошные плоты изъ водяныхъ травъ, такъ что путешествіе наше представляло непрерывный рядъ затрудненій.

Близь того мѣста, гдѣ мы должны были высадиться, мы нашли прекрасный домъ, имѣвшій въ длину 250 футовъ и построенный на высокихъ столбахъ; передъ нимъ была обширная веранда и еще болѣе обширная бамбуковая платформа. Но всѣ обитатели его были въ экскурсіи за съѣдобными птичьими гнѣздами или пчелинымъ воскомъ, такъ что въ немъ оставались только два или три старика или старухи, да куча ребятъ. Тутъ-же рядомъ была и гора или холмъ съ цѣлымъ лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ, между которыми особенно многочисленны были дуріанги и мангустины, но плоды ихъ, за исключеніемъ немногихъ, были еще не зрѣлы. Я прожилъ здѣсь недѣлю, и каждый день бродилъ по горѣ въ сопровожденіи оставшагося со мною малайца,—второй мой лодочникъ возвратился назадъ. Въ первые три дня мы застрѣлили только оленя и нѣсколькихъ обезьянъ, но на четвертый день мы увидѣли наконецъ мiаса, сидѣвшаго на весьма высокомъ дуріангѣ; послѣ восьми выстрѣловъ намъ удалось убить его, но къ несчастію онъ остался на деревѣ, зацѣпившись за него руками, и мы принуждены были оставить его тамъ и возвратиться домой,

такъ какъ мы зашли отъ дому на нѣсколько миль. Будучи увѣренъ, что онъ долженъ свалиться за ночь, на слѣдующее утро я снова отправился на то же самое мѣсто, и дѣйствительно нашелъ его на землѣ, подъ деревомъ. Къ моему удивленію и удовольствію онъ былъ повидимому особой породы, отличавшейся ото всѣхъ до сихъ поръ видѣнныхъ мною особей, ибо не смотря на то, что судя по его вполнѣ развившимся зубамъ и огромнымъ клыкамъ это былъ вполнѣ взрослый самецъ, онъ не имѣлъ однако же на лицѣ боковыхъ выпуклостей, и по размѣрамъ былъ на одну десятую меньше другихъ взрослыхъ самцовъ. Верхніе рѣзцы между тѣмъ были относительно шире, чѣмъ у болѣе крупныхъ видовъ,—признакъ, отличающій Simia morio професора Оуэна, описанную имъ по черепу одной самки. Такъ какъ тащить животное домой было слишкомъ далеко, то я принялся сдирать съ него шкуру тутъ же на мѣстѣ, оставивъ въ ней голову, руки и ноги для того, чтобы докончить работу дома. Разновидность эта въ настоящее время находится въ Британскомъ Музеѣ.

Не находя болѣе оранговъ, въ концѣ недѣли я возвратился домой и, взявъ немного свѣжей провизіи, отправился, уже въ сопровожденіи Чарльза, вверхъ по другой вѣтви рѣки, весьма сходной съ первою по характеру, къ мѣстечку, называемому Менуиль, гдѣ было нѣсколько маленькихъ дайакскихъ домовъ и одинъ большой домъ. Пристань представляла помостъ изъ расшатавшихся бревенъ, настланныхъ по водѣ на большомъ протяженіи. Боченокъ свой съ аракомъ я нашелъ болѣе безопаснымъ помѣстить между сучьями въ развѣтвленіи дерева, а чтобы туземцы не вздумали выпить его, я положилъ въ него въ ихъ присутствіи нѣсколько змѣй и ящерицъ, хотя не думаю, чтобы это средство оказалось дѣйствительнымъ. Мы помѣстились на верандѣ большого дома, гдѣ было нѣсколько большихъ корзинъ съ человѣческими головами, трофеи охотниковъ на людей прошлыхъ поколѣній. Здѣсь также была небольшая гора, покрытая фруктовыми деревьями, и нѣсколько роскошныхъ дуріанговъ со спѣлыми плодами росло у самаго дома; такъ какъ дайаки смотрѣли на меня какъ на благодѣтеля, ибо я убивалъ міасовъ, уничтожающихъ большое количество ихъ плодовъ, то они позволяли намъ ѣсть этихъ царственныхъ плодовъ сколько намъ было угодно.

На слѣдующій же день по моемъ пріѣздѣ сюда, мнѣ снова посчастливилось застрѣлить взрослаго самца изъ маленькой породы оранговъ, называемаго дайаками *міасъ-кассиръ*. Когда я убилъ его, онъ свалился, но застрялъ въ развѣтвленіи дерева. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось достать его, то я попробовалъ убѣдить бывшихъ со мною двухъ молодыхъ дайаковъ срубить дерево, которое было высоко, совершенно прямо, гладко и до высоты пятидесяти или шестидесяти футовъ не имѣло ни одно-

го сука. Но къ моему удивленію дайаки охотнѣе согласились влѣзть на него, хотя это было повидимому весьма затруднительно, и, поговоривъ немного между собою, объявили, что думаютъ попробовать достать міаса. Прежде всего они отправились къ бамбуковымъ деревьямъ, росшимъ по близости, срубили самый большой сукъ и, отрубивъ отъ него небольшой кусокъ, надѣлали крѣпкихъ гвоздей длиною съ футъ, заостривъ ихъ съ одного конца. Затѣмъ, вколотивъ одинъ изъ этихъ гвоздей въ дерево, сдѣланнымъ тутъ же деревяннымъ молотомъ, они попробовали повиснуть на немъ. Гвоздь держалъ, и это повидимому удовлетворило ихъ,—они тотчасъ принялись дѣлать множество такихъ гвоздей, а я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ любопытствомъ, удивляясь, какъ возможно лѣзть на такое высокое дерево просто по вколоченнымъ въ него гвоздямъ: выпади или сломайся хоть одинъ изъ нихъ на значительной высотѣ и влѣзающему неминуемо грозитъ смерть. Когда гвоздей было сдѣлано около двухъ дюжинъ одинъ изъ дайаковъ срубилъ нѣсколько длинныхъ и тонкихъ бамбуковъ, а изъ коры одного маленькаго дерева надѣлалъ веревокъ; затѣмъ они вколотили еще одинъ гвоздь какъ можно прочнѣе, на высотѣ приблизительно трехъ футовъ отъ земли, и, притащивъ одинъ изъ длинныхъ бамбуковъ, приставили его въ вертикальномъ положеніи къ дереву, и плотно привязали его къ двумъ первымъ гвоздямъ при помощи веревокъ и небольшихъ зарубокъ, сдѣланныхъ у гвоздей около головокъ. Затѣмъ одинъ изъ дайковъ всталъ на первый гвоздь и, почти на высотѣ своего лица, вколотилъ третій, къ которому также привязалъ бамбуковую жердь, затѣмъ поднявшись на вторую ступень, стоя на ней на одной ногѣ и держась за слѣдующую, вколотилъ еще одинъ гвоздь. Такимъ образомъ онъ поднялся до высоты двадцати футовъ, и такъ какъ приставленная къ дереву жердь становилась уже тонка, то его товарищъ подалъ ему другую, которая была плотно прикрѣплена къ первому, и привязана вмѣстѣ съ ней къ тремъ или четыремъ гвоздямъ. Когда и этотъ шестъ подходилъ къ концу, то былъ поданъ третій, и они вскорѣ такимъ образомъ достали до нижнихъ вѣтвей дерева, по которымъ уже молодой дайакъ вскарабкался до животнаго и сбросилъ его на землю. Меня чрезвычайно удивилъ этотъ остроумный способъ влѣзанья и замѣчательно искусное примѣненіе къ дѣлу свойствъ бамбука. Лѣстница была совершенно безопасна, такъ какъ если бы и выпалъ одинъ какой нибудь гвоздь, она все-таки держалась бы на другихъ. Теперь я понялъ употребленіе видѣнныхъ мною такъ часто рядовъ бамбуковыхъ гвоздей, вколоченныхъ въ деревья, и заставлявшихъ меня часто задумываться, для чего бы они могли служить? Животное по виду и вели-

чинѣ было почти такое же, какъ и пріобрѣтенное въ Семабангѣ; въ то же время это былъ второй и послѣдній добытый мною мужской экземпляръ Simio morio. Онъ находится теперь въ Дербійскомъ музеѣ.

Послѣ этого я застрѣлилъ двухъ взрослыхъ самокъ и двухъ молодыхъ міасовъ, различнаго возраста,—всѣ они были сохранены мною. Одна изъ самокъ съ нѣсколькими дѣтенышами сидѣла на дуріангѣ и ѣла незрѣлые плоды; увидѣвъ насъ, она съ видимою яростью начала обрывать вѣтви и большіе колючіе плоды, которые полетѣли внизъ настоящимъ дождемъ, положительно не позволявшимъ намъ приблизиться къ дереву. Обычай бросаться въ гнѣвѣ вѣтвями былъ подвергнутъ сомнѣнію, но я самъ наблюдалъ его покрайней мѣрѣ раза три. Впрочемъ вели себя такимъ образомъ обыкновенно самки. Весьма можетъ быть, что самецъ, болѣе увѣренный въ своей огромной силѣ и могучихъ клыкахъ, не боится другихъ животныхъ и не старается прогонять ихъ, между тѣмъ какъ самки употребляютъ этотъ способъ защиты себя и своихъ дѣтенышей, слѣдуя внушенію материнскаго инстинкта.

Когда я приготовлялъ скелеты этихъ животныхъ, мнѣ сильно надоѣдали дайакскія собаки, которыхъ всегда держатъ въ проголодь и которыя поэтому страшно жадны до животной пищи. Для вываривания костей у меня была большая желѣзная кастрюля, которую я покрывалъ на ночь досками, накладывая на нихъ тяжелые камни, но собаки разъ ухитрились сдвинуть ихъ и утащить большую часть костей одного изъ моихъ экземпляровъ. Въ другой разъ онѣ отглодали большой кусокъ кожи отъ моихъ большихъ сапогъ, а однажды съѣли даже лоскутъ занавѣски отъ москитовъ, на которую за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ было пролито ламповое масло.

Во время нашего возвращенія по рѣкѣ, мы наткнулись на одного очень стараго міаса самца, кормившагося на низенькомъ ростемъ въ водѣ деревѣ. Хотя мѣстность была затоплена на большомъ протяженіи, но множество деревьевъ и пней, мѣшали маленькой лодкѣ проѣхать, между ними; впрочемъ если бы мы и проѣхали, то только спугнули бы, міаса, а потому я слѣзъ въ воду, которая была мнѣ по поясъ, и брелъ, пока не подошелъ къ нему на разстояніе выстрѣла. Теперь затрудненіе было въ томъ, какъ мнѣ зарядить ружье вторично: я стоялъ такъ глубоко въ водѣ, что не могъ достаточно наклонить ружье, чтобы всыпать въ него порохъ, и мнѣ пришлось отыскивать болѣе мелкое мѣсто. Однако же, не смотря на всю затруднительность моего положенія, я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и наконецъ съ радостью увидѣлъ, какъ чудовищное животное скатилось въ воду. Я поволокъ его за собою къ рѣкѣ, но малайцы

нехотѣли втащить животное въ лодку, самъ же я не могъ сдѣлать этого безъ посторонней помощи, такъ какъ оно было весьма тяжело, потому я сталъ искать мѣста, гдѣ бы можно было снять съ него шкуру, но не видно было ни клочка сухой земли; наконецъ однако же я нашелъ группу двухъ или трехъ старыхъ деревьевъ и пней между которыми была кучка наносной земли, совершенно достаточная для того, чтобы втащить на нее животное. Прежде всего я вымѣрилъ его и нашелъ, что оно было значительно больше всѣхъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ. Вышина его была собственно такая же какъ и у другихъ міасовъ-самцовъ, (4 фута 2 дюйма), но ширина въ плечахъ съ раскинутыми руками равнялась 7 футамъ 9 дюймамъ, т. е. была на 6 дюймовъ больше, а громадное, широкое лицо и тѣло въ ширину $13^1/_2$ дюймовъ, между тѣмъ какъ самыя широкія лица, какія мнѣ случалось видѣть до тѣхъ поръ, были не шире $11^1/_2$ дюймовъ. Вслѣдствіе этого я склоненъ думать, что длина и сила рукъ и ширина лица продолжаютъ увеличиваться весьма долго, послѣ того какъ ростъ отъ макушки головы до пятъ достигаетъ 4 футовъ 2 дюймовъ, мѣра которую ростъ ихъ можетъ превышать развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Такъ какъ это былъ послѣдній застрѣленный мною міасъ, и такъ какъ я видѣлъ теперь живое взрослое животное въ послѣдній разъ, то я намѣренъ сдѣлать очеркъ его привычекъ и привести еще нѣкоторые другіе относящіеся сюда факты.

Орангъ-утанъ, какъ извѣстно, живетъ на Суматрѣ и Борнео, и мы имѣемъ полное право предполагать, что этими двумя большими островами онъ и ограничивается; при чемъ на первомъ изъ нихъ онъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ на второмъ. На Борнео область его распространенія весьма значительна, — онъ населяетъ тамъ многія мѣстности юго-западныхъ, юго-восточныхъ, сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ береговъ, но главнымъ образомъ свойственъ низменнымъ и болотистымъ лѣсамъ. Съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ, что въ Саравакской долинѣ, о міасѣ ничего не извѣстно, между тѣмъ какъ въ западной части Самбасской и въ восточной части Садонгской долины животныя эти весьма многочисленны. Но когда мы познакомимся съ ихъ обычаями и образомъ жизни, то увидимъ достаточныя основанія для этой кажущейся аномаліи въ физическомъ характерѣ Саравакскаго округа. Въ Садонгѣ по моимъ наблюденіямъ міасъ встрѣчается только тамъ, гдѣ мѣстность низменна, болотиста и въ тоже время покрыта высокимъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Среди этихъ болотъ возвышаются одинокія горы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ поселились дайаки,

*

покрывъ ихъ плантаціями фруктовыхъ деревьевъ, сильно привлекающими къ себѣ міасовъ, которые днемъ приходятъ сюда ѣсть незрѣлые плоды, а на ночь непремѣнно снова возвращаются въ болота. Гдѣ мѣстность становится нѣсколько выше и почва просыхаетъ, тамъ міасовъ уже нѣтъ болѣе. Такъ напр. во всей низменной части Садонгской долины онъ водится во множествѣ, но какъ только мы поднимемся выше границы прилива, за которою мѣстность хотя и плоская, но сухая, то уже не встрѣчаемъ его. Между тѣмъ Саравакская долина имѣетъ ту особенность, что низменная часть ея хотя и болотиста, но не покрыта непрерывнымъ высокимъ лѣсомъ, а поросла главнымъ образомъ пальмою *Nipa*; около же города Саравака, гдѣ почва становится сухою, мѣстность во многихъ мѣстахъ весьма неровная и лишь мѣстами по ней разбросаны клочки дѣвственнаго лѣса, перемежающіеся густыми чащами малорослыхъ растеній, нѣкогда воздѣлывавшихся малайцами и дайаками.

Мнѣ кажется, что для существованія этихъ животныхъ необходимы обширные, непрерывные и высокіе, ровные дѣвственные лѣса. По такой лѣсистой странѣ они могутъ разгуливать по всѣмъ направленіямъ съ такою же легкостью, какъ и индѣецъ по лугамъ или арабъ по степи, перебираясь съ одной вершины дерева на другую и не имѣя надобности слѣзать на землю. Болѣе возвышенныя и сухія мѣстности посѣщаются человѣкомъ чаще и на нихъ чаще встрѣчаются прогалины и мелкій кустарникъ, неудобные для ихъ обычнаго способа передвиженія—здѣсь они чаще подвергали бы себя опасности, будучи принуждены спускаться на землю. Кромѣ того въ мѣстностяхъ, населенныхъ міасами, должно быть больше разнообразія въ плодахъ. Маленькія горы, выдвигающіяся на подобіе острововъ, представляютъ собою нѣчто въ родѣ садовъ или плантацій, въ которыхъ среди болотистой равнины можно найти деревья нагорной мѣстности.

Весьма интересное зрѣлище представляетъ міасъ, свободно пробирающійся по лѣсу. Онъ идетъ обыкновенно по самымъ большимъ сукамъ въ полустоячемъ положеніи, которое обусловливается чрезвычайною длиною рукъ и короткостью ногъ; несоразмѣрность его членовъ увеличивается еще отъ того, что онъ ходитъ не на ладони, какъ ходили бы мы, а на суставахъ. Повидимому онъ всегда выбираетъ такія вѣтви, которыя перекрещиваются съ вѣтвями сосѣдняго дерева, приближаясь къ которымъ онъ протягиваетъ предварительно свои длинныя руки и, схвативъ ими вѣтви, пробуетъ прочны ли онѣ и затѣмъ уже рѣшительно перекидывается на слѣдующій сукъ, по которому идетъ совершенно также, какъ и по предъидущему. Онъ никогда не скачетъ и не прыгаетъ, и ни-

когда по видимому даже не торопится, а между тѣмъ подвигается впередъ такъ же быстро, какъ человѣкъ, бѣгущій лѣсомъ по землѣ. Длинныя и сильныя руки особенно полезны животному, какъ дающія ему возможность легко влѣзать на самыя высокія деревья, доставать съ вѣтокъ плоды и молодыя листья, и обламывать листья и сучья для своего гнѣзда. Я уже описывалъ, какъ раненный мною міасъ, строилъ себѣ гнѣздо; подобныя же гнѣзда устраиваетъ онъ для спанья почти каждую ночь. Но онъ устраиваетъ ихъ на небольшихъ деревьяхъ, не выше какъ отъ двадцати до пятидесяти футовъ, вѣроятно потому, что внизу теплѣе и не такъ продуваетъ вѣтромъ. Говорятъ, что каждую ночь міасъ дѣлаетъ себѣ новое гнѣздо, но я склоненъ думать, что это несовсѣмъ вѣрно, ибо въ такомъ случаѣ остатки отъ нихъ находились бы въ гораздо большемъ числѣ; близъ угольныхъ копей я видѣлъ лишь нѣсколько такихъ гнѣздъ, а между тѣмъ оранги тамъ весьма обыкновенны, и втеченіе года ихъ должно было бы накопиться множество. Дайаки разсказываютъ, что въ сильно дождливую погоду міасы покрываются листьями пандановъ или большихъ папоротниковъ; этотъ обычай, по всей вѣроятности, и подалъ поводъ къ баснѣ, что онъ строитъ себѣ на деревьяхъ шалаши.

Орангъ не покидаетъ своего ложа до тѣхъ поръ, пока солнце не поднимется на значительную высоту и не осушитъ росы съ листьевъ. Онъ ѣстъ среди дня все время и рѣдко возвращается къ одному и тому же дереву два дня сряду. Онъ, какъ кажется, не особенно боится человѣка: часто случалось, что міасъ смотрѣлъ на меня въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, и только затѣмъ уже медленно уходилъ по направленію къ ближайшему дереву. Иногда бывало, что, увидѣвши его, я отправлялся за ружьемъ за полмили и болѣе, и по возвращеніи почти каждый разъ находилъ его на томъ же самомъ деревѣ, или около него, не далѣе чѣмъ ярдовъ на сто. Я никогда не встрѣчалъ двухъ взрослыхъ міасовъ вмѣстѣ, но какъ самца такъ и самку сопровождаютъ иногда дѣтеныши которыхъ можно встрѣтить также обществами, по три и по четыре вмѣстѣ. Пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ плодовъ, и только иногда изъ листьевъ, почекъ и молодыхъ побѣговъ. Какъ кажется, они болѣе любятъ плоды незрѣлые, которые часто бываютъ очень кисты или горьки; особенно любятъ они, по видимому, красную мясистую кожицу какихъ то плодовъ. Часто бываетъ что у большихъ плодовъ они ѣдятъ только маленькія зернышки и во всякомъ случаѣ уничтожаютъ и портятъ гораздо больше, чѣмъ ѣдятъ: подъ деревомъ земля бываетъ просто усѣяна набросанными ими объѣдками. Дуріанги особенно нравятся имъ, и множество этихъ прекрасныхъ плодовъ истребляется ими въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ эти деревья растутъ среди лѣса; но животное не пойдетъ къ нимъ по открытому мѣсту. Удивительно, какъ можетъ міасъ раскрывать этотъ плодъ, скорлупа котораго очень толста и тверда, и притомъ вся покрыта большими коническими шипами. По всей вѣроятности, онъ откусываетъ сначала нѣсколько такихъ шиповъ, затѣмъ дѣлаетъ въ скорлупѣ небольшое отверзтіе, и тогда уже разрываетъ ее своими могучими пальцами.

Міасъ рѣдко сходитъ на землю, исключая тѣхъ случаевъ, когда понуждаемый голодомъ, онъ отправляется отыскивать сочныхъ побѣговъ по берегу рѣки, или когда въ особенно сухую погоду, онъ принужденъ бываетъ искать воды; въ обыкновенное же время онъ находитъ ея достаточно въ углубленіяхъ листьевъ. Только одинъ разъ случилось мнѣ видѣть двухъ маленькихъ міасовъ на землѣ, въ сухой ямѣ, у подошвы Самунскаго холма. Они играли другъ съ другомъ, стоя прямо и схватившись за руки. Впрочемъ, можно смѣло сказать, что орангъ никогда не ходитъ въ вертикальномъ положеніи, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ держится руками за верхнія вѣтви, или когда на него нападаютъ. Изображенія его идущимъ съ палкою—совершенная фантазія.

Всѣ дайаки утверждаютъ, что на міаса не нападаетъ въ лѣсу никакое животное, кромѣ двухъ рѣдкихъ исключеній; свѣдѣнія, полученныя мною о послѣднихъ такъ любопытны, что я передаю ихъ совершенно почти словами разсказчиковъ, старыхъ дайакскихъ предводителей, прожившихъ всю жизнь свою въ мѣстности, изобилующей міасами. Первый, кого я разспрашивалъ объ этомъ, сказалъ: «Ни одно животное не имѣетъ достаточно силы, чтобы напасть на міаса,—единственное животное, съ которымъ ему случается бороться, это крокодилъ. Когда онъ не находитъ въ лѣсу плодовъ, то отправляется къ рѣкѣ, гдѣ растетъ множество любимыхъ имъ молодыхъ побѣговъ. Тутъ крокодилъ иногда пытается схватить его, но міасъ вскакиваетъ на него, начинаетъ бить его руками и ногами и наконецъ раздираетъ его.» Онъ присовокупилъ, что самъ былъ однажды свидѣтелемъ такого боя, и не сомнѣвается въ томъ, что побѣдителемъ всегда остается міасъ.

Другой разскащикъ, сообщавшій мнѣ о томъ же самомъ, былъ Орангъ Кайа, предводитель балоускихъ дайаковъ на Симуньенской рѣкѣ. Онъ говорилъ: «у міаса нѣтъ враговъ—ни одно животное не осмѣливается напасть на него, исключая крокодила и питона. Крокодила онъ всегда убиваетъ, благодаря своей страшной силѣ; онъ становится на него, раскрываетъ ему пасть и раздираетъ его. Если же на міаса нападаетъ питонъ, змѣя изъ породы удавовъ, то онъ схватываетъ его руками, начи-

наетъ кусать и такимъ образомъ скоро убиваетъ его» Міасъ чрезвычайно силенъ, въ лѣсу нѣтъ ни одного животнаго, равнаго ему по силѣ.

Замѣчательно, что такое большое, оригинальное и высокое по типу животное, какъ орангъ-утанъ, распространено лишь на такомъ незначительномъ пространствѣ, всего на двухъ островахъ, составляющихъ въ то же время крайнюю область, заселенную высшими млекопитающими: къ востоку отъ Борнео и Явы четверорукія, жвачныя, хищныя и многія другія группы млекопитающихъ быстро рѣдѣютъ и наконецъ изчезаютъ совершенно. Если принять въ соображеніе, что почти всѣ животныя въ предшествовавшія геологическія эпохи были замѣщены однородными, но отличными отъ нихъ формами,—что въ послѣдней части третичнаго періода въ Европѣ были медвѣди, олени, волки и кошки, въ Австраліи—кенгуру и другія сумчатыя, въ Южной Америкѣ—огромные лѣнивцы и муравьѣды, но что всѣ эти животныя были отличны отъ нынѣ существующихъ формъ, хотя совершенно сродны съ ними,—то мы имѣемъ полное право предполагать, что орангъ-утаны, шимпанзе и горилла имѣли также своихъ предшественниковъ. Съ какимъ интересомъ каждый натуралистъ долженъ ждать того времени, когда будутъ точно изслѣдованы пещеры и третичныя наслоенія тропическихъ странъ, и когда раскроется наконецъ прошлая исторія и первоначальный типъ большихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ.

Теперь я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о предполагаемомъ существованіи борнейскаго оранга величиною съ гориллу. Я изслѣдывалъ тѣла семнадцати оранговъ сейчасъ же послѣ того, какъ они были убиваемы, тщательно измѣрялъ и отъ семи изъ нихъ сохранилъ скелеты. Кромѣ того я имѣлъ два скелета оранговъ, убитыхъ не мною. Изъ всего этого числа шестнадцати экземпляровъ, девять самцовъ и семь самокъ, были совершенно взрослые. Измѣренія всѣхъ этихъ экземпляровъ показали, что вышина взрослыхъ оранговъ самцовъ, отъ макушки головы до пятъ, предполагая, что животное стоитъ совершенно вертикально, колебалась лишь между 4 футами и 1 дюймомъ и 4 футами и 2 дюймами, но въ плечахъ съ распростертыми руками между 7 футами 2 дюймами и 7 футами и 8 дюймами, а ширина лица между 10 и 13½ дюймами. Размѣры представленные другими натуралистами, совершенно согласуются съ этими. Самый большой орангъ, измѣренный Темминкомъ, былъ вышиною 4 фута. Самый большой старый орангъ, изъ 25 экземпляровъ, собранныхъ Шлегелемъ и Мюллеромъ, равнялся 4 футамъ и 1 дюйму, а самый большой скелетъ въ Калькутскомъ музеѣ, какъ говоритъ м-ръ Блайтъ,—4 футамъ 1½ дюймамъ. Всѣ экземпляры, мною собранные.

были съ сѣверо-западнаго берега Борнео, экземпляры же голландцевъ — съ западнаго и южнаго; но ни одно изъ доставленныхъ въ Европу животныхъ, не превышало еще этихъ размѣровъ, хотя все число чучелъ и скелетовъ въ Европѣ больше сотни. Странно, что не смотря на это, есть люди, утверждающіе, что они измѣряли орангова гораздо большей величины. Темминкъ въ своей монографіи объ орангахъ, говоритъ о поимкѣ оранга вышиною въ 5 футовъ 3 дюйма. Къ несчастію, экземпляръ этотъ не достигъ Голландіи, и съ того времени мы уже ничего не слыхали о подобномъ животномъ. М-ръ Ст. Джонъ въ своемъ сочиненіи «Жизнь въ лѣсахъ далекаго Востока», (*Life in the Forests of the fas Ecast*) vol, стр. 237, говоритъ намъ объ убитомъ его другомъ орангѣ, имѣвшемъ въ вышину отъ макушки до пятъ 5 футовъ 2 дюйма, причемъ руки его имѣли въ обхватѣ 17 дюймовъ, а около кисти въ 12 дюймовъ! Только одна голова этого животнаго была привезена въ Саравакъ, и М-ръ Ст. Джонъ говоритъ, что онъ присутствовалъ при ея измѣреніи и она оказалась 15 дюймовъ въ ширину и 14 въ длину. Къ несчастію, и голова эта, по видимому, не сохранилась, ибо ни одного экземпляра такихъ размѣровъ не доходило еще до Англіи.

Въ одномъ письмѣ Сэра Джемса Брука, отъ октября 1857 г., въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о полученіи моей рукописи объ орангѣ, напечатанной въ «*Annals and Magazine of Natural History*», были сообщены имъ результаты измѣренія одного міаса, убитаго его племянникомъ, которыя я приведу здѣсь буквально: «3-го сентября 1867 г. убитъ орангъ-утанъ самка. Высота отъ головы до пятъ 4 фута 6 дюйловъ. Ширина поперегъ тѣла съ распростертыми руками 6 футовъ 1 дюймъ, а ширина лица, включая и мозоли 11 дюймовъ.» Здѣсь вѣрно вкралась одна ошибка: у всѣхъ оранговъ, измѣренныхъ до настоящаго времени натуралистами, ширина въ 6 футовъ 1 дюймъ соотвѣтствуетъ вышинѣ приблизительно въ 3 фута 6 дюймовъ, между тѣмъ какъ у самыхъ крупныхъ экземпляровъ, имѣющихъ вышину отъ 4 футовъ до 4 футовъ 2 дюймовъ, ширина плечъ съ руками всегда бываетъ отъ 7 футовъ 3 дюймовъ до 7 футовъ 8 дюймовъ. Въ сущности длина рукъ, хватающихъ пальцами до земли, при почти вертикальномъ положеніи животнаго, составляетъ одинъ изъ признаковъ всего рода. Стало быть высотѣ въ 4 фута 6 дюймовъ соотвѣтствовала бы ширина не менѣе 8 футовъ, а если бы она равнялась только 6 футамъ при вышинѣ, представленной вышеприведеннымъ измѣреніемъ, то животное вовсе не было бы орангомъ, а составляло бы новый родъ обезьянъ, существенно отличныхъ отъ него по своимъ привычкамъ и способу передвиженія. Но м-ръ Джонсонъ,

Орангъ-утанъ.

застрѣлившій это животное и хорошо знакомый съ орангомъ, очевидно принималъ его также за оранга, а потому намъ остается рѣшить, что вѣроятнѣе: въ ширинѣ ли онъ ошибся на *два фута* или же на *одинъ футъ* въ вышинѣ? Вторую ошибку, конечно, сдѣлать было легче, и если предположить ее, то животное м-ра Джонсона, какъ по соотношенію частей, такъ и по росту, будетъ вполнѣ подходить къ доставленнымъ въ Европу. Какъ легко ошибиться въ вышинѣ этихъ животныхъ, отлично показываетъ случай съ суматрскимъ орангомъ, чучела котораго была описана докторомъ Клеркомъ Абелемъ. Капитанъ и команда, убившая оранга, говорили, что будучи живымъ, онъ превосходилъ ростомъ самаго высокаго человѣка и казался такимъ гигантомъ, что они полагали ростъ его не менѣе какъ семь футовъ, но когда онъ былъ убитъ и лежалъ на землѣ, то оказался не длиннѣе 6 футовъ. Кожа этого животнаго, какъ говорятъ, и теперь еще существуетъ въ Калькутскомъ музеѣ, и по словамъ послѣдняго смотрителя этого музея м-ра Блайта животное вовсе не изъ самыхъ большихъ т. е. должно быть приблизительно около 4 футовъ.

Имѣя такіе несомнѣнные примѣры ошибокъ въ измѣреніяхъ орангова, мы легко можемъ предположить, что другъ м-ра Ст. Джона, сдѣлалъ подобную же ошибку, или вслѣдствіе неточности измѣренія, или вслѣдствіе забывчивости, ибо не сказано, что измѣренія эти записаны тогда же, *когда они были сдѣланы*. Единственныя данныя, основанныя на авторитетѣ самого м-ра Ст. Джонса, это ширина головы въ 15 дюймовъ при длинѣ въ 14 дюймовъ. Такъ какъ у самаго большаго изъ моихъ самцовъ лицо было шириною въ 13 ½ дюймовъ, то мнѣ кажется весьма возможнымъ, что голова, привезенная въ Саравакъ изъ Батангъ Люпара, послѣ двухъ или трехдневнаго пути до того разбухла вслѣдствіе разложенія, что стала на дюймъ больше. Изъ всего этого слѣдуетъ, по моему мнѣнію, что до настоящаго времени мы неимѣемъ ни одного основательнаго доказательства существованія на Борнео орангова, превышающихъ вышину въ 4 фута 2 дюйма.

ГЛАВА V.

БОРНЕО.

Поѣздка во врутрь страны.

Такъ какъ приближалось дождливое время года, то я рѣшилъ возвратиться въ Саравакъ. Всѣ свои коллекціи я послалъ съ Чарльзомъ Оленомъ моремъ, самъ же намѣревался подняться къ источникамъ Садонга и затѣмъ спуститься по Саравакской долинѣ. Такъ какъ дорога до нѣкоторой степени была затруднительна, то я взялъ самое незначительное количество клади, и только одного слугу, малайскаго юношу по имени Бюджона, знавшаго языкъ садонгскихъ дайаковъ, съ которыми онъ велъ торговлю. Мы оставили копи 27 ноября и на слѣдующій день достигли малайской долины Гюдонгъ, гдѣ я остановился на короткое время, для покупки плодовъ и яицъ. Мѣстный управитель, Дату Бандаръ, жилъ въ большомъ, хорошо построенномъ, но грязномъ какъ снаружи, такъ и внутри домѣ; онъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивалъ у меня о моемъ дѣлѣ и въ особенности объ угольныхъ копяхъ. Угольныя копи чрезвычайно занимаютъ туземцевъ, которые ни какъ не могутъ понять цѣли такихъ обширныхъ и дорогихъ сооруженій для добыванія угля и повѣрить, что уголь употребляется только для топлива, когда лѣсу такъ много и добывать его такъ легко. Очевидно было, что европейцы рѣдко посѣщали эту мѣстность, ибо женщины толпами убѣгали прочь, когда я проходилъ по деревнѣ, а одна дѣвочка, лѣтъ десяти или двѣнадцати, несшая съ рѣки наполненный водою сосудъ, увидѣвъ меня, кинула его съ крикомъ ужаса на землю, повернула назадъ и прыгнула въ рѣку. Она плыла превосходно, но все оглядывалась назадъ, какъ бы ожидая, что я буду ее преслѣдовать, и не переставала кричать самымъ ужаснымъ образомъ, тогда какъ нѣсколько мужчинъ и мальчиковъ смѣялись надъ ея невѣжественнымъ страхомъ.

У Джаки, слѣдующей деревни, рѣка стала до того быстра вслѣдствіе половодья, что моя тяжелая лодка не могла болѣе подвигаться впередъ, и я принужденъ былъ отослать ее назадъ, пересѣвши въ очень маленькую и открытую лодку. Пока рѣка была весьма однообразна, берега ея воздѣлывались подъ рисовыя поля, и только маленькія крытыя соломою хижины прерывали неживописную линію тинистаго берега, покрытаго высокими травами, изъ за которыхъ виднѣлись верхушки растущихъ за полями лѣсовъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути отъ Джаки мы переѣхали границы воздѣлываемой земли, и прекрасные дѣвственные лѣса съ своими пальмами и вьющимися растеніями, съ своими роскошными деревьями и папоротниками, стали спускаться до самой воды. Впрочемъ берега все еще были затоплены, и мы съ трудомъ находили сухіе клочки земли, на которыхъ можно было бы расположиться спать. Рано утромъ мы достигли Эмпуньяна, маленькой малайской деревни, расположенной у подошвы одинокой горы, которая видна была отъ устья Симуньонской рѣки. Далѣе за этою деревнею приливъ становится нечувствительнымъ, и мы въѣхали въ область высокихъ лѣсовъ съ еще болѣе красивою растительностью. Огромныя деревья распростирали свои вѣтви надъ самою рѣкою, а крутые земляные берега были покрыты папоротниками и имбирными растеніями (Zingiberaceae).

Вскорѣ послѣ полудня мы прибыли въ *Табоканъ*, первую деревню горныхъ дайаковъ. Близь рѣки, на открытомъ мѣстѣ, до двадцати мальчиковъ играли въ игру въ родѣ prisoner's base. Ихъ украшенія изъ бусъ и мѣдныхъ колецъ, ихъ яркіе головные уборы и остальная одежда были чрезвычайно красивы. На зовъ Бюджона они тотчасъ же подошли къ намъ и взяли мои вещи, чтобы отнести ихъ въ «главный домъ»—круглое зданіе, имѣющееся въ большей части дайакскихъ деревень и служащее помѣщеніемъ для иностранцевъ, мѣстомъ торговли, спальною комнатою для неженатой молодежи и мѣстомъ общественныхъ совѣщаній. Онъ строится на высокихъ столбахъ и по серединѣ имѣетъ большой очагъ, въ крышѣ вокругъ всего зданія идутъ окна. Домъ этотъ—помѣщеніе очень веселое и удобное. Вечеромъ онъ наполнялся молодыми мужчинами и мальчиками, пришедшими посмотрѣть на меня. Большею частью они были красивы, и я не могъ не любоваться простотою и изяществомъ ихъ костюма. Единственную одежду ихъ составляетъ «*чаватъ*» одѣвающій нижнюю часть тѣла и спускающійся спереди и сзади. Обыкновенно онъ бываетъ изъ синей бумажной матеріи и оканчивается тремя широкими полосами, красною, синею и бѣлою. Кто можетъ, носитъ также головной уборъ, который бываетъ или красный съ узкимъ

золотымъ галуномъ или также трехцвѣтный, какъ и «*чават*». Широкія плоскія полукруглыя мѣдныя серьги, тяжелое ожерелье изъ бѣлыхъ или черныхъ бусъ, ряды мѣдныхъ колецъ на рукахъ и на ногахъ и браслеты изъ бѣлыхъ раковинъ—все это еще болѣе оттѣняетъ чистый красновато коричневый цвѣтъ кожи и черные какъ смоль волосы. Прибавьте къ тому неизмѣнно носимыя съ боку маленькую сумку съ припасами для бетеля и длинный ножъ, и вы получите обыденный костюмъ молодаго дайакскаго джентльмена.

Затѣмъ въ домъ вошелъ «*оранъ-кайа*» т. е. богатый человѣкъ, какъ называютъ здѣсь начальника племени, въ сопровожденіи нѣсколькихъ старшинъ, и началась «*битчара*» или переговоры о доставленіи мнѣ лодки и людей на слѣдующее утро. Такъ какъ я вовсе не понималъ ихъ языка, нисколько не похожаго на малайскій, то и не участвовалъ въ этихъ переговорахъ—ихъ велъ за меня мой Бюджонъ, переводившій мнѣ большую часть всего, говорившагося. Кромѣ меня въ домѣ былъ еще китайскій торговецъ, также желавшій получить людей на слѣдующій день, но когда онъ намекнулъ объ этомъ орангъ-кайю, то послѣдній рѣзко отвѣтилъ ему, что прежде должна быть исполнена просьба бѣлаго человѣка, а ему надо подождать другаго дня.

Когда битчара была окончена и старые начальники ушли, то я сталъ просить молодыхъ людей поиграть или поплясать, либо позабавиться какимъ нибудь другимъ образомъ, на что они послѣ нѣкотораго колебанія согласились. Прежде всего началось пробованье силы. Два мальчика садились другъ противъ друга, ноги съ ногами и, ухватившись обѣими руками за крѣпкую палку, старались опрокинуться такимъ образомъ, чтобы силою или внезапнымъ порывомъ приподнять противника отъ полу. Затѣмъ взрослые мужчины начали пробовать свою силу противъ двухъ или трехъ мальчиковъ. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ, взявъ себя рукою за ногу, около лодыжки, старались устоять на одной ногѣ какъ можно крѣпче, а другіе принялись скакать вокругъ нихъ, такъ же на одной ногѣ, стараясь свалить ихъ ударами по той ногѣ, на которой они стояли. Когда эти игры были переиграны всѣми съ разнымъ успѣхомъ, тогда намъ былъ заданъ совершенно особаго рода концертъ. Одни, поднявъ себѣ одну ногу на колѣно, стали громко щелкать пальцами по лодыжкѣ, другіе били себя руками по бокамъ, какъ пѣтухи, собирающіеся кричать, и такимъ образомъ получалось множество совершенно особыхъ шлепающихъ и щелкающихъ звуковъ; въ тоже время одинъ изъ этихъ молодцовъ, положивъ руку подъ мышку, производилъ весьма низкую трубную ноту; и такъ какъ всѣ они строго держались такта, то

выходило нѣчто вовсе не непріятное. Это, казалось, было ихъ любимою забавою, и они предавались ей съ увлеченіемъ.

На слѣдующее утро мы сѣли въ лодку, имѣвшую около тридцати футовъ длины и всего двадцать восемь дюймовъ ширины и отправились далѣе. Здѣсь характеръ рѣки вдругъ измѣняется. До сихъ поръ она была хотя и быстра, но глубока и спокойна въ своихъ крутыхъ берегахъ. Теперь же она катилась то по каменистому, то по песчаному или скалистому руслу, образуя по временамъ маленькіе водопады и быстрины, нанося то на ту, то на другую сторону груды красиво окрашенныхъ камешковъ. Грести веслами здѣсь было бы невозможно, и дайаки двигали насъ впередъ посредствомъ бамбуковыхъ жердей съ чрезвычайною ловкостью и быстротою, никогда не теряли равновѣсія, хотя они напрягали всѣ свои силы, стоя въ такой узенькой лодкѣ. День былъ великолѣпный, и оживленныя движенія дайаковъ и быстрота теченія искрящейся воды при яркости и разнообразіи листвы, склонявшейся надъ нами съ обоихъ береговъ, производили веселое впечатлѣніе, напомнившее мнѣ мои путешествія въ лодкѣ по великимъ водамъ Южной Америки.

Вскорѣ послѣ полудня мы достигли деревни Боротои, но не смотря на то, что пріѣхать въ слѣдующую деревню до наступленія ночи было весьма возможно, я все таки былъ принужденъ остановиться, такъ какъ люди мои желали возвратиться назадъ, а другіе никакъ не могли ѣхать со мною безъ предварительныхъ переговоровъ. Кромѣ того бѣлый человѣкъ былъ такая рѣдкость, что имъ невозможно было отпустить его такъ скоро; жены ихъ никогда не простили бы имъ этого, если бы, возвратясь съ поля, онѣ узнали, что такой любопытный человѣкъ не былъ задержанъ до ихъ прихода. Когда я вошелъ въ домъ, куда меня пригласили, я былъ окруженъ цѣлою толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей, составлявшею человѣкъ шестьдесятъ или семьдесятъ, и я съ полчаса сидѣлъ какъ какое нибудь диковинное животное, только что выставленное на показъ публикѣ. Мѣдныя кольца были здѣсь въ особенно большомъ употребленіи: у нѣкоторыхъ женщинъ онѣ покрывали почти сплошь какъ руки, такъ и ноги, отъ ступни до колѣна. Талію женщины обвивали въ нѣсколько рядовъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ, индѣйскимъ тростникомъ, отъ котораго уже спускалась юбка, и подъ которымъ кромѣ того обыкновенно была намотана въ нѣсколько рядовъ мѣдная проволока; затѣмъ слѣдовалъ поясъ изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, а иногда широкое украшеніе изъ мѣдныхъ колецъ. На головѣ онѣ носили коническую шапку, сдѣланную изъ разноцвѣтныхъ бусъ, съ трост-

никовыми кольцами, для сохраненія ихъ формы. Этотъ головной уборъ былъ весьма фантастиченъ, но не безобразенъ.

Пройдя на небольшой, засѣянный рисомъ холмъ близь деревни, я увидѣлъ прекрасную картину: мѣстность становилась совершенно холмистою, а къ югу возвышались горы. Я снялъ всѣ виды какіе только было возможно, и операція эта возбудила большое удивленіе со стороны дайаковъ, сопровождавшихъ меня. По возвращеніи моемъ они просили показать имъ компасъ. Тутъ меня окружила еще большая толпа, и когда я ужиналъ, то за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ цѣлыя сотни глазъ; на меня смотрѣли какъ на льва въ звѣринцѣ во время кормленья, но я, подобно этому благородному животному, былъ привыченъ къ подобнымъ вещамъ, и аппетитъ мой отъ этого нисколько не страдалъ. Дѣти здѣсь дичились меня больше, чѣмъ въ Табоканѣ; я не могъ уговорить ихъ играть и потому началъ самъ забавлять ихъ. Я показалъ имъ на тѣни голову собаки, грызущей кость; и это такъ всѣмъ понравилось, что жители всей деревни поочередно приходили смотрѣть эту забаву. «Зайчикъ на тѣни» здѣсь не годился, потому, что здѣсь нѣтъ ни одного животнаго, на котораго онъ походилъ бы. У мальчиковъ здѣсь были волчки, спускавшіеся при помощи снурка.

На слѣдующее утро мы снова отправились въ путь, но рѣка стала до того быстра и мелка, а лодки были до того малы, что хотя весь багажъ мой состоялъ лишь изъ перемѣны платья, ружья и незначительнаго количества посуды, мнѣ все таки пришлось взять двѣ лодки. Скалы, виднѣвшіяся по берегамъ рѣки, состояли изъ затвердѣвшаго глинистаго иногда кристаллизованнаго шифера, и подымались почти вертикально. Направо и налѣво отъ насъ возвышались кромѣ того одинокія извѣстняковыя горы, бѣлые обрывы которыхъ блистали на солнцѣ составляя превосходный контрастъ съ роскошною растительностью, окружавшею ихъ со всѣхъ сторонъ. Ложе рѣки представляло массу голышей преимущественно чистаго бѣлаго кварца, съ значительнымъ количествомъ яшмы и агата, отчего они красиво пестрѣли. Когда мы прибыли въ Будвъ, было всего десять часовъ утра, и хотя на берегу было множество народа, я никого не могъ уговорить везти меня до слѣдующей деревни. Орангъ-кайа сказалъ, что если я настоятельно желаю этого, то онъ дастъ людей; однако же, когда я сталъ требовать исполненія его обѣщанія, то явились новые доводы, и мое желаніе уѣхать въ тотъ же день такъ огорчало ихъ, что я принужденъ былъ остаться. Я отправился для прогулки на рисовыя поля, которыя здѣсь весьма обширны и покрываютъ множество маленькихъ холмовъ и долинъ, покрывающихъ повидимому, всю эту мѣ-

стность,—и передо мною открылся прекрасный пейзажъ холмовъ и горъ, окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ орангъ-кайа въ полномъ парадѣ (въ бархатной съ блестками куртке, но безъ штановъ) и пригласилъ меня въ свой домъ, гдѣ мнѣ было подано почетное кресло съ балдахиномъ изъ бѣлаго каленкора и цвѣтныхъ платковъ. Большая веранда была зупружена народомъ, а на полу были поставлены, предназначавшіяся мнѣ въ подарокъ блюда съ рисомъ и вареными и свѣжими яйцами. Старикъ, одѣтый въ яркое платье со множествомъ украшеній, сидѣлъ у дверей и бормоталъ какую-то длинную молитву или воззваніе, разбрасывая при этомъ рисъ изъ бывшей у него въ рукахъ чаши; въ то же самое время нѣсколько человѣкъ сильно били въ гонги и салютовали мнѣ выстрѣлами изъ мушкетовъ. Затѣмъ стали передавать изъ рукъ въ руки большой кувшинъ весьма кислаго, но пріятнаго на вкусъ рисоваго вина, и я высказалъ свое желаніе посмотрѣть танцы. Танцы эти, какъ и всѣ представленія дикихъ, были чрезвычайно безсмысленны и нераціозны; мужчины, Богъ вѣсть для чего, одѣвались женщинами, а дѣвушки держали себя какъ нельзя болѣе смѣшно и натянуто. Во все это время шесть или семь большихъ китайскихъ гонговъ не переставали гремѣть подъ могучими руками такого же числа юношей, и производили такой оглушающій диссонансъ, что я былъ радъ, когда избавился отъ него, прійдя въ круглый домъ, гдѣ заснулъ съ удовольствіемъ, не смотря на то, что надо мною висѣло около дюжины копченыхъ человѣческихъ головъ.

Теперь рѣка стала уже до того мелка, что лодка двигалась впередъ съ трудомъ, и я предпочелъ отправиться до слѣдующей деревни пѣшкомъ, надѣясь отчасти увидѣть мѣстность; но я былъ сильно разочарованъ, ибо дорога все время шла густою бамбуковою чащею. Дайаки снимаютъ съ поля двѣ послѣдовательныя жатвы, сначала рисъ, а потомъ сахарный тростникъ, маисъ и овощи, послѣ чего поле оставляется подъ паромъ на цѣлыя восемь или десять лѣтъ и заростаетъ бамбукомъ и кустарникомъ, которые часто совершенно сходятся надъ дорогою и закрываютъ всякій видъ въ сторону. Черезъ три часа пути мы пришли въ деревню Сенанканъ, гдѣ я точно также принужденъ былъ пробыть весь день, но я согласился на это лишь съ тѣмъ условіемъ, что орангъ-кайа на слѣдующій день дастъ мнѣ такихъ провожатыхъ, которые проведутъ меня черезъ слѣдующія двѣ деревни до Сенны, лежащей въ верховьѣ рѣки Саравака. День я провелъ на сколько возможно пріятно, отправившись на близь лежащую возвышенность, снимать виды мѣстности и главныхъ горъ. Затѣмъ была опять публичная аудіенція съ дареніемъ риса, яицъ и

питьемъ рисоваго вина. Эти дайаки воздѣлывали большія пространства земли и доставляли большое количество рису въ Саравакъ. У нихъ много было гонговъ, мѣдныхъ блюдъ, проволокъ, серебряныхъ монетъ и другихъ предметовъ, составляющихъ дайакское богатство, а женщины ихъ и дѣти были богато украшены ожерельями изъ бусъ и мѣдными кольцами.

Утромъ я сталъ ждать людей, которые должны были сопровождать меня, но они не приходили, и потому, послѣ нѣкотораго времени, я послалъ къ орангъ-кайу, но оказалось, что онъ вмѣстѣ съ другимъ начальникомъ ушелъ на весь день, по той причинѣ, какъ мнѣ сказали, что не могъ никого уговорить идти со мною, такъ какъ дорога была длинная и утомительная. Но я рѣшилъ непремѣнно отправиться далѣе, и потому сказалъ оставшимся людямъ, что начальники ихъ поступили очень скверно, и что я сообщу раджѣ объ ихъ поведеніи, и не переставалъ настаивать на томъ, чтобы мнѣ отправиться немедленно. Однако изъ присутствовавшихъ никто не соглашался провожать меня, почему было послано за другими людьми и только силою угрозъ, просьбъ и краснорѣчія Бюджона, намъ удалось наконецъ выбраться, послѣ двухчасовой задержки.

Сначала, на протяженіи нѣсколькихъ миль, дорога шла мѣстностью, разчищенною для рисовыхъ полей: она была покрыта маленькими, но острыми кряжами и долинами, и не было ни одного ярда ровной земли. Перебравшись черезъ рѣку Каянъ притокъ Садонга, мы поднялись на откосъ горы Себоранъ; тутъ дорога пошла острымъ, но не особенно крутымъ кряжемъ, съ котораго открывался великолѣпный видъ. Характеръ мѣстности былъ совершенно такой же, какъ въ Гималайяхъ, какъ они описаны д-ромъ Гукеромъ и другими путешественниками, но въ миніатюрѣ. Это была словно живая модель великихъ горъ, уменьшенныхъ въ 10 разъ, такъ что тысячи футовъ выражались сотнями. Здѣсь я открылъ источникъ красивыхъ кремневыхъ голышей рѣчнаго ложа. Шиферныя скалы окончились и горы теперь состояли изъ песчанника, а мѣстами просто изъ грудъ нагроможденныхъ голышей; но такое множество этихъ голышей, такъ хорошо округленныхъ и состоявшихъ изъ самаго твердаго матеріала, не могло быть произведено такими маленькими рѣчками. Очевидно они должны были образоваться въ отдаленныя времена дѣйствіемъ какой нибудь континентальной рѣки или морскаго прибоя, прежде чѣмъ выдвинулся изъ океана Борнео. Существованіе этой системы холмовъ и долинъ, воспроизводящихъ въ миніатюрѣ полный характеръ великой горной области, имѣетъ важное отношеніе къ современной теоріи, полагающей что форма земли обязана своимъ происхожденіемъ

скорѣе дѣйствіямъ атмосферическимъ, чѣмъ подземнымъ. Когда мы видимъ множество долинъ и овраговъ, расходящихся по всевозможнымъ направленіямъ на пространствѣ въ квадратную милю, то дѣйствительно трудно бываетъ приписать ихъ образованіе или даже происхожденіе трещинамъ и разсѣлинамъ, произведеннымъ землетрясеніями. Съ другой стороны, составъ скалъ, такъ легко разлагающихся и уносимыхъ водою, и всѣмъ извѣстное дѣйствіе обильныхъ тропическихъ дождей, въ подобномъ случаѣ могутъ служить весьма достаточными причинами для образованія такихъ долинъ. Но сходство ихъ формъ и очертаній, способа ихъ развѣтвленія, скатовъ и кряжей, ихъ раздѣляющихъ съ великою горною картиною Гамалая, до того замѣчательно, что дѣйствовавшія силы въ обоихъ случаяхъ были однѣ и тѣ-же, и что различны были только продолжительность ихъ дѣйствія и свойства матерьяловъ, надъ которыми онѣ работали.

Около полудня мы достигли деревни Менуерри, чрезвычайно красиво расположенной на горномъ выступѣ, на высотѣ около 600 ф. надъ долиною, откуда открывался великолѣпный видъ на горы этой части Борнео. Отсюда увидѣлъ я гору Пенриссенъ, находящуюся у верховья Саравака, одну изъ самыхъ высокихъ во всемъ округѣ, подымающуюся приблизительно до высоты 6,000 футовъ надъ моремъ. Къ югу виднѣлся Рованъ, а еще далѣе повидимому не менѣе высокія Унтованскія горы въ голландскихъ владѣніяхъ. Спускаясь изъ Менуерри, мы снова перешли Кайанъ, который сначала огибаетъ выступъ и затѣмъ уже подымается вверхъ, къ ущелью, раздѣляющему долины Садонга и Саравака и лежащему на высотѣ около 2,000 футовъ. Спускъ отсюда былъ чрезвычайно красивъ. По обѣимъ сторонамъ отъ насъ въ глубокомъ каменномъ руслѣ катилась рѣка, къ которой мы спускались потихоньку, переходя множество овраговъ и пропастей по незатѣйливымъ туземнымъ мостамъ изъ бамбука. Иные изъ этихъ мостовъ были длиною въ нѣсколько сотъ футовъ, а вышиною отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ, и состояли просто изъ бамбуковаго бревна въ четыре дюйма въ діаметрѣ и перилъ изъ того же матеріала, за которыя можно было только держаться, но никакъ не опираться на нихъ, ибо часто онѣ были весьма тонки.

Къ вечеру мы достигли деревни Содосъ, расположенной на выступѣ между двумя рѣками, но она такъ густо окружена фруктовыми деревьями, что оттуда можно было увидѣть немногое. Домъ былъ просторенъ, чистъ и удобенъ, а жители чрезвычайно обязательны. Многія женщины и дѣти никогда до того времени не видали бѣлаго человѣка и весьма скептически отнеслись къ тому, что вся моя кожа такого же цвѣта, какъ и лице.

*

Онѣ просили меня показать имъ мои руки и тѣло, и такъ какъ это были созданія чрезвычайно добродушныя, то мнѣ жаль было не удовлетворить ихъ любопытству и я заворотилъ штаны и показалъ имъ цвѣтъ моихъ ногъ, которыя онѣ принялись разсматривать съ большимъ интересомъ.

Рано утромъ мы снова отправились въ путь; мы спускались по прекрасной долинѣ, вокругъ которой по всѣмъ направленіямъ отъ насъ возвышались горы въ 2,000 и 3,000 футовъ вышиною. Маленькая рѣчка быстро увеличивалась въ размѣрахъ, а когда мы достигли Сенны, она стала уже прекрасною рѣкою, по которой могли плавать небольшія суда. Здѣсь снова появились шиферныя скалы, расположенныя совершенно такъ же, какъ и на Содопгѣ. Когда я сталъ искать лодки, чтобы отправиться внизъ по рѣкѣ, мнѣ сказали, что сеннскіе дайаки, хотя прибрежные жители, но никогда не употребляютъ лодокъ. Это были горцы, пришедшіе въ долину всего лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, и еще не измѣнившіе своихъ правовъ. Они принадлежали къ тому же племени, какъ и жители Менуерри и Содоса, умѣли строить хорошія дороги и мосты, воздѣлывать нагорную землю и такимъ образомъ придавать мѣстности гораздо болѣе пріятный видъ, чѣмъ она бываетъ у народовъ, перемѣщающихся только въ лодкахъ и воздѣлывающихъ лишь берега рѣкъ.

Послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ мнѣ удалось наконецъ нанять лодку у какого то малайскаго торговца и отыскать трехъ дайаковъ, нѣсколько разъ бывшихъ съ малайцами въ Саравакѣ и надѣявшихся управиться съ нею какъ нельзя лучше. Но они оказались чрезвычайно неловкими, безпрестанно наѣзжали на мели, наталкивались на скалы и теряли равновѣсіе, такъ что едва не опрокидывались вмѣстѣ съ лодкою, представляя такимъ образомъ совершенную противоположность ловкимъ дайакамъ морякамъ. Наконецъ мы приблизились къ одному дѣйствительно опасному мѣсту; люди мои струсили и не рѣшались переплыть его, но тутъ случились малайцы съ лодкою, нагруженною рисомъ,—они переправили насъ и были на столько добры, что дали мнѣ въ подмогу одного изъ своихъ людей. Мои дайаки въ эту критическую минуту навѣрное потеряли бы равновѣсіе и опрокинули бы лодку. Начиная съ этого мѣста рѣка стала необыкновенно живописна, берега мѣстами были расчищены для рисовыхъ полей, и такимъ образомъ открывался великолѣпный видъ на окрестности. Надъ рѣкою было построено множество житницъ, къ которымъ вели съ берега бамбуковые мостики; висячіе бамбуковые мосты были перекинуты черезъ рѣку всюду, гдѣ построенію ихъ благопріятствовали нависшія надъ водою деревья.

Ночь я провелъ въ деревнѣ себупгоускихъ дайаковъ, и на слѣдующій день достигъ Саравака; дорога туда вела по самой красивой мѣстности—всюду возвышались известняковыя горы съ своими фантастическими формами и бѣлыми обрывами, драпированныя и украшенныя растительностью. Берега Саравака всюду были покрыты плодовыми деревьями, доставляющими дайакамъ наибольшее количество ихъ пищи. Мангустаны и другія плодовыя деревья росли здѣсь въизобиліи, но наиболѣе многочисленны и наиболѣе уважемы здѣсь—дуріанги, плоды которыхъ весьма мало извѣстны въ Европѣ, но въ Малайскомъ же Архипелагѣ признаны наилучшими какъ туземцами, такъ и европейцами. Одинъ изъ древнихъ путешественниковъ Линшоттъ, писавшій въ 1599 году, говоритъ:—Это такой прекрасный плодъ, который по вкусу превосходитъ всѣ другіе плоды въ мірѣ». А докторъ Палуданусъ прибавляетъ: «Плодъ этотъ острый и сочный. Тому, кто не пробовалъ его, кажется, что онъ пахнетъ испортившимся лукомъ, но когда вы попробуете его, то тотчасъ же начинаете предпочитать его всякой другой пищѣ. Туземцы даютъ ему разныя почетныя названія, превозносятъ его и воспѣваютъ въ стихахъ». Когда его внести въ комнату, то запахъ его кажется чрезвычайно непріятнымъ, такъ что иные никакъ не могутъ рѣшиться попробовать его. Это было и со мною въ Малаккѣ, но на Борнео, послѣ того какъ, я нашелъ однажды на землѣ зрѣлый плодъ и съѣлъ его внѣ дома, я сразу сдѣлался почитателемъ дуріанговъ.

Дуріанги растутъ на большихъ и высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ, по общему характеру похожихъ отчасти на вязъ, но съ болѣе гладкою и чешуйчатою корою. Плодъ бываетъ круглый или слегка овальный, величиною съ большой кокосовый орѣхъ, зеленаго цвѣта и сплошь покрытъ короткими крѣпкими шипами, основанія которыхъ соприкасаются и потому имѣютъ отчасти шестиугольную форму, концы же ихъ чрезвычайно тверды и остры; если плодъ безъ ножки то его весьма трудно поднять съ земли. Внѣшняя скорлупа плода до того толста и тверда, что никогда не раскалывается, съ какой бы высоты онъ ни упалъ. Снизу къ верхушкѣ плода могутъ быть проведены пять кривыхъ линій, означающихъ тѣ направленія, по которымъ при помощи хорошаго ножа и сильныхъ рукъ скорлупа можетъ быть раздвоена. Всѣ пять отдѣленій внутри атласистобѣлаго цвѣта и наполнены овальною массою свѣтло-кофейной мякоти, въ которой сидятъ по два или по три зерна величиною съ каштанъ. Мякоть эта и есть съѣдобная часть; свойство и вкусъ ея описать невозможно. Самое лучшее представленіе о ней можетъ дать хорошая молочная яичница, обильно пропитанная вкусомъ миндаля, но вмѣстѣ съ тѣмъ

она отзывается и сливочнымъ сыромъ, и луковымъ соусомъ, и хересомъ, и всякою всячиною. Кромѣ того въ мякоти есть что то липкое и гладкое, отчего она становится еще нѣжнѣе. Она не кисла, не сладка, не сочна, но превосходна, — въ ней не чувствуется недостка ни въ одномъ изъ этихъ свойствъ. Она не производитъ ни рвоты, ни какихъ другихъ вредныхъ послѣдствій, и чѣмъ больше ѣшь ее, тѣмъ больше хочется. Ѣсть дуріанги —это дѣйствительно новое ощущеніе, стоющее того, чтобы ѣхать на Востокъ испытать его.

Когда плодъ спѣлъ, онъ падаетъ самъ собою, и всего лучше ѣсть только что упавшіе дуріанги, ибо запахъ ихъ тогда не такъ силенъ. Незрѣлые плоды составляютъ весьма хорошую овощь, когда они сварены, но дайаки ѣдятъ ихъ и сырыми. Въ урожайный годъ большое количество ихъ сохраняютъ въ запасъ въ соленомъ видѣ, въ кувшинахъ и бамбукахъ, — тогда они пріобрѣтаютъ самый отвратительный для европейцевъ запахъ, но дайаки чрезвычайно любятъ ихъ. Въ лѣсахъ есть двѣ разновидности дикихъ дуріанговъ, съ гораздо меньшими плодами, изъ которыхъ одни бываютъ внутри оранжеваго цвѣта. Отъ нихъ по всей вѣроятности и происходятъ большіе прекрасные дуріанги, никогда не находимые въ дикомъ состояніи. Было бы пожалуй несправедливо сказать, что дуріанги самые лучшіе изъ всѣхъ плодовъ, ибо они не могутъ замѣнить плодовъ кисловато-сочныхъ, каковы апельсинъ, виноградъ, манго и мангостинъ, освѣжающія и прохладительныя свойства которыхъ такъ благотворны и пріятны, но дуріанги въ свою очередь незамѣнимы какъ плоды, доставляющіе самую изысканно-вкусную пищу. Если бы мнѣ пришлось выбирать лучшихъ представителей этихъ двухъ сортовъ плодовъ, то я выбралъ бы дуріангъ и апельсинъ царемъ и царицей всѣхъ остальныхъ плодовъ.

Дуріанги иногда бываютъ опасны для человѣка. Когда они начинаютъ зрѣть, то падаютъ ежедневно и даже ежечасно, и тогда нерѣдко случаются несчастія съ людьми, проходящими подъ деревьями или работающими подъ ними. Когда дуріангъ ударитъ человѣка при своемъ паденіи, то производитъ страшныя раны, раздирая своими шипами мясо; въ то же время самый ударъ бываетъ весьма силенъ. Однако смертные случаи отъ этого весьма рѣдки, такъ какъ обильное истеченіе крови предупреждаетъ воспаленіе. Одинъ дайакскій предводитель говорилъ мнѣ, что разъ онъ былъ сшибленъ съ ногъ ударомъ дуріанга въ голову, и казалось, долженъ былъ умереть отъ этого, а между тѣмъ выздоровѣлъ въ весьма короткое время.

Поэты и моралисты, судя по деревьямъ и плодамъ Англіи, полагали

что на большихъ деревьяхъ всегда растутъ маленькіе плоды, для того чтобы паденіе ихъ не наносило вреда человѣку, и что большіе плоды всегда стелятся по землѣ. Между тѣмъ два самые большіе и самые тяжелые изъ всѣхъ плодовъ, бразильскій орѣхъ (Bertholletia) и дуріангъ, растутъ на высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ, съ которыхъ они падаютъ, какъ только созрѣютъ и часто ранятъ и даже убиваютъ туземныхъ жителей. Это доказываетъ намъ во первыхъ, что не слѣдуетъ выводить общихъ заключеній по весьма частному взгляду на природу, и во вторыхъ, что деревья и плоды, такъ же какъ и животныя, организованы вовсе не съ исключительною цѣлью блага и пользы для человѣка.

Во время моихъ многократныхъ путешествій по Борнео и главнымъ образомъ во время моихъ пребываній среди дайаковъ, я впервые научился цѣнить удивительныя свойства *бамбука*. Въ тѣхъ частяхъ Южной Америки, которыя были посѣщены мною до этого времени, гигантскія травы были относительно рѣдки, а гдѣ и встрѣчались, то употреблялись мало, ибо мѣсто ихъ замѣняли отчасти различныя пальмы, отчасти тыквы и горлянки. Бамбукъ встрѣчается почти во всѣхъ тропическихъ странахъ, и гдѣ онъ растетъ въ изобиліи, тамъ туземцы дѣлаютъ изъ него самое разнообразное употребленіе. Его прочность, незначительность вѣса, гладкость, прямота, круглота и легкость съ которою онъ раскалывается, разнообразіе его размѣровъ, различная длина его междоузлій, легкость съ которою онъ срубается и продалбливается внутри, его твердость снаружи, отсутствіе въ немъ всякаго опредѣленнаго вкуса и запаха, его изобиліе и быстрота его роста и размноженія—всѣ эти свойства дѣлаютъ его примѣнимымъ въ сотнѣ различныхъ случаевъ, въ которыхъ всякій другой матеріялъ потребовалъ бы гораздо больше обработки. Бамбукъ есть одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ продуктовъ тропиковъ и одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ даровъ природы для нецивилизованнаго человѣка.

Дома дайаковъ всегда построены на столбахъ, и часто бываютъ въ двѣсти и триста футовъ длиною и въ сорокъ или въ пятьдесятъ шириною. Полъ въ нихъ дѣлается изъ бамбуковыхъ полосъ шириною около 3 дюймовъ наколонныхъ изъ большихъ бамбуковъ, такъ что онѣ выходятъ почти плоскими; полосы эти плотно прикрѣпляются къ балкамъ снизу при помощи индѣйскаго тростника. Такой полъ, когда онъ хорошо сдѣланъ, превосходенъ для ходьбы босикомъ, ибо кругловатая поверхность бамбука чрезвычайно гладка и пріятна для ноги, которая въ то же время стоитъ на немъ твердо. Но еще важнѣе то,что полъ этотъ, если положить на него цыновку, представляетъ превосходную постель; и несравненно

удобнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ полъ болѣе твердый и плоскій. Вотъ свойство бамбука, котораго не можетъ имѣть никакой другой матеріалъ, безъ значительной подготовки: пальмы, напримѣръ, приходится значительно сглаживать и равнять, но и отдѣланныя онѣ все таки не такъ хороши для вышесказаннаго употребленія. Когда требуется плоскій сплошной полъ, то изъ большихъ бамбуковъ изготовляются отличныя доски, для чего бамбукъ раскалывается съ краю и за тѣмъ сглаживается. Доски эти шириною бываютъ въ восемнадцать дюймовъ, а длиною въ шестъ футовъ; полы изъ нихъ отъ постояннаго тренія ногами и отъ времени становятся темными и гладкими, какъ орѣховое дерево или старый дубъ, такъ что узнать истинный матеріалъ бываетъ весьма трудно. Сколько труда сохраняется при этомъ у дикаря, единственные инструменты у котораго топоръ и ножъ, и которому пришлось бы работать цѣлые дни и недѣли, чтобы получить изъ весьма твердыхъ деревьевъ такую же гладкую поверхность, какую представляетъ бамбукъ. Когда требуется временный домъ или для туземца на его плантаціи, или для путешественника въ лѣсу, то ничто не можетъ быть лучше для этого, какъ бамбукъ, изъ котораго такой домъ можетъ быть построенъ въ четыре раза скорѣе чѣмъ изъ всякаго другого матеріяла.

Какъ я уже говорилъ, нагорные дайаки внутри Саравакской долины строятъ длинныя дороги между деревнями и къ своимъ полямъ, пролагая ихъ черезъ множество рвовъ, рѣкъ, овраговъ, и для сокращенія пути даже черезъ пропасти. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мосты дѣлаются изъ бамбука, который здѣсь до такой степени у мѣста, что кажется сомнительнымъ, предпринимали ли бы дайаки такія работы, если бы у нихъ его не было.

Мосты у дайаковъ незайтѣливы, но прочны. Они состоятъ просто изъ крѣпкихъ бамбуковъ, перекрещивающихся въ родѣ буквы X и выдающихся нѣсколько выше надъ дорогою; при скрещиваньи они бываютъ плотно связаны между собою и на нихъ уже плотно прикрѣпляется большой бомбукъ, составляющій все полотно моста, да еще тонкій бамбукъ, составляющій перила, которыя часто бываютъ весьма шатки. Когда мостъ бываетъ нужно перекинуть черезъ рѣку, то выбирается нависшее надъ водою дерево, и мостъ отчасти подвѣшивается подъ него, отчасти же подпирается діагональными жердями съ береговъ, для того чтобы не нужно было ставить столбовъ въ самую рѣку, которая легко можетъ снести ихъ при наводненіи. Когда дорога ведется по краю пропасти, то въ дѣло употребляются деревья и корни; подпорки укрѣпляются въ выемки и разсѣлины скалъ; если же этого недостаточно, укрѣпляются въ землю громадные бамбуки въ пятьдесятъ или шестьдесяти футовъ дли-

Семейство оранъ-утановъ.

ною, которые снизу привязываютъ къ вѣтвямъ деревьевъ. По мостамъ этимъ переходятъ ежедневно мужчины и женщины, перенося большія тяжести, почему всякая неисправность тотчасъ же замѣчается и исправляется, такъ какъ матеріялъ всегда подъ руками. На очень крутой дорогѣ, которая въ сырую погоду становится весьма скользкою, бамбукъ употребляется инымъ образомъ.

Онъ разрубается на куски въ ярдъ длиною, на концахъ которыхъ дѣлаются зарубки и просверливаются дырки; куски эти за тѣмъ скрѣпляются при помощи деревянныхъ гвоздей, и такимъ образомъ сооружаются чрезвычайно легко и быстро прочныя лѣстницы. Правда, безъ починокъ онѣ могутъ служить не долго, но исправлять ихъ такъ легко и просто, что во всякомъ случаѣ употреблять болѣе твердый и прочный матеріялъ было бы непрактично.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ примѣненій бамбука это при лазаньи на высокія деревья, какъ уже было мною описано выше. Этотъ способъ лазанья употребляется постоянно для добыванія воска, составляющаго одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ продуктовъ страны. Борнейскія пчелы часто привѣшиваютъ свои соты къ вѣтвямъ дерева возвышающагося въ лѣсу надъ всѣми другими, причемъ гладкій цилиндрическій стволъ его часто не имѣетъ вѣтвей до высоты ста футовъ. Дайаки лазятъ на эти высокія деревья по ночамъ, устраивая свои лѣстницы и снимаютъ огромные соты, доставляющіе имъ превосходное лакомство изъ меду и молодыхъ пчелъ, кромѣ воску, который они продаютъ купцамъ, покупая на полученныя деньги мѣдныя кольца, серьги и платки съ золотыми коймами, въ которые они такъ любятъ наряжаться. При лазаніи на дуріанги и другія плодовыя деревья, начинающія вѣтвиться лишь на высотѣ тридцати или пятидесяти футовъ, мнѣ случилось видѣть, что дайаки употребляютъ одни только бамбуковые гвозди безъ вертикальнаго бамбука, съ которымъ лазить гораздо безопаснѣе.

Тонко нарѣзанная бамбуковая кора составляетъ прекрасный матеріалъ для корзинокъ; курятники, птичьи клѣтки и коническія рыбьи сѣти дѣлаются чрезвычайно скоро изъ одного колѣна, причемъ кору отдѣляютъ узенькими полосками, оставляя ее прикрѣпленною у одного конца, и вплетая въ нее чрезъ равномѣрные промежутки обручи изъ того же матеріала или изъ индѣйскаго тростника. Вода проводится въ дома посредствомъ расколотаго на двое бамбука, положеннаго на перекрещивающіяся палки на надлежащей высотѣ. Тонкіе длинноколѣнные бамбуки составляютъ единственные дайакскіе водоносные сосуды, которыхъ въ каждомъ домѣ стоятъ по угламъ цѣлыя дюжины. Они чисты, легки и удо-

бны для носки, слѣдовательно во многихъ отношеніяхъ лучше глиняныхъ сосудовъ, назначаемыхъ для той же цѣли. Кромѣ того они употребляются вмѣсто кувшиновъ и бутылокъ для сохраненія соленыхъ плодовъ, рыбы, сахара, уксуса и меду. Въ маленькой, прекрасно вырѣзанной и разукрашенной бамбуковой коробочкѣ дайакъ носитъ свои припасы для жеванія бетеля, а его маленькій съ длиннымъ лезвеемъ ножъ вложенъ въ бамбуковыя ножны. Его любимая трубка — огромный *шублл-любле*, который онъ можетъ сдѣлать въ одну минуту, укрѣпивъ наклонно маленькій кусокъ бамбука въ большомъ цилиндрѣ наполненномъ водою дюймовъ на шесть, чрезъ который дымъ проходитъ въ длинный и тонкій бамбуковый чубукъ. Есть еще много другихъ случаевъ ежедневнаго употребленія бамбука, но о значеніи его сказано уже достаточно. Въ другихъ частяхъ архипелага мнѣ самому случалось видѣть много другихъ родовъ его употребленія, и весьма можетъ быть, что мои ограниченныя наблюденія не познакомили меня и съ половиною способовъ примѣненія его у сараваккихъ дайаковъ.

Я назову теперь нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ растеній острова Борнео. Чудесныя кувшинковыя растенія, приписываемыя ботаниками къ роду Nepenthes, достигаютъ здѣсь самаго громаднаго развитія. Они растутъ на каждой горѣ, простираясь по землѣ или извиваясь вокругъ кустарниковъ и полусгнившихъ деревьевъ граціозно висящими по всѣмъ направленіямъ кувшинообразными головками. Нѣкоторыя изъ нихъ длинны и топки въ родѣ филиппинской Euplectella, которая теперь сдѣлалась такъ извѣстна; другія коротки и толсты; онѣ зеленаго цвѣта съ разнообразными пурпуровыми и красными оттѣнками. Самое красивое изъ извѣстныхъ было найдено на вершинѣ Кинибалу, въ сѣверозападной части острова. Одно изъ вида короткаго Nepenthes rajah можетъ вмѣстить въ своихъ кувшинахъ около двухъ кварть воды. На другомъ, Nepenthes Edwardsiania растутъ узкіе кувшины двадцати дюймовъ длины, а само растеніе достигаетъ двадцати футовъ величины. Папоротниковъ очень много, хотя здѣсь они и не встрѣчаются въ такихъ разнообразныхъ видахъ, какъ на вулканическихъ горахъ Явы; кромѣ того папоротниковыя деревья здѣсь не такъ высоки и не такъ роскошны, какъ на Явѣ. Онѣ растутъ совершенно на одномъ уровнѣ съ моремъ и бываютъ обыкновенно граціозныя и тонкія растеньица отъ 8 до 15 футовъ высоты. Безъ большого труда я нашелъ на Борнео около пятидесяти видовъ папоротниковъ и увѣренъ, что ботаникъ получилъ бы вдвое больше. Интересная группа орхидеевъ здѣсь очень распространена, но какъ и вездѣ 19 видовъ имѣютъ меленькіе и незамѣтные цвѣ-

ты. Исключеніе составляетъ прекрасная Coelagines, большіе желтые цвѣты которой, расположенные кистями, составляютъ украшеніе густыхъ лѣсовъ, и странное растеніе Vanda Lovii, растущее въ изобиліи подлѣ нѣкоторыхъ горячихъ ключей у подножія горы Пенинджо. Оно прицѣпляется къ нижнимъ вѣткамъ деревьевъ, такъ что его странный, висящій стебель спускается до самой земли. Оно бываетъ обыкновенно шести или восьми футовъ длины и приноситъ большіе прекрасные цвѣты трехъ дюймовъ въ поперечникѣ, цвѣтъ которыхъ колеблется между оранжевымъ и краснымъ съ темнопурпуровыми пятнами.

Я смѣрилъ одинъ колосъ, который былъ чрезвычайно великъ; онъ имѣлъ 9 футовъ 8 дюймовъ длины и былъ покрытъ тридцатью шестью цвѣтками, расположенными спиралью вокругъ тонкаго нитеобразнаго стебля. Экземпляры, вырощенныхъ въ нашихъ англійскихъ теплицахъ, были такой же длины и имѣли еще большее количество цвѣтовъ.

Какъ и во всѣхъ тропическихъ лѣсахъ цвѣтовъ здѣсь очень мало, и я только изрѣдка нападалъ на какой нибудь замѣчательный экземпляръ. Встрѣчалось нѣсколько вьющихся растеній, особенно красныхъ и желтыхъ Aeschynanthus и прекрасное бобовое растеніе съ кистями большихъ, похожихъ на кассію цвѣтовъ роскошно пурпуроваго цвѣта. Разъ я нашелъ нѣсколько небольшихъ Apocaceous изъ рода Polyalthea, видъ которыхъ производитъ поразительное впечатлѣніе среди густой лѣсной чащи. Они около тридцати футовъ высоты, и ихъ тонкіе стволы покрыты большими цвѣтами, которые расположены въ видѣ гирляндъ и походитъ скорѣе на искуственое украшеніе,чѣмъ на естественное произведеніе.

Лѣса изобилуютъ гигантскими деревьями съ цилиндрическими стволами, или изборожденными сучьями а иногда путешественникъ попадаетъ подъ чудное фиговое девево, одинъ стволъ которое образуетъ самъ по себѣ цѣлый лѣсъ стволовъ и воздушныхъ кореньевъ. Еще рѣже встрѣчаются деревья, которыя какъ будто начинаются въ воздухѣ и оттуда распускаютъ вверхъ далеко раскинувшівся вѣтки, а внизу образуютъ сложную пирамиду корней, спускающихся съ высоты семидесяти или восьмидесяти футовъ и распространяющихся такъ далеко во всѣ стороны что ставъ въ центръ будешь имѣть стволъ надъ головою. Я думаю, что они по происхожденію паразиты и развились изъ зерна занесенаго птицей и попавшаго въ расщепъ какого нибудь высокаго дерева. Изъ него вышли воздуные корни, которые, окруживъ поддерживавшее ихъ дерево, постепенно разрушали его и наконецъ совершенно заняли его мѣсто. Здѣсь мы видимъ настоящую борьбу за существованіе въ растительномъ

царствѣ, оканчивающуюся такимъ же роковымъ образомъ для побѣжденнаго, какъ и борьба между животными, которую мы наблюдаемъ и понимаемъ легче. Выгоды отъ легкаго доступа къ свѣту, теплотѣ и воздуху, выпадающія обыкновенно на долю вьющихся растеній, здѣсь достигаются древообразными, которые, благодаря этому обстоятельству, обладаютъ средствами къ развитію и росту, достигаемыми другими только послѣ долгихъ лѣтъ роста, да и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, если паденіе сосѣднихъ деревьевъ дастъ имъ больше простора. Такимъ образомъ въ тепломъ, влажномъ и ровномъ климатѣ тропиковъ, каждое удобное мѣсто идетъ въ прокъ и даетъ средство къ развитію новыхъ жизненныхъ формъ, спеціально приспособленныхъ къ нему.

Возвратясь въ Саравакъ рано въ декабрѣ, я узналъ, что не будетъ возможности возвратиться въ Сингапуръ раньше конца января. Поэтому я принялъ предложеніе сэра Джемса Брука провести недѣлю на его котеджѣ въ Пенинжо въ обществѣ его и мистера Ст. Джона. Пенинжо представляетъ изъ себя настоящую крутую пирамидальную гору изъ кристаллическаго базальтоваго камня до тысячи футовъ вышины, и покрытую роскошною лѣсною растительностью. На ней расположено три дайякскихъ деревни и на небольшой площадкѣ, не далеко отъ вершины, стоитъ грубый лѣсной домикъ, куда англійскій раджа обыкновенно отправляется пользоваться отдыхомъ и свѣжимъ воздухомъ. Коттеджъ находится недальше двадцати миль отъ берега, но дорога на гору представляетъ рядъ уступовъ надъ бездною, бамбуковыхъ мостовъ черезъ пропасти и ущелья, и скользкихъ тропинокъ черезъ скалы, пни и громадные валуны величиною съ домъ. Холодный источникъ, протекавшій внизу коттеджа подъ нависшею скалою, доставлялъ намъ прекрасный напитокъ и свѣжія ванны; дайяки приносили намъ каждый день полныя корзины мангустинъ и ланзъ, два изъ самыхъ вкусныхъ кислыхъ тропическихъ плода. Мы возвратились въ Саравакъ къ Рождеству, (это было уже второе Рождество, проведенное мною съ сэръ Джемсомъ Брукомъ), когда всѣ европейцы въ городѣ и изъ окрестныхъ мѣстъ пользуются гостепріимствомъ раджи, который обладаетъ въ высшей степени искусствомъ, дѣлать все окружающее себя довольнымъ и счастливымъ.

Пять дней спустя, я воротился на гору съ Шарлемъ и малайскимъ мальчикомъ Али, и пробылъ здѣсь три недѣли, собирая коллекцію мотыльковъ, ночныхъ бабочекъ, папоротниковъ и орхидей. На вершинѣ горы было даже довольно много папоротниковъ, и я собралъ до 40 различныхъ видовъ. Но больше всего меня заинтересовало то, что при нѣ-

которыхъ условіяхъ, я здѣсь ловилъ громадное количество ночныхъ бабочекъ. Впродолженіи моего восьми-лѣтняго путешествія по востоку, я не встрѣтилъ ни одной горы, гдѣ бы мнѣ удалось собрать такое множество этихъ насѣкомыхъ, а потому, мнѣ кажется, интересно опредѣлить точнымъ образомъ, при какихъ условіяхъ я здѣсь насобиралъ ихъ. Съ одной стороны котеджа была устроена веранда, съ которой открывался видъ внизъ на всю сторону горы, а на право на ея вершину, покрытую густымъ лѣсомъ. Досчатыя стѣны коттеджа выбѣлены, а крыша веранды очень низка и также досчатая и выбѣленная. Когда начинало темнѣть, я ставилъ лампу на столъ противъ стѣны и садился съ книгою, расположивъ около себя булавки, щипчики, сѣти и ящички для насѣкомыхъ. Иногда впродолженіи цѣлаго вечера прилетала лишь одна бабочка, но за то въ другія ночи онѣ являлись безчисленными роями, такъ что я весь вечеръ до полуночи, не переставая, ловилъ и пришпиливалъ ихъ.

Онѣ прилетали просто тысячами, но такихъ хорошихъ ночей было не много. Впродолженіи четырехъ недѣль, проведенныхъ мною на горѣ, собственно удачныхъ ночей выпало только четыре, и онѣ были всегда дождливы и очень сыры. Но дождливыя ночи не всегда благопріятны, а потому въ сырыя лунныя ночи не прилетало почти ни одного насѣкомаго. Всѣ главныя породы бабочекъ дали своихъ представителей, и красота и разнообразіе видовъ были поразительны. Въ хорошія ночи я ловилъ отъ сотни до двухсотъ пятидесяти бабочекъ, изъ которыхъ половина или двѣ трети были различныхъ видовъ. Однихъ изъ нихъ я поймалъ на стѣнѣ, другихъ на столѣ, а нѣкоторыя залетали на крышу, такъ что я принужденъ былъ бѣгать за ними по всей верандѣ. Чтобы показать любопытное соотношеніе между состояніемъ погоды и количествомъ летающихъ на свѣтъ ночныхъ бабочекъ, я каждую ночь велъ счетъ пойманныхъ мною насѣкомыхъ и составилъ таблицу, изъ которой между прочимъ видно въ 26 ночей я собралъ 1386 ночныхъ бабочекъ, но болѣе 600 изъ нихъ было поймано въ пять очень сырыхъ и темныхъ ночей. Этотъ успѣхъ заставилъ меня надѣяться, что я въ состояніи буду собрать такое же множество этихъ насѣкомыхъ на каждомъ островѣ. Но къ удивленію моему я впродолженіи слѣдующихъ шести лѣтъ ни разу не могъ собрать коллекцію, похожую на собранную мною въ Саравакѣ. Причина этого вѣроятно заключается въ отсутствіи того или другого условія, которыя здѣсь были соединены всѣ вмѣстѣ. Иногда мѣшала сухая погода; чаще домъ, въ которомъ я жилъ, не выходилъ въ лѣсъ и былъ окруженъ другими домами, такъ что свѣтъ, выходящій изъ

нихъ отвлекалъ отъ меня бабочекъ; еще чаще мѣшало то, что домъ былъ съ высокою крышею, крытою пальмами, въ отверстіяхъ которой пропадала всякая бабочка въ туже минуту, какъ она влетала. Это было самымъ большимъ препятствіемъ и главною причиною, по которой я не могъ никогда больше собрать коллекціи ночныхъ бабочекъ, потому что я ни разу послѣ того не жилъ въ уединенномъ деревянномъ домѣ, съ низкою досчатою и выбѣленною верандою, построенною такимъ образомъ, чтобъ помѣшать насѣкомымъ, взобравшимся уже разъ въ верхнюю часть дома, вылетѣть снова. Послѣ многихъ опытовъ, неудачъ и одного успѣха, я могу теперь сказать, что если когда нибудь натуралисты отправятся изслѣдовать Малайскій архипелагъ или какую нибудь тропическую страну съ преимущественно энтомологическими цѣлями, имъ необходимо будетъ взять съ собою небольшую, окаймленную рамками, веранду или верандообразную палатку изъ бѣлаго холста и выставлять ее при каждомъ удобномъ случаѣ: это вѣрное средство для собранія коллекціи ночныхъ чешуекрылыхъ, рѣдкой породы жесткокрылыхъ и другихъ насѣкомыхъ. Я говорю здѣсь объ этомъ потому, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что только благодаря этому аппарату мнѣ удалось собрать такое множество насѣкомыхъ, и я считаю поэтому изобрѣтеніе это важнымъ результатомъ наблюденій собирателя.

Вернувшись въ Сингапуръ, я взялъ съ собою малайца Али, который сопровождалъ меня потомъ по всему архипелагу. Шарль Оллень предпочелъ остаться въ миссіонерскомъ домѣ, а потомъ получилъ занятіе въ Саравакѣ и Сингапурѣ, а пять лѣтъ спустя снова присоединился къ намъ въ Амбойнѣ на Моллукскихъ островахъ.

ГЛАВА VI

БОРНЕО.

Наружныя свойства дайаковъ.—Ихъ характеръ.—Различіе отъ китайцевъ и малайцевъ.—Задатки цивилизаціи.—Нравственный характеръ.—Незначительность населенія.—Причины того.—Управленіе Джемса Брука.

Обычаи и нравы туземцевъ Борнео описаны съ бо́льшими подробностями и съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ я обладаю, въ сочиненіяхъ сэра Джемса Брука, мистеровъ Лау, Ст.-Джона, Джонсона Брука и многихъ другихъ. Я не буду повторять здѣсь все сначала, но ограничусь только очеркомъ моихъ личныхъ наблюденій объ общемъ характерѣ дайаковъ и тѣми физическими, нравственными и соціальными особенностями, о которыхъ менѣе говорилось.

Дайаки очень похожи на малайцевъ и гораздо менѣе на сіамцевъ, китайцевъ и другіе народы монгольской расы. Всѣ они отличаются красновато-коричневою кожею съ различными оттѣнками, черными, какъ смоль, и прямыми волосами, короткою бородою, или совершеннымъ отсутствіемъ ея; но ни у одного дайака нѣтъ косыхъ глазъ, которыми отличаются болѣе типичные монголы. Средній ростъ дайаковъ болѣе чѣмъ у малайцевъ, хотя и гораздо менѣе большинства европейцевъ. Ихъ члены очень пропорціональны, руки и ноги малы, и они никогда или очень рѣдко бываютъ толсты, что чаще встрѣчается у малайцевъ и китайцевъ.

Я склоненъ поставить дайаковъ выше малайцевъ въ умственномъ отношеніи, тогда какъ въ нравственномъ они безъ всякаго сомнѣнія далеко превосходятъ ихъ. Они гораздо живѣе и разговорчивѣе, не такъ скрытны и подозрительны какъ малайцы, и представляютъ потому болѣе пріятныхъ собесѣдниковъ. Малайскіе мальчики совсѣмъ не любятъ подвижныхъ игръ, которыя составляютъ необходимую принадлежность жизни дайакскихъ юношей. Они кромѣ уличныхъ игръ, гдѣ требуется

сила и ловкость, знаютъ еще множество комнатныхъ забавъ. Разъ, въ дождливый день, я сидѣлъ въ комнатѣ дайакскаго семейства, окруженный толпою мальчиковъ и юношей. Мнѣ хотѣлось занять ихъ, показавъ что нибудь новенькое, и я сталъ показывать имъ, «какъ снимать съ веревочки.» Но, къ моему удивленію, они знали все это, и даже болѣе, чѣмъ я.

Когда мы съ Шарлемъ продѣлали всѣ перемѣны, одинъ изъ мальчиковъ снялъ веревку съ моихъ рукъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ штукъ, которыя очень затруднили меня. Затѣмъ они показали мнѣ нѣсколько новыхъ фокусовъ съ веревкою, которая, кажется, служитъ имъ любимою забавою.

Даже эти, по видимому пустыя черты, могутъ помочь намъ составить вѣрное понятіе о характерѣ и соціальныхъ условіяхъ дайаковъ. По нимъ мы видимъ, что этотъ народъ уже почти прошелъ черезъ первую ступень дикой жизни, на которой борьба за существованіе поглощаетъ всѣ способности, и всѣ мысли бываютъ заняты только войною, охотою или удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Эти забавы указываютъ на способность къ цивилизаціи, на возможность наслаждаться не однѣми только чувственными удовольствіями, что можетъ возвысить ихъ умственную и соціальную жизнь.

Нравственный характеръ дайаковъ очень высокъ; это мнѣніе, конечно, удивитъ людей, привыкшихъ слышать о нихъ, какъ объ охотникахъ за черепами и пиратахъ. Горные дайаки, о которыхъ я говорю, никогда между тѣмъ не были пиратами и даже никогда не подходили близко къ морю. Что же касается до охоты за черепами, этотъ обычай произошелъ вслѣдствіе мелкихъ войнъ деревни съ деревнею и племени съ племенемъ; онъ столько же служитъ доказательствомъ низкаго нравственнаго уровня, сколько обычай невольничьей торговли, 100 лѣтъ тому назадъ, могъ служить мѣриломъ нравственности всѣхъ тѣхъ, кто въ ней участвовалъ. Но за то въ противовѣсъ одному этому пятну на ихъ характерѣ, они обладаютъ многими хорошими сторонами. Они честны и вѣрны въ высшей степени. Поэтому отъ нихъ очень часто трудно добиться какого нибудь опредѣленнаго мнѣнія или свѣдѣнія. Они говорятъ: «если я буду говорить вамъ о томъ, чего не знаю, я могу солгать», и когда они охотно сообщаютъ какіе нибудь факты, вы можете быть увѣрены, что они говорятъ правду. Въ деревнѣ дайаковъ каждое плодовое дерево принадлежитъ отдѣльному владѣльцу; мнѣ часто случалось, попросивъ туземца сорвать нѣсколько плодовъ, получить отъ него отвѣтъ: «Я не могу сдѣлать этого, такъ какъ владѣльца этого дерева здѣсь нѣтъ,» и они, кажется, не считаютъ возможнымъ поступать иначе.

Точно также никогда они не возмутъ ни малѣйшей вещи, принадлежащей европейцу. Когда я жилъ въ Симунжу, они постоянно подходили къ моему дому и собирали куски разорванныхъ газетъ и сломанныхъ булавокъ, которые я выбрасывалъ за окно и просили меня, какъ милости, подарить имъ это. Преступленія, насиліе (исключая охоты за черепами), здѣсь почти неизвѣстны. Въ продолженіи 12 лѣтъ, во время управленія сэра Джемса Брука случилось только одно убійство въ племени дайаковъ, да и то было совершено чужеземцемъ, усыновленнымъ этимъ племенемъ. По другимъ нравственнымъ сторонамъ характера они во многомъ превосходятъ большинство нецивилизованныхъ и даже нѣкоторые цивилизованные народы. Они умѣренны въ питьѣ и пищѣ, и чувственность китайцевъ и малайцевъ имъ неизвѣстна. Они имѣютъ недостатокъ общій всѣмъ полудикимъ племенамъ — апатію и медлительность, но какъ ни непріятенъ этотъ недостатокъ европейцамъ, приходящимъ съ ними въ столкновеніе, онъ, однако, не можетъ считаться важнымъ и затмить ихъ хорошія качества.

Въ продолженіи моего пребыванія у горныхъ дайаковъ, я былъ пораженъ отсутствіемъ причинъ, которыя, по общепринятому мнѣнію, замедляютъ обыкновенно увеличеніе населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ медленно или даже вовсе неувеличивающимся числомъ жителей. Здѣсь существуютъ всѣ наиболѣе благопріятныя условія для быстраго возрастанія населенія — изобиліе пищи, теплый климатъ и ранніе браки. Народъ производитъ болѣе пищи, нежели потребляетъ, и вымѣниваетъ излишекъ на мѣдныя пушки, старую посуду, золотыя и серебряныя украшенія и гонги, которые составляютъ его богатство. Однимъ словомъ голодъ имъ вовсе неизвѣстенъ, браки совершаются рано, (но не слишкомъ рано) и старые холостяки и дѣвушки здѣсь тоже неизвѣстны. Но почему же, спросимъ мы, не возрастаетъ здѣсь населеніе? Почему деревни дайаковъ такъ малы, разбросаны и $^{9}/_{10}$ страны еще покрыто лѣсами. Изъ причинъ, замедляющихъ возрастаніе населенія у дикихъ племенъ, Мальтусъ приводитъ: голодъ, болѣзни, войну, дѣтоубійство, безнравственность и безплодіе женщинъ, причемъ послѣднее обстоятельство считаетъ менѣе важнымъ и даже сомнительнымъ; здѣсь же оно одно, по моему мнѣнію, могло замедлить возрастаніе населенія. Населеніе Великобританіи въ 50 лѣтъ удвоивается. Для этого необходимо, чтобъ каждая чета имѣла троихъ дѣтей, которые должны быть женаты въ 25 лѣтъ. Прибавьте къ этому умирающихъ въ дѣтствѣ, тѣхъ кто никогда не женится или слишкомъ поздно и не имѣютъ потомства, и число дѣтей каждой супружеской четы должно доходить до четырехъ или пяти, и намъ из-

вѣстно, что у насъ семейства съ семью или восьмью человѣками дѣтей очень часты, а съ десятью или двѣнадцатью тоже не исключительное явленіе. Но по свѣденіямъ, которыя я собиралъ по всѣмъ деревнямъ дайаковъ, оказалось, что женщины рѣдко имѣютъ здѣсь болѣе трехъ или четырехъ дѣтей, а старый начальникъ увѣрялъ меня, что онъ никогда не встрѣчалъ женщины, у которой было бы болѣе семи дѣтей. Въ деревнѣ, состоявшей изъ ста пятидесяти семействъ, только у одного было шесть дѣтей и у шести пять, у большинства же было двое, трое или четверо. Сравнивъ это съ извѣстною пропорціею въ европейскихъ странахъ, намъ станетъ ясно, что число дѣтей на каждый бракъ едва ли можетъ дойти до трехъ или четырехъ, а если даже въ цивилизованныхъ странахъ половина населенія умираетъ, не достигнувъ двадцатипятилѣтняго возроста, то здѣсь у насъ останется только двое для замѣны родителей. Пока продолжается такой порядокъ вещей, населеніе не можетъ увеличиватся. Это единственное объясненіе, и факты, которые я привелъ, дѣйствительно показываютъ, что такъ на самомъ дѣлѣ и происходитъ; принявъ же это объясненіе, не трудно понять причину малочисленности и малаго возрастанія населенія дайакскихъ племенъ.

Теперь намъ нужно изслѣдовать причину малаго числа рожденій и дѣтей въ семействѣ. Климатъ и раса имѣютъ конечно тутъ нѣкоторое вліяніе, но мнѣ кажется, что главная причина заключается въ слишкомъ тяжелой работѣ женщинъ и большихъ тяжестяхъ, которыя онѣ постоянно носятъ. Дайакскія женщины обыкновенно проводятъ цѣлый день въ полѣ, и приносятъ домой каждую ночь тяжелую связку зелени и дровъ иногда за нѣсколько миль по крутой и неровной дорогѣ; нерѣдко ей приходится взбиратся по уступамъ и скользкимъ ступенькамъ на скалистыя горы до 1000 футовъ высоты. Сверхъ того ей каждое утро приходится цѣлый часъ толочь рисъ тяжелою деревянною толчеей, причемъ сильно напрягается каждая часть тѣла. Она принимается за этотъ трудъ съ 9 или 10 лѣтняго возраста и не перестаетъ работать до самой глубокой старости. Очевидно слѣдуетъ удивлятся не малочисленности ихъ потомства, а тому, что природа можетъ дѣлать еще усилія для продолженія расы. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ дѣйствій наступающей здѣсь цивилизаціи будетъ улучшеніе положенія этихъ женщинъ. Наставленія и примѣръ высшихъ расъ заставитъ дайака стыдиться быть лѣнивымъ въ то время, какъ его слабѣйшая подруга работаетъ, подобно вьючному скоту. Когда его потребности возрастутъ, и наслажденія станутъ болѣе утонченными, женщины должны будутъ заниматся дома и перестануть работать на полѣ; эта перемѣна уже про-

изошла у родственныхъ племенъ малайскихъ и яванскихъ, и населеніе будетъ тогда конечно возрастать гораздо сильнѣе; для доставленія ему средствъ къ существованію явится надобность въ усовершенствованныхъ способахъ земледѣлія и раздѣленіи труда, и болѣе сложныя соціальныя условія замѣнятъ существующія у нихъ теперь простыя общественныя фбрмы. Но увеличится или уменьшится счастье народа съ наступленіемъ болѣе сильной борьбы за существованіе? Не возбудится ли духъ соперничества низкихъ страстей и не появятся ли между ними неизвѣстныя теперь пороки и преступленія? Эти вопросы можетъ рѣшить одно время, но можно надѣяться, что развитіе и примѣръ высшихъ европейскихъ классовъ предупредитъ много зла, возникающаго обыкновенно при подобныхъ обстоятельствахъ, и что мы будемъ мочь наконецъ указать на одинъ примѣръ того, что нецивилизованный народъ не сталъ деморализироваться и не былъ истребленъ при столкновеніи съ европейскою цивилизаціею.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ объ управленіи въ Саравакѣ. Сэръ Джемсъ Брукъ нашелъ дайяковъ угнетаемыми самою жестокою тиранією. Ихъ обманывали малайскіе купцы и грабили малайскіе начальники. Ихъ женъ и дѣтей постоянно захватывали и продавали въ рабство, и враждебныя племена часто покупали у жестокихъ начальниковъ позволеніе грабить, уводить въ плѣнъ и убивать ихъ. Добиваться въ этомъ случаѣ справедливости или возмездія за обиды было совершенно безполезно. Но съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Джемсъ сталъ управлять страною, порядокъ совершенно измѣнился. Малайцы, китайцы и дайяки стали совершенно равноправны.

Безпощадные разбойники съ восточныхъ рѣкъ острова были наказаны, прогнаны въ ихъ собственныя владѣнія, и дайаки могли въ первый разъ въ жизни заснуть спокойно. Ихъ жены и дѣти были теперь безопасны отъ рабства, и дома не были теперь поджигаемы надъ ихъ головами; жатва и плоды сдѣлались ихъ собственностью, и они могли продавать и пользоваться ими по своему благоусмотрѣнію. Но кто же могъ быть этотъ неизвѣстный чужестранецъ, который далъ имъ всѣ эти блага, ничего ни взявъ въ замѣнъ? Могли ли они понять его побудительныя причины? Не естественно ли, что они отказались понять, что онъ за человѣкъ. Они не имѣли понятія о людяхъ, соединявшихъ большую власть съ дѣлами благодѣянія. Они естественно заключили, что это высшее существо, спустившееся на землю утѣшать несчастныхъ; во многихъ деревняхъ, гдѣ его не видали, мнѣ часто задавали о немъ самые странные вопросы. Не былъ ли онъ такъ старъ, какъ горы? Не

можетъ ли онъ воскресить умершихъ? И жители положительно вѣрили, что онъ можетъ послать имъ урожай и изобиліе плодовъ на деревьяхъ.

Чтобы составить собственное мнѣніе о правленіи сэра Джемса Брука, нужно вспомнить, что онъ владѣлъ Саравакомъ единственно по желанію его природныхъ жителей. Онъ имѣлъ дѣло съ двумя расами, одна изъ которыхъ, магометанскіе малайцы, смотрѣла на другую — дайаковъ, какъ на дикую и рабскую, годную только на то, чтобы быть ограбленною и обворованною. Онъ постоянно покровительствовалъ дайакамъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на равныхъ, по его мнѣнію, малайцамъ; за то теперь онъ пріобрѣлъ любовь и расположеніе обѣихъ расъ. Не смотря на религіозные предразсудки магометанъ, онъ склонилъ ихъ измѣнить нѣкоторые изъ дурныхъ законовъ и обычаевъ и приравнять ихъ уголовный кодексъ кодексу цивилизованнаго міра. Не смотря на частое отсутствіе по причинѣ болѣзни, заговоры малайскихъ начальниковъ и возстанія китайскихъ золотоискателей, которые всегда были усмиряемы при помощи туземнаго населенія, не смотря на финансовыя политическія и домашнія волненія, сэръ Джемсъ Брукъ управлялъ впродолженіи 26 лѣтъ. Этимъ онъ обязанъ единственно своимъ прекраснымъ качествамъ и въ особенности тому, что онъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ поселялъ въ туземцахъ убѣжденіе, что онъ управляетъ ими не для личныхъ выгодъ, а для ихъ собственнаго блага.

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, сэра Джемса Брука уже не стало болѣе. Для тѣхъ, кто его не зналъ, онъ можетъ казаться мечтательнымъ авантюристомъ или жестокосердымъ деспотомъ, но люди, приходившіе съ нимъ въ столкновенія въ усыновленной имъ странѣ, единогласно свидѣтельствуютъ всѣ, какъ европейцы, такъ малайцы и дайаки, что раджа Брукъ былъ великій, мудрый и добрый правитель, вѣрный и преданный другъ, человѣкъ, удивлявшій своими способностями, достойный уваженія за честность и мужество и любимый за радушное гостепріимство, ласковый характеръ и нѣжное сердце.

Оборона оранъ-утана.

ГЛАВА VII.

ЯВА.

Голландская система управленія на островѣ Явѣ.—Постепенное возрастаніе народонаселенія на островѣ.—Богатство и роскошь природы.—Способъ путешествія.—Обрѣзаніе туземцевъ.—Развалины.—Батавія.—Климатъ и обработка земли.

Я прожилъ три съ половиною мѣсяца на Явѣ отъ 18-го іюля до 31-го октября 1861 г., и изложу вкратцѣ мои собственныя похожденія, наблюденія надъ народонаселеніемъ и естественную исторію страны.

Всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ понять какимъ образомъ голландцы управляютъ теперь страною и какимъ образомъ они умѣютъ извлекать изъ нея большой годовой доходъ въ то время, какъ народонаселеніе возрастаетъ, и жители довольны, я отсылаю къ изученію интереснаго и превосходнаго сочиненія мистера Монея, «Какимъ образомъ управлять колоніею.» Главные факты и выводы этого сочиненія я могу подтвердить, и я полагаю, что европейцы, покоривъ или завладѣвъ какимъ-либо образомъ промышленною, но полуварварскою страною, лучше всего могутъ управлять ею съ помощью голландской системы.

Въ описаніи сѣвернаго Целебеса я покажу, какъ успѣшно примѣнялась эта система къ народу, находящемуся на иной ступени цивилизаціи, чѣмъ яванцы, а пока постараюсь, какъ можно короче, объяснить въ чемъ состоитъ эта система. На Явѣ всѣ туземные правители, начиная съ начальниковъ деревень до князей, остались на своихъ мѣстахъ. Князья подъ именемъ регентовъ управляютъ округами, равняющимися по величинѣ небольшимъ англійскимъ графствамъ. Около каждаго регента находится голландскій резидентъ или помощникъ резидента, который считается *старшимъ братомъ* регента и приказанія ко-

тораго, данныя въ формѣ *представленій*, исполняются безпрекословно. Кромѣ помощника резидента существуетъ контролеръ, родъ инспектора надъ всѣми нисшими туземными управителями; они періодически посѣщаютъ каждую деревню округа, наблюдаютъ за судопроизводствомъ туземныхъ судовъ, выслушиваютъ жалобы на начальниковъ и наблюдаютъ надъ правительственными плантаціями. Теперь нужно сказать о системѣ земледѣлія, составляющей источникъ богатства, извлекаемаго голландцами изъ Явы. Чтобы понять ея пользу и благотворное вліяніе, необходимо объяснить сначала какіе результаты даетъ свободная европейская торговля съ нецивилизованными народами.

Туземцы тропическаго климата имѣютъ очень мало потребностей, и когда эти потребности удовлетворены, то они не станутъ работать для полученія излишка безъ сильныхъ побудительныхъ причинъ. Съ такимъ народомъ невозможно ввести новый систематическій способъ земледѣлія, развѣ только съ помощью приказаній ихъ начальниковъ, которымъ онѣ привыкли повиноваться, какъ дѣти родителямъ. Свободная конкуренція европейскихъ народовъ изобрѣла однако два сильныхъ средства для побужденія къ труду. Спиртные напитки и опіумъ слишкомъ сильное искушеніе, которому не можетъ противостоять большинство дикарей; за нихъ дикарь продаетъ все, что имѣетъ, и готовъ работать, чтобъ только достать еще. Другое сильное искушеніе для дикаря — товары, даваемые въ кредитъ. Торговецъ предлагаетъ ему красивое платье, ножи, ружья, порохъ и требуетъ въ уплату жатву, часто еще не готовую, или плоды, находящіеся въ лѣсу. У дикаря не хватаетъ настолько предусмотрительности, чтобы взять немного товаровъ, и настолько энергіи, чтобъ заработать долгъ. И вотъ онъ дѣлаетъ долгъ за долгомъ и остается цѣлые годы, а иногда и всю жизнь, должникомъ и почти рабомъ заимодавца. Таковъ ходъ дѣла во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ люди высшихъ расъ свободно торгуютъ съ нисшими расами. Онъ конечно способствуетъ распространенію торговли, но за то деморализируетъ туземцевъ, замедляетъ истинную цивилизацію и мѣшаетъ возрастанію благосостоянія страны, такъ что европейскія правительства той страны терпятъ отъ этого уронъ.

По системѣ введенной голландцами, народъ, посредствомъ туземныхъ начальниковъ, заставляютъ употреблять часть времени на возделываніе кофе, сахара и другихъ цѣнныхъ продуктовъ. Работники, взявшіеся за расчищеніе почвы, образуютъ плантаціи подъ надзоромъ правительства, и имъ выдаютъ опредѣленную плату, правда довольно низкую, но почти равную, существующей во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ европейская конкуренція не подняла искуственно цѣны. Продукты продаются правитель-

ству по низкой назначенной цѣнѣ. Изъ чистой прибыли извѣстный процентъ достается начальникамъ, а остальное раздѣляется между рабочими. Въ хорошіе года на ихъ долю приходится иногда довольно много.

Сверхъ того ихъ хорошо кормятъ и прилично одѣваютъ, и они получаютъ навыкъ къ труду и научаются искусной обработкѣ земли, что имъ очень пригодится впослѣдствіи. Нужно вспомнить, что правительство затрачивало капиталъ, который не возвращался ему долгіе годы, и если теперь оно получаетъ большіе доходы, то этотъ способъ гораздо менѣе тяжелъ и болѣе благотворенъ для народа, чѣмъ обложеніе податями.

Но хотя эта система хороша и также удобна для развитія промышленности и искусствъ въ полуцивилизованномъ народѣ, какъ выгодна для правительства, но нельзя сказать, чтобы на практикѣ она была примѣняема въ совершенствѣ. Тяжелыя и рабскія отношенія между начальниками и народомъ, продолжавшіеся можетъ быть уже цѣлыя тысячелѣтія, не могутъ быть вдругъ уничтожены; большая часть зла, происходящая отъ этихъ отношеній, можетъ быть уничтожена только съ развитіемъ образованія и съ постепеннымъ смѣшеніемъ европейской крови съ туземною. Разсказываютъ, будто резиденты, желая увеличить продукты своихъ владѣній, принуждали народъ къ постоянной работѣ на плантаціяхъ, и народъ, не имѣя времени на обработку своихъ полей, оставался голоднымъ. Если этотъ фактъ справедливъ, то онъ былъ только злоупотребленіемъ и недостаткомъ гуманности и справедливости со стороны правителей.

Въ Голландіи недавно былъ напечатанъ разсказъ, переведенный и въ Англіи подъ заглавіемъ «Максъ-кавиларъ», или «Аукціонная продажа кофе голландской торговой компаніи». Къ этому сочиненію, какъ и ко всему относящемуся до голландской колоніальной системы, англичане отнеслись по обыкновенію односторонне. Въ короткое время, какъ за содержаніе, такъ и за свою безпощадную будто-бы огласку воображаемыхъ несправедливостей голландскаго правительства, книга пріобрѣла большую извѣстность. Къ моему великому удивленію, я нашелъ ее крайне скучною и старою исторіею, наполненною не идущими къ дѣлу подробностями. Главная цѣль книги выставить на видъ насилія туземныхъ князей, допускаемыя нидерландскими правительствами, и показать какъ зачастую трудъ туземцевъ остается неоплаченнымъ, а отнятое имущество — невознагражденнымъ. Каждый такой фактъ напечатанъ большими и курсивными буквами, а между тѣмъ всѣ имена лицъ, подробности событій и числа вымышлены, и провѣрить ихъ или отвѣтить за нихъ нѣтъ никакой возможности. Но если эти факты не преувеличены даже, то и въ такомъ

случаѣ, они нисколько не сильнѣе притѣсненій, существующихъ при свободной торговлѣ плантаторовъ индиго и насилій туземныхъ сборщиковъ податей, состоящихъ подъ покровительствомъ британскихъ правителей въ Индіи, насилій доведенныхъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ до свѣдѣнія читающей англійской публики. И наконецъ притѣсненія такого рода во всякомъ случаѣ несправедливо приписывать той или иной формѣ правленія; онѣ ни что иное, какъ результаты слабости человѣческой природы, невозможности избавиться сразу отъ вѣковыхъ привычекъ къ деспотизму съ одной стороны, и рабскаго подчиненія начальству съ другой.

Не слѣдуетъ забывать и того, что окончательное господство голландцевъ вполнѣ установилось позднѣе нашего господства въ Индіи, и что тамъ уже было смѣнено нѣсколько правительствъ и измѣнены системы собиранія податей. Нельзя тотчасъ же уничтожить чувство благотовѣнія жителей, состоявшихъ еще такъ недавно подъ властью туземныхъ князей и съ другой — ослабить вѣками пріобрѣтенную привычку притѣснять. Однако я приведу здѣсь великій фактъ, вполнѣ указывающій на благосостояніе и даже на счастье страны, — укажу на цифру увеличивающагося народонаселенія.

Общепринятое положеніе доказываетъ, что въ странѣ притѣсняемой или дурно управляемой, увеличеніе населенія невозможно. Теперешняя система сбора податей съ обработки кофе и сахара, продаваемаго правительствомъ по извѣстной цѣнѣ, введена съ 1832 года. Раньше этого, въ 1826 году, по сдѣланной переписи, населеніе числилось въ 5.500,000, въ началѣ же столѣтія оно доходило только до 3,500,000. Въ 1850 году, когда система сборовъ съ обработки дѣйствовала уже впродолженіи восемнадцати лѣтъ, по переписи населеніе оказалось въ 9,500,000, и въ двадцать четыре года увеличилось на 73%. По послѣдней переписи 1865 года оно доходитъ уже до 14,168,416, и въ пятнадцать лѣтъ увеличилось на 50%—впродолженіе двадцати шести лѣтъ населеніе страны почти удвоилось. Ява (съ Мадурой) составляетъ около 38,500 географическихъ квадратныхъ миль; такимъ образомъ на каждую квадратную милю приходится жителей среднимъ числомъ около 368 человѣкъ, какъ разъ вдвое больше числа, которое издатель Торнстонской газеты въ Индіи показалъ для населеннаго и плодороднаго президентства Бенгаліи, и почти на одну треть меньше чѣмъ въ Великобританіи и Ирландіи, съ колоніями, считая по послѣдней переписи. Я полагаю, что если вообще это громадное населеніе удовлетворено и счастливо, то голландскому правительству не слѣдуетъ, не подумавъ, измѣнять систему, приведшую къ такимъ громаднымъ результатамъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ Ява можетъ быть наиболѣе красивый и замѣчательный изъ всѣхъ тропическихъ острововъ. По величинѣ онъ не изъ первыхъ, но длина его будетъ приблизительно около 600, а ширина отъ 60 до 120 миль, площадь его почти равна Англіи. Изъ тропическихъ острововъ онъ несомнѣнно самый плодородный, самый производительный и наиболѣе населенный островъ. Вся его поверхность представляетъ чудное разнообразіе горъ и лѣсовъ. На немъ находится тридцать восемь вулкановъ, изъ которыхъ многіе достигаютъ до десяти или двѣнадцати тысячъ футовъ вышины. Нѣкоторые изъ вулкановъ находятся въ постоянномъ дѣйствіи, и то на одномъ, то на другомъ появляются наружу признаки подземнаго огня, не сопровождаемые однако потоками лавы. Вслѣдствіе изобилія влаги и тропическаго жаркаго климата самыя вершины горъ нерѣдко покрыты раскошною растительностью, а склоны ихъ украшены лѣсами и плантаціями. Животныя, особенно птицы и насѣкомыя, чрезвычайно красивы и разнообразны. Между ними находится множество видовъ исключительно принадлежащихъ острову. Почва острова чрезвычайно плодородна; на ней успѣшно могутъ произрастать не только всѣ тропическія, но и многія растенія умѣренныхъ поясовъ. Ява имѣетъ свою исторію, свою цивилизацію и древности, представляющія громадный интересъ. Съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ островитяне исповѣдывали религію Брамы, а съ 1478 года у нихъ введено было магометанство. Образовательное дѣйствіе первоначальной религіи было неизмѣримо выше вновь водворенной; это свидѣтельствуютъ остатки чрезвычайно красивыхъ и величественныхъ могилъ, храмовъ и статуй, и развалины обширныхъ городовъ, найденные преимущественно въ восточной части острова въ большихъ лѣсахъ, среди которыхъ теперь бродятъ дикіе буйволы, носороги и тигры.

Въ настоящее время новая цивилизація придала странѣ совершенно иной характеръ: по всему острову, съ одного конца до другого, проведены хорошіе пути сообщенія. Преслѣдованіе общей цѣли тѣсно связываетъ европейскихъ и туземныхъ правителей; жизнь и собственность каждаго гражданина также безопасны какъ и въ европейскихъ наилучше управляемыхъ государствахъ. Я полагаю, что на основаніи всего этого Ява справедливо можетъ считаться лучшимъ тропическимъ островомъ во всемъ свѣтѣ; его красивое и оригинальное мѣстоположеніе должно заинтересовать каждаго туриста; натуралистъ найдетъ на немъ роскошное разнообразіе тропической природы, а моралистъ или политикъ задается мыслью о томъ, какое правленіе при такихъ новыхъ и разнообразныхъ условіяхъ даетъ наилучшіе результаты.

На голландскомъ почтовомъ суднѣ я прибылъ изъ Терната въ Сурабайю, главный портовый городъ восточной части Явы; послѣ двухъ-недѣльной упаковки, я отправилъ мои послѣднія коллекціи и затѣмъ предпринялъ небольшое путешествіе во внутрь страны. Путешествіе по Явѣ очень удобно, но крайне дорого; приходится брать на прокатъ или просто нанимать телѣжку и затѣмъ платить по полъ кроны съ мили за почтовыхъ лошадей, которыя акуратно мѣняются каждыя шесть миль; со скоростью десяти миль въ часъ можно проѣхать островъ изъ конца въ конецъ. Багажъ обыкновенно перевозится въ телѣжкахъ, которыя возятъ буйволы или просто перевозчики (кули). Путешествіе такого рода не входило въ мои планы, я намѣренъ былъ только дойти до подошвы горы Арджуны, окруженной, какъ мнѣ разсказывали, обширными лѣсами, въ которыхъ можно было набрать хорошія коллекціи. На нѣсколько миль въ сторону отъ Сурабайи тянется совершенно плоская и почти сплошь обработанная полоса земли;—эта наносная долина или дельта покрыта сѣтью многочисленныхъ источниковъ. Окрестности города, свидѣтельствуя о богатствѣ и трудолюбіи населенія, оставляютъ вначалѣ пріятное впечатлѣніе, но подъ конецъ глазъ утомляется однообразными рядами полей, обнесенныхъ бамбуковою изгородью, разбросанными тамъ и сямъ бѣлыми зданіями и мелькающими трубами сахарныхъ заводовъ. Дорога, усаженная запыленными тамариндами, идетъ по прямому направленію на протяженіи нѣсколькихъ миль. На каждой милѣ стоитъ сторожевой домикъ, въ которомъ живетъ сторожъ, и въ каждомъ такомъ домикѣ находится деревянный гонгъ, благодаря которому новости по всей странѣ передаются съ большою быстротой. На почтовыхъ станціяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на шесть миль, лошади мѣняются также аккуратно какъ и въ Англіи вовремена малипостовъ.

Проѣхавъ четыре мили къ югу отъ Сурабайи, я прибылъ въ маленькій городокъ Моджокерто, въ наиближайшій пунктъ отъ цѣли моего путешествія. У меня было рекомендательное письмо къ г-ну Балль, англичанину, женившемуся на голландкѣ и давно жившему на Явѣ. Онъ оказалъ мнѣ радушный пріемъ и обѣщалъ посѣтить меня, какъ скоро я доберусь до мѣста. Кромѣ него тутъ жили: голландскій правитель и регентъ или туземный яванскій князь. Въ центрѣ этого по виду чистенькаго города находится открытое мѣсто, поросшее травою и украшенное роскошнымъ рисовымъ деревомъ (похожимъ на бананъ Индіи, но гораздо выше). Подъ его тѣнью ведется постоянная торговля и оживленная бесѣда собирающихся толпами жителей. На другой день по пріѣздѣ, я отправился съ г. Балль въ деревню Моджо-агонгъ, гдѣ у него пахо-

дился домъ, построенный для продажи табака, который обрабатывается здѣсь по туземному способу; продажа его производится также успѣшно, какъ и продажа индиго въ британской Индіи. По дорогѣ мы остановились посмотрѣть на остатки развалинъ древняго города Моджо-пахитъ, состоявшіе изъ двухъ высокихъ кирпичныхъ стѣнъ, которыя очевидно были нѣкогда городскими воротами. Меня поразила отдѣлка и красота этой работы. Хорошо отполированные остроконечные кирпичи были сдѣланы чрезвычайно тонко и крѣпко. Въ спайкахъ слѣды цемента или извести были едва замѣтны, въ нѣкоторыхъ же рядахъ смазки и вовсе не было видно; я не могъ представить себѣ какимъ образомъ они соединены и могутъ держаться. Ни прежде ни послѣ мнѣ не удавалось видѣть такой прелестной работы. Скульптурныхъ произведеній здѣсь не было, но за то попадалось множество смѣлыхъ выступовъ и изящно сдѣланныхъ слѣпковъ. Остатки такихъ построекъ видны на протяженіи нѣсколькихъ миль вокругъ. Почти подъ каждою дорогой или тропинкой можно отыскать мощенныя панели или кирпичные фундаменты древнихъ городовъ. Въ домѣ *вайдоно*, или уѣзднаго начальника Моджо-агонга, я нашелъ прекрасное изображеніе, вырѣзанное очень рельефно на кускѣ лавы; оно было найдено и выкопано неподалеку отъ деревни. Выразивъ г. Баллю желаніе пріобрѣсти себѣ что нибудь въ этомъ родѣ, я тотчасъ же получилъ его отъ начальника въ подарокъ. Изображеніе представляетъ собою индусскую богиню Дургу, извѣстную въ Явѣ подъ именемъ Лора Іонггралгъ (вдохновенная дѣва). Она изображена съ восьмью руками, стоящею на спинѣ растянувшагося быка. Правая рука, идущая отъ плеча, держитъ хвостъ животнаго, соотвѣтствующая ей лѣвая—волосы плѣннаго Дьюса Махикузора, покушавшагося убить ея быка; перевязанный по поясницѣ веревкой, съ мольбою, колѣнопреклоненный, онъ лежитъ у него въ ногахъ и изображаетъ собою олицетвореніе порока. Другія правыя руки держатъ: двойной крюкъ или маленькій якорь, широкій прямой мечъ и петлю изъ толстой веревки; лѣвыя руки: поясъ или запястье изъ большихъ раковинъ или шаровъ, натянутый лукъ и знамя или военный флагъ. Эта богиня была самою любимою у древнихъ яванцевъ; ея изображеніе очень часто встрѣчается въ многочисленныхъ развалинахъ храмовъ восточной части острова.

Подаренный мнѣ экземпляръ былъ изъ небольшихъ: около двухъ футовъ вышины и приблизительно сто фунтовъ вѣсомъ; на другой день я отправилъ его въ Моджо-керто, до возвращенія въ Сурабайю. Разсчитывая прожить нѣкоторое время въ Уонозалемѣ, лежащемъ у склона Арджуны, мѣстности, по слухамъ, лѣсистой и изобилующей дичью, мнѣ необходи-

мо было заручиться рекомендаціею къ голландскому правителю и регенту и черезъ него уже дѣйствовать на *вайдоно*. Послѣ семидневной проволочки, вернувшись съ багажемъ и людьми въ Моджо-агонгъ, я засталъ тамъ пятидневное празднество, причиною котораго было приготовленіе къ обрѣзанію младшаго и двоюроднаго брата вайдоно; мнѣ могли отвести только маленькую комнату въ примыкающей къ дому пристройкѣ. Главный дворъ и навѣсъ, устроенный для пріема гостей, былъ наполненъ туземцами; шли оживленныя приготовленія къ предстоящему пиршеству; получивъ на него приглашеніе, я предпочелъ однако лечь спать. Почти весь вечеръ игралъ туземный оркестръ или гамеланъ, и мнѣ удалось видѣть и инструменты, и музыкантовъ. Первые состояли большею частью изъ гонговъ разной величины; по восьми и по двѣнадцати такихъ инструментовъ группами лежали на низкихъ деревянныхъ подставкахъ; на каждомъ изъ нихъ игралъ музыкантъ одною или двумя барабанными палками. Нѣкоторые гонги были большой величины: на нихъ играло по одному или по два исполнителя, и они замѣняли имъ наши барабаны и литавры. Другіе инструменты состояли изъ широкихъ металлическихъ брусковъ, положенныхъ на подставки, накрестъ переплетенныя веревкой; нѣкоторые были сдѣланы изъ бамбуковыхъ дощечекъ, и издавали высокій тонъ. Кромѣ того были флейты и замѣчательная двухъ-струнная скрипка, на которой заразъ играло двадцать четыре музыканта. Дирижеръ давалъ темпъ и управлялъ оркестромъ; каждый исполнитель зналъ свою часть и во-время ударялъ въ дощечки, не нарушая общей гармоніи. Исполняемыя пьесы были очень длинны и сложны; многіе изъ музыкантовъ были дѣти и потому играли съ большимъ тщаніемъ. Общее впечатлѣніе было очень пріятно, хотя вслѣдствіе большого однообразія инструментовъ оно не походило на впечатлѣніе получаемое отъ нашихъ оркестровъ: казалось, будто слышишь передъ собою громадную музыкальную деку; кромѣ того для полнаго впечатлѣнія необходимо было слѣдить за исполненіемъ каждаго музыканта. На слѣдующее утро, я стоялъ уже готовый къ отъѣзду и ожидалъ только моихъ людей и лошадей, предназначенныхъ везти багажъ, какъ мимо меня прошли двое юношей не старше четырнадцати лѣтъ; отъ поясницы къ низу на нихъ была надѣта *саронга*; остальное тѣло было вымазано желтымъ порошкомъ и обвѣшано запястьями, ошейниками и браслетами, окрашенными въ бѣлую краску; въ такомъ видѣ они походили на новобрачныхъ дикарей. Два жреца подвели ихъ къ скамьѣ, поставленной передъ домомъ на открытомъ воздухѣ, и обрядъ обрѣзанія былъ совершенъ передъ собравшеюся толпою.

Дорога въ Уонозалемъ идетъ по роскошному лѣсу, въ глубинѣ котораго мы наткнулись на красивыя развалины, очевидно бывшія нѣкогда мавзолеемъ. Все зданіе было сдѣлано изъ хорошо высѣченныхъ камней, основаніе гробницы изукрашено смѣлыми выступами и цѣлымъ рядомъ барельефовъ, на которыхъ изображены были вѣроятно событія изъ жизни усопшаго. Всѣ фигуры выполнены чрезвычайно хорошо, а нѣкоторыя животныя очень вѣрно и живо скопированы. Въ цѣломъ, это зданіе, на сколько можно судить по руинамъ верхнихъ частей памятника, было чрезвычайно изящно; ему придавали красоту безчисленные и разнообразные выступы и слѣды лѣпной работы, оставшіеся на большихъ квадратныхъ камняхъ. Величина этого памятника въ ширину тридцать квадратныхъ футовъ, а въ вышину двадцать. Со слегка покатой дороги онъ неожиданно встаетъ передъ вами, осѣняемый гигантскими деревьями, заросшій травою и ползучими растеніями, замкнутый со всѣхъ сторонъ непроходимымъ лѣсомъ; васъ поражаетъ величіе и красота этого вида и не вольно при этомъ приходитъ на мысль непонятный законъ развитія, который, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, кажется какъ бы регрессомъ: въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта высоко-артистическія и интеллигентныя расы не разъ уступали мѣсто расамъ во всѣхъ отношеніяхъ стоящимъ ниже ихъ по развитію.

Очень немногіе англичане знаютъ о сохранившихся остаткахъ замѣчательно красивой яванской архитектуры. Описаніе ихъ никогда не было издано, и вѣроятно многіе изумятся узнавъ, что они превосходятъ развалины центральной Америки и можетъ быть даже Индіи. Чтобы дать о нихъ нѣкоторое понятіе, и возбудить желаніе въ богатыхъ любителяхъ, пока еще не поздно, къ изслѣдованію и снимку съ нихъ фотографій, которые дадутъ точное представленіе о красотѣ ихъ скульптуры, я перечислю наиболѣе важные, кратко описанные уже г. Стамфордомъ Гаффлесомъ въ его «Исторіи Явы».

Брамбанамъ.—Почти въ центрѣ Явы, неподалеко отъ деревни Брамбанамъ, лежащей между двумя туземными столицами: Джоко-керта и Суракорта находится множество развалинъ; наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ храмы Лора-Лонгранъ и Санди-Сева. Лора-Лонгранъ состоялъ изъ двадцати отдѣльныхъ зданій, шести большихъ и четырнадцати маленькихъ храмовъ. Они построены изъ твердаго камня и украшены рѣзьбою, барельефами и множествомъ статуй; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до настоящаго времени. Шанди-Сева или «Тысяча храмовъ» украшены множествомъ колоссальныхъ фигуръ. Капитанъ Бэкеръ, осматривавшій эти руины, разсказываетъ, что никогда въ своей жизни онъ не

*

видѣлъ «такихъ грандіозныхъ и законченныхъ образцовъ человѣческаго труда, такого искуства и знанія забытыхъ вѣковъ, погребенныхъ въ предѣлахъ этого небольшого пространства». Зданія занимаютъ мѣсто приблизительно около шести сотъ квадратныхъ футовъ и расположены слѣдующимъ образомъ: первый или наружный рядъ состоитъ изъ восьмидесяти четырехъ небольшихъ храмовъ, второй изъ семидесяти шести, третій изъ шестидесяти четырехъ, четвертый изъ сорока четырехъ и пятый, послѣдній, параллеллограмъ изъ двадцати восьми; всѣ эти двѣсти девяносто шесть небольшихъ храмовъ образуютъ пять правильныхъ параллеллограмовъ. Въ центрѣ высится большой крестообразный храмъ въ нѣсколько обширныхъ ярусовъ, снаружи роскошно украшенныхъ скульптурою. Тропическая растительность разрушила большую часть маленькихъ храмовъ, но тѣмъ не менѣе по сохранившимся остаткамъ можно вполнѣ судить о цѣломъ.

На разстояніи полумили находится другой хорошо сохранившійся храмъ: Шанди-Кали-Генингъ. Онъ занимаетъ семьдесятъ два квадратныхъ фута въ длину и шестьдесятъ футовъ въ ширину; сверху до низу покрытъ скульптурною работою изъ индусской мифологіи и по выполненію превосходитъ всѣ существующія работы Индіи. Недалеко отъ этого же мѣста найдены развалины дворца, палатъ и храмовъ съ множествомъ изваянныхъ боговъ.

Борободо.—Построенный на вершинѣ невысокаго холма въ видѣ куполообразнаго зданія, онъ спускается по склону семью уступами или террасами, которыя образуютъ собою открытыя галлереи, соединенныя лѣстницами и входными дверями. Діаметръ главнаго зданія равняется пятидесяти футамъ, а башни, окружающія его тройнымъ рядомъ, и террасы составляютъ шестьсотъ двадцать квадратныхъ футовъ и около ста футовъ, вышины. Ниши террасъ украшены человѣческими фигурами съ скрещенными ногами; величина этихъ фигуръ на четыреста футовъ больше обыкновеннаго роста. Наружныя стѣны террасъ сдѣланы изъ твердаго камня и покрыты сплошь барельефами; длина же ихъ стѣнъ около трехъ миль! Сумма человѣческаго труда и искусства, потраченнаго на великую Египетскую пирамиду сравнительно съ тою, какая положена была на постройку этого храма внутри Явы, кажется почти ничтожною.

Вся обширная площадь горы Гунонгъ Прау, лежащей въ четырехъ миляхъ къ юго-западу отъ Самаранга, покрыта развалинами. Къ этимъ храмамъ, а теперь руинамъ, съ нѣсколькихъ сторонъ горы проведены лѣстницы, каждая въ тысячу ступеней. Здѣсь, какъ видно по развалинамъ, находилось болѣе четырехъ сотъ храмовъ, изъ которыхъ многіе (а мо-

жетъ быть и всѣ) были украшены роскошною скульптурною работою. Вся страна отъ Брамбанама до этого пункта, на протяженіи шестидесяти миль покрыта руинами: прелестные скульптурные обломки валяются по землѣ, въ канавахъ и вдѣланы нерѣдко въ простые заборы.

Въ восточной части Явы, въ Кедири и Малангѣ встрѣчается такое же множество древнихъ остатковъ, но уже самыя зданія вполнѣ разрушены. Тамъ много скульптурныхъ произведеній и замѣтны слѣды прежнихъ укрѣпленій, дворцовъ, бань, водопроводовъ и храмовъ.

Описаніе того, чего я самъ не видѣлъ, вовсе не входитъ въ планъ моего сочиненія; единственная цѣль моихъ указаній—привлечь вниманіе на эти удивительныя произведенія искусства. При наблюденіи этихъ безчисленныхъ скульптурныхъ работъ, исполненныхъ съ такимъ искусствомъ и пониманіемъ, болѣе всего поражаетъ то, что они производились въ каменныхъ неприступныхъ горахъ, покрывающихъ этотъ тропическій островъ. Каково было состояніе общества, численность его, средства существованія, обезпечивавшія исполненіе такихъ исполинскихъ работъ,—все это вѣроятно навсегда останется тайною; этотъ случай самымъ разительнымъ образомъ указываетъ на могущественное вліяніе религіозныхъ идей въ жизни обществъ; въ той самой странѣ, въ которой пять столѣтій тому назадъ выполнялись такія грандіозныя работы, жители въ настоящее время строятъ себѣ только бамбуковыя или соломенныя хижины, и на остатки своихъ прапрадѣдовъ смотрятъ съ невѣжественнымъ страхомъ, видя въ нихъ дѣла рукъ гигантовъ или дьявола. Очень жаль, что голландское правительство не предпринимаетъ никакихъ мѣръ, которыя предохраняли бы эти развалины отъ разрушающаго дѣйствія тропической растительности и не заботится о сборѣ этихъ прекрасныхъ скульптурныхъ произведеній, разсѣянныхъ по всей странѣ.

Уонозалемъ лежитъ на высотѣ тысячи футовъ надъ уровнемъ моря и окруженъ кофейными плантаціями, густыми бамбуками и грубыми злаками; къ несчатію лѣсъ отъ него находится далеко, такъ что вернуться изъ него въ тотъ же день невозможно, а по близости нѣтъ удобныхъ мѣстъ для сбора коллекцій. За то я нашелъ здѣсь роскошныхъ павлиновъ, и мой мальчикъ вскорѣ принесъ мнѣ нѣсколько убитыхъ имъ птицъ; мясо ихъ оказалось очень нѣжное, бѣлое и мягкое, по вкусу похожее на мясо индюка. Яванскіе павлины отличаются отъ индійскихъ только своими шеями, покрытыми въ видѣ чешуи зеленоватыми перьями, и хохолками; глазчатый же хвостъ у нихъ также красивъ и великъ. Очень странное явленіе, замѣчаемое въ географическомъ распредѣленіи, проявляется въ отсутствіи яванскихъ павлиновъ на Суматрѣ и Борнео, и

на Явѣ въ отсутствіи фазановъ Суматры и Борнео изъ породъ чудныхъ Аргусовъ, огненныхъ и глазчатыхъ. Аналогичный этому фактъ мы находимъ на Цейлонѣ и въ Южной Индіи: при изобиліи павлиновъ, тамъ не встрѣчаются раскошные Lophorogi и другіе прелестные фазаны, обитающіе въ Сѣверной Индіи. Павлинъ, какъ кажется, не терпитъ около себя соперниковъ. Эти цтицы, рѣдкія на своей родинѣ и извѣстныя въ Европѣ больше по описанію, могутъ справедливо по красотѣ своей и великолѣпію считаться царями пернатаго міра. Однако папуанскіе дикари и торговцы отдаютъ предпочтеніе райской птицѣ.

На третій день по пріѣздѣ въ Уонозалемъ, меня посѣтилъ мой другъ г. Балль, и сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ близъ Моджоагонга мальчикъ былъ съѣденъ тигромъ. Въ сумеркахъ ребенокъ возвращался домой по большой дорогѣ въ тележкѣ, запряженной быками, какъ неожиданно появился тигръ, схватилъ его, увлекъ въ лѣсъ и съѣлъ. На слѣдующій день въ лѣсу нашли только нѣсколько изломанныхъ костей. Войдано отправился съ семью стами людьми на поиски за тигромъ, котораго, какъ я узналъ потомъ, они нашли и убили. Отправляясь на него толпою, охотники вооружаются только копьями. Они окружаютъ большое пространство и постепенно сходятся все ближе и ближе, пока наконецъ животное не очутится въ центрѣ круга вооруженныхъ людей. Видя, что нѣтъ выхода, животное дѣлаетъ обыкновенно скачекъ, на который ему отвѣчаютъ нѣсколькими ударами, и оно тотчасъ же падаетъ мертвымъ. Шкура животнаго, убитаго такимъ образомъ, конечно испорчена; я просилъ г. Балля сохранить мнѣ только черепъ, но на этотъ разъ и онъ былъ раздробленъ на нѣсколько частей; каждому хотѣлось имѣть зубы тигра, которые считаются у туземцевъ чарами.

Проживъ недѣлю въ Уонозалемѣ, я отправился къ подножію горы, въ деревню Джапананъ; въ окружающихъ ее лѣсахъ я надѣялся на сборъ коллекцій. Начальникъ деревни приготовилъ мнѣ на своемъ дворѣ двѣ маленькія бамбуковыя комнаты и видимо желалъ оказать мнѣ возможную помощь. Время стояло чрезвычайно сухое и жаркое: дождь не выпадалъ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе этого въ насѣкомыхъ и особенно въ бабочкахъ чувствовался большой недостатокъ. Поэтому я занялся преимущественно собираніемъ птицъ и вскорѣ составилъ хорошую коллекцію. Убитые нами павлины почти всѣ были очень малы и не имѣли полныхъ хвостовъ; но тутъ мнѣ удалось добыть два великолѣпные экземпляра величиною около семи футовъ. Изъ всѣхъ этихъ павлиновъ я сохранилъ вполнѣ только одного, и отъ остальныхъ два или три хвоста. Смотря на эту птицу въ то время, когда она ходитъ по землѣ, трудно

Типы воинственныхъ дайяковъ.

представить себѣ, какъ можетъ она подняться на воздухъ съ такимъ длиннымъ и широкимъ хвостомъ; однако съ разбѣгу она поднимается очень легко, ложась нѣсколько наискось; она можетъ летать надъ деревьями на значительной высотѣ. Я пріобрѣлъ здѣсь также рѣдкаго зеленаго малайскаго гангегара (Gallus-Turcatus). Спина и шея его покрыты красивыми темно-металлическаго цвѣта перьями, гладкій остроконечно-овальный гребень пурпурно-фіолетовый и у основанія переходитъ въ зеленый цвѣтъ. Гангегаръ замѣчателенъ своею большою сережкою, висящею подъ воротомъ, окрашенною тремя яркими красками: краснаго желтаго и голубого цвѣтовъ. Здѣсь же я досталъ и обыкновеннаго банкивскаго пѣтуха (gallus bànkiva) или малайскаго казинта. Онъ походитъ на обыкновеннаго пѣтуха, но отличается отъ него болѣе рѣзкимъ и отрывистымъ голосомъ. У туземцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ бекеко. Кромѣ того я нашелъ еще шесть различныхъ породъ лѣсныхъ клевуновъ и четырехъ королевскихъ рыболововъ, прелестнаго Buceros lunatus, который оказался болѣе четырехъ футовъ длины и красиваго маленькаго лорикета, (Loriculus pusillus) величиною всего въ нѣсколько дюймовъ.

Однажды утромъ, приготовляя коллекціи, я былъ отвлеченъ отъ занятій судебнымъ слѣдствіемъ произведеннымъ въ моемъ присутствіи. Подъ павѣсъ, замѣнявшій судебную залу, явились четыре или пять человѣкъ и усѣлись на маты; за ними пришелъ начальникъ съ своимъ секретаремъ и сѣлъ на противоположную сторону. Всѣ они говорили поочереди, и изъ разговоровъ я узналъ, что первые пришедшіе были: полицейскій, свидѣтель и подсудимый, обвинявшійся въ присвоеніи гдѣ то отвязанной имъ веревки, которая повязана была вокругъ его поясницы. Такой поступокъ считается воровствомъ; за показаніями свидѣтеля и вопросами судьи, послѣдовало нѣсколько словъ со стороны обвиненнаго, послѣ которыхъ былъ произнесенъ справедливый приговоръ. Засѣданіе окончилось, и собраніе разошлось повидимому въ самомъ дружелюбномъ настроеніи духа; во все время преній, ни съ которой стороны не замѣтно было ни озлобленія, ни пристрастія,—черта характера говорящая болѣе всего въ пользу малайской расы.

Впродолженіи мѣсяца пребыванія въ Уонозалемѣ и Джапанапѣ, я собралъ девяносто восемь видовъ птицъ и ничтожное количество насѣкомыхъ. Я рѣшилъ поэтому, покинувъ верхнюю часть Явы, отправиться на западную оконечность острова,—мѣстность, отличающуюся плодородіемъ и влажнымъ климатомъ. Я вернулся въ Сурабайю рѣкою, на лодкѣ такой просторной, что на ней помѣстился весь мой багажъ, я

самъ и мои люди. Путешествіе это стоило мнѣ въ пять разъ дешевле поѣздки въ Моджо-Керто. Рѣка эта стала судоходною вслѣдствіе соединенія ея со всѣми источниками прилежащей страны. По ней сплавляютъ теперь громадное количество товаровъ; въ одно время съ нами приплыло до тысячи нагруженныхъ судовъ: ихъ поочередно по шести спускали внизъ по шлюзамъ.

Черезъ нѣсколько дней я прибылъ на пароходѣ въ Батавію, и провелъ недѣлю въ главномъ отелѣ въ приготовленіяхъ къ путешествію во внутрь страны. Торговый или дѣловой людъ Батавіи живетъ близъ гавани, а отели и помѣщенія чиновныхъ лицъ и европейскихъ купцовъ расположены въ окрестностяхъ въ двухъ миляхъ отъ города; дома, отдѣленные тамъ скверами и широкими улицами, занимаютъ обширную площадь. Такая отдѣльность отъ центра крайне неудобна для путешественниковъ; приходится брать роскошный парный экипажъ—другихъ для публики не имѣется—и платить за него самое меньшее восемь шиллинговъ за полъ-дня; такъ что одинъ экипажъ, только нанятый утромъ по дѣламъ, а вечеромъ въ гости стоитъ шестьнадцать шиллинговъ.

Описаніе Батавіи г. Манея очень вѣрно, исключая «прозрачныхъ каналовъ» города, оказавшихся мутными и «гладкихъ панелей, усыпанныхъ пескомъ», въ дѣйствительности же убитыхъ грубымъ кремнемъ, по которому очень тяжело ходить подъ солнечнымъ зноемъ; плохое состояніе панелей врядъ ли можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ Батавіи всѣ ѣздятъ и никто не ходитъ пѣшкомъ. Hôtel des Indes устроенъ очень комфортабельно; каждый остановившійся располагаетъ двумя комнатами: пріемною и спальнею, послѣдняя выходитъ на веранду, на которой обыкновенно пьютъ утренній кофе и послѣобѣденный чай. Въ центрѣ зданія находится четырехъугольная зала, въ которой помѣщены всегда готовыя для купанья мраморныя ванны; за умѣренную плату за tabled'hote'мъ въ десять часовъ вы получите превосходный завтракъ и въ шесть обѣдъ.

Въ почтовой каретѣ, я отправился въ Буитенцоргъ, лежащій на высотѣ тысячи футовъ надъ уровнемъ моря и въ сорока миляхъ отъ берега; онъ славится своимъ чуднымъ климатомъ и ботаническими садами. Въ послѣднихъ я нѣсколько разочаровался. По дорожкамъ садовъ, плохо убитыхъ кремнемъ, ходить подъ зноемъ солнца утомительно и невыносимо. Въ тропическихъ и туземныхъ малайскихъ растеніяхъ конечно недостатка нѣтъ, но за то нѣтъ и изящества въ распланировкѣ; вслѣдствіе малочисленности прислуги сады содержатся въ большомъ безпорядкѣ, и самыя растенія по красотѣ своей уступаютъ выращеннымъ

нами въ теплицахъ. Причина этому очень понятна:—растенія очень трудно поставить въ естественныя или наиболѣе благопріятныя условія: для однихъ климатъ слишкомъ тепелъ или свѣжъ; для другихъ слишкомъ сухъ или влаженъ; рѣдко можно приноровиться къ почвѣ наиболѣе пригодной, или къ количеству необходимой тѣни. Въ нашихъ оранжереяхъ разнообразныя условія, требуемыя отдѣльными растеніями, легче выполнимы, чѣмъ въ такихъ большихъ садахъ, въ которыхъ большая часть растеній туземныя или вывезенныя по близости изъ окрестныхъ мѣстъ, гдѣ уходъ за ними считается ненужнымъ. Тѣмъ не менѣе я любовался здѣсь аллеями величественныхъ пальмъ, группами бамбуковъ пяти различныхъ видовъ и безконечнымъ разнообразіемъ тропическихъ кустарниковъ и деревьевъ, окутанныхъ въ оригинальную и красивую листву. Послѣ невыносимаго зноя Батавіи, Буитенцоргъ восхитительное мѣсто. Онъ стоитъ на такой высотѣ, что разность между вечернею и ночною температурою, освѣжая, не заставляетъ въ тоже время прибѣгать къ теплой одеждѣ; люди, долго жившіе въ жаркихъ долинахъ, находятъ здѣшній воздухъ настолько свѣжимъ и пріятнымъ, что гуляютъ впродолженіе дня по нѣскольку часовъ. Окрестности въ высшей степени живописны и роскошны; огромный вулканъ Гунунгъ-Саласъ, съ своей усѣченною зубчатою вершиною придаетъ красоту и величіе многимъ пейзажамъ. Съ послѣдняго изверженія 1699 года гора остается въ бездѣйствіи.

Изъ Буитенцорга я нанялъ кули нести мой багажъ, а для себя лошадь, которую мѣнялъ каждыя шесть или семь миль. Дорога шла постепенно въ гору, и отъ первой станціи холмы, мало по малу сливаясь, перешли наконецъ въ обширную долину; температура была настолько свѣжа и пріятна, а страна казалась такъ интересна, что мнѣ захотѣлось по ней пройтись. Туземныя деревни, украшенныя фруктовыми садами и хорошенькими виллами плантаторовъ или отставныхъ голландскихъ чиновниковъ, имѣютъ видъ цивилизованной и обработанной мѣстности; всего болѣе меня поразила общепринятая система обработки земли уступами или террасами, которая доведена здѣсь до возможнаго совершенства. Склоны главныхъ и второстепенныхъ долинъ всюду изрѣзаны террасами, поднятыми на значительную высоту; примыкая къ холмамъ они издали имѣютъ видъ роскошныхъ амфитеатровъ. Сотни квадратныхъ миль, обработанныхъ такимъ образомъ, даютъ наиболѣе точное понятіе о развитіи промышленности народа и древности его цивилизаціи. Съ возрастаніемъ цивилизаціи эти террасы съ каждымъ годомъ все увеличиваются и увеличиваются. Работы производятся жителями каждой от-

дѣльной деревни подъ наблюденіемъ старшины, и я полагаю, что только при работѣ сообща, какъ это у нихъ введено, возможна такая обработка земли. Эта система вѣроятно вмѣстѣ съ браминами перешла къ нимъ изъ Индіи, потому что въ тѣхъ земляхъ Малайскаго Архипелага, въ которыхъ нѣтъ слѣдовъ прежней цивилизаціи, такая система совершенно неизвѣстна. Такую обработку я впервые видѣлъ въ Бали и Лембокѣ, и такъ какъ ниже она у меня описана очень подробно, то здѣсь я не буду долго останавливаться, а скажу только, что вся страна западной части Явы своею роскошью и плодородіемъ производитъ впечатлѣніе мѣстности чрезвычайно живописной. Нижніе склоны горъ Явы имѣютъ чудную почву и климатъ; продукты очень дешевы, а жизнь и собственность настолько безопасны, что многіе европейцы, окончившіе свою государственную службу, поселяются здѣсь навсегда. Они живутъ по всему острову, и своимъ вліяніемъ много способствуютъ постепенному улучшенію туземнаго населенія, и благосостоянію и миру всей страны.

Въ двадцати миляхъ отъ Буитенцорга почтовая дорога проходитъ чрезъ гору Мегамендонгъ на возвышеніи 4500 футовъ. Страна очень гориста, и холмы покрыты еще дѣвственными лѣсами и старыми яванскими кофейными плантаціями, на которыхъ растенія почти достигаютъ размѣровъ деревьевъ. Въ пятистахъ футахъ отъ вершины горы стоитъ хижина сторожа, половину которой я нанялъ на двѣ недѣли, такъ какъ видъ страны заставлялъ надѣяться на удачный сборъ коллекцій. Я тотчасъ замѣтилъ, что произведенія западной части Явы рѣзко отличаются отъ произведеній восточной части острова и что всѣ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и характерныхъ яванскихъ птицъ и насѣкомыхъ находятся именно здѣсь. Ужъ въ первый день моего здѣсь пребыванія мои охотники достали для меня красиваго желтаго и зеленаго Harpactes Reinwardti, роскошную маленькую мухоловку, красную птицу Pericrocotus miniatus, которая, какъ огонекъ мелькаетъ между кустами, рѣдкую и замѣчательную черную и малиновую иволгу (Analcipus sanguinolentus). Всѣ эти виды можно найти только на Явѣ и именно въ ея западныхъ частяхъ. Въ одну недѣлю я собралъ не менѣе двадцати пяти видовъ птицъ, которыхъ я не видалъ на востокѣ острова, а въ двѣ недѣли это число возросло до сорока видовъ, большая часть которыхъ свойственна только яванской фаунѣ. Большихъ и красивыхъ мотыльковъ попадалось также не мало. Въ темныхъ оврагахъ, а иногда по краямъ дороги я ловилъ прекрасную Papilio arjuna, крылья которой какъ будто посыпаны золотистозелеными зернами, расположенными полосами и лунообразными пятнами, а элегантную Papilio coon я видѣлъ лѣниво порхающею вдоль

тѣнистыхъ тропинокъ. Однажды мальчикъ принесъ мнѣ въ рукѣ прекрасно сохранившуюся бабочку. Онъ поймалъ ее въ то время, какъ она сидѣла съ распростертыми крыльями надъ грязною лужею у края дороги и жадно пила мутную воду. Многія изъ прекраснѣйшихъ тропическихъ бабочекъ имѣютъ эту привычку, и онѣ всегда такъ погружаются въ свое занятіе, что къ нимъ можно легко подойти и словить ихъ. Принесенная мнѣ бабочка была рѣдкая и любопытная Charaxes kadenii, замѣчательная тѣмъ, что у нея на каждомъ заднемъ крылѣ есть по два кривыхъ хвоста въ родѣ пары крумциркулей. Я досталъ только одинъ образецъ этого вида, и онъ пока единственный въ англійскихъ коллекціяхъ.

На востокѣ Явы я страдалъ отъ сильной жары и сухости, которыя очень неблагопріятны для развитія насѣкомыхъ. Здѣсь я попалъ въ противоположную крайность: сырость, мокроту и туманъ, одинаково неблагопріятные для нихъ. Впродолженіи мѣсяца, проведеннаго мною во внутреннихъ частяхъ западной Явы, не было ни одного теплаго яснаго дня. Почти каждый полдень шелъ дождь или спускался съ горы густой туманъ, мѣшавшій собирать насѣкомыхъ и высушивать ихъ, такъ что я сталъ отчаяваться въ возможности достать хорошіе образцы яванской энтомологіи.

Болѣе любопытнымъ эпизодомъ моего путешествія по Явѣ было посѣщеніе вершинъ горъ Пангеранго и Геде. Пангеранго теперь уже потухшій вулканъ въ 10,000 футовъ высоты, а Геде еще дѣйствующій кратеръ въ нижней части той-же цѣпи горъ. Тшипанасъ, находящійся въ четырехъ миляхъ отъ прохода Мегамендонгъ, лежитъ у подножія горы. Здѣсь стоитъ небольшой сельскій домикъ для генералъ губернатора и устроено отдѣленіе ботаническаго сада, сторожъ котораго приготовилъ мнѣ постель на ночь. Въ саду посажено множество красивыхъ деревьевъ и кустарниковъ и разведены европейскіе овощи для стола генералъ губернатора. По краямъ небольшого ручья, окаймляющаго садъ, растутъ орхидеи; онѣ обвиваются вокругъ стволовъ или спускаются съ вѣтвей, образуя прелестную воздушную бесѣдку. Располагая провести на горѣ двѣ или три ночи, я велѣлъ двумъ кули привезти мой багажъ, и на другой день рано утромъ отправился съ двумя охотниками. Первая миля шла по открытой мѣстности и привела насъ къ лѣсу, покрывающему всю гору, начиная съ высоты 5000 футовъ. Затѣмъ одну или двѣ мили мы поднимались по довольно крутому склону черезъ громадный дѣвственный лѣсъ, деревья котораго достигаютъ гигантскихъ размѣровъ, а грунтъ заросъ прелестными травянистыми растеніями, папоротниками и кустарниками. Я былъ пораженъ громаднымъ количествомъ

папоротниковъ, покрывающихъ края дороги. Ихъ разнообразіе безконечно, и я постоянно останавливался, чтобъ полюбоваться какимъ нибудь новымъ интереснымъ видомъ. Теперь я повѣрилъ словамъ садовника, который мнѣ разсказывалъ, что на одной этой горѣ было найдено до 3000 видовъ. Немного ранѣе полудня мы достигли плато Тжибуронгъ у подножія крутой части горы; на немъ построенъ деревянный домикъ для отдыха путешественниковъ, а около находится живописный водопадъ и замѣчательная пещера, которую я однако не успѣлъ изслѣдовать. Далѣе вверхъ дорога сдѣлалась узкою, неровною и крутою и стала описывать зигзаги вверхъ по конусу, покрытому неправильными массами скалъ и роскошною, хотя и не высокою, тропическою растительностью. Мы перешли черезъ потокъ, вода въ которомъ немного ниже точки кипѣнія. Протекая по неровному руслу, онъ еще пѣнится и посылаетъ вверхъ цѣлые клубы пара, а иногда совсѣмъ скрывается подъ осѣняющею его зеленью попоротниковъ и платановъ, которые здѣсь болѣе роскошны чѣмъ гдѣ либо.

На высотѣ 7500 футовъ мы подошли къ другой хижинѣ изъ бамбука, расположенной на мѣстѣ, называемомъ Кандангъ Бадакъ или «поле носороговъ», гдѣ мы расположились устроить временное пристанище. Здѣсь была небольшая лужайка, поросшая папоротниками и нѣкоторыми молодыми растеніями. Былъ сильный туманъ и дождь, и я не могъ отправиться вечеромъ на вершину горы; однако я впослѣдствіи былъ на ней два раза и разъ на дѣйствующемъ кратерѣ Геде. Онъ представляетъ большое полукруглое отверзтіе, окаймленное черными перпендикулярно стоящими стѣнами изъ скалъ, и окруженъ неровными, покрытыми лавою, возвышеніями. Самъ кратеръ не особенно глубокъ. Онъ выбрасываетъ золу, сѣру и разнообразно окрашенные вулканическіе продукты и постоянно дымится и выпускаетъ паръ изъ нѣсколькихъ отверзтій. Потухшій конусъ Панчеранго гораздо любопытнѣе. Вершина представляетъ неправильную волнообразную долину, окаймленную низкимъ кряжемъ и съ узкимъ боковымъ отверзтіемъ. Къ несчастью все время, пока я жилъ на горѣ, шелъ постоянный дождь и было туманно, такъ что я ни разу не могъ видѣть всей долины и пбсмотрѣть на открывающійся съ ея вершины прелестный видъ, который можно видѣть только въ ясную погоду. Однако, не смотря на это препятствіе, я былъ очень доволенъ своей поѣздкой, потому что здѣсь я въ первый разъ на экваторѣ былъ достаточно высоко, чтобъ наблюдать за постепеннымъ переходомъ тропической флоры въ умѣренную. Я вкратцѣ опишу эти перемѣны.

Поднимаясь на гору, мы впервые встрѣчаемся съ умѣренными форма-

ми травянистой растительности на высотѣ 3000 футовъ. Земляника и фіалки тоже растутъ, но ягода безвкусная, а цвѣты очень малы и блѣдны. Сложноцвѣтные тоже придаютъ окружающей растительности европейскій характеръ. На высотѣ отъ 2000 до 5000 ф. лѣса и овраги покрыты самою роскошною тропическою растительностью. Благородные папоротники, достигающіе иногда высоты 5000 ф., придаютъ особенную прелесть общей картинѣ, такъ какъ изъ всѣхъ формъ тропической растительности они безъ сомнѣнія самая красивая и выдающаяся. Нѣкоторые изъ глубокихъ овраговъ, не покрытые древесною растительностью, заросли всѣ сплошь папоротниками, и когда дорога пересѣкаетъ одну изъ такихъ долинъ эти пушистыя вѣнчики, расположенные на различной высотѣ, представляютъ такую прелестную картину, что ее невозможно скоро забыть. Роскошные листья немноголѣтнихъ Musaceaee и Zingiberaceae съ ихъ значительными и блестящими цвѣтами и элегантныя и разнообразныя формы растеній, принадлежащихъ къ Begonia и Melostoma, постоянно привлекаютъ вниманіе путешественика.

Въ пространствѣ между деревьями и большими растеніями, на всѣхъ стволахъ, пняхъ и вѣтвяхъ встрѣчаемъ мы паразитовъ изъ породы орхидейныхъ, папоротниковъ и плауновъ, которые висятъ, и раскачиваются, переплетаясь самымъ причудливымъ образомъ. На высотѣ 5000 футовъ я впервые увидалъ видъ хвоща (Equisetum), очень похожаго на наши виды. На высотѣ 6000 футовъ встрѣчается въ изобиліи малина; а затѣмъ, если подняться еще выше, три вида малинника, годнаго для ѣды. На высотѣ 7000 футовъ появляются кипарисы, а лѣсныя деревья становятся малорослыми и болѣе покрыты мхомъ и лишаями, чѣмъ прежде. Дальше, на верхъ, количество мховъ и лишаевъ все возрастаетъ, такъ что глыбы камней и шлака, образующихъ скатъ горы, совершенно скрыты въ лѣсистой поверхности. На высотѣ около 8000 футовъ возрастаетъ количество европейскихъ видовъ. Нѣсколькихъ видовъ жимолости, травы св. Іоанна и гельдерскихъ розъ очень много, а на высотѣ около 9000 футовъ мы впервые встрѣчаемся съ рѣдкою и прекрасною королевскою бѣлою буквицей, которую, говорятъ, нигдѣ нельзя найти, кромѣ какъ на этой уединенной вершинѣ. У нея высокій твердый стебель болѣе 3-хъ футовъ высоты; листья, выходящіе у самаго корня,—до 18 дюймовъ длины, а вмѣсто одной кисти на верхушкѣ, мы видимъ у нея нѣсколько пучковъ цвѣтовъ, похожихъ на бѣлую буквицу. Лѣсныя деревья, приземистыя и малорослыя до размѣровъ кустарника, доходятъ до самаго края стараго кратера, хотя и не простираются за отверзтіе на его вершинѣ. Тутъ мы видимъ порядочное пространство

земли, покрытое уже не лѣсомъ а частымъ кустарникомъ Artemisias и Gnaphalimus, похожихъ на наше «садовое божье дерево» и на «кошачьи лапки», но не болѣе 6 или 8 футовъ высоты; садовые ранункулы, фіалки, черника, волчьи ягоды, мокрица, бѣлые и желтые крестоцвѣтные, подорожникъ и другія однолѣтнія растенія всюду изобилуютъ здѣсь. Тамъ, гдѣ есть кустарникъ, во множествѣ растетъ трава св. Іоанна и жимолость, но красивые цвѣты королевской бѣлой буквицы можно найти только въ сырой тѣни чащи.

Господинъ Мотлей, посѣтившій эту гору въ сухое время года и много занимавшійся ботаникою, даетъ намъ слѣдующій списокъ характеристическихъ породъ отдаленныхъ и болѣе умѣренныхъ странъ: два вида фіалки, три ранункула три Impatiens, 8 или 10 Rubus (малинникъ) видъ Primola (бѣлая буквица), Hypericum, Svertia; Convallaria (ландышъ), Vaccinium (брусника), Rhododendron (розовый лавръ) Gnaphalium, Polygonum, Digitalis (наперсточная трава) Lonicera (жимолость), Plantago (жилковидная), Artenisia (полынь), Lobdia, Oxalis (лѣсная кислица) Quercus (дубъ) и Taxus (тисъ); нѣсколько болѣе мелкихъ растеній (Plantago major и lanceolata, Sonchus oleraceus и Artemisia vulgaris) тождественны съ европейскими видами.

Очень страненъ тотъ фактъ, что на уединенныхъ вершинахъ европейскихъ горъ мы находимъ растительность, близко родственную съ растительностью острова на югъ отъ экватора, тогда какъ на всѣхъ низменностяхъ, на 1000 миль въ окружности, флора носитъ совершенно иной характеръ; только недавно этому факту нашлось понятное объясненіе. На Теперифскомъ пикѣ, достигающемъ гораздо большей высоты и лежащемъ ближе къ Европѣ, нѣтъ такой нагорной флоры; мы ее также не встрѣчаемъ и на горахъ острововъ Бурбона и Маврикія. Потому-то, подобное явленіе, встрѣчающееся намъ на вулканическихъ вершинахъ Явы, нѣсколько странно, но нѣкоторыя другія аналогичныя, если не совершенно параллельныя, явленія дадутъ намъ возможность лучше понять такой феноменъ. На высочайшихъ вершинахъ Альпъ и даже Пиринеѣ встрѣчается много растеній, совершенно тождественныхъ съ тѣми же видами въ Лапландіи, между тѣмъ, какъ ихъ нигдѣ нельзя найти въ промежуточныхъ равнинахъ. На вершинѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, всѣ растенія совершенно тождественны съ видами, растущими на Лабрадорѣ. Тутъ нельзя было бы предположить обыкновеннаго способа переноски. У большей части растеній слишкомъ тяжелыя сѣмена, чтобы ихъ могъ перенести вѣтеръ черезъ такія огромныя пространства, а о посредствѣ птицъ, при такихъ дѣйствительно неприступныхъ Альпійскихъ высо-

тахъ, тоже не можетъ быть и рѣчи. Рѣшеніе этого вопроса было такъ затруднительно, что нѣкоторые натуралисты начали думать, не были ли эти виды созданы отдѣльно на каждой изъ этихъ отдаленныхъ вершинъ. Впрочемъ, скоро нашли болѣе удовлетворительное разрѣшеніе вопроса въ недавней эпохѣ льдовъ, и оно теперь принято всѣми учеными. Въ томъ періодѣ, когда горы Валлиса изобиловали ледниками, а гористыя части центральной Европы и большое пространство Америки, на сѣверъ отъ большихъ озеръ, были покрыты снѣгомъ и льдомъ, и климатъ тамъ былъ похожъ на климатъ Лабрадора и Гренландіи въ настоящее время, всѣ эти страны покрывала сѣверная флора. Когда кончился этотъ періодъ холода, и снѣжный покровъ страны, вмѣстѣ съ ледниками, спускавшимися съ горныхъ вершинъ, отступили къ сѣверному полюсу, туда же двинулись и растенія, все болѣе и болѣе приближаясь къ постоянной снѣжной линіи. Вотъ причина, почему тѣже самые виды теперь находятъ, какъ на горныхъ вершинахъ умѣренныхъ частей Европы и Америки, такъ и въ безплодныхъ сѣверо-полярныхъ странахъ.

Но есть еще другой рядъ фактовъ, который даетъ намъ возможность сдѣлать еще новый шагъ къ разъясненію явленія флоры на Яванскихъ горахъ. На высочайшихъ выступахъ Гималая, на вершинѣ горъ центральной Индіи или Абиссиніи встрѣчаемъ мы множество растеній, если не совершенно тождественныхъ съ видами, встрѣчающимися на европейскихъ горахъ, то, во всякомъ случаѣ, принадлежащими къ тому же роду, котораго онѣ, по словамъ ботаниковъ, служатъ представителями; большая часть ихъ немогла бы существовать въ теплыхъ, промежуточныхъ равнинахъ. Дарвинъ полагаетъ, что и эту группу фактовъ можно объяснить тѣмъ же путемъ, потому что въ теченіи времени наибольшей суровости нѣкоторые виды растеній, принадлежащіе къ умѣренному поясу, распространились до предѣловъ тропиковъ, а послѣ окончанія этого періода отступили къ этимъ южнымъ горамъ, равно какъ и къ сѣверу къ равнинамъ и горамъ Европы. Но при этомъ переселеніи проходило время, и сильныя измѣненія условій произвели во многихъ изъ этихъ растеній такую перемѣну, что мы считаемъ ихъ теперь различными видами. Множество другихъ фактовъ такого же рода заставили его предполагать, что пониженіе температуры было въ тоже время достаточно, какъ для того, чтобы дать возможность многимъ растеніямъ сѣвернаго умѣреннаго пояса переправиться черезъ экваторъ (самыми возвышенными путями), такъ и для того, чтобы достигнуть Антарктическихъ странъ, гдѣ ихъ теперь находятъ. Доказательства, на которыхъ основываются эти предположенія, можно найти въ послѣдней части

*

второй главы «О происхожденіи видовъ». Принимая это пока за гипотезу, мы можемъ, на основаніи ея, объяснить себѣ присутствіе европейской флоры на вулканахъ Явы.

Тѣмъ не менѣе совершенно естественно могутъ возразить, что между Явой и континентомъ лежитъ на большомъ протяженіи море, которое, дѣйствительно, должно было мѣшать переселенію видовъ растеній умѣренныхъ поясовъ во время ледянаго періода. Безъ сомнѣнія это было бы сильнымъ возраженіемъ, если не было бы многочисленныхъ доказательствъ въ пользу того, что Ява была прежде соединена съ Азіею, и что это соединеніе должно было произойти приблизительно около того времени, когда это было необходимо для переселенія растеній. Самымъ поразительнымъ доказательствомъ такого соединенія служитъ то, что большія млекопитающія Явы: носорогъ, тигръ, дикій быкъ встрѣчаются также въ Сіамѣ и Бирмѣ, а ихъ конечно не могъ туда переселить человѣкъ. Яванскій павлинъ и разныя другія птицы тоже находятся въ обѣихъ странахъ; но въ большинствѣ случаевъ виды различны, хотя очень схожи, и это доказываетъ, что значительное количество времени (необходимое для этого измѣненія) прошло съ ихъ отдѣленія; но это время не было настолько продолжительно, чтобы произвести совершенную перемѣну. А это совершенно соотвѣтствуетъ тому времени, которое, по нашему мнѣнію, должно было пройти съ тѣхъ поръ, какъ растительныя формы, свойственныя умѣренному поясу, проникли въ Яву. Теперь это почти все различные виды; но измѣненныя условія, при которыхъ они теперь принуждены существовать, и возможность того, что нѣкоторые изъ нихъ вымерли съ тѣхъ поръ на континентѣ Индіи, достаточно объясняетъ ихъ различіе отъ яванскихъ видовъ.

При болѣе точномъ изслѣдованіи особенностей горы, я мало имѣлъ успѣха; можетъ быть причиною этому была чрезвычайно неблагопріятная погода и кратковременность моего пребыванія тамъ; на высотѣ отъ 7000 до 8000 футовъ я досталъ прелестный экземпляръ мелкаго голубя изъ породы Philonopus roseicollis, вся голова и шейка котораго были превосходно ярко-розоваго цвѣта, что представляетъ изящный контрастъ съ зеленымъ цвѣтомъ остальныхъ перьевъ; на самой вершинѣ мнѣ попался мрачный дроздъ, искавшій себѣ пищи на землѣ въ землянкѣ; видъ его и нравы напоминаютъ скворца (Turdus fumidus). Насѣкомыхъ почти совсѣмъ не было, вѣроятно, вслѣдствіе сильной сырости; во всю поѣздку мнѣ не удалось добыть ни одной бабочки, но все таки я увѣренъ, что недѣльное пребываніе на этой горѣ въ сухое время года вознаградило бы собирателя по всѣмъ отдѣламъ естественной исторіи.

По моемъ возвращеніи въ Таего, я началъ искать другого мѣста для сбора своихъ коллекцій и направился къ одной кофейной плантаціи, лежащей на нѣсколько миль сѣвернѣе; тамъ я пробовалъ дѣлать изслѣдованіе постепенно въ болѣе высокихъ и болѣе низкихъ мѣстностяхъ, но нигдѣ не случалось мнѣ видѣть много бабочекъ, птицъ же было гораздо менѣе, чѣмъ на Мегамендонской горѣ.

Погода стала дождливѣе, чѣмъ когда либо, и такъ какъ она, казалось, установилась, то я возвратился въ Батавію, уложилъ и отослалъ свои коллекціи, а самъ двинулся 1-го ноября на пароходѣ къ Банкѣ и Суматрѣ.

ГЛАВА VIII.

СУМАТРА.

Постройки туземцевъ.—Ручныя бѣлки.—Способъ путешествія по острову.—Птицы и насѣкомыя.—Обезьяны.—Летающій макки.

Почтовый пароходъ, крейсирующій между Батавіей и Сингапуромъ, привезъ меня въ Мэнтокъ (по англійскимъ картамъ «Минто») главный городъ и гавань Банки. Тутъ я пробылъ одинъ или два дня, пока могъ достать лодку чтобы проѣхать по проливамъ и до рѣки Палембангъ. Нѣсколько поѣздокъ внутрь страны показали мнѣ, что она очень холмиста и полна гранитныхъ острыхъ скалъ, покрытыхъ сухою, бѣдною лѣсною растительностью; насѣкомыхъ было очень мало. Довольно большая открытая парусная лодка довезла меня до устья рѣки Палембангъ, гдѣ въ одной рыбачьей деревушкѣ я нанялъ себѣ весельную лодку, чтобы доѣхать до деревни Палембанга, расположенной на разстояніи около ста миль отъ устья. Исключая того времени, когда былъ сильный и попутный вѣтеръ, мы могли двигаться только по теченію, а такъ какъ берега рѣки были затоплены, болотами, то часы, когда мы стояли на якорѣ, проходили для насъ очень медленно. Достигнувъ Палембанга 8-го ноября, я остановился у одного доктора, къ которому у меня было рекомендательное письмо, и постарался узнать о какой нибудь мѣстности, годной для собранія коллекцій. Всѣ увѣряли меня, что мнѣ придется идти очень далеко, чтобы добраться до сухого лѣса, такъ какъ въ это время года вся страна на много миль внутрь была затоплена. Потому прежде чѣмъ я могъ опредѣлить свои дальнѣйшія дѣйствія я долженъ былъ провести цѣлую недѣлю въ Палембангѣ. Городъ довольно великъ: онъ простирается мили на три, на четыре, вдоль красиво извивающейся рѣки, которая также широка какъ Темза въ Гринвичѣ. Рѣка, впрочемъ,

съуживается отъ выступающихъ въ нее на сваяхъ домовъ; а за ними идетъ еще рядъ домовъ, построенныхъ на большихъ бамбуковыхъ плотахъ, привязанныхъ канатами изъ индійскаго тростника къ берегу или къ сваямъ и опускающихся и поднимающихся съ приливомъ. Вся набережная рѣки по обѣимъ сторонамъ усѣяна такого рода домами; большая часть изъ нихъ занята лавками, открытыми со стороны воды, такъ что взявъ маленькую лодку, легко отправиться на рынокъ и купить все то, что только можно достать въ Палембангѣ. Туземцы чистые малайцы, никогда не строющіе дома на сушѣ, если только имъ удается построить его на водѣ, и неотправляющіеся никуда пѣшкомъ, если только возможно поѣхать на лодкѣ. Значительная часть населенія — китайцы и арабы, которые ведутъ всю торговлю; но только однимъ европейцамъ открытъ голландскимъ правительствомъ доступъ къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ.

Городъ расположенъ у рѣчной дельты, и между имъ и моремъ только небольшой клочекъ земли, поднимающейся немного выше уровня воды; но на много миль внутрь страны берегъ главной рѣки и ея притоковъ болотисты и въ сырое время года затоплены на далекое пространство. Палембангъ построенъ на клочкѣ земли, поднятый выше общаго уровня; это мѣсто, лежащее на пространствѣ нѣсколькихъ миль, находится на сѣверномъ берегу рѣки. Мили за три отъ города возвышается небольшой холмикъ, вершина котораго считается туземцами священною; она закрыта нѣсколькими красивыми деревьями, на которыхъ живетъ цѣлая колонія ручныхъ бѣлокъ. Если держать въ рукѣ нѣсколько крошекъ хлѣба или какіе нибудь плоды, бѣлки сбѣгаютъ съ дерева, выхватываютъ куски изъ рукъ и въ туже минуту кидаются прочь. Хвосты у нихъ совершенно прямые, и однообразный блескъ волосъ на шкуркѣ съ сѣрыми, желтыми и коричневыми полосками, необыкновенно красивъ. Въ нихъ есть что-то напоминающее движенія мышей; приближаются онѣ небольшими прыжками и съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваются своими большими черными глазами, прежде чѣмъ рѣшатся подойти ближе. Тотъ путь, которымъ малайцы пріобрѣтаютъ довѣріе дикихъ животныхъ, указываетъ на очень интересную черту ихъ характера; способностью своею въ этомъ отношеніи они обязаны своимъ спокойнымъ манерамъ и большею любовью къ покою, чѣмъ къ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи дѣти согласуются съ желаніями старшихъ и, повидимому, вовсе не имѣютъ той склонности къ нанесенію вреда, которую мы замѣчаемъ въ европейскихъ мальчикахъ. Какъ долго бы прожили ручныя бѣлки близь какой нибудь англійской деревушки, да-

же если бы это было у церкви! Ихъ скоро бы разогнали и убили, или поймали бы въ сѣти и засадили въ вертящуюся клѣтку. Мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы въ Англіи приручали животныхъ такимъ путемъ, но мнѣ кажется, что это легко можно было-бы устроить въ паркѣ какого-нибудь помѣщика; эти животныя представляли бы столько же привлекательности, сколько и интереса необыкновеннаго зрѣлища.

Послѣ многихъ справокъ я узналъ, что на разстояніи одного дня путешествія отъ Палембанга по водѣ начинается военная дорога, проложенная вплоть до горъ и даже проходящая черезъ нихъ до Бенколена; я рѣшилъ ѣхать по ней и путешествовать до тѣхъ поръ, пока найду мѣстность, годную для собиранія коллекцій. Такимъ образомъ я былъ обезпеченъ по отношенію къ сухой почвѣ и хорошей дорогѣ, и могъ избѣгнуть рѣкъ, по которымъ, вслѣдствіе сильнаго теченія, очень трудно подниматься; да и для собирателя коллекцій этотъ путь невыгоденъ, такъ какъ почти всѣ сосѣднія мѣстности покрыты водою. Выѣхавъ рано утромъ, мы только поздно вечеромъ достигли Лорокя, деревушки, гдѣ начинается дорога. Я остался тамъ только нѣсколько дней, но нашелъ, что всѣ сосѣднія мѣстности, нележащія надъ водою, обработаны, и что только одинъ лѣсъ покрытъ болотами, въ настоящее время непроходимыми. Изъ птицъ незнакомыхъ мнѣ, я досталъ въ Лорокѣ только одного красиваго длиннохвостаго попугая (Palaeornis longicauda). Здѣшніе жители увѣряли меня, что характеръ страны не измѣняется на разстояніи недѣльнаго пути; они даже, казалось, имѣли слабое понятіе о возвышенной лѣсистой мѣстности, такъ что я началъ подумывать, не безполезны ли всѣ эти прогулки, такъ какъ я и безъ того имѣлъ мало времени въ своемъ распоряженіи. Наконецъ, впрочемъ, мнѣ попался человѣкъ болѣе понятливый и знакомый съ страною; отъ него я узналъ, что если мнѣ нужна лѣсистая мѣстность, то мнѣ стоитъ только отправиться въ округъ Рембанга, который, по моимъ справкамъ, оказался на 25 или 30 миль разстоянія. Дорога раздѣлена станціями, отстоящими одна отъ другой на 10—12 верстъ; не посылая даже впередъ, чтобы для васъ были на готовѣ кули, вы можете сдѣлать все путешествіе въ одинъ день.

На каждой станціи есть дома, приспособленные для пріема пріѣзжающихъ, кухмистерскія, конюшни и 6—8 человѣкъ сторожей.—Существуетъ цѣлая организація куліевъ, которыхъ вы нанимаете по извѣстной таксѣ; всѣ жители окрестныхъ деревень подлежатъ обязанности по очереди исполнять, какъ эту должность, такъ и должность сторожей на

станціяхъ по пяти дней подрядъ. Такого рода установленный порядокъ очень облегчаетъ путешествіе, а для меня онъ былъ особенно удобенъ. Я дѣлалъ утромъ пріятную прогулку въ 10-12 миль и, затѣмъ, остальную часть дня могъ бродить по деревнѣ и окрестностямъ въ Рембангѣ; мѣстность оказалась сухой и холмистой, покрытой порядочнымъ лѣсомъ, такъ что я рѣшился остаться здѣсь на короткое время и попробовать, не найду-ли чего въ окрестностяхъ. Прямо противъ станціи протекала небольшая, но глубокая рѣка съ удобнымъ для купанья мѣстомъ; а за деревней находился небольшой лѣсъ, чрезъ который проходила большая дорога, окаймленная великолѣпными тѣнистыми деревьями, соблазнившими меня здѣсь остановиться; впродолженіе двухъ недѣль, однако, я не могъ отыскать мѣста, гдѣ было бы много насѣкомыхъ; да и птицъ, отличныхъ отъ обыкновенныхъ видовъ, встрѣчающихся на Малакѣ, было очень мало. Поэтому я направился къ другой станціи въ Лобо-Раманъ, гдѣ сторожевой домикъ стоитъ совершенно одиноко въ лѣсу, на разстояніи мили отъ каждой изъ трехъ деревень. Это обстоятельство было мнѣ очень пріятно, такъ какъ здѣсь за каждымъ моимъ движеніемъ не наблюдала болѣе толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, притомъ же здѣсь представлялось большее разнообразіе въ прогулкахъ; я могъ ходить въ три деревни и окрестныя плантаціи.

Деревни малайцевъ Суматры очень живописны и характерны. Пространство въ нѣсколько акровъ обносится высокою изгородью, и надъ нею высятся дома, расположенные близко одинъ возлѣ другаго безъ всякой попытки на правильность. Между домами разсажены высокія кокосовыя деревья, но почва совершенно обнажена и утоптана отъ ходьбы многочисленныхъ ногъ. Дома построены на столбахъ въ шесть футовъ высоты; нѣкоторые изъ лучшихъ сдѣланы изъ досокъ, остальные изъ бамбуковъ. Первые всегда болѣе или менѣе украшены рѣзьбою и имѣютъ высоко раскинувшуюся крышу и нависшіе дождевые стоки. Щипецъ и всѣ главные столбы и перекладины иногда убраны изящно сдѣланной рѣзьбой, этотъ обычай встрѣчается въ округѣ Менангкабо и далѣе къ западу. Полъ дѣлается изъ колотаго бамбука и очень не ровенъ. Въ домѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ мебели, ни одной скамейки, стула или стола, и на голомъ полу разложены цыновки, на которыхъ и сидятъ или лежатъ туземцы. Сама деревня выглядитъ очень чисто; передъ главными домами часто подметаютъ даже землю; но изъ домовъ выходитъ всегда очень дурной запахъ, который происходитъ отъ того, что подъ каждымъ домомъ есть вонючая помойная яма; въ нее сливаютъ черезъ полъ всѣ помои и негодные остатки. Во всѣхъ остальныхъ привычкахъ

малайцы довольно чистоплотны, въ нѣкоторыхъ даже до излишества, а этотъ скверный обычай, общій имъ всѣмъ, безъ сомнѣнія происходитъ оттого, что они по своему происхожденію народъ прибрежный, живущій надъ водою; они строили свои жилища на столбахъ надъ водою и только мало по малу отошли сначала къ рѣкамъ и источникамъ, а потомъ и во внутрь. Такимъ образомъ привычка, бывшая сначала очень чистоплотною, такъ укоренилась въ народѣ, что онъ не оставилъ ее и тогда, когда первые переселенцы строили свои дома на сушѣ. Но безъ правильной системы сточныхъ трубъ, всякій другой способъ удаленія нечистотъ былъ бы неудобенъ при настоящемъ расположеніи деревни.

Во всѣхъ этихъ деревняхъ Суматры мнѣ было очень трудно находить себѣ пищу. Время для овощей прошло, и нѣсколько ямовъ рѣдкой разновидности, которыя мнѣ удалось найти послѣ долгихъ затрудненій, были совершенно тверды, и ихъ едва можно было ѣсть. Птицы попадались очень рѣдко, а изъ плодовъ были только самые малорослыя породы банана. Туземцы, по крайней мѣрѣ въ теченіе дождливаго времени года, живутъ исключительно рисомъ, какъ ирландцы картофелемъ. Большую часть года они ѣдятъ по два горшка въ день крутосваренаго риса съ солью и краснымъ перцомъ, и эта умѣренность врожденная, а не есть слѣдствіе бѣдности, ибо ихъ жены и дѣти постоянно носятъ серебрянные браслеты, обвѣшивая ими всю руку отъ локтя до кисти, и ожерелья изъ дюжины серебрянныхъ монетъ вокругъ шеи или у ушей.

По мѣрѣ моего удаленія отъ Палембанга, я находилъ, что малайскій языкъ простаго народа становился все менѣе и менѣе чистымъ и наконецъ сталъ совершенно непонятнымъ, хотя частое употребленіе хорошо извѣстныхъ словъ убѣдило меня, что этотъ народный языкъ былъ нарѣчіемъ малайскаго. Это давало мнѣ возможность догадываться о главномъ предметѣ разговора. Этотъ округъ имѣлъ очень дурную репутацію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и путешественниковъ здѣсь часто грабили и убивали. Между деревнями были постоянныя распри, и множество людей гибло во время ссоръ изъ за границъ или вслѣдствіе женскихъ интригъ. Но теперь, когда вся страна раздѣлена на округи подъ управленіемъ «контролеровъ», которые посѣщаютъ каждую деревню, выслушиваютъ жалобы и рѣшаютъ споры о прежнихъ вещахъ болѣе уже не слышно. Это одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ хорошаго вліянія голландскаго правительства. Оно зорко наблюдаетъ за самыми отдаленными владѣніями, установило форму правленія, хорошо подходящую къ нравамъ народа, уничтожило злоупотребленія, наказываетъ преступленія и заставило туземцевъ уважать себя.

Лобо Раманъ центральный пунктъ восточнаго края Суматры и находится въ стодвадцати миляхъ отъ моря, которое лежитъ отъ него на востокъ, на сѣверъ и на западъ. Поверхность его волнообразна, хотя на ней не попадается ни горъ, ни даже холмовъ; вы не встрѣтите здѣсь также ни одной скалы, и почва состоитъ вообще изъ красной рыхлой глины. Множество узкихъ потоковъ и рѣкъ покрываютъ страну среди которой красиво перемежаются открытыя лужайки съ небольшими лѣсами, какъ дѣвственными, такъ и молодыми, изобилующими плодовыми деревьями; множество тропинокъ прорѣзываютъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Эта страна, дѣйствительно, много обѣщаетъ натуралисту, и я твердо убѣжденъ, что въ болѣе благопріятное время года она оказалась бы въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно богатою. Но теперь было время дождей, когда и въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ рѣдко попадаются насѣкомыя, а за отсутствіемъ плодовъ на деревьяхъ не встрѣчаются и птицы. Въ теченіи мѣсяца, посвященнаго мною на составленіе коллекцій, мнѣ удалось прибавить лишь три или четыре новыхъ вида къ списку моихъ птицъ, хотя въ тоже время мнѣ попались нѣсколько хорошихъ экземпляровъ тѣхъ породъ, которые вообще чрезвычайно интересны и рѣдко попадаются. Въ дѣлѣ бабочекъ я имѣлъ гораздо болѣе успѣха и пріобрѣлъ нѣсколько красивыхъ видовъ, совершенно новыхъ для меня, и значительное количество весьма рѣдкихъ и прелестныхъ насѣкомыхъ. Я здѣсь представлю маленькое описаніе двухъ видовъ бабочекъ, которыя хотя и весьма обыкновенны въ коллекціяхъ, но отличаются интересными особенностями.

Первая изъ нихъ красивая Papilio onetmon, прелестная бабочка, густого чернаго цвѣта съ полосками и чешуйками пепельнаго голубаго цвѣта. Ея крылья имѣютъ пять дюймовъ въ длину, а заднія закруглены и окаймлены заостренными фестонами. Таковы самцы; самки же такъ разнообразны, что ихъ прежде принимали за различные виды. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы; одни похожи по виду на самца, другія совершенно отъ него отличаются очертаніемъ крыльевъ. Первыя очень разнообразны по цвѣту и бываютъ часто почти совершенно бѣлые съ темножелтыми или красными полосками. Но такія различія часто попадаются у бабочекъ. Вторая группа гораздо необыкновеннѣе, и принадлежащія къ ней бабочки никогда не могли бы быть приняты за одно и тоже насѣкомое, такъ какъ заднія крылья удлинены въ широкія ложкообразныя хвостики; слѣды ихъ никогда не замѣчаются ни у самца, ни у самки первой породы.

Эти хвостатыя самки никогда не бываютъ темнаго или блестяще-

синяго цвѣта, какъ самцы, а иногда и самки этой же формы, но большая часть поверхности ихъ заднихъ крыльевъ бываетъ всегда украшена бѣлыми или свѣтло-желтыми полосами и пятнами. Такая особенность ихъ окраски привела меня къ открытію, что эти необыкновенныя самки чрезвычайно походятъ (во время летанья) на другую бабочку того же рода, но другой группы (Papilio coön), и совершенно тожественны съ такъ хорошо описанною и нарисованною у М-ра Бэтса [1]) Что сходство не случайно, достаточно доказываетъ тотъ фактъ, что на сѣверѣ Индіи, гдѣ вмѣсто Papilio coön является сродная форма (Papilio Doubledayi) съ красными пятнами вмѣсто желтыхъ, хвостатая самка близко сроднаго вида или разновидности Papili memnon (P.androgeus) имѣетъ также красныя пятна. Польза, вытекающая изъ этого сходства, и причина его по видимому та, что бабочки, форма которыхъ воспроизводится, по той или другой причинѣ не подвергаются нападеніямъ птицъ, а слѣдовательно самки Мемнона и сродныхъ ему видовъ такимъ путемъ также избѣгаютъ этихъ нападеній. Два другіе вида того же отряда (Papilio antiphus и Papilio polgyphontes) до такой степени воспроизводятся двумя формами самокъ Papilio theseus (принадлежащихъ къ тому же отряду, какъи Memnon), что голландскій энтомологъ Де Хаанъ положительно сбился съ толку и причислилъ какъ тѣхъ такъ и другихъ къ однимъ и тѣмъ же видамъ.

При этомъ различіи формъ всего любопытнѣе тотъ фактъ, что обѣ формы происходятъ какъ отъ той, такъ и отъ другой. У одного голландскаго энтомолога изъ однихъ и тѣхъ же личинокъ на Явѣ выводились самцы и самки какъ хвостатыя, такъ и нехвостатыя, и мы имѣемъ полное право предполагать, что это всегда бываетъ такъ, и что формы переходнаго характера не встрѣчаются вовсе. Чтобы придать болѣе наглядности этому замѣчательному явленію, представимъ себѣ странствующаго англичанина на какомъ нибудь отдаленномъ островѣ, живущаго съ двумя женами: черноволосою, краснокожею индіянкою и курчавою черною какъ сажа негритянкой, при чемъ дѣти его, вмѣсто того чтобы быть мулатами коричневаго или темноватаго цвѣта, воспроизводятъ попеременно характеристическіе признаки каждаго изъ родителей, такъ напримѣръ всѣ мальчики родятся такіе же бѣлые и голубоглазые, какъ отецъ, а дѣвочки походятъ на матерей. Подобное явленіе показалось бы довольно страннымъ, но съ бабочками происходитъ нѣчто еще болѣе необыкновенное; — каждая мать способна производить не только

[1]) Trans Linn. Soc. vol. XVIII стр. 495; «Naturalist on the Amazons». vol. I стр. 290.

самцевъ подобныхъ отцу и самокъ подобныхъ себѣ, но также самокъ подобныхъ другой женѣ, непохожей на нее самую.

Другой видъ бабочки, на который я долженъ обратить вниманіе, это Kallima paralekta, принадлежащая къ тому же семейству или группѣ, какъ наша Purple Emperor и приблизительно такой же величины или даже больше. Сверху крылья ея богатаго пурпуроваго цвѣта, перемѣшаннаго съ пепельнымъ, а поперегъ переднихъ крыльевъ идетъ широкая полоса оранжеваго цвѣта, такъ что по крыльямъ она весьма замѣтна. Въ сухихъ лѣсахъ и чащахъ видъ этотъ встрѣчался не рѣдко; мнѣ часто случалось ловить такую бабочку, но безуспѣшно, ибо пролетѣвъ небольшое пространство, она забивалась въ чащу среди сухихъ или опавшихъ листьевъ и, какъ ни осторожно подкрадывался я къ тому мѣсту, гдѣ она пряталась, я никогда не могъ увидать ее, пока она не вспорхнетъ и не скроется снова въ подобномъ же мѣстѣ. Однажды мнѣ удалось наконецъ увидѣть гдѣ она сѣла, и хотя я потерялъ ее изъ виду на нѣкоторое время, но вскорѣ открылъ, что она была у меня прямо передъ глазами и до того походила на сухой листъ, прикрѣпленный къ вѣткѣ, что глазъ положительно долженъ былъ обмануться, если бы даже смотрѣлъ прямо на нее. Я поймалъ нѣсколько экземпляровъ за крылья, и вполнѣ понимаю, какъ производится это удивительное сходство.

Переднія крылья ихъ оканчиваются острыми кончиками, совершенно такъ же, какъ листья многихъ тропическихъ кустарниковъ и деревьевъ, заднія же нѣсколько тупѣе и вытянуты въ короткій толстый хвостъ, а посерединѣ между этими точками проходитъ темная изогнутая линія, совершенно похожая на срединную жилку листа, отъ которой расходятся въ обѣ стороны нѣсколько косвенныхъ полосокъ, составляющихъ весьма искусное подражаніе боковымъ жилкамъ листа. Мѣточки эти яснѣе видны на внѣшней части низа крыльевъ и съ внутренней стороны, ближе къ серединѣ и верхушкѣ; онѣ состоятъ изъ полосокъ и пятнышекъ, которыя у сродныхъ видовъ весьма обыкновенны, въ данномъ же случаѣ видоизмѣнились и усилились какъ бы для того, чтобы какъ можно больше походить на развѣтвленіе жилокъ у листьевъ. Цвѣтъ крыльевъ съ нижней стороны весьма разнообразенъ, но всегда впадаетъ въ коричневато пепельный или красноватый, весьма сходный съ цвѣтомъ сухихъ листьевъ. Этотъ видъ бабочки имѣетъ обыкновеніе садиться на вѣтки, среди опавшихъ или сухихъ листьевъ, плотно сложивъ вмѣстѣ крылья, внѣшній край которыхъ совершенно похожъ на внѣшній край листа средней величины, нѣсколько изогнутаго или помятаго. Хвостъ заднихъ крыльевъ изображаетъ собою стебелекъ и прикасается къ стволу въ то

время, какъ насѣкомое держится на средней парѣ ногъ, которыя совершенно незамѣтны среди вѣточекъ и стебельковъ ихъ окружающихъ. Голову и усики оно заворачиваетъ назадъ и прячетъ между крыльями, гдѣ образуется для этого углубленьице. Всѣ эти подробности, вмѣстѣ взятыя, дѣлаютъ превращеніе до того полнымъ и удивительнымъ, что оно поражаетъ всякаго, кому случится увидѣть его.

Привычки этихъ насѣкомыхъ таковы, что онѣ вполнѣ могутъ пользоваться своими особенностями, и несомнѣнно, что это странное подражаніе служитъ имъ охраною. Сила и быстрота ихъ полета достаточна, чтобы спасать ихъ отъ враговъ на лету, но если бы они были стольже замѣтны въ состояніи покоя, то онѣ не долго бы убереглись отъ истребленія, вслѣдствіе нападеній насѣкомоядныхъ птицъ и пресмыкающихся, изобилующихъ въ тропическихъ лѣсахъ. Въ Индіи водится видъ Kallima inachis, близко сродный предъидущему; онъ тамъ весьма обыкновененъ и экземпляры его имѣются во всѣхъ коллекціяхъ съ Гималая. При разсмотрѣніи этихъ экземпляровъ мы увидимъ, что между ними нѣтъ даже двухъ, совершенно тожественныхъ, но въ то же время всѣ разновидности вполнѣ сходны съ опавшими листьями. Здѣсь можно найти всѣ оттѣнки желтаго, пепельнаго, коричневаго и краснаго цвѣта, а у нѣкоторыхъ экземпляровъ встрѣчаются маленькія черныя пятнышки или точки до етоо похожія на маленькіе грибки, растущіе на листьяхъ, что сначала поневлѣ господумаешь, что на бабочкахъ дѣйствительно наросли грибки.

Если бы такое необыкновенное приспособленіе было одиночнымъ явленіемъ, то весьма трудно было бы объяснить его; но какъ ни совершенно оно въ данномъ случаѣ, въ природѣ можно найти цѣлыя сотни ему подобныхъ, и такимъ образомъ является возможность вывести общую теорію хода ихъ постепеннаго развитія. Принципъ видоизмѣненія и «естественнаго подбора», выработанный Дарвиномъ въ его знаменитомъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ», можетъ служить основаніемъ такой теоріи, и я самъ пытался примѣнить его ко всѣмъ главнымъ случаямъ подражанія въ статьѣ, напечатанной въ Westminster Review за 1867 подъ заглавіемъ «Mimicry and other Protective Resemblances among Animals», къ которой и отсылаю читателя, желающаго ближе познакомиться съ этимъ предметомъ.

Обезьяны на Суматрѣ весьма многочисленны, и въ Ладо Раманѣ онѣ часто приходили на деревья, склонявшіяся надъ караульней, гдѣ мнѣ весьма удобно было любоваться ихъ прыжками и играми. Особенно многочисленны были два вида тонкотѣлыхъ (*Semnopithecus*)—обезьянокъ

съ весьма длинными хвостами. Такъ какъ ихъ стрѣляли рѣдко, то онѣ вовсе не были пугливы и не смущались присутствіемъ туземцевъ, но когда я выходилъ посмотрѣть на нихъ, онѣ убѣгали прочь чрезъ минуту или черезъ двѣ. Онѣ дѣлаютъ страшные прыжки съ вѣтвей одного дерева на вѣтви другого, болѣе низкаго, причемъ весьма интересно бываетъ наблюдать, какъ послѣ смѣлаго прыжка болѣе сильной обезьяны - вожака, остальныя слѣдуютъ за ней уже съ нѣкоторою робостью, и часто случается, что послѣднія никакъ не могутъ собраться съ духомъ, такъ что всѣ другія уже изчезнутъ изъ виду, а онѣ все еще сидятъ, и наконецъ съ отчаяніемъ кидаются въ пространство, и нерѣдко проваливаются между вѣтвями на землю.

Одна весьма интересная обезьяна *Siamang* была также многочисленна, но она далеко не такъ смѣла какъ *Semnopithecus*, держится болѣе въ дѣвственныхъ лѣсахъ и избѣгаетъ деревень. Видъ этотъ сроденъ маленькимъ длиннорукимъ обезьянамъ изъ породы Hylobates (гиббоновъ), но значительно больше и отличается тѣмъ, что два первые пальца ногъ у ней срастаются почти до конца, отчего и происходитъ ея латинское названіе Siamanga syndactyla. Она движется гораздо медленнѣе, чѣмъ проворные гиббоны, на деревьяхъ держится ниже и не отваживается на такіе ужасные скачки; но она все таки весьма проворна, и можетъ перелетать большія пространства между деревьями, благодаря своимъ чрезвычайно длиннымъ рукамъ, которыя, будучи распростерты, равняются пяти футамъ шести дюймамъ, между тѣмъ какъ высота взрослаго животнаго не превышаетъ трехъ футовъ. Я пріобрѣлъ себѣ одинъ маленькій экземпляръ, который былъ пойманъ туземцами и связанъ ими чрезвычайно крѣпко. Сначала онъ былъ дикъ и пытался кусаться, но когда мы развязали его и посадили къ двумъ шестамъ утвержденнымъ подъ верандою, прикрѣпивъ его помощію короткой веревки съ кольцомъ, свободно скользящимъ по одному изъ шестовъ, такъ что движенія его вовсе не были стѣснены, то онъ сталъ довольнѣе и началъ прыгать во всѣ стороны съ чрезвычайною быстротою. Онъ ѣлъ почти всѣ плоды и рисъ, и я надѣялся привезти его съ собою въ Англію, но онъ околѣлъ какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ. Онъ не взлюбилъ меня съ самаго начала, и стараясь пріучить его къ себѣ я постоянно кормилъ его самъ. Но однажды онъ такъ сильно укусилъ меня, когда я его кормилъ, что я вышелъ изъ терпѣнія и порядкомъ прибилъ его, послѣ чего онъ не взлюбилъ меня еще больше прежняго. Малайскимъ мальчикамъ онъ позволялъ играть съ собою и впродолженіи цѣлыхъ часовъ подрядъ перекидывался съ одного шеста на другой, а также на стро-

пила веранды и обратно при помощи своихъ длинныхъ рукъ, съ такою ловкостью и проворствомъ, что доставлялъ намъ постоянный источникъ забавы. Когда я возвратился въ Сингапуръ онъ привлекалъ на себя большое вниманіе, ибо тамъ никто не видалъ до того времени живого сіаманга, хотя онъ вовсе не рѣдокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Малакскаго полуострова.

Такъ какъ извѣстно, что оранъ-утанъ живетъ также на Суматрѣ, ибо здѣсь онъ и былъ встрѣченъ впервые, то я старательно освѣдомлялся о немъ; но изъ туземцевъ никто даже не слыхалъ о подобномъ животномъ, да и среди служащихъ голландцевъ я не могъ найти никого, кто бы зналъ о немъ хотя что нибудь. Отсюда мы можемъ заключить только, что онъ не живетъ въ большихъ лѣсистыхъ равнинахъ на востокѣ Суматры, и что по всей вѣроятности онъ ограничивается весьма небольшою областью на сѣверо-западѣ острова, находящеюся вполнѣ въ рукахъ туземныхъ управителей. Другія большія млекопитающія Суматры, слонъ и носорогъ, занимаютъ большее пространство, но первое изъ нихъ нынѣ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и повидимому быстро отступаетъ предъ распространеніемъ цивилизаціи. Около Лобо Рамана находятъ иногда въ лѣсу клыки и кости, но живое животное уже не встрѣчается никогда. Носороговъ же (Rhinoceros sumatranus) много еще и теперь, и я безпрестанно натыкался на его слѣды и на кучи его навоза, а разъ даже потревожилъ одно животное, которое тотчасъ же скрылось въ чащѣ, такъ что мнѣ удалось лишь мелькомъ видѣть его между порослями. Я пріобрѣлъ довольно порядочный черепъ и нѣсколько зубовъ этого животнаго, которые были найдены туземцами.

Другое животное, которое я видѣлъ и въ Сингапурѣ, и на Борнео, но которое здѣсь встрѣчалось чаще, чѣмъ тамъ, это galeopithecus или летающій маки. Онъ отличается широкою перепонкою, идущею вокругъ всего тѣла и простирающеюся до самыхъ концовъ пальцевъ и до конца его длиннаго хвоста. Это даетъ ему возможность перелетать по кривой линіи съ одного дерева на другое. Движенія его лѣнивы, по крайней мѣрѣ днемъ, и, взбираясь на дерево, онъ безпрестанно останавливается, какъ будто дѣлаетъ трудное дѣло. Днемъ онъ обыкновенно держится, прицѣпившись къ какому нибудь стволу, причемъ оливковый или коричневый цвѣтъ его шерсти съ неправильными бѣловатыми пятнами весьма походитъ на пеструю кору и несомнѣнно служитъ для него охраною. Однажды въ сумерки я видѣлъ, какъ одно такое животное лѣзло на дерево, стоявшее на довольно открытомъ мѣстѣ, затѣмъ

вдругъ описало въ воздухѣ кривую линію по направленію къ сосѣднему дереву и, уцѣпившись за его стволъ при основаніи, тотчасъ же начало взбираться вверхъ. Я измѣрилъ разстояніе между деревьями и нашелъ, что оно равнялось семидесяти ярдамъ, наклоненіе же описанной дуги, я полагаю, было не болѣе 35 или 40 футовъ. Это доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что животное должно обладать значительною долею силы, для того чтобы перелетать такимъ образомъ по воздуху, иначе оно имѣло бы слишкомъ мало шансовъ попасть прямо на стволъ сосѣдняго дерева. Подобно кускусу (древолесъ) на Молуккѣ, летающій маки питается преимущественно листьями и имѣетъ весьма объемистый желудокъ и чрезвычайно длинный кишечный каналъ. Мозгъ у этого животнаго весьма малъ, и оно до того живуче, что его весьма трудно бываетъ убить какими нибудь обыкновенными средствами. Хвостъ у него цѣпкій и вѣроятно служитъ поддержкою, когда оно ѣстъ. Говорятъ, что оно не родитъ болѣе одного дѣтеныша сразу, и мои собственныя наблюденія подтверждаютъ это увѣреніе, ибо однажды я застрѣлилъ самку, на груди у которой держался маленькій слѣпой дѣтенышъ; онъ былъ совершенно голый и сморщенный и напомнилъ мнѣ дѣтенышей однихъ сумчатыхъ (Marsupialia), къ которымъ составляетъ по видимому переходъ. Шерсть на спинѣ, ногахъ и перепонкѣ этого послѣдняго животнаго коротка, но чрезвычайно мягка и походитъ на шиншила.

Въ Палембангъ я возвращался водою и на пути, пока мнѣ приготовляли лодку въ одной деревнѣ, мнѣ удалось пріобрѣсти самца, самку и птенца изъ одной крупной породы клювороговъ, Я отправилъ тамъ своихъ охотниковъ на охоту; они возвратились во время завтрака и принесли мнѣ прекраснаго большого самца Buceros Bicornis, застрѣленнаго однимъ изъ нихъ, какъ онъ увѣрялъ во время кормленія самки, спрятанной въ дуплѣ дерева. Я много читалъ объ этомъ странномъ обычаѣ, а потому тотчасъ же отправился къ тому мѣсту въ сопровожденіи нѣсколькихъ туземцевъ. Переправившись черезъ одну рѣку и черезъ болото, мы увидѣли большое наклонившееся дерево, съ нижней стороны котораго на высотѣ футовъ двадцати, можно было замѣтить маленькое отверзтіе и затѣмъ кучу глины или грязи, которою, какъ я былъ увѣренъ, запиралось другое большое отверзтіе. Послѣ нѣкотораго времени мы услышали изъ дерева рѣзкій крикъ птицы и увидѣли бѣлую оконечность высунувшагося клюва. Я предложилъ руни тому, кто-бы влѣзъ на дерево и досталъ птицу вмѣстѣ съ яицами или птенцами, но всѣ мои спутники объявили, что это слишкомъ трудно и что они боятся пробовать. Дѣлать было нечего, и я отправился обратно, но черезъ нѣсколь-

ко времени, къ моему крайнему удивленію, я услышалъ чрезвычайно громкое лошадиное ржанье, и мнѣ была представлена птица вмѣстѣ съ птенцомъ, найденные въ древесномъ дуплѣ. Птенецъ этотъ былъ весьма любопытное существо, величиною съ голубя, но безъ малѣйшаго слѣда перьевъ на всѣмъ тѣлѣ; оно было совершенно кругло и мягко, а кожа его полупрозрачна, такъ что оно болѣе походило на мѣшокъ со студнемъ съ воткнутыми въ него ногами и головою, чѣмъ на дѣйствительную птицу.

Странный обычай самцазакупоривать самку вмѣстѣ съ яйцомъ и кормить ее во все время, пока она высиживаетъ дѣтеныша и пока послѣдній не оперится свойственъ весьма многимъ крупнымъ породамъ клювороговъ и представляетъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ фактовъ въ естественной исторіи, которые «страннѣе самой выдумки».

ГЛАВА IX.

ФАУНА И ФЛОРА ИНДО-МАЛАЙСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

Недостатокъ свѣдѣній о флорѣ.—Характеристичныя животныя виды.—Распредѣленіе ихъ по островамъ и смежному материку.—Ходъ геологическихъ событій на архипелагѣ.

Въ первой главѣ этого сочиненія были разсмотрѣны мною общія основанія, ведущія насъ къ заключенію, что большіе острова въ западной части архипелага: Ява, Суматра и Борнео, а также Малакскій полуостровъ и Филиппинскіе острова, были отдѣлены нѣкогда отъ материка Азіи. Теперь же я предполагаю представить очерки естественной исторіи этихъ, такъ называемыхъ мною Индо-Малайскихъ острововъ и показать, насколько поддерживаетъ она этотъ взглядъ и сколько данныхъ можемъ мы почерпнуть изъ нея относительно древности этихъ отдѣлившихся острововъ и ихъ происхожденія.

Флора архипелага пока еще такъ мало извѣстна, и я самъ такъ мало занимался ею, что изъ нея я не могу извлечь достаточнаго количества важныхъ фактовъ. Впрочемъ малайскій типъ растительности имѣетъ большое значеніе, и д-ръ Гукеръ, въ своемъ сочиненіи «Flora Indica», сообщаетъ намъ, что она распространена по всѣмъ сырымъ и болѣе плоскимъ частямъ Индіи, и что многія растенія, находимыя на Цейлонѣ, въ Гималайяхъ, Нильгери и горахъ Касія тожественны съ растеніями Явы и Малакскаго полуострова. Самыя характеристическія формы этой флоры суть индійскіе тростники или ползучія пальмы изъ рода Calamus и множество высокихъ и безстебельныхъ пальмъ. Орхидеи, Agaceae, Zingiberaceae (имбирныя) и папоротники многочисленны по преимуществу, въ особенности одинъ родъ grammatophyllum—гигантской орхидеи, у которой пучки листьевъ и цвѣточныя ножки бываютъ отъ десяти до двѣнадцати футовъ длиною. Здѣсь кромѣ того область удивительныхъ кувшин-

*

ковыхъ растеній (Nepenthaceae), которыя всюду въ другихъ мѣстахъ, напр. на Цейлонѣ, Мадагаскарѣ, Сешельскихъ островахъ, Целебесѣ и Молукскихъ островахъ встрѣчаются лишь отдѣльными видами. Прекрасные плоды мангустана и дуріанга родомъ также отсюда, и едва ли ихъ можно разводить гдѣ либо внѣ архипелага. Нагорныя растенія Явы уже признаны за доказательство существовавшей нѣкогда связи съ материкомъ Азіи, по коллекціи М-ра Лоу съ вершины Кини-балу, самой высокой горы на Борнео, доказываютъ еще болѣе удивительную связь съ Австраліею.

Растенія съ большею легкостью могутъ переселяться за морскія пространства нежели животныя. Легкія сѣмена удобно переносятся вѣтромъ, и иныя изъ нихъ особенно хорошо приспособлены къ этому, другіе не портятся отъ долгаго плаванія по водѣ, и относятся къ далекимъ берегамъ вѣтромъ или теченіемъ. Голуби и другія плодоядныя птицы также способствуютъ разселенію растеній, ибо зерна произрастаютъ, даже пройдя ихъ желудокъ. По этому растенія прибрежныхъ и низменныхъ мѣстностей всегда бываютъ сильно распространены, и необходимы весьма обширныя знанія видовъ каждаго острова, чтобы хотя съ нѣкоторою точностью опредѣлить отношенія ихъ флоры. Но въ настоящее время такихъ знаній по ботаникѣ различныхъ острововъ архипелага еще не имѣется, и мы можемъ доказывать прежнюю связь этихъ острововъ съ материкомъ Азіи лишь такими поразительными феноменами, какъ напримѣръ существованіе сѣверныхъ и даже европейскихъ породъ на вершинахъ Яванскихъ горъ. Но съ сухопутными животными дѣло совсѣмъ другое. Ихъ средства перебиратіся черезъ широкія морскія пространства гораздо ограниченнѣе, а потому распредѣленіе ихъ изслѣдовано гораздо точнѣе, и мы обладаемъ гораздо болѣе полными знаніями напримѣръ о млекопитающихъ и птицахъ этихъ острововъ, нежели о растеніяхъ. Эти два класса животныхъ могутъ представить намъ самое большее количество фактовъ относительно распредѣленія органическихъ существъ въ этой области.

Число млекопитающихъ, населяющихъ Индо-Малайскую область весьма значительно: оно простирается до 170 видовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, за исключеніемъ летучихъ мышей, не имѣютъ опредѣленныхъ средствъ къ переселенію за морскіе рукава въ нѣсколько миль шириною, поэтому разсмотрѣніе ихъ разселенія должно значительно помочь намъ въ опредѣленіи того, были ли эти острова когда нибудь соединены между собою или съ материкомъ втеченіи эпохи существующихъ видовъ.

Четверорукіе представляютъ одну изъ самыхъ характерическихъ

чертъ этой области. Въ ней живутъ 24 отдѣльные вида этихъ животныхъ, которые распредѣлены по всѣмъ островамъ довольно равномѣрно, а именно на Явѣ девять, на Малайскомъ полуостровѣ десять, на Суматрѣ одиннадцать и на Борнео тринадцать. Большіе человѣкоподобные орангъ-утаны встрѣчаются только на Суматрѣ и на Борнео; любопытный сіаманга (слѣдующій за ними по величинѣ) на Суматрѣ и на Малаккѣ; длинноносая обезьяна только на Борнео, гиббоны же или длиннорукія обезьяны и мартышки имѣютъ своихъ представителей на каждомъ островѣ. Лемуроподобныя животныя Nycticebus, Tarsius и Galeopithecus встрѣчаются также на всѣхъ островахъ.

Изъ семи видовъ, находимыхъ на Малакскомъ полуостровѣ, одинъ распростирается кромѣ того и на Суматру, на Борнео встрѣчаются четыре, на Явѣ три, затѣмъ два распространены въ Сіамѣ и Бирмѣ и одинъ въ Сѣверной Индіи. За исключеніемъ орангъ-утана, сіаманга, Tarsius spectrum и galeopithecus въ Индіи имѣются близко сродные виды всѣмъ малайскимъ породамъ четверорукихъ, хотя совершенно тождественны съ ними лишь весьма немногіе.

Плотоядныхъ животныхъ въ индо-малайской области извѣстно тридцать три вида, изъ которыхъ около восьми встрѣчаются также въ Бирмѣ и Индіи, между прочими тигръ, леопардъ, одинъ видъ тигрокота, цибетъ и выдра. За исключеніемъ двадцати породъ малайскихъ плотоядныхъ, остальныя тринадцать всѣ имѣютъ своими представителями въ Индіи болѣе или менѣе близко сродные виды; такъ напр. интересная малайская россомаха (Helictis orientalis) въ сѣверной Индіи близко родственна съ видомъ Helictis nipalensis.

Число видовъ копытныхъ животныхъ простирается до двадцати двухъ, изъ которыхъ около семи распространяются также въ Бирму и Индію. Всѣ виды оленей различны за исключеніемъ двухъ, распространяющихся съ Малакки въ Индію. Изъ домашняго скота одинъ индійскій видъ достигаетъ Малакки, между тѣмъ Bos sondaicus Явы и Борнео встрѣчается также въ Сіамѣ и Бирмѣ. На Суматрѣ есть одно животное въ родѣ козла, которое имѣетъ представителя и въ Индіи; въ то-же время суматрскій двурогій носорогъ и яванскій однорогій, долго считавшіеся свойственными только этимъ островамъ, въ настоящее время оказались существующими въ Бирмѣ, Пегу и Моульменѣ. Слонъ, встрѣчающійся на Суматрѣ, Борнео и Малаккѣ, въ настоящее время признанъ тожественнымъ со слономъ Цейлона и Индіи.

Со всѣми другими видами млекопитающихъ происходитъ тоже самое явленіе. Лишь немногіе изъ нихъ тожественны съ индѣйскими, гораздо

болѣе значительное число замѣняется близко сродными, и затѣмъ идетъ весьма небольшое число своеобразныхъ животныхъ, т. е. несходныхъ съ индѣйскими, хотя и встрѣчающихся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь имѣется до пятидесяти видовъ летучихъ мышей, изъ которыхъ менѣе одной четверти свойственны также и Индіи; до тридцати четырехъ видовъ грызуновъ (бѣлокъ, мышей и т. д.), изъ которыхъ только шесть или восемь свойственны и Индіи, и десять видовъ насѣкомоядныхъ, изъ которыхъ всѣ, за исключеніемъ одного вида, несходны съ индѣйскими. Бѣлки весьма многочисленны и характеристичны; изъ двадцати пяти видовъ ихъ только два простираются на Сіамъ и Бирму. Одинъ интересный видъ насѣкомоядныхъ, тупайа, весьма сходный съ бѣлками и ограничивается только малайскими островами, равно какъ маленькіе борнейскіе Ptilocerus lowii, и забавный длиннорылый и голохвостый Gymnurus rafflesii.

Такъ какъ Малакскій полуостровъ составляетъ часть материка Азіи, то вопросъ о прежнемъ соединеніи острововъ съ твердою землею всего скорѣе можетъ быть выясненъ изученіемъ тѣхъ видовъ животныхъ, которые встрѣчаются какъ на полуостровѣ, такъ и на нѣкоторыхъ изъ острововъ. Если вполнѣ исключить летучихъ мышей, то остается сорокъ восемь видовъ млекопитающихъ, свойственныхъ какъ Малакскому полуострову, такъ и тремъ самымъ большимъ островамъ. Между ними семь четверорукихъ (обезьяны, мартышки и лемуры) животныхъ, всю свою жизнь проводящихъ въ лѣсахъ, никогда не плавающихъ, которымъ невозможно было перебраться черезъ морское пространство, хотя бы въ одну милю шириною; девятнадцать плотоядныхъ, изъ которыхъ иныя несомнѣнно умѣютъ плавать, но невозможно предположить, чтобы такое значительное число ихъ переселилось именно этимъ способомъ, переплывъ такое пространство, которое, за исключеніемъ одного только мѣста, имѣетъ въ ширину отъ тридцати до пятидесяти миль; и пять видовъ копытныхъ животныхъ, включая сюда тапира, два вида носорога и слона. Затѣмъ слѣдуютъ еще тринадцать грызуновъ и четыре вида насѣкомоядныхъ, включая въ это число землероекъ и шесть видовъ бѣлокъ, непосредственный переходъ которыхъ черезъ море шириною въ двадцать миль еще болѣе невѣроятенъ, чѣмъ переходъ болѣе крупныхъ животныхъ.

Когда мы обратимся къ фактамъ существованія однихъ и тѣхъ же видовъ на двухъ наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга островахъ, то затрудненіе значительно увеличивается. Борнео отстоитъ отъ Билитона приблизительно на 150 миль, этотъ послѣдній—приблизительно на 50

миль отъ Банки, а Банка на пятнадцать миль отъ Суматры; не смотря на это существуетъ не менѣе тридцати шести видовъ млекопитающихъ, свойственныхъ какъ Борнео, такъ и Суматрѣ. Ява точно также удалена отъ Суматры болѣе чѣмъ на 250 миль, а между тѣмъ эти два острова имѣютъ двадцать два общіе вида млекопитающихъ, включая сюда мартышекъ, лемуровъ, дикихъ быковъ, бѣлокъ и землероекъ. Факты эти по видимому должны вполнѣ подтверждать то, что когда нибудь дѣйствительно существовала связь между всѣми этими островами и материкомъ, а то, что большая часть животныхъ, свойственныхъ двумъ островамъ и болѣе, представляютъ слишкомъ мало различія или даже вполнѣ тожественны, свидѣтельствуетъ, что раздѣленіе должно было произойти въ позднѣйшую эпоху, т. е. не ранѣе пліоценоваго періода, когда сухопутныя животныя начинаютъ уже близко подходить къ нынѣ существующимъ.

Даже летучія мыши представляютъ нѣкоторый аргументъ въ подтвержденіе того, что острова не могли заселяться животными безъ существованія нѣкоторой предварительной связи между ними, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. если бы животныя разселялись, перебираясь черезъ моря, то тѣ изъ нихъ, которыя способны летать, переходили бы съ острова на островъ скорѣе всѣхъ, и виды ихъ по всей области представляли бы гораздо болѣе единообразія. Между тѣмъ такого единообразія не существуетъ, и летучія мыши если не вполнѣ, то почти также различны на всѣхъ островахъ, какъ и млекопитающія. Такъ напр. на Борнео ихъ извѣстно шестнадцать видовъ, изъ которыхъ десять встрѣчаются и на Явѣ и пять на Суматрѣ, т. е. пропорція выходитъ совершенно такая же, какъ и между грызунами, неимѣющими опредѣленныхъ средствъ къ переселенію. Изъ этого факта слѣдуетъ, что моря, раздѣляющія острова одинъ отъ другого, достаточно широки для того, чтобы даже летающія животныя могли перебираться черезъ нихъ, и что распредѣленіе обѣихъ группъ происходило одинаково. Но единственная основательная причина этого распредѣленія, какую мы можемъ себѣ представить, это-существовавшая нѣкогда связь всѣми островами съ материкомъ, что могло быть весьма легко, судя по всему, что намъ извѣстно изъ прежней исторіи земли, и по тому факту, что достаточно было бы возвышенности всего въ триста футовъ, чтобы обратить моря ихъ раздѣляющія въ огромную извилистую долину или равнину шириною около трехсотъ, а длиною около тысячи трехсотъ миль.

Можно было бы подумать, что птицы, обладающія въ такой значительной степени способностью летать, не должны быть задерживаемы ру-

кавами моря, и слѣдовательно, представляютъ мало данныхъ къ разъясненію того, существовала ли прежде связь между островами, которые они населяютъ, или нѣтъ. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Для весьма значительнаго числа птицъ водныя пространства представляютъ по видимому такую же непреодолимую преграду, какъ и для четвероногихъ; и такъ какъ коллекціи ихъ составлялись съ значительно большимъ вниманіемъ, то онѣ представляютъ гораздо болѣе полный матеріялъ и даютъ намъ возможность дѣлать гораздо болѣе опредѣленные и удовлетворительные выводы. Впрочемъ иныя группы, какъ напр. водныя птицы, голенастыя и хищныя, способны предпринимать весьма далекія путешествія, другія же весьма мало извѣстны, а потому я ограничусь лишь немногими, наиболѣе извѣстными и замѣчательными семействами, для того, чтобы представить примѣръ тѣхъ выводовъ, которые доставляетъ намъ этотъ классъ.

Птицы Индо-Малайской области близко сходны съ индѣйскими, но весьма значительное число видовъ совершенно различны, хотя самобытныхъ породъ существуетъ всего пятнадцать, причемъ нѣтъ ни одного семейства, свойственнаго только первой области, и если мы сравнимъ острова съ Бирманскою, Сіамскою и Малакскою областями, мы замѣтимъ еще менѣе различія и убѣдимся, что они связаны между собою узами прежняго соединенія. Среди такихъ извѣстныхъ семействъ, какъ дятлы, попугаи, трагоны, зимородки, голуби и фазаны, мы встрѣчаемъ нѣсколько тожественныхъ видовъ распространенныхъ по всей Индіи и затѣмъ до Явы и Борнео включительно, въ то же время весьма значительное число видовъ свойственны какъ Суматрѣ, такъ и Малакскому полуострову.

Значеніе этихъ фактовъ можетъ быть оцѣнено лишь тогда, когда мы обратимся къ островамъ Южно-Малайской области, и покажемъ, какъ подобныя же границы вполнѣ пересѣкли птицамъ путь съ одного острова на другой, такъ что по крайней мѣрѣ изъ трехсотъ пятидесяти видовъ сухопутныхъ птицъ Явы и Борнео не болѣе десяти пробрались далѣе къ востоку на Целебесъ. Макасарскій же проливъ далеко не такъ широкъ, какъ Яванское море, а потому Борнео и Явѣ общи не менѣе ста видовъ.

Теперь я хочу привести два примѣра въ доказательство того, какъ посредствомъ знанія распредѣленія животныхъ выясняются несомнѣнные факты изъ прежней исторіи земли. У восточной оконечности Суматры, отдѣляется отъ нея проливомъ, шириною миль въ пятнадцать, небольшой скалистый островъ Банка, знаменитый своими копями олова. Съ

Дайякское семейство.

этого острова однимъ жившимъ тамъ голландцемъ прислана была въ Лейденъ коллекція птицъ и млекопитающихъ, въ которой оказалось нѣсколько видовъ, отличныхъ отъ видовъ сосѣдняго берега Суматры. Между прочимъ одна бѣлка (Sciurus bangkanus), близко сродная видамъ Малакскаго полуострова, Суматры и Борнео, но настолько же отличающаяся отъ нихъ, насколько и они отличны одинъ отъ другого. Затѣмъ два новые вида дроздовъ изъ породы Pitta близко сродные двумъ другимъ видамъ, живущимъ на Суматрѣ и Борнео, но совершенно отличные отъ нихъ, хотя эти послѣдніе весьма разнятся между собою, не смотря на то, что живутъ на такихъ большихъ и такъ значительно удаленныхъ другъ отъ друга островахъ. Совершенно тоже самое, какъ если бы островъ Мэнъ имѣлъ свои особые виды дроздовъ, отличающіеся отъ свойственныхъ Англіи и Ирландіи. Этотъ любопытный фактъ указываетъ, что Банка существовала какъ отдѣльный островъ еще ранѣе, чѣмъ Суматра и Борнео, но кромѣ того есть еще факты, геологическіе и географическіе, дѣлающіе это предположеніе болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ оно кажется на первый взглядъ. Хотя на картахъ островъ Банка прилегаетъ весьма близко къ Суматрѣ, однакоже не слѣдуетъ думать, что отъ нея именно онъ и отдѣлился; смежная съ нимъ область Палембангъ есть земля вновь образовавшаяся и ничто иное, какъ большое аллювіальное болото, обязанное своимъ происхожденіемъ потокамъ съ горъ, отдаленныхъ на сотни миль. Кромѣ того, онъ состоитъ изъ гранита и латерита и въ этомъ отношеніи сходенъ съ Малаккою, Сингапуромъ и лежащимъ между ними островомъ Лингеномъ, которые также составляло нѣкогда продолженіе Малакскаго полуострова. Такъ какъ рѣки Борнео и Суматры втеченіи многихъ лѣтъ должны были отлагать наносный илъ въ промежуточномъ морѣ, то мы можемъ быть увѣрены, что прежде глубина его была значительнѣе, и весьма вѣроятно, что два большіе острова никогда не сообщались иначе, какъ при посредствѣ Малакскаго полуострова. Въ тотъ періодъ времени быть можетъ всѣ эти страны населялись одними и тѣми же видами бѣлокъ и Pitta, но послѣ подземнаго переворота, выдвинувшаго вулканы Суматры, прежде всего долженъ былъ отдѣлиться маленькій островъ Банка, и его произведенія, будучи такимъ образомъ изолированы, должны были постепенно видоизмѣниться, прежде чѣмъ совершилось отдѣленіе большихъ острововъ. Такъ какъ южная часть Суматры распростерлась къ востоку, оставивъ лишь узкій Банкскій проливъ, то многія птицы и насѣкомыя, а также нѣкоторыя млекопитающія имѣли возможность переходить съ одного острова на другой, отчего произведенія ихъ сдѣлались сходными, но въ то же самое время

продолжали существовать и нѣкоторые старые виды, указывая своими формами на различіе происхожденія. Если не признавать физическихъ перемѣнъ въ прошломъ, то существованіе самостоятельныхъ видовъ птицъ и млекопитающихъ на такомъ маленькомъ островѣ, какъ Банка, было бы неразрѣшимою задачею, и мнѣ кажется, я уже достаточно показалъ, что перемѣны, о которыхъ идетъ рѣчь, вовсе не такъ невѣроятны, какъ это можетъ показаться при бѣгломъ взглядѣ на карту.

Для второго примѣра мы возьмемъ большіе острова Суматру и Яву. Они такъ близко сходятся другъ съ другомъ, и проходящая вдоль нихъ цѣпь вулкановъ, придаетъ имъ такой цѣлостный видъ, что поневолѣ приходитъ мысль, что нѣкогда они дѣйствительно составляли цѣлое. Впрочемъ туземцы Явы идутъ дальше этого: у нихъ и по нынѣ существуетъ преданіе о самой катастрофѣ, раздѣлившей острова, и время ея они опредѣляютъ немногимъ болѣе за тысячу лѣтъ. Взглянемъ же теперь, на сколько подтвердится такое предположеніе сравненіемъ животныхъ формъ.

Коллекціи млекопитающихъ недостаточно полны для того, чтобы общее сравненіе ихъ имѣло большое значеніе, къ тому же весьма многіе виды были взяты изъ неволи, отчего мѣсто ихъ родины часто опредѣлялось невѣрно, ибо тотъ островъ гдѣ они были пріобрѣтены, принимали и за мѣсто ихъ происхожденія. Принимая во вниманіе только тѣхъ изъ нихъ, распредѣленіе которыхъ извѣстно болѣе точно, мы узнаемъ, что Суматра въ зоологическомъ отношеніи стоитъ ближе къ Борнео, чѣмъ къ Явѣ. Большія человѣкоподобныя обезьяны, слонъ, тапиръ и малайскій медвѣдь свойственны обоимъ первымъ островамъ и вовсе не встрѣчаются на послѣднемъ. Изъ трехъ видовъ длиннохвостыхъ мартышекъ (Semnopithecus), живущихъ на Суматрѣ, одинъ видъ распространяется также и на Борнео, но оба яванскіе вида свойственны только Явѣ. Точно тоже и относительно большого малайскаго оленя (Rusaequina) и маленькаго Tragulus Kanchil, которые свойственны Суматрѣ и Борнео, но не существуютъ на Явѣ, гдѣ ихъ мѣсто занимаетъ Tragulus javanicus. Правда, тигръ встрѣчается на Суматрѣ и Явѣ, тогда какъ его нѣтъ на Борнео, но животное это умѣетъ хорошо плавать и весьма могло перебраться черезъ Зондскій проливъ, или же, быть можетъ, оно существовало на Явѣ еще прежде, чѣмъ этотъ островъ отдѣлился отъ материка, и по какимъ нибудь неизвѣстнымъ причинамъ перестало существовать на Борнео.

Въ орнитологіи есть нѣкоторая неопредѣленность, происходящая отъ того, что птицы Явы и Суматры гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ борней-

скія, но болѣе древнее отдѣленіе Явы, какъ острова, доказывается весьма значительнымъ числомъ видовъ, невстрѣчающихся ни на какомъ другомъ островѣ. Ей свойственно никакъ не менѣе семи особыхъ видовъ голубей, между тѣмъ какъ на Суматрѣ ихъ только одинъ. Изъ двухъ ея видовъ попугаевъ одинъ встрѣчается и на Борнео, а на Суматрѣ ни одного. Изъ пятнадцати суматрскихъ видовъ дятловъ, на Явѣ встрѣчается только четыре, на Борнео же восемь, а на Малайскомъ полуостровѣ двѣнадцать. Два вида трогоновъ Явы только ей и свойственны, между тѣмъ какъ изъ живущихъ на Суматрѣ, по крайней мѣрѣ два распространяются на Малакку и одинъ на Борнео. Существуетъ весьма большое число птицъ, какъ напр. большой фазанъ-аргусъ, огненноклювые и глазчатые фазаны, хохлатая куропатка (Rollulus coroṗatus, маленькій малакскій попугай (Psittinus incertus), большой клюворогъ со шлемомъ (Buceroṫurus galeatus), фазановая земляная кукушка (Carpococcyx radiatus), щурокъ съ розовымъ хохолкомъ (Nyctiornis amicta), большой ротозѣй (Coridon sumatranus) и ротозѣй съ зеленымъ хохолкомъ (Caliptomena viridis) и множество другихъ, которыя свойственны Малаккѣ, Суматрѣ и Борнео и вовсе не встрѣчаются на Явѣ. Между тѣмъ павлинъ, зеленый лѣсной пѣтушокъ, два синіе земляные дрозда (Arrenga cyanea и Myopḥonus ḥavirostris), прекрасный розовоголовый голубь (Ptilonopus porpḥyreus), три вида широкохвостыхъ земляныхъ голубей (Macropygia) и множество другихъ интересныхъ птицъ не встрѣчаются нигдѣ во всемъ Архипелагѣ, кромѣ Явы.

Насѣкомыя представляютъ намъ подобные же факты, если мы имѣемъ достаточно точныя свѣдѣнія; но если судить только по обильнымъ коллекціямъ собраннымъ на Явѣ, то заключеніе, сдѣланное объ этомъ островѣ, можетъ быть несправедливо. Впрочемъ это не относится къ настоящимъ Papilionidae собирать которыхъ проще, чѣмъ другихъ насѣкомыхъ, по причинѣ ихъ значительной величины и роскошныхъ цвѣтовъ. Яванскихъ видовъ извѣстно двадцать семь, борнейскихъ двадцать девять, а съ Суматры всего двадцать одинъ. Изъ нихъ исключительно Явѣ принадлежатъ четыре, между тѣмъ какъ Борнео только два, а Суматрѣ одинъ. Впрочемъ обособленность Явы всего лучше будетъ замѣтна, если мы сгруппируемъ острова попарно, и покажемъ число видовъ общихъ каждой изъ этихъ паръ.—Такимъ образомъ:

Борнео 29 видовъ Суматра 21 »	}	20 видовъ общіе обоимъ островамъ

Борнео	29	видовъ	20 видовъ общіе обонмъ сторонамъ.
Ява	27	»	
Суматра	21	»	11 » » » »
Ява	27	»	

Принимая во вниманіе неточность знанія видовъ Суматры, мы видимъ что Ява болѣе изолирована отъ двухъ большихъ острововъ, чѣмъ эти послѣдніе одинъ отъ другого:—такимъ образомъ вполнѣ подтверждаются данныя, полученныя черезъ разсмотрѣніе распредѣленія птицъ и млекопитающихъ, т. е. что островъ этотъ долженъ былъ отдѣлиться отъ материка Азіи прежде всѣхъ другихъ, и что туземныя преданія о его отдѣленіи отъ Суматры не имѣютъ никакихъ основаній.

Теперь мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью начертать ходъ событій, съ того времени, когда все Яванское море, Сіамскій заливъ и Малаккскій проливъ были сушею, составлявшею съ Борнео, Суматрою и Явою обширное южное продолженіе азіятскаго материка. Первымъ движеніемъ должно было быть повышеніе Яванскаго моря и Зондскаго пролива, вслѣдствіе дѣятельности вулкановъ Явы, идущихъ вдоль южной ея оконечности, что повело за собою полное отдѣленіе этого острова. Такъ какъ дѣятельность вулканическаго пояса Явы и Суматры постоянно усиливалась, то затоплялось все большее и большее пространство земли, пока не отдѣлились вполнѣ сначала Борнео, а потомъ и Суматра. Въ теченіи времени отъ перваго переворота могло произойти нѣсколько поднятій и пониженій, и острова нѣсколько разъ могли быть соединены другъ съ другомъ и съ материкомъ и затѣмъ снова раздѣлены. Поэтому послѣдовательные наплывы эмиграціи, видоизмѣняя ихъ животныя формы, могли именно произвести тѣ аномаліи въ распредѣленіи послѣднихъ, которыя такъ трудно объяснить однимъ процессомъ поднятія и затопленія. Внѣшній видъ Борнео съ его расходящимися цѣпями горъ и широкими аллювіальными промежуточными низменностями, наводитъ на мысль, что когда нибудь онъ былъ болѣе затопленъ водою, чѣмъ теперь (походя быть можетъ по внѣшнему очертанію на Целебесъ или Жилоло) и увеличился до настоящихъ размѣровъ черезъ наполненіе заливовъ осадочнымъ веществомъ, и медленное поднятіе почвы. Суматра, очевидно, должна была тоже значительно увеличиться въ размѣрѣ черезъ образованіе аллювіальныхъ равнинъ вдоль сѣверо-восточныхъ ея береговъ.

Въ произведеніяхъ Явы есть одна особенность, объяснить которую весьма трудно—это присутствіе нѣсколькихъ видовъ или группъ

свойственныхъ Сіамскимъ странамъ или Индіи, но не встрѣчающихся ни на Борео, ни на Суматрѣ. Между млекопитающими самый поразительный примѣръ этого представляетъ яванскій носорогъ; Борнео и Суматра имѣютъ свои особые виды этого животнаго, между тѣмъ какъ живущій на Явѣ, встрѣчается кромѣ того въ Бирмѣ и даже въ Бенгалѣ. Изъ птицъ маленькій земляной голубь Geopelia striata и интересная бронзоваго цвѣта сорока Gripsirhina varians свойственны Явѣ и Сіаму, а виды, самые близкіе яванскимъ Pterutius, Arrenga, Miophonus, Zootliera, Sturnopastor и Estrelda встрѣчаются въ Индіи, между тѣмъ какъ на Борнео и Суматрѣ нѣтъ ничего подобнаго имъ.

Этотъ любопытный феноменъ можно объяснить себѣ лишь въ такомъ случаѣ, если предположить, что послѣ отдѣленія Явы, Борнео былъ затопленъ почти весь, и когда поднялся снова, то нѣкоторое время находился въ связи съ Малакскимъ полуостровомъ и Суматрою, но не съ Явою и не съ Сіамомъ. Геологу знакомому съ извилинами и неровностями наслоеній, и знающему, что повышенія и пониженія часто должны были повторяться не разъ и не два раза, а цѣлые десятки и даже сотни разъ, указанныя здѣсь измѣненія вовсе не покажутся сами по себѣ невѣроятными. Существованіе обширныхъ угольныхъ пластовъ на Борнео и Суматрѣ, возникшихъ такъ недавно, что листья, въ нихъ находимыя, едва ли можно отличить отъ листьевъ тѣхъ деревьевъ, что покрываютъ страну въ настоящее время, доказываетъ, что перемѣны эти происходили дѣйствительно, и какъ для геолога, такъ и для натуралиста-философа весьма интересно было бы составить нѣкоторое представленіе о порядкѣ этихъ измѣненій, а также о томъ, какъ повліяли онѣ на распредѣленіе живыхъ существъ въ этихъ странахъ,—распредѣленіе представляющее часто такія странныя и противорѣчивыя явленія, что, не допуская вышесказанныхъ измѣненій, мы не могли бы даже представить себѣ ихъ возможности.

ГЛАВА X.

БАЛИ И ЛЭМБОКЪ.

Характеръ острововъ.—Ихъ плодородіе и обработанность почвы.—Птицы и насѣкомыя.—Жители.—Ихъ легковѣріе.

Острова Бали и Лэмбокъ, находящіеся у восточной оконечности Явы, чрезвычайно интересны. Это единственные острова изъ всего Архипелага, на которыхъ индусская религія сохранилась до настоящаго времени; въ тоже время они составляютъ конечныя точки двухъ великихъ зоологическихъ отдѣловъ восточнаго полушарія, ибо какъ ни сходны они по внѣшнему виду и по физическому характеру, но весьма различны по своимъ естественнымъ произведеніямъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на Борнео, Малаккѣ и Сингапурѣ мнѣ почти случайно пришлось посѣтить и эти два острова на пути къ Макасару. Если бы мнѣ явилась возможность пробраться на Макасаръ прямо изъ Сингапура, то я, по всей вѣроятности, никогда и не побывалъ бы на нихъ, и слѣдовательно не сдѣлалъ бы нѣкоторыхъ важнѣйшихъ открытій изъ всей моей экспедиціи на востокъ.

13-го Іюня 1856 года, послѣ двадцатидневнаго пути отъ Сингапура на шкунѣ «Kembang Dgeroon» (Японская роза), принадлежавшей одному китайскому купцу, экипажъ которой состоялъ изъ яванскихъ матросовъ, а капитанъ былъ англичанинъ, мы бросили якорь въ опасномъ Байлелингскомъ рейдѣ на сѣверной сторонѣ острова Бали. Высадившись на берегъ съ капитаномъ и суперкаргомъ я сразу очутился въ новой и интересной обстановкѣ. Прежде всего мы отправились въ домъ Бандара китайскаго купца, гдѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ туземцевъ, хорошо одѣтыхъ и превосходно вооруженныхъ дротиками съ ручками изъ слоновой кости или золота, или красиво украшенныхъ рѣзьбою отполированнаго дерева.

Китайцы здѣсь замѣнили свой національный костюмъ малайскимъ, вслѣдствіе чего ихъ трудно отличить отъ туземцевъ острова—это доказываетъ, какъ сходны между собою расы монгольская и малайская. Подъ густою тѣнью манговыхъ деревьевъ, росшихъ у самаго дома, нѣсколько купеческихъ женъ продавали бумажныя товары; женщины здѣсь торгуютъ и работаютъ въ пользу своихъ мужей, обычай, которому никогда не слѣдуютъ малайцы—магометане. Намъ подали плоды, чай, пирожки и лакомства, и много разспрашивали о нашемъ занятіи и о торговлѣ въ Сингапурѣ; затѣмъ мы отправились гулять, чтобы посмотрѣть деревню. Видъ ея былъ скучный и мрачный, она представляла множество узкихъ переулковъ, ограниченныхъ высокими мазаночными стѣнами, окружавшими бамбуковые дома; въ иные изъ этихъ домовъ мы заходили и насъ принимали тамъ съ радушіемъ.

Втеченіи двухъ дней, которые мы провели тамъ, я много гулялъ по окрестностямъ съ цѣлью ловить насѣкомыхъ, стрѣлять птицъ, а также посмотрѣть каково плодородіе страны и былъ въ одно и то же время удивленъ и очарованъ, ибо до сихъ поръ мнѣ еще не удавалось видѣть такой прекрасной и такъ хорошо воздѣланной мѣстности внѣ Европы. (На Явѣ я былъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого). Слегка волнистая равнина распростирается отъ морского берега на десять или на двѣнадцать миль вглубь страны, гдѣ границею ея служитъ рядъ прекрасныхъ покрытыхъ лѣсомъ и воздѣланныхъ холмовъ. Дома и деревни окруженныя густо насаженными кокосовыми пальмами, тамариндами и другими фруктовыми деревьями, виднѣются всюду, по всѣмъ направленіямъ, а между ними раскинуты роскошныя рисовыя поля съ такою превосходною искуственною системою орошенія, какою могла бы гордиться любая, наилучшимъ образомъ воздѣлываемая страна Европы. Вся земля раздѣлена на неправильные куски сообразно съ неровностями почвы, такъ что иные изъ нихъ занимаютъ нѣсколько акровъ, другіе же совершенно маленькіе. Каждый изъ этихъ кусковъ самъ по себѣ совершенно плоскій, но всегда лежитъ на нѣсколько футовъ ниже или выше его обружающихъ и можетъ быть орошаемъ или дренированъ по желанію, помощію системы рвовъ и маленькихъ каналовъ, въ которые обращены всѣ стекающія съ горъ рѣки. Всѣ эти куски земли были покрыты или зрѣлыми, или еще созрѣвающими роскошными жатвами, самыхъ красивыхъ зеленыхъ оттѣнковъ.

Улицы и дороги были окаймлены колючими Cacti и безлистными Euphorbia, но такъ какъ земля воздѣлывалась въ чрезвычайно большихъ размѣрахъ, то здѣсь было мало мѣста для туземныхъ растеній, исключая

побережья моря. Намъ часто встрѣчалась здѣсь одна прекрасная порода домашняго скота, происходящая отъ Bos sondaicus Явы. Это весьма большія и красивыя животныя свѣтло-коричневаго цвѣта, съ бѣлыми ногами и яркимъ овальнымъ такого же цвѣта пятномъ сзади. Говорятъ, что эта же порода живетъ въ горахъ въ дикомъ состояніи и по настоящее время. Въ такъ прекрасно воздѣланной странѣ мнѣ нельзя было надѣяться сдѣлать многое для естественной исторіи, и мое невѣдѣніе относительно важнаго значенія этой мѣстности въ разъясненіи географическаго распредѣленія животныхъ было причиною того, что я не позаботился пріобрѣсти нѣкоторые виды, какихъ я уже никогда не встрѣчалъ болѣе. Между прочимъ сюда относится ткачъ-птица съ ярко-желтою головою, строющая свои бутылковидныя гнѣзда цѣлыми дюжинами на деревьяхъ по берегу. Это Ploceus hyroxanthus, живущій на Явѣ и здѣсь, гдѣ уже полагается граница его распространенію на западъ. Я застрѣлилъ и сохранилъ экземпляры дрозда-трясогузки, Oriolus и нѣсколькихъ скворцовъ; все это были виды встрѣчаемые на Явѣ, а нѣкоторые изъ нихъ свойственны были именно этому острову. Кромѣ того я пріобрѣлъ нѣсколько прекрасныхъ бабочекъ, богато украшенныхъ черными и оранжевыми пятнами по бѣлому фону, которыя были многочисленнѣе всѣхъ насѣкомыхъ по дорогамъ этой страны. Между ними попался также одинъ новый видъ, который я назвалъ Pieris tamar.

Оставивъ Байлелингъ, мы, послѣ двухдневнаго пріятнаго пути, прибыли въ Ампанамъ на островѣ Лэмбокѣ, гдѣ я намѣревался остаться до тѣхъ поръ, пока не явится возможность отправиться на Макасаръ. Мы любовались великолѣпнымъ видомъ близнецовъ-вулкановъ: Бали и Лэмбока, изъ которыхъ каждый вышиною до восьми тысячъ футовъ; видъ ихъ бываетъ дѣйствительно величественнымъ при восходѣ и при закатѣ солнца, когда, выдвигаясь изъ за тумана и облаковъ, окружающихъ ихъ основаніе, они горятъ богатыми и мѣняющимися цвѣтами этихъ наиболѣе очаровательныхъ моментовъ тропическаго дня.

Ампанамская бухта или рейдъ обширенъ, и защищенный въ это время года отъ сильныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ, онъ былъ такъ же спокоенъ, какъ озеро. Берегъ, состоящій изъ чернаго вулканическаго песка, чрезвычайно крутъ, и на немъ постоянно бьетъ сильный бурунъ, который въ весеннее время достигаетъ такихъ размѣровъ, что судамъ часто бываетъ невозможно приставать къ берегу, такъ что тамъ было уже много несчастныхъ случаевъ. Тамъ, гдѣ мы бросили якорь, приблизительно въ четверти мили отъ берега, не было замѣтно ни малѣйшаго волненія, но далѣе впередъ поднимались уже волны, которыя быстро уве-

личивались и наконецъ превращались уже въ настоящіе валы, которые обрушивались на берегъ черезъ правильные промежутки времени, съ шумомъ, подобнымъ грому. Иногда бурунъ этотъ увеличивается вдругъ во время совершенно тихой погоды, до такой громадной силы, какъ при самомъ сильномъ вѣтрѣ, разбивая на куски всякое судно, которое не было втащено достаточно высоко на берегъ, и унося съ собою неосторожныхъ туземцевъ. По всей вѣроятности этотъ бурунъ находится въ какой нибудь зависимости отъ волненія великаго южнаго океана и сильныхъ теченій, проходящихъ черезъ Лэмбокскій проливъ. Эти послѣднія такъ неопредѣленны, что корабли, готовящіеся бросить якорь въ бухтѣ, иногда вдругъ уносятся въ проливъ и часто не могутъ попасть назадъ втеченіи двухъ недѣль. То, что моряки называютъ «зыбью», достигаетъ также значительной силы въ заливѣ; море кипитъ, пѣнится и скачетъ, точно подъ водопадомъ; корабли несутся по немъ сами собою, а маленькіе суда часто гибнутъ даже въ самую прекрасную погоду при самомъ ясномъ небѣ.

Я почувствовалъ себя значительно облегченнымъ, когда всѣ мои ящики, точно также какъ и я самъ, перебрались благополучно черезъ всепоглощающій бурунъ. Туземцы смотрятъ на этотъ бурунъ съ нѣкоторою гордостью и говорятъ, что «ихъ море всегда голодно, и ѣстъ все, что ни попадется». Я былъ радушно принятъ м-ромъ Картеромъ, англійскимъ *бандаромъ* или патентованнымъ купцомъ порта, оказывавшимъ мнѣ всевозможныя услуги во время моего пребыванія на островѣ. Его домъ, кладовыя и службы были окружены высокою бамбуковою оградою и выстроены также изъ бамбука и травяной соломы, — единственнаго употребительнаго въ этомъ случаѣ матеріала. Впрочемъ и этотъ матеріалъ былъ тогда весьма рѣдокъ, ибо значительное количество его было истреблено на обстройку мѣстности послѣ страшнаго пожара, происшедшаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ и уничтожившаго въ одинъ или въ два часа всѣ строенія города.

На слѣдующій день я отправился къ другому купцу м-ру С., къ которому у меня были рекомендательныя письма, и который жилъ миляхъ въ семи отъ города. М-ръ Картеръ былъ такъ добръ, что снабдилъ меня лошадью, а одинъ молодой голландецъ, жившій въ Ампанамѣ, предложилъ мнѣ быть моимъ проводникомъ. Сначала мы ѣхали городомъ и предмѣстьями по прямой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой шли мазаночныя стѣны и прекрасныя аллеи изъ высокихъ деревьевъ; затѣмъ рисовыми полями, орошаемыми такимъ же образомъ какъ и въ Байлелингѣ, а потомъ песчаными приморскими пастбищами и лишь изрѣдка

*

самымъ берегомъ. М-ръ С. принялъ насъ радушно и предложилъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ въ случаѣ, если окрестности окажутся благопріятными для моихъ занятій. Послѣ ранняго завтрака мы отправились на изслѣдованія, взявъ съ собою ружья и сѣтки для насѣкомыхъ. Пройдя болота, песчаныя низменности, поросшія грубымъ верескомъ, а также пастбища и воздѣланныя поля и мало встрѣчая дорогою какъ птицъ, такъ и насѣкомыхъ, мы дошли до низкихъ холмовъ, которые казалось должны были представить наиболѣе благопріятную почву. На пути намъ случилось видѣть одинъ или два человѣческіе скелета, окруженные небольшою бамбуковою оградою, за которою лежали также платье, подушка, цыновка и бетельный ящикъ несчастнаго, который былъ или убитъ, или казненъ на этомъ мѣстѣ. Возвратясь домой, мы нашли тамъ балійскаго начальника, явившагося съ визитомъ со своею свитою.

Тѣ, кто былъ по выше чиномъ, сидѣли на креслахъ, остальные же размѣстились на полу. Начальникъ весьма хладнокровно попросилъ пива и водки; но пиво, какъ онъ, такъ и свита его, брали скорѣе изъ любопытства, ибо оно видимо сильно не нравилось имъ, тогда какъ водку они тянули съ большимъ удовольствіемъ.

Возвратившись въ Ампанамъ, я посвятилъ нѣсколько дней стрѣлянью птицъ въ окрестностяхъ. На прекрасныхъ фиговыхъ деревьяхъ, изъ которыхъ состояли аллеи, служившія мѣстомъ базара, было много великолѣпныхъ оріоловъ (Oriolus brodergii) роскошнаго оранжеваго цвѣта, и свойственныхъ только этому острову и смежнымъ съ нимъ Сумбавѣ и Флоресу. Всюду около города было множество интересныхъ Tropidorhynchus timoriensis, сродныхъ австралійской монаху-птицѣ. Здѣсь ихъ называютъ «квечъ-квечъ» вслѣдствіе ихъ страннаго крика, въ которомъ они какъ бы повторяютъ эти слова съ различною интонаціею, нелишенною нѣкоторой мелодичности.

По дорогамъ и вдоль изгородей и канавъ, ежедневно ходитъ множество мальчиковъ, ловящихъ помощью птичьяго клея драконовыхъ мухъ. Они употребляютъ при этомъ тонкую палку съ нѣсколькими хорошо намазанными клеемъ вѣточками на концѣ, такъ что насѣкомое бываетъ поймано отъ малѣйшаго прикосновенія. Во время цвѣтенія риса драконовыхъ мухъ бываетъ такое множество, что этимъ способомъ ихъ можно ловить тысячами сразу. Тѣла этихъ насѣкомыхъ жарятся въ маслѣ съ лукомъ и маленькими морскими раками, а иногда и безъ всего, и считаются весьма изысканнымъ блюдомъ. На Борнео, Целебесѣ и многихъ другихъ островахъ ѣдятъ личинокъ пчелъ и осъ или живыми, какъ только онѣ вынуты изъ сотъ, или же жареными, какъ драконовыхъ мухъ.

На Молуккскихъ островахъ куколокъ пальмовыхъ жуковъ (Calandra) постоянно приносятъ на рынокъ въ бамбукахъ, и продаютъ какъ съѣстной припасъ; кромѣ того тамъ ѣдятъ во множествѣ большихъ, рогатыхъ пластинчатоусыхъ (Samellicornia) жуковъ, слегка поджаренныхъ на угольяхъ. Такимъ образомъ крайнее изобиліе насѣкомыхъ обращено островитянами до нѣкоторой степени въ пользу.

Находя, что птицы здѣсь не особенно многочисленны, и слыша при томъ много о Лабуанъ Трингѣ на южной оконечности залива, гдѣ, какъ говорили, было много невоздѣланной земли а также птицъ, оленей и дикихъ свиней, я рѣшился отправиться туда съ своими двумя слугами: Али, малайскимъ мальчикомъ съ Борнео, и Мануэлемъ, португальцемъ съ Малакки, умѣющимъ сдирать кожу съ птицъ. Я нанялъ туземное судно, и послѣ дня пути на веслахъ вдоль берега мы достигли до означеннаго мѣста.

Я имѣлъ рекомендательное письмо къ одному амбуанскому малайцу, въ домѣ котораго я и пристроился. Звали его «Инчи Даудъ» (м-ръ Давидъ). Это былъ господинъ весьма любезный, но занималъ помѣщеніе весьма небольшое, и могъ уступить мнѣ лишь часть своей гостиной, которая выходила на лицо бамбуковаго дома; къ ней вела лѣстница, состоявшая приблизительно изъ шести далеко одна отъ другой отстоящихъ перекладинъ, а изъ оконъ открывался прекрасный видъ на заливъ. Впрочемъ я скоро приладился въ ней и затѣмъ приступилъ къ работѣ. Окрестныя мѣста были красивы и новы для меня, всюду виднѣлись разбросанные вулканическіе холмы, а между ними плоскія долины или открытыя равнины. Холмы были густо покрыты бамбукомъ, иглистыми деревьями и кустарниками, плоскости же украшены сотнями благородныхъ пальмъ, а мѣстами роскошною кустарничною растительностью. Птицы были весьма многочисленны и интересны, и здѣсь мнѣ впервые удалось увидѣть многія австралійскія формы, которыхъ вовсе не встрѣчается на островахъ, лежащихъ къ западу. Много было маленькихъ бѣлыхъ какаду, громкій крикъ которыхъ, а также весьма замѣтный бѣлый цвѣтъ и красивый желтый хохолокъ, выдвигалъ ихъ изъ общаго пейзажа. Это самая западная точка, гдѣ можно встрѣтить виды этого семейства. Нѣкоторыя маленькія медососки изъ породы Ptilotis и странная птица, дѣлающая кучи изъ мусора (Megapodius gouldii) встрѣчаются здѣсь также впервые путешественнику, ѣдущему по направленію къ востоку. Послѣдняя птица требуетъ болѣе подробнаго описанія.

Megapodidae составляютъ весьма небольшую семью птицъ, встрѣчающихся только въ Австраліи, да на окружающихъ островахъ, лежащихъ

не далѣе Филиппинскихъ или сѣверо-западной части Борнео. Ихъ причисляютъ къ куринымъ, но онѣ отличаются отъ послѣднихъ, а также и отъ всѣхъ другихъ птицъ тѣмъ, что никогда не сидятъ на яйцахъ, но закапываютъ ихъ въ песокъ, землю или мусоръ, предоставляя все дѣло солнечной теплотѣ и броженію. Всѣ онѣ отличаются очень длинными ногами, длинными согнутыми когтями, и кромѣ того многимъ видамъ Megapodius свойственно сгребать всякій мусоръ, опавшіе листья, палочки, камни, землю, гнилое дерево и т. п. въ огромную кучу, часто вышиною въ шесть футовъ, а въ поперечникѣ въ двѣнадцать, и въ середину ея зарывать свои яйца. По внѣшнему виду этихъ кучь туземцы умѣютъ опредѣлять, есть ли въ нихъ яйца, или нѣтъ, и всегда крадутъ ихъ, когда только-возможно, ибо эти кирпично-красныя яйца (величиною съ лебединыя) считаются весьма лакомымъ кушаньемъ. Говорятъ, что птицы эти работаютъ надъ такими кучами по нѣскольку вмѣстѣ, такъ что яицъ можно иногда сразу найти въ нихъ штукъ сорокъ или пятьдесятъ. Такого рода кучи встрѣчаются тамъ и сямъ въ густыхъ чащахъ и кажутся весьма странными для путешественниковъ, не могущихъ понять, кто бы могъ сгрести ихъ въ этихъ мѣстахъ; но и послѣ того, какъ они освѣдомятся объ этомъ у туземцевъ, они не въ состояніи уяснить себѣ дѣло, ибо разсказы о томъ, что кучи сгребаются птицами, кажутся имъ почти всегда вовсе неправдоподобными. Видъ, встрѣчаемый на Лэмбокѣ, величиною приблизительно съ маленькую курицу, а цвѣта весь темно-оливковаго или коричневаго. Птица эта ѣстъ всякую всячину: опавшіе плоды, земляныхъ червей, улитокъ и сороконожекъ, но мясо ея бѣло и вкусно, когда хорошо сварено.

Впрочемъ большіе зеленые голуби составляли гораздо болѣе вкусное блюдо и были гораздо многочисленнѣе. Этихъ красивыхъ птицъ, которыя величиною болѣе самыхъ крупныхъ изъ нашихъ домашнихъ голубей, было множество на пальмовыхъ деревьяхъ, покрытыхъ въ то время большими гроздьями плодовъ, состоявшихъ изъ круглыхъ орѣховъ около дюйма въ діаметрѣ, покрытыхъ сухою зеленою скорлупою и заключавшихъ въ себѣ весьма небольшое количество мякоти. При взглядѣ на клювъ и голову голубя можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ проглатывать такія большія массы, или чтобы онъ могъ добыть изъ нихъ что либо питательное, однако же мнѣ часто случалось находить въ зобахъ убитыхъ мною птицъ именно эти плоды, которые при паденіи на землю большею частью раскалывались. Я пріобрѣлъ здѣсь восемь видовъ зимородковъ, изъ которыхъ одинъ былъ очень красивъ и новъ и названъ м-ромъ Бульдомъ Halcyon fulgidus. Онъ встрѣ-

чался постоянно въ чащахъ, далеко отъ воды, питаясь, какъ кажется, улитками и насѣкомыми, добываемыми изъ земли подобно тому, какъ это дѣлаетъ австралійскій Saughing Iackass. Красивые маленькіе лиловые или оранжевые виды Ceyx rufidorsa встрѣчаются совершенно такъ же и быстро ускользаютъ прочь, какъ огонекъ. Здѣсь также я впервые встрѣтилъ хорошенькаго австралійскаго щурка (Merops ornatus). Эта изящная маленькая птичка сидитъ обыкновенно на вѣткахъ на открытомъ мѣстѣ и быстро поглядываетъ по сторонамъ, бросаясь отъ времени до времени въ слѣдъ какому нибудь пролетѣвшему мимо насѣкомому и затѣмъ снова возвращаясь на ту же вѣтку, чтобы съѣсть его. Ея длинный, согнутый острый клювъ, два длинные тоненькіе пера въ хвостѣ, прекрасный зеленый цвѣтъ, перемѣшанный съ красивымъ коричневымъ, чернымъ и ярко-синимъ дѣлаютъ ее весьма интересною для натуралиста, видящаго ее въ первый разъ.

Впрочемъ болѣе всѣхъ птицъ на Лэмбокѣ я преслѣдовалъ прекрасныхъ земляныхъ дроздовъ (Pitta concinna) и всегда былъ счастливъ, когда мнѣ удавалось пріобрѣсти экземпляръ. Они встрѣчались только на сухихъ равнинахъ, густо поросшихъ чащами и въ ту пору усѣянныхъ опавшими листьями. Они были такъ пугливы, что сдѣлать по нимъ выстрѣлъ было весьма трудно и лишь послѣ долгой практики мнѣ удалось открыть, какъ тутъ слѣдуетъ дѣйствовать. Птица эта обыкновенно скачетъ по землѣ, ловя насѣкомыхъ, и при малѣйшемъ шумѣ убѣгаетъ въ самую густую чащу, или же уходитъ, плотно прилегая къ землѣ. По временамъ онѣ испускаютъ особенный крикъ, состоящій изъ двухъ нотъ и весьма легко узнаваемый, если разъ удалось слышать его; кромѣ того можно слышать иногда, какъ онѣ скачутъ по сухимъ листьямъ. Приспособленіе мое состояло въ томъ, что, прокрадываясь съ чрезвычайною осторожностію по узкимъ тропинкамъ, которыхъ было много въ той мѣстности, я при малѣйшемъ признакѣ присутствія Pitta, останавливался неподвижно, по временамъ стараясь подражать ихъ крику насколько возможно ближе. Послѣ получаса ожиданія я часто былъ вознаграждаемъ тѣмъ, что мнѣ удавалось увидѣть эту хорошенькую птичку, прыгающую въ чащѣ. Затѣмъ она иногда снова исчезала изъ виду, но, взведя курокъ и приготовившись къ выстрѣлу, я могъ быть увѣренъ, что получу добычу, если только удастся еще разъ увидѣть ее, и тогда-уже буду въ состояніи любоваться ея роскошными перьями и яркими цвѣтами. Сверху она богатаго мягкаго зеленаго цвѣта, голова же черная съ синими и коричневыми полосками надъ глазами; у основанія хвоста и по плечамъ идутъ свѣтлыя серебристо-голубыя полосы, а сни-

зу цвѣтъ мягкій свѣтло-желтый съ яркою малиновою полосою, съ черною каемкою на брюхѣ. Во все время моего пребыванія въ Лабуанъ Трингѣ болѣе всѣхъ другихъ птицъ привлекали мое вниманіе прекрасные голуби, травянисто-зеленаго цвѣта, маленькіе малиновые и черные flover—peekers, большія черныя кукушки, металлическіе королевскіе вороны, золотые ореолы и хорошенькіе лѣсные пѣтушки—родоначальники всѣхъ нашихъ домашнихъ куръ.

Самою характеристическою чертою лѣсовъ была иглистость. Кустарники были колючіе, ползучія растенія были также колючія и даже бамбуки были съ шипами. Все тамъ растетъ вкривь и вкось и такъ плотно перепутывается, что пробраться сквозь кусты съ ружьемъ или съ сѣткою дѣло почти невозможное; о ловлѣ насѣкомыхъ въ подобной мѣстности нечего было и думать. Но тутъ то обыкновенно и скрывались питты, и если когда удавалось застрѣлить эту птицу, то отыскать ее было весьма затруднительно и часто стоило многихъ уколовъ, царапинъ и дыръ на платьѣ. Сухая вулканическая почва и сухой климатъ кажется благопріятны для произведенія этой колючей растительности, ибо туземцы увѣряли меня, что это вовсе ничего не значитъ для иглистыхъ и колючихъ растеній Сумбавы, гдѣ поверхность земли и до сихъ поръ покрыта еще слоемъ вулканическаго пепла, извергнаго сорокъ лѣтъ тому назадъ страшнымъ вулканомъ Томборо. Между неколючими кустарниками и деревьями всего многочисленнѣе были Аросупасеае; ихъ двудольные плоды различной формы и цвѣта, привлекательные на видъ, часто висѣли всюду по дорогамъ какъ бы затѣмъ, чтобы вести къ гибели усталаго путешественника, незнакомаго съ его ядовитыми свойствами. Одинъ изъ нихъ, съ гладкою блестящею кожицею золотисто-оранжеваго цвѣта, по преимуществу соперничаетъ по виду съ золотыми яблоками гесперидъ, и весьма привлекателенъ для многихъ птицъ, начиная съ бѣлаго какаду и до маленькой желтой Zosterops, поѣдающей малиновыя сѣмячки, которыя бываютъ видны, когда плодъ раскроется. Большая пальма называемая туземцами «губбонгъ», одинъ изъ видовъ Сагуна, составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ характеристическихъ чертъ равнинъ, гдѣ она растетъ тысячами и является въ трехъ различныхъ состояніяхъ—или покрытая листьями, или покрытая цвѣтами и плодами, или же мертвая. У нея высокій цилиндрическій стволъ около 100 футовъ высоты и отъ 2-хъ до 3-хъ футовъ въ діаметрѣ: широкіе вѣреобразные листья спадаютъ, когда дерево начинаетъ цвѣсти; цвѣтетъ оно только однажды, и въ видѣ большого колоса на верхушкѣ, изъ котораго выходитъ масса гладкихъ круглыхъ плодовъ зеленаго цвѣта, величиною около одного дюй-

Воинскія и домашнія принадлежности дайяковъ.

ма въ діаметрѣ. Когда эти плоды созрѣютъ и спадутъ, дерево умираетъ и въ этомъ состояніи стоитъ годъ, два, пока свалится. Болѣе всего, однако, встрѣчаются деревья въ листьяхъ, затѣмъ деревья, покрытыя цвѣтами и плодами; между ними, тамъ и сямъ, попадаются мертвыя деревья. Деревья, покрытыя плодами, представляютъ мѣсто сборища для большихъ зеленыхъ плодовыхъ голубей, о которыхъ уже было упомянуто. Часто можно встрѣтить на одномъ изъ подобныхъ деревьевъ цѣлую толпу обезьянъ, сбрасывающихъ сверху градъ плодовъ; при малѣйшей тревогѣ раздается ихъ болтовня и страшный трескъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ, произведенный ихъ бѣгствомъ. Громкій же крикъ голубей скорѣе похожъ на ревъ дикаго животнаго, чѣмъ на звукъ, издаваемый какой нибудь птицей. Тутъ уже мнѣ пришлось съ большими затрудненіями работать надъ своей коллекціей. Въ одной и той же маленькой комнаткѣ приходилось—и ѣсть, и спать, и работать; она была и кладовою и препаровочной; тутъ не было ни конторки, ни шкафа, ни стульевъ и столовъ; всюду кишѣли муравьи и кошки; собаки и куры могли прогуливаться здѣсь, сколько имъ было угодно: Кромѣ того, это была пріемная комната моего хозяина, и мнѣ пришлось сообразоваться съ тѣмъ, насколько это было удобно для него самого или для его многочисленныхъ гостей. Самою важною мебелью былъ для меня ящикъ, который служилъ мнѣ и обѣденнымъ столомъ, и сидѣньемъ, когда я сдиралъ съ птицъ шкурки, и мѣстомъ хранилища, когда онѣ были собраны и высушены. Чтобы предохранить ихъ отъ муравьевъ, мы достали, и то съ трудомъ, старую скамейку, и поставивъ всѣ ея четыре ножки въ скорлупы отъ кокосовыхъ орѣховъ, наполненныя водою, были, такимъ образомъ, совершенно обезпечены отъ этой чумы. Ящикъ и скамейка были буквально единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было что нибудь спрятать такъ, что они были обыкновенно заняты двумя ящиками съ насѣкомыми и сотнею высушивающихся птичьихъ шкурокъ. Потому, понятно, что если находился какой нибудь большой и необыкновенный предметъ, то трудно было отвѣтить на вопросъ: куда это дѣть? Къ тому-же всякое животное вещество требуетъ не мало времени, чтобы совершенно высохнуть и, пока не высохнетъ, издаетъ очень непріятный запахъ; въ это время оно дѣлается особенно привлекательнымъ для муравьевъ, мухъ, собакъ, крысъ, кошекъ и другихъ гадовъ, требующихъ особенныхъ предосторожностей и постояннаго наблюденія, которыя, при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ, совершенно невозможны.

Читателямъ моимъ теперь будетъ достаточно понятно, почему путешествующій естествоиспытатель, съ такими ограниченными средствами, какъ я, сдѣлаетъ гораздо менѣе, чѣмъ бы ему самому хотѣлось.

Интересно было-бы сохранить скелеты многихъ птицъ и животныхъ, нѣсколько пресмыкающихся, рыбъ въ спирту, шкуры большихъ животныхъ, замѣчательные плоды и образцы деревьевъ и наиболѣе любопытныя статьи промышленности и торговли. Но при вышеизложенныхъ мною обстоятельствахъ, очевидно невозможно было прибавить это къ коллекціямъ, которыми я особенно дорожилъ. Затрудненія также велики, и даже еще больше, если ѣдешь по водѣ, да онѣ впрочемъ не уменьшаются и тогда, когда путешествіе оканчивается. Потому было совершенно необходимо ограничить мои коллекціи извѣстными группами, которымъ бы я могъ посвятить свое постоянное и личное вниманіе и такимъ образомъ спасти отъ разрушенія и гибели то, что доставалось иногда только съ большими стараніями и трудомъ.

Сидя въ полуденное время за обдираніемъ шкурокъ съ птицъ, обыкновенно окруженный небольшой толпою малайцевъ и сассаковъ (какъ называютъ туземцевъ Лэмбока), Мануэль часто говорилъ имъ рѣчи съ видомъ профессора, и его слушали съ глубокимъ вниманіемъ. Особенно любилъ онъ говорить о высшемъ Провидѣніи, которое ежедневно заботится о немъ, «Аллахъ былъ нынче милостивъ», говорилъ онъ,—хотя христіанинъ, онъ иногда заимствовалъ манеру рѣчи магометанъ,—«и послалъ намъ красивыхъ птицъ; какъ бы мы могли обойтись безъ его помощи!» Одинъ изъ малайцевъ, бывало, возразитъ: «Навѣрно птицамъ какъ и людямъ заранѣе предназначенъ срокъ смерти; когда онъ придетъ, ничто ихъ не можетъ спасти; а не приди онъ, вамъ ее никакъ не убить!» одобрительный ропотъ отвѣчаетъ на эту мысль; слышатся крики: «Betul! Betul!» (вѣрно, вѣрно). Тогда Манюэль принимается за длинный разсказъ о какой нибудь своей неудачной охотѣ;—какъ онъ увидалъ красивую птицу, долго слѣдилъ за ней, затѣмъ упускалъ ее изъ виду и снова находилъ; стрѣляетъ въ нее разъ, другой и не убиваетъ... «Еще не пришло ея время», говорилъ старый малаецъ, «потому вы и не могли ее убить». Это ученіе хотя и утѣшительно для плохого стрѣлка, и вполнѣ объясняетъ факты, тѣмъ не менѣе не совсѣмъ удовлетворительно.

Въ Лэмбокѣ повсюду господствуетъ убѣжденіе, что нѣкоторые люди одарены силою превращаться въ крокодиловъ, и пожирать своихъ враговъ; по поводу этихъ превращеній существуетъ множество повѣрій. Однажды вечеромъ я былъ немало удивленъ, услышавъ слѣдующій любопытный фактъ; и такъ какъ при сообщеніи никто изъ присутствующихъ не возражалъ на него, то я рѣшился приложить его на время какъ дополненіе къ Естественной Исторіи острова. Борнейскій малаецъ, жив-

шій здѣсь нѣсколько лѣтъ, сказалъ Манюэлю: «меня особенно удивляетъ здѣсь—отсутствіе привидѣній». «Почему?» спросилъ Манюэль. «Вамъ извѣстно», отвѣчалъ онъ, «что въ нашей странѣ, на западѣ, никто не пойдетъ мимо того мѣста, гдѣ былъ убитъ или похороненъ человѣкъ: на такомъ мѣстѣ слышится постоянный шумъ, который указываетъ на присутствіе привидѣній. Здѣсь же множество убитыхъ лежатъ на поляхъ и по дорогамъ непогребенными, и вы проходите мимо нихъ ночью, никогда ничего не видя и не слыша; вы знаете, что у насъ это не такъ». «Это вѣрно» сказалъ Манюэль; и такъ рѣшили, что привидѣнія въ Лэмбокѣ рѣдки и даже почти неизвѣстны. Я замѣчу однако, что въ научномъ изслѣдованіи, къ такому отрицанію слѣдуетъ относиться осторожно и не принимать его какъ за вполнѣ установленный фактъ.

Однажды вечеромъ, я услыхалъ за дверью голоса Манюэля, Али и малайца; они говорили тихо и до меня долетали только отдѣльныя слова: «криссесъ», рѣзать горло, голову, и др.: Спустя нѣсколько минутъ отворилась дверь и появился Манюэль крайне испуганный и серьезный; онъ обратился ко мнѣ и сказалъ по англійски, «господинъ долженъ быть остороженъ,—здѣсь нѣтъ спасенія: будутъ рѣзать горло». По разслѣдованіи дѣла оказалось, что малаецъ сообщилъ имъ, что по деревнямъ разослано повелѣніе раджи, въ которомъ, ради обезпеченія хорошаго сбора риса, требуется представить опредѣленное количество людскихъ головъ для жертвоприношенія въ храмахъ. Двое или трое другихъ малайцевъ, Бугисъ а также Амбойна, въ домѣ котораго мы остановились, вполнѣ подтвердили этотъ разсказъ, замѣтивъ, что это обыкновенный ежегодный фактъ, и что необходимо быть на сторожѣ и не выходить по одиночкѣ. Я смѣялся надъ ними, разубѣждалъ ихъ сколько могъ, говоря, что это ни что иное какъ невѣрный слухъ. Но они оставались глубоко убѣжденные въ томъ, что ихъ жизнь находится въ опасности. Манюэль не рѣшался ходить одинъ на охоту, и я долженъ былъ отправляться съ нимъ каждое утро, что однако продолжалось недолго. Али безъ провожатаго не ходилъ за дровами, а къ колодцу, находившемуся за нѣсколькими дворами, отправлялся не иначе какъ вооруженный мечомъ. Я конечно былъ увѣренъ въ нашей безопасности и убѣжденъ, что такого повелѣнія не существовало, что подтвердилось вскорѣ появленіемъ американскаго матроса. Сбѣжавъ съ своего судна съ восточной части острова, онъ пришелъ въ Ампанамъ невооруженный, и повсюду по дорогѣ встрѣчалъ радушіе и гостепріимство; съ него не брали никакой платы ни за ночлегъ, ни за пищу. Когда я сообщилъ это Манюэлю, то онъ замѣтилъ на это, что «онъ дурной человѣкъ,—убѣжалъ съ своего

судна,—никто ему не повѣритъ на слово». Такимъ образомъ мнѣ не удалось его разубѣдить въ томъ, что въ одинъ прекрасный день ему перерѣжутъ горло.

Совершившееся здѣсь явленіе уяснило нѣсколько причину страшныхъ постоянныхъ буруновъ въ Ампанамѣ. Однажды вечеромъ я услышалъ страшный грохотъ, и въ тоже время замѣтилъ легкое сотрясеніе всего дома. Я подумалъ что это громъ и спросилъ, «что это значитъ?» «Это землетрясеніе», отвѣтилъ Инчи Додъ, мой хозяинъ, и затѣмъ прибавилъ, что такіе слабые удары случаются здѣсь нерѣдко, сильныхъ-же онъ никогда не слышалъ. Это случилось въ концѣ послѣдней четверти луны, въ тоже слѣдовательно время, когда приливъ воды невысокъ, а буруны обыкновенно стихаютъ. Пріѣхавъ въ Ампанамъ, я узналъ, что въ эту самую ночь тамъ вмѣсто землетрясенія былъ страшный бурунъ, и приливъ воды такой высоты, какого незапомнятъ; всѣ земли г-на Картера были затоплены. Я узналъ также, что въ эту-же самую ночь когда я былъ въ Лабулъ-Трингѣ, и чувствовалъ землетрясеніе, бурунъ свирѣпствовалъ на протяженіи двадцати миль. Это прямо указываетъ, что если обыкновенные буруны являются здѣсь вслѣдствіе поднятія воды Южнаго Океана въ узкихъ проливахъ и также вслѣдствіе особо устроеннаго дна близъ береговъ, то причина внезапнаго появленія этихъ страшныхъ буруновъ въ совершенно тихую погоду есть незначительное поднятіе дна океана въ этой преимущественно вулканической странѣ.

ГЛАВА XI.

ЛЭМБОКЪ.

Нравы и обычаи народа. Аудіенція у раджи.—Ночлегъ подъ открытымъ небомъ.—Выдѣлка ружей.—Бѣшеныя.

Окончивъ очень хорошую и интересную коллекцію птицъ Лабуангъ-Трипга, я простился съ моимъ добрымъ хозяиномъ Инчи-Додомъ и вернулся въ Ампанамъ съ цѣлью пробраться оттуда въ Макасаръ. Однако, не дождавшись ни одного судна, я вздумалъ отправиться во внутрь острова въ сопровожденіи англичанина, г-на Росса. По порученію голландскаго правительства онъ занимался въ мое время дѣлами одного обанкрутившагося миссіонера. Г-нъ Картеръ любезно предложилъ мнѣ лошадь, а г-нъ Россъ взялъ съ собою своего туземца—конюха.

Нѣкоторое время мы ѣхали по совершенно ровной мѣстности, засѣянной рисомъ. Прямая дорога, окаймленная высокими деревьями, походила на красивую аллею; почва, вначалѣ песчаная, дальше покрылась травою; стали появляться ручьи и ямы, наполненныя тинистою водою. Проѣхавъ около четырехъ миль, мы въѣхали въ Матарамъ, столицу острова и резиденцію раджи. Это была большая деревня съ широкими улицами, усаженными роскошными деревьями и цѣлымъ рядомъ невысокихъ домовъ, обнесенныхъ глиняными стѣнами. Ни одинъ туземецъ изъ низшихъ классовъ не смѣлъ ѣхать верхомъ по этому царскому городу, и нашъ слуга, яванецъ, долженъ былъ спѣшится и тихимъ шагомъ вести за нами лошадь. Дома раджи и великаго жреца отличались только кирпичными столбиками, сдѣланными съ большимъ вкусомъ; самый же дворецъ походитъ на обыкновенныя постройки острова. Сейчасъ же за Матарамомъ лежитъ Карангассамъ, столица прежнихъ туземныхъ или сассакскихъ раджей, царившихъ здѣсь до покоренія острова Балинезомъ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ Матарама страна постепенно становится волнистою, возвышенности ея переходятъ въ невысокіе холмы, идущіе паралельно двумъ цѣпямъ горъ, проходящимъ по сѣверной и южной части острова. Здѣсь я впервые получилъ точное понятіе объ удивительнѣйшей въ свѣтѣ системѣ обработки земли, равняющейся по искусству китайской, и насколько мнѣ извѣстно, превосходящей своимъ совершенствомъ системы принятыя въ такихъ же небольшихъ странахъ наиболѣе цивилизованной части Европы. Я былъ крайне изумленъ, увидя предъ собою эти оригинальные сады и пораженъ тѣмъ фактомъ, что на этомъ отдаленномъ и малоизвѣстномъ островѣ, на который съ трудомъ проникаютъ немногіе европейцы, сотни квадратныхъ миль волнистой, неправильной поверхности такъ хорошо приподняты и уравнены, и испещрены каналами такъ искусно, что каждая часть земли можетъ быть по надобности орошена и осушена. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ террассы состоятъ изъ нѣсколькихъ акровъ, въ другихъ только изъ нѣсколькихъ квадратныхъ ярдовъ; величина ихъ зависитъ отъ болѣе или менѣе крутого склона. Мы видѣли ихъ на разныхъ ступеняхъ обработки, и только что вспаханными, и засѣянными рисомъ различнаго роста; въ перемежку съ рисовыми полями шли цѣлыя полосы роскошнаго табака, огурцовъ, сладкаго картофеля, ямса, бобовъ или индѣйскаго хлѣба. Въ однихъ мѣстахъ канавы были сухи, въ другихъ мѣстахъ наполнены проточною водою, протекавшею по полю, которое готовили къ посѣву или разсадкѣ. Насыпи, сдѣланныя по краямъ террассъ шли горизонтально одна надъ другою; нѣкоторыя террассы, окружая крутой холмъ, имѣли видъ укрѣпленій, другія же, поднимаясь изъ глубокой впадины, походили на гигантскій амфитеатръ. Небольшіе ручьи и рѣки, отведенные изъ своего русла, лежавшаго въ низменныхъ мѣстахъ, были приподняты на возвышенныя мѣста. Окаймленные старыми деревьями и уложенные каменьями поросшими мхомъ, они походили на естественные каналы и свидѣтельствовали о давности произведенныхъ здѣсь работъ. Ближе къ центру видъ страны становится разнообразнѣе, появляются крутые скалистые холмы и глубокіе рытвины; группы бамбуковъ и пальмъ окружаютъ деревни и отдѣльныя хижины; фономъ этой картины служатъ вдали виднѣющіяся горы съ выдающеюся вершиною Лэмбока въ восемь сотъ футовъ вышины; въ цѣломъ этотъ пейзажъ поражаетъ своею красотою и живописностью.

Недалеко отъ Матарамо мы встрѣтили сотни женщинъ, несшихъ на рынокъ рисъ, плоды и овощи, а нѣсколько далѣе непрерывные ряды лошадей, навьюченныхъ мѣшками риса и необработанными колосьями; они

шли въ Ампанамскій портъ. По дорогѣ на разстояніи каждыхъ двухъ или трехъ миль попадались торговцы, сидѣвшіе подъ тѣнью деревьевъ или небольшихъ навѣсовъ; они торговали сахарнымъ тростникомъ, рисомъ, солеными яйцами, индѣйскими смоквами и другими туземными лакомствами; за пени можно получить въ лавкѣ очень сытное блюдо, но мы удовольствовались только сладкимъ пальмовымъ виномъ, самымъ чуднымъ напиткомъ во время жары. Проѣхавъ еще двадцать миль, мы достигли возвышенной и сухой мѣстности, въ которой вслѣдствіе недостатка воды, обработанныя полосы земли видны были только по краямъ низменныхъ береговъ ручьевъ.

Красота этой мѣстности, не уступая остальнымъ, носитъ совершенно иной характеръ; ея волнистая поверхность постоянно смѣняется то небольшими полянами, то красивыми группами деревьевъ и кустарниковъ. Только одинъ разъ мы проѣзжали по небольшому настоящему лѣсу; тѣнь его высокихъ деревьевъ и густая темная зелень были очень отрадны послѣ знойнаго жара и ослѣпительнаго блеска открытой мѣстности.

Наконецъ, около полудня мы достигли цѣли нашего пути,— деревни Купангъ, расположенной въ центрѣ острова. Мы въѣхали въ наружный дворъ одного изъ начальниковъ, съ которымъ другъ мой, г. Россъ, былъ немного знакомъ, и, не долго думая, расположились подъ открытымъ навѣсомъ, устланнымъ бамбуковымъ поломъ и служившимъ обыкновеннымъ пріемнымъ мѣстомъ для посѣтителей и лицъ, желающихъ получить аудіенцію. Пустивъ нашихъ лошадей на роскошную траву, растущую на дворѣ, мы стали ожидать появленія великаго малайца, толмача; выслушавъ наши желанія, онъ объявилъ намъ, что *Нэмбэкль* (начальникъ) находится въ домѣ раджи и скоро вернется. Такъ какъ мы не завтракали, то попросили дать намъ чего нибудь поѣсть; онъ ушелъ, обѣщая прислать какъ можно скорѣе; но завтракъ появился однако спустя два часа: на маленькомъ подносѣ принесли два рисовыхъ соуса, четыре небольшихъ рыбки и нѣсколько овощей. Позавтракавъ коекакъ, мы отправились бродить по деревнѣ; окруженные тамъ цѣлою толпою мужчинъ и дѣтей, мы съ ними весело болтали и тихонько пересмѣивались съ дѣвушками и женщинами, смотрѣвшими на насъ изъ щелокъ и полуотворенныхъ дверей. Болѣе всего съ нами сдружились мальчуганы, Муза и Иза (Моисей и Іисусъ) и рѣзвый маленькій школьникъ *Качанъ* (бобъ), забавлявшій насъ своими гримасами и кривляньями.

Только около четырехъ часовъ явился Пэмбэкль, которому мы тотчасъ же заявили о желаніи пожить здѣсь нѣсколько дней, осмотрѣть страну и пострѣлять птицъ. Выслушавъ насъ, онъ видимо пришелъ въ

нѣкоторое смущеніе и спросилъ письмо отъ Анасъ-Агонга (Сына-Неба), такимъ титуломъ величается здѣсь лембокскій раджа. Узнавъ, что мы его не взяли, думая, что это будетъ совершенно безполезно, онъ быстро отвѣтилъ намъ, что въ такомъ случаѣ долженъ поговорить о нашемъ желаніи съ своимъ раджею. Прошло нѣсколько часовъ; наступила ночь,—онъ все не возвращался. Я началъ думать, что насъ подозрѣваютъ въ какомъ нибудь зломъ умыслѣ и что поэтому Пэмбэкль не желаетъ взять на себя одного такую отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что этотъ сасакскій князь, искренній союзникъ теперешняго раджи, состоитъ въ родствѣ съ нѣкоторыми главами заговора, потушеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Около пяти часовъ пришли Али, Манюэль и лошадь, навьюченная моими ружьями и платьемъ. Солнце сѣло; сдѣлалось темно; ѣсть хотѣлось сильнѣе, чѣмъ утромъ, а между тѣмъ никто не приходилъ. Часъ проходилъ за часомъ, наконецъ въ девять часовъ въ сопровожденіи свиты явился Пэмбэкль, раджа, и нѣсколько жрецовъ. Они заняли мѣста вокругъ насъ. Мы пожали другъ другу руки, и на нѣсколько минутъ водворилась глубокая тишина. Послѣ вопроса раджи, зачѣмъ мы здѣсь,— г-нъ Россъ отвѣтилъ ему, стараясь объяснить, кто мы такіе, зачѣмъ пришли и какіе наши цѣли; онъ сказалъ, что мы не взяли письма отъ «Анакъ-Агонга» единственно потому, что считали его безполезнымъ. За этимъ начался продолжительный разговоръ на баллійскомъ языкѣ; было спрошено о моихъ ружьяхъ, порохѣ и чѣмъ стрѣляю пулями или дробью; что у меня за птицы, зачѣмъ ихъ сохраняю и что буду съ ними дѣлать въ Англіи. За каждымъ моимъ отвѣтомъ и объясненіемъ слѣдовалъ тихій серьезный разговоръ; не понимая его, мы догадывались о содержаніи. Очевидно, что они находились въ большомъ затрудненіи и недовѣряли ни единому нашему слову. Они спросили дѣйствительно ли мы англичане, а не голландцы; мы ихъ энергично увѣряли въ нашей національности; но напрасно, они, казалось, не вѣрили и этому. Однако спустя часъ намъ дали поужинать (за исключеніемъ рыбокъ было подано тоже что и за завтракомъ) а послѣ ужина слабый кофе и пумкинсъ вскипяченный съ сахаромъ. Послѣ перваго обсужденія, приступили ко вторичнымъ преніямъ; были предложены вопросы, за которыми снова послѣдовали отвѣты. Въ то время какъ шли эти горячіе толки, мои очки (съ вогнутыми стеклами) обратили на себя вниманіе трехъ или четырехъ стариковъ. Они ничего въ нихъ не видѣли, и это обстоятельство послужило поводомъ къ новому противъ меня подозрѣнію. Моя борода привела нѣкоторыхъ въ восторгъ, посыпался цѣлый рядъ вопросовъ о моемъ странномъ вкусѣ, не согласномъ съ обычаями европейскихъ об-

ществъ. Наконецъ съ разсвѣтомъ все общество поднялось; потолковали еще немного за воротами и разошлись. Тогда мы обратились къ толмачу, оставшемуся при насъ съ нѣсколькими мальчиками и людьми, и просили его показать намъ мѣсто для ночлега. Наша просьба его видимо крайне удивила, и онъ сказалъ, что мѣсто, на которомъ мы находимся для насъ самое удобное. Въ воздухѣ было очень свѣжо, а одѣты мы были легко и не запаслись одѣялами, и только послѣ часовой просьбы намъ удалось достать туземный матъ, подушку и нѣсколько старыхъ пологовъ, которыми мы кое какъ защитили себя отъ холоднаго вѣтра. Мы провели ночь очень скверно и рѣшили на утро ѣхать, не подвергая себя долѣе такому постыдному обращенію.

Мы встали рано и около часу прождали появленія толмача. Когда онъ явился, мы попросили дать намъ кофе и выразили желаніе видѣть Пэмбэкля, чтобы проститься съ нимъ и взять у него лошадь для хромавшаго Али. Такая неожиданная просьба его совершенно смутила; онъ быстро скрылся во внутренній дворъ, заперъ за собою дверь, оставивъ насъ ни съ чѣмъ. Прошелъ еще часъ и никто не приходилъ; тогда я велѣлъ готовиться къ отъѣзду, сѣдлать лошадей и навьючивать вещи. Но въ это время пріѣхалъ верхомъ на лошади толмачъ и съ ужасомъ взглянулъ на наши сборы. «Гдѣ Пэмбэкль?» спросили мы. «Пошелъ къ раджѣ», былъ отвѣтъ. «Мы уѣзжаемъ», сказалъ я. «О прошу васъ подождать немного», заговорилъ онъ; «у нихъ идетъ теперь совѣщаніе; нѣсколько пріѣхавшихъ жрецовъ хотятъ васъ видѣть, а начальникъ уѣхалъ въ Матарамъ къ Анакъ-Агонгу выпросить вамъ позволеніе остаться здѣсь». Этимъ все объяснилось. Дальнѣйшіе переговоры повели бы за собою большую проволочку и пренія вѣроятно не скоро бы кончились; мы рѣшили ѣхать. Бѣдный толмачъ, видя съ какою поспѣшностью и настойчивостью мы уѣзжаемъ, почти плача, сталъ увѣрять насъ, «что Пэмбэклю будетъ очень жаль, и что раджѣ будетъ очень жаль, и что если-бы мы подождали немного, дѣла бы устроились». Я отдалъ Али мою лошадь и пошелъ пѣшкомъ; послѣ однако онъ пересѣлъ на одну лошадь съ конюхомъ г. Росса. До дому, хотя и утомленные зноемъ, мы добрались благополучно.

Въ Матарамѣ мы остановились въ домѣ Густи-Гадіока одного изъ лэмбокскихъ князей, друга г. Росса; онъ обѣщалъ показать мнѣ ружья сдѣланныя туземными рабочими. Два ружья были готовы, одно въ шесть, другое въ семь футовъ длины съ достаточно широкими дулами. Стволы были просверлены очень искусно, хотя конечно отдѣлкою уступали нашимъ. Хорошо выдѣланное ложе шло до самаго конца ствола; вся

поверхность ружья была выложена золотомъ и серебромъ, замокъ же былъ взятъ отъ англійскаго мушкета. Впрочемъ Густи увѣрялъ меня, что у раджи есть рабочій, дѣлающій и замки и винтовки. Показанная намъ вслѣдъ за этимъ мастерская и орудія, которыми производились работы были очень замѣчательны. Мы вошли подъ открытый навѣсъ, въ которомъ стояли два небольшихъ горна; мѣхами служили два бамбуковымъ цилиндра съ поршнями, приводимыми въ дѣйствіе руками. Продолговатый кусокъ желѣза, лежавшій на землѣ, служилъ наковальнею, а маленькіе тиски были прикрѣплены къ корнямъ около стоящаго дерева. Нѣсколько пилъ и молотовъ были единственными орудіями, съ помощью которыхъ старый работникъ выдѣлывалъ изъ твердаго желѣза и дерева эти прекрасныя ружья.

Мнѣ было любопытно знать, какимъ образомъ они пробуравливали эти длинные стволы, которые, какъ разсказывали, превосходно стрѣляли, и на видъ казались очень вѣрными; на мой вопросъ Густи лаконически отвѣчалъ: «мы употребляемъ корзины, наполненныя камнями». Для меня это было совсѣмъ непонятно, и я попросилъ объяснить мнѣ; тогда одинъ изъ дюжины мальчиковъ окружавшихъ насъ былъ посланъ за такою корзиною. Онъ скоро вернулся съ этою удивительною пробуравливающею машиною, примѣненіе которой Густи мнѣ не замедлилъ объяснить. Это была крѣпкая бамбуковая корзина, черезъ которую отвѣсно проходилъ шестъ около трехъ футовъ длиною; накрестъ продѣтыя сквозь корзину палки дѣлали его совершенно неподвижнымъ; въ нижній же конецъ шеста, окруженный желѣзнымъ обручемъ, былъ вдѣланъ четыреугольный буравъ. Стволъ готовый къ пробуравливанію вкапываютъ въ землю, и вставляютъ въ него буравъ; къ верхней части шеста придѣлана бамбуковая рукоятка, наполненная внутри, какъ и вся корзина, камнями, которые придаютъ необходимую тяжесть. Два мальчика вертятъ эту машину. Стволы состоятъ изъ кусочковъ, около восьми дюймовъ длины; каждый такой пробуравленный кусокъ соединяютъ съ другими готовыми желѣзнымъ стержнемъ, а за тѣмъ уже окончательно стволъ пробуравливается большимъ буравомъ, и черезъ три дня работа окончена. Объясненіе было такъ серьезно и искренно, что я не могъ усомниться въ его истинѣ, но, взглянувъ на одно изъ такихъ прекрасно-сдѣланныхъ, превосходныхъ ружей, мнѣ показалось невозможнымъ, чтобы они отъ начала до конца были сдѣланы тѣми орудіями, которые едва удовлетворяютъ англійскаго кузнеца, кующаго подковы.

На другой день по нашемъ возвращеніи, въ Ампанамъ пріѣхалъ раджа на пиръ, устроенный Густи-Гадіокой; мы вскорѣ получили приглашеніе

явиться къ нему. Онъ находился на большомъ дворѣ, и сидѣлъ на матѣ подъ тѣнью дерева; около него, составляя большой кругъ, сидѣли придворные счетомъ до трехъ или четырехъ сотъ. На немъ надѣта была саранга или малайская юпка и зеленая куртка; на видъ ему было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ; его пріятное и неглупое лицо выражало какую то нерѣшимость. Мы приблизились и усѣлись около знакомыхъ намъ начальниковъ; когда раджа сидитъ, то никто не можетъ ни стоять ни сидѣть выше его. Онъ спросилъ прежде всего кто я, что дѣлаю въ Лэмбокѣ, и за тѣмъ пожелалъ видѣть моихъ птицъ. Я тотчасъ же послалъ за ящиками съ птицами и насѣкомыми, которыхъ онъ разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ и казалось былъ очень удивленъ, что они такъ хорошо сохранились. Мы потолковали затѣмъ о Европѣ и войнѣ съ русскими, которая по видимому интересовала всѣхъ туземцевъ. Слышавъ много разсказовъ о загородномъ домѣ раджи «Гунонгъ-Сари», я воспользовался случаемъ и попросилъ позволеніе посѣтить его и пострѣлять тамъ птицъ, на что онъ тотчасъ-же далъ свое согласіе; я поблагодарилъ его и мы удалились. Часъ спустя къ г-ну Картеру пришелъ его сынъ въ сопровожденіи ста придворныхъ; они всѣ разсѣлись на матахъ, а молодой раджа пошелъ къ Манюэлю, снимавшему подъ навѣсомъ шкуры съ птицъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ домъ, гдѣ ему была приготовлена постель; отдохнувъ немного и выпивъ вина, онъ вышелъ черезъ часъ или два къ обѣду, поданному на воздухѣ, и сѣлъ за него съ восьмью главными жрецами и князьями. Благословивъ рисъ, онъ первый прикоснулся къ нему, и за нимъ уже всѣ остальные. Они свертывали руками изъ риса шарики, мокали ихъ въ соусъ и съ небольшими кусками мяса или курицы, разнообразно приготовленной, быстро проглатывали. Во все время обѣда мальчикъ опахивалъ молодого раджу; этотъ пятнадцатилѣтній юноша имѣлъ уже трехъ женъ. Всѣ туземцы были вооружены «крисами» или изогнутыми кинжалами, красотою и достоинствомъ которыхъ они чрезвычайно гордились; у одного изъ товарищей раджи золотая рукоятка кинжала была усыпана двадцатью восьмью бриліантами и другими драгоцѣнными камнями; онъ цѣнилъ ее въ 700 золотыхъ. Ножны были или изъ рѣзнаго дерева или изъ слоновой кости и нерѣдко одна изъ сторонъ ихъ была покрыта золотомъ, а прекрасные клинки, съ которыми они обходились чрезвычайно осторожно, были сдѣланы изъ хорошаго металла и оправлены въ желѣзо. Кинжалъ, заложенный за широкій поясъ, носимый каждымъ, считается у нихъ самымъ драгоцѣннымъ имуществомъ.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились въ Гунонгъ-Сари, въ который такъ давно собирались; къ намъ присоединился еще капитанъ гамбург-

скаго судна, нагружавшагося рисомъ для отправки въ Китай. Мы достали разнокалиберныхъ лэмбокскихъ пони и съ трудомъ нѣсколько сѣделъ; многіе изъ насъ принуждены были доставать подпруги, узды и стремянные ремни. Мы въѣхали въ Матарамъ, гдѣ къ намъ на встрѣчу подъѣхалъ нашъ другъ Густи-Гадіока, на великолѣпномъ черномъ конѣ; онъ, какъ и всѣ туземцы, сидѣлъ на немъ безъ сѣдла: вся упряжь лошади состояла изъ роскошнаго чапрака и изукрашенной узды. Проѣхавъ три мили красивою окольною дорогою, мы прибыли на мѣсто. Въѣхавъ въ прекрасныя кирпичныя ворота, поддерживаемыя чудовищнымъ индусскимъ божествомъ, мы очутились въ оградѣ, въ которой было два квадратныхъ пруда и нѣсколько красивыхъ деревъ, а нѣсколько далѣе еще ворота, приведшія насъ въ паркъ. По правую сторону на высокой площадкѣ или терассѣ возвышался кирпичный домъ, построенный въ индусскомъ стилѣ, а на лѣвой большой прудъ или садокъ; маленькіе струи, выходившія изъ пасти гигантскаго крокодила, превосходно сдѣланнаго изъ камня и кирпича, наполняли его водою, а у береговъ, уложенныхъ кирпичемъ, возвышался фантастическій и живописный навильонъ, украшенный гротесковыми статуями. Садокъ изобиловалъ красивыми рыбами, которые, каждое утро, заслышавъ удары гонга, стоящаго около, приплывали къ берегу за кормомъ. При первомъ ударѣ изъ массы травы, наполнявшей прудъ, появилось множество рыбъ, которыя слѣдовали за нами вдоль берега, ожидая пищи. Вскорѣ изъ чащи лѣса прибѣжало нѣсколько оленей; постоянный кормъ и рѣдкая охота за ними сдѣлали ихъ почти ручными. Лѣса, окружавшіе паркъ, повидимому изобиловали птицами; я отправился на охоту и принесъ оттуда нѣсколько прекрасныхъ новыхъ видовъ королевскаго рыболова, Halcyon fulgidus и замѣчательно роскошныхъ земляныхъ дроздовъ, Zootherа andromeda. Эта птица живетъ въ сырыхъ темныхъ чащахъ и питается насѣкомыми, стоножками и маленькими молюсками. Я вполнѣ былъ доволенъ поѣздкою, и составилъ себѣ болѣе высокое мнѣніе о вкусѣ народа; но тѣмъ не менѣе стиль здѣшнихъ построекъ и скульптурная работа несравненно ниже чудныхъ явайскихъ руинъ. Теперь я скажу нѣсколько словъ о характерѣ, нравахъ и обычаяхъ этого замѣчательнаго племени.

Туземцы или аборигены Лэмбока зовутся сассаксами, и по внѣшности своей рѣзко отличаются отъ малайцевъ, живущихъ на Малаккѣ или Борнео. Они исповѣдуютъ магометанство и составляютъ собою наибольшій процентъ населенія. Управляющіе же классы не туземцы, а переселившіеся съ близь лежащаго острова Бали, послѣдователи религіи Брамы. Правленіе абсолютно монархическое ведется здѣсь, какъ кажется,

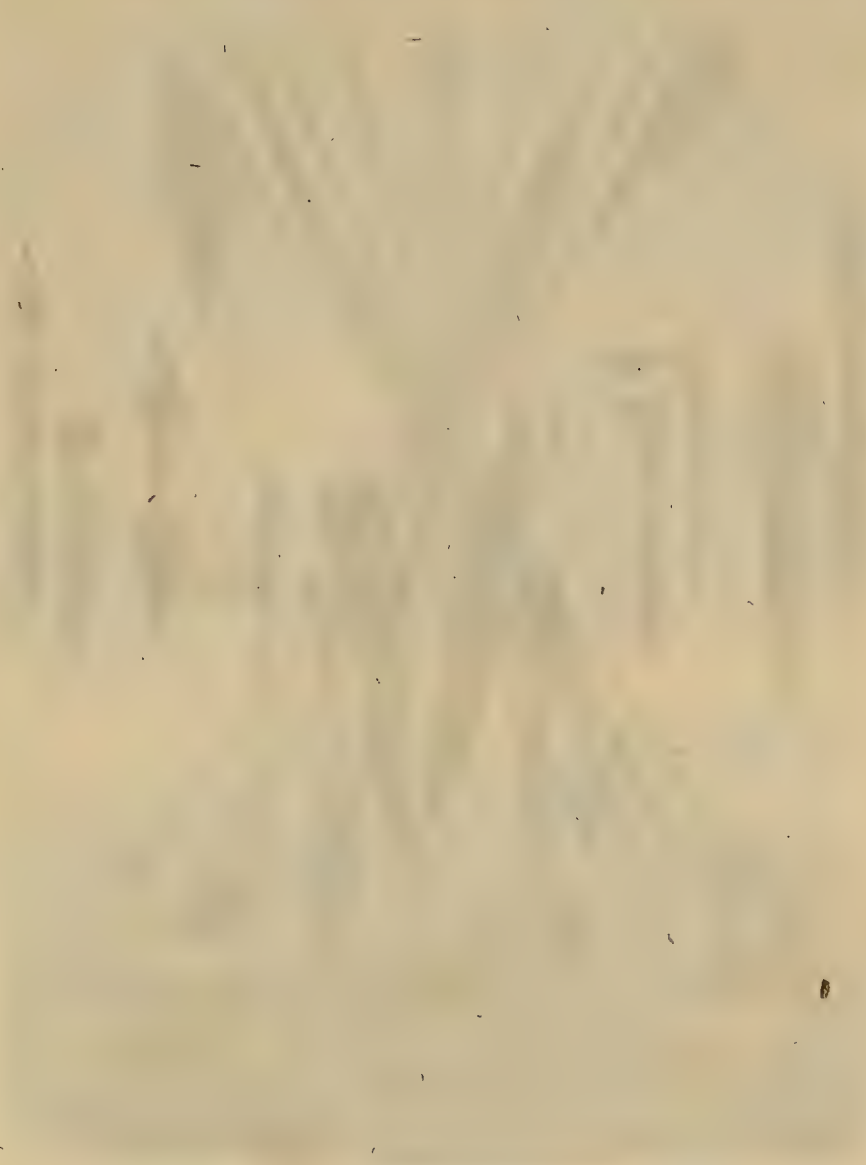
гораздо умѣреннѣе и разумнѣе чѣмъ въ остальныхъ малайскихъ земляхъ. Отецъ теперешняго раджи покорилъ островъ, и народъ повидимому совершенно примирился съ своими новыми правителями, которые не вмѣшиваются въ ихъ религіозныя дѣла и заставляютъ ихъ платить тѣ-же подати, какія они отдавали своимъ прежнимъ вытѣсненнымъ начальникамъ. Дѣйствующіе законы въ Лэмбокѣ чрезвычайно строги. За воровство полагается смертная казнь. Г-нъ Картеръ разсказывалъ мнѣ, что у него однажды украденъ былъ металлическій кофейникъ. Вора поймали, и, возвративъ кофейникъ, предали виновнаго на судъ г. Картера. Всѣ туземцы совѣтовали его «крисседъ» убить на площади; «если вы это не сдѣлаете», говорили они, «онъ у васъ снова украдетъ.» Г-нъ Картеръ однако отпустилъ его, сказавъ, что если онъ еще когда либо поймаетъ его, то навѣрное убьетъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ же самый человѣкъ увелъ у г. Картера лошадь. Лошадь была найдена, а воръ не пойманъ. Существуетъ законъ, по которому каждый человѣкъ, вошедшій въ сумеркахъ въ домъ, безъ вѣдома хозяина, умерщвляется, и трупъ его, брошенный на улицу или набережную, не возбудитъ ни малѣйшихъ разслѣдованій.

Мужчины очень ревнивы и строги къ своимъ женамъ. Подъ страхомъ смертной казни замужне женщинѣ запрещено отъ посторонняго принять сигару. Мнѣ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ англійскій купецъ жилъ съ балинскою женщиною изъ знатнаго рода,—такая связь считалась почетною всѣми туземцами. На одномъ праздникѣ эта дѣвушка нарушила законъ, принявъ отъ посторонняго мужчины цвѣтокъ или какую-то бездѣлушку. Ея поступокъ былъ немедленно доведенъ до свѣдѣнія раджи (дѣвушка была родственницею одной изъ его женъ), который сейчасъ же послалъ приказаніе англичанину выдать виновную на смерть. Купецъ просилъ, умолялъ, предлагалъ раджѣ какую угодно сумму и наконецъ рѣшительно отказался выдать ее добровольно. Раджа не хотѣлъ дѣйствовать силою; въ своемъ требованіи онъ только видѣлъ защиту какъ своей чести, такъ и чести англичанина, и повидимому успокоился. Но, спустя нѣкоторое время, онъ подослалъ къ дому одного изъ своихъ приближенныхъ, который, заманивъ дѣвушку въ двери, сказалъ: «Это вамъ посылаетъ раджа» и пронзилъ ее въ сердце. Болѣе серьезныя измѣны наказываются еще строже: женщину и ея любовника связанныхъ спинами другъ съ другомъ бросаютъ въ море, гдѣ ихъ уже поджидаетъ огромный крокодилъ. Во время моего пребыванія въ Ампанамѣ должна была произойти подобная расправа; чтобы не быть свидѣтелемъ этого чудовищнаго факта и не слышать о немъ разсказовъ,

я отправился въ дальнюю прогулку и вернулся когда уже все было кончено.

Однажды утромъ во время завтрака вошелъ слуга Картера и доложилъ что въ деревнѣ появился «амокъ»—другими словами сумасшедшій или «бѣшенный.» Немедленно было дано приказаніе запереть ворота нашей ограды; но не слыша никакого шума, мы вышли посмотрѣть и узнали что это была фальшивая тревога, произведенная рабомъ: бѣжавъ отъ своего господина, который хотѣлъ его продать, онъ объявилъ себя «амокомъ.» Незадолго до этого одинъ человѣкъ былъ убитъ за картами: онъ проигралъ на полъ доллара больше той суммы, какую имѣлъ и сдѣлался «амокомъ». Другой былъ убитъ, зарѣзавъ или ранивъ до этого семнадцать человѣкъ. Случается, что во время войны цѣлые полки сговорившись стать «амоками» бросаются на непріятеля съ такою отчаянною энергіею, что приводятъ въ ужасъ самыхъ безстрашныхъ людей ненаходящихся только въ такомъ возбужденіи. Древніе смотрѣли бы на такихъ людей какъ на героевъ или полу-боговъ, жертвующихъ собою отечеству; здѣсь же въ нихъ видятъ только «амоковъ». На востокѣ, Макассаръ прославился болѣе остальныхъ мѣстъ своими «бѣшенными». Разсказываютъ, что тамъ не проходитъ мѣсяца безъ того, чтобы не пришли въ такое состояніе одинъ или двое; жертвою ихъ бываютъ иногда пять, десять и двадцать человѣкъ, которые падаютъ ранеными или убитыми. Целебесцы считаютъ такой родъ самоубійства національнымъ и слѣдовательно почтеннымъ, такимъ, который даетъ возможность выйти человѣку изъ всѣхъ затрудненій. Римлянинъ падаетъ на свою шпагу, японецъ распарываетъ себѣ животъ, а англичанинъ выбиваетъ свой мозгъ пистолетомъ. Здѣшній обычай очень благопріятенъ для самоубійцы. Человѣкъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ обществомъ, онъ долженъ, и не можетъ отдать, онъ взятъ въ рабство, или не можетъ выкупить изъ него свою жену и ребенка,—онъ не видитъ никакого выхода, не находитъ средствъ помочь себѣ—и становится отчаяннымъ. Онъ не хочетъ сносить такихъ жестокихъ несправедливостей, онъ хочетъ отомстить человѣчеству и умереть героемъ. Онъ хватается за клинокъ криса, въ мінуту вытаскиваетъ оружіе и прокалываетъ человѣка въ сердце; бѣжитъ съ окровавленнымъ крисомъ въ рукахъ, пронзая имъ перваго встрѣчнаго. На улицахъ раздаются крики «Амокъ! Амокъ!» Вооружаются шпагами, крисами, ножами, ружьями и бѣгутъ за нимъ; аммокъ въ бѣшенствѣ продолжаетъ мчаться, убивая по пути мужчинъ, женщинъ и дѣтей—и наконецъ, сраженный толпою, умираетъ въ такомъ возбужденіи, въ какомъ

Оружіе дайяковъ.



находятся среди поля битвы. Бывшіе въ такомъ состояніи хорошо знаютъ каково это возбужденіе, но это понятно даже и людямъ, которые предавались сильнымъ страстямъ или сильнымъ движеніямъ. Этотъ упоительный бредъ, это состояніе безумія овладѣваетъ всѣми мыслями, всею энергіею. Не удивительно, что невѣжественный малаецъ предпочитаетъ такого рода смерть и считаетъ ее гораздо почтеннѣе хладнокровно взвѣшеннаго самоубійства. Не желая выносить страданій или попасть въ немилосердныя руки палача, или быть обезчещеннымъ общественнымъ судомъ, онъ самъ беретъ въ свои руки законъ и отмщаетъ своимъ врагамъ. Онъ, не задумываясь, становится «амокомъ».

Главный предметъ торговли какъ Лэмбока такъ и Бали это—рисъ и кофе: одинъ растетъ въ долинахъ, другой на холмахъ. Рисъ въ большомъ количествѣ вывозится на другіе острова архипелага, въ Сингапуръ и даже въ Китай; въ портахъ обыкновенно стоитъ по нѣскольку судовъ, нагруженныхъ этимъ товаромъ. Въ Ампанамъ онъ доставляется на лошадяхъ и почти каждый день они наполняютъ дворъ Картера. Туземцы берутъ за свой рисъ только мѣдныя китайскія деньги; двѣнадцать сотень такихъ монетъ цѣнится за долларъ; каждое утро я видѣлъ, какъ приносились два огромныхъ мѣшка для расплаты за товаръ. Кромѣ того изъ Бали вывозится большое количество сушенаго мяса и бычачьихъ языковъ, а изъ Лэмбока множество утокъ и маленькихъ лошадокъ (пони). Эти утки особой породы, отличающейся длиннымъ плоскимъ туловищемъ; по походкѣ очень напоминаютъ пингвиновъ; туземцы держатъ ихъ цѣлыми стадами. Ихъ рябоватыя перья блѣдно-желтаго цвѣта. Онѣ очень дешевы и раскупаются матросами судовъ, которые называютъ ихъ балійскими солдатами, но обыкновенно онѣ всюду извѣстны подъ именемъ утки—пингвина.

Мой португалецъ Фернандецъ, набиватель птичьихъ шкурокъ, сталъ настаивать на уничтоженіи условій найма и на возвращеніи въ Сингапуръ: онъ объяснялъ свое желаніе тоскою по родинѣ, но я полагаю, что онъ просто всѣ мѣсяцы, проведенные среди этого кровожаднаго и невѣжественнаго народа, считалъ недостаточно оплаченными. Мнѣ это было крайне невыгодно, за три мѣсяца я ему заплатилъ жалованье, въ три раза превышавшее плату, получавшуюся имъ раньше; половина этого времени прошла въ путешествіяхъ, а остальная часть его, по недостатку насѣкомыхъ, давала мнѣ возможность самому стрѣлять и набивать птицъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Фернандеца, въ портъ пришла маленькая шкуна, отправлявшаяся въ Макассаръ, на которой я рѣшился

ѣхать. Для дополненія моего очерка этихъ интересныхъ острововъ, я разскажу анекдотъ, который слышалъ отъ теперешняго раджи, и который истиненъ онъ или нѣтъ, послужитъ къ уясненію туземнаго характера и нѣкоторыхъ особенностей нравовъ и обычаевъ страны, о которой я еще мало говорилъ.

ГЛАВА XII.

ЛЭМБОКЪ.

Какъ раджа сдѣлалъ перепись своему народу.

Раджа Лэмбока былъ очень умный человѣкъ, и онъ выказалъ свою мудрость тѣмъ способомъ, какимъ произвелъ перепись своего народа. Надо сказать, что доходы раджи главнымъ образомъ состояли въ поголовной подати риса, выплачиваемой ежегодно, по небольшой мѣрѣ, каждымъ мужчиною, женщиною и ребенкомъ острова. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что каждый точно выплачивалъ свою подать, потому что она была очень легкая, а земля плодородна и народъ зажиточный; но подать эта, прежде нежели попасть въ государственные магазины, должна была проходить черезъ много рукъ. По окончаніи жатвы поселяне приносили свой рисъ къ *капала* кампонги, или главѣ деревни; безъ сомнѣнія онъ иногда изъ состраданія къ бѣднымъ или больнымъ снисходилъ въ пріемѣ отъ нихъ меньшей мѣры, иногда же онъ бывалъ принужденъ оказать эту милость тѣмъ, которые имѣли на него претензію; кромѣ того онъ долженъ былъ сохранять свое достоинство, имѣя житницы лучше наполненныя нежели житницы сосѣдей и поэтому количество риса, которое онъ доставлялъ *уэдоно* или начальнику округа было обыкновенно гораздо меньше того, какое дѣйствительно слѣдовало бы. Весьма естественно что и всѣ *уэдоно* должны были заботиться о себѣ, такъ какъ они всѣ были въ долгахъ; къ тому же взять немного государственнаго рису было вѣдь очень легко, а для раджи его все таки еще останется довольно. И *гестисъ* или принцы, получавшіе рисъ отъ *уэдоно* также не забывали себя; поэтому ежегодно по окончаніи жатвы и по внесеніи подати оказывалось, что количество ..су постоянно уменьшалось. Причиною этого конечно выставлялись болѣзни въ одномъ округѣ, лихорадки въ другомъ и неудачные урож.. въ третьемъ; но когда

раджа ѣздилъ на охоту къ подошвѣ большой горы или отправлялся навѣстить какого нибудь гести на другую сторону острова, то всегда видѣлъ деревни полныя людьми, на видъ сытыми и счастливыми. Онъ замѣтилъ также, что мечи начальниковъ и чиновниковъ все болѣе и болѣе украшались, и рукоятки ихъ, бывшія прежде изъ желтаго дерева, оказались теперь слоновой кости, а костяныя вскорѣ смѣнились на золотыя, и на многихъ заблистали алмазы и изумруды; увидя все это, раджа понялъ куда шла подать, но такъ какъ онъ этого не могъ доказать, то хранилъ молчаніе, но втайнѣ рѣшилъ когда нибудь сдѣлать перепись, чтобы точнѣе знать число своего народа и впредь не быть обманутымъ при сборѣ подати.

Но затрудненіе состояло въ томъ, какимъ образомъ сдѣлать перепись; не могъ же онъ самъ заходить въ каждую деревню и каждый домъ и считать весь народъ; а если бы онъ поручилъ сдѣлать это своимъ служащимъ чиновникамъ, то они конечно сейчасъ бы поняли для чего она производилась, и тогда перепись навѣрно согласовалась бы точь въ точь съ количествомъ полученнаго имъ въ прошломъ году риса. Поэтому очевидно, что если перепись должна исполниться согласно съ намѣреніемъ раджи, то никто не долженъ подозрѣвать, съ какою цѣлью она дѣлалась, а для того чтобы это осуществилось никто не долженъ былъ знать, что она дѣлалась. Это была очень трудная задача, и раджа надъ нею думалъ и думалъ такъ глубокомысленно, какъ только можетъ думать малайскій раджа, и все таки не могъ ее разрѣшить; поэтому онъ былъ очень скученъ и ничего не дѣлалъ какъ только курилъ и жевалъ бетель съ своею любимою женою; отъ заботъ онъ даже ничего не ѣлъ; когда же однажды отправился на нѣтушій бой, то повидимому нисколько не заботился о томъ, выигрывали или проигрывали его лучшія птицы. Нѣсколько дней находился онъ въ этомъ грустномъ состояніи; весь дворъ боялся, что какой нибудь дурной глазъ околдовалъ раджу; вслѣдствіе этого чуть не убили одного запедшаго за грузомъ риса несчастнаго ирландскаго шкипера, который былъ страшно косъ и на котораго пало подозрѣніе; но по счастью его сначала привели къ раджѣ. Послѣдній милостиво повелѣлъ возвратиться ему на судно и оставаться на немъ до ухода изъ гавани. Уже съ недѣлю продолжалась эта странная меланхолія, какъ однажды утромъ настала наконецъ благопріятная перемѣна, ибо раджа велѣлъ созвать всѣхъ начальниковъ, жрецовъ и принцевъ, находившихся въ то время въ его столичномъ городѣ Матарамѣ. Когда всѣ собрались, недоумѣвая для чего они позваны, раджа обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Въ продолженіи нѣсколькихъ дней меня одолѣвала грусть и я не зналъ ея причины, но теперь эта печаль разсѣялась, такъ какъ я видѣлъ сонъ. Прошлую ночь духъ большой огнедышащей горы «Гуонгъ-Агонгъ» явился мнѣ и сказалъ, что я долженъ отправиться на вершину горы; всѣ вы можете сопровождать меня, но на самую вершину я долженъ подняться одинъ; тамъ великій духъ снова явится мнѣ и сообщитъ то, что для меня, для васъ и для всего народа на островѣ чрезвычайно важно. Теперь же пойдите и повѣстите объ этомъ по всему острову; велите каждой деревнѣ снарядить людей, чтобы очистить для насъ дорогу черезъ лѣсъ и вверхъ по большой горѣ».

И такъ по всему острову была распространена вѣсть, что раджа долженъ отправиться на вершину горы, чтобы тамъ встрѣтить великаго духа; каждая деревня выслала своихъ людей и они расчистили путь черезъ густой лѣсъ, перебросили мосты черезъ горные потоки и сравняли неровности дороги для прохода раджи. Когда же эти рабочіе дошли до крутыхъ и утесистыхъ скалъ горы, то старались отыскать лучшую дорогу, иногда вдоль русла потока, иногда вдоль узкихъ выступовъ угрюмыхъ скалъ, въ одномъ мѣстѣ срѣзывая высокое дерево, чтобы перекинуть мостъ черезъ пропасть, въ другомъ — строя лѣстницы, чтобы облегчить подъемъ по гладкой поверхности скалы. Начальники, слѣдившіе за работами, заранѣе опредѣлили разстояніе ежедневнаго путешествіе раджи, сообразуясь при этомъ со свойствами дороги, и выбрали пріятныя мѣста на берегахъ чистыхъ рѣкъ и въ сосѣдствѣ тѣнистыхъ деревьевъ, гдѣ они построили навѣсы и лачуги изъ бамбука, хорошо крытыя листьями пальмъ; въ этихъ-то хижинкахъ раджа и его спутники должны были отдыхать по прошествіи всякаго дня.

Когда все было готово, принцы, жрецы и начальники снова пришли къ раджѣ объявить ему, что его приказанія исполнены въ точности и спросить: когда онъ поѣдетъ на гору? Онъ назначилъ день, и приказалъ всѣмъ чиновникамъ и начальникамъ сопровождать его, чтобы оказать почесть великому духу, повелѣвшему предпринять это путешествіе, и выказать свою готовность ему повиноваться. Тогда на всемъ островѣ начались дѣятельныя приготовленія. Лучшій скотъ былъ убитъ, мясо его посолено и высушено на солнцѣ, собрана бездна краснаго перцу и сладкаго картофеля, равно и множество пряныхъ орѣховъ бетеля снято съ высокихъ арековыхъ деревьевъ, листъ сири связанъ въ многочисленные пучки, и всякій до края наполнилъ свою табачницу и свой ящикъ съ орѣхами, чтобы во время путешествія не почувствовать недостатка въ

этихъ продуктахъ и постоянно имѣть освѣжительный бетель для жеванья. Всѣ эти запасы были посланы впередъ наканунѣ отъѣзда.

За день же до назначеннаго времени для отправленія всѣ начальники, болѣе или менѣе вліятельные, пріѣхали въ Матарамъ, резиденцію короля, съ своими лошадями, слугами и носильщиками ящиковъ съ бетелемъ, цыновками для спанья и прочими запасами. Всѣ они расположились лагеремъ подъ высокими деревьями «сарингтонія», которыя окаймляютъ дороги вокругъ Матарама, и, разведя пылающіе костры, прогнали всѣхъ совъ и злыхъ духовъ, которые по ночамъ посѣщаютъ эти мрачныя аллеи.

Утромъ составился большой поѣздъ, чтобы везти раджу къ горѣ. Королевскіе принцы и родственники раджи сѣли на свои черныя лошади, хвосты которыхъ мели землю; они не употребляли сѣделъ и стремянъ, но сидѣли на сукнѣ яркаго цвѣта; мундштуки у лошадей были серебряные, а узда изъ разноцвѣтныхъ веревокъ. Менѣе знатные люди были на небольшихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ различныхъ мастей, пригодныхъ для путешествія въ горахъ; у всѣхъ, даже у раджи, ноги были босы до колѣнъ, и на самихъ былъ надѣтъ только свѣтлый бумажный жилетъ, шелковый или бумажный камзолъ и большой платокъ, со вкусомъ обмотанный вокругъ головы. Всякаго сопровождали верхомъ одинъ или двое слугъ съ ихъ ящиками съ сири и бетелемъ; прочіе слуги въ большомъ числѣ отправились впередъ, тогда какъ нѣкоторые ждали, чтобы заключить шествіе. Начальники числились сотнями, а ихъ прислуга тысячами, и всѣ жители острова недоумѣвали, чѣмъ это все должно кончиться.

Первые два дня они ѣхали по хорошимъ дорогамъ и черезъ многія чисто выметенныя деревни, гдѣ яркія сукна были вывѣшены изъ оконъ. При проходѣ раджи всѣ, въ знакъ уваженія, садились, скорчившись, на землю; каждый изъ ѣхавшихъ мимо верхомъ, сходилъ съ лошади и такимъ же образомъ садился на землю, и у каждой деревни многіе присоединялись къ поѣзду. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливались на ночь, передъ домами по обѣимъ сторонамъ дороги были поставлены шесты, разщепленные на верхушкѣ, въ которыхъ были утверждены маленькія глиняныя плошки, и между ними воткнуты пальмовые листья, сверкавшіе красивыми многочисленными огнями когда съ нихъ капала вечерняя роса. Въ первую ночь большинство не спало до ранняго утра, ибо въ каждомъ домѣ собрался кружокъ любопытныхъ говоруновъ, разсуждавшихъ о томъ, что могло выйти изъ этого путешестія, и уничтожавшихъ во время своей бесѣды большое количество бетельныхъ орѣховъ.

На второй день они оставили за собою послѣднюю деревню, вошли

въ дикую страну, окружающую большую гору, и тогда отдохнули въ лачугахъ, которыя были для нихъ приготовлены на берегу холоднаго источника съ искрившеюся водою. Охотники раджи, вооруженные длинными, тяжелыми ружьями, пошли на поиски оленей и дикихъ быковъ въ окрестные лѣса, и рано утромъ принесли къ себѣ мясо этихъ животныхъ и отослали его впередъ, чтобы приготовить полуденный столъ. На третій день они подвинулись на столько, сколько лошади могли пройти, и расположились лагеремъ у подножія высокихъ скалъ, между которыми къ вершинѣ горы шли только узкія тропинки. На четвертое утро послѣ отъѣзда изъ столицы съ раджею продолжали путь только немногіе изъ жрецовъ и принцевъ съ ихъ ближайшими слугами, и они съ утомленіемъ и трудомъ совершали переходъ по неровной дорогѣ, иногда же ихъ несли слуги; такимъ образомъ они поднялись выше границы большихъ деревьевъ, прошли между колючими кустарниками и наконецъ, миновавъ ихъ, достигли черной и сожженой высшей части горы.

Когда они были близь вершины, то раджа велѣлъ имъ остановиться и ждать на этомъ мѣстѣ его возвращенія съ горы по свиданіи съ великимъ духомъ. Тогда онъ продолжалъ путь одинъ съ двумя мальчиками, несшими его ящики съ сири и бетелемъ, и скоро достигъ вершины горы, окруженной большими скалами и находящейся на самомъ краю бездны, изъ которой безпрерывно выходили дымъ и паръ. Здѣсь раджа потребовалъ сири и сказалъ мальчикамъ, чтобы они сѣли за скалою, смотрѣли внизъ горы и не двигались до его возвращенія къ нимъ. Такъ какъ мальчики были утомившись, и солнце пріятно ихъ согрѣвало, а скала защищала отъ холоднаго вѣтра, то оба заснули. Раджа пошелъ далѣе и сѣлъ за другую скалу, а такъ какъ и онъ очень усталъ и солнце его также грѣло, то и онъ скоро заснулъ.

Тѣ, кто ждали раджу, начали думать, что онъ очень долго остается на вершинѣ горы и полагали что великій духъ имѣетъ вѣроятно многое сообщить ему или можетъ быть хочетъ оставить его навсегда на горѣ; многимъ приходило на мысль, что онъ заблудился на возвратномъ пути. Поэтому они думали уже не пойти ли искать его, какъ вдругъ увидѣли раджу, сходящаго вмѣстѣ съ двумя мальчиками съ вершины. Когда онъ подошелъ къ нимъ, то имѣлъ очень серьозный видъ, но не сказалъ ни слова; тогда всѣ вмѣстѣ спустились съ горы, и поѣздъ вернулся тѣмъ же порядкомъ; раджа возвратился въ свой дворецъ, начальники въ свои деревни, а весь народъ по домамъ, чтобы разсказать своимъ женамъ и дѣтямъ все, что случилось, и еще потолковать о томъ, что изъ этого могло выйти.

Три дня спустя раджа созвалъ жрецовъ, принцевъ и начальниковъ Матарама, чтобы сообщить то, что великій духъ сказалъ ему на вершинѣ горы. Когда они всѣ собрались, и бетель и сири были обнесены, онъ имъ разсказалъ, что на вершинѣ горы впалъ въ страхъ, и великій духъ явился ему съ лицомъ, блестящимъ какъ золото и сказалъ: «О раджа! много язвъ, болѣзней и лихорадокъ обрушатся на всю землю, на людей, на лошадей и на скотъ; но такъ какъ ты и всѣ твои подданные послушались меня и вошли на мою высокою гору, то я васъ научу какъ народъ Ломбока можетъ избѣгнуть этой язвы». И всѣ ждали съ безпокойствомъ, чтобы услышать, какимъ образомъ они могутъ быть спасены отъ такого страшнаго бѣдствія. Послѣ краткаго молчанія раджа сообщилъ имъ, что великій духъ повелѣлъ сдѣлать двѣнадцать священныхъ мечей, для чего каждая деревня и округъ должны были прислать пукъ иголокъ—по иголкѣ съ головы. И когда тяжкая болѣзнь покажется въ какой нибудь деревнѣ, то одинъ изъ священныхъ мечей долженъ быть посланъ туда, и если каждый домъ этой деревни послалъ вѣрное число иголокъ, то болѣзнь немедленно прекратится: если же число иголокъ не было точно, то мечъ не будетъ имѣть своей силы.

И такъ принцы и начальники послали увѣдомить свои деревни объ этой странной новости, и всѣ торопились собирать иголки съ самою большою точностью, такъ какъ они боялись, что если бы хотя одной недоставало, то цѣлая деревня могла бы отъ этого пострадать. Потомъ одинъ за другимъ являлись начальники къ раджѣ съ иголками: тѣ, которые были ближе Матарама, пришли первые, тѣ же, которые жили далеко, явились послѣдніе. Раджа принималъ ихъ собственными руками и пряталъ во внутреннюю комнату въ сундукъ, сдѣланный изъ камфарнаго дерева; петли и застежки его были изъ чистаго серебра; на каждомъ пучкѣ иголокъ было написано имя деревни и округа, откуда онъ былъ полученъ, для того чтобы могло быть извѣстно, что всѣ знали и повиновались приказаніямъ великаго духа.

Когда было достовѣрно извѣстно, что каждая деревня послала свой пучекъ, раджа раздѣлилъ иголки на двѣнадцать равныхъ частей и приказалъ лучшему рабочему въ Матарамѣ принести во дворецъ свою наковальню и свои раздувальные мѣхи и сдѣлать двѣнадцать мечей подъ присмотромъ раджи, и въ присутствіи всѣхъ, кто пожелалъ бы видѣть работу. Когда же мечи были окончены, ихъ завернули въ новую шелковую ткань и заботливо спрятали до тѣхъ поръ, пока они могли понадобиться.

Теперь надобно замѣтить, что путешествіе къ горѣ было совершено во время восточнаго вѣтра, когда дождя не падаетъ въ Лэмбокѣ. Скоро же послѣ того какъ мечи были сдѣланы настало время жатвы риса, и начальники округовъ и деревень вносили свою подать согласно числу головъ ихъ деревень; тѣмъ, у которыхъ только немного не доставало до полнаго счета, раджа ничего не сказалъ; но когда пришли тѣ, которые принесли половину или четверть слѣдующаго количества, онъ сказалъ кротко: «иголокъ, которыя вы прислали изъ вашей деревни, было гораздо больше присланныхъ изъ деревни такого-то начальника, однако ваша подать меньше его; вернитесь же и узнайте кто не доплатилъ своей». На слѣдующій годъ количество риса значительно увеличилось, ибо начальники боялись, что раджа могъ справедливо казнить тѣхъ, кто во второй разъ скроетъ часть подати. И такъ раджа очень разбогатѣлъ, увеличилъ число солдатъ, подарилъ золотыя украшенія женамъ, купилъ прекрасныхъ вороныхъ лошадей отъ бѣлыхъ голландевъ и устраивалъ большія пиршества при рожденіи и свадьбахъ своихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ малайскихъ раджей или султановъ не былъ такъ великъ и могущественъ какъ раджа Лэмбока.

И двѣнадцать священныхъ мечей имѣли свою силу; когда какая нибудь болѣзнь появлялась въ одной изъ деревень, то посылали за однимъ изъ нихъ; иногда болѣзнь проходила, тогда священный мечъ относился съ большою почестью, и начальники благодарили раджу и разсказывали о чудесной силѣ меча. Но иногда болѣзнь не покидала людей, и тогда всякій былъ убѣжденъ, что случился недочетъ въ посланныхъ иголкахъ изъ этой деревни, и поэтому, священный мечъ не оказывалъ дѣйствія. Тогда начальники относили его хотя съ тяжелымъ сердцемъ, но всетаки съ почестью,—ибо не была ли это ихъ собственная вина?

ГЛАВА XIII.

ТИМОРЪ.

Физическое строеніе острова.—Мыльные ключи.—Городъ Купангъ.—Городъ Делли.—Исторія съ мѣдною рудою на островѣ.—Жители.—Система управленія.—Какъ туземцы добываютъ пчелиный медъ.

Островъ Тиморъ имѣетъ около 300 миль длины и 60 ширины, и кажется образуетъ окончаніе длиннаго ряда вулканическихъ острововъ, начинающагося съ Суматры, болѣе чѣмъ за 200 миль къ востоку. Онъ однако значительно отличается отъ всѣхъ прочихъ острововъ этой цѣпи, отсутствіемъ дѣйствующихъ вулкановъ, съ однимъ только исключеніемъ Тиморскаго Пика, находящагося близъ центральной части острова и который прежде былъ дѣйствующимъ. Онъ былъ взорванъ во время одного изверженія въ 1638 году и съ тѣхъ поръ остается въ покоѣ. Нигдѣ въ другой части Тимора не открыто новой огнедышащей горы, такъ что островъ этотъ едва ли можетъ быть поставленъ въ ряду вулканическихъ острововъ. На самомъ дѣлѣ онъ находится именно внѣ большаго вулканическаго пояса, простирающагося отъ Флориса черезъ Омбей и Веттеръ до Банды. Я въ первый разъ посѣтилъ Тиморъ въ 1857 г., оставаясь тогда день въ Купангѣ, главномъ голландскомъ городѣ на восточной оконечности острова, и опять въ маѣ 1859 г., когда я провелъ двѣ недѣли въ этой же окрестности. Весною 1861 г. я пробылъ четыре мѣсяца въ Делли, столицѣ португальскихъ владѣній въ восточной части острова.

Вся окрестность Купанга кажется какъ будто была поднята въ недавнюю эпоху, такъ какъ она вся состоитъ изъ неровной поверхности коралловыхъ скалъ, возвышающихся отвѣсною стѣною между берегомъ и городомъ. Низкіе, бѣлые и покрытые красною черепицею дома даютъ ему наружность очень похожую на другія голландскія поселенія на Востокѣ.

Растительность вездѣ скудная и ничтожная, растенія изъ семействъ Apocynaceae и Euphorbiaceae находятся въ изобиліи, но нѣтъ ничего такого, что можно было бы назвать лѣсомъ, и вообще вся страна имѣетъ изсушенный и грустный видъ, совершенно противоположный высокимъ лѣснымъ деревьямъ и вѣчной зелени Молуккскихъ острововъ или Сингапура. Самую отличительную черту растительности представляетъ изобиліе пальмъ съ тонкими, въ видѣ опахала листьями (Borassus flabelliformis), изъ которыхъ дѣлаютъ крѣпкія и прочныя ведра, находящіяся въ обыкновенномъ употребленіи и стоящія гораздо выше тѣхъ, которыя приготовляются изъ всякаго другого рода пальмъ Изъ этого же дерева добывается пальмовое вино и сахаръ, а обыкновенная соломенная крыша домовъ, дѣламая изъ этихъ листьевъ, сохраняется шесть или семь лѣтъ безъ перемѣны. Близъ города я замѣтилъ основаніе разрушеннаго дома построеннаго ниже помѣтки крайняго возвышенія воды, что доказываетъ недавнее ея пониженіе. Землетрясенія здѣсь не сильны и такъ рѣдки и безвредны, что главныя дома построены изъ камня.

Жители Купанга, кромѣ туземцевъ, состоятъ изъ малайцевъ, китайцевъ и голландцевъ, такъ что здѣсь господствуетъ весьма оригинальная и сложная смѣсь въ народонаселеніи. Въ этомъ городѣ живетъ постоянно одинъ англійскій купецъ, и китоловныя австралійскія суда часто заходятъ туда за запасами прѣсной воды. Туземные тиморцы здѣсь преобладаютъ, и самое поверхностное наблюденіе доказываетъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ малайцами, но гораздо тѣснѣе связаны съ настоящими папуанцами острововъ Ару и Новой Гвинеи. Они высокаго роста, имѣютъ рѣзко обозначенныя черты лица, большой отчасти орлиный носъ и кудрявые волосы; кожа ихъ обыкновенно темно-коричневаго цвѣта. Отличительный характеръ бесѣды женщинъ между собою и съ мужчинами, ихъ громкіе голоса, смѣхъ и общій тонъ самоувѣренности дали бы опытному наблюдателю возможность рѣшить, не видя ихъ, что онѣ не малайки.

Г. Арндтъ, нѣмецъ и правительственный докторъ, пригласилъ меня въ свой домъ, на время моего пребыванія въ Купангѣ, и я съ радостью принялъ это предложеніе, такъ какъ я намѣревался пробыть тамъ не долго. Мы сначала стали говорить по французски, но такъ какъ это пошло не совсѣмъ ловко, то мы незамѣтно перешли на малайскій языкъ и впослѣдствіи держали длинныя пренія о литературныхъ, научныхъ и философскихъ вопросахъ на этомъ полу-варварскомъ языкѣ, недостатки котораго мы пополняли свободнымъ употребленіемъ французскихъ и латинскихъ словъ.

Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ по окрестностямъ города я нашелъ такую бѣдность въ насѣкомыхъ и птицахъ, что рѣшилъ отправиться на нѣсколько дней на островъ Семао, у восточной оконечности Тимора, гдѣ, какъ я слышалъ, страна лѣсная, и въ ней водятся птицы которыхъ нельзя встрѣтить въ Купангѣ. Я получилъ, хотя съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, большую выдолбленную лодку для того, чтобы въ ней переѣхать разстояніе около двадцати миль. На Семао я нашелъ страну, хотя на видъ довольно лѣсистую, но покрытую скорѣе кустарникомъ и колючими кустами, нежели лѣсными деревьями, и вездѣ сгорѣвшую или сильно изсохшую отъ долго продолжавшагося сухого времени года.

Я остановился въ деревнѣ Оесса, замѣчательной своими мыльными ключами; одинъ изъ нихъ, находящійся посреди деревни, выходитъ журча изъ маленькаго конуса ила, вокругъ котораго земля подымается на подобіе небольшого вулкана. Вода имѣетъ мыльный вкусъ и даетъ сильную пѣну, когда въ ней моютъ что нибудь жирное. Она содержитъ алкали (щелочную соль) и іодъ въ такихъ количествахъ, что уничтожаетъ всякую растительность на нѣкоторомъ разстояніи вокругъ. Рядомъ съ деревнею находится одинъ изъ самыхъ живописныхъ ключей, которые я когда либо видѣлъ; онъ заключенъ въ нѣсколькихъ скалистыхъ бассейнахъ, сообщающихся между собою узкими каналами, и обнесенныхъ очень красиво стѣною, гдѣ это было необходимо, частью же ихъ сравняли, образовавъ такимъ образомъ прекрасныя естественныя купальни. Вода въ этомъ ключѣ хорошаго вкуса и чиста какъ кристаллъ бассейны, въ которыхъ она содержится окружены аллеями высокихъ вѣтвистыхъ банковыхъ деревьевъ которыя своею тѣнью постоянно поддерживаютъ въ нихъ прохладу и не мало увеличиваютъ живописную красоту этого мѣста.

Деревня состоитъ изъ странныхъ домиковъ, отличающихся ото всѣхъ гдѣ либо видѣнныхъ мною. Они овальной формы, и стѣны ихъ сдѣланы изъ шестовъ около четырехъ футовъ вышины, поставленныхъ близко одинъ къ другому; надъ ними возвышается высокая коническая крыша, покрытая травою. Единственное отверзтіе — дверь, около трехъ футовъ вышиною. Жители этого мѣстечка подобно тиморцамъ съ курчавыми или волнистыми волосами и мѣдно коричневымъ цвѣтомъ кожи. Лучшій классъ кажется имѣетъ примѣсь высшей расы, значительно улучшившей его черты. Я видѣлъ въ Купангѣ нѣсколько начальниковъ съ острова Саву, лежащаго еще далѣе на востокъ, которые имѣли черты рѣзко отличающіяся отъ малайской и папуанской расы. Они больше всего походятъ на индусовъ, по своимъ красивымъ, правильнымъ чертамъ лица и чисто

Житель острова Явы.

коричневому цвѣту кожи. Такъ какъ браминская религія однажды распространенная по всей Явѣ, даже теперь существуетъ въ Бали и Лэмбокѣ, то легко допустить, что какіе нибудь уроженцы Индіи достигли этого острова или случайно, или чтобы избѣжать преслѣдованія, и основали здѣсь постоянное поселеніе. Я пробылъ въ Оессѣ четыре дня, по прошествіи которыхъ, не найдя тамъ насѣкомыхъ и отыскавъ только не много птицъ, возвратился въ Купангъ, чтобы ждать слѣдующаго почтоваго парохода. По дорогѣ въ этотъ городъ я чуть было не потонулъ. Глубокая, подобная гробу, лодка наша была наполнена моимъ багажемъ и зеленью, да кокосовыми орѣхами и другими фруктами, назначенными для купангскаго рынка; когда мы нѣсколько отъѣхали отъ Семао и вошли въ открытое море, то замѣтили, что воды набиралось въ лодку столько, что мы не имѣли возможности ее отливать. Это обстоятельство заставило насъ глубже сѣсть въ воду, и когда лодка начала черпать бортомъ, то гребцы, прежде не видѣвшіе никакой опастности, встревожились и повернули къ бывшему еще вблизи берегу Семао. Выбросивъ часть поклажи, мы могли отлить немного воды, но все таки не съ тою скоростью, съ какою она наполняла судно; когда же мы наконецъ подошли къ берегу, то не увидѣли ничего, кромѣ отвѣсныхъ скалъ, о которыя съ яростью разбивалось море. Поэтому мы проплыли еще нѣкоторое разстояніе вдоль берега, до тѣхъ поръ, пока не нашли маленькую бухту, въ которую и вошли; затѣмъ, притянувъ нашу лодку къ берегу и опрокинувъ ее, мы нашли большую дыру на днѣ; она была временно задѣлана пробкою изъ кокосоваго дерева, которая теперь вышла. Если бы мы отъѣхали на четверть мили далѣе, прежде нежели открылась течь, то конечно были бы принуждены выбросить за бортъ большую часть поклажи и легко могли бы поплатиться жизнью. Послѣ того какъ все было исправлено, и судно сдѣлалась безопаснымъ для плаванія, мы отправились въ море; но едва мы сдѣлали только половину дороги, какъ снова чуть не утонули; это меня заставило дать клятву никогда больше не довѣрять себя такимъ маленькимъ и плохимъ судамъ.

Почтовый пароходъ не приходилъ цѣлую недѣлю, и я старался въ это время достать какъ можно больше птицъ, и нашелъ нѣсколько очень интересныхъ экземпляровъ. Между ними было пять породъ голубей, столькихъ же различныхъ семействъ, и большинство изъ нихъ, свойственны этому острову; два попугая—одинъ прекрасный красно-крылый и широко-хвостый (Platycercus vulneratus), близкій одной австралійской породѣ и другой зеленый видъ изъ рода geoffroys. Тиморскій tropidorhynchus былъ здѣсь такой же живой и шумливый, какимъ я нашелъ его

въ Лэмбокѣ; и Sphaecothera viridis, любопытная зеленая иволга съ голыми красными глазными впадинами была для меня большимъ пріобрѣтеніемъ. Тамъ было нѣсколько хорошенькихъ зябликовъ, малиновокъ и мухоловокъ, между которыми я получилъ красиваго голубого и краснаго Cyornis hyacinthina; но въ моей коллекціи я не могъ узнать роды, упомянутые Дампіеромъ, который, кажется былъ очень пораженъ большимъ числомъ маленькихъ пѣвчихъ птицъ на Тиморѣ. Онъ между прочимъ говоритъ: «Одинъ родъ этихъ красивыхъ птичекъ мои люди прозвали звонарь—птица, потому что она издавала шесть звуковъ, и каждый изъ нихъ всегда повторяла дважды, одинъ послѣ другого, начиная съ высокаго тона и кончая низкимъ. Птица эта была величиною съ жаворонка, имѣла маленькій острый, черный клювъ, голубыя крылья, голову и грудь блѣдно-красныя, а вокругъ шеи у нея была голубая полоска». Обезьяны изобилуютъ въ Семао. Тамъ есть обыкновенныя трегубая обезьяна (Macacus cynomolgus), которая водится на всѣхъ восточныхъ островахъ архипелага и вѣроятно была сюда завезена туземцами, которые и теперь часто возятъ ее съ собою по разнымъ мѣстамъ. Тамъ также водится нѣсколько оленей, но еще не вполнѣ извѣстно принадлежатъ ли они къ тѣмъ самымъ породамъ, которыя водятся на Явѣ.

Я прибылъ въ Делли, столицу португальскихъ владѣній на Тиморѣ, 12 января 1861 года и былъ милостиво принятъ капитаномъ Гартомъ, англичаниномъ и старинnымъ здѣшнимъ жителемъ, который торгуетъ произведеніями страны и воздѣлываетъ кофе въ помѣстьѣ, расположенномъ при основаніи холмовъ. Имъ я былъ представленъ горному инженеру г. Гитшу, который въ продолженіи двухъ лѣтъ отыскивалъ здѣсь мѣдныя руды въ достаточномъ количествѣ для разработки. Делли очень бѣдное мѣсто, даже сравнительно съ самыми ничтожными голландскими городами. Дома въ немъ сдѣланы изъ ила и крыты соломой; крѣпостца ничто иное какъ ограда изъ ила; таможня и церковь построены изъ того же скуднаго матеріала, безъ малѣйшей попытки на украшеніе или даже на опрятность. Общій видъ мѣста напоминаетъ бѣдный туземный городъ, и въ окрестности его нѣтъ признака обработыванія земли и цивилизаціи. Домъ генералъ-губернатора — единственый, имѣющій притязаніе на наружность, впрочемъ и это не болѣе какъ низкій выбѣленный загородный домъ или бунгалоу. Однако есть одна вещь въ городѣ, въ которой проявляется цивилизація: консисторскіе судьи въ черныхъ и бѣлыхъ европейскихъ костюмахъ и офицеры въ парадныхъ мундирахъ встрѣчаются здѣсь въ совершеннно несоразмѣрной степени съ величиною и наружностью мѣстечка.

Городъ, будучи окруженъ на нѣкоторомъ разстояніи болотами и отмелями ила, очень нездоровъ, и часто одна ночь, проведенная въ немъ, производитъ въ новоприѣзжемъ лихорадку, нерѣдко оказывающуюся смертельною. Чтобы избѣжать этого зараженнаго водуха, капитанъ Гартъ всегда ночевалъ почти въ двухъ миляхъ отъ города, на своей плантаціи, расположенной на значительномъ возвышеніи; тамъ у него былъ домъ, куда онъ пригласилъ и меня раздѣлять съ нимъ ночлегъ. Мы отправились вечеромъ, и въ продолженіи двухъ дней весь мой багажъ былъ туда перевезенъ; тогда я былъ въ состояніи осмотрѣться и рѣшить можно ли составлять здѣсь какія-нибудь коллекціи.

Въ продолженіи первыхъ недѣль я былъ очень нездоровъ и не могъ далеко отходить отъ дома. Страна была покрыта низкими иглистыми кустами и акаціями, исключая одной маленькой долины, въ которой съ холмовъ сбѣгалъ ручей и гдѣ нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ и кустовъ осѣняли его воды и составляли пріятное мѣсто для прогулки. Въ окрестностяхъ было изобиліе птицъ довольно разнообразныхъ родовъ, но только немногіе изъ нихъ были ярко окрашены. Въ самомъ дѣлѣ, за однимъ или двумя исключеніями, птицы этихъ тропическихъ острововъ едва-ли могли служить такимъ украшеніемъ, какъ тѣ, которыя водятся въ Великобританіи. Жуки были такъ рѣдки, что собиратель могъ откровенно сказать, что ихъ вовсе небыло, такъ какъ немногіе темные или неинтересные роды не вознаградили бы его поисковъ. Единственныя нѣсколько значительныя насѣкомыя были бабочки, хотя сравнительно и ихъ было мало видовъ, но онѣ все таки здѣсь достаточно обильны и представляли для меня много новыхъ и рѣдкихъ родовъ. Берега рѣки представили мнѣ лучшее мѣсто для собиранья, и каждый день я бродилъ вдоль ея тѣнистаго русла, которое выше дѣлается скалистымъ и гдѣ поэтому теченіе становится стремительнѣе. Здѣсь я добылъ рѣдкихъ и великолѣпныхъ бабочекъ въ видѣ ласточкинаго хвоста, Papilio aenomous и P. Iiris, которыхъ самцы весьма разнообразны и на самомъ дѣлѣ принадлежатъ различнымъ отдѣламъ этого рода, тогда какъ самки до того похожи однѣ на другихъ, что во время полета ихъ невозможно различить, а для неопытнаго глаза онѣ не представляютъ разницы и въ кабинетѣ. Нѣсколько другихъ великолѣпныхъ бабочекъ вознаградили мои поиски въ этомъ мѣстѣ; между ними я особенно могу упомянуть Cethosia SessHenaultii, крылья которой самаго темно-пурпуроваго цвѣта окаймлены свѣтложелтой полоской такимъ образомъ, что съ перваго взгляда напоминаютъ нашу Камберуэльскую красавицу, хотя она принадлежитъ къ другому роду. Бѣлыя и желтыя бабочки были самыя изобильныя

(Pieridae); нѣсколькихъ изъ нихъ я нашелъ уже прежде въ Лэмбокѣ и Купангѣ, тогда какъ другія были для меня новы.

Рано въ февралѣ мы сдѣлали приготовленія, чтобы остановиться на недѣлю въ одной деревнѣ, называемой Балиба, расположенной на четыре мили дальше на горахъ, на высотѣ 2000 футовъ. Мы взяли нашъ багажъ и запасъ всего нужнаго для вьючной лошади, и хотя разстояніе по дорогѣ, которую мы избрали, было не болѣе шести или семи миль, однако мы туда ѣхали цѣлые полъ дня. Простые колеи служили дорогою, которая шла то вверхъ по скалистымъ уступамъ, то въ узкихъ оврагахъ, изрытыхъ лошадиными копытами и гдѣ мы были принуждены, чтобы не повредить ногъ, подымать ихъ на шею лошадей. Въ иныхъ мѣстахъ мы должны были сгружать багажъ; иногда же подъемъ или спускъ были до того круты, что легче было идти пѣшкомъ, нежели держаться за спину нашихъ лошадей. Такимъ то образомъ мы шли вверхъ и внизъ черезъ голые холмы, поверхность которыхъ была покрыта маленькими голышами и на ней были разсыпаны эвкалиптіи, такъ что вся мѣстность скорѣе напоминала мнѣ тѣ описанія, которыя я читалъ о внутреннихъ частяхъ Австраліи, нежели то, что я зналъ о малайскомъ архипелагѣ.

Деревня состоитъ только изъ трехъ домовъ, стѣны которыхъ въ нѣсколько футовъ вышиною, построены на столбахъ; надъ ними устроена высокая крыша, покрытая травою, висящею внизъ и не доходящею до земли только на два или на три фута. Неоконченный и частью открытый сзади домъ былъ отданъ въ наше распоряженіе; въ немъ мы устроили столъ, нѣсколько скамеекъ, и ширмы, тогда какъ внутренняя закрытая его часть служила намъ спальнею. Изъ дому открывался внизъ великолѣпный видъ на Делли и лежащее за нимъ море. Окрестность была холмистая и открытая, исключая нѣсколькихъ овраговъ, въ которыхъ росъ лѣсъ; г. Гитшъ, объѣхавшій всю восточную часть Тимора, увѣрялъ меня, что эта растительность была самая роскошная изъ всей той, которую онъ видѣлъ на островѣ. Я надѣялся найти здѣсь нѣсколько насѣкомыхъ, но былъ очень разочарованъ, что можетъ быть происходитъ отъ сырости климата, такъ какъ вся мѣстность обыкновенно покрыта туманомъ, который разсѣвается не прежде, чѣмъ солнце поднимается уже высоко; къ полудню онъ снова все окружаетъ такъ, что солнце рѣдкій день свѣтитъ совершенно ясно болѣе часа или двухъ. Мы во всѣхъ направленіяхъ искали птицъ и другой дичи, но она была очень рѣдка. На нашемъ пути я застрѣлилъ прекраснаго бѣло-головаго голубя, Ptilonopus cinctus и красиваго маленькаго райскаго попугая Trichoglossus eu-

teles; я поймалъ ихъ еще нѣсколько на цвѣткѣ эвкалиптіи. Обыкновенный лѣсной пѣтухъ Индіи (Gallus bankiva) былъ также здѣсь найденъ нами и доставилъ отличныя блюда, но оленя мы не могли получить. Картофель росъ выше на горахъ въ изобиліи и очень хорошаго качества. Черезъ день для насъ убили барана, и мы его ѣли съ большимъ аппетитомъ въ этомъ климатѣ, гдѣ огонь былъ всегда пріятенъ.

Хотя половина европейскихъ жителей Делли постоянно страдаетъ лихорадкою, и португальцы занимаютъ это мѣсто уже болѣе трехъ столѣтій, однако никто еще не строился на этихъ холмахъ, которые, будь къ нимъ проложена сносная дорога, были бы только на часъ ѣзды отъ города. Почти столь-же хорошія мѣстности могутъ быть найдены на болѣе низкомъ уровнѣ, только въ получасовомъ разстояніи отъ Делли. Тотъ фактъ, что картофель и пшеница отличнаго качества произрастаютъ въ изобиліи на возвышеніи отъ 3,000 до 3,500 ф., показываетъ, что климатъ и почва въ состояніи дать, если бы послѣдняя была хорошо обработана. Кофе поспѣваетъ уже на высотѣ отъ ста до двухъ сотъ футовъ, и тамъ есть сотни квадратныхъ миль земли, на которыхъ могли бы процвѣтать всѣ разнообразные продукты, требующіе температуры средней между той, которая нужна для кофе и пшеницы, но до сихъ поръ не было сдѣлано попытки расчистить ни одной мили дороги и ни одного акра плантаціи.

Должно быть въ климатѣ Тимора есть что нибудь очень необыкновенное, если пшеница можетъ расти тамъ на такой умѣренной возвышенности.

Зерно ея превосходнаго качества и хлѣбъ, приготовленный изъ него, не уступаетъ тому, который я когда либо пробовалъ; здѣсь повсемѣстно признано, что хлѣбъ, сдѣланный изъ привозныхъ европейскихъ и американскихъ зеренъ нисколько не лучше туземнаго. То обстоятельство, что туземцы выбрали для обработки (и при томъ совершенно съ ихъ собственнаго согласія) такіе иноземные предметы какъ пшеницу и картофель, которые они перевозятъ въ небольшихъ количествахъ на спинѣ лошадей по самымъ страшнымъ горнымъ дорогамъ, и продаютъ очень дешево на берегу моря, достаточно указываетъ, что могло бы быть сдѣлано, если бы хорошія дороги были проложены, и народъ былъ обученъ, а также если бы его ободряли и ему покровительствовали. Баранамъ здѣсь хорошо жить на горахъ, гдѣ также водится въ дикомъ состояніи одна порода крѣпкихъ пони, считающаяся въ большой славѣ по всему архипелагу; поэтому оказывается что островъ, съ виду такой безплодный и лишенный всѣхъ отличительныхъ чертъ тропической растительности, все таки спеціально предназначенъ снабжать европейцевъ всѣми, необходимыми для нихъ продук-

тами, которые прочіе острова не могутъ производить и, куда они поэтому ввозятся изъ другихъ частей земнаго шара.

24 февраля мой другъ, г. Гитшъ, оставилъ Тиморъ, окончательно донеся, что не было найдено минераловъ, достойныхъ разработки. Это извѣстіе очень опечалило португальцевъ, убѣжденныхъ, что мѣдь находится на островѣ въ изобиліи, и все еще не переставшихъ этому вѣрить. Оказывается, что съ незапамятныхъ временъ самородная мѣдь была найдена на мѣстѣ на берегу въ тридцати миляхъ къ востоку отъ Делли. Туземцы разсказываютъ, что они находятъ ее на днѣ одного оврага и говорятъ, что много лѣтъ тому назадъ одинъ капитанъ корабля добылъ здѣсь нѣсколько центнеровъ мѣди. Теперь однако, она очевидно попадается рѣдко, такъ какъ въ двухлѣтнее пребываніе г. Гитша въ этой странѣ, ея вовсе не было найдено. Мнѣ показывали одинъ кусокъ мѣди въ нѣсколько пудовъ вѣсу, имѣвшій большое сходство съ однимъ изъ самыхъ большихъ австралійскихъ самородковъ, съ тою разницею, что послѣдній чистаго золота вмѣсто мѣди. Туземцы и португальцы весьма естественно вообразили, что на томъ мѣстѣ, откуда были эти обломки, можетъ быть найдена еще мѣдь; у нихъ есть сказаніе или преданіе, что одна гора на вершинѣ оврага состоитъ почти вся изъ чистой мѣди, и поэтому конечно имѣетъ громадную цѣнность.

Послѣ многихъ затрудненій наконецъ была составлена компанія для разработки мѣдной горы, при чемъ одинъ португальскій купецъ изъ Сингапура снабжалъ капиталомъ. Они до того были увѣрены въ существованіи мѣди, что считали излишнимъ тратить время и деньги на предварительныя изслѣдованія и, не долго думая, пригласили изъ Англіи горнаго инженера, котораго увѣряли, что мѣдные пріиски уже открыты и поручили ему привезти съ собою инструменты, лабораторію, машины и другія принадлежности, необходимыя для разработки руды. По прибытіи въ Сингапуръ корабль захватилъ съ собою людей и съѣстные припасы и отправился въ Тиморъ, куда онъ и прибылъ наконецъ, послѣ продолжительнаго и дорого стоившаго путешествія.

Назначенъ былъ день для открытія руды. Г. Гитша сопровождалъ капитанъ Гартъ, въ качествѣ переводчика. Вмѣстѣ съ ними и нѣсколькими рабочими торжественно направились къ горѣ губернаторъ, комендантъ, судья и другіе мѣстные сановники. Осматривая дорогою мѣстность, г. Гитшъ не нашелъ въ ней никакихъ признаковъ мѣди, за исключеніемъ ничтожныхъ слѣдовъ весьма бѣдной рудою жилы. Наконецъ, они пришли на самую гору. Здѣсь губернаторъ, окруженный своей свитой, остановился и обратился къ присутствующимъ съ высокопарною рѣчью, въ которой ска-

залъ, что наконецъ наступилъ столь давно ожидаемый всѣми день, когда должны явиться на свѣтъ богатства тиморской почвы и т. д.; въ заключеніе онъ просилъ г. Гитша указать наиболѣе удобное мѣсто для начатія немедленныхъ работъ и открытія богатаго запаса дѣвственной мѣди. Но какъ пропасти и рытвины, встрѣчавшіяся на дорогѣ весьма ясно указывали на характеръ и минеральное строеніе мѣстности, то Гитшъ прямо объявилъ, что въ послѣдней нѣтъ и слѣдовъ мѣди и что потому совершенно безполезно начинать работу. Присутствующіе были какъ громомъ поражены. Губернаторъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Наконецъ, когда г. Гитшъ повторилъ свои слова, губернаторъ строго ему замѣтилъ, что онъ ошибается; они всѣ хорошо знаютъ, что мѣдь находится здѣсь въ изобиліи и спрашиваютъ только его, какъ горнаго инженера, какъ лучше приступить къ добыванію ея, и что во всякомъ случаѣ онъ долженъ указать какое либо мѣсто для начатія работъ. Г. Гитшъ отказался отъ этого предложенія, объясняя, что онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ не въ состояніи будетъ проникнуть въ нѣдра горы далѣе, чѣмъ проникли существующія рытвины, и что онъ не желаетъ тратить время и деньги на подобную безполезную попытку. Когда губернатору перевели слова инженера и онъ увидѣлъ, что дѣлать нечего, то, не говоря ни слова сѣлъ на коня и уѣхалъ, оставивъ на горѣ своихъ друзей однихъ. Всѣ пришли къ тому убѣжденію, что здѣсь скрывается заговоръ: что англичанинъ съ умысломъ говоритъ будто нѣтъ мѣди, и что португальцы были жестоко обмануты.

Г. Гитшъ написалъ о результатѣ своихъ изслѣдованій Сингапурскому купцу, пригласившему его изъ Англіи, и рѣшено было отправить инструменты назадъ; самъ же Гитшъ вознамѣрился изслѣдовать страну въ минеральномъ отношеніи. Сначала правительство не давало согласія на эту поѣздку, но впослѣдствіи оно разрѣшило ему изслѣдовать страну, и въ теченіи болѣе года г. Гитшъ вмѣстѣ съ помощникомъ изслѣдовалъ восточную часть Тимора, при чемъ ему пришлось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъѣздить страну съ одного берега до другого и осмотрѣть много важныхъ мѣстностей, но нигдѣ онъ не встрѣтилъ минераловъ, разработка которыхъ окупила бы издержки производства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ мѣдныя руды, но слишкомъ бѣдныя по количеству минерала. Лучшія изъ нихъ были бы прибыльны въ Англіи, но внутри страны совершенно безплодной, при отсутствіи дорогъ и крайнемъ недостаткѣ въ искусныхъ рабочихъ и необходимыхъ снарядахъ, разработка ихъ принесла бы одинъ убытокъ. Далеко внутри страны открытъ былъ богатый источникъ петролеума, но пока страна не цивилизуется, онъ не можетъ быть полезенъ. Результатъ изслѣдованій крайне смутилъ португальское правительство,

которое до такой степени увѣрено было въ успѣхѣ, что заключило договоръ съ голландскими почтовыми пароходами объ учрежденіи станціи въ Делли; изъ Австраліи прибыло нѣсколько кораблей съ разнообразнымъ грузомъ, разсчитывая на обширный сбытъ послѣдняго среди населенія, которое, по ихъ мнѣнію, должно было сосредоточиться около вновь открытыхъ рудъ. Но залежи самородной мѣди все таки остались загадкою. Г. Гитшъ изслѣдовалъ страну во всѣхъ направленіяхъ и не могъ найти ея слѣдовъ. Была обѣщана щедрая награда каждому туземцу, который найдетъ самородокъ мѣди и укажетъ мѣсто его нахожденія, но безъ всякаго успѣха.

Горные жители Тимора принадлежатъ къ папуанской расѣ, сухощавы, имѣютъ густые курчавые волосы и кожу темнокоричневаго цвѣта. У нихъ длинный носъ съ нависшимъ концомъ — составляющій характеристическую особенность папуанцевъ, совершенно неизвѣстную у племенъ малайскаго происхожденія. Прибрежное населеніе носитъ слѣды смѣшенія съ малайскими племенами, а также и съ португальцами. Здѣсь жители болѣе малорослы и черты лица у нихъ менѣе рѣзки; волосы не курчавые, а волнистые. Дома построены на землѣ, между тѣмъ какъ у горныхъ жителей они утверждены на столбахъ въ три или четыре фута вышиною. Обыкновенною одеждою служитъ длинный кусокъ холста, обвивающій туловище и спадающій на колѣни; всѣ носятъ зонтикъ, сдѣланный изъ цѣльнаго пальмоваго листа, имѣющаго форму опахала и тщательно перехваченнаго ниткою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ можетъ расколоться. Небольшое ведро сдѣлано изъ цѣльнаго листа той же пальмы, а бамбуковая фляга заключаетъ вѣроятно медъ, назначенный для продажи. Жители обыкновенно носятъ съ собою сумку, сдѣланную изъ квадратнаго куска полотна, четыре конца котораго связаны веревкою, и часто украшены бисеромъ и бахрамою.

Господствующимъ обычаемъ служитъ «номали», имѣющій совершенно тоже значеніе, что и «табу» у островитянъ Тихаго океана и одинаково уважаемый. Къ нему прибѣгаютъ въ весьма обыкновенныхъ случаяхъ; нѣсколько пальмовыхъ листьевъ, выставленные съ внѣшней стороны сада и служащіе знакомъ «номали» служатъ полнымъ и вѣрнымъ средствомъ противъ воровъ. Мертвые выставляются на подмосткахъ семь или восемь футовъ надъ землею; иногда устраивается надъ нимъ навѣсъ. Трупъ остается здѣсь до тѣхъ поръ, пока родственники умершаго не устроятъ пирушки, послѣ которой онъ зарывается въ землю. Тиморяне вообще большіе воры, но не кровожадны. Они ведутъ между собою постоянную войну и пользуются всякимъ случаемъ для захвата въ плѣнъ другихъ племенъ, которыхъ обращаютъ въ рабство, но европейцы могутъ

безопасно пройти всю страну. За исключеніемъ немногихъ медиковъ въ городѣ, на Тиморѣ нѣтъ христіанъ между туземцами. Населеніе пользуется въ значительной мѣрѣ независимостью; своихъ правителей, какъ португальцевъ, такъ и голландцевъ, оно не любитъ и презираетъ.

Португальское управленіе на Тиморѣ самое жалкое. Никто не заботится о мѣстныхъ улучшеніяхъ, и въ настоящее время, спустя три столѣтія послѣ занятія острова, не проложено ни одной мили дорогъ, за исключеніемъ города, и внутри страны нѣтъ ни одного европейца. Всѣ чиновники грабятъ и притѣсняютъ по мѣрѣ силъ туземцевъ, а между тѣмъ не принято никакихъ мѣръ къ укрѣпленію города на случай нападенія тиморянъ. Невѣжество офицеровъ простирается до такой степени, что, когда присланы были небольшая мортира и нѣсколько гранатъ, то не нашлось человѣка, умѣвшаго обращаться съ ними; во время возстанія туземцевъ, (я въ то время былъ въ Делли), офицеръ, которому предстояло отправиться противъ инсургентовъ, оказался больнымъ, и послѣдніе заняли важный проходъ въ трехъ миляхъ отъ города, гдѣ они могли защищаться противъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля Послѣдствіемъ этого было прекращеніе подвоза съѣстныхъ припасовъ къ городу, которому такимъ образомъ угрожалъ голодъ, и губернаторъ долженъ былъ обратиться за помощію къ голландскому губернатору Амбойны.

Тиморъ въ настоящемъ положеніи составляетъ лишь предметъ хлопотъ для голландскихъ и португальскихъ правительствъ, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится система управленія. Устройство хорошихъ дорогъ, примирительная политика и строгая справедливость въ отношеніи туземцевъ и введеніе раціональной системы воздѣлыванія земли, подобно существующей на Явѣ и въ сѣверной части Целебеса, могутъ сдѣлать Тиморъ весьма цѣннымъ островомъ. Рисъ хорошо растетъ на болотистыхъ равнинахъ, расположенныхъ большею частію у прибрежья, а маисъ даетъ богатые сборы на всѣхъ низменностяхъ и составляетъ обыкновенную пищу туземцевъ, что было замѣчено еще Дампьеромъ при посѣщеніи имъ острова въ 1699 году. Въ настоящее время растетъ небольшое количество кофе весьма высокаго достоинства, но разведеніе его можетъ быть доведено до какихъ угодно размѣровъ. Условія мѣстности весьма благопріятны для овцеводства, которое могло бы доставлять свѣжую пищу китоловамъ и снабжать сосѣдніе острова если не шерстью, то баранниною.

Также благопріятны условія для разведенія лошадей. Тиморъ могъ бы снабжать пшеницею весь архипелагъ, если бы жители поощрялись къ разведенію этого растенія и если бы существовали хорошія дороги, но

*

которымъ можно было бы доставлять продуктъ къ берегу. При подобной системѣ туземцы скоро убѣдились бы, что европейское управленіе для нихъ выгодно. Они стали бы копить деньги, а съ обезпеченіемъ собственности у нихъ явились бы новыя потребности и вкусы, и они стали бы въ значительномъ количествѣ потреблять европейскіе товары. Подобная система доставила бы ихъ правителямъ гораздо болѣе прибыли, чѣмъ налоги и поборы, и въ то же время водворила бы между ними миръ и повиновеніе, чего вовсе нельзя сказать про настоящее смѣшное военное управленіе. Правда, введеніе подобной системы потребуетъ немедленной затраты капитала, которой не намѣрены дѣлать какъ голландцы, такъ и португальцы, и значительнаго числа честныхъ и энергическихъ чиновниковъ, которыхъ, кажется, вовсе нѣтъ между португальцами. Такимъ образомъ приходится опасаться, что Тиморъ на долгое время останется въ настоящемъ состояніи хроническихъ возмущеній и безпорядковъ.

Нравственность въ Делли находится на такой же низкой степени развитія, какъ и въ глубинѣ Бразиліи; часто потворствуютъ преступленіямъ, которыя вызвали бы въ Европѣ строгое уголовное преслѣдованіе. Во время моего пребыванія всѣ мѣстные жители утверждали, что два чиновника отравили мужей женщинъ, съ которыми они находились въ любовной связи, и съ которыми стали жить тотчасъ же по смерти своихъ соперниковъ. Но при этомъ не было высказано и тѣни неодобренія преступленію, на которое даже вовсе не смотрѣли какъ на преступленіе, такъ какъ отравленные мужья принадлежали къ низшему классу народа и потому не должны были мѣшать удовольствіямъ своего начальства.

По моимъ наблюденіямъ и по описанію г. Гитша, туземная растительность на Тиморѣ бѣдна и однообразна. Низкіе холмы вездѣ покрыты хилыми эвкалиптіями, которые только изрѣдка принимаютъ видъ высокихъ деревьевъ. Вмѣстѣ съ ними встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ акаціи и сандальное дерево; высокія же горы возвышающіяся на шесть или семь тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, покрыты или грубою травою или же лишены всякой растительности. На низменностяхъ растутъ сорныя травы, а обширныя равнины покрыты дикою крапивообразною мятою. Здѣсь встрѣчается прекрасная лилія, Gloriosa superba, вьющаяся среди кустарниковъ и усыпанная великолѣпными цвѣтами. Дикій виноградъ тоже растетъ, покрытый большими неправильной формы гроздьями, ягоды которыхъ хотя и жестки, но отличаются особенною сладостью. Въ нѣкоторыхъ долинахъ, растительность которыхъ богаче, колючіе кустарники встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что дѣлаютъ мѣстность совершенно непроходимою.

Почва повидимому весьма бѣдна, и состоитъ главнымъ образомъ изъ разлагающагося глинистаго сланца; во многихъ мѣстахъ она совершенно обнажена. Лѣто до такой степени знойно и сухо, что большая часть ручьевъ высыхаютъ прежде, чѣмъ достигнутъ моря; все бываетъ выжжено, и листья опадаютъ съ деревьевъ, какъ у насъ зимою. На горахъ вышиною отъ двухъ до четырехъ тысячъ футовъ атмосфера гораздо влажнѣе, такъ что здѣсь круглый годъ могутъ расти картофель и другія европейскія растенія. Кромѣ лошадей, Тиморъ вывозитъ сандальное дерево и пчелиный воскъ. Сандалъ (Santalum sp.) есть продуктъ вязкаго дерева, растущаго въ небольшомъ количествѣ на горахъ Тимора и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ далекаго востока. У него прекрасный желтый цвѣтъ и извѣстный пріятный запахъ, сохраняющійся замѣчательно долго. Онъ доставляется въ Делли небольшими кусками и вывозится главнымъ образомъ въ Китай, гдѣ его жгутъ въ большомъ количествѣ въ храмахъ и въ домахъ богатыхъ людей.

Пчелиный воскъ составляетъ гораздо болѣе важный и цѣнный продуктъ, доставляемый дикими пчелами (Apis dorsata), которыя устраиваютъ медовые соты громадныхъ размѣровъ на нижней части верхнихъ вѣтвей самыхъ высокихъ деревьевъ. Они имѣютъ полукруглую форму и до трехъ или четырехъ футовъ въ діаметрѣ. Я разъ былъ свидѣтелемъ, какъ туземцы добываютъ пчелиныя соты. Въ долину, гдѣ я обыкновенно собиралъ насѣкомыхъ, явились однажды четыре тиморянина, подошли къ высокому дереву, осмотрѣли его и замѣтили на одной весьма высокой и горизонтальной вѣтви три большихъ пчелиныхъ сота. Дерево было совершенно прямое и гладкое; только на вышинѣ семидесяти или осьмидесяти футовъ падъ землею находилась вѣтвь, которую пчелы избрали своимъ мѣстожительствомъ Одинъ изъ нихъ принесъ съ собою длинный шестъ, очевидно стебель какого нибудь деревца или ползучаго растенія. весьма гибкій и волокнистый. Онъ обернулъ его пальмовыми листьями и тщательно прикрѣпилъ ихъ ползучимъ растеніемъ. Затѣмъ онъ крѣпко обвязалъ себя вокругъ поясницы веревкою и, вынувъ кусокъ холста, обернулъ имъ себѣ голову, шею и туловище; лице, руки и ноги остались совершенно обнаженными. Къ поясу у него прикрѣплена была тонкая и длинная веревка. Во время этихъ приготовленій одинъ изъ его товарищей срѣзалъ крѣпкую хворостину въ восемьдесятъ футовъ длины и прикрѣпилъ къ концу ея факелъ, который былъ зажженъ и давалъ постоянную струю дыма. Прямо надъ факеломъ былъ прикрѣпленъ косарь.

Охотникъ за пчелами взялъ хворостину и обвилъ ею дерево, держа въ каждой рукѣ по одному ея концу. Затѣмъ, онъ, упирая ногой въ де-

рево, и откинувшись туловищемъ назадъ, сталъ взбираться наверхъ. Нельзя было не удивляться искусству, съ которымъ онъ пользовался малѣйшею неровностью ствола дерева. У меня почти закружилась голова при видѣ той быстроты, съ которой онъ поднялся на тридцать, сорокъ, пятьдесятъ футовъ надъ землею, и я недоумѣвалъ, какимъ образомъ онъ взберется выше по совершенно гладкому стволу. Но онъ продолжалъ подыматься съ такимъ же хладнокровіемъ и увѣренностью, какъ будто взбирался по обыкновенной лѣстницѣ, пока не приблизился къ пчеламъ на разстояніе десяти или пятнадцати футовъ. Здѣсь онъ остановился на мгновеніе и приблизилъ свой факелъ къ этимъ опаснымъ насѣкомымъ, отъ которыхъ его отдѣляла такимъ образомъ струя дыма. Въ одну минуту онъ былъ уже у самаго сука. Въ это время пчелы подняли тревогу и образовали прямо надъ его головою густой жужжащій рой, но онъ, держа факелъ подлѣ себя, спокойно отряхивалъ насѣкомыхъ, садившихся ему на руки или на ноги. Затѣмъ, вытянувшись вдоль сука, онъ подползъ къ ближайшему соту и совершенно приблизилъ къ нему свой факелъ. Какъ только его коснулся дымъ, цвѣтъ сота замѣчательнымъ образомъ измѣнился изъ чернаго въ бѣлый, такъ какъ міріады покрывавшихъ его пчелъ поднялись съ своихъ мѣстъ и образовали на верху и кругомъ густое облако. Тогда охотникъ, отмахиваясь рукою отъ остальныхъ пчелъ, вынувъ ножъ, отрѣзалъ одинъ изъ сотовъ, и, захвативъ его веревкою, опустилъ его внизъ къ своимъ товарищамъ. Все это время онъ былъ окруженъ роемъ сердитыхъ пчелъ, и я не могъ понять, какимъ образомъ онъ могъ такъ хладнокровно переносить ихъ преслѣдованія и спокойно продолжать свое дѣло на такой страшной высотѣ. Дымъ очевидно не испугалъ пчелъ и не отогналъ ихъ на далекое разстояніе, и потому тѣло охотника мало было предохранено отъ ихъ жалъ. На деревѣ находились еще три сота, и всѣ они были срѣзаны одинъ за другимъ, доставивъ охотникамъ значительное количество меду и воску.

Пчелы залетѣли также и въ мою сторону, и вскорѣ я долженъ былъ спасаться отъ ихъ преслѣдованій, отмахиваясь сѣткою, при чемъ мнѣ удалось обогатить свою коллекцію насѣкомыхъ, захвативъ въ плѣнъ нѣсколькихъ изъ моихъ преслѣдователей; нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали за мною по крайней мѣрѣ на протяженіи полу-мили, впивались въ мои волосы и преслѣдовали меня съ такимъ упорствомъ, что я еще болѣе удивился безнаказанности туземцевъ въ этомъ отношеніи. Я прихожу къ тому убѣжденію, что медленныя и спокойныя движенія, не сопровождаемыя попыткою къ бѣгству, служатъ въ подобныхъ случаяхъ са-

мымъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ. Пчелы садятся на безстрастнаго туземца какъ на дерево или другой неодушевленный предметъ и потому не пытаются ужалить его. Но все таки туземцамъ часто приходится плохо, но они привыкли къ страданіямъ и научились хладнокровно переносить ихъ. Да при отсутствіи этихъ условій и нельзя охотиться за пчелами.

ГЛАВА XIV.

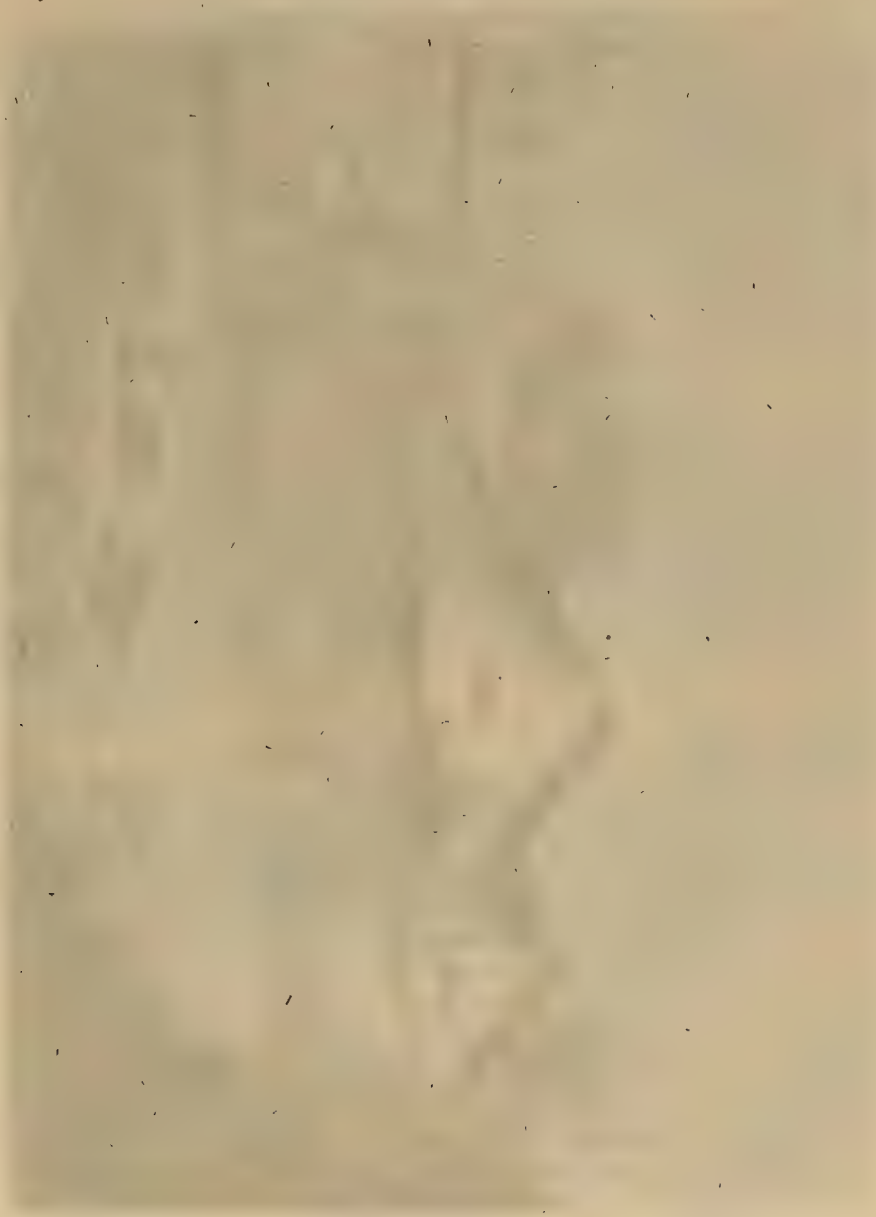
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ТИМОРСКОЙ ГРУППЫ.

Характерность фауны.—Ея сродство и различіе съ группами Индіи и Австраліи.—Подтвержденіе теоріи Дарвина.

При взглядѣ на карту архипелага никакъ не придетъ въ голову, чтобы острова, тянущіеся непрерывною цѣпью отъ Явы до Тимора, существенно отличались другъ отъ друга своими естественными произведеніями. Правда, здѣсь встрѣчаются особенности въ климатѣ и физической географіи, но онѣ не соотвѣтствуютъ тому дѣленію, которое обязательно для натуралиста. Между обоими концами цѣпи существуетъ рѣзкое различіе въ климатѣ; западъ отличается влажностью атмосферы и короткимъ сухимъ лѣтомъ, востокъ же зноенъ и выженъ, имѣя лишь непродолжительный сырой сезонъ. Существуетъ также различіе и въ физической географіи, но оно замѣчается въ восточной части цѣпи, гдѣ вулканы, составляющіе отличительную черту Явы, Бали, Лэмбока, Сумбавы и Флореса, направляются къ сѣверу черезъ Гунонгъ Али къ Бандѣ; на островѣ же Тиморѣ находится лишь одинъ вулканическій пикъ, большая же часть острововъ состоитъ изъ осадочныхъ породъ; но эти физическія особенности нисколько не соотвѣтствуютъ замѣчательному различію въ естественныхъ произведеніяхъ, замѣчаемому у Лэмбокскаго пролива, отдѣляющаго островъ того же имени отъ Бали; различіе это такъ существенно, что составляютъ важную черту въ зоологической географіи земнаго шара.

Голландскій натуралистъ Золлингеръ, долгое время жившій на островѣ Бали, утверждаетъ, что фауна его та же, что и на Явѣ, и что онъ не встрѣтилъ на немъ ни одного животнаго, которое не водилось бы и на большомъ островѣ. Въ теченіи немногихъ дней, проведенныхъ мною на островѣ Бали, я видѣлъ нѣсколькихъ птицъ, весьма характеристичныхъ для

Малайская деревня.



Яванской орнитологіи. Въ числѣ ихъ нужно назвать желтоголоваго ткача (Ploceus hyproxanthus), чернаго дрозда (Copsychus amoenus), Megalaema rosea, малайскую иволгу (Oriolus horsfieldi) яванскаго скворца, (Sturnopastor jalla) и яванскаго трехпалаго дятла (Chrysonotus tiga). Переправившись въ Лэмбокъ, отдѣленный отъ Бали проливомъ шириною не болѣе двадцати миль, я надѣялся встрѣтить тамъ тѣхъ же птицъ, но впродолженіе трехмѣсячнаго пребыванія тамъ, я не встрѣтилъ ни одной изъ нихъ; нашелъ же совершенно иные виды, изъ которыхъ большая часть вовсе неизвѣстны не только на Явѣ, но также на Борнео, Суматрѣ и Малаккѣ. Напримѣръ на Лэмбокѣ самыя обыкновенныя птицы бѣлые какаду и три вида Meliphagidae, принадлежащихъ къ группѣ, совершенно отсутствующей въ западной или индо-малайской части архипелага. Переходя къ Флоресу и Тимору, мы замѣчаемъ тамъ еще болѣе рѣзкое отличіе отъ яванской фауны, и приходимъ къ убѣжденію, что острова эти составляютъ особую естественную группу, птицы которой хотя и родственны яванскимъ и австралійскимъ, но совершенно отличны какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ. Кромѣ моихъ собственныхъ коллекцій, собранныхъ на Лэмбокѣ и Тиморѣ, мой помощникъ г. Алленъ составилъ хорошую коллекцію Флореса; при помощи ихъ и немногихъ видовъ, собранныхъ голландскими натуралистами, можно составить довольно вѣрное понятіе объ естественной исторіи этой группы острововъ, при чемъ получатся весьма интересные выводы.

Число извѣстныхъ по настоящее время птицъ на помянутыхъ островахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: 63 на Лэмбокѣ, 86 на Флоресѣ и 118 на Тиморѣ; вся группа заключаетъ въ себѣ 188 видовъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ видовъ, происхожденіемъ съ Молукскихъ острововъ, всѣ эти птицы находятся, по происхожденію, въ непосредственной или посредственной (но тѣсной) связи съ фауной Явы съ одной стороны и Австраліи съ другой, хотя не менѣе 82 изъ нихъ встрѣчаются только на этой небольшой группѣ острововъ. Но въ числѣ ихъ не встрѣчается ни одного рода, свойственнаго исключительно названной группѣ, или который представлялъ бы значительное число характерныхъ видовъ. Обстоятельство это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ несамостоятельности мѣстной фауны и въ тоже время показываетъ, что послѣдняя обязана своимъ происхожденіемъ одной изъ послѣднихъ геологическихъ эпохъ. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ здѣсь значительное число видовъ (напр. большая часть голенастыхъ, многія хищныя птицы, зимородки, ласточки и нѣкоторыя другія), которые до такой степени распространены на значительной части острововъ

архипелага, что положительно нѣтъ возможности указать, переселились ли они съ той или другой части архипелага. Въ моемъ спискѣ помѣщено 57 такихъ видовъ; сюда нужно еще прибавить 35 видовъ, хотя и свойственныхъ исключительно Тиморской группѣ, но находящихся въ родственной связи съ другими видами. Исключивъ эти 92 вида, мы получимъ около сотни птицъ, происхожденіемъ которыхъ мы теперь и займемся.

Если мы возьмемъ виды каждаго острова отдѣльно, то получимъ слѣдующія цифры:

на Лэмбокѣ 4 в. принадлежатъ къ 2 семействамъ изъ которыхъ 1 австралійское, 1 индѣйское
» Флоресѣ 12 » » » 7 » » » 6 » 2 »
» Тиморѣ 42 » » » 20 » » » 16 » 4 »

Дѣйствительное число характерныхъ видовъ каждаго острова трудно опредѣлить съ полною точностію, такъ какъ указанная выше быстро возрастающая прогрессія очевидно зависитъ отъ того, что коллекціи, составленныя на Тиморѣ, полнѣе чѣмъ на Флоресѣ, а на послѣднемъ полнѣе чѣмъ на Лэмбокѣ; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ интересный фактъ, что по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся отъ запада къ востоку, число австралійскихъ формъ значительно возрастаетъ а индѣйскихъ уменьшается. Фактъ этотъ еще рѣзче бросается въ глаза при опредѣленіи на каждомъ островѣ числа видовъ, тожественныхъ съ яванскими и австралійскими, а именно:

	На Лэмбокѣ	на Флоресѣ	на Тиморѣ
Яванскихъ птицъ	33	23	11
Австралійскихъ птицъ	4	5	10

Здѣсь мы ясно видимъ характеръ переселенія, совершавшагося сотни или тысячи лѣтъ и не прекратившагося и въ настоящее время. Птицы яванскаго происхожденія наиболѣе многочисленны на островахъ сосѣднихъ съ Явою; каждый проливъ, отдѣляющій одинъ островъ отъ другаго представляетъ препятствія къ переселенію и потому задерживаетъ послѣднее. *) Нужно замѣтить, что число птицъ, переселившихся, повидимому изъ Австраліи, значительно менѣе аванскихъ; на первый взглядъ обстоятельство это можно приписать обширному морю, отдѣляющему Австралію отъ Тимора. Но подобный выводъ, какъ мы вскорѣ увидимъ,

*) Названіе всѣхъ птицъ, населяющихъ эти острова, помѣщены въ отчетѣ Лондонскаго Зоологическаго Общества за 1863 годъ.

неосновательнъ. Кромѣ этихъ птицъ, тожественныхъ съ видами, населяющими Яву и Австралію, здѣсь находится значительное число птицъ, находящихся въ тѣсномъ родствѣ съ видами, характеризующими названные материки; при выводѣ заключенія обстоятельство это тоже слѣдуетъ принять во вниманіе. Въ связи съ предъидущими данными мы получимъ слѣдующую таблицу:

	На Лэмбокѣ	на Флоресѣ	на Тиморѣ
Яванскихъ птицъ	33	23	11
Находящихся въ тѣсномъ родствѣ съ яванскими птицами.	1	5	6
Всего	34	28	17
Австралійскихъ птицъ.	4	5	10
Находящихся съ ними въ тѣсномъ родствѣ	3	9	26
Всего	7	14	36

Такимъ образомъ мы видимъ, что число птицъ яванскаго и австралійскаго происхожденія почти одинаково, но между тѣми и другими существуетъ замѣчательное различіе: птицы яванскаго происхожденія тожественны съ своими родичами, между тѣмъ какъ птицы австралійскаго происхожденія отличаются отъ своихъ родичей, хотя часто и можно прослѣдить ихъ тѣсное родство. Нужно также замѣтить, что число послѣднихъ, такъ сказать представительныхъ или родственныхъ видовъ, уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ Австраліи и увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ Явы. Обстоятельство это можно объяснить двумя причинами: во первыхъ острова отъ Тимора до Лэмбока быстро уменьшаются въ величинѣ, и потому могутъ давать пріютъ меньшему числу видовъ, а во вторыхъ, что гораздо важнѣе, далекое разстояніе Австраліи отъ Тимора дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее переселеніе видовъ, вслѣдствіе чего измѣненію послѣднихъ предоставленъ полный просторъ, между тѣмъ какъ близость Лэмбока къ Бали и Явѣ допускаетъ постоянный приливъ новыхъ индивидуумовъ, которые, перекрещиваясь съ первоначальными поселенцами, задерживаютъ измѣненіе видовъ.

Слѣдующая таблица еще болѣе выяснитъ несамостоятельное происхожденіе птицъ этихъ острововъ и зависимость ихъ отъ яванской и австралійской фаунъ. Тиморская группа острововъ заключаетъ въ себѣ:

Яванскихъ птицъ	36	Австралійскихъ птицъ	13
Находящихся съ ними въ тѣсномъ родствѣ	11	Находящихся съ ними въ тѣсномъ родствѣ.	35
Яванскаго происхожденія	47	Австралійск. происхожденія.	48

Мы видимъ, что число птицъ, принадлежащихъ австралійской и яванской группамъ, одинаково, но раздѣлены онѣ въ совершенно обратномъ порядкѣ: три четверти яванскихъ птицъ суть тожественные виды, а одна четверть—представительные, между тѣмъ какъ только четверть австралійскихъ видовъ тожественны и три четверти замѣнены представителями. Въ настоящее время это самый важный фактъ, который можно извлечь изъ изученія птицъ названной группы острововъ.

Измѣненіе видовъ совершается медленно—въ этомъ всѣ согласны, хотя и расходятся во взглядахъ относительно самаго способа измѣненія. То-обстоятельство, что въ австралійскихъ видахъ, населяющихъ эти острова, произошла наибольшая перемѣна, а яванскіе виды остались почти неизмѣненными, доказываетъ, что первоначальное населеніе острововъ обязано своимъ происхожденіемъ Австраліи. Но въ такомъ случаѣ необходимо предположить и существованіе въ прежнее время совершенно иныхъ физическихъ условій. Почти триста миль открытаго моря отдѣляютъ въ настоящее время Австралію отъ Тимора, который соединяется съ Явою цѣпью острововъ, разстояніе между которыми нигдѣ не превышаетъ двадцати миль. Очевидно, что естественнымъ произведеніямъ Явы гораздо легче распространяться на этихъ островахъ, чѣмъ австралійскимъ. Для объясненія настоящаго порядка вещей мы должны естественно предположить, что Австралія находилась нѣкогда въ болѣе тѣсной связи съ Тиморомъ, чѣмъ въ настоящее время, и предположеніе это является тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что вдоль всего сѣвернаго и западнаго береговъ Австраліи существуетъ подводная мель, которая въ одномъ мѣстѣ находится всего на разстояніи двадцати миль отъ Тиморскаго берега. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ послѣднее время сѣверная Австралія осѣла и нѣкогда простиралась до окраины мели, которая въ настоящее время отдѣляется отъ Тимора глубокимъ океаномъ.

Я не думаю, чтобы когда либо Тиморъ былъ непосредственно соединенъ съ Австраліею, такъ какъ на немъ совершенно отсутствуетъ значительное число всѣхъ обширныхъ и характеристическихъ группъ австралійскихъ птицъ и нѣтъ ни одного австралійскаго млекопитающаго животнаго, фактъ совершенно необъяснимый въ томъ случаѣ, если бы оба материка были соединены между собою. Таковы группы птицъ: Philonorhynchus, черныхъ и красныхъ какаду (Calyptorhynchus), голубыхъ корольковъ (Malurus), Cracticus, австралійскихъ сорокопутовъ (Falcunculus и Colluricincla), и многихъ другихъ, что едва ли случилось бы, если бы Австралія и Тиморъ были соединены между собою, или даже

еслибы они находились на разстояніи менѣе двадцати миль. На Тиморѣ нѣтъ ни одной изъ наиболѣе характеристическихъ группъ австралійскихъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ все указываетъ, что онъ всегда отдѣлялся отъ Австраліи проливомъ, ширина котораго въ одно время немногимъ превышала двадцать миль.

Но въ тоже время когда на одной сторонѣ проливъ былъ такъ узокъ, на другомъ концѣ цѣпи онъ былъ значительно шире; въ противномъ случаѣ было бы болѣе равномѣрности въ числѣ тожественныхъ и представительныхъ видовъ той и другой окраины: расширеніе пролива со стороны Австраліи, вслѣдствіе пониженія ея сѣвернаго берега, должно было остановить дальнѣйшее переселеніе и перекрещиваніе индивидовъ, что повело къ значительному измѣненію видовъ, между тѣмъ какъ постоянный наплывъ переселенцевъ съ Явы долженъ былъ, вслѣдствіе постояннаго перекрещиванія, задержать подобное измѣненіе. Но подобный выводъ не объясняетъ все таки всѣхъ фактовъ, такъ какъ характеръ фауны тиморской группы настолько же выражается въ отсутствующихъ на немъ какъ и въ существующихъ формахъ и имѣетъ болѣе австралійскій, чѣмъ индѣйскій оттѣнокъ. Не менѣе двадцати девяти родовъ, весьма распространенныхъ на Явѣ, здѣсь совершенно отсутствуютъ, между тѣмъ какъ при одинаковой многочисленности австралійскихъ родовъ здѣсь недостаетъ только четырнадцати. Обстоятельство это явно показываетъ, что до послѣдняго времени между Тиморскою группою и Явою находилось значительное промежуточное разстояніе, а тотъ фактъ, что острова Бали и Лэмбокъ малы, отличаются вулканическимъ происхожденіемъ и заключаютъ меньшее число измѣненныхъ видовъ, чѣмъ другіе острова, указываетъ на ихъ относительно недавнее происхожденіе. По всей вѣроятности мѣсто ими занимаемое было покрыто водою въ то время, когда Тиморъ находился на весьма близкомъ разстояніи отъ Австраліи; по мѣрѣ того, какъ подземный огонь поднималъ постепенно острова Бали и Лэмбокъ, сѣверные берега Австраліи понижались. Явленіе это объясняетъ намъ то обстоятельство, что птицы этой группы, хотя въ цѣломъ настолько же индѣйскаго сколько и австралійскаго происхожденія, но виды, особенно характеризующіе группу, принадлежатъ по большой части къ австралійскому типу, а также и то, почему столь значительное число обыкновенныхъ индѣйскихъ видовъ, распространенныхъ отъ Явы до Бали, не имѣютъ ни одного представителя на островахъ дальнаго востока.

На Тиморѣ, точно также какъ и на другихъ островахъ той же группы, чрезвычайно мало млекопитающихъ животныхъ, за исключеніемъ

летучихъ мышей, которыхъ довольно много и еще болѣе будетъ открыто впослѣдствіи. Изъ пятнадцати видовъ, открытыхъ на Тиморѣ, девять встрѣчаются также на Явѣ или на островахъ къ западу отъ него, и три молуккскихъ вида, изъ которыхъ большая часть встрѣчается и въ Австраліи.

Сухопутныхъ млекопитающихъ только семь видовъ, а именно: 1) обыкновенная обезьяна, Macacus cynomolgus, встрѣчающаяся на всѣхъ Индо-Малайскихъ островахъ и распространенная отъ Явы черезъ Бали и Лэмбокъ до Тимора. Видъ этотъ часто попадается на рѣчныхъ отмеляхъ и легко могъ переплывать съ острова на островъ на деревьяхъ, уносимыхъ волнами. 2) Paradoxurus fasciatus, весьма обыкновенное животное въ большей части Архипелага. 3) Felis megalotis, изъ семейства кошекъ, водится во внутренней части Тимора и то въ небольшомъ количествѣ. Его ближайшіе родичи находятся на Явѣ. 4) Cervus timoriensus, очень близко подходящій къ яванскому и молуккскому видамъ, хотя и отличающійся отъ нихъ. 5) Дикая свинья, Sus timoriensis, можетъ быть тотъ же видъ, что и на молуккскихъ островахъ. 6) Землеройка, Sorex tenuis, одно изъ характеристическихъ животныхъ Тимора. 7) Восточный опоссумъ, Cuscus orientalis; онъ встрѣчается также и на Молуккскихъ островахъ, если только не составляетъ особаго вида.

То обстоятельство, что ни одинъ изъ этихъ видовъ не принадлежитъ Австраліи и не находится въ тѣсномъ родствѣ ни съ одною изъ австралійскихъ формъ, вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе, что Тиморъ никогда не составлялъ части названнаго материка; иначе мы почти навѣрное встрѣтили бы на немъ кенгуру или другое сумчатое животное. Безъ сомнѣнія, весьма трудно объяснить присутствіе на Тиморѣ нѣкоторыхъ изъ находящихся на немъ млекопитающихъ животныхъ. Мы должны, однако, принять, что втеченіи тысячелѣтій, а можетъ быть и сотенъ тысячелѣтій, острова эти и окружающее ихъ море подвергались вулканическому процессу. Суша то поднималась надъ поверхностью океана, то снова опускалась; проливы съуживались или расширялись; нѣкоторые изъ острововъ соединялись между собою и затѣмъ вновь отрывались другъ отъ друга; бурные потоки опустошали горы и равнины, унося въ море сотни лѣсныхъ деревьевъ, какъ это часто случалось при вулканическихъ изверженіяхъ на Явѣ; и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что втеченіи тысячи или десятка тысячъ лѣтъ обстоятельства слагались хоть разъ настолько благопріятно, что допускали переселеніе двухъ или трехъ сухопутныхъ животныхъ съ одного острова на другой. Вотъ все, что мы можемъ сказать по поводу весьма скудной и неполной группы

млекопитающихъ животныхъ, населяющихъ нынѣ обширный островъ Тиморъ. Олень по всей вѣроятности, былъ завезенъ человѣкомъ, такъ какъ малайцы часто держатъ ручныхъ молодыхъ оленей, и достаточно было нѣсколькихъ столѣтій для видоизмѣненія животнаго на островѣ Тиморѣ, который такъ рѣзко отличается отъ Молуккскихъ острововъ климатомъ и растительностію. Я не упомянулъ о лошадяхъ, которыя будто-бы, какъ утверждаютъ нѣкоторые, водятся на Тиморѣ въ дикомъ состояніи. Мнѣніе это совершенно ложно: тиморскія лошади вполнѣ домашнія животныя.

Я остановился довольно долго на происхожденіи тиморской фауны потому, что она представляетъ въ высшей степени любопытное и поучительное явленіе. Рѣдко бываетъ возможно прослѣдить съ такою очевидностью и полнотою происхожденіе фауны какой либо страны. Мы здѣсь имѣемъ группу океаническихъ острововъ въ миніатюрѣ—острововъ, которые никогда не составляли части сосѣдняго материка, хотя и находятся отъ него на близкомъ разстояніи; естественныя произведенія ихъ отличаются характеромъ, свойственнымъ настоящимъ океаническимъ островамъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Характеръ этотъ заключается въ отсутствіи всѣхъ млекопитающихъ животныхъ, за исключеніемъ летучихъ мышей и въ присутствіи особыхъ видовъ птицъ, насѣкомыхъ и сухопутныхъ раковинъ, которыя хотя и нигдѣ болѣе не встрѣчаются, но находятся въ несомнѣнномъ родствѣ съ животными ближайшаго материка. Такъ мы видимъ здѣсь полное отсутствіе австралійскихъ млекопитающихъ. Летучія мыши водятся въ довольно значительномъ количествѣ. Птицы представляютъ много особыхъ видовъ, находящихся въ несомнѣнномъ родствѣ съ птицами двухъ ближайшихъ материковъ. То же самое можно сказать о насѣкомыхъ. Такъ напр., изъ четырехъ видовъ Papilionidae, свойственныхъ Тимору, три встрѣчаются на Явѣ, а одинъ въ Австраліи. Немногіе виды сухопутныхъ раковинъ тожественны съ молуккскими или целебесскими формами. Pieridae (бѣлыя и желтыя бабочки), часто заносимыя въ море находятся въ родствѣ съ тѣми же насѣкомыми, водящимися на Явѣ, въ Австраліи и на Молуккскихъ островахъ.

Противъ теоріи Дарвина—о томъ, что океаническіе острова никогда не были соединены съ материкомъ—возражали, между прочимъ, что въ такомъ случаѣ, происхожденіе ихъ фауны есть дѣло случая. Но въ приведенномъ мною примѣрѣ все говоритъ въ пользу такого предположенія. Смѣшанный характеръ естественныхъ произведеній Тиморской группы острововъ вполнѣ оправдывается ихъ происхожденіемъ; если же

мы предположимъ, что острова эти составляли части Австраліи или Явы, то только напрасно усложнимъ вопросъ и совершенно не въ состояніи будемъ объяснить указанныхъ нами выше особенностей, отличающихъ птицъ. Съ другой стороны, глубина окружающаго моря, форма подводной мели и вулканическій характеръ большей части острововъ указываютъ на самостоятельное происхожденіе.

Въ заключеніе я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе во избѣжаніе недоразумѣній. Утверждая, что Тиморъ никогда не составлялъ части Австраліи, я говорю только о недавнихъ геологическихъ эпохахъ. Очень можетъ быть, что въ эоценовый или міоценовый періодъ, или еще раньше, Тиморъ и Австралія были соединены; но въ такомъ случаѣ всякіе слѣды подобнаго соединенія сглажены послѣдующими переворотами. Но, объясняя происхожденіе настоящаго сухопутнаго населенія какой либо страны намъ приходится указывать лишь на тѣ измѣненія, которыя совершились со времени послѣдняго поднятія страны надъ поверхностью моря. Именно въ этомъ смыслѣ я утверждаю, что Тиморъ не составлялъ части Австраліи.

ГЛАВА XV.

ЦЕЛЕБЕСЪ.

Городъ Макасаръ.—Мѣстный раджа.—Занятія и образъ жизни жителей.—Постройка домовъ.

Я покинулъ Лэмбокъ 30-го августа и прибылъ въ Макассаръ черезъ три дня. Съ большимъ удовольствіемъ ступилъ я на берега, къ которымъ тщетно стремился съ февраля мѣсяца, и гдѣ я надѣялся встрѣтить много новаго и интереснаго.

Берегъ этой части Целебеса представляетъ ровную низменность и покрытъ деревнями и растеніями, скрывающими внутренность страны, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, откуда открывается видъ на обширныя пространства обнаженныхъ и болотистыхъ рисовыхъ полей. На заднемъ планѣ виднѣлось нѣсколько холмовъ незначительной вышины, но вслѣдствіе тумана, стоящаго въ это время года надъ землею, я не могъ разглядѣть высокой центральной цѣпи горъ полуострова, а также знаменитаго Бонтинскаго пика у его южной оконечности. Въ Макассарскомъ рейдѣ стоялъ прекрасный 42-хъ пушечный фрегатъ, составляющій мѣстную брандвахту, а также небольшой пароходъ и три или четыре маленькихъ катера, употребляющихся для преслѣдованія пиратовъ, которыми богата здѣшняя мѣстность. Здѣсь находилось также нѣсколько купеческихъ кораблей и отъ двадцати до тридцати туземныхъ судовъ разной величины. Я имѣлъ рекомендательныя письма къ одному голландцу, г. Месману и къ одному датскому купцу; оба они говорили по англійски и обѣщали помочь мнѣ отыскать мѣсто для моихъ изслѣдованій. За отсутствіемъ отеля я долженъ былъ остановиться на первое время въ мѣстномъ клубѣ.

Макассаръ былъ первый голландскій городъ, который я посѣтилъ; онъ мнѣ показался красивѣе и опрятнѣе всѣхъ городовъ, видѣнныхъ

мною на востокѣ. Всѣ европейскіе дома содержатся въ необыкновенной чистотѣ и каждый домовладѣлецъ обязанъ, въ четыре часа пополудни, поливать улицу передъ своимъ домомъ. Улицы тоже отличаются чистотою, и крытые водосточные каналы уносятъ всѣ нечистоты въ особые бассейны, откуда онѣ вмѣстѣ съ отливомъ уходятъ въ море. Городъ состоитъ собственно изъ одной длинной узкой улицы, идущей вдоль берега и занятой конторами и кладовыми голландскихъ и китайскихъ купцовъ, а также туземными лавками или базарами. Она тянется къ сѣверу на протяженіи болѣе мили и въ концѣ застроена туземными домами, часто весьма жалкой наружности, но выстроенными прямою линіею и окруженными фруктовыми деревьями, что придаетъ имъ довольно красивый видъ. На этой улицѣ обыкновенно толпятся туземцы одѣтые въ шаровары изъ бумажной ткани въ двѣнадцать дюймовъ длиною, такъ что они покрываютъ лишь верхнюю часть ноги, и въ малайскій саронгъ, яркаго пестраго цвѣта, охватывающій талію или накинутый черезъ плечо. Параллельно съ этою улицею тянутся двѣ другія, покороче, составляющія старый голландскій городъ, запираемый воротами. Здѣсь помѣщаются частные дома, а на южномъ концѣ фортъ, церковь, затѣмъ близъ взморья находятся дома губернатора и главныхъ чиновниковъ. Вдоль набережной идетъ еще другая длинная улица, застроенная туземными лачугами и дачами купцовъ. Кругомъ расположены рисовыя поля, въ настоящее время совершенно обнаженныя, выжженныя, и представляющія отвратительный видъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онѣ покрыты были богатою зеленью, и теперешній ихъ печальный видъ представляетъ поразительный контрастъ съ рисовыми полями Лэмбока и Бали, гдѣ климатическія условія тѣ же самыя, но гдѣ, благодаря правильной системѣ орошенія, урожаи риса бываютъ постоянные.

На другой день послѣ моего пріѣзда я сдѣлалъ визитъ губернатору, въ сопрожденіи моего знакомаго, датскаго купца, прекрасно говорившаго по англійски. Его превосходительство принялъ весьма любезно и предоставилъ мнѣ полную свободу въ моихъ изслѣдованіяхъ. Мы вели бесѣду на французскомъ языкѣ, хорошо знакомомъ всѣмъ голландскимъ чиновникамъ.

Такъ какъ пребываніе въ городѣ было для меня весьма неудобно и дорого обходилось, то черезъ недѣлю я переселился въ бамбуковый домикъ, любезно мнѣ предложенный г. Месманомъ. Онъ находился въ двухъ миляхъ отъ города, на небольшой кофейной плантаціи, и состоялъ изъ двухъ комнатъ, возвышавшихся на семь футовъ надъ поверхностью земли; нижняя часть его частью была открыта, частію же служила ам-

баромъ для храненія риса. При домикѣ находилась кухня и другія службы, а въ сосѣдствѣ расположены были хижины людей, находившихся въ услуженіи у г. Месмана.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною на новоселье, убѣдили меня, что для обогащенія моихъ коллекцій мнѣ необходимо проникнуть далѣе въ глубь страны. Рисовыя поля, тянувшіяся на нѣсколько миль кругомъ, были крайне бѣдны какъ птицами, такъ и насѣкомыми. Окрестныя селенія, утопавшія въ фруктовыхъ деревьяхъ, тоже не отличались особенно богатою фауной. Но для того, чтобы двинуться далѣе мнѣ необходимо было испросить разрѣшеніе раджи Гоа, владѣнія котораго граничатъ съ макассарскою территоріею. Поэтому я обратился въ канцелярію губернатора съ просьбою дать мнѣ рекомендательное письмо къ раджѣ. Просьба моя была немедленно исполнена, и мнѣ дали особаго проводника, который долженъ былъ вручить раджѣ письмо.

Г. Месманъ предложилъ къ моимъ услугамъ свою лошадь и самъ вызвался сопровождать меня къ раджѣ, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; мы застали его величество сидящимъ у порога своего дворца и наблюдающимъ за постройкою новаго дома. На немъ были только короткіе шаровары и сорангъ; верхняя же часть туловища была совершенно обнажена. Намъ принесли стулья, туземные сановники расположились на землѣ. Мой проводникъ, распростершись у ногъ раджи, подалъ письмо, перевязанное желтой шелковинкой. Письмо было передано одному изъ главныхъ лицъ окружавшей его свиты, которое вскрыло письмо и возвратило его раджѣ. Послѣдній прочелъ его и затѣмъ показалъ г. Месману, свободно говорившему и читавшему на макассарскомъ языкѣ. Г. Месманъ подробно объяснилъ раджѣ цѣль моего прибытія. Я немедленно получилъ желаемое разрѣшеніе, при чемъ раджа предупредилъ меня, что, если я вздумаю остановиться гдѣ нибудь на продолжительное время, то, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, обратился бы къ нему за проводникомъ. Въ заключеніе намъ подали вино, скверный кофе и не менѣе отвратительныя сласти. Вообще мнѣ не приходилось пить хорошаго кофе на самомъ мѣстѣ его производства.

Климатическія условія мѣстности, въ которой мы находились, нельзя было назвать благопріятными для здоровья. Находившійся у меня въ услуженіи мальчикъ Али въ первый же день своего пребыванія на берегу схватилъ лихорадку, что поставило меня въ затруднительное положеніе, такъ какъ онъ готовилъ мнѣ кушанье. Но едва выздоровѣлъ Али, какъ у меня заболѣлъ другой слуга, взятый во время болѣзни перваго; такъ какъ у него была жена въ городѣ, то онъ ушелъ отъ меня.

Вслѣдъ за нимъ захворалъ и я сильною перемежающеюся лихорадкою, посѣщавшею меня каждый день. Благодаря сильному пріему хинина, я черезъ недѣлю выздоровѣлъ, но едва я сталъ на ноги, какъ снова заболѣлъ Али. Припадки лихорадки бывали съ нимъ каждый день, но по утрамъ онъ чувствовалъ себя еще довольно сносно и въ это время готовилъ мнѣ кушанье. Въ недѣлю я его вылечилъ и взялъ себѣ еще другого мальчика, умѣвшаго стряпать и стрѣлять. Его звали Бадерунъ; во время своихъ странствованій по сѣверной Австраліи онъ привыкъ къ бродячей жизни и потому я надѣялся, что онъ долго пробудетъ у меня, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ холостой. Я взялъ себѣ еще мальчугана, лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, умѣвшаго нѣсколько говорить по малайски; онъ носилъ за мною ружье или сѣтку для насѣкомыхъ и вообще былъ полезенъ для мелкихъ послугъ. Въ это время Али выучился прекрасно препарировать птицъ, такъ что недостатка въ помощникахъ у меня не было.

Я предпринялъ нѣсколько экскурсій во внутрь страны, пріискивая удобное мѣсто для собиранія птицъ и насѣкомыхъ. Встрѣченныя мною селенія были расположены на почвѣ, находившейся нѣкогда подъ дѣвственнымъ лѣсомъ, но теперь засаженной большею частію фруктовыми деревьями, преимущественно пальмою, Arenga saccharifera изъ которой добываютъ вино и сахаръ, а также грубыя черныя волокна, употребляемыя на веревки. Бамбукъ также растетъ здѣсь въ изобиліи. Здѣсь я нашелъ много птицъ: въ числѣ которыхъ находились: прекраснаго молочнаго цвѣта голубь, Carpophaga luctuosa и рѣдкая голубоголовая сивоворонка, Coracias temminckі, обладающая чрезвычайно негармоничнымъ голосомъ; она водится парами и перелѣтаетъ съ дерева на дерево; въ покойномъ состояніи она дѣлаетъ характерныя движенія головой и хвостомъ, замѣчаемыя у всего семейства плоскоклювыхъ или широкохвостыхъ (Fissirostrales) къ которому она принадлежитъ. На этихъ же плантаціяхъ постоянно слышалось карканье тысячъ воронъ, величиною нѣсколько поменьше нашихъ грачей; на вершинахъ деревьевъ чирикала интересная птица Artamі, похожая по своимъ привычкамъ и полету на ласточекъ, но отличающаяся отъ послѣднихъ видомъ и строеніемъ, и лирохвостая дренго-сорокопутъ, съ ея блестящими черными перьями и молочно-бѣлыми глазами, постоянно обманывая натуралиста разнообразіемъ своихъ немелодичныхъ звуковъ.

Въ болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ довольно многочисленны бабочки; чаще другихъ встрѣчаются Euplaea и Danais; онѣ попадаются въ садахъ и кустарникахъ и легко ловятся, вслѣдствіе слабаго полета. Прекрасная

Малайская деревня.

блѣдно-голубая съ чернымъ бабочка, летающая близъ земли подлѣ рощъ и иногда садящаяся на цвѣты, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ; не менѣе красива и другая, съ яркооранжевою полоскою на черноватомъ фонѣ; обѣ онѣ принадлежатъ къ Pieridae, къ семейству, къ которому относятся наши обыкновенныя бѣлыя бабочки, хотя значительно отличаются отъ нихъ по виду. Обѣ онѣ были совершенно неизвѣстны европейскимъ натуралистамъ. *) Иногда я предпринималъ экскурсіи на нѣсколько миль далѣе, въ сопровожденіи моихъ обоихъ мальчиковъ съ ружьями и сѣткою для насѣкомыхъ. По временамъ они останавливались и клали на камень или пень дерева рисъ, мясо или рыбу, завернутые въ древесный листъ; очевидно это была жертва приношенія мѣстному божеству, потому что макассарцы хотя и считаются магометанами, но сохранили много языческихъ обрядовъ и не отличаются особенною религіозностію. Правда, они питаютъ отвращеніе къ свининѣ, но не отказываются отъ вина и потребляютъ въ огромномъ количествѣ напитокъ, приготовляемый изъ пальмы, который также опьяняетъ какъ обыкновенное пиво или сидръ. Хорошо приготовленный онъ очень освѣжаетъ, и мы не разъ заходили пить его въ балаганы, величаемые базарами, довольно часто встрѣчавшіеся на пути.

Г. Месманъ упомянулъ мнѣ какъ то о большомъ лѣсѣ, куда иногда ходилъ стрѣлять оленей, но при этомъ увѣрялъ меня, что онъ лежитъ далеко и что въ немъ нѣтъ птицъ. Но я все таки рѣшился изслѣдовать его и на слѣдующее утро мы встали въ пять часовъ, взяли съ собою завтракъ и другую провизію, намѣреваясь переночевать въ домикѣ, находившимся у опушки лѣса. Къ удивленію моему черезъ два часа мы были уже у домика и получили разрѣшеніе провести въ немъ ночь. За тѣмъ мы отправились далѣе. Али и Бадерунъ взяли по ружью, а Базо провизію и коробку для насѣкомыхъ; я же взялъ съ собою сѣтку и сосудъ для коллекцій и предполагалъ заняться исключительно насѣкомыми. Но едва я вошелъ въ лѣсъ, какъ наткнулся на красивыхъ маленькихъ долгоносиковъ съ зелеными и золотистыми пятнами, принадлежащихъ къ семейству Pachyrhynchus, водящихся почти исключительно на Филиппинскихъ островахъ и совершенно неизвѣстныхъ на Борнео, Явѣ или Малаккѣ. Дорога лѣсомъ была тѣниста и повидимому хорошо знакома лошадямъ и рогатому скоту; вскорѣ я поймалъ нѣсколько бабочекъ, до сихъ поръ мнѣ не встрѣчавшихся. Вслѣдъ затѣмъ раздалось два выстрѣла: оказалось, что мои мальчики застрѣлили двухъ кукушекъ, принадлежащихъ къ извѣстному виду Phoenicophaus callirhynchus. На-

*) Первая была названа Eronia tritaea а послѣдняя Tachyris ithome.

званіе это онѣ получили отъ широкаго клюва, окрашеннаго въ блестящіе цвѣта: желтый красный и черный. У нихъ чрезвычайно длинный носъ прекраснаго багрянаго цвѣта съ металлическимъ отливомъ; перья же туловища свѣтло кофейнаго цвѣта. Это одна изъ самыхъ характерныхъ птицъ Целебеса.

Пробродивши часа два мы пришли къ малой рѣчкѣ, на столько однако глубокой, что наши лошади могли перебраться черезъ нее только вплавь; мы должны были вернуться назадъ, но такъ какъ насъ томили голодъ и жажда, а рѣчная вода была слишкомъ грязна, то мы направились къ дому, находившемуся въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ рѣки. Дорогою мы наткулись на маленькую лачугу; считая ее пригодною для завтрака я вошелъ въ нее и встрѣтилъ тамъ молодую женщину съ ребенкомъ. Она подала мнѣ кружку воды, но на лицѣ ея я замѣтилъ выраженіе сильнаго испуга. Тѣмъ не менѣе я усѣлся на порогѣ и потребовалъ провизію. Подавая завтракъ, Бадерунъ замѣтилъ ребенка, при видѣ котораго онъ отскочилъ назадъ, какъ бы наткнувшись на змѣю. Онъ объяснилъ мнѣ, что, по обычаю дайаковъ Борнео и нѣкоторыхъ другихъ дикихъ племенъ, въ подобныя лачуги заключаются на нѣкоторое время женщины послѣ родовъ, и замѣтилъ, что мы поступили очень дурно, зайдя туда; такимъ образомъ мы должны были отправиться далѣе и не подалеку нашли пріютъ въ одномъ семействѣ. Пока я ѣлъ, за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдили всѣ члены семейства: трое мущинъ, двѣ женщины и четверо дѣтей, не отрывали отъ меня глазъ до тѣхъ поръ, пока я не окончилъ завтрака.

На обратномъ пути мнѣ посчастливилось поймать три экземпляра прекрасной Ornithoptera, одной изъ самыхъ большихъ и красивыхъ бабочекъ. Я необыкновенно обрадовался моей находкѣ. Великолѣпное это насѣкомое окрашено въ блестящій черно - бронзовый цвѣтъ; нижніе крылья покрыты нѣжными бѣлыми крапинками и оторочены рядомъ большихъ пятенъ блестящаго атласно-желтаго цвѣта. Голова и грудь чернаго цвѣта, а спина оттѣнена крапинами бѣлаго, желтаго и огненно-оранжеваго цвѣтовъ. На исподней части нижнихъ крыльевъ преобладаетъ атласно-бѣлый цвѣтъ; по краямъ же крапины чернаго и желтаго цвѣта. Моя новая добыча крайне меня интересовала, такъ какъ я сначала подумалъ, что это былъ совершенно новый видъ. Но оказалось, что она составляла разновидность Ornithoptera remus, одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ экземпляровъ этого интереснаго вида. Я встрѣтилъ также нѣсколько другихъ новыхъ и красивыхъ бабочекъ. Прибывъ домой, я, дорожа своею драгоцѣнною находкою, повѣсилъ ко-

робку съ нею на бамбукъ, на которомъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ муравьевъ, и затѣмъ принялся препарировать птицъ. Отъ времени до времени я взглядывалъ на мою драгоцѣнную коробку, опасаясь вторженія въ нее непріятелей, но все обстояло благополучно; но когда послѣ продолжителтной паузы, я снова взглянулъ на коробку, то съ ужасомъ увидѣлъ, что ее атаковала цѣлая колона красныхъ муравьевъ, опустившихся внизъ по веревки. Они уже окружили насѣкомыхъ, и оглянись я получасомъ позже, вся моя дневная добыча была бы уничтожена. Мнѣ пришлось вынуть всѣхъ насѣкомыхъ по одиночкѣ, хорошенько вычистить ихъ вмѣстѣ съ коробкою и затѣмъ озаботиться пріисканіемъ болѣе безопаснаго для нихъ помѣщенія. Я спросилъ у хозяина тарелку и тазъ; наполнивъ послѣдній водою, положилъ въ него тарелку, а на нее коробку и затѣмъ успокоился на ночь, такъ какъ нѣсколько дюймовъ чистой воды или масла единственное средство, заграждающее доступъ этому ужасному непріятелю.

Вернувшись домой, я почувствовалъ легкій приступъ перемежающейся лихорадки, заставившей меня пробыть нѣсколько дней въ комнатѣ. Поправившись, я снова отправился въ Гоа, въ сопровожденіи г. Месмана, намѣреваясь просить содѣйстія раджи въ постройкѣ для меня особаго домика подлѣ лѣса. Мы застали его на пѣтушьемъ бою, происходившемъ въ сараѣ подлѣ дворца; онъ, впрочемъ, немедленно оставилъ свое занятіе и повелъ насъ къ своему дому по покатой площадкѣ изъ досокъ, замѣнявшихъ ступени. Домъ былъ довольно обширенъ и хорошо построенъ, съ бамбуковымъ поломъ и стеклянными окнами. Значительную часть его занимала обширная зала раздѣленная на части поддерживавшими ее столбами. Подлѣ окна сидѣла королева, скорчившись на грубомъ деревянномъ креслѣ и жуя неизбѣжный спри и бетель, значительный запасъ котораго стоялъ тутъ же вмѣстѣ съ плевальницею. Самъ раджа расположился на противоположномъ креслѣ съ тѣми же принадлежностями, которыя держалъ маленькій мальчикъ, помѣстившійся у его ногъ. Тутъ же находилось нѣсколько молодыхъ женщинъ, дочерей раджи и рабынь; нѣкоторыя изъ нихъ работали надъ соронгами, большая же часть ничего не дѣлали.

Здѣсь я могъ бы, слѣдуя примѣру большей части путешественниковъ, пуститься въ краснорѣчивое описаніе прелестей этихъ дѣвицъ, ихъ изящныхъ костюмовъ, сіявшихъ на нихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Но увы! уваженіе къ истинѣ не позволяетъ мнѣ представить подобныя описанія, потому что я твердо рѣшился рисовать вѣрную картину посѣщенныхъ мною народовъ и странъ. Принцессы были, правда,

довольно красивы, но ихъ фигуры и костюмы не представляли той свѣжести и пріятности, безъ которыхъ всѣ остальныя прелести лишены привлекательности. Все было чрезвычайно грязно, и для европейца не носило на себѣ ничего королевскаго. Извѣстную долю удовлетворенія возбуждали лишь спокойный и достойный видъ раджи, и окружавшій его необыкновенный почетъ. Въ его присутствіи никто не смѣетъ садиться исключеніемъ насъ; всѣ остальные присутствующіе расположились на полу. У нихъ самое высокое сидѣнье есть въ тоже время и самое почетное. Въ этомъ отношеніи правила этикета соблюдаются такъ строго, что когда лэмбокскій раджа выписалъ себѣ англійскую карету, то она оказалась непригодною для употребленія, такъ какъ сидѣнье кучера было самое высокое, и она хранится въ сараѣ какъ предметъ любопытства. Выслушавъ мою просьбу, раджа сказалъ, что онъ прикажетъ очистить для меня какой либо домъ, такъ какъ постройка новаго потребуетъ слишкомъ много времени. Въ заключеніе намъ по прежнему подали скверный кофе и сласти.

Два дня спустя я обратился къ раджѣ съ просьбою дать мнѣ проводника, который указалъ бы мнѣ назначенный для меня домъ. Онъ немедленно далъ мнѣ человѣка, снабдилъ его надлежащими инструкціями, и черезъ нѣсколько минутъ мы отправились въ путь. Проводникъ мой не говорилъ по малайски и мы шли всю дорогу молча; черезъ часъ мы прибыли въ довольно хорошій домикъ, гдѣ меня попросили присѣсть. Здѣсь жилъ начальникъ округа; черезъ полчаса мы двинулись далѣе и вскорѣ прибыли въ селеніе, гдѣ мнѣ было назначено помѣщеніе. Мы отправились къ сельскому старшинѣ, который вступилъ въ продолжительную бесѣду съ моимъ проводникомъ. Сильно уставъ, я попросилъ указать назначенный для меня домъ, но въ отвѣтъ получилъ только «подождите немножко», и затѣмъ бесѣда продолжалась по прежнему. Тогда я сказалъ, что мнѣ некогда ждать, что я долженъ видѣть домъ и затѣмъ отправиться на охоту въ лѣсъ. Это ихъ смутило и наконецъ одинъ изъ присутствующихъ, знавшій немного малайскій языкъ, объяснилъ мнѣ съ большимъ трудомъ, что они рѣшительно не знаютъ, какой домъ представить къ моимъ услугамъ. Такъ какъ мнѣ не хотѣлось вновь безпокоить раджу, то я счелъ нужнымъ нѣсколько напугать ихъ; я имъ объявилъ, что если они немедленно не укажутъ назначеннаго для меня дома, то я возвращусь назадъ и пожалуюсь раджѣ; если же домъ будетъ указанъ, то за наемъ его я буду платить. Слова мои произвели должное впечатлѣніе, и одинъ изъ старшинъ селенія попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Онъ мнѣ указалъ одну или двѣ самыхъ жалкихъ и

почти развалившихся лачугъ, но я откалался отъ нихъ, настаивая, чтобы мнѣ былъ отведенъ «хорошій домъ, подлѣ лѣса». Домикъ, показанный мнѣ вслѣдъ затѣмъ совершенно пришелся по мнѣ и я потребовалъ, чтобы его очистили на слѣдующій день, намѣреваясь тотчасъ же поселиться въ немъ.

Въ назначенный для переѣзда день я послалъ моихъ макассарскихъ мальчиковъ съ метлами, поручивъ имъ хорошенько вымести домикъ. Къ вечеру они вернулись и объявили, что въ домикѣ еще живутъ прежніе хозяева. Узнавъ, однако, о цѣли прихода моихъ слугъ, они стали собираться къ переѣзду, сильно выражая свое неудовольствіе, что не обѣщало мнѣ на будущее время ничего хорошаго; на слѣдующій день мы уложили нашъ багажъ на трехъ вьючныхъ лошадей и въ полдень прибыли къ мѣсту назначенія.

Разложивъ свои вещи и на скоро пообѣдавъ, я рѣшился расположить къ себѣ по возможности моихъ будущихъ сосѣдей. Поэтому я пригласилъ хозяина и его знакомыхъ на «бочари», или бесѣду. Когда они всѣ усѣлись, я предложилъ имъ немного табаку, и при посредствѣ Бадеруна старался объяснить имъ цѣль моего прибытія; при этомъ я далъ имъ почувствовать, что мнѣ весьма непріятно было выгонять ихъ изъ дома, но что таково было желаніе раджи, котораго я просилъ построить для меня новый домикъ; затѣмъ я вручилъ хозяину дома пять серебряныхъ рупій, въ видѣ мѣсячной платы за помѣщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я старался убѣдить ихъ, что мое пребываніе будетъ для нихъ выгодно, такъ какъ я буду покупать у нихъ яйца, дичь и фрукты; я предложилъ также дѣтямъ приносить мнѣ раковины и насѣкомыхъ, за что также обѣщался щедро платить имъ. Послѣ долгихъ объясненій и переговоровъ, я замѣтилъ наконецъ, что слова мои произвели на присутствующихъ благопріятное впечатлѣніе. Желая узнать, сдержу ли я свое обѣщаніе, ко мнѣ явились въ тотъ же день ребятишки съ экземплярами маленькій Helix, за которые и получили должное вознагражденіе. Дѣти удалились весьма довольными.

Въ нѣсколько дней я хорошо ознакомился съ окружающею мѣстностію, и встрѣтилъ достаточное количество бабочекъ, но весьма мало жуковъ; даже на гнилыхъ пняхъ и вновь срубленныхъ деревьяхъ (обыкновенно столь богатыхъ насѣкомыми), мои поиски не привели почти ни къ какимъ результатамъ. Обстоятельство это убѣдило меня, что по сосѣдству нѣтъ достаточно обширнаго лѣса, близость котораго была бы полезна для моихъ экскурсій. Но такъ какъ черезъ мѣсяцъ должно было наступить дождливое время года и потому было поздно отправить-

ся далѣе во внутрь страны, то я рѣшился остаться на мѣстѣ и довольствоваться тѣмъ, что найду. Къ несчастію, черезъ нѣсколько дней я заболѣлъ лихорадкою, которая вызвала во мнѣ крайнюю усталость и лѣнь ко всякому движенію. Напрасно я старался пересилить себя; я немогъ оставаться на воздухѣ болѣе часу въ день и употреблялъ это время на прогулку около садовъ, гдѣ мнѣ иногда попадались интересные экземпляры насѣкомыхъ; остальное время дня я долженъ былъ сидѣть дома и довольствоваться тѣми жуками и раковинами, которые мнѣ ежедневно приносили ребятишки. Свою болѣзнь я приписывалъ водѣ, которую доставали изъ мелкихъ колодцевъ; послѣдніе всегда были окружены вонючими лужами, въ которыхъ купались буйволы. Подлѣ самаго моего дома отведено было помѣщеніе для трехъ буйволовъ, экскременты которыхъ сильно заражали воздухъ. Али захворалъ тою же болѣзнію, и такъ какъ онъ былъ мой главный помощникъ по препаровкѣ птицъ, то коллекціи мои пополнялись весьма медленно.

Занятія и образъ жизни поселянъ мало отличались отъ жизни другихъ малайскихъ племенъ. Всѣ занятія женщинъ ограничивались тѣмъ, что онѣ толкли и чистили рисъ на обѣдъ, носили дрова и воду, и затѣмъ работали надъ соронгами, которые ткутся изъ туземнаго хлопка. Ткацкіе станки самаго первобытнаго устройства, и вся работа представляетъ весьма медленную и скучную процедуру, такъ какъ въ день вырабатывается обыкновенно кусокъ матеріи не болѣе ярда длиною и полъ-ярда въ ширину. Мужчины разводятъ сири (ѣдкій перечный листъ, который жуютъ вмѣстѣ съ бетелемъ) и немного овощей; разъ въ годъ они распахиваютъ допотопнымъ образомъ на буйволахъ небольшое пространство земли и засѣваютъ его рисомъ, который затѣмъ почти не требуетъ ухода до самой жатвы. Отъ времени до времени имъ приходится поправлять свои дома; кромѣ того, они дѣлаютъ рогожи, корзины и другія вещи для домашняго обихода; большую же часть времени проводятъ въ праздности.

Жители селенія почти не говорили на малайскомъ языкѣ и едва ли кто-либо изъ нихъ видѣлъ передъ тѣмъ европейца, вслѣдствіе чего, къ крайнему моему неудовольствію, я наводилъ страхъ на людей и на животныхъ. Какъ только я появлялся, собаки начинали лаять, дѣти визжали, женщины убѣгали, а мужчины смотрѣли на меня какъ на какое то странное и страшное людоѣдное животное. Даже лошади бросались въ сторону при моемъ появленіи, а что касается до свирѣпыхъ и безстрашныхъ буйволовъ, то я никогда не рѣшался подходить къ нимъ, не изъ боязни за себя, а изъ опасенія за другихъ. При видѣ меня они

сначала вытягивали шею, но, всмотрѣвшись въ меня, срывались съ привязи и стремглавъ бросались бѣжать, не обращая вниманія на попадавшееся на дорогѣ, точно ими овладѣвалъ демонъ. Во избѣжаніе какого-либо несчастія я всегда, завидя буйволовъ, сворачивалъ съ дороги и скрывался въ кустарникѣ. Каждый день около полудня буйволовъ пригоняли въ селеніе и привязывали въ тѣни около домовъ; въ это время я, подобно вору, долженъ былъ красться задними тропинками; вздумай я подойти къ нимъ они надѣлали бы много бѣды дѣтямъ и домамъ. Когда мнѣ случалось подходить къ колодцу, гдѣ женщины брали воду или купались дѣти, то всѣ немедленно обращались въ бѣгство. Такъ какъ подобные случаи бывали ежедневно, то подъ конецъ они сильно надоѣли мнѣ, непривыкшему слыть за людоѣда.

Такъ какъ здоровье мое не поправлялось, а насѣкомыхъ, птицъ и раковинъ было очень мало, то въ половинѣ ноября я рѣшился возвратиться въ прежнее селеніе. Началъ уже дуть вѣтеръ съ запада, и многіе признаки указывали, что дожди наступятъ ранѣе обыкновеннаго; это время года отличается такою сыростію, что почти нѣтъ возможности высушить коллекціи. Благодаря любезности г. Месмана, давшаго мнѣ лошадей и людей (послѣднихъ для переноски птицъ и насѣкомыхъ, такъ какъ я не рѣшился отправить ихъ на лошадяхъ), мы благополучно прибыли домой. Немногіе въ состояніи будутъ представить себѣ то удовольствіе, съ которымъ я привѣтствовалъ мое прежнее комфортабельное помѣщеніе, гдѣ у меня были покойный диванъ и кресло, между тѣмъ какъ передъ тѣмъ я долженъ былъ въ теченіи пяти недѣль пить и ѣсть на полу. Подобныя неудобства неважны еще въ здоровомъ состояніи, но не такъ легко съ ними помириться во время болѣзни.

Сильные западные вѣтры, дующіе въ дождливое время, до такой степени покосили мой домикъ, что я сталъ опасаться за его скорое паденіе. Замѣчательно, что жители Целебеса не умѣютъ укрѣплять строеній діагональными балками. На цѣломъ островѣ нѣтъ дома, который втеченіи двухъ лѣтъ не покосился бы отъ вѣтра, такъ какъ всѣ столбы и балки уложены вертикально или горизонтально и скрѣплены индѣйскимъ тростникомъ. Процессъ наклоненія домовъ встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ самаго легкаго и до грозящаго паденіемъ.

Туземцы придумали только два средства для предотвращенія зла. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что домъ привязываютъ къ столбу, укрѣпленному съ навѣтренной стороны тростниковымъ или бамбуковымъ канатомъ. Второе состоитъ въ томъ, что для двухъ или трехъ

главныхъ столбовъ, служащихъ подпорками, употребляются кривыя деревья. Удивительно, какъ при этомъ туземцы не набрели на истинное средство. Мнѣ часто приходилось встрѣчать кривые столбы въ домахъ, но я объяснялъ себѣ это обстоятельство недостаткомъ хорошихъ прямыхъ деревьевъ. Но однажды я встрѣтилъ нѣсколькихъ человѣкъ, тащившихъ домой бревно, имѣвшее форму задней собачьей ноги, и спросилъ своего слугу, для какого употребленія можетъ служить подобное бревно. «А должно быть для дома» сказалъ онъ. «Но отчего же не выбрать было прямыхъ деревьевъ, которыхъ здѣсь такъ много»? спросилъ я. «Кривое дерево лучше поддерживаетъ домъ», отвѣчалъ онъ, приписывая, очевидно, кривому дереву какое-то таинственное свойство.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Мамаяма (такъ называлась плантація, на которой я жилъ) посѣянъ былъ въ значительномъ количествѣ маисъ, ростки котораго показались наружу черезъ два или три дня: при благопріятной погодѣ онъ созрѣваетъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Вслѣдствіе преждевременныхъ дождей, наводнившихъ окружающую мѣстность, весь сборъ маиса погибъ. Къ счастію, онъ составляетъ предметъ роскоши, а не первой необходимости. Наступившіе дожди служили признакомъ, что пора пахать землю, для рисовыхъ посѣвовъ. Туземный плугъ представляетъ грубое деревянное орудіе съ весьма короткою рукояткой; сошникъ устроенъ довольно сносно, наконечникъ сдѣланъ изъ куска твердаго пальмоваго дерева и укрѣпленъ клиньями. Въ плугъ впрягаютъ одного или двухъ буйволовъ, движущихся медленнымъ шагомъ, сѣмена бросаются рукою. Грубая деревянная борона разравниваетъ почву.

Въ началѣ декабря дождливый сезонъ вступилъ во всѣ свои права. По цѣлымъ днямъ дули западные вѣтры и шли дожди; на нѣсколько миль кругомъ поля были покрыты водою, и для утокъ и буйволовъ наступилъ настоящій праздникъ. Всюду виднѣлись пахари, державшіеся одной рукой за рукоятку плуга, свободно двигавшагося по грязи и водѣ, а другою погонявшіе буйволовъ бамбуковою тростью. Эти животныя очень лѣнивы и требуютъ постоянныхъ покрикиваній, которыя не прекращались цѣлый день. Ночью насъ угощали другого рода концертомъ. Вокругъ моего дома образовалось настоящее болото, въ которомъ лягушки производили необыкновенный шумъ съ сумерокъ до разсвѣта; по временамъ онѣ издавали довольно музыкальные звуки, походившіе иногда на настраиваніе двухъ или трехъ віолончелей въ оркестрѣ. На Малаккѣ и Борнео я не слышалъ подобныхъ звуковъ, что доказываетъ, что на Целебесѣ лягушки, какъ и большая часть животныхъ, представляютъ много особенностей.

Мой пріятель и хозяинъ, г. Месманъ, могъ служить хорошимъ типомъ голландца, родившагося въ Макассарѣ. Ему было тридцать пять лѣтъ; жилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ въ обширномъ домѣ подлѣ города, расположенномъ среди фруктоваго сада, окруженномъ цѣлымъ рядомъ службъ, конюшень и туземныхъ домиковъ, въ которыхъ жили его многочисленные слуги и рабы. Онъ вставалъ обыкновенно передъ восходомъ солнца, выпивалъ чашку кофе и отправлялся осматривать работы, лошадей и собакъ; въ семь часовъ онъ садился за завтракъ, состоявшій изъ риса и мяса и подававшійся на прохладной верандѣ. Затѣмъ онъ отправлялся въ экипажѣ въ городъ, гдѣ у него была контора, въ которой занимались двое или трое китайцевъ. Онъ велъ торговлю кофе и опіумомъ. Въ Бонтанѣ у него была кофейная плантація и небольшое судно, которое вело торговлю съ восточными островами, лежащими подлѣ Новой Гвинеи; предметомъ торговли служили перламутръ и черепашьи брони.

Около часу онъ возвращался домой, гдѣ принимался за кофе и пирожное, облекшись предварительно въ цвѣтную бумажную рубашку и такіе же шаровары; затѣмъ усаживался отдыхать съ книгой въ рукахъ. Въ четыре часа, послѣ чашки чаю, онъ обходилъ свои владѣнія и обыкновенно заходилъ ко мнѣ въ Мамаямъ, пользуясь этимъ случаемъ для осмотра своей фермы.

Послѣдняя состояла изъ кофейной плантаціи и фруктоваго сада; при ней находилось съ дюжину лошадей и штукъ двадцать рогатаго скота; тутъ же расположена была небольшая деревня, населенная тиморскими рабами и макассарскими слугами. Одно семейство смотрѣло за рогатымъ скотомъ и снабжало домъ молокомъ. Каждый день въ полдень мнѣ тоже приносили большой стаканъ молока, который я выпивалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Другіе косили траву для лошадей своего господина, находившихся въ Макассарѣ; въ знойное время трудъ ихъ довольно тяжелъ, такъ какъ вся мѣстность была почти выжжена, а въ дождливое время на нѣсколько миль кругомъ была вода. Для меня было загадкою, какъ они могли добывать сѣно для лошадей, но во всякомъ случаѣ они справлялись съ своей работой.

Присмотръ за утками порученъ былъ одной хромой женщинѣ. Два раза въ день она угоняла ихъ въ ближайшее болото, гдѣ они плескались часа два и затѣмъ запирала въ небольшой темный хлѣвъ, откуда повременамъ доносилось меланхолическое кряканье. На ночь ставился сторожъ, главнымъ образомъ для безопасности лошадей, такъ какъ жители Гоа, находившіеся въ двухъ миляхъ отъ фермы, слыли ворами

*

большой руки, а лошади составляли легкую и цѣнную добычу. Такимъ образомъ я могъ спать спокойно, хотя многіе макасарцы находили, что я подвергаюсь большой опасности, живя одинъ въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, окруженномъ дурными сосѣдями.

Занимаемый мною домикъ окруженъ былъ чѣмъ то въ родѣ цвѣтника; тутъ были розы, жасмины и другіе цвѣты; каждое утро одна изъ женщинъ набирала цѣлую корзину цвѣтовъ для семейства г. Месмана. Они тоже красовались у меня на столѣ, и запасъ цвѣтовъ былъ такъ великъ, что ихъ всегда было вдоволь во все время моего пребыванія. Почти каждое воскресенье г. Месманъ отправлялся на охоту съ своимъ старшимъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ пятнадцати; я тоже имъ сопутствовалъ. Хотя голландцы и протестанты, но они не такъ строго соблюдаютъ воскресенье какъ въ Англіи и въ англійскихъ колоніяхъ. По воскресеньямъ же у мѣстнаго губернатора бывали вечера, на которыхъ игра въ карты составляла главное развлеченіе.

12 декабря я сѣлъ на судно, отправлявшееся на островъ Ару и свое путешествіе опишу въ послѣдней части этого сочиненія.

По возвращеніи назадъ, послѣ семимѣсячнаго отсутствія, я изслѣдовалъ сѣверную часть Макассара и результатъ своихъ наблюденій передамъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XVI.

ЦЕЛЕБЕСЪ.

Птицы и насѣкомыя.—Характеръ мѣстности.—Невѣрность описаній тропическихъ ландшафтовъ.—Геологическое строеніе острова.—Наступленіе дождей

Я возвратился въ Макассаръ 11-го іюля и остановился на моей старой квартирѣ въ Мамаямѣ, гдѣ занялся сортировкой, чисткой и укладкой коллекцій, собранныхъ мною на островахъ Ару. На приведеніе ихъ въ порядокъ потребовалось мѣсяцъ времени; отправивъ коллекціи въ Сингапуръ, я сталъ помышлять о новыхъ занятіяхъ, предстоявшихъ мнѣ во второй половинѣ года; къ этому времени мнѣ были доставлены изъ Англіи новое ружье, булавки, значительный запасъ мышьяку и другихъ принадлежностей, необходимыхъ для собиранія моихъ коллекцій.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Макассара, окрестности послѣдняго, какъ я уже писалъ, были вспаханы и засѣяны рисомъ. Дожди шли цѣлые пять мѣсяцевъ; къ возвращенію моему рисъ былъ уже сжатъ и, какъ въ первый мой пріѣздъ, взорамъ моимъ представлялись поля, покрытыя сухими, запыленными стеблями.

Послѣ многихъ распросовъ я рѣшился посѣтить мѣстность Маросъ, лежащую въ 30 миляхъ на сѣверъ отъ Макассара; здѣсь жилъ Яковъ Месманъ, братъ моего друга, любезно предложившій мнѣ свои услуги. Запасшись видомъ, я въ одинъ прекрасный вечеръ нанялъ лодку и отправился въ Маросъ. Али сильно захворалъ лихорадкою, и я принужденъ былъ оставить его въ больницѣ на попеченіе знакомаго мнѣ доктора; такимъ образомъ мнѣ опять пришлось имѣть дѣло съ новыми неопытными слугами. Мы плыли всю ночь, держась постоянно берега, и на разсвѣтѣ вошли въ рѣку Маросъ; въ селеніе мы прибыли лишь въ 3 часа пополудни.

Я послалъ за носильщиками и лошадьми, которыхъ мнѣ обѣщали привести въ туже ночь, что дало бы мнѣ возможность рано утромъ двинуться въ путь. Выпивъ чашку чаю, я улегся въ лодкѣ и вскорѣ заснулъ. Но въ назначенное время явилась только часть носильщиковъ, остальные же прибыли лишь на слѣдующее утро. Мнѣ стоило большого труда правильно распредѣлить между ними багажъ: каждый старался избавиться отъ тяжелыхъ вещей и поскорѣй удалиться, захвативъ что нибудь полегче. Наконецъ въ 8 часовъ мы тронулись въ путь.

Мѣстность, по которой мы шли, представляла сначала однообразную равнину, покрытую совершенно засохшими рисовыми стеблями; пройдя нѣсколько миль, мы замѣтили крутыя возвышенности, примыкавшія къ центральному горному хребту полуострова; еще далѣе намъ встрѣтились на пути глыбы и обломки известняка, среди которыхъ въ видѣ острововъ возвышались коническіе холмы.

Мы шли по возвышенной тропинкѣ, прилегавшей къ откосу одной горы и вскорѣ нашимъ взорамъ представилась живописная картина. Передъ нами разстилалась небольшая долина, почти со всѣхъ сторонъ окруженная горами, которыя круто возвышались надъ глубокими пропастями и принимали самыя разнообразныя и фантастическія формы: узловъ, отдѣльныхъ вершинъ и куполовъ. Въ самомъ центрѣ долины стоялъ большой бамбуковый домъ, вокругъ котораго было разбросано около дюжины хижинъ, построенныхъ изъ того же матеріяла.

Я былъ весьма любезно принятъ г. Месманомъ, который послѣ завтрака повелъ меня въ домъ своего управляющаго, предложивъ къ моимъ услугамъ половину его помѣщенія, впредь до постройки для меня особаго домика. Новое мое помѣщеніе слишкомъ было подвержено вліянію вѣтра и пыли, а потому оказалось непригоднымъ для моихъ занятій. Къ тому же здѣсь послѣ полудня было слишкомъ жарко, такъ что черезъ нѣсколько дней со мной случился сильный припадокъ лихорадки, обстоятельство, окончательно побудившее меня покинуть это мѣсто. Я выбралъ для своего новаго жилища мѣсто на лѣсистой горѣ, въ разстояніи мили отъ прежняго. Въ нѣсколько дней мнѣ былъ выстроенъ небольшой домикъ, состоявшій изъ обширной веранды съ маленькою спальнею и такою же кухнею, стоявшею особо. Я немедленно перебрался на новоселье и нашелъ для себя перемѣну чрезвычайно пріятною. Окружавшій меня лѣсъ состоялъ изъ громадныхъ деревьевъ, далеко отстоявшихъ другъ отъ друга. Между ними много было сахарныхъ пальмъ, изъ которыхъ добываются вино и сахаръ, а также дикихъ хлѣбныхъ деревьевъ (Artocarpus), волокнистые плоды которыхъ служатъ прекрасными ово-

щами. Земля была также усѣяна сухими листьями, какъ англійскій лѣсъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; небольшіе горные ручьи всѣ высохли, и кругомъ не видно было ни капли воды; на разстояніи 50 ярдовъ отъ моего домика, у подножія горы находился глубокій родникъ хорошей воды, которою я ежедневно обливался.

Хозяинъ мой велъ совершенно деревенскій образъ жизни и посвящалъ значительное время охотѣ, снабжавшей его столъ провизіею. Въ окрестностяхъ водилось множество дикихъ свиней, попадались и олени. Буйволы доставляли въ изобиліи молоко, изъ котораго приготовлялось масло; не было недостатка въ уткахъ и курахъ, а также въ рисѣ и кофе. Пальмы снабжали его круглый годъ напиткомъ, замѣнявшимъ пиво, а сахаръ, добываемый изъ нихъ, служилъ отличнымъ пирожнымъ. Прекрасныхъ тропическихъ овощей и плодовъ было вдоволь; сигары хозяинъ курилъ изъ табака собственной плантаціи; каждое утро онъ присылалъ мнѣ кружку буйволоваго молока, которое такъ же густо какъ сливки, и чтобы сохранить его весь день жидкимъ, мнѣ приходилось разводить его водою. Буйволовое молоко можно употреблять съ чаемъ и кофе, хотя оно и имѣетъ особенный (впрочемъ слабый) запахъ, къ которому легко привыкнуть. Я пилъ также въ волю пальмовое вино. Что касается до провизіи, то у меня всегда ея было въ изобиліи, такъ какъ г. Месманъ всегда присылалъ мнѣ по куску отъ каждой убитой имъ свиньи; къ тому же у насъ вдоволь было живности, яицъ, дичи, которую мы стрѣляли сами, и буйволоваго мяса.

Окружающая мѣстность была засѣяна рисомъ и табакомъ; тутъ же были посажены и овощи. Откосы горъ были усѣяны обломками скалъ, сильно затруднявшими восхожденіе на гору; нѣкоторыя же возвышенности были совершенно неприступны по своей крутизнѣ. Это обстоятельство, въ связи съ чрезвычайною засухою, мало благопріятствовало моимъ экскурсіямъ. Я встрѣтилъ здѣсь мало птицъ, изъ которыхъ лишь весьма немногія были мнѣ неизвѣстны. Насѣкомыя водились въ достаточномъ количествѣ, но распредѣленіе ихъ было весьма неравномѣрно. Жуковъ напримѣръ было чрезвычайно мало: нѣкоторыя семейства вовсе не имѣли представителей, другія же, хотя и имѣли, но весьма ограниченное число. За то особенно многочисленны были мухи и пчелы, и мнѣ ежедневно попадались новые и интересные виды. Главнымъ предметомъ моихъ поисковъ были рѣдкія и красивыя целебесскія бабочки, и я встрѣтилъ въ числѣ ихъ нѣсколько совершенно новыхъ для меня видовъ, но движенія этихъ насѣкомыхъ такъ быстры, что мнѣ стоило большого труда захватить ихъ въ плѣнъ. Онѣ водились почти исключительно въ высохшихъ руслахъ

лѣсныхъ потоковъ, гдѣ каждое сырое мѣсто, каждая лужа изобиловали всякаго рода насѣкомыми. Здѣсь я встрѣтилъ три вида ornithoptera, съ прекрасными атласно-желтыми пятнами на черномъ фонѣ. На влажныхъ мѣстахъ мнѣ попадались цѣлые рои красивыхъ бабочекъ съ голубыми полосками, papilio miletus и p. telephus, а также бабочки прекраснаго зеленаго цвѣта съ золотистымъ отливомъ, p. macedon, и рѣдкая papilio rhesus. Мнѣ удалось пріобрѣсти прекрасные экземпляры каждаго изъ этихъ видовъ, хотя это и стоило большого труда.

Вообще я былъ чрезвычайно доволенъ результатами моихъ изслѣдованій. Утромъ, въ то время какъ я пилъ кофе, мнѣ часто приходилось видѣть на окружавшихъ меня деревьяхъ рѣдкихъ птицъ, и иногда мнѣ удавалось захватывать ихъ въ плѣнъ. Большіе целебесскіе клювороги (Buceros cassidix), полетъ которыхъ сопровождается шумнымъ хлопаньемъ крыльевъ, часто садились на высокое дерево, находившееся прямо у меня передъ глазами; сюда являлись и черные навіаны, Cynopithecus nigrescens, удивлявшіеся, повидимому, столь неслыханному вторженію въ ихъ владѣнія; ночью бродили около дома стада дикихъ свиней, отъ которыхъ мы должны были прятать все съѣстное и ломкое. При восходѣ и заходѣ солнца жуки избирали своимъ мѣстопребываніемъ повалившіяся деревья, встрѣчавшіяся около моего дома, и въ нѣсколько минутъ я дѣлался владѣльцемъ богатой добычи; вообще рѣдкая минута проходила безъ пользы. У надрѣзовъ пальмы, изъ которыхъ вытекаетъ сокъ, скоплялось множество мухъ, доставившихъ мнѣ чрезвычайно интересную группу этихъ насѣкомыхъ.

А какъ удачны были мои странствованія по высохшимъ русламъ рѣкъ, осѣненныхъ великолѣпною растительностію. Вскорѣ мнѣ были знакомы въ нихъ каждая лужица, каждый камешекъ, каждый пень, и я приближался къ нимъ съ затаеннымъ дыханіемъ, зная напередъ, что меня ожидаетъ богатая добыча. Въ одномъ мѣстѣ я встрѣчалъ рѣдкую бабочку Tachyris zarinda, крылья которой окрашены въ ярко-оранжевый и киноварно-красный цвѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ попадалась большая Ornithoptera, легко дѣлавшаяся моею добычею. На нѣкоторыхъ гнилыхъ пняхъ навѣрное уже водился небольшой, но замѣчательный жукъ, Therates flavilabris, а въ густыхъ кустарникахъ бабочки голубого цвѣта съ металлическимъ отливомъ (Amblypodia), а также рѣдкіе и красивые лиственные жуки, изъ семействъ Hispidae и Chrysomelidae.

Я замѣтилъ, что гнилые плоды хлѣбнаго дерева особенно привлекательны для многихъ жуковъ, и здѣсь мнѣ попадались въ громадномъ количествѣ различные виды этихъ насѣкомыхъ: Staphylinidae, Nitidu-

Бамбуковый мостъ.

lidae, Onthophagi и крошечные Carabidae. Люди, приготовлявшее пальмовое вино, приносили мнѣ иногда прекраснаго жука (Sternoplus shaumii), который очень любитъ этотъ напитокъ.

Изъ птицъ я видѣлъ только краснаго дрозда (Pitta celebensis и голубя съ фіолетовымъ хохолкомъ (Ptilonopus celebensis), представляющихъ большое сходство съ птицами, найденными мною на островахъ Ару.

Въ концѣ сентября начались сильные ливни, предвѣщавшіе наступленіе дождливаго сезона, вслѣдствіе чего я рѣшился посѣтить водопадъ рѣки Маросъ, находящійся у самаго истока послѣдней; мѣсто это слыветъ весьма живописнымъ и его часто посѣщаютъ путешественники. Г. Месманъ далъ мнѣ лошадь, а изъ сосѣдняго селенія я взялъ проводника и, захвативъ съ собою также слугу, отправился въ шесть часовъ утра въ путь. Часа черезъ три мы были у цѣли нашего путешествія. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ виднѣвшіяся вдали горы смыкались въ плотное кольцо и наконецъ мы очутились въ долинѣ, въ четверть мили шириною, окруженной обрывистыми и почти нависшими известковыми скалами.

Мы остановились въ хижинѣ, выстроенной для путешественниковъ; оставивъ здѣсь багажъ, я отправился одинъ къ водопаду, отстоящему отсюда на четверть мили. Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около двадцати ярдовъ въ ширину и выходитъ изъ ущелья, образуемаго двумя вертикальными стѣнами известняка. Вода падаетъ съ высоты сорока футовъ на базальтовую скалу, имѣющую округленную форму, и, обратившись здѣсь въ пѣну, стремится далѣе въ глубокую пропасть. На разстояніи полумили находится другой водопадъ поменьше. Къ самому водопаду можно подойти только по тропинкѣ, вьющейся вдоль громаднаго обломка скалы, частью отдѣлившейся отъ горы; внизу этой разсѣлины, имѣющей наверху отъ двухъ до трехъ футовъ ширины, виднѣется мрачная бездна, ведущая въ самыя нѣдра горы.

Мѣстность эта представляетъ чрезвычайно много живописныхъ ущелій, долинъ и крутыхъ возвышенностей; но при всемъ моемъ желаніи проникнуть далѣе, гдѣ я могъ встрѣтить столько интереснаго, я не рѣшился предпринять дальнѣйшее путешествіе по многимъ причинамъ. Во первыхъ у меня не было проводника, а во вторыхъ у меня не было разрѣшенія посѣтить территоріи Бугисъ (Bugis); къ тому же со дня на день слѣдовало ожидать дождей и въ такомъ случаѣ разливъ рѣки помѣшалъ бы моему возвращенію. Поэтому я рѣшился воспользоваться моимъ кратковременнымъ пребываніемъ у водопада для ознакомленія съ мѣстными естественными произведеніями.

Въ узкихъ ущельяхъ я встрѣтилъ нѣсколько совершенно незнакомымъ мнѣ насѣкомыхъ, а также новую птицу, интересную Phlaegenas tristigmata, видъ большого голубя съ желтыми—грудью и хохолкомъ и шеей пурпурнаго цвѣта. Ущелья эти служатъ главными путями сообщенія между Маросомъ и страною Бугисъ. Во время дождей онѣ наполняются водой и дѣлаются совершенно непроходимыми. Даже во время моего пребыванія тамъ проходъ по нимъ былъ въ высшей степени утомителенъ и даже опасенъ, но мнѣ приходилось видѣть ежедневно, какъ переправлялись черезъ нихъ женщины и дѣти; мужчины же шли съ тяжелыми ношами пальмоваго сахара, не имѣющаго большой цѣнности. Я встрѣтилъ особенно много насѣкомыхъ на тропинкѣ, пересѣкающей мѣстность между верхнимъ и нижнимъ водопадами. Здѣсь лѣниво лежали цѣлыми десятками большія полупрозрачныя бабочки, Idea tondana; здѣсь же я встрѣтилъ предметъ моихъ неусыпныхъ поисковъ великолѣпную papilio androcles, одну изъ самыхъ большихъ и рѣдкихъ бабочекъ. Втеченіи моего четырехдневнаго пребыванія у водопадовъ мнѣ удалось пріобрѣсти шесть прекрасныхъ экземплярявъ этого вида бабочекъ. Въ полдень, когда особенно ярко свѣтило солнце, влажный берегъ рѣки вблизи водопада представлялъ чрезвычайно привлекательное зрѣлище: онъ былъ усѣянъ бабочками самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ—оранжеваго, желтаго, бѣлаго, голубого, зеленаго; стоило ихъ нѣсколько потревожить и онѣ подымались цѣлыми сотнями на воздухъ, образуя облака ярко-пестрыхъ цвѣтовъ.

Подобныхъ ущелій и пропастей мнѣ не приходилось встрѣчать на архипелагѣ. Всѣ возвышенности были здѣсь чрезвычайно круты и почти отвѣсны. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь нѣтъ уголка, который не былъ бы украшенъ роскошною растительностью. Папоротники, Pandanaceae, ползучія растенія и даже лѣсныя деревья переплелись въ пестрый коверъ, который мѣстами пробиваетъ бѣлый известнякъ или мрачныя пещеры, которыхъ здѣсь особенно много. Такая богатая растительность могла развиться лишь благодаря особому строенію мѣстности. Поверхность ея отличается большою неправильностію; отъ каждаго выступа ея спускаются сталактиты, которые представляютъ такую прекрасную опору для корней растеній, развитію которыхъ также много способствуетъ теплая, влажная атмосфера, и изобиліе воды. На гладкой поверхности скалы растительности почти нѣтъ, за исключеніемъ развѣ лишаевъ и папоротниковъ.

Представленная мною картина покажется неполною читателю, которому извѣстна тропическая природа лишь по книгамъ и ботаничес-

кимъ садамъ. Онъ навѣрное замѣтитъ, что я забылъ упомянуть о тропическихъ цвѣтахъ, отличающихся такою яркостію красокъ. Но то-ли мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности? Откровенно говоря, во всей окружавшей меня массѣ зелени, я не встрѣтилъ ни одного мѣстечка, ни одного растенія, которое бросалось бы въ глаза яркостію своихъ красокъ, которую обыкновенно приписываютъ тропической природѣ, хотя, правда, цвѣтъ и видъ листьевъ растеній отличаются безконечнымъ разнообразіемъ. Тоже отсутствіе яркости красокъ замѣчено было мною въ южной Америкѣ и во многихъ другихъ тропическихъ странахъ, такъ что я прихожу къ убѣжденію, что нарисованная мною выше картина не составляетъ исключенія, а можетъ вообще характеризовать всѣ тропическія страны. Но отчего въ описаніяхъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ совершенно иное? И наконецъ этому противорѣчатъ и извѣстные намъ образцы тропической растительности! На это легко отвѣтить. Прекрасныя тропическія цвѣточныя растенія, красующіяся въ нашихъ оранжереяхъ, привезены изъ самыхъ разнообразныхъ странъ и потому даютъ весьма ложное понятіе о растительности той или другой мѣстности. Многія изъ нихъ весьма рѣдки, отличаются исключительно мѣстнымъ характеромъ, наконецъ значительное число ихъ произрастаетъ въ безводныхъ пустыняхъ Африки и Индіи, гдѣ тропическая растительность теряетъ свой обыкновенной характеръ.

Тропическая растительность характеризуется скорѣе красивою и разнообразною листвою, чѣмъ пестрыми цвѣтами; при томъ, тамъ гдѣ первая достигаетъ крайняго развитія, цвѣты сохраняютъ свою красоту лишь втеченіи нѣсколькихъ недѣль, и иногда нѣсколькихъ дней. Продолжительное пребываніе укажетъ въ каждой мѣстности изобиліе великолѣпныхъ растеній, украшенныхъ яркими цвѣтами, но во первыхъ онѣ встрѣчаются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, а во вторыхъ въ одно и тоже время или въ одномъ и томъ же мѣстѣ ихъ никогда не встрѣчается на столько много, чтобы отъ нихъ зависѣлъ видъ ландшафта. Но путешественники обыкновенно описовали и группировали вмѣстѣ всѣ великолѣпныя растенія, видѣнныя ими втеченіи продолжительнаго путешествія, и такимъ образомъ дарили насъ въ сущности небывалымъ ландшафтомъ. Имъ рѣдко приходилось изучать и описывать картины отдѣльныхъ мѣсностей, отличающихся особеннымъ богатствомъ и красотою растительности. Мнѣ же случалось часто останавливаться на подобныхъ ландшафтахъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что яркія краски цвѣтовъ скорѣе составляютъ отличительное свойство умѣреннаго чѣмъ тропическаго климата. Втеченіи двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ мною среди

самой роскошной тропической растительности, мнѣ ни разу не пришлось видѣть картины, которая по богатству красокъ произвела бы на меня впечатлѣніе, подобное производимому на нашихъ ландшафтахъ дракомъ, верескомъ, дикимъ гіацинтомъ, ранункулами и другими.

Геологическое строеніе этой части Целебеса не лишено интереса. Известнякъ, хотя и тянется на громадномъ протяженіи, но встрѣчается лишь на поверхности, основаніемъ же служитъ базальтъ, который почти всегда попадается и въ каменистыхъ руслахъ потоковъ. Вслѣдствіе дѣйствія воды и дождей известнякъ становится сухъ и шероховатъ, принимая сотообразный видъ; базальтъ же, на который часто ступаетъ голая нога пѣшехода, отличается влажною и гладкою поверхностью. Растворимость известняка въ дождевой водѣ особенно замѣтна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проникаетъ почву наносныхъ равнинъ. Отдѣльныя глыбы извѣстняка принимаютъ здѣсь видъ кеглей, при чемъ середина гораздо толще основанія; наибольшую ширину онѣ представляютъ на самомъ верху, т. е. на томъ мѣстѣ, до котораго доходитъ вода, и за тѣмъ къ основанію постепенно утоньчаются, такъ что иногда онѣ покоятся какъ бы на одной точкѣ. Когда известковая масса сдѣлается менѣе твердою, то отъ дѣйствія дождей втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, принимаетъ совершенно сотообразный видъ; мнѣ приходилось видѣть массы изветняка, обращенныя какъ бы въ рѣшето. Пространство, лежащее между известковыми горами и моремъ представляетъ совершенно гладкую наносную равнину, и нѣтъ ни малѣйшаго признака, который указывалъ бы на скопленіе въ нѣдрахъ ея воды; между тѣмъ макассарскія власти потратили много денегъ, пробуравивъ въ ней колодезь въ тысячу футовъ глубиною, въ надеждѣ найти въ ней богатый запасъ воды, подобно открытому артезіанскими колодцами въ Лондонѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что попытка ихъ осталась безуспѣшна.

Возратившись въ мою лѣсную хижину, я снова предался собиранію птицъ и насѣкомыхъ. Но погода стояла необыкновенно жаркая и сухая, такъ что изчезла и послѣдняя влага, а вмѣстѣ съ нею изчезли и насѣкомыя. Только на одну группу насѣкомыхъ засуха не имѣла никакого вліянія: двукрылыхъ было болѣе чѣмъ когда либо, такъ что втеченіи недѣли или двухъ мнѣ пришлось заняться исключительно ими, и моя коллекція обогатилась почти двумя стами видовъ этой группы насѣкомыхъ. Мнѣ удалось также встрѣтить нѣсколько новыхъ видовъ птицъ, въ томъ числѣ два или три вида небольшихъ ястребовъ и соколовъ, прекраснаго попугая съ щеткообразнымъ языкомъ, Trichoglossus ornatus, и рѣдкую черную и бѣлую ворону, Corvus advena.

Наконецъ въ половинѣ октября наступили дожди, лившіе почти каждый день послѣ полудня, предвѣщая начало зимняго сезона. Я разсчитывалъ на богатую добычу по части насѣкомыхъ и до извѣстной степени не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Особенно много появилось жуковъ, въ томъ числѣ и Cagabidae, которые вообще не многочисленны у тропиковъ. Но бабочки совершенно изчезли. Въ это время я остался совершенно безъ прислуги, которой у меня было три человѣка; одинъ изъ нихъ ушелъ отъ меня, а остальные два захворали лихорадкой и дизентеріей, къ чему еще присоединилась опухоль ногъ; стоны ихъ раздавались по всему дому втеченіи нѣсколькихъ дней. Когда имъ стало лучше, захворалъ я; сырость проникала всюду и я долженъ былъ подумать о возвращеніи въ Макассаръ, тѣмъ болѣе, что переправа на небольшой открытой лодкѣ, при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ, была и непріятна и опасна.

Съ наступленіемъ дождей появилось множество большихъ тысяченожекъ, въ палецъ толщиною и въ восемь или десять дюймовъ длиною; онѣ ползали всюду: на дорожкахъ, по деревьямъ, около дома,—и въ одно утро одна забралась даже ко мнѣ на постель! Онѣ, были темно-свинцоваго или кирпично-краснаго цвѣта, и настолько отвратительны на видъ, что встрѣча съ ними на каждомъ шагу не представляла ничего привлекательнаго, хотя онѣ совершенно безвредны. Стали появляться и змѣи. Онѣ лежатъ обыкновенно свернувшись на листьяхъ или кустахъ и замѣтить ихъ съ перваго раза трудно. Мнѣ удалось убить двѣ изъ нихъ ярко-зеленаго цвѣта, принадлежащихъ къ весьма распространенному виду. Въ поискахъ за насѣкомыми мнѣ приходилось сбивать сѣткою сухіе листья, при чемъ въ послѣднюю попадали иногда и змѣи, что сдѣлало меня на будущее время осторожнѣе: я не опускалъ руку въ сѣтку, не удостовѣрившись предварительно, какого рода добыча въ нее попала. Выжженые и безплодные поля и луга вдругъ покрылись прекрасною высокою травою; русла рѣкъ, по которымъ мнѣ приходилось такъ часто бродить, сдѣлались глубокими и быстрыми потоками; всюду кругомъ распустились растенія. Появилось множество новыхъ насѣкомыхъ, и будь у меня хорошее просторное помѣщеніе, защищенное отъ дождя и вѣтра, я остался бы здѣсь на зимній сезонъ, въ полной увѣренности, что мои коллекціи обогатятся новыми экземплярами, которые невозможно будетъ пріобрѣсти въ другое время года. Но мое лѣтнее помѣщеніе совершенно не подходило подъ эти условія. Во время дождей влажность проникала всюду, и я сталъ опасаться за свои коллекціи, сохраненіе которыхъ въ сухомъ видѣ стоило мнѣ большого труда.

Въ началѣ ноября я возвратился въ Макассаръ и уложивъ свои коллекціи отправился на голландскомъ пароходѣ на Амбойну и Тернатъ. Описаніе этого путешествія я на время отлагаю, а въ слѣдующей главѣ окончу отчетъ о Целебесѣ, описавъ крайній сѣверъ острова, посѣщенный мною два года спустя.

ГЛАВА XVII.

ЦЕЛЕБЕСЪ.

Городъ Менадо.— Его жители.— Ихъ способность къ цивилизаціи.— Туземные начальники.— Землетрясеніе.— Народная школа.— Голландская система управленія туземцами.— Ея результаты,— Неудовольствіе купцовъ.— Слабость увеличенія населенія.— Причины того.— Грязные вулканы и вулканическіе грязные источники.—Оригинальныя мѣстныя животныя.— Мнимый инстинктъ дикихъ.

Послѣ пребыванія моего въ Тиморъ-Купангѣ, я посѣтилъ сѣверо-восточную оконечность Целебеса по дорогѣ на Банду, Амбойну и Тернатъ. Я достигъ Менадо 10-го іюня 1859 г. и былъ весьма радушно принятъ м-ромъ Тоуэромъ, англичаниномъ, который очень давно жилъ въ въ Менадо, гдѣ исправлялъ какую то должность. Онъ познакомилъ меня съ м-ромъ Дивенбоденомъ (отецъ его былъ моимъ другомъ въ Тернатѣ), весьма любившимъ естественную исторію, и съ м-ромъ Нейсомъ, туземцемъ Менадо, но который воспитывался въ Калькуттѣ и для котораго языки голландскій, англійскій и малайскій были одинаково хорошо знакомы. Всѣ эти господа были ко мнѣ чрезвычайно добры, сопровождали меня въ моихъ прогулкахъ по странѣ и помогали мнѣ всѣмъ, чѣмъ только могли. Я прожилъ въ городѣ съ недѣлю и провелъ это время весьма пріятно, разузнавая и распрашивая о томъ, гдѣ бы найти наиболѣе благопріятное мѣсто для собиранія коллекцій, что представляло значительное затрудненіе, вслѣдствіе обширной разработки кофе и какао, имѣвшей слѣдствіемъ вырубку лѣса на пространствѣ многихъ миль вокругъ города и далеко во внутрь страны.

Городокъ Менадо одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ на востокѣ. Онъ имѣетъ видъ обширнаго сада съ рядами загородныхъ виллъ и широкими дорогами между ними, при чемъ улицы перекрещиваются обы-

ковенно подъ прямыми углами. Нѣсколько хорошихъ дорогъ вѣтвится по направленію къ центру, и на нихъ встрѣчаются то хорошенькіе деревенскіе домики, то прекрасные сады и богатыя плантаціи, а между ними мѣста, заросшія фруктовыми деревьями. Къ западу и къ югу страна покрыта горами и группами красивыхъ вулканическихъ пиковъ отъ 6,000 до 7,000 футовъ вышиною, что составляетъ величественный и живописный фонъ ландшафта.

Обитатели Минагасы (такъ называется эта часть Целебеса) значительно отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ архипелага. Они слегка коричневаго или желтаго цвѣта и по красотѣ своей нерѣдко приближаются къ европейцамъ; росту они скорѣе небольшого, сложены хорошо и крѣпко; выраженіе лица открытое и пріятное, но съ годами лицо нѣсколько искажается отъ выдающихся скуловыхъ костей; волосы же у нихъ такіе же, какіе вообще свойственны малайскимъ расамъ, т. е. длинные, прямые, и какъ смоль черные. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ внутри страны, гдѣ, какъ полагаютъ, племя сохранило наиболѣе чистый типъ, какъ мужчины, такъ и женщины замѣчательно красивы; но ближе къ берегамъ, гдѣ чистота крови была нарушена смѣшеніемъ съ другими племенами, они приближаются уже къ обыкновенному типу дикихъ обитателей окрестныхъ странъ.

Въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ они также значительно отличаются отъ другихъ народовъ. Они замѣчательно спокойны и смирны, легко поддаются вліянію того, кого считаютъ выше себя и весьма способны выучиваться и перенимать нравы цивилизованнаго народа. Они смышленые механики и повидимому весьма способны къ значительному умственному развитію.

Еще въ весьма недавнее время народъ этотъ былъ совершенно дикъ, и въ Менадо еще и теперь живутъ личности, которыя помнятъ совершенно такое положеніе дѣлъ, какое описывается писателями шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Жители нѣсколькихъ деревень составляли отдѣльное племя, имѣвшее своего особаго начальника; всѣ такія племена говорили непонятными другъ для друга языками и вели между собою постоянную войну. Они строили свои дома на высокихъ столбахъ для защиты отъ нападеній враговъ. Занимались они главнымъ образомъ охотою, подобно борнейскимъ дайакамъ и, какъ говорятъ, иногда ѣли людей. Когда умиралъ начальникъ, могила его украшалась двумя свѣжими человѣческими головами, и если для этого нельзя было достать головы враговъ, то убивались невольники. Человѣческія головы считались самымъ лучшимъ украшеніемъ домовъ начальниковъ. Полосы тон-

кой древесной коры составляли единственную ихъ одежду. Страна была непроходимо дика съ небольшими клочками обработанной земли, засѣянной рисомъ и зеленью и группами плодовыхъ деревьевъ, прерывавшихъ однообразіе безконечнаго лѣса. Религіею ихъ было то естественное чувство, которое пробуждается въ неразвитомъ умѣ при содержаніи великихъ явленій и роскоши тропической природы. Горящая гора, потокъ и озеро были жилищами ихъ божествъ, а нѣкоторыя деревья и птицы, какъ они утверждали, имѣли особенное вліяніе на дѣла людей и на судьбу ихъ. Для умилостивленія боговъ или злыхъ духовъ они устраивали дикія празднества, и вѣровали, что люди могутъ быть обращены въ животныхъ, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти.

Вотъ картина по истинѣ дикаго образа жизни этихъ маленькихъ обособленныхъ общинъ, воюющихъ со всѣмъ окружающемъ ихъ, подверженныхъ всѣмъ недостаткамъ и лишеніямъ, связанныхъ съ этими условіями, смотря на богатство почвы, и живущихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ всякаго желанія улучшенія физическаго и безъ всякаго стремленія къ нравственному развитію.

Таково было ихъ положеніе до 1822 года, когда впервые ввезенъ былъ кофе и были сдѣланы попытки къ его воздѣлыванію. Оказалось, что онъ растетъ превосходно на высотѣ отъ тысячи пятисотъ до четырехъ тысячъ футовъ надъ моремъ. Начальники деревень были склонены къ тому, чтобы приняться за его обработку. Съ Явы были присланы сѣмена и наставники; работникамъ, нанятымъ для расчистки и обработки полей, давалась пища; за доставляемый мѣстному сборщику кофе назначена была опредѣленная плата, и начальники деревень, которые съ этого времени стали называться *маіорами*, должны были получать пять процентовъ продукта. По истеченіи нѣкотораго времени отъ порта Менадо проложены были дороги къ нагорью, а затѣмъ и небольшія дорожки отъ деревни къ деревнѣ; въ болѣе населенныхъ округахъ водворились миссіонеры и открыли школы, а китайскіе купцы проникли даже внутрь страны, снабжая жителей платьемъ и другими предметами роскоши въ обмѣнъ на деньги, вырученныя черезъ продажу кофе. Въ то же время страна была раздѣлена на округи и введена была та же самая система *контролеровъ*, которая такъ удалась на Явѣ. *Контролеромъ* былъ или европеецъ или туземецъ европейской крови; онъ былъ главнымъ надсмотрщикомъ за обработкою въ округѣ, совѣтникомъ начальниковъ, защитникомъ народа и посредствующимъ лицомъ въ сношеніяхъ между туземцами и европейскимъ правительствомъ. Онъ былъ обязанъ ежемѣсячно посѣщать всѣ деревни поочередно и посылать рапорты объ

нихъ къ резиденту. Споры между смежными деревнями разрѣшались теперь высшею властью; старые и неудобные, полуукрѣпленные дома были выведены изъ употребленія и большая часть ихъ, подъ руководствомъ контролеровъ, была перестроена по болѣе изящному и однообразному образцу. Вотъ эту то интересную область мнѣ и пришлось посѣтить теперь.

Я отправился въ путь въ 8 часовъ утра 22 іюня. Первыя три мили м-ръ Тоуэръ везъ меня въ своей колискѣ, а м-ръ Нейсъ сопровождалъ меня верхомъ еще мили три до деревни Лотта. Здѣсь мы встрѣтили контролера округа Тондано, возвращавшагося домой послѣ мѣсячнаго объѣзда и согласившагося быть моимъ путеводителемъ и спутникомъ. Отъ деревни Лотта намъ пришлось непрерывно подыматься въ гору на протяженіи шести миль, пока мы не достигли нагорья Тондано, лежащаго приблизительно на высотѣ 2,400 футовъ. На пути мы миновали три деревни, изящество и красота которыхъ просто удивляли меня. Большая дорога, по которой провозится весь кофе изъ внутри страны на телѣгахъ, запряженныхъ буйволами, при приближеніи къ деревнѣ постоянно сворачиваетъ вспорону и такимъ образомъ самую улицу деревни всегда можно содержать чисто. Она всегда окаймлена изящными оградами, состоящими часто изъ однихъ розовыхъ кустарниковъ, которые постоянно въ цвѣту. По серединѣ идетъ широкая дорога, обложенная по сторонамъ красивымъ дерномъ, который содержится весьма чисто и обрѣзывается весьма тщательно. Дома всѣ деревянные и возвышаются на шестифутовыхъ столбахъ, красиво выкрашенныхъ въ синій цвѣтъ, между тѣмъ какъ самыя стѣны выбѣлены. У каждаго изъ нихъ есть веранда съ красивыми перилами и кромѣ того они обыкновенно бываютъ окружены апельсинными деревьями и цвѣтущими кустарниками. Окрестные виды зелены и живописны. Всюду взоръ встрѣчаетъ роскошныя кофейныя плантаціи, благородныя пальмы и древесные папоротники, поросшіе лѣсами холмы и вулканическіе пики. Я много слышалъ о красотѣ этой страны, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія.

Около часу мы достигли Томогона, главнаго мѣстечка одного округа, имѣвшаго туземнаго начальника, нынѣ называвшагося *маіоромъ*, въ домѣ котораго намъ предстояло обѣдать. Здѣсь была для меня новая неожиданность. Домъ оказался обширнымъ веселымъ и прочно построеннымъ изъ трердаго туземнаго строеваго лѣса, обтесаннаго и скрѣпленнаго весьма искусно. Убранъ онъ былъ въ европейскомъ вкусѣ; тамъ были лампы, сдѣланныя туземными мастерами. Какъ только мы вошли, намъ была подана мадера и горькая настойка. Затѣмъ два хорошенькіе

мальчика въ бѣлой одеждѣ, съ гладко причесанными, черными какъ смоль волосами, подали на подносѣ каждому изъ насъ по сосуду съ водою и по чистой салфеткѣ. Обѣдъ былъ превосходный. Онъ состоялъ изъ птицъ, приготовленныхъ различными способами, дикой свинины жареной, душеной и пряженой, фрикасэ изъ летучихъ мышей, картофелю, рису и зелени. Все это подавалось на хорошемъ фарфорѣ вмѣстѣ съ полоскательными чашками и прекрасными салфетками, а также обильнымъ количествомъ хорошаго бордоскаго вина и пива, что казалось мнѣ весьма страннымъ за столомъ туземнаго начальника на горахъ Целебеса. Хозяинъ нашъ былъ одѣтъ весь въ черное, а на ногахъ у него были башмаки изъ патентованной кожи; повидимому въ этомъ костюмѣ онъ чувствовалъ себя совершенно удобно и весьма походилъ на джентльмена. Онъ сидѣлъ на концѣ стола и былъ весьма внимателенъ, хотя говорилъ мало. Разговоръ нашъ все время шелъ на малайскомъ языкѣ, ибо здѣсь это языкъ официальный и въ сущности единственный, на которомъ говорилъ контролеръ—туземный уроженецъ смѣшанной крови. Отецъ маіора, бывшій начальникомъ до него, носилъ, какъ мнѣ разсказывали, полосу коры вмѣсто всякой одежды и жилъ въ грубой хижинѣ построенной на высокихъ столбахъ и съ избыткомъ украшенной человѣческими головами. Правда, насъ ждали, и обѣдъ былъ приготовленъ наилучшимъ образомъ, но я увѣренъ, что всѣ начальники гордятся тѣмъ, что перенимаютъ европейскіе обычаи, и что могутъ прилично принимать своихъ посѣтителей.

Послѣ кофе, слѣдовавшаго за обѣдомъ, контролеръ отправился въ Тондано, я же пошелъ бродить по деревнѣ въ ожиданіи своей клади, которую везли въ телѣгѣ и доставили только послѣ полуночи. Ужинъ былъ весьма похожъ на обѣдъ; затѣмъ я былъ отведенъ въ изящную маленькую комнатку, обитую обоями, съ удобною постелью, съ газовыми занавѣсами и со всѣми удобствами. На слѣдующее утро при восходѣ солнца термометръ на верандѣ показывалъ 69°; это была, какъ мнѣ говорили, обыкновенная низкая температура въ этой мѣстности, т. е. на высотѣ 2500 футъ надъ моремъ. Мнѣ былъ поданъ хорошій завтракъ, состоявшій изъ кофе, яицъ и свѣжаго хлѣба съ масломъ, который я съѣлъ на просторной верандѣ среди запаха розъ, жасминовъ и другихъ благоухающихъ цвѣтовъ, росшихъ въ саду передъ домомъ; около восьми часовъ я вышелъ изъ Томогона въ сопровожденіи двѣнадцати человѣкъ, несшихъ мою кладь.

Дорога наша шла по горному кряжу вышиною въ 4000 футовъ надъ моремъ, затѣмъ спускалась приблизительно на 500 футовъ къ маленькой

деревнѣ Руруканъ, самой высокой во всемъ округѣ Минагассы и по всей вѣроятности на всемъ Целебесѣ. Здѣсь я рѣшилъ остановиться на нѣкоторое время, чтобы посмотрѣть, не произвело ли такое возвышенное положеніе какихъ нибудь перемѣнъ въ зоологическомъ отношеніи. Деревня возникла всего лѣтъ десять тому назадъ и была также изящна, какъ и тѣ, которыя мнѣ пришлось проѣзжать, но еще гораздо живописнѣе. Она расположена на небольшой плоскости, отъ которой идетъ крутой лѣсистый спускъ къ прекрасному озеру Тондано, съ вулканическими горами позади. Затѣмъ съ другой стороны — оврагъ, а за нимъ прекрасная гористая и лѣсистая страна.

Близь деревни расположены кофейныя плантаціи: деревья садятъ рядами, и такъ какъ имъ не даютъ расти выше семи футовъ, то у нихъ значительно разрастаются боковыя вѣтви, такъ что иныя деревья имѣютъ видъ совершеннаго полушара и бываютъ усѣяны плодами съ верху до низу, производя ежегодно отъ десяти до двадцати фунтовъ чистаго кофе. Всѣ эти плантаціи были заведены правительствомъ, а воздѣлываются деревенскими жителями подъ руководствомъ ихъ начальника. Для полотья и сбора назначены дни, и все рабочее населеніе созывается звукомъ гонга. Для каждой семьи ведется счетъ ея рабочихъ часовъ и затѣмъ въ концѣ года, полученный отъ продажи барышъ раздѣляется между ними пропорціонально. Кофе отправляется въ правительственные магазины, устроенные въ центральныхъ пунктахъ по всей странѣ, въ которыхъ за него платятъ опредѣленную низкую цѣну. Изъ полученныхъ денегъ извѣстный процентъ идетъ начальникамъ и маіорамъ, а остатокъ дѣлится между жителями. Система эта идетъ отлично, и мнѣ кажется, что въ настоящее время она гораздо лучше для народа, нежели свободная торговля. Здѣсь имѣются также обширныя рисовыя поля и, какъ мнѣ сказали, эта маленькая деревня, состоящая изъ семидесяти домовъ, продаетъ рису не менѣе какъ на сто фунтовъ стерлинговъ ежегодно.

Я поселился въ маленькомъ домикѣ на самомъ концѣ деревни, почти нависшемъ надъ обрывомъ къ рѣкѣ, съ веранды котораго открывался роскошный видъ. По утрамъ термометръ часто стоялъ на 62° и никогда не достигалъ 80°, такъ что въ легкомъ платьѣ, употребляемомъ въ тропическихъ равнинахъ, намъ было всегда прохладно, а иногда даже положительно холодно; вода же въ душѣ, подъ которымъ я ежедневно бралъ ванну, была ледяная. Жить среди этихъ прекрасныхъ горъ и лѣсовъ мнѣ было весьма пріятно, однакоже я былъ разочарованъ въ отношеніи коллекцій. Между здѣшними животными и животными жаркихъ

Дайякская деревня на островѣ Борнео.

равнинъ, лежавшихъ внизу, не было замѣтно почти никакой разницы, а если и существовала какая нибудь, то въ большинствѣ случаевъ была неблагопріятна для меня. Повидимому небыло ничего, исключительно свойственнаго этой возвышенности: птицы и четвероногія были менѣе многочисленны, но тѣхъ же самыхъ видовъ; между насѣкомыми было, повидимому, болѣе различія. Интересные жуки изъ семейства *Cleridae*, находимые преимущественно на корѣ и гниломъ деревѣ, были красивѣе, чѣмъ гдѣ либо. Прекрасные *долгусики* встрѣчались здѣсь рѣже обыкновеннаго, а немногія встрѣчающіяся бабочки были всѣ тропическихъ видовъ. Одна изъ нихъ, Papilio Blumei, которой я пріобрѣлъ лишь нѣсколько экземпляровъ, принадлежитъ къ самымъ красивымъ, какихъ я когда либо видѣлъ. Это золотисто-зеленая *хвостатка* съ лазурно-голубыми ложечковидными хвостиками; ихъ часто можно было видѣть летающими по деревнѣ, когда свѣтитъ солнце, но только въ тѣнистыхъ мѣстахъ; но во все время моего пребыванія въ Тубуконѣ стояла крайне неблагопріятная дождливая и пасмурная погода.

Даже и въ растительномъ царствѣ весьма немногое указываетъ на повышеніе почвы. Деревья болѣе покрыты лишаями и мхомъ, а папоротники и папоротниковыя деревья красивѣе и роскошнѣе, нежели я привыкъ ихъ видѣть на низменныхъ мѣстахъ, что происходило вѣроятно отъ постоянно господствующей здѣсь сырости. Обиліе безвкусной малины и голубыхъ и желтыхъ Compositae придаютъ видъ болѣе умѣреннаго климата, а мелкіе папоротники и орхидеи съ малорослыми бегоніями на скалахъ приближаются уже къ южно-альпійской растительности. Впрочемъ лѣсъ вообще роскошенъ. Благородныя пальмы, панданы и древесные папоротники растутъ въ немъ въ изобиліи, но только всѣ они изукрашены орхидеями, бромеліями, Agaceae, Lycopodiums и мхами. Обыкновенныхъ безстебельныхъ папоротниковъ множество; иные изъ нихъ имѣютъ чрезвычайно большіе листья, въ 10 и 12 футовъ длиною, другіе вышиною всего въ одинъ дюймъ; у нѣкоторыхъ листья полные и массивные, у другихъ тонкіе вырѣзные и изящно покачиваются — все это придаетъ лѣснымъ дорожкамъ безконечное разнообразіе и красоту. Кокосовыя пальмы все еще производятъ плоды въ изобиліи, но говорятъ, что въ нихъ недостаточно масла; апельсинныя деревья растутъ здѣсь лучше, чѣмъ внизу и производятъ множество прекрасныхъ плодовъ, но Citrus decumana требуютъ полной силы тропическаго солнца и потому не растутъ даже въ лежащемъ на тысячу футовъ ниже Тондано. На холмистыхъ откосахъ воздѣлывается въ обширныхъ размѣрахъ рисъ и хорошо вызрѣваетъ, хотя температура рѣдко или никогда не достигаетъ 80°; по-

этому можно предполагать, что онъ могъ бы расти даже и въ Англіи, когда лѣто теплое и въ особенности если молодыя растенія выведены подъ стекломъ.

На горахъ лежитъ необыкновенно много земли или растительнаго чернозема. Даже самые крутые откосы покрыты пескомъ или глиною, часто также толстымъ слоемъ растительной почвы. Это, можетъ быть, и служитъ причиною такой повсемѣстной роскоши лѣсовъ, отнимающей у растительности подальпійскій характеръ, обусловливаемый настолько же обиліемъ скалистыхъ и обнаженныхъ поверхностей, насколько климатомъ. На горѣ Офирѣ на Малаккѣ, уже при гораздо меньшей высотѣ мѣсто высокихъ лѣсовъ замѣняютъ вдругъ дакридіумы, рододендры, множество Nepenthes, папоротниковъ и земныхъ орхидей; но это происходитъ единственно отъ того, что на высотѣ менѣе 3,000 футовъ случилось обширное пространство голой гранитной скалы. Обиліе растительной почвы, песку и глины на крутыхъ откосахъ, на вершинахъ холмовъ и на сторонахъ обрывовъ, есть явленіе любопытное и достойное вниманія. Быть можетъ оно обусловливается отчасти постоянными легкими землетрясеніями, облегчающими дизинтеграцію скалъ; но въ то же время оно указываетъ, что страна долгое время подвергалась значительному атмосферическому вліянію и что возвышеніе ея совершалось чрезвычайно медленно и постоянно.

Во время моего пребыванія въ Руруканѣ любопытство мое было удовлетворено испытаніемъ довольно сильнаго землетрясенія. Вечеромъ 29 іюня въ четверть девятаго, когда я сидѣлъ и читалъ, домъ вдругъ началъ качаться сначала слегка, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Впродолженіе нѣсколькихъ секундъ я наслаждался этимъ новымъ ощущеніемъ, но не больше какъ черезъ полъ минуты трясеніе стало до того сильно, что я не могъ уже сидѣть спокойно въ креслѣ, а домъ сталъ замѣтно качаться, скрипѣть и трещать, какъ будто бы готовъ былъ разсыпаться на куски. Тутъ по всей деревнѣ поднялся крикъ: «Тана гойянгъ! Тана гойянгъ»! (землетрясеніе! землетрясеніе!) Всѣ бросились вонъ изъ домовъ, женщины вопили, дѣти плакали;—я также нашелъ болѣе благоразумнымъ выйти на улицу. Когда я всталъ, то почувствовалъ, что голова у меня кружится, ноги подкашиваются, и я еле могу идти, не падая. Землетрясеніе продолжалось около минуты и впродолженіе этого времени мнѣ казалось, что все вертится около меня и я чувствовалъ нѣчто въ родѣ морской болѣзни. Войдя снова въ домъ, я нашелъ что сотрясеніемъ тамъ была опрокинута лампа и бутылка съ аракомъ. У лампы былъ выкинутъ резервуаръ изъ подставки, на которой онъ стоялъ. Сотрясенія, какъ ка-

залось, были приблизительно вертикальныя, дрожащія и прерывистыя. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онѣ были достаточно сильны, чтобы разрушить кирпичныя трубы, стѣны и церковныя башни; но такъ какъ дома здѣсь низки и прочно построены изъ строевого лѣса, то имъ не могло быть причинено большого вреда иначе, какъ такимъ ударомъ, который окончательно разрушилъ бы европейскій городъ. Мнѣ разсказывали, что болѣе сильное землетрясеніе было десять лѣтъ тому назадъ, и что тогда было разрушено много домовъ и убито много народа.

Затѣмъ, чрезъ разные промежутки времени, отъ десяти минутъ до получаса, все еще чувствовались легкіе толчки и содроганія, которые впрочемъ иногда были достаточно сильны для того, чтобы заставить насъ выбѣжать снова. Въ нашемъ положеніи было странное смѣшеніе ужаснаго и смѣшного. Весьма легко могъ случиться такой ударъ, который обрушилъ бы на насъ весь домъ, или же — чего я боялся еще болѣе — который причинилъ бы обвалъ и низринулъ бы насъ въ глубокую пропасть, на краю которой была построена деревня. Несмотря на это, я немогъ удержаться отъ смѣха всякій разъ, какъ при незначительномъ толчкѣ мы выбѣгали вонъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращались снова. Величественное и смѣшное были здѣсь положительно на одинъ шагъ другъ отъ друга. Съ одной стороны вокругъ насъ дѣйствовало одно изъ самыхъ страшныхъ явленій природы—дрожали скалы, горы и твердая земля, и мы были вполнѣ безсильны для того, чтобы предохранить себя отъ опасности, которая въ одинъ моментъ могла на насъ обрушиться. Съ другой стороны такая сцена: множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей то вбѣгаютъ въ дома, то выбѣгаютъ, и каждый разъ оказывается, что тревога была напрасная, ибо каждое сотрясеніе прекращалось тотчасъ же послѣ того, какъ достигало достаточной силы чтобы испугать насъ. Это было какъ будто «игра въ землетрясеніе», и многіе отъ души смѣялись вмѣстѣ со мною, не смотря на взаимныя напоминанія, что въ сущности смѣяться не надъ чѣмъ.

Наконецъ вечеръ сдѣлался чрезвычайно холоденъ, и мнѣ сильно захотѣлось спать, поэтому я рѣшился войти въ домъ, приказавъ своимъ мальчикамъ, спавшимъ у дверей, будить меня въ случаѣ, если дому будетъ грозить опасность разрушенія. Но я ошибся въ своей апатіи, ибо не могъ спать какъ слѣдуетъ, Сотрясенія черезъ промежутки времени въ полъ часа или въ часъ продолжались всю ночь и были настолько сильны, что всякій разъ будили меня, и я постоянно былъ на готовѣ вскочить въ случаѣ опасности. По этому я былъ весьма доволенъ, когда настало утро. Многіе жители не ложились вовсе, иные же всю ночь про-

были на дворѣ. Сотрясенія продолжались черезъ короткіе промежутки времени еще два дня и двѣ ночи, а затѣмъ повторялись по нѣскольку разъ въ день втеченіи всей недѣли, показывая, что подъ тою частью земной коры, гдѣ мы находились, происходили какіе-нибудь значительные перевороты. Какъ значительны были дѣйствующія силы, мы можемъ судить лишь тогда, когда, ощутивъ на себѣ ихъ дѣйствіе, мы бросимъ взглядъ на обширное пространство холмовъ и долинъ, равнинъ и горъ, и такимъ образомъ составимъ себѣ весьма слабое представленіе о томъ, какая громадная масса была потрясена и колеблема. Ощущеніе производимое землетрясеніемъ таково, что его никогда не забудешь. Мы чувствуемъ себя во власти такой силы, передъ которою совершенно стушевываются самые страшные порывы вѣтра и волнъ, а между тѣмъ впечатлѣніе землетрясенія есть скорое, легкое содроганіе отъ страха а не тотъ ужасъ, который возбуждаетъ болѣе бурная борьба стихій. Тутъ есть тайна и неопредѣленность силы опасности, которой подвергаешься, а потому болѣе простора воображенію и вліянію надежды и страха. Эти замѣчанія относятся только къ слабымъ землетрясеніямъ; сильныя же представляютъ собою самыя разрушительныя и самыя ужасныя катастрофы, какимъ только можетъ подвергнуться человѣкъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ землетрясенія, я предпринялъ прогулку въ Тондано, большую деревню съ 7,000 жителей, расположенную у нижняго края большого озера того же имени. Я обѣдалъ у контролера, м-ра Бенснейдера, бывшаго моимъ путеводителемъ до Томогона. У него былъ прекрасный, большой домъ, въ которомъ онъ часто принималъ посѣтителей, а въ саду его расли самые лучшіе цвѣты, какіе только я видѣлъ подъ тропиками, хотя въ нихъ и не было большого разнообразія. Изгороди изъ розъ, придающія такой очаровательный видъ деревнямъ, введены были именно имъ; имъ же преимущественно установленъ тотъ всеобщій порядокъ и изящество, которые господствуютъ всюду. Я попросилъ у него совѣта, гдѣ бы мнѣ выбрать новое жилище, такъ какъ Руруканъ я находилъ слишкомъ пасмурнымъ, сырымъ и мрачнымъ мѣстомъ, въ которомъ господствуетъ всеобщій застой въ жизни насѣкомыхъ и птицъ. Онъ присовѣтывалъ мнѣ поселиться въ одной деревнѣ, лежащей въ нѣсколькихъ миляхъ за озеромъ, вблизи большого лѣса, гдѣ, по его мнѣнію, я долженъ былъ найти множество птицъ, и такъ какъ онъ самъ намѣревался отправиться туда же черезъ нѣсколько дней, то я рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣ обѣда я попросилъ дать мнѣ проводника до знаменитаго водопада на рѣкѣ, вытекающей изъ озера. Онъ находился въ полутора ми-

ляхъ отъ деревни, гдѣ бассейнъ окруженъ легкимъ повышеніемъ почвы, очевидно составлявшимъ нѣкогда берегъ. Здѣсь рѣка входитъ въ весьма узкій и извилистый проходъ, по которому мчитъ свои воды яростно, но не долго, и за тѣмъ низвергается въ огромную пропасть, составляющую входъ въ обширную долину. Передъ самымъ водопадомъ рѣка никакъ не шире десяти футовъ; въ этомъ мѣстѣ переброшено черезъ нее нѣсколько досокъ, съ которыхъ можно видѣть какъ мчатся внизу бѣшенныя волны, на половину скрытыя роскошною растительностью и затѣмъ нѣсколько футовъ далѣе падаютъ въ бездну. Какъ шумъ отъ этого паденія, такъ и самый видъ водопада величественны и производятъ сильное впечатлѣніе. На этомъ мѣстѣ за четыре года до моего посѣщенія совершено было самоубійство генералъ-губернаторомъ Нижней Индіи, бросившимся въ потокъ. Таково по крайней мѣрѣ всеобщее мнѣніе, ибо онъ былъ сильно боленъ и вслѣдствіе этого долженъ былъ тяготиться жизнью. Тѣло его было найдено на слѣдующій день въ рѣкѣ.

Къ сожалѣнію въ настоящее время водопадъ нельзя видѣть хорошенько, потому что по краямъ пропасти растетъ множество деревьевъ и высокихъ травъ. Водопадовъ собственно два и при томъ нижній выше верхняго; по разнымъ извилинамъ есть возможность спуститься въ долину и посмотрѣть на водопады снизу. Если бы отыскать наилучшую точку, съ которой можно было бы смотрѣть на нихъ, то водопады эти, по всей вѣроятности, оказались бы самыми лучшими во всемъ архипелагѣ. Пропасть кажется чрезвычайно глубокою, быть можетъ футовъ въ пятьсотъ или шестьсотъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не было времени изслѣдовать долину, такъ какъ я дорожилъ каждымъ хорошимъ днемъ для увеличенія моихъ скудныхъ до того времени коллекцій.

Прямо противъ моего жилища въ Руруканѣ была школа; школьный учитель былъ туземецъ, воспитанный миссіонерами въ Томогонѣ. Ученье въ школѣ каждый день продолжалось три часа, кромѣ того два раза въ недѣлю по вечерамъ былъ урокъ закона Божія и проповѣди. Затѣмъ по воскресеньямъ утромъ тамъ совершалось богослуженіе. Дѣтей всѣхъ учили на малайскомъ языкѣ, и я часто слышалъ, какъ они весьма проворно повторяли таблицу умноженія. Ученье всегда заканчивалось пѣніемъ, и мнѣ было весьма пріятно слышать звуки многихъ нашихъ старыхъ псалмовъ, поющихся на малайскомъ языкѣ. Пѣніе есть истинное благо, вводимое миссіонерами между дикими, родныя пѣсни которыхъ почти всегда монотонны и меланхоличны.

По вечерамъ, когда назначенъ былъ урокъ катехизиса, учителемъ являлся высокій господинъ, проповѣдывавшій и учившій по три часа

подрядъ въ духѣ нашихъ англійскихъ ораторовъ. Работа эта должна была казаться весьма сухою для слушателей, хотя его самого она и воодушевляла, и я склоненъ думать, что эти туземные учителя, пріобрѣвшіе способность легко говорить и безконечный запасъ религіозныхъ сказаній для предмета разговора, ѣдутъ на своемъ конькѣ твердо, не слишкомъ заботясь о своемъ стадѣ. Впрочемъ миссіонеры въ этой странѣ могутъ гордиться многимъ. Они помогли правительству обратить дикарей въ цивилизованную общину въ чрезвычайно короткое время. Сорокъ лѣтъ тому назадъ страна была глушью, люди — голыми дикарями, украшавшими свои дома человѣческими головами. Теперь же это садъ, достойный своего туземнаго названія «Минагаса». Хорошія дороги и дорожки перерѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ, самыя прекрасныя кофейныя плантаціи въ мірѣ окружаютъ деревни, въ перемежку съ обширными рисовыми полями, болѣе чѣмъ достаточными для прокормленія населенія.

Въ настоящее время народъ здѣсь самый трудолюбивый, мирный и цивилизованный во всемъ архипелагѣ. У нихъ самая лучшая одежда, самые лучшіе дома, самая лучшая пища, они получаютъ самое лучшее образованіе; кромѣ того, они сдѣлали нѣкоторый шагъ къ болѣе высокому соціальному положенію. Я увѣренъ, что нѣтъ другого примѣра такихъ удивительныхъ результатовъ, произведенныхъ въ такое время — результатовъ, полученныхъ единственно благодаря системѣ управленія, принятой въ настоящее время голландцами въ востоочныхъ владѣніяхъ. Систему эту можно назвать «родительскимъ деспотизмомъ».

Мы, англичане, не любимъ деспотизма, мы ненавидимъ самое это слово, и скорѣе оставили бы людей невѣжественными, лѣнивыми и порочными, нежели употребили бы какую нибудь другую силу, кромѣ силы нравственной, для того, чтобы сдѣлать ихъ разумными, трудолюбивыми и добрыми. И мы правы въ томъ случаѣ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ людьми нашей собственной расы, одинаковыхъ съ нами по мысли и по способностямъ. Примѣръ и поученіе, сила общественнаго мнѣнія и медленное но непремѣнное распространеніе образованія сдѣлаютъ современемъ все, не порождая никакихъ горькихъ чувствъ, или чего-либо въ родѣ раболѣпія, лицемѣрія и подчиненности, составляющихъ неизбѣжный результатъ деспотическаго правленія. Но чтобы мы подумали о человѣкѣ, который сталъ бы стоять за эти принципы полной свободы въ семьѣ или въ школѣ? Мы сказали бы, что онъ прилагаетъ хорошій общій принципъ къ такому случаю, въ которомъ условія дѣлаютъ его непримѣнимымъ — т. е. къ случаю, когда управляемые сто-

ятъ въ нравственномъ отношеніи очевидно ниже управляющихъ ими и неспособны сами рѣшить, что всего лучше для ихъ постояннаго благополучія. Дѣти должны быть подчинены до нѣкоторой степени авторитету или руководству, и если обращаться съ ними какъ слѣдуетъ, они охотно подчинятся ему, ибо сознаютъ свою слабость и вѣрятъ тому, что старшіе дѣйствуютъ единственно въ виду ихъ блага. Они учатся многому такому, пользы чего они не понимаютъ, и чему они ни за что не учились бы безъ нѣкотораго нравственнаго и соціальнаго, если не физическаго, принужденія. Привычки къ порядку, труду, опрятности, правила почтенія и послушанія вкореняются подобными же средствами. Изъ дѣтей никогда не вышли бы благовоспитанные люди, если бы къ нимъ примѣняемъ былъ тотъ самый принципъ полной свободы дѣйствій, который примѣняется ко взрослымъ людямъ. При самомъ лучшемъ воспитаніи дѣти бываютъ подчинены смягченному деспотизму, какъ для ихъ собственнаго блага, такъ и для блага общества, и ихъ вѣра въ благоразуміе и доброту тѣхъ, кто прилагаетъ этотъ деспотизмъ, нейтрализуетъ тѣ дурныя страсти и низкія чувства, которыя всегда оказываются въ результатѣ при менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Между тѣмъ существуетъ не только аналогія, но во многихъ случаяхъ положительная тожественность въ отношеніяхъ учителя къ ученику или родителя къ ребенку съ одной стороны, и нецивилизованнаго племени къ его цивилизованнымъ управителямъ съ другой. Мы знаемъ (или полагаемъ, что знаемъ), что образованіе, промышленность и обычаи цивилизованнаго человѣка стоятъ выше, чѣмъ у дикаря, и когда послѣдній знакомится съ ними, то онъ самъ соглашается съ этимъ. Онъ дивится познаніямъ цивилизованнаго человѣка, съ гордостью перенимаетъ тѣ изъ обычаевъ, которые идутъ не слишкомъ въ разрѣзъ съ его лѣнью, страстями и предразсудками. Но какъ своенравное дитя или лѣнивый школьникъ, котораго никогда не учили слушаться и никогда не заставляли дѣлать того, чего онъ не намѣренъ былъ дѣлать по своей доброй волѣ, весьма часто оставался бы необразованнымъ и невоспитаннымъ, то очевидно, весьма невѣроятно, чтобы дикарь, въ виду вкоренившихся обычаевъ человѣчества и традиціонныхъ предразсудковъ расы, могъ когда-либо идти далѣе подражанія нѣкоторымъ немногимъ обычаямъ цивилизаціи безъ болѣе спльнаго понудительнаго къ тому средства, нежели наставленіе, весьма плохо подкрѣпляемое примѣромъ.

Если мы считаемъ себя правыми, захватывая въ свои руки управленіе дикимъ племенемъ и занимая страну его, если мы затѣмъ считаемъ нашею обязанностью сдѣлать все, что возможно, для того, чтобы усовер-

шенствовать нашихъ грубыхъ подданныхъ и поднять ихъ до нашего уровня, то мы не должны слишкомъ пугаться криковъ «деспотизмъ» и «рабство», но должны примѣнять къ дѣлу свой авторитетъ для того, чтобы заставить ихъ работать надъ тѣмъ, что хотя бы и не нравилось имъ, но что, какъ намъ извѣстно, составляетъ необходимый шагъ въ ихъ нравственномъ и физическомъ движеніи впередъ. Голландцы выказали весьма много такта въ томъ способѣ, которымъ они повели это дѣло. Во многихъ случаяхъ они поддержали и даже усилили авторитетъ туземныхъ начальниковъ, которыхъ народъ привыкъ слушаться по своей волѣ, и, дѣйствуя на разсудокъ и личный интересъ этихъ начальниковъ, произвели перемѣны въ привычкахъ и обычаяхъ народа, который выказалъ бы недовольство и, можетъ быть, даже возмутился бы, если бъ былъ принужденъ къ тому непосредственно иноземцами.

При примѣненіи такой системы многое зависитъ отъ характера народа, и система, превосходно удающаяся въ одномъ мѣстѣ, можетъ быть лишь отчасти примѣнена въ другомъ. Въ Минагасѣ, благодаря природной крѣпости и умственнымъ способностямъ туземнаго племени, успѣхъ шелъ быстро; насколько же это важно, достаточно показываетъ слѣдующій фактъ. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ Менадо живетъ племя, называемое *бантеки*, гораздо менѣе податливаго нрава, которое до настоящаго времени противилось всѣмъ стараніямъ голландскаго правительства принудить его къ систематическому земледѣлію; по этому бантеки живутъ въ гораздо болѣе грубыхъ условіяхъ, но охотно нанимаются какъ временные носильщики или земледѣльцы, къ чему они весьма способны по своей значительной силѣ и проворству.

Нѣтъ сомнѣнія, что противъ очерченной здѣсь системы можетъ быть сдѣлано много возраженій. Она до нѣкоторой степени деспотична и преграждаетъ путь свободной торговлѣ, свободному земледѣлію и свободнымъ сношеніямъ. Туземецъ не можетъ оставить деревни безъ паспорта и не можетъ наняться къ какому нибудь купцу или капитану судна, не получивъ на то разрѣшенія отъ правительства. Кофе долженъ быть весь продаваемъ правительству менѣе чѣмъ за половину той цѣны, которую далъ бы за него мѣстный купецъ, отчего послѣдній и вопіетъ такъ громко противъ «монополіи» и «притѣсненія». Но онъ забываетъ, что кофейныя плантаціи были основаны правительствомъ при большой затратѣ капитала и труда, что оно даетъ народу воспитаніе и что монополія замѣняетъ мѣсто податной системы. Онъ забываетъ, что продуктъ, который ему желательно купить и на которомъ ему желательно взять барышъ, созданъ правительствомъ, безъ котораго народъ по настоящее время ос-

тался бы дикимъ. Ему очень хорошо извѣстно, что свободная торговля первымъ своимъ результатомъ имѣла бы ввозъ огромнаго количества арака, который потомъ развозился бы по странѣ и мѣнялся на кофе; что тогда по странѣ распространилось бы пьянство и бѣдность; что общественныя кофейныя плантаціи не поддерживались бы; что кофе скоро уменьшился бы въ количествѣ и ухудшился бы качествомъ; что купцы и торговцы сдѣлались бы богаты, а народъ впалъ бы въ бѣдность и варварство. Что таковъ неизбѣжно бываетъ результатъ свободной торговли у всякаго дикаго племени, обладающаго какимъ нибудь цѣннымъ продуктомъ,—это хорошо извѣстно всякому, кто сталкивался съ подобными народами. На пути общества отъ варварства къ цивилизаціи есть такія ступени, по которымъ оно должно пройти непремѣнно. Одною изъ такихъ ступеней была всегда та или другая форма деспотизма, т. е. феодализмъ или рабство, или же деспотическое отеческое управленіе, и мы имѣемъ полное право думать, что для человѣчества нѣтъ возможности перешагнуть черезъ эту промежуточную эпоху и перейти разомъ отъ совершенно дикаго состоянія къ свободной цивилизаціи. Голландская система старается пополнить пробѣлъ и вести народъ постепенными шагами къ болѣе высокой цивилизаціи, между тѣмъ какъ мы (англичане) стараемся заставить ихъ сразу перейти къ ней. Наша система никогда не удавалась. Мы деморализуемъ, истребляемъ, но никогда не цивилизуемъ, какъ слѣдуетъ. Сомнительно, чтобы голландская система могла удаваться всегда, такъ какъ дѣло десяти столѣтій невозможно совершить въ одно столѣтіе, но во всякомъ случаѣ она руководствуется природою и потому болѣе достойна и болѣе способна имѣть успѣхъ, чѣмъ наша.

Въ связи съ этимъ вопросомъ есть еще одинъ, которымъ, какъ мнѣ кажется, могли бы съ успѣхомъ заняться миссіонеры. Дѣло въ томъ, что въ такой прекрасной и здоровой странѣ, при обиліи пищи и всего необходимаго для жизни, населеніе не возрастаетъ, какъ бы это должно быть. Я могу приписать это только одной причинѣ—смертности между дѣтьми вслѣдствіе небреженія, и вообще вслѣдствіе незнанія условій, необходимыхъ для здоровья дѣтей. Всѣ женщины работаютъ, къ чему онѣ совершенно привыкли. Это имъ вовсе не въ тягость, и скорѣе служитъ иногда вмѣсто удовольствія и отдыха. Дѣтей онѣ или берутъ съ собою, и въ такомъ случаѣ оставляютъ ихъ гдѣ нибудь въ тѣнистомъ мѣстѣ на землѣ, приходя по временамъ кормить ихъ, или же оставляютъ ихъ дома на попеченіе другихъ дѣтей, которыя слишкомъ молоды для этого. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ уходъ за дѣтьми не можетъ быть

*

удовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего является чрезвычайная смертность, удерживающая возрастаніе народонаселенія далеко ниже той степени, которой можно было бы ожидать въ виду всеобщаго благосостоянія страны и распространенности браковъ. Въ этомъ отношеніи прямо заинтересовано правительство, ибо лишь при возрастаніи народонаселенія можетъ возрастать и количество получаемаго кофе. Приняться же за этотъ вопросъ именно миссіонерамъ слѣдуетъ потому, что убѣждая замужнихъ женщинъ посвятить себя домашнимъ обязанностямъ, они значительно подвинули бы впередъ цивилизацію, отчего непосредственно увеличилось бы счастье и здоровье всей общины. Народъ здѣсь до такой степени кротокъ и склоненъ перенимать обычаи и нравы европейцевъ, что перемѣну эту произвести было бы не трудно,—стоило бы только показать имъ, что того требуетъ нравственность и цивилизація, и что это составляетъ для нихъ необходимый шагъ на пути къ ихъ уподобленію съ бѣлыми управителями.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Руруканѣ я оставилъ эту хорошенькую и привлекательную деревеньку и отправился искать такого мѣста и климата, гдѣ было бы болѣе птицъ и насѣкомыхъ. Вечеръ я провелъ съ контролеромъ Тондоно, а на слѣдующее утро въ девять часовъ поплылъ въ маленькой лодкѣ къ верхнему краю озера, отстоящему миль на десять. Нижній край его окаймленъ топями и болотами на значительномъ протяженіи, но нѣсколько далѣе холмы доходятъ до самой воды и придаютъ озеру видъ большой рѣки, мили въ двѣ шириною. На верхнемъ берегу озера находится деревня Какасъ; здѣсь я обѣдалъ у начальника въ прекрасномъ домѣ, подобномъ тому, какой я описывалъ выше, а затѣмъ отправился въ Лангованъ, отстоящій отсюда мили на четыре. Это было именно то мѣсто, гдѣ мнѣ совѣтывали поселиться, а поэтому я распаковалъ здѣсь свой багажъ и пристроился въ большомъ домѣ, назначенномъ для посѣтителей. Я нашелъ одного человѣка, который обязался стрѣлять для меня птицъ и другого, который на слѣдующій день долженъ былъ идти со мною въ лѣсъ, гдѣ я надѣялся найти хорошія условія для собиранія коллекцій.

Утромъ послѣ завтрака я отправился въ путь, но оказалось, что прежде чѣмъ достигнуть лѣса, мнѣ предстоитъ сдѣлать четыре мили по утомительной прямой дорогѣ черезъ кофейныя плантаціи, и лишь только я успѣлъ пройти это разстояніе, какъ начался сильный дождь, который не переставалъ до ночи. Проходить ежедневно такое разстояніе было слишкомъ много, для того чтобы дѣло шло успѣшно, въ особенности при такомъ непостоянствѣ погоды. По этому я немедленно порѣ-

шилъ, что мнѣ необходимо снова пуститься въ путь, отыскивать такое мѣсто, которое непосредственно прилегало бы къ лѣсной мѣстности, либо лежало среди нея. Послѣ полудня пріѣхалъ мой другъ м-ръ Бенснейдеръ вмѣстѣ съ контролеромъ слѣдующаго округа, Белангомъ, сообщившимъ мнѣ, что въ шести миляхъ дальше есть деревня, называемая Панчху, которая недавно только была основана, и около которой было много лѣса; кромѣ того м-ръ Белангъ обѣщалъ дать мнѣ тамъ въ распоряженіе маленькій домикъ.

На слѣдующее утро я отправился посмотрѣть на горячіе источники и грязные вулканы, которыми славится эта мѣстность. Живописная дорога между плантаціями и оврагами привела насъ къ прекрасному круглому бассейну, футовъ въ сорокъ въ діаметрѣ, окаймленному такимъ ровнымъ и такъ правильно изогнутымъ известковымъ слоемъ, что все это казалось искусственнымъ. Бассейнъ былъ наполненъ прозрачною водою, которая стояла почти на точкѣ кипѣнія и испускала цѣлые клубы пара съ сильнымъ сѣрнымъ запахомъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ него вытекаетъ небольшой ручей, въ которомъ даже на разстояніи ста ярдовъ вода еще до того горяча, что въ ней нельзя держать руку. Нѣсколько далѣе были еще два источника, уже не такого правильнаго очертанія, которые казалось были значительно горячѣе, потому что постоянно пѣнились. Черезъ промежутки въ нѣсколько минутъ происходили изверженія большаго количества пара или газа, подымавшаго столбы воды вышиною въ три и четыре фута.

Затѣмъ мы отправились къ грязнымъ источникамъ, лежащимъ еще на одну милю далѣе, которые были еще болѣе любопытны. Въ небольшомъ углубленіи отлогой мѣстности находится маленькое озеро жидкой грязи, покрытой синими, красными и бѣлыми пятнами; во многихъ мѣстахъ оно сильно кипѣло и пѣнилось. Кромѣ того въ отвердѣвшей глинѣ вокругъ всего озера было много еще маленькихъ колодцевъ и кратеровъ, наполненныхъ кипящею грязью. Они образуются здѣсь, какъ кажется постоянно; сначала дѣлается небольшая яма, извергающая паръ и кипящую грязь, которая, затвердѣвая, образуетъ небольшой конусъ съ кратеромъ въ серединѣ. Почва здѣсь на нѣкоторомъ протяженіи весьма нетвердая, ибо она очевидно становится жидкою на весьма незначительной глубинѣ, и гнется подъ тяжестью, какъ тонкій ледъ. Мнѣ удалось приблизиться къ одному изъ крайнихъ небольшихъ ключей, и я протянулъ руку, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли они такъ горячи, какъ кажутся, какъ вдругъ на палецъ мнѣ брызнула капля грязи и обварила его, какъ кипяткомъ. На небольшомъ разстояніи отъ этого мѣс-

та находилась плоская, голая поверхность скалы, гладкая и горячая какъ дно печи; по всей вѣроятности это былъ старый затвердѣвшій прудъ грязи. На сотни ярдовъ вокругъ были слои красноватой и бѣлой глины, употребляющейся для бѣлилъ, но поверхность ея была все еще до того горяча, что въ разсѣлинахъ, въ нѣсколько дюймовъ глубиною, трудно было бы удержать руку; изъ нихъ выходили сильные сѣрные пары. Мнѣ говорили, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ французъ, посѣтившій эти источники, подошелъ къ этой жидкой грязи слишкомъ близко и провалился въ этотъ ужасный котелъ.

Было слишкомъ очевидно, что на значительномъ протяженіи поверхности, на весьма небольшой глубинѣ, существовалъ сильный жаръ, такъ что мнѣ трудно было отказаться отъ мысли, что въ одинъ какой нибудь моментъ, всю страну можетъ опустошить ужасная катастрофа. Однако же весьма вѣроятно, что всѣ эти отверзтія служатъ настоящими спасительными клапанами, и что неравномѣрность сопротивленія различныхъ частей земной коры всегда будетъ предотвращать скопленіе такого количества силы, которое могло бы поднять и залить значительное пространство. Миляхъ въ семи къ западу отъ этого мѣста есть вулканъ, изъ котораго было изверженіе лѣтъ за тридцать до моего посѣщенія этой страны. Онъ представляетъ великолѣпное зрѣлище и осыпаетъ окрестности цѣлыми кучами пепла. Равнины, лежащія вокругъ озера и образовавшіяся изъ смѣшенія разлагающихся вулканическихъ продуктовъ, удивительно плодородны, и если хотя немного заботиться объ обработкѣ ихъ, то поля можно было бы засѣвать безпрерывно. Въ настоящее время рисъ сѣется на нихъ три или четыре года подрядъ, и если ихъ оставить затѣмъ подъ паромъ на такое же время, то на нихъ можно опять сѣять рисъ или маисъ. Хорошій рисъ выростаетъ самъ тридцать, а кофейныя деревья приносятъ множество плодовъ въ теченіи отъ десяти до семнадцати лѣтъ, не требуя вовсе удобренія почвы и почти никакой обработки.

Непрерывный дождь задержалъ меня еще на одинъ день; затѣмъ я отправился въ Панчху и прибылъ туда какъ разъ до дождя, начавшагося въ 11 часовъ и продолжавшагося опять весь день. Сейчасъ же за верхнею равниною бассейна озера дорога идетъ по откосу прекраснаго лѣсистаго рва. Спускъ весьма длинный, такъ что по моему соображенію деревня должна была лежать не выше 1,500 футовъ надъ моремъ, между тѣмъ температура по утрамъ часто равнялась 69° т. е была такая же, какъ и въ Тандано, лежавшемъ по крайней мѣрѣ на 600 или 700 футовъ выше. Мѣстность мнѣ весьма понравилась: вокругъ было

Развалины Борободо на Явѣ.

много лѣса и дикихъ мѣстъ, и я нашелъ здѣсь уже приготовленнымъ для меня маленькій домикъ, состоявшій только изъ одной комнаты съ верандой. Онъ предназначался лишь для посѣтителей, пріѣзжающихъ на короткое время, но я нашелъ его вполнѣ для себя удобнымъ. Тутъ впрочемъ со мною случилось несчастіе—я лишился обоихъ своихъ охотниковъ. Одинъ остался въ Тондано, заболѣвъ горячкою и поносомъ, а другой въ Лангованѣ, захворавъ воспаленіемъ въ груди, и такъ какъ онъ былъ очень плохъ, то я отправилъ его обратно въ Менадо. Здѣсь же всѣ были такъ заняты собираніемъ рисовой жатвы, которую необходимо было окончить какъ можно скорѣе въ виду раннихъ дождей, что я не могъ добыть для себя ни одного охотника.

Впродолженіе трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ Панчху, дождь шелъ почти каждый день, начинаясь или послѣ полудня, или же съ самаго утра; впрочемъ по утрамъ обыкновенно впродолженіе нѣсколькихъ часовъ свѣтило солнце, и я пользовался этими часами для изслѣдованія дорогъ и тропинокъ, скалъ и овраговъ, отправляясь на поиски за насѣкомыми. Насѣкомыхъ было не особенно много, однако же я видѣлъ ихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что мѣсто было дѣйствительно хорошее, но прибыть сюда слѣдовало въ началѣ, а не въ концѣ сухого времени года. Туземцы приносили мнѣ ежедневно по нѣскольку насѣкомыхъ, пойманныхъ на сахарныхъ пальмахъ и между прочимъ также красивыхъ цетоній и рогачей. Два маленькіе мальчика приносили мнѣ много мелкихъ птицъ, которыхъ они искустно убивали глиняными шариками. Между ними была хорошенькая маленькая цвѣтоклюйка новой породы (Prioonechilus aurolimbatus) и нѣсколько медососокъ, самыхъ маленькихъ, какихъ я когда либо видѣлъ. Впрочемъ вообще моя коллекція птицъ была въ застоѣ, ибо хотя я и пріобрѣлъ для себя охотника, но изъ него было мало толку, такъ какъ онъ рѣдко приносилъ мнѣ болѣе одной птицы въ день. Самое лучшее, что онъ застрѣлилъ, былъ большой и рѣдкій плодовый голубь (Carpophaga forsteri), свойственный сѣверу Целебеса, котораго я искалъ уже давно.

Я съ своей стороны весьма успѣшно ловилъ насѣкомыхъ прекрасной группы тигровыхъ жуковъ, которые здѣсь многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ архипелагѣ. Въ первый разъ они попались мнѣ въ одномъ прокопѣ на дорогѣ, гдѣ твердый глинистый валъ былъ покрытъ отчасти мхомъ и мелкими папоротниками. Здѣсь мнѣ попадался одинъ маленькій оливково-зеленый видъ, который никогда не леталъ, а иногда еще одно хорошенькое пурпурово-черное безкрылое насѣкомое, которое я находилъ всегда неподвижнымъ въ разсѣлинахъ, и потому

заключилъ, что оно должно быть ночное. Мнѣ казалось, что оно составляетъ новый родъ. Въ лѣсахъ я находилъ по дорогамъ большого и прекраснаго Cicindela heros, который прежде попадался мнѣ лишь изрѣдка на Макассарѣ. Но самые лучшіе экземпляры были пріобрѣтены мною въ горномъ потокѣ самаго оврага. На сухихъ стволахъ, нависшихъ надъ водою, а также по берегамъ и на листьяхъ я нашелъ три прекрасные вида Cicindela, совершенно различные по величинѣ, формѣ и цвѣту, но имѣющіе почти тожественные узоры изъ блѣдныхъ пятенъ. Я нашелъ также одинъ экземпляръ чрезвычайно любопытнаго вида съ весьма длинными усиками. Но наилучшимъ моимъ открытіемъ здѣсь былъ Cicindela gloriosa, найденый мною на мшистыхъ, торчавшихъ изъ воды, камняхъ. Послѣ того, какъ былъ пріобрѣтенъ мною первый экземпляръ этого изящнаго насѣкомаго, я часто прогуливался вдоль рѣки, тщательно осматривая каждую поросшую мхомъ скалу и каждый камень. Оно было весьма осторожно и часто подолгу водило меня отъ камня къ камню, становясь видимымъ только тогда, когда садилось на мокрый мохъ, ибо оно бархатисто-зеленаго цвѣта. Иные дни мнѣ удавалось лишь мелькомъ видѣть его, иногда же удавалось поймать одинъ экземпляръ и весьма рѣдко два, но всегда послѣ долгихъ преслѣдованій.

Между людьми здѣсь я видѣлъ различные типы, которые вмѣстѣ съ различіемъ языковъ, представляютъ для меня нѣкоторыя данныя для заключенія объ ихъ происхожденіи. О поразительно низкомъ состояніи цивилизаціи этихъ народовъ, даже въ очень недавнее время, свидѣтельствуетъ разнообразіе языковъ. Деревни, отстоящія одна отъ другой на три или на четыре мили, имѣютъ различныя нарѣчія, и группы изъ трехъ или четырехъ такихъ деревень говорятъ языкомъ совершенно непонятнымъ для всѣхъ остальныхъ, такъ что до введенія миссіонерами малайскаго языка, что произошло въ весьма недавнее время, существовало сильное препятствіе для свободнаго ихъ общенія между собою. Языки эти представляютъ много особенностей. Они содержатъ въ себѣ элементы целебесско-малайскій и папуанскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ много радикальныхъ особенностей, встрѣчаемыхъ также въ языкахъ Сіусскихъ и Сангирскихъ острововъ, лежащихъ далѣе къ сѣверу и поэтому по всей вѣроятности ведутъ начало съ острововъ Филиппинскихъ. Физическія черты сходны. Нѣкоторыя изъ менѣе цивилизованныхъ племенъ имѣютъ черты и волосы полу-папуанскіе, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ преобладаетъ физіономія чисто целебесская или бугисская. Нагорье Тондано населено преимущественно народомъ почти такимъ же бѣлымъ, какъ китайцы и съ весьма пріятными полуевропей-

скими чертами лица. Жители Сіу и Сангира весьма похожи на послѣднихъ, и мнѣ кажется, что они должно быть переселились сюда съ какихъ нибудь острововъ сѣверной Полинезіи. Папуанскій типъ по всей вѣроятности представляетъ собою остатокъ отъ первобытныхъ жителей, между тѣмъ какъ бугисскій указываетъ на распространеніе высшей малайской расы къ сѣверу.

Такъ какъ въ Панчху, благодаря дурной погодѣ и болѣзни моихъ охотниковъ, мнѣ приходилось терять весьма много времени, то черезъ три недѣли я возвратился въ Менадо. Здѣсь со мной случился легкій припадокъ лихорадки, что, вмѣстѣ съ сушкою и отправкою моихъ коллекцій и отысканіемъ новыхъ слугъ отняло у меня двѣ недѣли и лишь по истеченіи этого времени я готовъ былъ пуститься снова въ путь. Теперь я отправился по направленію къ востоку по волнистой мѣстности, огибая большой вулканъ Клабатъ, въ деревню, называемую Лемпіасъ и расположенную рядомъ съ обширнымъ лѣсомъ, покрывающимъ нижнюю часть склоновъ горы. Кладь мою отъ деревни до деревни несли перемѣнные люди, и такъ какъ при каждой такой смѣнѣ тратилось нѣкоторое время, то я немогъ достичь назначеннаго мѣста (разстояніе было въ восемнадцать миль) ранѣе заката солнца. Я былъ мокръ насквозь, и въ такомъ непріятномъ положеніи мнѣ пришлось пробыть цѣлый часъ, пока не пришла часть моей клади, въ которой по счастью находилось и мое платье, между тѣмъ какъ остальной багажъ прибылъ лишь послѣ полуночи.

Въ мѣстности этой водилось странное животное бабируса (Hog-deer). Я попросилъ достать мнѣ череповъ его, и вскорѣ пріобрѣлъ ихъ нѣсколько, между прочимъ также прекрасный черепъ рѣдкаго и любопытнаго «сапи-утана» (Anoa depressicornis). Въ Менадо я видѣлъ два живые экземпляра этого животнаго и былъ пораженъ чрезвычайнымъ сходствомъ съ мелкимъ домашнимъ скотомъ. Ихъ малайское названіе значитъ «лѣсной быкъ» и они отличаются отъ маленькихъ, хорошо откормленныхъ быковъ преимущественно подгрудкомъ, висящимъ весьма низко, и прямыми острыми рогами, отклоняющимися назадъ надъ шеею. Лѣсъ здѣшній оказался вовсе не такъ богатъ насѣкомыми, какъ я ожидалъ, а охотники мои приносили мнѣ весьма мало птицъ, впрочемъ то, что они приносили, было весьма интересно. Между прочимъ былъ принесенъ мнѣ рѣдкій лѣсной зимородокъ (Cittura cyanotis), маленькій новый видъ Megapodius и одинъ экземпляръ большого и любопытнаго Малео (Megacephalon rubripes), пріобрѣтеніе котораго было одною изъ главныхъ цѣлей моей поѣздки сюда. Но, ненаходя болѣе этой птицы

послѣ десятидневныхъ поисковъ, я отправился въ Ликупангъ, находящійся на концѣ полуострова, и славящійся этими птицами, равно какъ бабирусами и сапи-утанами. Здѣсь я встрѣтилъ м-ра Гольдмана, старшаго сына губернатора Молуккскихъ острововъ, надзиравшаго за устройствомъ правительственныхъ соловареиь. Мѣсто это оказалось лучше, и я пріобрѣлъ нѣсколькихъ прекрасныхъ бабочекъ и весьма хорошихъ птицъ, между которыми былъ еще одинъ экземпляръ рѣдкихъ земляныхъ голубей (Phlegaenas tristigmata), котораго въ первый разъ я нашелъ близъ водопада Маросъ на южномъ Целебесѣ.

Услыхавъ чего я преимущественно ищу м-ръ Гольдманъ весьма любезно предложилъ предпринять охоту въ то мѣсто, гдѣ «малео» наиболѣе многочислены, а именно на отдаленный и необитаемый морской берегъ, находившійся на разстояніи приблизительно двадцати миль. Климатъ здѣсь былъ совершенно не то, что на горахъ: ни одной капли дождя не упало впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ; я устроилъ такъ, чтобы остаться на берегу съ недѣлю, для пріобрѣтенія возможно большаго числа экземпляровъ. Мы ѣхали частью на лодкѣ, частью лѣсомъ въ сопровожденіи маіора или начальника изъ Ликупанга, съ дюжиною туземцевъ и штуками двадцатью собакъ. Дорогою были убиты одинъ молодой сапи-утанъ и пять дикихъ свиней. Голову перваго я сохранилъ. Животное это водится исключительно въ отдаленныхъ мѣстахъ Целебеса и на одномъ или двухъ смежныхъ островахъ, принадлежащихъ къ той же группѣ. У взрослыхъ голова черная съ бѣлыми мѣтками надъ каждымъ глазомъ, на каждой щекѣ и на горлѣ. Рога у молодыхъ животныхъ бываютъ весьма гладки и остры, но съ годами становятся толще и морщинисты у основанія. Многіе натуралисты считаютъ это интересное животное маленькимъ быкомъ, но, судя по характеру роговъ, по шерсти и по отвислому подгрудку оно весьма близко подходитъ къ антилопамъ.

Прибывъ на мѣсто назначенія, мы выстроили шалашъ и сдѣлали приготовленія для того, чтобы остаться здѣсь нѣсколько дней, я — для того, чтобы стрѣлять и сдирать кожи съ «малео», а м-ръ Гольдманъ и маіоръ — чтобы охотиться на дикихъ свиней, бабирусъ и сапи-утановъ. Мѣсто это лежитъ въ большой бухтѣ между островами Лимбе и Банка, и представляетъ собою крутой берегъ, который тянется болѣе чѣмъ на милю и покрытъ глубокимъ, сыпучимъ, грубымъ, чернымъ вулканическимъ пескомъ или скорѣе дресвою, такъ что ходить здѣсь было весьма утомительно. Съ обѣихъ сторонъ онъ ограниченъ маленькими рѣками, за которыми начинается холмистая земля; лѣсъ, находящійся позади берег

расположенъ на значительной возвышенности, и деревья въ немъ растутъ плохо. По всей вѣроятности это древній потокъ лавы, текшій черезъ долину отъ вулкана Клабата къ морю, отъ разложенія котораго образовался этотъ черный песокъ. Въ подтвержденіе такого взгляда можно замѣтить, что берега по ту сторону маленькихъ рѣчекъ въ обѣихъ направленіяхъ состоятъ изъ бѣлаго песку.

Въ этотъ то горячій черный песокъ и кладутъ свои яйца эти странныя птицы «малео»; въ августѣ и сентябрѣ, когда дождя бываетъ весьма мало или вовсе его не бываетъ, онѣ приходятъ сюда или въ другія любимыя ими мѣста парами изъ внутри страны, и внѣ линіи высокой воды выкапываютъ ямы въ три или четыре фута глубиною, въ которыя самки кладутъ странныя большія яйца, закрываютъ ихъ пескомъ приблизительно на футъ и затѣмъ возвращаются обратно въ лѣсъ. По прошествіи десяти или двѣнадцати дней онѣ приходятъ снова, чтобы положить еще одно яйцо на то же самое мѣсто и, какъ предполагаютъ, каждая самка кладетъ такимъ образомъ въ это время года шесть или восемь яицъ. Самецъ помогаетъ самкѣ въ рытьѣ ямы, приходя и уходя вмѣстѣ съ нею. Птица эта, когда она ходитъ по берегу, весьма красива. Блестяще-черный и розовато-бѣлый цвѣтъ перьевъ, голова съ хохломъ и поднятый хвостъ въ родѣ того, какъ у обыкновенной курицы, придаютъ имъ весьма выдающійся характеръ, который особенно замѣтенъ, благодаря ихъ важной и нѣсколько медленной походкѣ. Различія между полами нѣтъ почти никакого, за исключеніемъ того, что коронка или хохолокъ на задней части головки и шишки у ноздрей самца немного больше, а розоватый цвѣтъ нѣсколько гуще; но различіе это до того слабо, что отличить самца отъ самки, не анатомируя, не всегда бываетъ возможно. Онѣ бѣгаютъ быстро, но если по нимъ выстрѣлятъ или внезапно потревожатъ ихъ, то онѣ подымаются на крыльяхъ и тяжело и шумно перелетаютъ на растущее по близости дерево, гдѣ садятся на низкую вѣтвь; ночь по всей вѣроятности онѣ проводятъ подобнымъ же образомъ. Въ одну яму кладутъ яйца многія птицы, ибо яицъ находятъ часто до двѣнадцати штукъ вмѣстѣ, и онѣ такъ велики, что нѣтъ возможности, чтобы птица могла содержать въ себѣ одновременно болѣе одного вполнѣ развитаго яйца. У всѣхъ застрѣленныхъ мною самокъ, яйца, за исключеніемъ одного большого, были не болѣе горошины; всего же ихъ было восемь или девять штукъ, и по всей вѣроятности, птица не можетъ положить ихъ больше послѣдовательно въ одинъ періодъ несенія.

Туземцы приходятъ ежегодно даже издалека за этими яйцами, которыя считаются большимъ лакомствомъ. Онѣ вкуснѣе куриныхъ и каждое

совершенно наполняетъ обыкновенную чайную чашку; съ хлѣбомъ или рисомъ, онѣ составляютъ прекрасное кушанье. Цвѣтъ шелухи блѣдно-кирпично-красный и весьма рѣдко чисто бѣлый. Онѣ длинноватые и съ одного конца чуть-чуть уже; длиною онѣ бываютъ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною, а шириною отъ двухъ съ четвертью до двухъ съ половиною дюймовъ.

Послѣ того, какъ яйца положены въ землю, мать о нихъ уже не заботится. Молодыя птички, расколовъ скорлупу, прорываютъ себѣ путь сквозь песокъ и тотчасъ же убѣгаютъ въ лѣсъ. М-ръ Дивенбоденъ изъ Терната увѣрялъ меня, что онѣ могутъ летать въ тотъ же самый день, какъ вылупятся. Однажды онъ взялъ къ себѣ на шкуну нѣсколько яицъ, изъ которыхъ птенцы вылупились въ ту же ночь, и тотчасъ же стали летать по каютѣ. Принимая во вниманіе, что птицы являются часто весьма издалека для кладки яицъ въ надлежащемъ мѣстѣ, кажется страннымъ, что за тѣмъ онѣ больше о нихъ не заботятся. Однакоже несомнѣнно, что онѣ не стерегутъ и не могутъ стеречь ихъ. Яйца кладутся нѣсколькими самками въ одну и ту же яму, что дѣлаетъ невозможнымъ для каждой, отличить свои; въ то же время, такія большія птицы могутъ находить себѣ необходимую пищу, (состоящую исключительно изъ опавшихъ плодовъ) только скитаясь на значительномъ пространствѣ; такъ что если бы всѣ птицы, являющіяся на этотъ странный берегъ въ періодъ несенія яицъ—а число ихъ часто доходитъ до нѣсколькихъ сотень—были принуждены оставаться по близости, то многія изъ нихъ погибли бы отъ голода.

Строеніе ногъ этой птицы указываетъ намъ причину отклоненія ея въ образѣ жизни отъ близко сродныхъ ей Megapodii и Talegalli, нагребающихъ кучи изъ земли, листьевъ, камней и прутьевъ и кладущихъ въ нихъ свои яйца. Ноги у малео относительно вовсе не такъ велики и сильны, какъ у этихъ птицъ, между тѣмъ какъ когти коротки и прямы, вмѣсто того, чтобы быть длинными и сильно согнутыми. Зато пальцы ихъ у основанія соединены крѣпкою перепонкою, образуя широкую сильную ступню, которая при довольно длинной голени весьма хорошо приспособлена къ выкапыванію сыпучаго песка, (который летитъ кверху столбомъ, когда птицы заняты своимъ дѣломъ); но сгребать кучи сору было бы для малео далеко не такъ легко, какъ для Megapodius.

Очевидно, что причина такого сильнаго отклоненія семейства Megapodidae отъ образа жизни, свойственнаго всему классу птицъ, лежитъ въ особенности ихъ организаціи. Каждое яйцо ихъ такъ велико, что наполняетъ всю брюшную полость и съ трудомъ проходитъ между стѣн-

ками таза; поэтому необходимо значительное время для того, чтобы созрѣло каждое отдѣльное яйцо (туземцы говорятъ, что около тринадцати дней). Каждая птица въ періодъ несенія кладетъ отъ шести до восьми яицъ и даже болѣе, такъ что промежутокъ времени между кладкою перваго яйца и кладкою послѣдняго, долженъ равняться двумъ или тремъ мѣсяцамъ. И такъ, если бы птенцы высиживались обыкновеннымъ образомъ, то родителямъ пришлось бы сидѣть на яйцахъ весь этотъ продолжительный періодъ времени, или же, если бы они садились на нихъ по окончаніи несенія, то прежде положенныя яйца подвергались бы порчѣ отъ вліянія климата, или же уничтожались большими ящерицами, змѣями и другими подобными животными, изобилующими въ этой мѣстности, такъ какъ птицамъ приходилось бы иногда уходить далеко для отысканія пищи. Вотъ примѣръ того, какъ привычки птицы обусловливаются особенностями организаціи, и едва ли кто станетъ утверждать, что ненормальное строеніе было дано Megapodidae съ тою цѣлью, чтобы онѣ не были способны къ той родительской любви и не имѣли бы тѣхъ инстинктовъ домовитости, которые такъ обыкновенны въ классѣ птицъ и возбуждаютъ въ насъ такое удивленіе.

Прежніе писатели по естественной исторіи имѣли обычай принимать образъ жизни и инстинкты животныхъ за нѣчто постоянное, а ихъ строеніе и организацію за нѣчто способное приспособляться къ первымъ. Такое положеніе однакоже весьма обыкновенно, и имѣетъ то дурное послѣдствіе, что подавляетъ собою вопросы о природѣ и причинахъ «инстинктовъ и привычекъ», выводя ихъ прямо изъ «первичной причины», что и дѣлаетъ ихъ для насъ непонятными. Я увѣренъ, что тщательное изслѣдованіе строенія вида, а также особенныхъ физическихъ и органическихъ условій, въ которыхъ онъ находится, или въ которыхъ онъ находился прежде, часто, подобно тому, какъ и въ данномъ случаѣ, броситъ много свѣта на происхожденіе его привычекъ и инстинктовъ. Эти послѣдніе, въ связи съ измѣненіями внѣшнихъ условій, въ свою очередь вліяютъ на строеніе, и благодаря «видоизмѣненіямъ» и «естественному подбору» между ними сохраняется гармонія.

Друзья мои оставались здѣсь три дня и настрѣляли множество дикихъ свиней и двухъ *anoa*, но послѣднія были такъ сильно попорчены собаками, что я могъ сохранить только ихъ головы. Большая охота, назначенная на третій день, неудалась вслѣдствіе неловкаго загона дичи, и намъ пришлось просидѣть по пяти часовъ на подмосткахъ между деревьями, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, не смотря на увѣренія, что свиньи, бабирусы и anoa будутъ пробѣгать мимо насъ цѣлыми дюжинами.

Я, впрочемъ, съ двумя людьми остался еще на три дня, чтобы пріобрѣсть еще нѣсколько экземпляровъ малео, и дѣйствительно пріобрѣлъ двадцать шесть штукъ весьма хорошихъ, мясо и яйца которыхъ доставили намъ обильную и хорошую пищу.

Маіоръ, согласно своему обѣщанію, прислалъ лодку за моею кладью, я же самъ вмѣстѣ съ моими двумя мальчиками и проводникомъ отправился черезъ лѣсъ пѣшкомъ; пройти предстояло четырнадцать миль. Сначала дороги не было, и часто намъ приходилось прорубать себѣ путь сквозь чащи индѣйскаго тростника или бамбука. При поворотахъ для отысканія болѣе удобной дороги я выражалъ иногда боязнь, что мы заблудимся, такъ какъ солнце стояло прямо надъ головой, и я не видѣлъ ничего, чѣмъ бы можно было руководствоваться, чтобы держаться истиннаго направленія. Но провожатые мои только смѣялись надъ моими предположеніями, которыя казались имъ весьма забавными, и на половинѣ пути мы прямо пришли къ маленькой хижинѣ, куда жители Ликупанга приходятъ охотиться на дикихъ свиней и коптить ихъ. Проводникъ мой, какъ онъ говорилъ, никогда еще не проходилъ лѣсъ между этими двумя пунктами; вотъ примѣръ того, что иные путешественники называютъ дикими «инстинктами», между тѣмъ какъ это просто результатъ широкаго общаго знанія. Человѣкъ зналъ топографію всей области, склонъ земли, направленіе рѣкъ, пояса бамбука или индѣйскаго тростника и многія другія указанія мѣстности и направленія и такимъ образомъ былъ въ состояніи придти прямо къ хижинѣ, близъ которой онъ часто охотился. Въ лѣсу, котораго бы онъ не зналъ вовсе, онъ заблудился бы совершенно такъ же, какъ и европеецъ. Тоже самое, я увѣренъ, можно сказать и относительно всѣхъ чудесныхъ разсказовъ объ индѣйцахъ, находящихъ дорогу къ опредѣленнымъ пунктамъ черезъ непроходимые лѣса. Они можетъ быть никогда не проходили прежде прямою дорогою отъ одной извѣстной точки до другой, но они хорошо знакомы съ окрестностями обоихъ пунктовъ, и такъ хорошо знаютъ вообще всю страну, ея водную систему, ея почву и растительность, что многіе легко замѣчаемые признаки даютъ имъ возможность придти прямо къ желаемой точкѣ.

Характеристическую черту этого лѣса составляло обиліе индѣйскаго тростника, висѣвшаго съ деревьевъ, и извивавшагося по землѣ, часто весьма запутанною массою. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что онъ растетъ такимъ образомъ, но это происходитъ по всей вѣроятности вслѣдствіе гніенія и паденія деревъ, по которымъ онъ вился сначала, послѣ чего онъ стелется по землѣ, пока не встрѣтитъ снова ствола, по

которому начнетъ опять взбираться вверхъ. Поэтому массы переплевшагося живого индѣйскаго тростника служатъ указаніемъ, что нѣкогда на этомъ мѣстѣ лежало большое дерево, хотя бы отъ него не осталось ни одной вѣточки. Индѣйскій тростникъ одаренъ повидимому безконечною способностью расти, такъ, что одно растеніе можетъ обвить поочередно нѣсколько деревьевъ и такимъ образомъ достичь чрезвычайной длины. Онъ придаетъ лѣсу много красы, если смотрѣть на него съ морского берега, ибо онъ разнообразитъ монотонность древесныхъ вершинъ съ перистыми вѣнцами листьевъ, изъ которыхъ каждый оканчивается прямымъ лиственнымъ колосомъ, подобнымъ шпицу громоотвода.

Другой весьма интересный предметъ въ лѣсу была прекрасная пальма, совершенно гладкій и цилиндрическій стволъ которой подымался болѣе, чѣмъ на сто футовъ при толщинѣ всего въ восемь или девять дюймовъ, между тѣмъ какъ вѣерообразные листья ихъ вершинъ составляютъ почти полные круги въ шесть или восемь футовъ въ діаметрѣ, и держатся на длинныхъ и тонкихъ черешкахъ, по краямъ которыхъ идутъ изящные зубчики трилистниковъ, отстоящихъ отъ окружности всего на нѣсколько дюймовъ. По всей вѣроятности это *Livistona rotundifolia* ботаниковъ и въ то же время самый совершенный и прекрасный вѣерообразный листъ, какой я когда либо видѣлъ, который превосходно можетъ быть сложенъ въ бадейку для воды или корзинку, а также служитъ для крытья жилищъ и для другихъ потребъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, я возвратился снова въ Менадо верхомъ на лошади, между тѣмъ какъ багажъ мой плылъ кругомъ моремъ, и мнѣ едва хватило времени запаковать свои коллекціи, для того чтобы на слѣдующемъ же почтовомъ пароходѣ отправиться на Амбойну. Теперь я посвящу нѣсколько страницъ описанію главнѣйшихъ зоологическихъ особенностей Целебеса и ихъ отношеній къ зоологіи окружающихъ странъ.

ГЛАВА XVIII.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ЦЕЛЕБЕСА.

Оригинальность и обособленность фауны острова. Бѣдность видовъ и богатство формъ.

Целебесъ лежитъ въ самомъ центрѣ Архипелага. Готчасъ же къ сѣверу отъ него находятся Филиппинскіе острова, къ западу Борнео, на востокъ—Молуккскіе острова, а къ югу—группа Тиморъ, и со всѣми этими островами онъ такъ тѣсно соединенъ посредствомъ мелкихъ островковъ и коралловыхъ рифовъ, что ни по картѣ, ни по наблюденіямъ вокругъ береговъ невозможно опредѣлить съ точностью, что принадлежитъ къ нему, и что къ окрестнымъ группамъ. Послѣ всего этого весьма естественно было бы ожидать, что произведенія этого центральнаго острова представляютъ собою въ нѣкоторой степени богатство и разнообразіе всего архипелага.

Однако же факты, какъ это весьма часто бываетъ въ природѣ, показываютъ совершенно противное; изъ изслѣдованій животныхъ произведеній Целебеса мы видимъ, что онъ въ одно и то же время самый бѣдный островъ по числу видовъ, и самый изолированный изъ всѣхъ острововъ архипелага по характеру своихъ произведеній. Вмѣстѣ со своими окрестными островками, онъ занимаетъ едва ли менѣе мѣста въ морѣ, въ длину и въ ширину, чѣмъ Борнео; площадь же его суши приблизительно вдвое больше Явы, а между тѣмъ число млекопитающихъ и сухопутныхъ птицъ весьма немногимъ превышаетъ половину числа видовъ послѣдняго острова. Съ другой стороны, положеніе его таково, что онъ отовсюду болѣе доступенъ для переселеній чѣмъ Ява, а между тѣмъ изъ всѣхъ видовъ, его населяющихъ, значительно меньшее число происходитъ съ другихъ острововъ и значительно большее число видовъ свойственно собственно ему, при чемъ весьма многіе изъ послѣднихъ

до того замѣчательны, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего, близко сроднаго имъ. Теперь я намѣренъ размотрѣть наиболѣе извѣстныя группы целебесскихъ животныхъ нѣсколько подробнѣе, изслѣдовать ихъ отношенія къ животнымъ другихъ острововъ, и обратить вниманіе читателя на многіе весьма интересные, открывающіеся при этомъ факты.

О птицахъ Целебеса мы знаемъ гораздо болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ группахъ животныхъ. Ихъ открыто всего не менѣе 191 вида, и хотя несомнѣнно, что число голенастыхъ и водныхъ должно значительно увеличиться новыми открытіями, однако же число сухопутныхъ птицъ, которыхъ насчитывается 144 вида и которыя для настоящей нашей цѣли значительно важнѣе другихъ, должно быть приблизительно полно. Я съ своей стороны весьма внимательно занимался собираніемъ коллекцій птицъ на Целебесѣ втеченіи десяти мѣсяцевъ, а мой помощникъ, м-ръ Алленъ провелъ два мѣсяца на островахъ Сула. Голландскій натуралистъ Форстенъ провелъ въ сѣверной части Целебеса два года (за двадцать лѣтъ до моего посѣщенія) и его коллекціи птицъ были также посланы въ Голландію съ Макассара. Французскій корабль «*L'Astrolabe*» также останавливался въ Менадо и составлялъ коллекціи. Затѣмъ, уже по моемъ возвращеніи, голландскіе естествоиспытатели Розенбергъ и Бернштейнъ собрали обширныя коллекціи на сѣверѣ Целебеса и на островахъ Сула, но всѣ изысканія ихъ обоихъ прибавили всего лишь восемь видовъ сухопутныхъ птицъ къ имѣющимся уже въ моей коллекціи — фактъ, показывающій почти несомнѣнность того, что неизвѣстныхъ породъ осталось уже весьма мало.

Кромѣ Салейра и Бутона на югѣ, и Пелинга и Бунгея на востокѣ, три острова архипелага Сула (или Зула) въ зоологическомъ отношеніи принадлежатъ также къ Целебесу, хотя положеніе ихъ таково, что естественнѣе было бы отнести ихъ къ Молуккской группѣ. Изъ сухопутныхъ птицъ группы Сула въ настоящее время извѣстно 48 видовъ, и если исключить изъ этого числа 5 видовъ, широко распространенныхъ по всему архипелагу, то остальные болѣе сходны съ целебесскими, чѣмъ съ молуккскими. Видовъ тожественныхъ съ целебесскими тридцать одинъ, и кромѣ того четыре вида служатъ представителями целебесскихъ формъ, между тѣмъ какъ молуккскихъ видовъ всего одиннадцать и только два представителя формъ послѣдняго острова.

Но хотя острова Сула и принадлежатъ къ Целебесу, тѣмъ не менѣе они лежатъ такъ близко къ Буру и къ южнымъ островамъ группы Гилоло, что на него переселились чисто молукскія формы, вовсе не извѣстныя самому Целебесу, и такъ какъ всѣ тринадцать молуккскихъ видовъ

принадлежатъ къ этой категоріи, то въ зоологію Целебеса входитъ посторонній элементъ, въ сущности ему несвойственный. Вотъ почему при изученіи особенностей целебесской фауны лучше ограничиваться произведеніями самаго острова.

Число видовъ сухопутныхъ птицъ Целебеса равняется 128; изъ этого числа, какъ и прежде, мы исключимъ нѣсколько такихъ видовъ, которые распространены по всему архипелагу, часто отъ Индіи до Тихаго океана. Такихъ видовъ двадцать, и слѣдовательно остается 108 видовъ, которые мы можемъ разсматривать какъ исключительно свойственные этому острову. Внимательно сравнивая эти послѣдніе съ птицами всѣхъ окрестныхъ странъ, мы находимъ, что всего только девять изъ нихъ распространяются на острова, лежащіе къ западу, и девятнадцать на острова, лежащіе къ востоку, слѣдовательно остается не менѣе 80 видовъ вполнѣ свойственныхъ целебесской фаунѣ—такая степень обособленности, принимая во вниманіе положеніе острова, едва ли можетъ имѣть что либо подобное себѣ въ цѣломъ мірѣ. Если мы станемъ еще ближе разсматривать эти 80 видовъ, то насъ поразитъ множество свойственныхъ имъ особенностей въ строеніи, и множество любопытныхъ сходствъ, которыми многіе изъ нихъ напоминаютъ весьма отдаленныя части свѣта. Пункты эти такъ интересны и важны, что необходимо будетъ сдѣлать обозрѣніе всѣхъ видовъ, исключительно свойственныхъ острову, обращая вниманіе преимущественно на то, что особенно этого заслуживаетъ.

Изъ соколиной породы исключительно свойственны Целебесу шесть видовъ; три изъ нихъ значительно отличаются отъ сродныхъ имъ птицъ, распространенныхъ по всей Индіи до Явы и Борнео, которыя по этому должны были разомъ измѣниться, попавъ на Целебесъ. Затѣмъ, Accipiter trinotatus, чрезвычайно красивый ястребъ имѣетъ на хвостѣ изящные ряды большихъ круглыхъ бѣлыхъ пятенъ, что значительно характеризуетъ его и дѣлаетъ весьма отличнымъ отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ птицъ этого семейства. Три вида совъ точно такъ-же своеобразны; одинъ изъ нихъ Strix rosenbergii, значительно больше и сильнѣе, нежели сродная ей Strix javanica, которая распространяется изъ Индіи по всѣмъ островамъ до Лэмбока.

Изъ десяти видовъ попугаевъ, встрѣчаемыхъ на Целебесѣ, восемъ свойственны ему исключительно. Между ними есть два вида, принадлежащіе къ странной породѣ ракетохвостыхъ попугаевъ, составляющихъ, родъ Prioniturus и отличающихся двумя длинными ложковидными перьями въ хвостѣ. Два сродные имъ вида встрѣчаются на смежномъ остро-

вѣ Минданао, Филиппинской группы, но затѣмъ такой формы хвоста нѣтъ ни у одного вида попугаевъ во всемъ свѣтѣ. Маленькій Trichoglossus flovoviridis самаго близкаго сродника себѣ имѣетъ, какъ кажется въ Австраліи.

Три вида дятловъ, живущіе на островѣ, всѣ своеобразны; они сродны видамъ, встрѣчающимся на Явѣ и на Борнео, хотя значительно отличаются отъ всѣхъ нихъ. Изъ трехъ самостоятельныхъ видовъ кукушекъ весьма замѣчательны два. *Phoenicophaus callirhynchus* самый большой и красивый видъ изъ всего рода и отличается тремя цвѣтами клюва: ярко-желтымъ, краснымъ и чернымъ. Eudynamis melanorynchus отличается отъ всѣхъ ему сродныхъ видовъ тѣмъ, что имѣетъ клювъ черный, какъ смоль, между тѣмъ какъ у всѣхъ другихъ видовъ этого рода онъ всегда зеленый, желтый или красноватый.

Целебесская сивоворонка (*Coracias temmincki*) представляетъ интересный примѣръ вида, отрѣзаннаго отъ всѣхъ другихъ видовъ этого рода. Виды *Coracias* встрѣчаются въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, но на Малайскомъ полуостровѣ, Суматрѣ, Явѣ и Борнео нѣтъ ни одного. И такъ вышеназванный видъ кажется вовсе не на мѣстѣ; но еще болѣе любопытно то, что онъ ни чуть не похожъ ни на одинъ изъ азіатскихъ видовъ, и скорѣе сходенъ съ африканскими.

Въ семействѣ щурковъ есть другая подобная же одинокая птица *Merops forsteni*, соединяющая въ себѣ признаки африканскихъ и индійскихъ щурковъ, единственный близко сродный видъ которой Merops brewerі былъ открытъ Дю-Шалью въ западной Африкѣ.

Два Целебесскіе клюворога не имѣютъ близко сродныхъ себѣ видовъ между изобилующими въ окрестныхъ странахъ, и единственный дроздъ, *Geocichla erythronota* всего ближе сходенъ съ видомъ, свойственнымъ группѣ Тиморъ. Два вида мухолововъ близко сродны съ индѣйскими видами, не встрѣчающимися на Малайскихъ островахъ. *Streptocitta* и *Charitornis*, сродные съ сороками, и въ то же время имѣющіе признаки до того неопредѣленные, что профессоръ Шлегель причисляетъ ихъ къ скворцамъ, ограничиваются исключительно Целебесомъ. Это красивыя длиннохвостыя птицы съ черными и бѣлыми перьями, которыя на головѣ бываютъ нѣсколько жестки и похожи на чешую.

Есть еще два другіе совершенно одинокіе вида красивыхъ птицъ сомнительнаго сродства со скворцами. Одинъ изъ нихъ *Enodes erythrophrys* цвѣта пепельнаго съ желтымъ, но украшенный широкими полосами оранжево-краснаго цвѣта надъ глазами. Другой—это *Basilornis celebensis*, цвѣта черно-синяго, но на груди по обѣимъ сторонамъ у не-

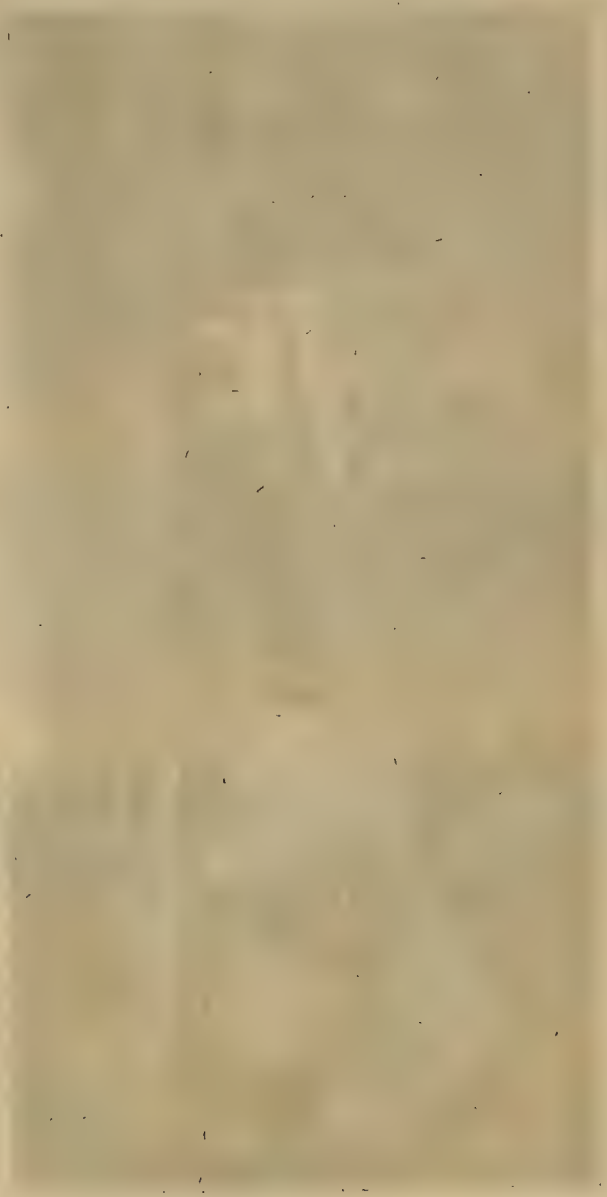
го по бѣлому пятну, а голова украшена сжатымъ чешуйчатымъ хохолкомъ изъ перьевъ, похожимъ на хохолокъ извѣстнаго каменнаго пѣтушка Южной Америки. Единственный сродный этой птицѣ видъ встрѣчается на Серамѣ, и имѣетъ перья въ хохолкѣ удлиненные и совершенно другой формы.

Еще болѣе любопытна птица *Scissirostrum pagi*, которая хотя и причисляется къ скворцамъ, но отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ этого семейства формою клюва и ноздрей и по строенію вообще кажется всего болѣе сродна съ *Buphaga* тропической Африки, вслѣдствіе чего знаменитый орнитологъ принцъ Бонапартъ и причислилъ ее окончательно къ послѣднимъ. Она почти вся аспиднаго цвѣта, и только клювъ и ноги желтые; но перья гузка и верхнихъ покрововъ хвоста оканчиваются жесткими блестящими кисточками или пучками ярко малиноваго цвѣта. Эти хорошенькія маленькія птички замѣняютъ металлическизеленныхъ скворцовъ изъ рода Calornis, встрѣчающагося на многихъ островахъ Архипелага, за исключеніемъ Целебеса. Онѣ ходятъ стадами, кормясь плодами и зернами, и часто встрѣчаются на гнилыхъ деревьяхъ, въ дуплахъ которыхъ онѣ строятъ свои гнѣзда, и лазятъ по стволамъ съ такою же легкостью, какъ дятлы.

Изъ восемнадцати видовъ голубей, находимыхъ на Целебесѣ, исключительно ему свойственны одиннадцать. Два изъ нихъ *Ptilonopus gularis* и *Turacaena menadensis* имѣютъ наиболѣе близкихъ сродниковъ на Тиморѣ. Два другіе *Carpophaga forsteni* и *Phlacgenas tristigmata* всего болѣе походятъ на Филиппинскіе виды, а *Carpophaga radiata* принадлежитъ къ Ново-Гвинейской группѣ. Наконецъ, изъ породы куриныхъ, интересный хохлатый *Малео* (Megacephalon rubripes) стоитъ совершенно отдѣльно, имѣя наиболѣе близкими (но все же отличными) сродниками *Brush-turkeys*, живущихъ въ Австраліи и Новой Гвинеѣ.

Итакъ, судя по мнѣніямъ лучшихъ натуралистовъ, описавшихъ этихъ птицъ и сгруппировавшихъ ихъ, мы находимъ, что многіе виды не имѣютъ близко сродныхъ себѣ ни въ одной изъ странъ окружающихъ Целебесъ, и потому или стоятъ особнякомъ, или же указываютъ на соотношеніе съ такими отдаленными областями, какъ Новая Гвинея, Австралія, Индія или Африка. Несомнѣнно, что есть и другіе примѣры подобнаго сходства между произведеніями отдаленныхъ одна отъ другой странъ, но нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ, насколько мнѣ извѣстно, ихъ не встрѣчается такъ много въ одномъ мѣстѣ, и они не составляютъ такой рѣзкой черты въ естественной исторіи мѣстности, какъ здѣсь.

Малайское жилище.



Число млекопитающихъ на Целебесѣ весьма незначительно; оно состоитъ изъ четырнадцати сухопутныхъ видовъ и семи видовъ летучихъ мышей. Изъ первыхъ исключительно свойственны Целебесу не менѣе одиннадцати, включая сюда и тѣ два вида, которые какъ мы имѣемъ полное право предполагать, были перенесены человѣкомъ въ недавнее время на другіе острова. Къ числу трехъ видовъ значительно распространенныхъ по всему архипелагу, принадлежатъ: 1) интересный лемуръ *Tarsius spectrum*, встрѣчающійся на всѣхъ островахъ, лежащихъ далеко на западъ, даже до Малакки включительно; 2) обыкновенный малайскій цибетъ *Viverra tangalunga*, распространенный еще болѣе, и 3) одинъ олень, который, какъ кажется, тожественъ съ яванскимъ *Rusa hippelaphus* и по всей вѣроятности когда нибудь давно былъ перенесенъ сюда человѣкомъ.

Наиболѣе характеристическіе виды суть слѣдующіе:

Cynopithecus nigrescens—любопытная обезьяна въ родѣ мартышки, если не сама мартышка, распространена во множествѣ по всему Целебесу и не встрѣчается нигдѣ болѣе за исключеніемъ маленькаго острова Бэчіанъ, куда попала вѣроятно случайно. Нѣсколько сродный ей видъ есть на Филиппинскихъ островахъ, но на всемъ Архипелагѣ нѣтъ ничего вполнѣ съ нею сходнаго. Существа эти ростомъ съ испанскую собаку, черныя какъ смоль цвѣтомъ и имѣютъ выдающуюся морду въ родѣ собачьей и нависшія какъ у мартышки брови. У нихъ большія красныя мозоли и короткій мясистый хвостъ, не болѣе дюйма длиною едва замѣтный. Онѣ ходятъ большими стадами, живутъ преимущественно на деревьяхъ, но часто сходятъ на землю и опустошаютъ сады, какъ обыкновенные, такъ и фруктовые.

Anoa depressicornis, сапи-утапъ, или дикая корова малайцевъ, есть животное, которое было причиною многихъ споровъ относительно того, куда его причислить: къ быкамъ ли, къ буйволамъ, или къ антилопамъ. Ростомъ они меньше всякаго другого дикаго скота, и во многихъ отношеніяхъ подходятъ повидимому къ нѣкоторымъ быкоподобнымъ антилопамъ Африки. Аноа встрѣчается только въ горахъ и, какъ говорятъ, никогда не живетъ въ той мѣстности, гдѣ есть красный звѣрь. Онъ нѣсколько меньше небольшой черной коровы и имѣетъ длинные прямые рога, склоняющіеся назадъ надъ шеею, съ рубцами при основаніи.

Дикая свинья представляетъ также, какъ кажется, видъ исключительно свойственный острову; но несравненно болѣе интересное животное изъ этого семейства есть бабируса, или олене-свинья, называемая такъ малайцами потому, что имѣетъ длинныя тонкія ноги и согнутые, похожіе на

рога, клыки. Это необыкновенное животное похоже на свинью по общему виду, но оно не роется въ землѣ рыломъ, питается опавшими плодами. Клыки нижней челюсти чрезвычайно длинны и остры, верхніе же вмѣсто того, чтобы расти, какъ обыкновенно, внизъ, растутъ совершенно наоборотъ, кверху, сквозь костные швы и кожу по обѣимъ сторонамъ морды, загибаются назадъ надъ глазами и у старыхъ животныхъ часто достигаютъ длины восьми и десяти дюймовъ. Трудно понять, какая можетъ быть польза въ этихъ странныхъ, рогоподобныхъ зубахъ. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей предполагали, что они служили вмѣсто крючковъ, которыми животное придерживаетъ вѣтви. Но то, что они обыкновенно расположены надъ самыми глазами, дало поводъ предполагать еще съ большею вѣроятностью, что они служатъ для охраненія этого органа отъ шиповъ и иголъ, такъ какъ отыскивая опавшіе плоды, животному приходится лазать въ густыхъ чащахъ индійскаго тростника и другихъ колючихъ растеній. Но и это предположеніе однакоже оказывается неудовлетворительнымъ, ибо у самокъ, которыя должны отыскивать себѣ пищу такимъ же образомъ, этихъ клыковъ нѣтъ. Я скорѣе склоненъ думать, что клыки эти были полезны когда нибудь прежде, и тогда по мѣрѣ роста постоянно стирались отъ употребленія; затѣмъ вслѣдствіе измѣненія жизненныхъ условій сдѣлались ненужными и стали развиваться до чудовищной формы, подобно тому, какъ выросли бы рѣзцы у бобра или кролика, если бы не стирались рѣзцами другой челюсти. У старыхъ животныхъ они достигаютъ громадныхъ размѣровъ и обыкновенно поломаны, какъ бы вслѣдствіе дракъ.

Здѣсь снова мы встрѣчаемъ сходство съ кабачами Африки, у которыхъ клыки верхней челюсти вырастаютъ наружу и загибаются кверху, составляя какъ бы переходъ отъ обыкновеннаго рода клыковъ, къ клыкамъ бабирусы. Въ другихъ отношеніяхъ сходства между этими животными не видно, и бабируса стоитъ совершенно одиноко, не имѣя сходства ни съ одною свиньею въ мірѣ. Она встрѣчается по всему Целебесу и на островахъ Сула, а также на Буру, но это единственный пунктъ позади Целебесской группы, до котораго она достигаетъ; впрочемъ этотъ островъ имѣетъ сходство съ островами Сула также и по птицамъ, что указываетъ, быть можетъ, на существовавшую когда нибудь прежде болѣе близкую связь между ними.

Другія сухопутныя млекопитающія Целебеса суть пять видовъ бѣлокъ, которые всѣ отличны отъ видовъ Явы и Борнео; въ то же время родъ этотъ достигаетъ здѣсь крайней границы своего распространенія къ востоку между тропиками; затѣмъ два вида восточныхъ опоссумовъ

(Cuscus), отличныхъ отъ молуккскихъ опоссумовъ и достигающихъ здѣсь крайней границы своего распространенія на западъ. И такъ мы видимъ, что млекопитающія Целебеса не менѣе своеобразны и замѣчательны, чѣмъ птицы, ибо три самые крупные и интересные вида не имѣютъ близкихъ сродниковъ въ окрестныхъ странахъ, смутно указывая въ то же время на соотношеніе съ Африканскимъ материкомъ.

Многія группы насѣкомыхъ повидимому особенно подвержены мѣстнымъ вліяніямъ, ибо ихъ цвѣтъ и формы измѣняются при каждой перемѣнѣ жизненныхъ условій, или даже при перемѣнѣ мѣстности, хотя-бы условія жизни были почти тожественны. По этому мы сказали-бы, что обособленность, выражающаяся у высшихъ животныхъ, должна выразиться еще рѣзче у этихъ созданій, обладающихъ менѣе стойкою организаціею. Съ другой стороны, однако-же, мы должны принять въ соображеніе, что разселеніе и миграціи для насѣкомыхъ менѣе затруднительны, чѣмъ для млекопитающихъ и даже птицъ. Они скорѣе могутъ быть перенесены сильными вѣтрами; яйца ихъ могутъ быть уносимы на листьяхъ или бурями, или пловучими деревьями, а ихъ личинки и куколки часто кладущіяся въ стволы деревьевъ, или заключенныя въ непроницаемыя для воды коконы, могутъ невредимо плыть океаномъ цѣлые дни и недѣли. Эти удобства распространенія ведутъ къ уподобленію произведеній смежныхъ странъ двоякимъ путемъ: во первыхъ, постояннымъ непосредственнымъ обмѣномъ видовъ, и во вторыхъ частыми переселеніями свѣжихъ особей тѣхъ видовъ, которые свойственны другимъ островамъ, что при посредствѣ скрещиванія сглаживаетъ перемѣны формы и цвѣта, которыя происходили бы вслѣдствіе перемѣны жизненныхъ условій. Имѣя въ виду эти факты, мы найдемъ что обособленность насѣкомыхъ Целебеса гораздо значительнѣе даже, чѣмъ мы могли бы ожидать.

Чтобы сравненія съ другими островами были какъ можно точнѣе, я ограничусь только тѣми группами, которыя всего болѣе извѣстны, или которыя я тщательно изучалъ самъ. Начнемъ съ *Papilionidae* или ласточкохвостыхъ бабочекъ. На Целебесѣ ихъ 24 вида, изъ которыхъ весьма значительное число, а именно 18 видовъ, не встрѣчаются ни на какомъ другомъ островѣ. Если мы сравнимъ съ Борнео, гдѣ изъ 29 видовъ всего только два не встрѣчаются нигдѣ больше, то разница будетъ какъ нельзя болѣе поразительна. Въ семействѣ *Pieridae* или бѣлыхъ бабочекъ разница не такъ значительна, быть можетъ вслѣдствіе большей склонности этой группы къ переселеніямъ; впрочемъ она все таки довольно значительна. Изъ 30 видовъ, живущихъ на Целебесѣ, исклю-

чительно ему свойственны 19, между тѣмъ какъ на Явѣ (гдѣ извѣстно болѣе видовъ, чѣмъ на Суматрѣ или на Борнео) изъ 37 исключительно ей свойственны только 13. *Danaidae*—это большія, но плохо летающія бабочки, которыя живутъ въ лѣсахъ и садахъ и часто бываютъ весьма богато окрашены. Съ Целебеса ихъ въ моихъ собственныхъ коллекціяхъ имѣется 16 видовъ, а съ Борнео 15; изъ нихъ исключительно свойственны первому острову не менѣе 14, между тѣмъ какъ второму всего только два. *Nymphalidae* составляютъ весьма обширную группу бабочекъ, весьма ярко окрашенныхъ, обыкновенно съ весьма сильными крыльями, и въ тропическихъ странахъ онѣ весьма многочисленны, у насъ же представителями ихъ служитъ Fritillaries, Vanessas и Purple emperor. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я составилъ списокъ восточныхъ видовъ этой группы, включая въ него всѣ вновь открытые мною самимъ, и пришелъ къ слѣдующимъ сравнительнымъ результатамъ:

	Виды Nymphalidae.	Виды исключ. свойст. кажд. изъ острововъ.	Процентъ видовъ исключ. свойст. кажд. остр.
Ява.....	70	23	33
Борнео....	52	15	29
Целебесъ..	48	35	73

Жесткокрылые такъ многочисленны, что изучены тщательно лишь немногія группы ихъ. По этому я обращу вниманіе только на одну изъ нихъ, недавно изученную мною, а именно на *Cetoniadae*, или розовыхъ жуковъ, которые чрезвычайно красивы и потому были весьма старательно преслѣдуемы. Яванскихъ видовъ этого насѣкомаго извѣстно 37, а целебесскихъ всего 30, а между тѣмъ исключительно свойственныхъ первому острову всего 13 или 35% второму-же 18 или 63%.

Результатомъ этихъ сравненій является то, что хотя Целебесъ есть ничто иное, какъ большой островъ съ весьма немногими маленькими, близко прилежащими къ нему островками, мы должны однакоже разсматривать его какъ одно изъ крупныхъ дѣленій архипелага, стоящее по роли и значенію наравнѣ съ группами Молуккской, Филиппинской островами Папуанскими, или Индо-Малайскими (Ява, Суматра, Борнео и Малакскій полуостровъ). Если взять наиболѣе извѣстныя семейства, насѣкомыхъ и птицъ, то можно составить слѣдующую таблицу сравненія Целебеса съ другими группами острововъ:

	Papilionidae и Pieridae. Процентъ самостоятельныхъ видовъ.	Соколы, попугаи и голуби. Процентъ самостоятельныхъ видовъ.
Индо-Малайская область. .	56	54
Филиппинская группа . .	66	73
Целебесъ	69	60
Молуккская группа . . .	52	62
Группа Тиморъ	42	47
Папуанская группа . . .	64	74

Эти обширныя и хорошо извѣстныя семейства даютъ удовлетворительное понятіе объ общемъ характерѣ зоологіи Целебеса, и показываютъ, что островъ этотъ есть дѣйствительно одна изъ наиболѣе обособленныхъ частей Архипелага, хотя лежитъ въ самомъ его центрѣ.

Насѣкомыя Целебеса представляютъ намъ еще другой болѣе любопытный и труднѣе объясняемый феноменъ, чѣмъ ихъ поразительная обособленность. Бабочки этого острова во многихъ случаяхъ характеризуются своеобразнымъ внѣшнимъ очертаніемъ, по которому ихъ съ одного взгляда можно отличить отъ бабочекъ всѣхъ другихъ частей свѣта. Оно всего рѣзче проявляется у Papilios и Pieridae и состоитъ въ томъ, что переднія крылья круто или рѣзко изогнуты при основаніи; или же удлинены на концѣ и часто даже нѣсколько загнуты крючкомъ. Изъ 14 видовъ Papilio на Целебесѣ 13 имѣютъ эту особенность въ большей или меньшей степени, что видно изъ сравненія ихъ съ наиболѣе близкими видами окрестныхъ острововъ. Десять видовъ Pieridae имѣютъ тотъ же самый признакъ; кромѣ того онъ весьма ясно замѣтенъ у четырехъ или пяти видовъ Nymphalidae. Почти постоянно виды, встрѣчаемые на Целебесѣ, значительно больше чѣмъ на островахъ, лежащихъ болѣе къ западу, по крайней мѣрѣ равняются молуккскимъ, если не больше ихъ. Различіе въ формѣ есть однакоже самая замѣчательная черта: такое различіе всѣхъ видовъ одной страны отъ всѣхъ видовъ окрестныхъ странъ, проявляющееся до такой степени одинаково, есть нѣчто совершенно новое; оно до такой степени бросается въ глаза, что не взирая на подробности цвѣта, большая часть целебесскихъ Papilios и многіе Pieridae могутъ быть сразу отличены отъ подобныхъ имъ насѣкомыхъ другихъ острововъ единственно по своей формѣ.

По аналогіи съ птицами можно предположить, что заостренныя крылья усиливаютъ быстроту полета, ибо они свойственны морскимъ ласточкамъ, соколамъ и быстролетнымъ голубямъ. Короткое и закругленное

крыло бываетъ всегда при болѣе слабомъ и затруднительномъ полетѣ. Поэтому мы можемъ предположить, что бабочки, имѣющія заостреныя крылья, должны быть болѣе способны ускользать отъ преслѣдованій. Но, какъ кажется, насѣкомоядныхъ птицъ вовсе не такъ много въ странѣ, чтобы это было необходимо, а такъ какъ нельзя предположить, чтобы такая любопытная особенность не имѣла смысла, то весьма вѣроятно, что она есть результатъ прежняго положенія вещей, когда островъ обладалъ болѣе богатою фауною, остатки которой мы видимъ въ особенныхъ видахъ птицъ и млекопитающихъ, которые населяютъ его нынѣ, и когда обиліе насѣкомоядныхъ животныхъ ставило въ необходимость для большекрылыхъ и яркихъ бабочекъ нѣкоторыя особыя средства для того, чтобы ускользать отъ преслѣдованій. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ то, что удлиненныхъ крыльевъ нѣтъ ни у очень маленькихъ, ни у очень темно-окрашенныхъ бабочекъ, а также у бабочекъ съ сильными крыльями, полетъ которыхъ и безъ того силенъ и быстръ. Эти послѣднія и безъ того уже были достаточно защищены отъ своихъ враговъ и не требовали усиленія средствъ, чтобы скрываться отъ нихъ. Вовсе не ясно однакоже, какую перемѣну производитъ въ полетѣ особый изгибъ крыльевъ.

Другая любопытная черта въ зоологіи Целебеса также достойна вниманія. Я разумѣю здѣсь отсутствіе нѣкоторыхъ группъ, встрѣчающихся по обѣимъ сторонамъ Целебеса, т. е. на Индо-Малайскихъ островахъ и на Молуккскихъ, и по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ не находящихъ повидимому надлежащей пищи на промежуточномъ островѣ. Между птицами есть два такихъ семейства, а именно *Paradiseidae* и *Laniidae*, которыя распространены по всему архипелагу и по Австраліи и которые однакоже не имѣютъ представителей на Целебесѣ. Родъ Ceyx между зимородками, Criniger между дроздами, Rhipidura между мухоловками, Calornis между голубями и Erythrura между зябликами, всѣ встрѣчаются какъ на Молуккскихъ островахъ, такъ и на Борнео и Явѣ,—но ни одного вида къ нимъ принадлежащаго нѣтъ на Целебесѣ. Между насѣкомыми обширный родъ розовыхъ жуковъ, Lomaptera встрѣчается въ каждой странѣ и на каждомъ островѣ между Индіей и Новой Гвинеей за исключеніемъ Целебеса. Это странное отсутствіе многихъ группъ въ одной ограниченной области, лежащей въ самомъ центрѣ ихъ распространенія, есть явленіе не исключительное, но я увѣренъ что нигдѣ оно не выказывается такъ рѣзко, какъ въ этомъ случаѣ, что значительно усиливаетъ странность характера этого замѣчательнаго острова.

Всѣ аномаліи и странности въ естественной исторіи Целебеса, которыя я старался изобразить въ этой главѣ, служатъ доказательствомъ его весьма древняго происхожденія. Исторія вымершихъ животныхъ показываетъ намъ, что распредѣленіе ихъ во времени и пространствѣ чрезвычайно сходны. Правило таково, что на сколько, сходны обыкновенно произведенія смежныхъ областей, на столько же сходны бываютъ и произведенія послѣдовательныхъ періодовъ одной и той же области, и насколько различны обыкновенно произведенія отдаленныхъ одна отъ другой областей, настолько же различны произведенія одной и той же области въ отдаленныя одна отъ другой эпохи. По этому мы неизбѣжно должны придти къ заключенію, что измѣненія видовыхъ, а тѣмъ болѣе родовыхъ и семейныхъ формъ есть дѣло времени. Но иногда можетъ быть такъ, что время произвело перемѣну въ видахъ одной страны, между тѣмъ, какъ виды другой остались болѣе постоянными, или же перемѣны произошли въ обѣихъ странахъ, но въ различномъ направленіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ степень своеобразности произведеній страны, можетъ служить мѣриломъ времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ страна была изолирована отъ окружающихъ ее. Если судить такимъ образомъ, то Целебесъ долженъ быть одною изъ древнѣйшихъ частей архипелага. По всей вѣроятности, онъ ведетъ свое начало не только отъ періода, предшествовавшаго отдѣленію Борнео, Явы и Суматры отъ материка, но отъ того, гораздо болѣе отдаленнаго періода, когда земля, нынѣ составляющая эти острова, была еще скрыта подъ водами океана. Такая древность необходима для того, чтобы можно было объяснить существованіе такого значительнаго количества животныхъ формъ, не выказывающихъ сродства съ формами Индіи или Австраліи, а скорѣе сходными съ формами Африки; причемъ намъ приходится допустить возможность существованія въ прежнія времена такого материка въ Индѣйскомъ океанѣ, который могъ служить мостомъ сообщенія этихъ отдаленныхъ странъ. Любопытенъ тотъ фактъ, что необходимость въ предположеніи существованія такой земли чувствовалась уже и безъ того, а именно, для объясненія распредѣленія интересныхъ четверорукихъ, составляющихъ семейство лемуровъ. Эти послѣдніе населяютъ преимущественно Мадагаскаръ, но встрѣчаются также и въ Африкѣ, и на Цейлонѣ, на Индійскомъ полуостровѣ и въ Малайскомъ архипелагѣ, до Целебеса включительно, который въ то же время составляетъ крайнюю восточную границу ихъ распространенія. Гипотеза континента, соединявшаго эти отдаленныя пункты, была предложена д-ромъ Склятеромъ, который указаніемъ на

существованіе его принималъ острова Маскаренскіе и Мальдивскую коралловую группу, и континентъ этотъ называлъ Лемурія. Будемъ мы, или не будемъ вѣрить въ его существованіе именно въ той формѣ, какъ здѣсь указано, во всякомъ случаѣ изучающій географическое распредѣленіе формъ необходимо долженъ увидѣть въ странныхъ и изолированныхъ произведеніяхъ Целебеса доказательство того, что нѣкогда долженъ былъ существовать какой нибудь материкъ, откуда могли бы произойти предки какъ этихъ существъ, такъ и многихъ другихъ промежуточныхъ формъ.

Въ этомъ короткомъ очеркѣ наиболѣе поразительныхъ особенностей въ естественной исторіи Целебеса я былъ принужденъ войти въ слишкомъ большія подробности, которыя, быть можетъ, были не интересны для читателя не спеціалиста, но если бы я не сдѣлалъ этого, то очеркъ мой потерялъ бы какъ въ силѣ, такъ и въ достоинствѣ. Только благодаря этимъ подробностямъ я былъ въ состояніи доказать тѣ особенности, которыя представляются въ характерѣ Целебеса. Не смотря на то, что онъ лежитъ въ самой серединѣ архипелага и со всѣхъ сторонъ окаймленъ островами, изобилующими разнообразными жизненными формами, произведенія его отличаются поразительною степенью обособленности. Будучи бѣденъ числомъ видовъ, онъ въ то же время удивительно богатъ своеобразными формами, изъ которыхъ многія весьма оригинальны и весьма красивы, и часто не имѣютъ себѣ подобныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Тутъ намъ представляется любопытный феноменъ, состоящій въ измѣненіи нѣкоторыми насѣкомыми своихъ внѣшнихъ очертаній, постоянно одинаковымъ образомъ, если сравнить ихъ съ насѣкомыми окрестныхъ странъ, что указываетъ на какую то постоянную причину, никогда повидимому не дѣйствовавшую подобнымъ же образомъ гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ. Поэтому Целебесъ чрезвычайно любопытенъ и придаетъ значительный интересъ изученію географическаго распредѣленія животныхъ. Мы можемъ видѣть, что настоящее ихъ распредѣленіе на земномъ шарѣ есть результатъ всѣхъ тѣхъ новѣйшихъ измѣненій, которыя претерпѣла земная поверхность, и помощію тщательнаго изученія этого явленія мы бываемъ иногда въ состояніи вывести приблизительно, какія должны были быть эти перемѣны для того, чтобы могло произвести именно такое распредѣленіе, какое мы видимъ въ настоящее время. При относительно легкомъ положеніи вещей, какъ напримѣръ на группѣ Тиморъ, мы были въ состояніи опредѣлить эти перемѣны съ нѣкоторою достовѣрностью. При болѣе же сложныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ на Целебесѣ, мы можемъ только указать

па ихъ общій характеръ, такъ какъ теперь мы можемъ видѣть здѣсь результатъ не только какой-нибудь одной отдѣльной или недавней перемѣны, но всего ряда новѣйшихъ переворотовъ, послѣдствіемъ которыхъ является нынѣ существующее распредѣленіе земли въ восточномъ полушаріи.

ГЛАВА XIX.

БАНДА.

Переѣздъ на пароходѣ.—Важность для Голландіи мускатнаго орѣха.—Справедливость монополіи.

Голландскій почтовый пароходъ, на которомъ я ѣхалъ отъ Макассара до Банды и Амбойны былъ весьма просторенъ и удобенъ, хотя даже въ самую хорошую погоду онъ могъ проходить лишь шесть миль въ часъ. Такъ какъ кромѣ меня было всего только три пассажира, то мѣста для насъ было очень много, и я могъ наслаждаться путешествіемъ болѣе, чѣмъ когда либо. Порядокъ здѣсь былъ нѣсколько не такой, какой бываетъ на англійскихъ и индѣйскихъ пароходахъ. Здѣсь не было каютныхъ служителей, такъ какъ каждый каютный пассажиръ безразлично дѣлаетъ все самъ, а пароходные баталеры прислуживаютъ только въ залѣ и въ столовой. Въ шесть часовъ утра, кто желалъ, получалъ чашку чаю или кофе; между семью и восмью былъ легкій завтракъ, состоявшій изъ чая, яицъ, сардинокъ и т. п., въ десять часовъ на палубу приносились мадера, джинъ и горькія настойки въ видѣ предваренія болѣе существеннаго завтрака, подававшагося въ одиннадцать часовъ и отличавшагося отъ обѣда только тѣмъ, что за нимъ не было супу. Въ три часа послѣ полудня всѣхъ обносили опять чаемъ и кофе; въ пять снова подавались водки и т. п., а въ половинѣ седьмого хорошій обѣдъ съ пивомъ и бордосскимъ виномъ; затѣмъ, въ восемь часовъ, въ заключеніе всего, подавался опять чай и кофе. Въ эти промежутки времени можно было всегда получить пива и содовой воды, стоило лишь спросить, и такимъ образомъ не было недостатка въ кое-какихъ гастрономическихъ возбужденіяхъ для прогнанія скуки морского путешествія.

Первая наша остановка была въ Купангѣ, на западномъ концѣ большого острова Тиморъ. Затѣмъ мы обогнули этотъ островъ на протяженіи нѣсколькихъ сотень миль, имѣя постоянно въ виду цѣпи холмовъ, покрытыхъ скудною растительностью; кряжъ подымался за кряжемъ до высоты шести или семи тысячъ футовъ. Поворотивъ по направленію къ Бандѣ, мы миновали Пуло-Камбингъ, Веттеръ и Рому, пустынные и безплодные вулканическіе острова, почти столь же негостепріимные, какъ и Аденъ, и представляющіе странный контрастъ съ обычною зеленью и богатствомъ архипелага. Черезъ два дня затѣмъ мы достигли группы Банда, покрытой необыкновенно густою и блестящею зеленою растительностью, что показывало, что мы уже выѣхали изъ предѣловъ сухихъ, горячихъ вѣтровъ равнинъ центральной Австраліи. Банда—это весьма миленькое мѣстечко; три ея острова образуютъ безопасную гавань, изъ которой не видно выхода, и въ которой вода такъ прозрачна, что сквозь нее ясно видны кораллы и даже самые мельчайшіе предметы на вулканическомъ пескѣ, на глубинѣ семи или восьми сажень. Постоянно курящійся вулканъ возвышаетъ свой голый конусъ съ одной стороны, между тѣмъ какъ два болѣе обширные острова покрыты растительностью до самой вершины холмовъ.

Высадившись на берегъ, я пошелъ по прекрасной дорогѣ, ведущей къ самой высокой точкѣ острова, гдѣ стоитъ городъ съ телеграфною станціею и откуда открывается великолѣпный видъ. Внизу лежитъ маленькій городъ съ его хорошенькими, крытыми красною черепицею бѣлыми домиками, и крытыми соломою хижинами туземцевъ, ограниченный съ одной стороны старымъ португальскимъ фортомъ. Далѣе, на разстояніи приблизительно полумили, лежитъ болѣе обширный островъ, имѣющій форму лошадиной подковы и состоящій изъ ряда холмовъ, покрытыхъ прекраснымъ лѣсомъ и мускатными садами; между тѣмъ какъ прямо противъ города возвышается вулканъ, представляющій почти правильный конусъ, у котораго одна лишь нижняя часть покрыта легкими зелеными кустарниками. Съ сѣверной стороны очертаніе его не такъ правильно, и приблизительно на разстояніи одной пятой отъ вершины къ подошвѣ здѣсь есть небольшое углубленіе или отверзтіе, изъ котораго постоянно выходятъ два столба дыма; кромѣ того значительное количество дыма идетъ изъ неровностей, окружающихъ это мѣсто, и изъ нѣсколькихъ точекъ, лежащихъ ближе къ вершинѣ. Бѣлая плѣсень, вѣроятно сѣра, разстилается толстымъ слоемъ по всей верхней части горы, и перерѣзывается узкими черными вертикальными линіями водяныхъ промоинъ. Подымающійся дымъ сливается вверху и образуетъ

густое облако, которое въ тихую сырую погоду имѣетъ видъ широкаго балдахина, скрывающаго за собою вершину горы. По ночамъ же и рано утромъ дымъ часто подымается совершенно прямо, оставляя открытымъ все внѣшнее очертаніе.

Увидѣвъ только собственными глазами дѣйствующій вулканъ, можно составить себѣ полное понятіе о его страшномъ величіи. Откуда берется этотъ неистощимый огонь, густой и сѣрнистый дымъ котораго вѣчно клубится изъ этой голой и одинокой вершины? Откуда взялись могучія силы, которыя выдвинули эту вершину и до сихъ поръ еще отъ времени до времени проявляютъ себя въ землетрясеніяхъ, постоянно случающихся по близости отъ вулканическихъ отверзтій? Пріобрѣтаемое нами съ дѣтства знаніе того, что вулканы и землетрясенія дѣйствительно существуютъ, отняла у послѣднихъ нѣкоторую долю того страшнаго и исключительнаго характера, который имъ свойственъ. Обитатели многихъ частей сѣверной Европы видятъ въ землѣ эмблему стойкости и покоя. Вся ихъ жизненная опытность, а также опытность всего ихъ времени и поколѣнія учитъ ихъ, что земля тверда и прочна, что ея массивныя скалы могутъ содержать въ себѣ воду въ изобиліи, но никогда не содержатъ огня, и эти исконныя понятія о землѣ подтверждаются въ ихъ странѣ каждою горою. Вулканъ есть фактъ противоположный всей этой массѣ опытовъ, фактъ такой страшный, что если бы онъ былъ правиломъ, а не исключеніемъ, то на землѣ невозможно было бы жить; фактъ до такой степени страшный и необъяснимый, что можно быть увѣреннымъ, что никто не повѣрилъ бы никакимъ разсказамъ о немъ, какъ о явленіи случившемся въ отдаленной странѣ, если бы это явленіе представилось вдругъ въ первый разъ.

Вершина маленькаго острова состоитъ изъ кристаллизованнаго базальта; внизу же я нашелъ твердый слоистый аспидный песчанникъ, между тѣмъ какъ на берегу разбросаны громадныя глыбы лавы и массы бѣлаго коралловаго известняка. На большомъ островѣ коралловыя скалы лежатъ на высотѣ трехъ или четырехъ сотъ футовъ, а выше ихъ идетъ уже лава и базальтъ. Весьма можетъ быть, что эта маленькая группа, состоящая изъ четырехъ острововъ, есть часть болѣе обширной области, которая быть можетъ была соединена когда нибудь съ Серамомъ, но затѣмъ была оторвана и разбита на части дѣйствіемъ тѣхъ же силъ, которыя выдвинули вулканическій конусъ. Когда мнѣ въ другой разъ пришлось посѣтить большой островъ, я увидѣлъ значительное пространство, покрытое высокимъ лѣсомъ, деревья котораго хотя и засохли, но все еще стояли. Это были слѣды послѣдняго большого землетрясенія,

Видъ города Бенжермазинга на Борнео.

случившагося всего два года тому назадъ, при чемъ море до того наводнило всю эту часть острова, что уничтожило въ низменностяхъ всю растительность. Землетрясенія здѣсь бываютъ почти каждый годъ, а черезъ промежутки времени въ нѣсколько лѣтъ онѣ бываютъ такъ сильны, что разрушаютъ дома и выкидываютъ суда изъ гавани на улицы.

Не смотря на убытки, причиняемые этими ужасными событіями, и на малость и обособленное положеніе этихъ маленькихъ острововъ, они постоянно имѣли и продолжаютъ имѣть важное значеніе для голландскаго правительства, какъ самые главные мускатные сады въ мірѣ. Почти вся земля на нихъ засажена мускатными деревьями, растущими подъ тѣнью высокихъ *Канарейныхъ деревьевъ* (Kanarium commune). Легкая вулканическая почва, тѣнь и чрезвычайная влажность этихъ острововъ, гдѣ дождь идетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ каждый мѣсяцъ, повидимому вполнѣ благопріятны для мускатныхъ деревьевъ, не требующихъ здѣсь не только удобренія, но даже почти никакого ухода. Круглый годъ здѣсь можно найти цвѣты и зрѣлые плоды и никогда не случается тѣхъ неудачъ, которыя, при форсированной и неестественной системѣ обработки, разорили столькихъ плантаторовъ мускатнаго дерева въ Сингапурѣ и Пенангѣ.

Немногія изъ воздѣлываемыхъ растеній бываютъ красивѣе мускатныхъ деревьевъ. Они весьма красивой формы, имѣютъ лоснящіеся листья, выростаютъ до высоты двадцати или тридцати футовъ и цвѣтутъ маленькими желтоватыми цвѣточками. Плодъ величиною и цвѣтомъ въ родѣ персика, но болѣе овальный. Онъ плотный и мясистый, но когда созрѣваетъ, то раскалывается, открывая лежащій внутри темно-коричневый орѣхъ, окруженный малиновою мякотью; тогда онъ бываетъ чрезвычайно красивъ. Въ тонкой твердой скорлупѣ орѣха заключено зерно, которое и составляетъ предметъ торговли. Плоды эти ѣдятъ большіе бандійскіе голуби, но перевариваютъ только мякоть, извергая орѣхъ съ его зерномъ цѣлыми.

До сихъ поръ торговля мускатнымъ орѣхомъ была строгою монополіею голландскаго правительства, но послѣ того, какъ я оставилъ страну, монополія эта, какъ кажется, была отчасти или даже вполнѣ отмѣнена, что представляется мнѣ крайне безразсуднымъ и вполнѣ безполезнымъ. Есть случаи, въ которыхъ монополія вполнѣ простительна, и это былъ именно одинъ изъ такихъ случаевъ. Такая маленькая страна, какъ Голландія не въ состояніи поддерживать отдаленныя колоніи, приносящія ей убытокъ и, владѣя маленькимъ островомъ, гдѣ цѣнный, но необ-

ходимый *жизненный* продуктъ можетъ быть получаемъ при небольшихъ издержкахъ, она почти обязана монополизировать его. Отъ этого никому нѣтъ бѣды, вмѣстѣ съ тѣмъ приносится большая польза всему населенію, какъ Голландіи такъ и странамъ ей подвластнымъ, ибо монополизированный продуктъ спасаетъ его отъ гнета тяжелыхъ налоговъ. Если бы правительство не держало въ своихъ рукахъ торговлю мускатнымъ орѣхомъ Банды, то весьма можетъ быть, что всѣ острова цѣликомъ давно уже сдѣлались бы собственностью какого нибудь одного или нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ. Монополія существовала бы совершенно такая же, ибо нѣтъ ни одного мѣстечка на земномъ шарѣ, гдѣ бы мускатное дерево росло такъ же легко, какъ на Бандѣ, но прибыль отъ монополіи шла бы въ руки нѣсколькихъ частныхъ лицъ, вмѣсто того, чтобы идти въ пользу народа. Для примѣра того, какимъ образомъ государственная монополія можетъ сдѣлаться государственною обязанностью, предположимъ, что въ Австраліи вовсе не существуетъ золота, но что оно найдено вдругъ въ громадномъ количествѣ, однимъ изъ нашихъ кораблей, на маленькомъ пустынномъ островѣ. Очевидно, что тутъ прямою обязанностью государства было бы хранить и воздѣлывать руду на пользу общественную, ибо такимъ образомъ барышъ превосходно дѣлился бы между всѣмъ населеніемъ, черезъ посредство уменьшенія налоговъ, между тѣмъ, какъ если бы оно допустило свободную торговлю, оставляя за собою лишь управленіе островомъ, то отъ этого произошелъ бы громадный вредъ въ періодъ первой борьбы за драгоцѣнный металлъ, которая неизбѣжно кончилась бы монополіею какой нибудь богатой личности или большой компаніи, громадный доходъ которой нисколько бы не служилъ на пользу общества. Мускатъ Банды и олово Банки до нѣкоторой степени подобны приведенному примѣру, и мнѣ кажется, что голландское правительство поступитъ какъ нельзя болѣе неразумно, если откажется отъ своей монополіи.

Даже истребленіе мускатныхъ и гвоздичныхъ деревьевъ на многихъ островахъ, съ цѣлью ограничить ихъ обработку однимъ или двумя островами, на которыхъ легко было бы охранять монополію, (что вызвало такое страшное негодованіе провинъ голландцевъ), можно было бы защитить подобными же принципами, при томъ оно далеко не такъ дурно, какъ многія изъ нашихъ собственныхъ монополій, существовавшихъ до весьма недавняго времени. Мускатъ и гвоздика не составляютъ насущной потребности въ жизни, они даже не употребляются жителями Молуккскихъ острововъ, какъ пряность, и уничтоженіемъ деревьевъ не было нанесено матеріальнаго или существеннаго вреда никому, такъ какъ существуютъ сот-

ни другихъ продуктовъ, которые могутъ произрастать на этихъ островахъ и которые, будучи не менѣе цѣнны, въ то же время съ соціальной точки зрѣнія гораздо болѣе полезны. Этотъ случай вполнѣ сходенъ съ запрещеніемъ воздѣлыванія табаку въ Англіи изъ видовъ правительства, и какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи стоитъ ни ниже, ни выше этого. Монополія соли, такъ долго поддерживавшаяся нами въ Индіи, была гораздо хуже. Коль скоро мы поддерживаемъ систему акциза и таможенной пошлины на предметы ежедневной потребности, и для поддержанія ея силы обязаны содержать цѣлый отрядъ офицеровъ и береговыхъ сторожей, создавая при этомъ цѣлый рядъ чисто легальныхъ преступленій, то въ высшей степени неразумно съ нашей стороны негодовать на поведеніе голландцевъ, которые въ своихъ восточныхъ владѣніяхъ держались системы гораздо легче оправдываемой, менѣе вредной и болѣе выгодной. Пусть, кто желаетъ, укажетъ мнѣ какое либо физическое или нравственное зло, явившееся результатомъ дѣйствій голландскаго правительства въ этомъ отношеніи, между тѣмъ каждая изъ нашихъ монополій или ограниченій непремѣнно влечетъ за собою именно такое зло. Условія въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ совершенно различны. *Истинная политическая экономія* при господствѣ высшей расы надъ низшею еще никогда до нынѣ не была выработана. Примѣненіе *нашей политической экономіи* въ подобныхъ случаяхъ всегда вело за собою вымираніе и упадокъ низшей расы, откуда мы можемъ заключить, что однимъ изъ необходимыхъ условій для ея справедливости должно считать приблизительное умственное и соціальное единство того общества, въ которомъ она примѣняется. Я снова вернусь къ этому предмету въ главѣ о Тернатѣ, одномъ изъ знаменитѣйшихъ древнихъ острововъ пряностей.

Туземцы Банды чрезвычайно смѣшаннаго происхожденія, и по всей вѣроятности по крайней мѣрѣ три четверти всего населенія представляютъ различныя помѣси малайцевъ, папуанцевъ, арабовъ, португальцевъ и голландцевъ. Первые два народа составляютъ основу болѣе значительной части населенія и вообще здѣсь преобладаютъ темная кожа, рѣзкія черты лица и болѣе или менѣе вьющіеся волосы папуанцевъ; кажется существуетъ весьма мало поводовъ сомнѣваться въ томъ, что первобытные жители Банды были папуанцы, и часть ихъ существуетъ и до нынѣ на островахъ Кэ, куда они переселились въ то время, когда ихъ родиной завладѣли впервые португальцы. Народы подобные этому часто считаются переходными формами между двумя весьма различными племенами, каковы напр. малайское и папуанское, между тѣмъ какъ въ сущности они представляютъ собою лишь примѣры смѣшенія.

Животныя Банды хотя и малочисленны, но интересны. Весьма можетъ быть, что на островахъ вовсе нѣтъ дѣйствительно туземныхъ млекопитающихъ за исключеніемъ летучихъ мышей. Молуккскій олень и свинья по всей вѣроятности были переселены туда человѣкомъ. Одинъ видъ *Cuscus* или восточнаго опоссума также встрѣчается на Бандѣ, можетъ быть дѣйствительно названъ туземнымъ, и въ томъ смыслѣ, что не переселенъ туда человѣкомъ. Изъ птицъ, во время трехъ моихъ посѣщеній, продолжавшихся по одному или по два дня, я собралъ восемь видовъ, къ которымъ голландскими собирателями коллекцій было прибавлено лишь весьма незначительное число новыхъ видовъ. Особенно замѣчателенъ чрезвычайно красивый голубь *Carpophoga concinna*, который питается мускатными плодами, или скорѣе мякотью ихъ, и крикъ котораго можно слышать постоянно. Птица эта встрѣчается на островахъ Кэ и Матабелло, равно какъ и на Бандѣ, но ее нѣтъ ни на Серамѣ, ни на какомъ либо другомъ изъ большихъ острововъ, населенныхъ хотя и сродными, но весьма отличными отъ нея видами. Хорошенькій маленькій голубь *Ptilonopus diadematus* также свойственъ Бандѣ.

ГЛАВА XX.

АМБОЙНА.

Вулканическая почва острова.—Богатство насѣкомыхъ.—Ночлегъ съ змѣею.—Образъ жизни голландцевъ. — Туземцы. — Болѣзнь. — Хлѣбное дерево и его плоды.

Черезъ двадцать часовъ пути мы были перенесены отъ Банды въ Амбойну, главный городъ Молуккскихъ острововъ и одно изъ древнѣйшихъ поселеній европейцевъ на востокѣ. Островъ состоитъ изъ двухъ полуострововъ, соединенныхъ лишь песчанымъ перешейкомъ въ милю шириною, находящимся ближе къ восточному ихъ краю. Раздѣляющій эти полуострова заливъ углубляется въ землю на нѣсколько миль съ запада и образуетъ прекрасную гавань, на южной сторонѣ которой расположенъ городъ Амбойна. У меня было рекомендательное письмо къ д-ру Монике, главному военному медику Молуккскихъ острововъ, который былъ нѣмецъ и натуралистъ. Оказалось, что онъ могъ лишь читать и писать по англійски, но не говорить, ибо былъ такимъ же плохимъ лингвистомъ, какъ и я, а потому для бесѣды намъ пришлось употреблять французскій языкъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ комнату на время моего пребыванія въ Амбойнѣ, и познакомилъ меня съ своимъ помощникомъ, д-ромъ Долешалемъ, который былъ венгерецъ и тоже энтомологъ. Это былъ чрезвычайно умный и любезный молодой человѣкъ, и меня поразило открытіе, что онъ умираетъ отъ чахотки, хотя все еще исполняетъ свои служебныя обязанности. Вечеромъ хозяинъ мой отправился вмѣстѣ со мною къ губернатору м-ру Гольдману, который принялъ меня какъ нельзя болѣе любезно и радушно и предложилъ мнѣ всевозможную помощь. Городъ Амбойна состоитъ изъ немногихъ большихъ и изъ нѣсколькихъ второстепенныхъ улицъ, пересѣкаю-

щихся подъ прямыми углами и окаймленныхъ изгородями изъ цвѣтущихъ кустарниковъ, окружающихъ деревенскіе домики и хижины, потонувшіе среди пальмъ и плодовыхъ деревьевъ. Задній планъ почти по всѣмъ направленіямъ составляютъ холмы и горы, и мало можетъ быть мѣстъ болѣе пріятныхъ для вечернихъ и утреннихъ прогулокъ, чѣмъ эти песчаныя дороги и тѣнистые переулки въ окрестностяхъ древняго города Амбойны.

На островѣ нѣтъ въ настоящее время дѣйствующихъ вулкановъ, и онъ не подверженъ теперь частымъ землетрясеніямъ, хотя прежде случались весьма сильныя и хотя ихъ легко можно ожидать снова. Вильямъ Фуннель въ своемъ путешествіи съ Дампьеромъ въ Южныя Моря въ 1705 году, говоритъ слѣдующее: «Во время нашего пребыванія (въ Амбойнѣ) здѣсь было сильное землетрясеніе, продолжавшееся два дня, въ которые было причинено много бѣдъ; во многихъ мѣстахъ земля разверзалась и поглощала по нѣсколько домовъ съ цѣлыми семействами. Многихъ откапывали, но большею частью уже мертвыми или же со сломанными руками либо ногами вслѣдствіе паденія домовъ. Стѣны замка треснули во многихъ мѣстахъ, и мы ждали того, что и онъ, и всѣ дома разрушатся. Земля подъ нами колыхалась, какъ морскія волны, но вблизи насъ вреда нанесено не было.» Существуетъ также много свѣдѣній объ изверженіяхъ вулкана, находящагося на западной сторонѣ острова. Въ 1674 изверженіе уничтожило деревню; въ 1694 году снова было изверженіе; въ 1797 году было извержено много дыму и огня. Затѣмъ снова были изверженія въ 1816 и въ 1820, а въ 1824 году, какъ говорятъ, образовался новый кратеръ. Но дѣятельная сила этихъ подземныхъ огней до такой степени капризна, что вслѣдъ за послѣднимъ изъ вышеназванныхъ изверженій всѣ симптомы ея совершенно прекратились, и многіе изъ самыхъ умныхъ европейскихъ жителей Амбойны увѣряли меня, что они даже и не слыхали, чтобы на островѣ былъ вулканъ.

Втеченіи нѣсколькихъ дней, прошедшихъ прежде, чѣмъ я могъ отправиться во внутрь страны, я весьма пріятно проводилъ время въ обществѣ двухъ докторовъ. Оба они были чрезвычайно любезные и хорошо образованные люди и вмѣстѣ съ тѣмъ рьяные энтомологи, принужденные впрочемъ увеличивать свои коллекціи почти исключительно черезъ посредство туземцевъ. Д-ръ Долешаль изучалъ преимущественно мухъ и пауковъ, хотя собиралъ также какъ дневныхъ, такъ и ночныхъ бабочекъ, и въ ящикахъ его я видѣлъ крупные экземпляры изумрудной *Ornithoptera priamus* и голубой *Papilio ulysses* вмѣстѣ осмногими

другими прекрасными бабочками этого богатаго острова. Д-ръ же Моникe посвятилъ себя преимущественно жукамъ, и втеченіи многихъ лѣтъ пребыванія на Явѣ, Суматрѣ, Борнео, въ Японіи и Амбойнѣ составилъ изъ нихъ превосходную коллекцію. Японская коллекція была особенно интересна, она заключала въ себѣ какъ красивые экземпляры сѣверныхъ странъ, такъ и роскошныхъ *Buprestidae* и тропическихъ долгороговъ. Докторъ проѣхалъ изъ Нагазаки въ Іедо сухимъ путемъ и хорошо былъ знакомъ съ характеромъ, обычаями и нравами японскаго народа, равно какъ географіею, физическими особенностями и естественною исторіею страны. Онъ показывалъ мнѣ коллекціи дешевыхъ деревяшекъ, раскрашенныхъ красками, которыя продаются менѣе чѣмъ по грошу за штуку и изображаютъ безконечное множество сценъ японской жизни и обычаевъ. Хотя изображенія эти и грубы, но чрезвычайно характеристичны и часто выказываютъ много юмора. У него также есть большая коллекція раскрашенныхъ рисунковъ японскихъ растеній, которые сдѣланы одною японскою женщиною, и представляютъ собою самое искусное произведеніе, какое я когда либо видѣлъ. Каждый сучекъ, вѣточка и листикъ выведены одною кистью, характеръ и перспектива весьма сложныхъ растеній переданы великолѣпно и сочлененія стеблей и листьевъ показаны вполнѣ научно.

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія къ тому, чтобы прожить недѣли три въ маленькой хижинѣ, на вновь расчищенной плантаціи внутри сѣверной половины острова, я съ нѣкоторымъ затрудненіемъ досталъ себѣ лодку и людей, чтобы перевезти меня на другую сторону, такъ какъ амбойнцы страшно лѣнивы. При переѣздѣ черезъ гавань, имѣющую видъ прекрасной рѣки, прозрачность воды открывала передо мною самыя удивительныя и великолѣпныя картины. Дно было положительно скрыто подъ непрерывными рядами коралловъ, губокъ, актиній и другихъ морскихъ произведеній большихъ размѣровъ, разнообразныхъ формъ и блестящихъ красокъ. Глубина колебалась приблизительно между двадцатью и пятидесятью футами, дно было весьма неровное, скалы и пропасти, маленькіе холмы и долины представляли самыя разнообразныя мѣста произрастанія этихъ животныхъ лѣсовъ. Среди этихъ послѣднихъ шныряло множество голубыхъ, красныхъ и желтыхъ рыбъ, испещренныхъ пятнами и полосами самымъ удивительнымъ образомъ, между тѣмъ какъ ближе къ поверхности плавали большія оранжевыя и розоватыя прозрачныя медузы. Картина была такая, что ею можно было любоваться цѣлые часы подрядъ, и никакое описаніе не въ состояніи передать ихъ безконечной прелести и интереса. Однимъ словомъ,

дѣйствительность превзошла самыя пылкія описанія коралловаго моря, какія только удалось мнѣ читать когда либо. При томъ быть можетъ на всей землѣ нѣтъ мѣста, болѣе богатаго морскими произведеніями, кораллами, раковинами и рыбами, какъ гавань Амбойны.

Отъ сѣвернаго берега гавани хорошая широкая дорога ведетъ по болотамъ, просѣкамъ и лѣсамъ, черезъ холмы и долины вплоть до другой стороны острова; коралловыя скалы выдаются всюду изъ темно-красной земли, наполняющей всѣ углубленія, и въ большемъ или меньшемъ количествѣ покрывающей равнины и откосы холмовъ. Лѣсная растительность здѣсь самая роскошная. Папоротники и пальмы растутъ въ изобиліи, и вьющагося индійскаго тростника было болѣе, чѣмъ гдѣ либо,—имъ было изукрашено почти каждое большое дерево. Хижина, въ которой мнѣ надлежало поселиться, находилась на большомъ расчищеномъ пространствѣ акровъ во сто, одна часть котораго была уже засажена молодыми деревьями какао и подорожникомъ для защиты ихъ отъ солнца, остальная же была покрыта мертвыми и полусожженными лѣсными деревьями; но въ одномъ мѣстѣ деревья были только что срублены и еще не сожигались. Дорога, по которой я прибылъ сюда, шла краемъ этого расчищеннаго мѣста, затѣмъ снова углублялась въ дѣвственный лѣсъ, и шла черезъ холмы и долы къ сѣверному берегу острова.

Жилище мое была простая маленькая, крытая соломою хижина, состоящая изъ открытой веранды и маленькой темной спальни позади нея. Она возвышалась надъ землею футовъ на пять, и подыматься въ нее нужно было по грубой лѣстницѣ оканчивавшейся посреди веранды. Стѣны и полъ были изъ бамбука, а мебель состояла изъ стола, двухъ бамбуковыхъ стульевъ и постели. Я устроился здѣсь весьма скоро и принялся за работу, гоняясь за насѣкомыми среди лѣса, срубленнаго позже другихъ, гдѣ кишили красивые *Curculionidae*, долгоусы и *Buprestidae*, изъ которыхъ многіе были замѣчательны изяществомъ формъ и блескомъ цвѣтовъ и почти всѣ были новы для меня. Только энтомологъ можетъ понять то наслажденіе, съ которымъ я лазалъ подъ жаркими лучами солнца среди вѣтвей, сучьевъ и коры сваленыхъ деревьевъ, безпрестанно схватывая насѣкомыхъ, которыя въ то время почти всѣ были рѣдки или новы для европейскихъ коллекцій.

По тѣнистымъ лѣснымъ дорожкамъ было много красивыхъ бабочекъ, изъ которыхъ всѣхъ замѣтнѣе была блестящая синяя *Papilio ulysses*, одна изъ самыхъ лучшихъ въ породѣ. Хотя въ то время въ Европѣ она была весьма рѣдкою, на Амбойнѣ я нашелъ ее весьма обыкновен-

ною, трудно было только пріобрѣсти хорошій экземпляръ; у большей же части изъ пойманныхъ крылья были или разорваны или сломаны. Движенія ея при полетѣ довольно слабы и волнообразны, по величинѣ же своей, хвостатымъ крыльямъ и блестящему цвѣту, это одно изъ самыхъ характеристичныхъ тропическихъ насѣкомыхъ, какое только можетъ видѣть натуралистъ.

Контрастъ, существующій между жуками Амбойны и жуками Макассара, замѣчателенъ; послѣдніе обыкновенно малы и неярки, первые же велики и блестящи. Вообще, самые замѣчательные изъ здѣшнихъ насѣкомыхъ тѣ же, что и на островахъ Ару, но виды почти всегда различные, и какъ ни близко они сродны между собою, однако же виды Амбойны крупнѣе и ярче цвѣтомъ, откуда можно было бы заключить, что, разселяясь на востокъ и на западъ, и находя условія почвы и климата менѣе благопріятными, они выродились въ формы менѣе рѣзкія.

Вечерами я обыкновенно сидѣлъ на верандѣ и читалъ, всегда готовый ловить насѣкомыхъ, привлекаемыхъ свѣтомъ. Однажды, часовъ въ девять, я услышалъ странный шумъ и шелестъ надъ головою; какъ будто какое нибудь тяжелое животное тихонько ползло по соломѣ. Шумъ этотъ прекратился и, не думая болѣе о немъ, я скоро затѣмъ отправился спать. На слѣдующій день послѣ полудня, передъ самымъ обѣдомъ, усталый отъ работы дня, я лежалъ на постели съ книгою въ рукѣ; вдругъ, взглянувъ нечаянно вверхъ, я увидѣлъ надъ головою какую то большую массу, которую я ранѣе не замѣчалъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, я увидѣлъ желтыя и черныя пятна, и подумалъ, что это должно быть черепаха, убранная къ сторонѣ между верхними бревнами и крышей, но, продолжая смотрѣть, я вдругъ открылъ, что это огромная змѣя, плотно свернувшаяся въ узелъ, такъ что голова ея и широкіе глаза приходились въ самой серединѣ между складками. Шумъ, слышанный мною наканунѣ, теперь объяснился. Пиѳонъ, взобравшись по одному изъ столбовъ дома, залѣзъ подъ солому на ярдъ отъ моей головы и пристроился въ крышѣ, какъ ему было удобно; я же спалъ крѣпкимъ сномъ всю ночь прямо подъ нимъ.

Я кликнулъ своихъ двухъ мальчиковъ, которые снимали внизу съ птицъ кожу, и сказалъ имъ: «Смотрите-ка, въ крышѣ большая змѣя». Но какъ только я показалъ имъ ее, они бросились вонъ изъ дому и просили меня тоже выйти немедленно. Находя, что они слишкомъ испуганы, для того чтобы быть въ состояніи сдѣлать что нибудь, мы позвали нѣсколькихъ работниковъ съ плантаціи и скоро около дома совѣщалось уже до полудюжины людей. Одинъ человѣкъ, туземецъ съ Буру,

*

гдѣ змѣй чрезвычайно много, сказалъ, что онъ достанетъ ее, и съ видомъ знатока приступилъ къ дѣлу. Онъ сдѣлалъ изъ индѣйскаго тростника крѣпкую петлю, затѣмъ, взявъ другою рукою длинную палку, сталъ тыкать ею въ змѣю, которая начала медленно развертываться. Тутъ онъ приловчился закинуть ей петлю на голову и затянувъ ее крѣпко, стащилъ животное долой. Началась сильная борьба; змѣя, сопротивляясь врагу, обвивалась около столбовъ и стульевъ, но въ концѣ концовъ человѣкъ схватилъ ее за хвостъ, бросился изъ дому, (онъ бѣжалъ съ такою скоростью, что животное казалось было совершенно смущено) и хотѣлъ ударить ее головою объ дерево. Однако же онъ промахнулся и выпустилъ змѣю, которая тотчасъ же забралась подъ сухой стволъ, лежавшій тутъ же. Но она была снова выпихнута оттуда; человѣкъ съ Буру снова схватилъ ее за хвостъ, быстро побѣжалъ съ нею и, раскачавъ ее, раздробилъ ей объ дерево голову; тутъ уже легко было убить ее топоромъ. Она была длиною около двѣнадцати футовъ, и очень толста, такъ что могла причинить большой вредъ и проглотить собаку или ребенка.

Птицъ я пріобрѣлъ здѣсь немного. Всего замѣчательнѣе были красивые малиновые *Eos rubra* — жесткоязычные попугаи ярко малиноваго цвѣта, которые были весьма многочисленны. Большія стаи ихъ прилетали на плантацію и представляли прекрасное зрѣлище, когда садились на какое нибудь покрытое цвѣтами дерево, сокомъ которыхъ они питаются. Я пріобрѣлъ также одинъ или два экземпляра красиваго ракетохвостаго амбойнскаго зимородка, *Tanysiptera nais*, одно, изъ самыхъ оригинальныхъ и красивыхъ изъ этого красиваго семейства. Птица эта отличается отъ всѣхъ другихъ зимородковъ (имѣющихъ обыкновенно короткіе хвосты) тѣмъ, что два средніе хвостовые пера чрезвычайно длинны и узки и оканчиваются ложковидными расширеніями. Она принадлежитъ къ тому отдѣлу семейства, который называется «королевскими охотниками» *) и питается преимущественно насѣкомыми и мелкими сухопутными молюсками, которыхъ она сначала сбрасываетъ и затѣмъ схватываетъ съ земли, совершенно такъ же, какъ зимородки выхватываютъ изъ воды рыбу. Tanysiptera nais распространены въ весьма ограниченной области, заключающей въ себѣ Молуккскіе острова, Новую Гвинею и сѣверную Австралію. Птицъ этихъ извѣстно теперь до десяти видовъ, которые всѣ чрезвычайно сходны между собою, и въ тоже время достаточно различны въ каждой мѣстности. Амбойнскій видъ, есть одинъ

*) Зимородокъ—Kingfisher, т. е. королевскій рыболовъ.

изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ красивыхъ. Длиною онъ ровно семнадцать дюймовъ, если мѣрить до самыхъ концовъ хвостовыхъ перьевъ; клювъ красный, какъ кораллъ; снизу перья чисто бѣлыя, на спинѣ же и крыльяхъ темно пурпуровыя, между тѣмъ какъ голова плечи и затылокъ и пятна на верхней части спины и крыльевъ настоящаго небесно-голубого цвѣта. Хвостъ бѣлый съ узенькими голубыми коемками на перьяхъ, узкія же части длинныхъ перьевъ ярко-синія. Это былъ видъ совершенно новый и очень удачно названъ м-ромъ Г. Р. Грейемъ именемъ одной морской богини.

Наканунѣ Рождества я возвратился въ Амбойну, гдѣ пробылъ дней десять съ другомъ моимъ, д-ромъ Монике. Принимая во вниманіе, что я былъ въ отсутствіи всего двадцать дней, и что изъ нихъ слѣдуетъ еще исключить дней пять или шесть, въ которые я ничего не дѣлалъ, благодаря сырой погодѣ и легкимъ припадкамъ лихорадки, мои коллекціи насѣкомыхъ оказались весьма порядочными, ибо болѣе значительная часть ихъ состояла изъ самыхъ крупныхъ и роскошныхъ видовъ, какіе я когда либо пріобрѣталъ въ такое короткое время. Прекрасныхъ металлическихъ Buprestidae у меня было до двѣнадцати красивыхъ видовъ, кромѣ того въ коллекціяхъ доктора я видѣлъ еще пять или шесть также весьма красивыхъ, слѣдовательно Амбойна чрезвычайно богата этою изящною группою.

Во время моего пребыванія здѣсь я имѣлъ хорошій случай видѣть, какъ живутъ европейцы въ голландскихъ колоніяхъ, гдѣ они приняли обычаи гораздо болѣе соотвѣтствующіе климату, нежели мы, въ нашихъ тропическихъ владѣніяхъ. Всѣ дѣла справляются утромъ, между семью и двѣнадцатью часами; послѣ полуденное время предназначается для отдыха, а вечеръ для визитовъ. Дома въ жаркое время дня и даже за обѣдомъ, европейцы носятъ широкую одежду изъ бумажной ткани, надѣвая полное европейское платье только тогда, когда надо куда нибудь идти, и притомъ вечеромъ. Послѣ заката солнца они часто прогуливаются съ непокрытою головою, сохраняя черную шляпу для форменныхъ визитовъ. Такимъ образомъ жизнь становится гораздо болѣе пріятною, а усталость и неудобства, ощущаемыя вслѣдствіе несоотвѣтственности климата, значительно уменьшаются. Рождество здѣсь не очень празднуется, но въ Новый Годъ принято дѣлать оффиціальные и поздравительные визиты; мы и послѣ заката солнца отправились къ губернатору, гдѣ собралось большое общество дамъ и кавалеровъ. Всѣхъ обносили чаемъ и кофе, какъ это дѣлается почти вездѣ во время визита, а также сигарами, ибо куренье въ голландскихъ колоніяхъ никогда не предосу-

дительно; сигары закуриваются послѣ обѣда прежде даже, чѣмъ снимутъ со стола скатерть, хотя бы общество состояло на половину изъ дамъ. Здѣсь я впервые увидѣлъ рѣдкаго чернаго ново-гвинейскаго лори, *Chaleopsitta atra*. Перья у него нѣсколько лоснятся и слегка переходятъ въ желтоватый и пурпурный цвѣтъ, клювъ же и ноги совершенно черные.

Туземцы Амбойны, живущіе въ городѣ, народъ весьма странный, полуцивилизованный, полудикій и лѣнивый, представляющій, какъ кажется, смѣшеніе трехъ племенъ — португальскаго, малайскаго и папуанскаго или серамскаго со случайными примѣсями китайскаго и голландскаго. Въ древнемъ христіанскомъ населеніи рѣшительно преобладаетъ португальскій элементъ, на что указываютъ черты лица, нравы и примѣсь многихъ португальскихъ словъ къ малайскому языку, которымъ оно говоритъ теперь. Платье они носятъ совершенно особенное, состоящее изъ плотно облегающей бѣлой рубашки, черныхъ штановъ и чернаго балахона, или верхней рубашки. Женщины повидимому предпочитаютъ платье совершенно черное. Въ праздники и въ случаяхъ торжественныхъ надѣваютъ однако же куцый фракъ, цилиндръ и всѣ къ нимъ принадлежности, т. е. полный безсмысленный модный европейскій костюмъ. Хотя въ настоящее время они протестанты, но при празднествахъ и свадьбахъ удержали церемоніи и музыку католической церкви, странно перемѣшанные съ гонгами и танцами туземцевъ. Языкъ ихъ все еще имѣетъ въ себѣ болѣе португальскаго, чѣмъ голландскаго, хотя съ голландцами они были въ тѣсныхъ сношеніяхъ болѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Даже многія названія птицъ, деревьевъ и другихъ естественныхъ предметовъ, а также многіе термины обыденной жизни чисто португальскіе. Португальцы повидимому имѣли чрезвычайное стремленіе къ колонизаціи и способность запечатлѣвать свои національныя черты на всякой странѣ, которую они покоряли, или гдѣ они жили хотя временно. Около Амбойны есть одна деревня первобытныхъ малайцевъ, которые въ настоящее время магометане и говорятъ особымъ языкомъ, сроднымъ какъ съ серамскимъ, такъ и съ малайскимъ. Они по преимуществу рыболовы, и какъ говорятъ, они и трудолюбивѣе и честнѣе, нежели туземные христіане.

Въ воскресенье я отправился посмотрѣть коллекцію раковинъ и рыбъ у одного амбойнца, къ которому я былъ приглашенъ. Рыбы здѣсь по разнообразію и красотѣ быть можетъ нигдѣ не имѣютъ себѣ подобныхъ. Знаменитый голландскій ихтіологъ д-ръ Бликеръ, составилъ каталогъ семисотъ восьмидесяти видовъ рыбъ, находимыхъ около Амбойны, число почти равняющееся числу рыбъ всѣхъ морей и рѣкъ Европы. Весьма

Видъ въ окрестностяхъ Батавіи.

многія изъ нихъ отличаются самыми блестящими цвѣтами и испещрены самыми яркими желтыми, красными и синими полосами и пятнами, а формы ихъ представляютъ собою всю странность и безконечное разнообразіе, какія свойственны обитателямъ океана. Раковины также весьма многочисленны, и многія изъ нихъ самыя красивыя въ мірѣ. *Mactra* и *Ostrea* въ особенности поразили меня разнообразіемъ и красотою своихъ цвѣтовъ. Раковины давно уже были предметомъ торговли въ Амбойнѣ; многіе изъ туземцевъ только тѣмъ и живутъ, что собираютъ и вычищаютъ ихъ, и почти каждый посѣтитель увозитъ съ собою небольшую коллекцію. Вслѣдствіе этого многіе болѣе обыкновенные сорта потеряли всякую цѣнность въ глазахъ любителей, и множество красивыхъ, но весьма обыкновенныхъ конусовъ, ужовокъ и масленокъ продаются на улицахъ Лондона по пенни за штуку, между тѣмъ какъ они привезены съ отдаленнаго острова Амбойны, гдѣ ихъ нельзя купить такъ дешево. Рыбы въ коллекціи были всѣ очень хорошо сохранены въ чистомъ спиртѣ и сотняхъ стеклянныхъ банокъ, раковины же были размѣщены въ большихъ мелкихъ ящикахъ, выложенныхъ бумагою, гдѣ каждый экземпляръ былъ отдѣльно прикрѣпленъ ниткою. Я вычислилъ, что тамъ должно было быть приблизительно до тысячи различныхъ родовъ раковинъ и до десяти тысячъ экземпляровъ; коллекція же амбойнскихъ рыбъ была почти полная.

4 января я отправился изъ Амбойны на Тернатъ, но два года спустя, въ октябрѣ 1859 года, я снова посѣтилъ ее послѣ пребыванія въ Менадо, и прожилъ въ городѣ цѣлый мѣсяцъ, въ маленькомъ домѣ, нанятомъ мною для того, чтобы разобрать и упаковать большую и разнообразную коллекцію, привезенную мною съ сѣвернаго Целебеса, Терната и Гилоло. Затѣмъ я въ первый разъ посѣтилъ Серамъ, но возвратясь для того чтобы приготовиться къ вторичному, болѣе полному изслѣдованію этого острова, прожилъ, противъ моего желанія, два мѣсяца въ Пасо, на перешейкѣ, соединяющемъ двѣ части острова Амбойны. Деревня эта находится на восточной сторонѣ перешейка на песчаной почвѣ и открываетъ прекрасный видъ черезъ море на островъ Гарука. На той сторонѣ перешейка, которая ближе къ Амбойнѣ, есть маленькая рѣчка, которая была продолжена въ видѣ мелкаго канала ярдовъ на тридцать до линіи высокой воды на другой сторонѣ. Черезъ это небольшое песчаное и лишь слегка возвышающееся пространство могутъ быть легко протянуты маленькія суда, а потому всѣ болѣе мелкіе товары съ Серама и съ острововъ Сарапуа и Гарука проходятъ черезъ Пасо. Каналъ не прокопанъ вплоть до конца единственно потому, что каждый весенній

приливъ непремѣнно наносилъ бы совершенно такую же песчаную банку, какая существуетъ и теперь.

Я узналъ, что прекрасныхъ бабочекъ *Ornithoptera priamus* здѣсь было множество, а также ракетохвостыхъ зимородковъ и кольчатошейныхъ лори. Впрочемъ оказалось, что относительно первыхъ я пропустилъ время, птицы же всякаго рода были весьма рѣдки, хотя я и пріобрѣлъ нѣсколько хорошихъ экземпляровъ, между которыми былъ одинъ или два изъ вышеназванныхъ видовъ. Я былъ весьма доволенъ, найдя здѣсь длиннорукаго жука *Euchirus longimanus*. Это странное насѣкомое весьма рѣдко или даже никогда не можетъ быть поймано иначе, какъ въ то время, когда оно приходитъ пить сокъ сахарныхъ пальмъ, на которыхъ его застаютъ туземцы, приходящіе рано утромъ, чтобы взять наполнившіеся за ночь бамбуки. Нѣкоторое время мнѣ приносили этихъ жуковъ по одной или по двѣ штуки ежедневно, и большею частью живыми. Они лѣнивы и движутся впередъ весьма медленно при помощи своихъ громадныхъ переднихъ ногъ.

Я былъ задержанъ въ Пасо воспалительною сыпью, явившеюся вслѣдствіе постоянныхъ нападеній маленькихъ, похожихъ на *акаровъ*, полевыхъ клоповъ, которыми славятся лѣса Серама, а также вслѣдствіе недостатка въ питательной пищѣ во время пребыванія на этомъ островѣ. Разомъ я былъ покрытъ страшными болячками. Онѣ явились на глазахъ, щекахъ, рукахъ локтяхъ, спинѣ, бедрахъ, колѣняхъ и лодышкахъ, такъ что я не былъ въ состояніи ни сидѣть, ни ходить, и съ трудомъ могъ улечья такъ, что бы не было больно. Это продолжалось нѣсколько недѣль, ибо какъ только старыя раны начинали заживать, тотчасъ же являлись новыя, но хорошая пища и морскія купанья мало по малу исцѣлили меня.

Около конца января Чарльсъ Оленъ, бывшій моимъ помощникомъ на Малаккѣ и на Борнео, снова явился ко мнѣ по условію на три года, и какъ только я достаточно поправился, у насъ явилось множество дѣла за заготовкою припасовъ и за различными приготовленіями къ предстоящему путешествію. Самое большое затрудненіе состояло въ томъ, чтобы достать людей, но наконецъ намъ удалось и это, и каждый изъ насъ добылъ себѣ двухъ человѣкъ. Одинъ амбойнскій христіанинъ по имени Теодорусъ Матакена, жившій нѣкоторое время со мною и хорошо научившійся снимать съ птицъ кожу, согласился отправиться съ Оленомъ, вмѣстѣ съ однимъ смирнымъ и трудолюбивымъ мальчикомъ, Корнеліусомъ, котораго я привезъ съ собою изъ Менадо. Со мною же отправлялись два амбойнца, Петрусъ Регатта и Мезахъ Матакена.

Во время моего пребыванія здѣсь мнѣ удалось пользоваться роскошью, которою никогда болѣе не приходилось пользоваться ни прежде, ни послѣ, именно ѣсть настоящіе хлѣбные плоды. Какъ здѣсь такъ и въ окрестныхъ деревняхъ было посажено довольно много хлѣбныхъ деревьевъ и почти каждый день была возможность покупать эти плоды, ибо всѣ суда, идущіе въ Амбойну, выгружались противъ самыхъ моихъ дверей, прежде чѣмъ перетаскивались черезъ перешеекъ. Хотя деревья и растутъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ архипелага, однако же ихъ нигдѣ не бываетъ много и время ихъ продолжается весьма недолго. Плоды пекутъ цѣликомъ въ горячей золѣ и затѣмъ вычерпываютъ середину ложкою. Я сравнивалъ ихъ съ іоркширскимъ пуддингомъ, а Чарльсъ Оленъ находилъ, что они похожи на смѣсь молока съ картофелемъ. Величиною они обыкновенно съ дыню и къ серединѣ нѣсколько волокнисты, но затѣмъ всюду совершенно мягкіе въ родѣ пуддинга, и по плотности представляютъ нѣчто среднее между оладьями на дрожжахъ и тѣстянымъ пуддингомъ. Мы пробовали приготовлять ихъ различнымъ образомъ, но просто печеные они всего вкуснѣе. Съ мясомъ и бульономъ это самая лучшая зелень, какую я только знаю какъ въ умѣренныхъ, такъ и въ тропическихъ странахъ. Съ сахаромъ, молокомъ, масломъ или патокою это превосходный пуддингъ, съ весьма легкимъ нѣжнымъ, но характеристическимъ вкусомъ, который никогда не можетъ надоѣсть, точно также, какъ хорошій хлѣбъ или картофель. Причина, по которой плоды эти относительно рѣдки, заключается въ томъ, что сѣмена ихъ никогда не развиваются вполнѣ вслѣдствіе искусственнаго воздѣлыванія, и разводить деревья можно только отводками. Разновидность, приносящая сѣмена, весьма обыкновенна между тропиками; сѣмена эти весьма вкусны, и походятъ на каштаны, за то плоды никуда не годны. Въ настоящее время, когда паръ и вардовы ящики до такой степени облегчили перевозку молодыхъ растеній, весьма желательно было бы, чтобы это безподобное дерево было введено у насъ на островахъ Западной Индіи и распространено тамъ насколько возможно шире. Такъ какъ плоды могутъ быть сохранены нѣкоторое время послѣ того, какъ сняты, то мы были бы въ состояніи получать это тропическое произведеніе на рынкѣ Ковентгардена.

Хотя немногіе мѣсяцы, проведенные мною въ различное время на Амбойнѣ, и не были особенно полезны для меня въ отношеніи коллекцій, однако же она всегда останется замѣтнымъ мѣстомъ въ обозрѣніи моихъ путешествій на востокѣ, ибо здѣсь именно я впервые познакомился съ тѣми удивительными птицами и насѣкомыми, благодаря которымъ Молуккскіе острова представляются классическою почвою для натуралиста,

и фауна ихъ является самою замѣчательною и прекрасною на всемъ земномъ шарѣ. 20 февраля я окончательно оставилъ Амбойну и отправился на Серамъ и Вайгіу, а Чарльсъ Оленъ долженъ былъ ѣхать послѣ меня на правительственномъ суднѣ въ Вахаи, находящійся на сѣверномъ берегу Серама, и затѣмъ на неизслѣдованный островъ Мизоль.

ГЛАВА XXI.

МОЛУККСКІЕ ОСТРОВА.—ТЕРНАТЪ.

Мѣстоположеніе Терната.—Прежніе султаны.—Утвержденіе на островѣ голландцевъ.—Ихъ политика и политическая экономія.—Землетрясенія.—Отношеніе между невольниками и господами.

Утромъ 8 января 1858 года, я прибылъ на островъ Тернатъ, четвертый изъ красивыхъ коническихъ вулканическихъ острововъ, которые окаймляютъ западный берегъ обширнаго и почти неизвѣстнаго острова Гилоло. Самая большая и совершенно коническая гора — Тидоръ, вышиною болѣе четырехъ тысячъ футовъ; Тернатъ имѣетъ приблизительно такую же высоту, но съ болѣе закругленною и неправильною вершиною. Городъ Тернатъ прячется изъ виду до тѣхъ поръ, пока войдешь между двумя островами, гдѣ онъ открывается взору, простираясь вдоль берега у самаго основанія горы. Его мѣстоположеніе красиво, и во всѣ стороны открываются широкіе виды; противъ него лежитъ дикій мысъ и красивый вулканическій конусъ Тидора, къ востоку же далеко простирается гористый берегъ Гилоло, оканчивающійся на сѣверѣ грушою трехъ высокихъ вулканическихъ пиковъ, между тѣмъ какъ непосредственно позади города возвышается огромная гора; сперва она нѣсколько отлога и покрыта густыми рощами плодовыхъ деревьевъ, а потомъ сейчасъ же становится круче, и изборождена глубокими рытвинами. Почти до самой вершины, изъ которой постоянно вьется легкій дымокъ, она покрыта растительностію и кажется спокойною и прекрасною, хотя внутри ея и есть тайный огонь, который прорывается иногда въ потокахъ лавы, но существованіе котораго выражается чаще землетрясеніями, не разъ уже опустошавшими городъ.

Я привезъ рекомендательныя письма м-ру Дивенбодену, тернатскому уроженцу, который происходитъ отъ древней голландской фамиліи, но

былъ воспитанъ въ Англіи и въ совершенствѣ говоритъ на нашемъ языкѣ. Онъ былъ очень богатъ, владѣлъ половиною города, многими кораблями и имѣлъ больше сотни невольниковъ. Сверхъ того онъ былъ хорошо воспитанъ и страстно любилъ литературу и науку, — что составляетъ въ этихъ странахъ феноменъ. Благодаря своимъ обширнымъ владѣніямъ и большому вліянію на туземныхъ раджей и ихъ подданныхъ онъ считался просто царемъ Терната. При его помощи я получилъ въ свое распоряженіе домъ, хотя нѣсколько развалившійся, но весьма удобный для моей цѣли, такъ какъ онъ хотя и примыкалъ къ городу, но имѣлъ свободный выходъ загородъ, къ горѣ. Сдѣлавъ поскорѣе нѣкоторыя необходимыя поправки, обзаведясь бамбуковою мебелью и разною другою необходимою утварью и сдѣлавъ визитъ резиденту и полицейскому начальству, я превратился въ жителя, страдающаго отъ землетрясеній острова Терната и могъ оглядѣться вокругъ и составить планъ своей поѣздки слѣдующаго года. Я нанялъ этотъ домъ на три года, находя его весьма удобнымъ мѣстомъ, куда я могъ бы возвращаться изъ своихъ путешествій на различные Молуккскіе острова и Новую Гвинею, гдѣ я могъ бы складывать свои коллекціи, подкрѣплять здоровье и дѣлать приготовленія къ будущимъ путешествіямъ. Для избѣжанія повтореній, я сдѣлаю въ этой главѣ свои замѣтки о Тернатѣ.

Описаніе моего дома дастъ читателю возможность понять способъ постройки, весьма обыкновенный на этихъ островахъ. Дома бываютъ здѣсь обыкновенно въ одинъ этажъ. Стѣны состоятъ изъ камня и бываютъ до трехъ футовъ вышины; на нихъ построены крѣпкіе четырехгранные столбы, поддерживающіе кровлю, а промежутки вездѣ, за исключеніемъ веранды, задѣланы стеблями листьевъ саговой пальмы, вдѣланными красиво въ деревянныя рамы. Полъ оштукатуренъ, а потолки такіе же какъ и стѣны. Домъ имѣетъ сорокъ квадратныхъ футовъ, состоитъ изъ четырехъ комнатъ, залы и двухъ верандъ и окруженъ лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ. Глубокій колодезь снабжалъ меня чистою холодною водою, что составляетъ большую роскошь въ этомъ климатѣ. Пяти минутъ пути внизъ по дорогѣ было достаточно, чтобы дойти до рынка и взморья, между тѣмъ какъ въ противоположномъ направленіи между мною и горою не было уже ни одного европейскаго дома. Въ этомъ домѣ я провелъ много счастливыхъ дней. Возвращаясь въ него послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ пребыванія въ какой нибудь не цивиллизованной странѣ, я наслаждался необыкновенною роскошью — молокомъ, свѣжимъ хлѣбомъ и постоянными запасами рыбы и яицъ, говядины и овощей, которыя часто были крайне необходимы для возстановленія моего здоровья

и энергіи. У меня было много мѣста и удобства для укладыванія, сортированія и приведенія въ порядокъ монхъ сокровищъ, а превосходнымъ мѣстомъ прогулокъ служили мнѣ окрестности города или болѣе низкія отлогости горы, если мнѣ хотѣлось небольшого моціона или было время для собиранія коллекцій.

Нижняя часть горы, позади города Терната, почти сплошь покрыта лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ, и втеченіи лѣта сотни мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ ходятъ каждый день взадъ и впередъ и носятъ спѣлые плоды. Дуріанги и манги, одни изъ самыхъ прекрасныхъ тропическихъ плодовъ, растутъ на Тернатѣ въ такомъ большомъ изобиліи, какого я не видѣлъ нигдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ по своему качеству не уступаютъ какимъ угодно въ мірѣ. Лапсаты и мангусты также изобильны, но созрѣваютъ нѣсколько позже. Выше полосы фруктовыхъ деревьевъ начинается полоса расчищенныхъ и обработанныхъ полей, которыя стелятся по горѣ до высоты отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ и надъ которыми начинается дѣвственный лѣсъ, доходящій почти до самой вершины, сторона которой, обращенная къ городу, покрыта высокимъ кустарникомъ. Съ противоположной стороны она болѣе возвышенна и имѣетъ голый и пустынный видъ, причемъ одно легкое пониженіе ея обозначаетъ положеніе кратера. Отъ этой части горы спускается весьма неровная шлаковая полоса, покрытая скудною растительностью кустарниковъ, разсѣянныхъ до самаго моря. Это лава отъ великаго изверженія, совершившагося почти сто лѣтъ тому назадъ, которую туземцы называютъ «*бату-ангасъ*» (обожженная скала).

Прямо внизу отъ моего дома находится крѣпость, построенная португальцами, ниже которой разстилается открытое пространство къ морю, а по ту сторону ея тянется почти на милю къ сѣверо-востоку туземный городъ. Почти въ центрѣ его стоитъ дворецъ султана; теперь это обширное грязное, полуразвалившееся каменное зданіе. Глава этотъ хотя получаетъ пенсію отъ голландскаго правительства, но удерживаетъ за собою самодержавіе надъ туземнымъ народонаселеніемъ острова и сѣверною частью Гилоло. Тернатскій и тидорскій султаны славились нѣкогда на востокѣ своимъ могуществомъ и царскимъ величіемъ. Когда Драке посѣтилъ Тернатъ въ 1579 году, португальцы были изгнаны съ острова, хотя до сихъ поръ они держались на Тидорѣ. Онъ такъ говоритъ о султанѣ: «У короля былъ очень богатый диванъ, покрытый чеканкою изъ чистаго золота и охраняемый двѣнадцатью копьями. Платье у него отъ пояса до пятъ было все изъ золота и отличалось богатствомъ. Въ головномъ уборѣ его были красиво вплетены различныя кольца ви-

таго золота въ дюймъ или болѣе шириною, что придавало ему красивый царственный видъ и по формѣ походило на корону; вокругъ шеи у него бѣла цѣпь чистѣйшаго золота, состоящая изъ очень большихъ звеньевъ, изъ которыхъ одно было двойное; на лѣвой рукѣ у него былъ брилліантъ, изумрудъ и рубинъ, а на правой одно кольцо съ большимъ и превосходнымъ рубиномъ, и другое со многими брилліантами меньшей величины».

Весь этотъ мишурный блескъ варварскаго золота былъ произведеніемъ торговли пряностями, надъ которою султаны удерживали въ своихъ рукахъ монополію и посредствомъ которой они богатѣли. Тернатъ, вмѣстѣ съ мелкими островами, лежащими къ югу отъ него, до Бачіана, составляетъ древніе Молуккскіе острова,—родину гвоздики, и въ тоже время единственную страну, въ которой она обработывалась. Мускатные орѣхи и мускатный цвѣтъ получались изъ Новой Гвинеи и близь лежащихъ острововъ, гдѣ онѣ растутъ въ дикомъ состояніи, и выгоды отъ вывоза пряностей были такъ громадны, что европейскіе купцы были рады давать въ обмѣнъ за нихъ золото, драгоцѣнности и лучшія мануфактурныя произведенія Европы и Индіи. Когда голландцы утвердили свое вліяніе въ этихъ моряхъ и освободили туземныхъ государей отъ ихъ угнетателей португальцевъ, то они увидѣли, что самый легкій способъ вознаградить себя за это былъ бы забрать въ свои руки эту торговлю пряными кореньями. Для этой цѣли они приняли мудрый принципъ концентрированія обработки этихъ цѣнныхъ продуктовъ только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были вполнѣ подъ ихъ контролемъ. Чтобы сдѣлать это дѣйствительнымъ, было необходимо уничтожить торговлю и обработку ихъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ чемъ они и успѣли, заключивъ сдѣлку съ туземными правителями. Послѣдніе согласились уничтожить всѣ пряныя деревья въ своихъ владѣніяхъ и отказались отъ большихъ, хотя и непостоянныхъ доходовъ, но получили за то опредѣленную субсидію, гарантію отъ постоянныхъ нападеній и жестокихъ притѣсненій со стороны португальцевъ, постоянство своей правительственной власти и исключительный авторитетъ надъ своими собственными подданными, который держится на всѣхъ островахъ, за исключеніемъ Терната и по сегодня.

Многіе англичане, привыкшіе смотрѣть на это дѣло голландцевъ съ неопредѣленнымъ отвращеніемъ, какъ на нѣчто крайне безнравственное и варварское, полагали безъ сомнѣнія, что туземное населеніе жестоко страдало отъ истребленія столь цѣнной собственности. Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Султаны держали всецѣло эту прибыльную торговлю въ своихъ рукахъ, какъ строгую монополію, и старались не давать своимъ подданнымъ больше, чѣмъ ихъ обычную плату, и въ то же время

Яванскіе головные уборы.

требовали отъ нихъ такое количество пряностей, какое только возможно получить. Драке и другіе путешественники всюду повидимому покупали себѣ грузы пряностей отъ султановъ и раджей, а не отъ самыхъ воздѣлывателей ихъ. Поглощеніе такого количества труда, употребляющагося на воздѣлываніе этого продукта должно было по необходимости поднять цѣну на пищу и другіе необходимые предметы, и если бы это поглощеніе труда было прекращено, то разводилось бы больше рису, производилось бы больше саго, ловилось бы больше рыбы и получалось бы больше черепахи, индѣйскаго тростника, камеди, и другихъ цѣнныхъ морскихъ и лѣсныхъ продуктовъ. Поэтому я увѣренъ, что уничтоженіе торговли пряностями на Молуккскихъ островахъ было дѣйствительно благодѣтельно для населенія, и что дѣло это было и благоразумно само по себѣ, и законно въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ выборѣ мѣстъ для обработки голландцы не были вовсе ни счастливы, ни благоразумны. Банда избранъ былъ для мускатныхъ орѣховъ, что вышло чрезвычайно удачно, и съ того времени по сегодня онъ продолжаетъ производить обширные запасы этой пряности и доставлять значительный доходъ. Амбойна былъ назначенъ для заведенія гвоздичныхъ плантацій. Но почва и климатъ его, повидимому весьма подобныя почвѣ и климату острововъ родины гвоздики, неблагопріятны, и правительство втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ сущности платило воздѣлывателямъ высшую цѣну, чѣмъ за сколько можно было бы покупать гвоздику гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но голландское правительство, опредѣливъ размѣръ платы на извѣстное число лѣтъ, платитъ съ чрезвычайною честностью, не смотря на сильный упадокъ цѣнъ.

Проходя по окрестностямъ Терната, мы встрѣчаемъ всюду развалины огромныхъ каменныхъ и кирпичныхъ построекъ, воротъ и арокъ, указывающихъ съ одной стороны на высокое благосостояніе прежняго города, съ другой на разрушительныя дѣйствія землетрясеній. Во время моего вторичнаго пребыванія въ городѣ, послѣ возвращенія изъ Новой Гвинеи, я въ первый разъ испыталъ землетрясеніе. Оно было легкое, врядъ-ли больше, чѣмъ обыкновенно бывало въ этой странѣ, но такъ какъ оно случилось въ такомъ мѣстѣ, которое было разрушено уже много разъ, то произвело довольно сильное возбужденіе. Я только что проснулся въ 5 часовъ утра, какъ вдругъ кровельная солома зашевелилась и зашелестѣла, какъ будто по ней скакала цѣлая армія кошекъ, и вслѣдъ за тѣмъ постель моя также закачалась, такъ что я въ минуту вообразилъ себя очутившимся опять въ Новой Гвинеѣ, въ моемъ убогомъ домикѣ, который качался, когда старый пѣтухъ садился на крышу. Но вспоми-

ная, что я теперь на твердомъ земляномъ полу, я сказалъ самъ себѣ: «Ужь не землетрясеніе-ли это?» и продолжалъ лежать въ пріятномъ ожиданіи другаго удара, — но онъ не послѣдовалъ. Это было единственное землетрясеніе, испытанное мною на Тернатѣ.

Послѣднее большое землетрясеніе было въ февралѣ 1840 года, когда почти ни одинъ домъ не остался неразрушеннымъ. Оно началось въ полночь на китайскій праздникъ новаго года, когда никто не ложится почти всю ночь, пируя около китайскихъ домовъ и смотря на праздничныя процессіи. Это то и предотвратило потерю нѣсколькихъ жизней, такъ какъ всѣ выбѣжали изъ домовъ при первомъ же ударѣ, который былъ не очень силенъ. Второй ударъ, послѣдовавшій спустя нѣсколько минутъ за первымъ, опрокинулъ множество домовъ, а послѣдующіе удары, продолжавшіеся всю ночь и часть слѣдующаго дня, завершили опустошеніе. Полоса разрушенія была очень узка, такъ что туземный городъ въ одной милѣ къ востоку почти совсѣмъ уцѣлѣлъ. Волна шла съ сѣвера къ югу, чрезъ острова Тидоръ и Мэкіанъ, и оканчивалась въ Бачіанѣ, гдѣ она не чувствовалась до четырехъ часовъ вечера слѣдующаго дня, пройдя такимъ образомъ сотню миль не менѣе какъ въ шестнадцать часовъ, т. е. проходя по шести миль въ часъ. Странно, что въ этомъ случаѣ не нахлынулъ приливъ, или не послѣдовало волненіе моря, какъ это обыкновенно бываетъ во время большихъ землетрясеній.

Населеніе Терната составляютъ три замѣтно отличающіяся расы: тернатскіе малайцы, орангъ-сираны и голландцы. Первые относятся къ малайской расѣ, нѣсколько сродной съ населеніемъ Макасара, которая поселилась въ странѣ въ весьма раннюю эпоху, вытѣснила туземцевъ, которые безъ сомнѣнія были такимъ же народомъ, какъ и населеніе прилежащей твердой земли Гилоло, и основали монархію. Быть можетъ, они получали большую часть своихъ женъ отъ туземцевъ, на что указываетъ тотъ необыкновенный языкъ, которымъ они говорятъ, и который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близко родственъ языку жителей Гилоло и въ то же время содержитъ многое такое, что указываетъ на малайское происхожденіе. Для большей части этихъ народовъ малайскій языкъ совершенно непонятенъ, хотя они и должны его знать, какъ занимающіеся торговлею. *Орангъ сиранами* или *назаренами* называются у малайцевъ христіане, происходящіе отъ португальцевъ, похожіе на амбойнскихъ христіанъ и, подобно послѣднимъ, говорятъ только по малайски. Тамъ есть также немного китайскихъ купцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые суть мѣстные уроженцы, немного арабовъ, происходящихъ отъ всѣхъ этихъ расъ и туземныхъ женщинъ. Кромѣ того здѣсь есть

немного невольниковъ папуанцевъ и небольшое число поселившихся здѣсь жителей другихъ острововъ, составляющихъ пестрое и весьма смѣшанное населеніе, изслѣдованіе и наблюденіе котораго указали на различное происхожденіе его составныхъ частей.

Вскорѣ послѣ моего перваго прибытія на Тернатъ я отправился на островъ Гилоло въ сопровожденіи двухъ сыновей м-ра Дивенбодена и молодого китайца, брата моего хозяина, который далъ намъ лодку и людей. Послѣдніе были всѣ невольники, большею частью папуанцы, и при отправленіи я замѣтилъ кое-что касательно отношеній господина къ невольнику въ этой части свѣта. Людямъ велѣно было быть готовыми къ тремъ часамъ утра, а между тѣмъ никто изъ нихъ не явился до пяти, и всѣ мы должны были прождать около двухъ часовъ на холодѣ и въ потемкахъ. Когда они пришли наконецъ, то были выруганы своимъ хозяиномъ, но только въ видѣ шутки, и они сами смѣялись и шутили съ нимъ въ свою очередь. Затѣмъ, только что мы выступили, одинъ изъ самыхъ сильныхъ людей вовсе отказался слѣдовать дальше, а господинъ принялся просить его и уговаривать и успѣлъ убѣдить его только тѣмъ, что я заплачу ему. Такимъ обѣщаніемъ и свѣдѣніемъ, что ѣды и питья тутъ будетъ много, а работы мало, черный джентльменъ склонился облагодѣтельствовать насъ своимъ присутствіемъ и помощію. Проплывъ три часа, то на веслахъ, то на парусѣ, мы достигли своей цѣли, Сединголя, гдѣ находится домъ тидорскаго султана, который иногда приходитъ сюда охотиться. Это грязный, развалившійся сарай безъ мебели, но съ нѣсколькими бамбуковыми кроватями. Идя по этой мѣстности, я увидѣлъ сразу, что она для меня не годится. На нѣсколько миль простирается равнина, покрытая грубою высокою травою, густо усѣянная мѣстами деревьями, а лѣсистая мѣстность начинается на холмахъ, на значительномъ разстояніи въ глубь страны. Въ такомъ мѣстѣ могло быть немного птицъ и вовсе не могло быть насѣкомыхъ, почему мы оставались тамъ не больше двухъ дней и отправились въ Додингу, находящуюся на узкомъ центральномъ перешейкѣ Гилоло, откуда друзья мои должны были возвратиться въ Тернатъ. Мы забавлялись стрѣляніемъ попугаевъ, лори и голубей, пробовали стрѣлять по оленямъ, которыхъ мы видѣли тамъ весьма много, но не могли убить ни одного; люди же наши отправились ловить рыбу сѣтью, такъ что мы не имѣли недостатка въ провизіи. Когда наступило время продолжать наше путешествіе, намъ встрѣтилось новое препятствіе, ибо наши джентльмены-невольники всѣ разомъ отказались слѣдовать съ нами, заявивъ на отрѣзъ, что они хотятъ вернуться въ Тернатъ. Такимъ образомъ господа принуждены были подчиниться имъ,

и я былъ задержанъ и долженъ былъ добираться до Додинги, какъ мнѣ угодно. Къ счастію мнѣ удалось нанять маленькую лодку, на которой я и отправился въ ту же ночь съ двумя моими людьми и кладью.

Два или три года спустя, около того времени, когда я собирался уѣхать съ востока, голландцы освободили всѣхъ своихъ невольниковъ, заплативъ ихъ владѣльцамъ незначительное вознагражденіе. И отъ этого не послѣдовало никакихъ дурныхъ результатовъ. Благодаря дружественнымъ отношеніямъ, постоянно существовавшимъ между ними и ихъ господами, и происходившими частію оттого, что правительство долго предоставляло имъ легальныя права и покровительство противъ жестокости и дурного обращенія съ ними, они продолжали оставаться въ той же службѣ и, послѣ небольшихъ временныхъ затрудненій въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всѣ почти снова принялись работать или своимъ старымъ или новымъ господамъ. Правительство шло вѣрнымъ путемъ, поставивъ каждаго освобожденнаго невольника подъ надзоръ полицейскаго начальства. Требовалось, чтобы было видно, что они живутъ трудомъ и поддерживаютъ свое существованіе честно пріобрѣтенными средствами. Въ противномъ случаѣ всякій назначался на публичныя работы за низшую плату и такимъ образомъ удерживался отъ покушенія на кражу или другія преступленія, въ которыя могла бы ихъ вовлечь ново-пріобрѣтенная свобода и уклоненіе отъ труда.

ГЛАВА XXII.

ГИЛОЛО.

Пребываніе на островѣ Гилоло.—Сагоэ.—Туземный типъ.

Я всего нѣсколько разъ и то на непродолжительное время посѣтилъ этотъ большой и мало изслѣдованный островъ, но хорошо познакомился съ его фауной, потому что послалъ сперва своего мальчика Али, а затѣмъ и помощника своего, Чарльза Аллена. Оба они пробыли по два или по три мѣсяца въ сѣверномъ полуостровѣ и привезли съ собою большія коллекціи птицъ и насѣкомыхъ. Въ этой главѣ я намѣренъ представить очеркъ тѣхъ частей острова, которыя самъ посѣтилъ. Первою моею стоянкою была деревня Додинга, расположенная при вершинѣ глубокой бухты, лежащей какъ разъ насупротивъ Терната, на маленькомъ ручейкѣ, проникающемъ на нѣсколько миль вглубь страны, въ небольшомъ разстояніи отъ его устья. Деревня невелика и совершенно закрыта окружающими ее низкими холмами.

Немедленно по пріѣздѣ я обратился къ старшинѣ деревни съ просьбою дать мнѣ домъ для помѣщенія, но всѣ были заняты, поэтому было очень трудно найти помѣщеніе. Между тѣмъ я выгрузилъ свой багажъ на берегъ, напился чаю и отыскалъ послѣ того маленькую лачугу, хозяинъ которой соглашался отдать мнѣ ее за пять гульденовъ въ мѣсяцъ.

Такъ какъ это было нѣсколько меньше того за сколько можно было пріобрѣсти эту лачугу въ наслѣдственное владѣніе, то я согласился давать эту плату, если онъ немедленно опростаетъ лачугу, выговоривши себѣ только, что онъ поправитъ на ней крышу. Онъ согласился сдѣлать

это и приходилъ каждый день посмотрѣть на меня и поболтать со мною, когда же я ежедневно требовалъ, чтобы онъ, согласно контракту, немедленно починилъ крышу, то единственнымъ отвѣтомъ его было: «да нанти» (хорошо, подожди немного). Однако когда я погрозилъ ему вычитать по четверти гульдена за каждый день отсрочки и по цѣлому гульдену за каждую подмоченную вещь, то онъ согласился наконецъ поработать полъ часа, что было совершенно достаточно для починки.

На вершинѣ крутого берега, имѣющаго около ста футовъ командованія надъ водою, стоитъ весьма маленькій, но весьма важный фортъ, построенный португальцами. Его башни и каменныя стѣны давно разрушены землетрясеніями, которыя повредили также массивныя насыпи форта, но его нельзя легко разрушить, потому что онъ состоитъ изъ прочныхъ каменныхъ построекъ, поднимающихся футовъ на десять надъ горизонтомъ и имѣющихъ около сорока футовъ въ длину и ширину. Къ нему ведетъ узкая дорога подъ аркою, а надъ нимъ возвышается въ настоящее время рядъ лачугъ, крытыхъ соломою, въ которыхъ живетъ маленькій гарнизонъ, состоящій изъ голландскаго капрала и четырехъ яванскихъ солдатъ,—единственныхъ представителей нидерландскаго правительства на островѣ. Деревня населена исключительно тернатцами. Настоящіе туземцы Гилоло, «алфуросы», какъ они себя называютъ, живутъ на восточномъ берегу или во внутреннихъ частяхъ полуострова. Между противоположными берегами перешейка, отстоящими въ этомъ мѣстѣ всего на двѣ мили другъ отъ друга, идетъ хорошая дорога, по которой возятъ рисъ и саго изъ восточныхъ деревень. Весь перешеекъ представляетъ чрезвычайно пересѣченную, хотя не высокую, мѣстность, состоящую изъ небольшихъ крутыхъ холмовъ и долинъ съ выдающимися повсюду известковыми утесами, которые иногда даже совершенно заграждаютъ дорогу. Большая часть полуострова покрыта роскошнымъ и живописнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, который изобилуетъ въ настоящее время года большими яркокрасными Ixoras въ цвѣту, придающими ему особенно веселый видъ. Я поймалъ нѣсколько весьма красивыхъ насѣкомыхъ, хотя, по причинѣ моей болѣзни втеченіи большей части времени, коллекція моя была невелика; Али застрѣлилъ мнѣ кромѣ того пару однихъ изъ прекраснѣйшихъ птицъ востока, Pitta gigas, большихъ блестящихъ дроздовъ съ черной, бархатистой спинкой, совершенно бѣлою грудью, лазурно-голубыми плечиками и ярко-краснымъ животомъ. Они обладаютъ весьма длинными сильными ногами и прыгаютъ въ чащѣ лѣса съ такой быстротою, что ихъ очень трудно застрѣлить.

Въ сентябрѣ 1858 года, по возвращеніи изъ Новой Гвинеи, я поѣ-

халъ на нѣкоторое время въ деревню Гилоло, расположенную у одной изъ бухтъ сѣвернаго полуострова. Здѣсь я получилъ, благодаря любезности тернатскаго губернатора, домъ, приготовленный для меня по его приказанію. Первая экскурсія въ неизслѣдованный лѣсъ всегда представляетъ для естествоиспытателя величайшій интересъ, потому что онъ почти навѣрное встрѣтитъ при этомъ что либо интересное или неизвѣстное до тѣхъ поръ. Первое, что мнѣ попалось на глаза, была группа маленькихъ попугаевъ, изъ которыхъ я застрѣлилъ пару и сталъ любоваться совершенно неизвѣстною мнѣ, прелестною длиннохвостою птицею, окрашенною въ зеленый, красный и синій цвѣта. Это была разновидность Charmosyna placentis, одной изъ самыхъ маленькихъ и красивыхъ изъ лори. Мои охотники вскорѣ принесли мнѣ еще нѣсколько прекрасныхъ птицъ, а я самъ поймалъ красивую и рѣдкую бабочку Cocytia Urvilei.

Деревня Гилоло была прежде столицей тернатскаго султана, пока, восемь лѣтъ тому назадъ, онъ не переѣхалъ по требованію голландцевъ въ свою теперешнюю резиденцію. Въ то время Гилоло была, безъ сомнѣнія, гораздо населеннѣе, что видно по обширнымъ пустымъ пространствамъ вокругъ деревни, поросшимъ высокою сорною травою, которая чрезвычайно затрудняетъ ходьбу и не представляетъ никакого научнаго интереса. Послѣ нѣсколькихъ дней изслѣдованія, я убѣдился, что на нѣсколько миль вокругъ всего небольшое число тропинокъ ведутъ вглубь лѣса, отъ чего происходила рѣдкость насѣкомыхъ и чрезвычайная ограниченность числа видовъ птицъ. Поэтому я рѣшился переѣхать на другое мѣсто. Въ этой же мѣстности находилась другая деревня, Сагоэ, отстоявшая отъ Гилоло на двѣнадцать миль по сухому пути. Она, по разсказамъ, представляла прекрасное мѣсто для собиранія птицъ и насѣкомыхъ и имѣла многочисленное населеніе, состоявшее изъ магометанъ и алфуросовъ, съ которыми мнѣ весьма хотѣлось познакомиться. Я собрался однажды утромъ самъ осмотрѣть это мѣсто, разсчитывая, что дорога къ нему идетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ по лѣсу. Въ послѣднемъ я однако жестоко ошибся, такъ какъ вся дорога шла по полямъ, густо поросшимъ травою и кустарниками. Только достигнувши Сагоэ, можно было видѣть мѣстность, покрытую высокимъ лѣсомъ, тянувшуюся на сѣверъ отъ него къ горамъ. Почти на половинѣ дороги намъ нужно было перейти чрезъ глубокую рѣку по бамбуковому мостику, который подъ нашею тяжестью почти тонулъ въ водѣ. Этотъ потокъ, какъ говорятъ, тянется на сѣверъ на большомъ протяженіи.

Хотя Сагоэ оказалось вовсе не тѣмъ, что я думалъ, однако я рѣшился сдѣлать пробу и потому взялъ, нѣсколько дней спустя, лодку, кото-

*

рая везла мои вещи водою, въ то время какъ я шелъ по берегу. Мнѣ дали большой домъ на берегу рѣки, принадлежавшій султану. Онъ стоялъ особнякомъ и былъ открытъ со всѣхъ сторонъ, поэтому на устраненіе любопытныхъ можно было мало разсчитывать, но такъ какъ я предполагалъ пробыть здѣсь всего нѣсколько дней, то не обращалъ на это вниманія. Черезъ нѣсколько дней всѣ мои надежды собрать здѣсь порядочную коллекцію разсѣялись окончательно. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись одни необозримыя поля, покрытыя высокою, похожею на тростникъ, травою, пересѣченною кое гдѣ узкими, часто почти непроходимыми тропинками. То тамъ, то сямъ торчали группы фруктовыхъ деревьевъ и клочки низкаго лѣса или же простирались плантаціи и рисовыя поля, которыявъ тропическихъ странахъ для энтомолога суть настоящія пустыни. Дѣвственные лѣса, которыхъ я искалъ, расли только на недоступныхъ крутыхъ и скалистыхъ горныхъ спускахъ. Въ окрестностяхъ деревни я нашелъ значительное количество пчелъ и осъ и нѣсколько маленькихъ, но интересныхъ жучковъ. Двѣ или три новыя птицы были убиты моими охотниками, и послѣ безпрерывныхъ просьбъ и обѣщаній мнѣ удалось убѣдить туземцевъ принести мнѣ нѣсколько сухопутныхъ улитокъ, въ числѣ которыхъ была прекрасная Helix pyrostoma. Однако я совершенно понапрасну терялъ время, сравнительно съ тѣмъ, что можно было сдѣлать въ хорошемъ мѣстѣ, поэтому я черезъ недѣлю вернулся въ Тернатъ, потерпѣвъ полную неудачу въ первой своей попыткѣ собрать коллекцію на Гилоло.

Въ окрестностяхъ Сагоэ и внутри полуострова много туземцевъ, которые въ значительномъ числѣ приходятъ ежедневно въ деревню продавать свои продукты или наниматься работниками къ китайскимъ и тернатскимъ купцамъ. Внимательное изслѣдованіе убѣдило меня, что эти люди существеннымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ малайскихъ племенъ. Ихъ тѣлосложеніе, черты лица, равно какъ и характеръ и привычки, почти такіе же, какъ у папуасовъ; ихъ волосы полу-папуасскіе — не прямые, гладкіе и блестящіе, какъ у настоящихъ малайцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не столь курчавые и шерстовидные, какъ у чистыхъ папуасовъ, а всегда курчавые, волнистые и жесткіе, какіе часто бываютъ у настоящихъ папуасовъ, но никогда не встрѣчаются у малайцевъ. Только по цвѣту кожи они совершенно похожи на малайцевъ и даже свѣтлѣе ихъ. Конечно бывали помѣси и можно встрѣтить индивидуумовъ, которыхъ трудно классифицировать, но въ большинствѣ случаевъ большой, нѣсколько орлиный, носъ съ вытянутымъ кончикомъ, высокій ростъ, волнистые волосы, борода, тѣло покрытое волосами, равно

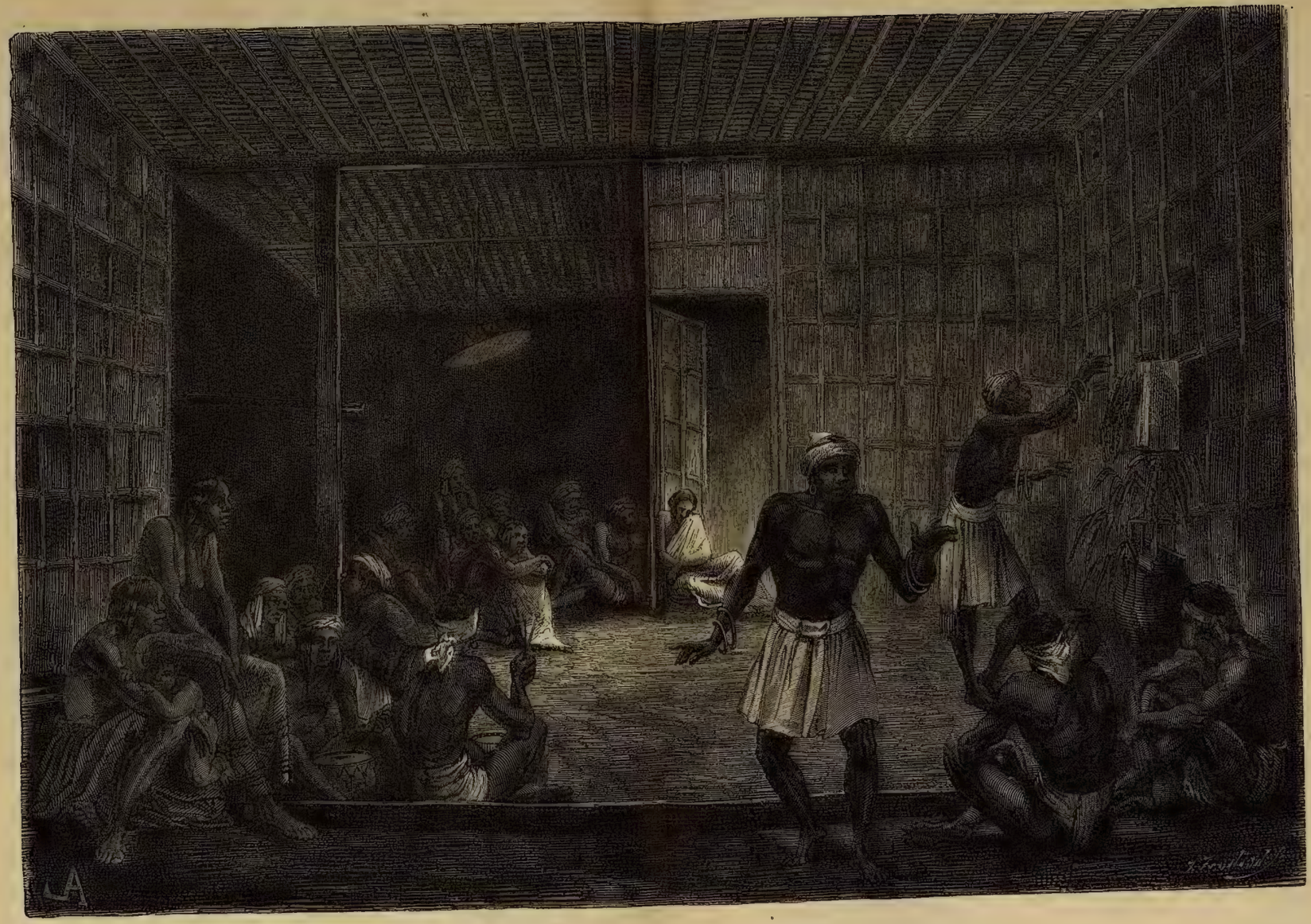
какъ и менѣе сдержанныя манеры и болѣе громкій говоръ, все это несомнѣнно указываетъ на папуасское племя. И такъ я нашелъ настоящую границу между малайскимъ и папуасскимъ племенами и при томъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни одинъ писатель не предполагалъ ея. Я былъ весьма радъ своему открытію, потому что оно служило ключемъ къ разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ этнологіи и впослѣдствіи во многихъ случаяхъ давало мнѣ возможность отдѣлить эти два племени и разъяснить ихъ помѣсь.

По возвращеніи въ Вайгіу въ 1860 году я остановился на нѣсколько дней на южной оконечности Гилоло, но кромѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о его геологическомъ строеніи и общемъ видѣ пріобрѣлъ мало новаго. Только на сѣверномъ полуостровѣ сохранились настоящіе туземцы; вся же остальная часть острова, вмѣстѣ съ Батчіаномъ и прочими западными островами, населена исключительно малайскими племенами, родственными тернатцамъ и тидорцамъ. Это, повидимому, показываетъ, что алфуросы происходятъ отъ сравнительно позднѣйшихъ пришельцевъ, прибывшихъ съ сѣвера или востока, быть можетъ, съ одного изъ острововъ Тихаго океана. Иначе трудно понять, какимъ образомъ столько плодородныхъ земель не имѣютъ настоящихъ туземцевъ.

Островъ Гилоло, или Галмагейра, какъ его называютъ малайцы и голландцы, кажется подвергся въ новѣйшее время измѣненіямъ, вслѣдствіе поднятія и осѣданія почвы. Въ 1673 году, какъ разсказываютъ, гора выдвинулась изъ земли у Гомаконоры на сѣверномъ полуостровѣ. Повсюду, гдѣ только мнѣ ни приходилось видѣть, почва была вулканическаго или коралловаго происхожденія, и берега окружены стѣною коралловыхъ рифовъ, весьма опасною для кораблей. Вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ фауны Гилоло показываетъ, что онъ весьма древенъ, потому что на немъ встрѣчается много животныхъ, свойственныхъ ему одному или также и сосѣднимъ мелкимъ островамъ, но совершенно отличныхъ отъ животныхъ Новой Гвинеи съ востока, Церама съ юга и Целебеса и Сулы съ запада.

Островъ Морти, лежащій близъ сѣверо-восточной оконечности Гилоло, былъ посѣщенъ моимъ помощникомъ, Чарльзомъ Алленомъ и докторомъ Бернштейномъ. Птицы, собранныя на нихъ, представляютъ нѣкоторыя любопытныя отличія отъ птицъ центральнаго острова. На этомъ островѣ живетъ около пятнадцати видовъ сухопутныхъ птицъ, изъ конхъ альціона (Tanysiptera doris), колибри (Tropidorhynchus fuscicapus) и большой воробей, похожій на ворону (Lycocorax morotensis), совершенно не похожи на родственные имъ виды, встрѣчающіеся на Гилоло. Островъ

имѣетъ почву коралловую и песчаную, что заставляетъ насъ предполагать, что онъ былъ отдѣленъ отъ Гилоло въ отдаленную эпоху; вмѣстѣ съ тѣмъ его фауна показываетъ, что морской проливъ въ двадцать пять миль шириною служитъ достаточнымъ препятствіемъ для распространенія птицъ, умѣющихъ даже довольно хорошо летать.



Заклинанія на Явѣ.

ГЛАВА XXIII.

ОТЪ ТЕРНАТА ДО ОСТРОВОВЪ КАЮЙА И БАТЧІАНА.

Плаваніе.—Свойства береговъ и острова.—Богатство насѣкомыхъ.—Жители.

По возвращеніи въ Тернатъ изъ Сагоэ, я тотчасъ сталъ готовиться къ поѣздкѣ на Батчіанъ, островъ, который мнѣ постоянно совѣтовали посѣтить, съ тѣхъ поръ какъ я прибылъ въ эту часть Молуккскихъ острововъ. Когда все уже было готово, я увидѣлъ, что мнѣ нужно будетъ нанять ботъ, такъ какъ оказіи не представлялось. Съ этою цѣлью я отправился въ городъ, гдѣ нашелъ всего два бота, которые можно было нанять, но одинъ изъ нихъ былъ слишкомъ великъ, другой же слишкомъ малъ. Я выбралъ маленькій, главнымъ образомъ потому, что онъ стоилъ втрое дешевле, чѣмъ большой, а также и потому, что при каботажномъ плаваніи гораздо легче управлять маленькимъ судномъ и укрывать его отъ бурь, чѣмъ большимъ. Я взялъ съ собою Али, мальчика взятаго мною на Борнео, который былъ теперь весьма полезенъ мнѣ; Лагаги, уроженца Терната, очень порядочнаго, прилежнаго человѣка и хорошаго стрѣлка, который былъ со мною въ Новой Гвинеѣ; Лаги, уроженца Гилоло, говорившаго немного по малайски, въ качествѣ дровосѣка и вообще помощника, и Гаро, мальчика, который долженъ былъ служить поваромъ. Нашъ ботикъ былъ такъ малъ, что, послѣ того какъ всѣ мои вещи были нагружены, намъ едва было гдѣ стать, поэтому я взялъ еще только одного человѣка, по имени Латчи, въ качествѣ рулевого. Это былъ папуасскій рабъ, высокій и сильный парень, весьма, впрочемъ, вѣжливый и усердный. Ботикъ я нанялъ за пять гульденовъ въ мѣсяцъ у китайца по имени Лау Кенгъ Тонгъ.

Мы двинулись въ путь утромъ 9-го октября, но не успѣли проплыть и ста ярдовъ, какъ подулъ намъ въ лицо сильный вѣтеръ, противъ котораго мы не могли грести, поэтому мы повернули и стали берегомъ плыть

къ подошвѣ горы, гдѣ и прождали пока перемѣна направленія вѣтра не дала намъ возможности двинуться къ берегамъ Тидора. Приблизительно въ три часа пополудни мы снова поплыли и замѣтили, что нашъ ботикъ хорошо идетъ на парусахъ и довольно вѣрно удерживаетъ направленіе. Мы проплыли довольно много, прежде чѣмъ вѣтеръ утихъ и намъ снова пришлось взяться за весла. Мы пристали къ гладкому песчаному берегу, чтобы сварить себѣ ужинъ какъ разъ въ то время, когда солнце скрылось за обрывистыми вулканическими холмами, расположенными на югъ отъ большаго Тидорскаго конуса и вскорѣ увидѣли выходъ Венеры, которая сіяла въ полумракѣ, какъ молодой мѣсяцъ, и бросала отъ предметовъ весьма ясную тѣнь. Мы опять отчалили немного раньше семи и какъ только мы вышли изъ пространства покрытаго тѣнью горы, я замѣтилъ яркій свѣтъ надъ однимъ мѣстомъ въ ея вершинѣ и вскорѣ затѣмъ нѣчто въ родѣ огня поразительной бѣлизны надъ самой верхушкой ея. Я обратилъ на этотъ свѣтъ вниманіе своихъ спутниковъ, и они тоже приняли его за огонь; но нѣсколько минутъ спустя, когда мы успѣли нѣсколько дальше отъѣхать отъ берега, свѣтъ совершенно ясно расположился надъ вершиной горы, а по прошествіи еще нѣсколькихъ мгновеній легкія тучки, закрывавшія его, разсѣялись, и мы увидѣли великолѣпную комету, которая въ это же самое время изумляла Европу. Ядро представлялось невооруженному глазу въ видѣ рѣзко очерченнаго диска яркаго бѣлаго цвѣта, отъ котораго поднимался хвостъ подъ угломъ градусовъ 30—35 къ горизонту. Хвостъ загибался немного внизъ и оканчивался широкой тускловатой метлой, изгибъ которой постепенно уменьшался, такъ что наконецъ она становилась совершенно прямою. Часть хвоста, ближайшая къ ядру, казалась втрое или вчетверо ярче самаго яркаго мѣста въ млечномъ пути и, что поразило меня, какъ характерная особенность кометы, верхній край хвоста, начиная отъ самаго ядра и кончая почти оконечностью хвоста, былъ ясно, почти рѣзко, ограниченъ, тогда какъ нижняя часть мало по малу теряла свой свѣтъ. Когда она поднялась надъ краемъ горы, я сказалъ своимъ спутникамъ: «смотрите, это не огонь, это «бинтангъ беръ-экоръ» (звѣзда съ хвостомъ—названіе кометы по малайски). «Да правда», отвѣчали они, и всѣ объявили, что часто слыхали о кометахъ, но до сихъ поръ не видѣли ни одной. Со мною не было ни телескопа, ни иного инструмента, на глазъ же длина хвоста показалась градусовъ въ 20, ширина же при концѣ около 4 или 5°.

Весь слѣдующій день мы должны были простоять у деревни Тидора, по причинѣ сильнаго противнаго вѣтра. Всѣ окрестности были воздѣланы и тщетно я отыскивалъ насѣкомыхъ, которыхъ стоило бы

собирать. Одинъ изъ моихъ людей отправился на охоту, но возвратился съ пустыми руками. Послѣ солнечнаго заката мы покинули Тидоръ, такъ какъ вѣтеръ утихъ, и достигли ближайшаго островка, Марега, гдѣ и переночевали. Комета была снова видна, но уже не казалась столь яркою, потому что тучи отчасти закрывали ее, а молодой мѣсяцъ скрадывалъ ея свѣтъ. Затѣмъ мы стали грести къ острову Мотиру, который до такой степени окруженъ коралловыми рифами, что къ нему опасно приближаться. Эти острова совершенно плоски, заливаются водою только въ весьма бурную погоду и ограничены утесистыми вертикальными коралловыми стѣнами, глубоко погружающимися въ море. Если дуетъ хотя бы слабый вѣтеръ, то опасно приближаться къ этимъ скаламъ, но къ счастью было совершенно тихо, поэтому мы привязали къ нимъ лодку, люди же пробрались чрезъ рифы на берегъ чтобы разложить костеръ и сварить обѣдъ, потому что на ботѣ можно было только кипятить воду для моего утренняго и вечерняго кофе. Затѣмъ мы стали грести вдоль рифовъ къ концу острова, гдѣ съ удовольствіемъ почувствовали легкій западный вѣтерокъ, который понесъ насъ черезъ проливъ по направленію къ острову Макіану, къ которому мы и пристали въ 8 часовъ по полудни. Небо было совершенно безоблачно и комета, хотя мѣсяцъ ярко свѣтилъ, показалась мнѣ столь же великолѣпною, какъ и въ первый разъ когда я ее увидѣлъ.

Берега этихъ маленькихъ островковъ весьма различны, смотря по ихъ геологической формаціи. Вулканы, потухшіе или дѣйствующіе, производятъ крутыя прибрежья, покрытыя чернымъ туфомъ, или же окаймлены утесистыми массами базальта и лавы. Коралловъ обыкновенно не бываетъ, развѣ въ маленькихъ тихихъ бухтахъ, но и здѣсь рѣдко, или никогда не образуется рифовъ. Тернатъ, Тидоръ и Макіанъ принадлежатъ къ этому разряду. Острова вулканическаго происхожденія, сами не вулканы, но поднятые, по всей вѣроятности, въ новѣйшее время, всѣ болѣе или менѣе окружены коралловой щетиной и имѣютъ берега, усыпанные совершенно бѣлымъ карарловымъ пескомъ. Берега ихъ представляютъ вулканическіе конгломераты, базальтъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первобытныя скалистыя породы съ клочками приподнятыхъ коралловъ. Маретъ и Мотиръ принадлежатъ къ этому разряду, послѣдній похожъ по своему внѣшнему виду на настоящій вулканъ и, по словамъ Форрита, извергалъ изъ себя камни въ 1778 году. На другой день (октяб. 12-го) мы плыли вдоль береговъ острова Макіана, который состоитъ изъ одного большого вулкана. Въ настоящее время онъ совершенно бездѣйствуетъ, но около двухъ столѣтій тому назадъ произошло страшное изверженіе,

сорвавшее всю верхушку горы и образовавшее скошенную иззубренную вершину и широкое кратерное отверзтіе, которыми характеризуется въ настоящее время вулканъ. До этой катастрофы онъ былъ, какъ говорятъ, также высокъ, какъ Тидоръ *).

Мы остановились на нѣсколько времени у одной изъ разщелинъ въ весьма крутомъ спускѣ горы, гдѣ я поймалъ нѣсколько интересныхъ насѣкомыхъ. Вечеромъ мы доплыли до самой южной оконечности острова, чтобы быть готовыми переплыть проливъ въ пятнадцать миль, отдѣлявшій ее отъ острова Каіойа. Въ пять часовъ утра мы двинулись въ путь, но вѣтеръ, бывшій до того времени западнымъ, перешелъ теперь въ южный и юго-западный, такъ что намъ все время пришлось грести подъ палящими лучами солнца. Когда мы приблизились къ берегу, подулъ довольно сильный вѣтерокъ, и мы пошли очень быстро; однако по прошествіи часа мы были на прежнемъ разстояніи отъ берега и замѣтили, что попали на сильное теченіе, которое несло насъ въ открытое море. Наконецъ намъ удалось выбраться изъ него, и мы пристали къ берегу съ закатомъ солнца, употребивъ ровно тринадцать часовъ, чтобы проѣхать пятнадцать миль. Мы причалили къ твердымъ коралловымъ скаламъ съ коралловыми же утесами, напоминавшими берега острововъ Кп (гл. XXIX). Они были покрыты богатой и разнообразной растительностью, весьма похожею на растительность острововъ Ки, которая до такой степени очаровала меня, что я рѣшился простоять нѣсколько дней въ главной здѣшней деревнѣ, чтобы убѣдиться не представляютъ ли и животныя подобнаго же интереса. Во время отыскиванія мѣста для забрасыванія якоря, мы снова увидѣли комету, которая была также блестяща, какъ и въ первый разъ, хвостъ же поднялся на нѣсколько большій уголъ.

Октября 14-го весь день мы плыли вдоль береговъ острововъ Каіойа, весьма похожихъ по своему виду и очертаніямъ на острова Ки въ миніатюрѣ, отъ которыхъ они отличаются только болотистой полосой вдоль берега и выдающимися коралловыми рифами. Противные вѣтры и теченія помѣшали намъ придать должное направленіе нашему боту и плыть вдоль западнаго берега ихъ, поэтому мы должны были обогнуть южную оконечность одного изъ острововъ, при чемъ намъ часто нужно было отклонятся далеко въ море, по причинѣ коралловыхъ рифовъ. Мы

*) Вскорѣ послѣ того, какъ я уѣхалъ изъ Архипелага, именно 29-го декабря 1862 года, внезапно произошло новое изверженіе этого вулкана, причинившее много опустошеній на островѣ. Всѣ деревни и жатвы были уничтожены, множество жителей убито. Песокъ и зола падали на землю такимъ толстымъ слоемъ, что на Тернатѣ, въ пятидесяти миляхъ разстоянія, часть жатвы погибла и было такъ темно на слѣдующій день, что принуждены были зажигать лампы въ 12 часовъ дня.

попробовали было пройти сквозь одинъ изъ этимъ рифовъ, но застряли въ немъ и всѣ должны были сойти въ воду, которая здѣсь до такой степени нагрѣвается вертикальными лучами солнца, что дѣлается до непріятности теплою, и на значительномъ протяженіи тащить лодку среди водорослей, губокъ, коралловъ. Было уже поздно, когда мы прибыли въ маленькую гавань деревни и всѣ мы совершенно выбились изъ силъ вслѣдствіе тяжелой работы и голода, потому что на послѣдней стоянкѣ нельзя было ничего добыть, кромѣ мутной воды. У берега стоялъ домъ, предназначенный для тернатскаго губернатора во время его офиціальнаго посѣщенія, но въ настоящее время занятый нѣсколькими туземными кочующими купцами. Я тоже нашелъ въ немъ мѣсто для ночлега.

Утромъ на другой день я отправился въ деревню отыскивать старшину, или «капала». Я сказалъ ему, что желаю пробыть нѣсколько дней въ домѣ, что у пристани, и просилъ его очистить его для меня. Онъ былъ весьма вѣжливъ и тотчасъ же пошелъ распорядиться этимъ, но приблизившись къ дому мы увидѣли, что онъ уже пустъ, потому что кущы сами ушли изъ него, узнавши что онъ мнѣ нуженъ. Въ домѣ не было дверей, поэтому я положилъ на время двѣ фашины, чтобы заградить входъ въ него собакамъ и другимъ животнымъ. Почва въ этомъ мѣстѣ, очевидно, быстро осѣдаетъ, что обнаруживается значительнымъ количествомъ мертвыхъ и умирающихъ деревьевъ, стоящихъ въ соленой водѣ. Послѣ завтрака я отправился къ покрытымъ лѣсомъ холмамъ, поднимавшимся надъ деревней, взявши съ собою двухъ мальчиковъ въ качествѣ провожатыхъ. Было въ высшей степени жарко и сухо, потому что уже два мѣсяца какъ не шелъ дождь. На высотѣ двухъ-сотъ футъ коралловыя скалы, окаймлявшія берегъ, перешли въ твердыя кристаллическія скалы, нѣчто вродѣ первобытнаго песчанника. Это показываетъ, что произошло недавнее возвышеніе почвы болѣе чѣмъ на двѣсти футовъ, за которымъ, въ еще болѣе недавнее время, послѣдовало осѣданіе. Холмы были чрезвычайно утесисты, но между сухими палками и повалившимся деревьями я нашелъ нѣсколько хорошихъ насѣкомыхъ, которыхъ я большею частью уже встрѣчалъ на Тернатѣ и Гилоло. Не находя хорошей дороги, я вернулся назадъ и сталъ осматривать болѣе низменныя части на востокъ отъ деревни. Дорога, шедшая среди платановыхъ и табачныхъ полей, была завалена обгорѣлыми бревнами, на которыхъ было множество насѣкомыхъ изъ семейства златокъ (Buprestidae), принадлежавшихъ къ шести различнымъ видамъ, изъ коихъ одинъ былъ мнѣ неизвѣстенъ. Я пошелъ затѣмъ по дорогѣ, пролегавшей по боло-

тистому лѣсу, гдѣ надѣялся наловить бабочекъ, но надежды мои не осуществились. Почти обезсилѣвъ отъ чрезвычайной жары, я счелъ за лучшее возвратиться домой и отложить дальнѣйшій осмотръ до завтрашняго дня.

Когда я послѣ обѣда сталъ возиться съ моими насѣкомыми, то домъ окружили мужчины, женщины и дѣти, незнавшіе предѣла своему удивленію при видѣ моихъ необыкновенныхъ работъ; когда же я, наколовши насѣкомыхъ на булавку, сталъ привязывать къ каждому изъ нихъ кругленькій билетикъ съ названіемъ мѣстности, то даже старый капала, магометанскій священникъ и нѣсколько малайскихъ купцовъ не могли скрыть своего изумленія. Если бы они были немного болѣе знакомы съ обычаями и мнѣніями бѣлыхъ, то, вѣроятно, сочли бы меня за дурака или сумасшедшаго, но при своемъ невѣжествѣ они смотрятъ на мои занятія, какъ на нѣчто заслуживающее полнѣйшаго увѣженія, хотя совершенно непонятное для нихъ.

На другой день я перешелъ болото и увидѣлъ свѣжую просѣку въ дѣвственномъ лѣсу. Путь былъ весьма длиненъ и тяжелъ по причинѣ жары, шарить между повалившимися стволами и вѣтвями было также весьма утомительно, но я былъ награжденъ пріобрѣтеніемъ около семидесяти различныхъ видовъ жуковъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать были для меня новы, а изъ прочихъ много было рѣдкихъ и интересныхъ видовъ. Я въ жизнь свою не видѣлъ такого изобилія жуковъ, какъ въ этомъ мѣстѣ. Около двѣнадцати видовъ крупныхъ золотистыхъ златокъ (Buprestidae), зеленыхъ бронзовокъ (Lomaptera), носатиковъ (Anthrigidae) были до такой степени многочисленны что поднимались цѣлыми роями при моемъ приближеніи и наполняли воздухъ громкимъ жужжаніемъ. Нѣсколько прекрасныхъ дровосѣковъ или длинноусовыхъ (Longicornia) были столь же многочисленны и вмѣстѣ съ предъидущими осуществляли здѣсь настоящее тропическое богатство о которомъ мы можемъ составить себѣ понятіе, взглянувши на ящики обширной коллекціи. Къ нижней части стволовъ прилипло множество болѣе мелкихъ или лѣнивыхъ дровосѣковъ, тогда какъ на вѣткахъ деревьевъ по бскам просѣки можно видѣть другихъ дровосѣковъ, сидящихъ съ вытянутыми усиками и готовыхъ улетѣть при самомъ легкомъ шорохѣ. Это было великолѣпное мѣсто, которое никогда не изгладится изъ моей памяти, потому что съ безпримѣрною роскошью обнаруживало все богатствотропиковъ насѣкомыми. Три слѣдующіе дня я продолжалъ посѣщать эту мѣстность, возвращаясь каждый разъ съ богатой добычей. Слѣдующій списокъ ея будетъ не безъинтересенъ для энтомолога. Октб-

ря 15-го 33 вида жуковъ; 16-го 70 видовъ; 17-го 47 видовъ; 18-го 40 видовъ; 19-го 56 видовъ,—всего около ста видовъ, изъ коихъ сорокъ были для меня новы. Въ числѣ ихъ было сорокъ четыре вида дровосѣковъ, и въ послѣдній день я набралъ двадцать восемь видовъ дровосѣковъ, изъ коихъ пять были мнѣ неизвѣстны.

Мальчики мои не были также счастливы относительно птицъ. Единственными распространенными здѣсь птицами были; большой красный попугай (Eclectus grandis), встрѣчающійся почти на всѣхъ Молуккскихъ островахъ, ворона и одинъ изъ видовъ куриныхъ (Megapodius). Убито было также нѣсколько красивыхъ длиннохвостыхъ альціонъ, но еще мало оперившихся. Однако онѣ оказываются принадлежащими къ иному виду чѣмъ длиннохвостыя альціоны, встрѣчающіяся на другихъ островахъ, и всего болѣе приближаются къ птицѣ описанной Линеемъ подъ именемъ Alcedo dea, живущей на Тернатѣ. Это показываетъ, что цѣпь маленькихъ островковъ, идущихъ параллельно Гилоло, имѣютъ нѣсколько общихъ видовъ птицъ, что безъ сомнѣнія замѣчается и относительно насѣкомыхъ.

Жители Каіойа интересовали меня чрезвычайно сильно. Они, очевидно, принадлежатъ къ смѣшанному племени, потому что обладаютъ свойствами, какъ малайцевъ, такъ и папуасовъ и родственны жителямъ Терната и Гилоло. Они говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ нарѣчій сосѣднихъ острововъ, хотя нѣсколько напоминающимъ ихъ. Въ настоящее время они магометане и находятся въ подданствѣ у тернатцевъ. Единственныя плодовыя деревья, которыя можно здѣсь встрѣтить суть дынныя и ананасовыя деревья, потому что скалистая почва и сухой климатъ неблагопріятны для растительности. Рисъ, маисъ и платаны растутъ хорошо, но иногда страдаютъ отъ засухъ, какъ напримѣръ въ настоящее время здѣсь растетъ мелкій кустъ хлопчатника, изъ котораго женщины ткутъ себя саронги (малайскія юбки). На островѣ всего одинъ колодезь, вырытый близь пристани, къ которому приходятъ всѣ жители за водою для питья. Мужчины, хорошіе кораблестроители, производятъ правильную торговлю лодками своего издѣлія и, повидимому, съ большою выгодою.

Послѣ пятидневной остановки на Кіаойа, мы продолжали свой путь и вскорѣ вошли въ узкіе проливы, ведущіе между маленькими островками къ городу Батчіану. Вечеромъ мы остановились въ колоніи галельцевъ. Они уроженцы самой сѣверной окраины Гилоло и переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто въ этой части архипелага. Они строятъ большія и помѣстительныя *прау* (суда) съ утлегарями и поселяются на берегу, гдѣ имъ вздy-

мается. Они бьютъ краснаго звѣря и дикихъ свиней и сушатъ ихъ мясо; они ловятъ черепахъ и трепанговъ; они вырубаютъ лѣсъ и засѣваютъ рисъ и маисъ и вообще замѣчательны по своей энергіи и ловкости. Это очень красивое племя, высокаго роста съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и папуасскимъ лицомъ, приближающееся болѣе всякаго другого племени къ настоящимъ полинезійцамъ Таити и Гавайи.

Во время этого путешествія я много разъ имѣлъ случай наблюдать, какъ мои спутники добывали огонь посредствомъ треніа. Кусокъ бамбука съ острымъ ребромъ трется о выпуклую поверхность другого куска, на которомъ предварительно сдѣлана маленькая зарубка. Сперва треніе бываетъ медленнымъ, но мало по малу ускоряется, пока наконецъ не сдѣлается весьма быстрымъ. Въ это время мелкая древесная пыль, отдѣляемая при тренін, загорается и падаетъ въ бамбукъ чрезъ отверзтія, образовавшіяся въ немъ отъ тренія. Все это дѣлается очень скоро и удачно. Тернатцы употребляютъ бамбукъ инымъ способомъ: они ударяютъ по его кремнистой поверхности фарфоровымъ черепкомъ и производятъ такимъ образомъ искру, которую принимаютъ на нѣчто въ родѣ трута.

Вечеромъ 21 октября мы достигли цѣли своего путешествія, пробывши двѣнадцать дней въ дорогѣ. Все время стояла прекрасная погода, и я отлично себя чувствовалъ, хотя было чрезвычайно жарко. Сверхъ того я нѣсколько выучился обращаться съ ботомъ среди коралловыхъ рифовъ, что впослѣдствіи дало мнѣ возможность предпринимать гораздо болѣе далекія путешествія въ этомъ же родѣ. Городъ или деревня Батчіанъ расположенъ у вершины широкой и глубокой бухты, гдѣ низменный перешеекъ соединяетъ сѣверную и южную горную часть острова. На югъ тянется красивая горная цѣпь. По геологической же формаціи, какъ я могъ замѣтить на нѣсколькихъ нашихъ стоянкахъ, Батчіанъ весьма сильно отличается отъ окружающихъ его острововъ. Гдѣ только видны были скалы, повсюду онѣ состояли или изъ тонкихъ слоевъ песчаника, покатыхъ къ югу, или изъ разнороднаго булыжника. Кое-гдѣ виднѣлся коралловый известнякъ, но нигдѣ не было замѣтно вулканическихъ скалъ. Лѣса отличались густотой и вышиною, какія рѣдко встрѣчаются въ лѣсахъ, растущихъ на пористой лавѣ или коралловомъ известнякѣ Терната и Гилоло. Надѣясь на подобное же богатство и въ мірѣ птицъ и насѣкомыхъ, я съ большимъ удовольствіемъ и надеждами началъ изслѣдованія дотолѣ невѣдомаго острова Батчіана.

ГЛАВА XXIV.

БАТЧІАНЪ.

Помѣщеніе.—Птицы.—Мѣстное населеніе.—Воровство.—Потомки португальцевъ.—Морскіе разбои.—Никобарскіе голуби.—Ночлегъ съ змѣею.

Мы пристали насупротивъ дома тернатскаго губернатора и были встрѣчены почтеннымъ малайцемъ среднихъ лѣтъ, назвавшимъ себя секретаремъ султана и сказавшимъ, что я долженъ вручить ему оффиціальныя письма, которыми былъ снабженъ. По полученіи ихъ, онъ тотчасъ же объявилъ мнѣ, что я могу располагать губернаторскимъ домомъ, который былъ въ то время свободенъ. Я вскорѣ выгрузилъ свои вещи, но увидѣлъ, что въ домѣ нельзя будетъ долго оставаться. Вода была лишь въ значительномъ разстояніи, такъ что одному изъ моихъ людей пришлось бы употреблять почти все свое время на ношеніе воды и собираніе топлива; мнѣ же нужно было проходить каждый день черезъ всю деревню, чтобы попасть въ лѣсъ и быть почти всегда окруженнымъ толпою, чего я очень не люблю. Всѣ комнаты были выстланы досками и имѣли потолокъ, что представляетъ большое неудобство сравнительно съ туземными соломенными и бамбуковыми крышами, потому что на нихъ нельзя ничего повѣсить, не вбивши гвоздя. Поэтому я попросилъ себѣ домъ за городомъ, по дорогѣ къ каменноугольнымъ копямъ, на что секретарь сказалъ мнѣ, что тамъ есть маленькій домъ, принадлежащій султану, который онъ завтра же, рано утромъ, поведетъ меня осмотрѣть.

Намъ нужно было перейти, по грубому но прочному мосту, черезъ широкую рѣку и переправиться въ бродъ чрезъ свѣтлый каменистый ручей, на противоположномъ берегу котораго стоялъ маленькій домикъ, предназначенный мнѣ. Онъ былъ весьма малъ, крыша не была приподнята на сваяхъ, полъ былъ земляной, и домикъ почти весь состоялъ изъ черешковъ саговыхъ листьевъ, называемыхъ здѣсь «габа-габа». Позади

*

рѣки поднимался покрытый лѣсомъ берегъ, и хорошая дорога, проходившая какъ разъ передъ домомъ, вела чрезъ обработанныя поля къ лѣсу, отстоявшему въ полумили отъ дома, и далѣе къ каменно-угольнымъ копямъ, находившимся на четыре мили далѣе. Эти преимущества немедленно расположили меня въ пользу дома, и я объявилъ секретарю, что съ удовольствіемъ принимаю домъ. Поэтому я тотчасъ же послалъ двухъ изъ своихъ людей купить «атапы» (рогожи изъ пальмовыхъ листьевъ) для починки крыши, и на другой день, при помощи восьми человѣкъ изъ прислуги султана, всѣ мои вещи были перенесены въ домикъ и довольно удобно разставлены. Тотчасъ была построена грубая бамбуковая кровать, и изъ привезенныхъ мною досокъ былъ составленъ столъ, который мы поставили у окна. Два бамбуковыхъ и одинъ тростниковый стулъ, вмѣстѣ съ висячими полками, снабженными изолирующими сосудами съ масломъ, дополняли меблировку моей комнаты.

На другой день послѣ моего пріѣзда я отправился въ сопровожденіи секретаря, сдѣлать визитъ султану. Насъ продержали нѣсколько минутъ во дворѣ и ввели затѣмъ въ грубый, на половину укрѣпленный, выбѣленный домъ. Въ широкихъ сѣняхъ стоялъ столъ и три стула; насъ встрѣтилъ старикъ съ грязнымъ лицомъ и жиденькой бородой, одѣтый въ голубую съ крапинками куртку и широкіе красные шаровары, пожалъ намъ руки и пригласилъ сѣсть. Вскорѣ послѣ начала нашей часовой бесѣды о моихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ его величество принималъ живѣйшее участіе, былъ поданъ чай и печенья, нѣсколько лучшаго сорта, чѣмъ обыкновенно подаются въ подобныхъ случаяхъ. Я благодарилъ его за домъ и вызвался показать ему свою коллекцію; онъ обѣщалъ зайти посмотрѣть на нее. Затѣмъ онъ попросилъ меня выучить его снимать эскизы, рисовать карты, достать ему маленькую англійскую пушку и бенгальскую дойную корову. Я старался какъ можно искуснѣе уклониться отъ этихъ требованій, и мы разстались полнѣйшими друзьями. Онъ былъ, повидимому, очень добрый человѣкъ, и весьма жалѣлъ о маленькомъ населеніи острова, который, по его увѣреніямъ, былъ весьма богатъ металлами и въ томъ числѣ золотомъ, но не было достаточнаго количества людей для добыванія его. Я разсказалъ ему о чрезвычайномъ наплывѣ населенія въ Австралію послѣ открытія въ ней золотыхъ пріисковъ и о крупныхъ самородкахъ, которые были тамъ найдены; это очень заинтересовало его и онъ восклицалъ «О, если бы только здѣсь были подобные люди, то мои подданные были бы также богаты, какъ и они!»

На другой день послѣ моего переселенія я послалъ своихъ мальчиковъ

на охоту, самъ же отправился осматривать дорогу къ каменноугольнымъ копямъ. Пройдя менѣе полу-мили я вошелъ въ дѣвственный лѣсъ, у входа въ который нѣсколько величественныхъ деревьевъ образовывали естественный портикъ. Въ началѣ дорога шла по низменной и болотистой мѣстности, но вскорѣ она нѣсколько поднялась и пошла по берегу свѣтлаго ручья, протекавшаго позади моего дома по каменистому или усыпанному булыжникомъ руслу, извивавшемуся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди ровныхъ и отлогихъ песчаныхъ береговъ, въ другихъ же прорѣзывавшему высокіе холмы, увѣнчанные разнообразнымъ и роскошнымъ лѣсомъ. Еще черезъ двѣ мили долина съуживалась, и дорога шла по краю высокаго берега, который круто поднимался отъ самой поверхности воды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживались скалы, но онѣ уже были покрыты красивыми папоротниками и ползучими растеніями. Гигантскіе древовидные папоротники были разсыпаны повсюду, и весь лѣсъ отличался такимъ разнообразіемъ и роскошью, какія не встрѣчаются въ лѣсахъ, растущихъ на сухой вулканической почвѣ, къ которымъ я привыкъ въ послѣднее время. Нѣсколько далѣе дорога переходила на другую сторону ручья чрезъ мостъ, переброшенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая скала, расположенная по срединѣ ручья, представляла прекрасную поддержку для него. Еще двѣ мили живописнаго и интереснаго пути привели меня къ самымъ каменноугольнымъ копямъ.

Онѣ расположены на обширной прогалинѣ, гдѣ въ главный ручей впадаютъ два притока. Нѣсколько лѣсныхъ тропинокъ и новыхъ просѣкъ представляли весьма хорошій районъ для коллектора, и я поймалъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ насѣкомыхъ; но становилось поздно, поэтому я отложилъ до слѣдующаго раза болѣе подробный осмотръ. Каменный уголь былъ открытъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и дорога была проложена, чтобы провезти достаточное количество его для пробы на голландскихъ пароходахъ. Качество его было найдено неудовлетворительнымъ, и копи были заброшены. Въ самое недавнее время были предприняты раскопки въ новомъ мѣстѣ, въ надеждѣ напасть на лучшій пластъ. На работу было употреблено около восьмидесяти человѣкъ, изъ коихъ большая часть были каторжники, но это число совершенно недостаточно для разработки копей въ такой странѣ, гдѣ для одного поддержанія дороги въ хорошемъ состояніи нужна постоянная работа многихъ людей. Если бы здѣсь былъ найденъ хорошій уголь, то слѣдовало бы провести желѣзную дорогу, постройка которой стоила бы очень дешево, вслѣдствіе правильной покатости долины.

Подходя къ дому, я встрѣтилъ Али, возвращавшагося съ охоты съ

нѣсколькими птицами на поясѣ. Онъ былъ очень веселъ и сказалъ мнѣ: «посмотрите, какая странная птица!» и подалъ мнѣ птицу, которая съ перваго раза привела было меня въ полнѣйшее недоумѣніе. Я держалъ въ рукахъ птицу, покрытую густыми перьями прекраснаго зеленаго цвѣта на груди, вытягивающимися въ два блестящіе пучка, но чего я совершенно не могъ понять, такъ это двухъ паръ длинныхъ бѣлыхъ перьевъ, торчавшихъ изъ каждаго плеча. Али увѣрялъ меня, что онъ ихъ не трогалъ и что птица сама придала имъ такое положеніе, когда захлопала крыльями. Теперь я увидѣлъ, что мнѣ досталось прекрасное пріобрѣтеніе, ни болѣе ни менѣе какъ совершенно новый видъ райской птицы, отличающійся самымъ замѣчательнымъ образомъ отъ всѣхъ прочихъ птицъ. Общая окраска перьевъ весьма скромна — они пепельно-оливковаго цвѣта съ легкимъ пурпуровымъ отливомъ на спинѣ. Голова украшена короною перьевъ свѣтлаго фіолетоваго цвѣта съ металлическимъ отливомъ. Шея и грудь покрыты полосками прекраснаго металлическаго зеленаго цвѣта, а перья лба покрываютъ значительную часть клюва, какъ у большей части райскихъ птицъ. Четыре бѣлыя пера, характеризующія эту птицу, выходятъ изъ четырехъ маленькихъ шишечекъ, расположенныхъ надъ плечами, или надъ сгибами крыльевъ; перья эти бѣлаго, молочнаго цвѣта, узки, красиво изогнуты и покрыты одинаковыми бородками съ обѣихъ сторонъ. Они достигаютъ шести дюймовъ, т. е. равняются по длинѣ крыльямъ и могутъ быть, по желанію птицы, поставлены перпендикулярно къ нимъ, или вытянуты вдоль ихъ. Клювъ розового цвѣта, ноги желты, радужная оболочка свѣтло-оливковаго цвѣта. Эта поразительная новость была названа Г. Грейемъ Semioptera Wallacei или флагокрылъ (Standart Wing) Уэлласа.

Нѣсколько дней спустя, я пріобрѣлъ чрезвычайно красивую новую бабочку, родственную прекрасной голубой Papilio Ulysses, но отличающуюся отъ нея болѣе яркимъ цвѣтомъ и голубыми полосками на краю нижнихъ крылышекъ. Это удачное начало оказалось однако обманчивымъ, и я вскорѣ увидѣлъ, что жуки, и въ особенности бабочки, были довольно рѣдки, а птицы представляли гораздо менѣе разнообразія чѣмъ я ожидалъ. Однако удалось пріобрѣсти нѣсколько красивыхъ молуккскихъ видовъ. Красивое красное лори съ зелеными крыльями и желтымъ пятномъ на спинѣ (Lorius garrulus) попадалось не рѣдко. Когда джамбу, или розовыя яблоки (Eugenia Sp.) находились въ цвѣту, то къ нимъ прилетали за медомъ цѣлыя стаи маленькихъ лорикетъ (Charmosyna plauntis), которыхъ я уже встрѣчалъ на Гилоло, и я могъ имѣть ихъ въ какомъ угодно количествѣ. Другимъ краснымъ представителемъ семей-

ства попугаевъ былъ Geoffroyus cyanicollis, зеленый попугай съ краснымъ носомъ и головой, цвѣтъ котораго переходилъ на макушкѣ въ лазорево-голубой, а затѣмъ въ зеленый на спинкѣ. Два большихъ и красивыхъ лѣсныхъ голубя съ перьями металлическаго зеленаго, пепельнаго и красно-коричневаго цвѣта, также попадались не рѣдко. Я былъ награжденъ сверхъ того пріобрѣтеніемъ великолѣпной голубой сивороики (Eurystomus azureus), прелестна о медососа (Nectarinea auriceps) красивой длиннохвостой альціоны (Tanissiptera isis), которыя всѣ были новы для орнитолога. Изъ насѣкомыхъ я пріобрѣлъ значительное количество интересныхъ жучковъ, въ томъ числѣ многихъ дровосѣковъ, изъ коихъ одинъ былъ самымъ крупнымъ видомъ рода Glenea, какой только до сихъ поръ извѣстенъ. Изъ бабочекъ красивая маленькая Danis sebae находилась въ изобиліи и оживляла лѣсъ своими нѣжными крылышками бѣлаго и прекраснаго голубого цвѣта съ металлическимъ отливомъ; въ то же время пышныя Papilios, прелестныя Pieridae и темные, богатые Euplea, изъ коихъ многіе были новы, составляли предметъ безпрерывнаго интереса и пріятныхъ занятій.

На островѣ Батчіанѣ нѣтъ настоящихъ туземцевъ, потому что внутренность его совершенно необитаема и только по берегамъ расположены въ разныхъ мѣстахъ деревушки; однако здѣсь можно отличить четыре различныхъ племени, которыя введутъ въ полнѣйшее заблужденіе путешественника этнолога, не съумѣющаго уяснить себѣ ихъ происхожденія. Во первыхъ, здѣсь живутъ батчіанскіе малайцы, весьма мало отличающіеся отъ тернатскихъ и принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ древнѣйшимъ колонистамъ острова. Однако ихъ языкъ имѣетъ больше папуасскихъ элементовъ, къ которымъ примѣшаны чисто малайскіе, что показываетъ, что первоначально колонія была основана разноплеменными переселенцами и лишь впослѣдствіи изъ нея образовалось нѣчто довольно однородное. Поэтому здѣсь есть «орангъ-сирани», подобно тому какъ на Тернатѣ и на Амбойнѣ. Многіе изъ нихъ поразительно сохранили португальскія черты лица, но имѣютъ кожу болѣе темную чѣмъ у малайцевъ. Сохранены нѣкоторые народные обычаи и малайскій языкъ, который исключительно употребляется здѣсь, и содержитъ въ себѣ значительное число португальскихъ словъ и идіотизмовъ. Представителями третьяго племени служатъ галельцы изъ сѣверной части Гилоло, странные люди, о которыхъ я уже говорилъ; къ четвертому же относятся колонисты изъ Томора, расположеннаго на восточномъ полуостровѣ Целебеса. Эти люди были перевезены сюда по собственной ихъ просьбѣ, чтобы не быть истребленными другимъ племенемъ. Они отличаются чрез-

вычайно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, открытымъ татарскимъ лицомъ, низкимъ ростомъ и языкомъ похожимъ на бугизскій. Они трудолюбивые замледѣльцы, снабжающіе городъ овощами, и производятъ значительное количество холста изъ коры, похожаго на «тапа» обитателей Полинезіи. Для приготовленія этого холста они рубятъ извѣстныя деревья и снимаютъ съ нихъ широкій цилиндръ коры, которую бьютъ колотушками для отдѣленія луба отъ одеревенѣвшихъ частей. Затѣмъ ее мочатъ и снова бьютъ такъ долго и равномѣрно, что она дѣлается столь же тонкою и плотною, какъ пергаментъ. Въ такомъ видѣ она часто употребляется для обертокъ холста, а также для куртокъ, которыя тщательно шьются и красятся сокомъ коры другого дерева, что придаетъ ей темно-красный цвѣтъ и дѣлаетъ почти непромокаемою.

Ежедневно на всѣхъ улицахъ Батчіана можно встрѣтить людей принадлежащихъ къ четыремъ различнымъ племенамъ. Если мы теперь представимъ себѣ путешественника, незнакомаго съ малайскимъ языкомъ, который схватитъ два или три слова на «батчіанскомъ языкѣ» и станетъ писать «о физическихъ и нравственныхъ особенностяхъ, нравахъ и обычаяхъ батчіанцевъ» (потому что существуютъ путешественники, которые узнаютъ все это въ двадцать четыре часа), то предоставляю читателю судить, какую поучительную и правдивую главу мы будемъ имѣть! Какія переходныя формы можно будетъ отыскать, какія теоріи происхожденія племенъ можно будетъ создать! Въ то же время другой путешественникъ можетъ противорѣчить первому рѣшительно во всемъ и прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ.

Вскорѣ послѣ моего прибытія на островъ, голландское правительство ввело новую мѣдную монету, замѣнивши доиты центами (доиты равнялись 120-й части гульдена, центы же—сотой) и было приказано отправить всю мѣдную монету въ Тернатъ для обмѣна. Я послалъ мѣшокъ съ 6,000 доитовъ и, по возвращеніи лодки, они мнѣ были присланы новою монетою. Когда Али пришелъ за ними, то капитанъ, къ счастію, не согласился отдать ихъ безъ письменнаго требованія съ моей стороны, поэтому мнѣ пришлось подождать до слѣдующаго дня; говорю «къ счастію», потому что ночью воры забрались въ мой домъ, вынесли всѣ мои ящики, повынимали всѣ вещи, которыя тамъ были и разбросали ихъ по дорогѣ ярдовъ на двадцать, гдѣ мы ихъ нашли утромъ въ пять часовъ, когда, увидѣвши пропажу, бросились въ погоню за ворами. Не найдя мѣдныхъ денегъ, которыя по ихъ предположеніямъ должны были быть у меня, они ушли, не взявши съ собою ничего, кромѣ нѣсколькихъ ярдовъ ситца и черную куртку съ шароварами; впрочемъ, послѣдніе были нѣсколько

Яванская кузница.

дней спустя найдены въ травѣ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, кто были воры. Здѣсь для охраненія казеннаго имущества, прибывающаго изъ Терната, употребляются каторжники. Двое изъ нихъ сторожатъ ночью и часто пользуются случаемъ для совершенія кражи.

На другой день я получилъ свои деньги и спряталъ ихъ въ крѣпкій ящикъ, привязанный снизу къ моей кровати. Я вынулъ пятьсотъ или шестьсотъ центовъ для ежедневныхъ расходовъ и положилъ ихъ въ маленькій японскій ящикъ, который всегда стоялъ у меня на столѣ. Послѣ обѣда я вышелъ прогуляться и по возвращеніи не нашелъ ни ящика, ни ключей, которыя, по разсѣянности, оставилъ на столѣ. Двое изъ моихъ мальчиковъ оставались дома, но ничего не слыхали. Я тотчасъ же объявилъ о двойной покражѣ директору копей и начальнику форта, но они отвѣчали мнѣ, что если бы я поймалъ вора на мѣстѣ преступленія, то могъ бы застрѣлить его. Посредствомъ разспросовъ въ деревнѣ мы узнали, что одинъ изъ каторжниковъ, стоявшій на часахъ въ деревнѣ у казенныхъ рисовыхъ складовъ, покинулъ свой постъ, перешелъ черезъ мостъ по направленію къ моему дому; снова показался въ двухстахъ ярдахъ отъ него и, возвращаясь по мосту въ деревню, несъ подъ мышкой что-то тщательно завернутое въ саронгъ. Ящикъ мой былъ украденъ какъ разъ въ промежутокъ времени между его уходомъ и возвращеніемъ, и былъ такъ малъ, что его легко было нести описаннымъ образомъ. Улики, казалось, были достаточно очевидны. Я обвинилъ этого человѣка и привелъ къ коменданту свидѣтелей. Онъ былъ подвергнутъ допросу и объявилъ, что ходилъ на рѣку близъ моего дома купаться; дальше же, по его увѣренію, онъ не ходилъ, а вскарабкавшись на кокосовую пальму, сорвалъ два орѣха, которые взялъ съ собою и завернулъ ихъ въ саронгъ, *потому что ему было стыдно нести ихъ!* Это объясненіе показалось удовлетворительнымъ, и онъ былъ оправданъ. Я лишился своего ящика, денегъ, печати, которою очень дорожилъ, еще нѣсколькихъ мелкихъ вещицъ и, что всего хуже, всѣхъ своихъ ключей. Къ счастью, мой большой ящикъ съ деньгами былъ запертъ, но заперты были и другіе ящики, которые мнѣ нужно было отпереть немедленно. Впрочемъ по сосѣдству жилъ очень искусный слесарь, приготовлявшій инструменты для каменноугольныхъ копей, который отпиралъ мнѣ замки, когда мнѣ было нужно, а черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ мнѣ новые ключи, которыми я впредь запиралъ всѣ свои замки, выходя изъ дому.

Въ концѣ ноября наступило дождливое время года и ежедневно шелъ почти безпрерывный дождь, прекращавшійся лишь по утрамъ на часъ

или на два. Низменныя части лѣса были залиты водою, дорога покрылась глубокою грязью, насѣкомыя и птицы попадались рѣже, чѣмъ когда либо. Декабря 13-го пополудни, произошло краткое землетрясеніе, которое заставило домъ и мебель качаться въ теченіе пяти минутъ, а вѣтви деревьевъ и кустовъ колебаться, какъ послѣ краткаго порыва вѣтра. Приблизительно въ половинѣ декабря я перебрался въ деревню, чтобы легче изслѣдовать мѣстность, лежавшую на западъ отъ нея и чтобы быть ближе къ морю, когда мнѣ захочется возвратиться въ Тернатъ. Мнѣ дали большой домъ въ Кампонгъ Сирани (или Христіанскомъ кварталѣ) и въ день Рождества Христова и Новаго Года мнѣ пришлось выносить безпрерывную пальбу, барабанный бой и скрипочную игру его обитателей.

Этотъ народъ чрезвычайно любитъ музыку и танцы, и европеецъ изумится при посѣщеніи ихъ бала. Мы входимъ въ темную лачугу изъ пальмовыхъ листьевъ, освѣщенную двумя или тремя весьма тусклыми лампами, которыя дѣлаютъ темноту еще болѣе замѣтною. Полъ изъ черной песчаной земли, крыша скрывается въ непроницаемомъ мракѣ и дыму. Двѣ или три скамейки разставлены вдоль стѣнъ. Весь оркестръ состоитъ изъ скрипки, флейты, барабана и треугольника. Комната биткомъ набита гостями, состоящими изъ молодыхъ людей и женщинъ, одѣтыхъ весьма изящно въ бѣлый и черный цвѣта—настоящій португальскій обычай. Танцуютъ кадриль, вальсъ, польку и мазурку съ большимъ оживленіемъ и ловкостью. Все угощеніе состоитъ изъ грязнаго кофе и небольшого количества конфектъ. Танцы продолжаются по цѣлымъ часамъ и идутъ весьма чинно и прилично. Подобные балы даются разъ въ недѣлю самыми зажиточными изъ жителей поочередно, и желающіе приходятъ на нихъ безъ всякихъ церемоній.

Весьма удивительно, какъ мало измѣнился этотъ народъ втеченіи трехъ столѣтій, хотя въ это время они перемѣнили языкъ и совершенно утратили всѣ воспоминанія про свою собственную національность. До сихъ поръ они по манерамъ и внѣшнему виду почти чистые португальцы, весьма похожіе на тѣхъ, съ которыми я познакомился на берегахъ рѣки Амазонки. Они живутъ весьма бѣдно, если судить по ихъ домамъ и мебели, но сохраняютъ полу-европейскій костюмъ и почти всѣ имѣютъ черную пару платья для воскресенья. Они номинально протестанты, но праздникомъ служитъ у нихъ суббота по причинѣ баловъ. Мужчины бываютъ часто хорошіе охотники, и раза два или три въ недѣлю въ деревню приносится или красный звѣрь или дикая свинья, что, вмѣстѣ съ рыбою и домашними птицами, даетъ имъ возможность жить хорошо.

Изъ всѣхъ жителей архипелага почти они одни ѣдятъ большую летучую мышь, питающуюся плодами, которая извѣстна у насъ подъ именемъ летучей собаки. Эти безобразныя животныя считаются большимъ лакомствомъ и за ними усердно охотятся. Около начала года они прилетаютъ большими стаями ѣсть плоды и собираются на время дня на какой либо изъ маленькихъ острововъ, расположенныхъ въ бухтѣ. Здѣсь они цѣлыми тысячами висятъ на деревьяхъ, въ особенности на мертвыхъ. Въ это время ихъ легко собирать или сбивать палкою и они приносятся домой полными корзинками. Готовить ихъ нужно весьма тщательно, потому что ихъ кожа и мѣхъ издаютъ сильный собачій запахъ; но ихъ всегда готовятъ съ большимъ количествомъ пряностей и приправъ и въ такомъ видѣ онѣ дѣйствительно представляютъ прекрасное кушанье, нѣсколько похожее на зайца. Орангъ сирани отличные повара, знакомые съ гораздо большимъ количествомъ вкусныхъ блюдъ, чѣмъ малайцы. Здѣсь они питаются преимущественно саго и хлѣбомъ, прибавляя къ нимъ множество овощей и плодовъ и иногда рисъ.

Весьма интересенъ тотъ фактъ, что повсюду на востокѣ, гдѣ только португальцы смѣшивались съ туземными племенами, потомки ихъ пріобрѣтали болѣе темный цвѣтъ кожи, чѣмъ каждое изъ смѣшивающихся племенъ. Это почти всегда справедливо для орангъ-сирани и для малаккскихъ португальцевъ. Обратное происходитъ въ южной Америкѣ, гдѣ отъ португальцевъ или бразильцевъ и индѣйцевъ рождаются «мамелуко», которые нерѣдко бываютъ бѣлѣе чѣмъ отецъ и мать и всегда бѣлѣе индѣйца. Батчіанки, хотя вообще красивѣе мужчинъ, имѣютъ однако грубыя черты лица и далеко уступаютъ по красотѣ голландско-малайскимъ дѣвушкамъ или даже многимъ чистымъ малаянкамъ.

Та часть деревни, въ которой я жилъ, была расположена въ рощѣ кокосовыхъ пальмъ. По ночамъ, въ тѣ дни когда собирались сухія листья и изъ нихъ зажигались костры, картина была великолѣпная. Высокіе стволы, прекрасныя лиственныя короны и громадныя кисти плодовъ, будучи освѣщены снизу кострами и закрыты сверху черными небесами, казались волшебнымъ дворцомъ съ зелеными лиственными сводами, поддерживаемыми сотнями стройныхъ колоннъ. Хорошо выросшая кокосовая пальма есть, безъ сомнѣнія, царица всѣхъ пальмъ, какъ по красотѣ, такъ и по полезности.

Еще въ самую первую мою прогулку по батчіанскимъ лѣсамъ, я увидѣлъ на высокомъ листѣ огромную бабочку чернаго цвѣта съ бѣлыми и желтыми крапинками. Я не могъ поймать ее, потому что она взвилась высоко надъ моей головой и улетѣла вглубь лѣса, но впдѣннаго съ

меня было довольно, чтобы убѣдиться, что это самка новаго вида Ornithoptera, или птицекрылыхъ бабочекъ, составляющихъ гордость тропическихъ лѣсовъ востока. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось поймать ее и найти самца, который у этихъ бабочекъ всегда бываетъ чрезвычайно красивъ. Втеченіи двухъ послѣдующихъ мѣсяцевъ я видѣлъ ее только одинъ разъ еще и вскорѣ послѣ того въ копяхъ замѣтилъ самца, который летѣлъ высоко надъ деревней. Я уже начиналъ терять надежду поймать эту бабочку, такъ какъ она казалась столь рѣдкою и пугливою, когда наконецъ въ началѣ января я увидѣлъ красивый кустъ съ широкими бѣлыми прицвѣтниками и желтыми цвѣтами (видъ Mussaendae), надъ которымъ кружилась одна изъ этихъ благородныхъ бабочекъ, но она летала слишкомъ быстро для меня, такъ что я опять не могъ поймать ее. На другой день я снова пришелъ къ тому же кусту и мнѣ удалось поймать самку, а на другой день и прекраснаго самца. Это былъ, какъ я и предвидѣлъ, совершенно новый и великолѣпнѣйшій видъ, принадлежащій къ наиболѣе роскошно окрашеннымъ бабочкамъ въ мірѣ. Хорошіе экземпляры самца достигаютъ до семи дюймовъ между концами крыльевъ, окрашенныхъ въ бархатисто-черный и огненно-оранжевый цвѣтъ, при чемъ послѣдній замѣняетъ зеленый цвѣтъ родственныхъ видовъ. Красоты этой бабочки невозможно выразить словами, и никто, кромѣ естествоиспытателя, не пойметъ того глубокаго волненія, которое я испытывалъ, поймавши ее наконецъ. Когда я вынулъ ее изъ сѣтки и раздвинулъ ея величественныя крылья, сердце мое забилось, кровь бросилась въ голову и я былъ ближе къ обмороку, чѣмъ въ виду немедленной смерти. Весь этотъ день у меня болѣла голова, такъ велико было волненіе, возбужденное этимъ, для большинства людей обыденнымъ, случаемъ.

Я рѣшилъ было возвратиться въ Тернатъ недѣли черезъ двѣ, но эта великолѣпная добыча заставила меня измѣнить намѣреніе и я рѣшился оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣту цѣлой серіи этихъ новыхъ бабочекъ, названыхъ мною Ornithoptera craesus. Для этой цѣли муссендовый кустъ былъ прекраснымъ мѣстомъ, которое я могъ ежедневно посѣщать по дорогѣ въ лѣсъ; но онъ росъ среди густыхъ кустарниковъ и ползучихъ растеній, поэтому я приказалъ Лаги, одному изъ моихъ слугъ, очистить мѣсто вокругъ него, чтобы я могъ легко подойти къ каждой бабочкѣ, которая прилетитъ на него. Впослѣдствіи, замѣтивши, что часто необходимо подождать нѣсколько времени, я поставилъ подъ деревомъ, невдалекѣ отъ куста, скамейку, на которую каждый день приходилъ полудничать. Такимъ образомъ я сторожилъ бабо-

чекъ въ полдень втеченіи получаса и сверхъ того каждый разъ подходилъ къ нему, когда проходилъ мимо. Благодаря этому я втеченіи нѣкотораго времени ловилъ среднимъ числомъ по одному экземпляру въ день, но больше половины было самокъ, а изъ остальныхъ большая часть были изорваны или измяты, такимъ образомъ мнѣ не удалось бы пріобрѣсти значительнаго количества хорошихъ экземпляровъ самцовъ, если бы я не выбралъ другого мѣста для охоты за ними.

Замѣтивши, что они садятся на цвѣтки нѣкоторыхъ деревьевъ, росшихъ на берегу, я послалъ за ними Лаги съ сѣткою и обѣщалъ ему половину дневнаго жалованья за каждый неиспорченный экземпляръ. Черезъ день или два онъ принесъ мнѣ два превосходныхъ экземпляра и сказалъ, что поймалъ ихъ на берегу широкаго скалистаго горнаго ручья, впадавшаго въ море за милю отъ деревни. Они летѣли вдоль по ручью, садясь отъ времени до времени на выступающія изъ воды скалы, такъ что ему приходилось идти вбродъ или прыгать со скалы на скалу, чтобы не упустить ихъ. Однажды я отправился вмѣстѣ съ нимъ, но увидѣлъ, что ручей слишкомъ быстръ для меня, а скалы слишкомъ скользки, потому я совершенно предоставилъ это дѣло Лаги и во все остальное время моего пребыванія на Батчіанѣ онъ уходилъ обыкновенно на цѣлый день, возвращаясь большею частью съ одною, а въ удачные дни съ двумя или тремя штуками. Благодаря этому мнѣ удалось увезти съ собою болѣе ста бабочекъ обоего пола, въ томъ числѣ около двадцати неиспорченныхъ самцовъ, изъ коихъ, впрочемъ, не болѣе пяти или шести были совершенно безъ всякихъ изъяновъ.

Мои ежедневныя экскурсіи простирались сперва на полъ мили по берегу, затѣмъ я перешелъ чрезъ саговыя болота по плотинѣ изъ весьма рыхлыхъ бревенъ и достигъ деревни, населенной племенемъ Томоре. За нею шелъ лѣсъ съ новыми просѣками, тѣнистыми тропинками и значительнымъ количествомъ срубленныхъ деревьевъ. Мѣсто это показалось мнѣ чрезвычайно хорошимъ, въ особенности для собиранія жуковъ. Поваленныя деревья изобиловали золотистыми Buprestidae, интересными Brenthidae и дровосѣками; въ лѣсу же было множество мелкихъ Curculionidae, значительное количество дровосѣковъ и нѣсколько прекрасныхъ зеленыхъ Carabidae.

Бабочки были немногочисленны, но я поймалъ еще нѣсколько прекрасныхъ голубыхъ Papilio и довольно много красивыхъ маленькихъ Lycaenidae, а также одинъ экземпляръ весьма рѣдкаго Papilio Wallacei, котораго я имѣлъ только одинъ экземпляръ, пойманный на Аруанскихъ островахъ.

Наиболѣе интересными птицами, которыхъ я пріобрѣлъ здѣсь были: прекрасная голубая альціона, Todiramphus diaps; красивые зеленые и пурпуровые голуби, Ptilonopus superbus и P. iogaster и нѣсколько новыхъ мелкихъ птицъ. Мои охотники принесли мнѣ еще нѣсколько экземпляровъ Semioptera Wallacei и меня чрезвычайно заинтересовало положительное утвержденіе нѣсколькихъ туземныхъ охотниковъ, что у нихъ водится другой видъ этой птицы, гораздо болѣе красивый и замѣчательный. Они сообщили, что его перья блестящаго чернаго цвѣта, грудь металлическаго зеленаго цвѣта, какъ и въ моемъ видѣ, но что плечевыя перья вдвое длиннѣе и опускаются гораздо ниже тѣла птицы. Они сообщили, что охотясь за дикими свиньями и краснымъ звѣремъ, они встрѣчали иногда въ глубинѣ лѣса эту птицу, но что она рѣдка. Я тотчасъ обѣщалъ двѣнадцать гульденовъ (фунтъ) за штуку, но тщетно: и до сихъ поръ я не увѣренъ, существуетъ ли такая птица или нѣтъ. Послѣ моего отъѣзда нѣмецкій естествоиспытатель, Д-ръ Бернштейнъ, пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ на этомъ островѣ и разослалъ много охотниковъ для собиранія коллекціи для лейденскаго музея; но онъ не былъ счастливѣе меня, поэтому мы должны или считать эту птицу чрезвычайно рѣдкою, или же отнести ея существованіе къ области мифовъ.

Батчіанъ замѣчателенъ какъ самый восточный пунктъ на земномъ шарѣ, на которомъ еще водятся четверорукія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣса встрѣчается въ изобиліи большой черный павіанъ (Cynopithecus nigrescens) Это животное обладаетъ красными голыми сѣдалищными мозолями и зачаточнымъ хвостомъ въ дюймъ длиною, который легко совершенно не замѣтить. Тотъ же самый видъ встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ Целебеса, а такъ какъ ни одно изъ прочихъ млекопитающихъ этого острова не водится на Батчіанѣ, то я склоненъ допустить, что павіанъ былъ случайно завезенъ сюда малайцами, которые часто берутъ съ собою ручныхъ обезьянъ и другихъ животныхъ. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что на Гилоло, отдѣленномъ отъ Батчіана весьма узкимъ проливомъ, обезьяны не водятся. Это завезеніе должно было произойти весьма недавно, потому что на плодородномъ и незаселенномъ островѣ, обезьяны должны были размножиться чрезвычайно сильно. Единственными млекопитающими, которыхъ мнѣ удалось пріобрѣсти, кромѣ павіана были восточный опоссумъ, описанный др. Грейемъ подъ именемъ Cuscus ornatus; маленькій летучій опоссумъ, Belideus ariel; цибетовая вивера, Viverra zibetha и девять видовъ летучихъ мышей, изъ коихъ значительная часть маленькихъ были пойманы посредствомъ сѣтки для бабочекъ, когда онѣ въ сумерки летали мимо моего дома.

Послѣ многократнаго откладыванія, отъѣзда, по причинѣ дурной погоды и болѣзни одного изъ моихъ людей, я собрался наконецъ посѣтить Кассероту (бывшую прежде самой населенной деревней), расположенную на маленькомъ ручьѣ на островкѣ, лежащемъ близъ сѣвернаго берега Батчіана. Здѣсь, какъ мнѣ разсказывали, можно было найти многихъ рѣдкихъ птицъ. Нашъ ботъ былъ уже нагруженъ, и все было готово къ отплытію, когда поднялся трехдневный шквалъ, воспрепятствовавшій нашему отъѣзду, и только 21-го марта намъ удалось двинуться въ путь. На другой день рано утромъ мы вошли въ устье маленькой рѣки, а черезъ часъ достигли султанскаго дома, который мнѣ позволено было занять. Оно стоялъ на берегу рѣки среди лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько самыхъ высокихъ и граціозныхъ кокосовыхъ пальмъ, которыя мнѣ только доводилось видѣть. Почти весь день шелъ дождь, такъ что я могъ только выгрузить свои вещи. Къ полудню погода прояснилась и я попробовалъ произвести осмотръ нѣкоторыхъ мѣстъ, но увидѣлъ, что единственная дорога обратилась въ грязную топь, по которой почти невозможно было ходить, а окрестный лѣсъ былъ такъ сыръ и мраченъ, что не предвѣщалъ богатаго сбора насѣкомыхъ. Мнѣ разсказали также, что здѣшніе жители не вырубаютъ лѣса, живя исключительно саго, плодами, рыбою и дичью; дорога же шла только къ крутой скалистой горѣ, столь же безплодной и недоступной. На другой день я послалъ своихъ охотниковъ къ этой горѣ, въ надеждѣ пріобрѣсти какихъ либо хорошихъ птицъ, но они принесли съ собою всего два обыкновенныхъ вида, и я самъ не могъ ничего поймать, потому что кажется маленькая тропинка, по которой я пробовалъ идти, вела къ густому саговому болоту. Я увидѣлъ, что буду здѣсь понапрасну терять время и рѣшился поэтому уѣхать на другой день.

Это одно изъ тѣхъ, непонятныхъ для европейца, мѣстъ, въ которыхъ, не смотря на всю роскошь тропической растительности и даже, быть можетъ, именно по причинѣ этой роскоши, насѣкомыя столь же рѣдки, какъ и въ самой безплодной части Европы и едва ли превосходятъ ихъ красотою. Въ умѣренныхъ климатахъ замѣчается равномѣрность въ распредѣленіи насѣкомыхъ въ мѣстахъ, покрытыхъ одинаковою растительностью; рѣдкость же насѣкомыхъ легко объясняется отсутствіемъ лѣса или видовъ поверхности. Путешественникъ, быстро проѣзжающій по такой странѣ, можетъ сразу выбрать какое либо мѣсто для собиранія насѣкомыхъ, и коллекція его дастъ ему вѣрное понятіе объ энтомологіи страны. Здѣсь же совершенно наоборотъ. Здѣсь хорошее мѣсто для собиранія насѣкомыхъ должно обладать нѣкоторыми необходимыми

свойствами, для отысканія которыхъ необходимо побродить дня два или три по окрестностямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ дѣвственнаго лѣса, какъ напр. въ Гилоло и Сагоэ; въ другихъ нѣтъ дорогъ и просѣкъ, какъ напр. здѣсь. На Батчіанѣ для собиранія насѣкомыхъ всего два хорошихъ мѣста: дорога къ каменно-угольнымъ копямъ и новая просѣка, вырубленная жителями Томора; изъ нихъ послѣднее гораздо лучше перваго.

По моему мнѣнію этотъ фактъ объясняется слѣдующимъ образомъ: насѣкомыя распредѣляются равномѣрно по совершенно нетронутому лѣсу, при чемъ на каждое данное мѣсто ихъ приходится такъ мало, что ихъ совершенно безполезно отыскивать. Если вырубается весь лѣсъ, то почти всѣ насѣкомыя исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ; если же вырублены лишь незначительныя просѣки и прогалины, то поваленныя деревья на различныхъ степеняхъ высушиванія и разложенія, гніющія листья, отстающая кора и грибы, которыми они покрываются, а также и цвѣты, развивающіеся роскошнѣе при большемъ доступѣ свѣта, все это привлекаетъ сюда насѣкомыхъ на нѣсколько миль въ окружности и производитъ удивительное скопленіе видовъ и особей. Когда энтомологу удается открыть такое мѣсто, то въ одинъ мѣсяцъ онъ можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ въ цѣлый годъ безпрерывныхъ поисковъ въ глубинѣ дѣвственнаго лѣса.

На другой день рано утромъ мы двинулись въ путь и черезъ часъ времемени достигли устья рѣки. Она течетъ среди совершенно ровной наносной поляны, но при устьѣ къ ней подступаютъ холмы. На низменныхъ частяхъ, которыя должны заливаться соленой водой во время сильныхъ приливовъ, растутъ красивые древовидные папоротники отъ восьми до пятнадцати футовъ высотою. Обыкновенно ихъ причисляютъ къ горнымъ растеніямъ и полагаютъ, что на экваторѣ они рѣдко растутъ ниже двухъ тысячъ футовъ. На Борнео, на Аруанскихъ островахъ и на берегахъ Амазонки я видѣлъ ихъ на высотѣ морского уровня и думаю поэтому, что мнѣніе о необходимомъ для нихъ возвышеніи возникло изъ наблюденія тѣхъ странъ, въ которыхъ низменности хорошо обработаны и поэтому въ нихъ исчезла большая часть природной растительности. Такъ бываетъ на большей части Явы, Индіи, Ямайки и Бразиліи, въ которыхъ всего болѣе изслѣдовали тропическую растительность.

Выйдя въ открытое море, мы повернули на сѣверъ и послѣ двухчасоваго пути достигли нѣсколькихъ хижинъ, называемыхъ Лангунди, занятыхъ нѣсколькими галельцами, пріѣхавшими сюда для собиранія дамаровой сосны, изъ которой они дѣлаютъ факелы для продажи на тер-

натскомъ рынкѣ. За деревнею, отступя ярдовъ на сто, поднимался довольно крутой холмъ, по которому, какъ я убѣдился послѣ краткаго осмотра, поднималась порядочная тропинка; поэтому я рѣшился постоять здѣсь нѣсколько дней. Насупротивъ насъ вдоль всего этого берега Батчіана тянется цѣпь прекрасныхъ, совершенно необитаемыхъ острововъ. Кого бы я ни спрашивалъ, почему на нихъ не живутъ, мнѣ всегда отвѣчали «изъ страха пиратовъ». Ежегодно эти бичи архипелага бродятъ въ томъ или другомъ направленіи, назначая сборнымъ пунктомъ какой либо необитаемый островъ и опустошая всѣ маленькія деревеньки вокругъ; они жгутъ, грабятъ, убиваютъ или полонятъ все, что ни встрѣтится имъ на пути. Ихъ длинныя, хорошо управляемыя прау (лодки) убѣгаютъ отъ всякаго паруснаго судна, поворачивая прямо противъ вѣтра и пуская въ дѣло весла; съ другой стороны предостерегающій дымъ пароходовъ въ большей части случаевъ даетъ имъ возможность скрыться въ какую либо мелкую бухту, узкую рѣчку или поросшій лѣсомъ островокъ и выждать пока минуетъ опасность. Единственнымъ средствомъ противъ нихъ было бы нападеніе на ихъ укрѣпленія и деревни съ цѣлью принудить ихъ отказаться отъ пиратства и подчиниться строгому надзору. Сэръ Джемсъ Брукъ сдѣлалъ это относительно пиратовъ сѣверо-западнаго берега Борнео и заслужилъ благодарность всего населенія Архипелага за освобожденіе ихъ отъ половины ихъ враговъ.

Весь берегъ покрытъ въ этомъ мѣстѣ, равно какъ и прилегающія къ нему низменности, прекрасными образчиками пандановыхъ деревьевъ. Нѣкоторые похожи на громадные, вѣтвистые канделябры въ сорокъ или пятьдесятъ футовъ высотою, оканчивающіеся на каждой вѣткѣ пучкомъ огромныхъ мечевидныхъ листьевъ, въ шесть или восемь дюймовъ шириною и въ нѣсколько ярдовъ длиною. Другіе имѣютъ одинъ безлистый стебель въ шесть или семь футовъ высотою, на вершинѣ котораго расположены спирально листья, несущіе единственный плодъ, величиною съ лебединое яйцо. Третьи, занимающіе по величинѣ середину между первыми, производятъ неправильные грозды большихъ красныхъ плодовъ, и всѣ имѣютъ болѣе или менѣе остроконечные листья и кольчатые стволы. Молодыя растенія крупныхъ видовъ покрыты гладкими блестящими листьями, достигающими иногда десяти футовъ въ длину и восьми дюймовъ въ ширину, которые употребляются на всемъ Молуккскомъ архипелагѣ и въ Новой Гвинеѣ для плетенія «кокоіа», или рогожъ для спанья, часто весьма красиво отдѣланныхъ цвѣтными узорами. Нѣсколько повыше холмъ былъ покрытъ огромными деревьями, между которыми бы-

*

ло особенно много хвойныхъ, изъ которыхъ добывается смола называемая даммаромъ (Dammara sp.). Жители маленькихъ батчіанскихъ деревень занимаются исключительно собираніемъ этой смолы, которую они затѣмъ толкутъ и набиваютъ въ трубку изъ пальмовыхъ листьевъ около ярда длиною. Эти факелы служатъ единственнымъ искусственнымъ освѣщеніемъ для многихъ туземцевъ. Иногда даммаръ скопляется большими массами, фунтовъ въ десять или двѣнадцать, на стволѣ или въ землѣ у основанія дерева. Но наиболѣе замѣчательныя изъ деревьевъ растущихъ въ этомъ лѣсу, суть особаго вида фиговыя, воздушные корни которыхъ образуютъ конусъ футовъ во сто высотою, надъ вершиной котораго тотчасъ начинаются развѣтвленія дерева, поэтому въ сущности, ствола вовсе нѣтъ. Этотъ конусъ, или пирамида, состоитъ изъ корней всевозможныхъ размѣровъ, идущихъ большею частью по прямой линіи, но нѣсколько облически, такъ что они переплетаются между собой и, соединяясь сверхъ того боковыми отростками, идущими отъ одного къ другому, эти корни образуютъ густую и запутанную сѣть, которую можно изобразить только при помощи фотографіи. Канаріи, орѣхи которыхъ имѣютъ весьма пріятный запахъ и даютъ превосходное масло, также находятся въ изобиліи. Мясистый внѣшній покровъ этихъ орѣховъ составляетъ любимую пищу большого зеленаго голубя, живущаго въ этихъ лѣсахъ (Carpophaga pespicillaha) и постоянно наполняющаго ихъ своимъ рѣзкимъ крикомъ и тяжелымъ хлопаньемъ крыльевъ.

Простоявши десять дней въ Лангунди, я убѣдился въ невозможности пріобрѣсти птицу, которую я главнымъ образомъ искалъ, (голубь Nicobar, или новый, родственный ему видъ); кромѣ того не попадалось вовсе новыхъ птицъ и очень мало насѣкомыхъ, поэтому утромъ 1-го апрѣля мы покинули Лангунди и вечеромъ того же дня вошли въ устье рѣки, протекавшей по самому острову Батчіану (Лангунди, какъ и Кассерота, стоитъ на отдѣльномъ островкѣ). На берегу рѣки стояла маленькая деревня, въ которой жило нѣсколько малайцевъ и галельцевъ, воздѣлывавшихъ обширныя рисовыя и платановыя поля, расположенныя вокругъ. Здѣсь мы нашли хорошій домъ у берега рѣки съ свѣжей и чистой водою, хозяинъ котораго, почтенный батчіанскій малаецъ, предоставлялъ въ мое распоряженіе, если я пожелаю остаться, спальню и навѣсъ. Видя лѣсъ вокругъ, я принялъ его предложеніе и на слѣдующее утро отправился передъ завтракомъ произвести краткій осмотръ. Я возвратился съ нѣсколькими интересными насѣкомыми, пойманными у опушки.

Впослѣдствіи я нашелъ тропинку, которая на протяженіи мили или

болѣе шла по прекрасному лѣсу, отличавшемуся такимъ изобиліемъ пальмъ, какого я не встрѣчалъ еще на молуккскихъ островахъ. Одна изъ нихъ особенно привлекала мое вниманіе своимъ изяществомъ. Стволъ былъ не толще моей руки, а между тѣмъ былъ очень высокъ и имѣлъ на себѣ грозды ярко-красныхъ плодовъ. Это былъ, повидимому, одинъ изъ видовъ арековыхъ. Другая пальма, достигавшая огромной высоты, весьма сильно походила на южно-американскія Euterpes. Здѣсь расла также вѣеро-листая пальма, изъ листьевъ которой, маленькихъ и почти цѣльныхъ, приготовляются трубки для факеловъ и ведра, находящіяся во всеобщемъ употребленіи. Втеченіи этой экскурсіи я видѣлъ около двѣнадцати различныхъ видовъ пальмъ, равно какъ и два или три вида пандановыхъ, отличныхъ отъ растущихъ близъ Лангунди. Попадались также весьма красивые вьющіеся папортники и настоящіе дикіе платаны (Musa) съ съѣдобными плодами, немного поменьше большого пальца, состоящими изъ множества сѣмянъ, обросшихъ мякотью и покрытыхъ кожею. Жители увѣряли меня, что они пробовали сѣять и воздѣлывать этотъ видъ, но не могли улучшить его. Вѣроятно, они посѣяли ихъ въ недостаточномъ количествѣ и продолжали опытъ недостаточно долго.

Батчіанъ, быть можетъ, вознаградитъ труды ботаника лучше всякаго другого острова во всемъ архипелагѣ. Онъ отличается разнообразіемъ почвы и поверхности, изобиліемъ большихъ и малыхъ ручьевъ, изъ коихъ многіе судоходны на нѣкоторомъ протяженіи, сверхъ того каждый пунктъ его можно посѣщать безопасно, потому что на немъ нѣтъ дикихъ жителей. На Батчіанѣ встрѣчается золото, мѣдь и каменный уголь, теплые ключи и гейзеры, осадочныя и вулканическія породы, коралловые известняки и аллювіальныя низменности, крутые холмы и высокія горы, влажный климатъ и роскошная лѣсная растительность.

Втеченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною здѣсь, я поймалъ нѣсколько новыхъ насѣкомыхъ, но почти ни одной птицы. Птицы и бабочки здѣсь, дѣйствительно, замѣчательно рѣдки. Можно ходить цѣлый день и встрѣтить не болѣе трехъ видовъ тѣхъ и другихъ. Во всемъ, кромѣ жуковъ, эти восточные острова отличаются скудостью сравнительно съ западными (Явою, Борнео и др.) и, тѣмъ паче, сравнительно съ лѣсами южной Америки, гдѣ ежедневно можно ловить двадцать или тридцать видовъ бабочекъ, а въ очень хорошій день даже до ста, чего здѣсь не удается сдѣлать втеченіи цѣлаго мѣсяца безустанныхъ поисковъ. Такая же разница замѣчается и относительно птицъ. Въ большей части тропической Америки мы всегда можемъ

встрѣтить нѣсколько видовъ дятловъ, танагровъ, сорокопутовъ, зубчатоклювыхъ, сурукуа (Trogon), тукановъ, кукушекъ, тирановъ мухолововъ, и втеченіи нѣсколькихъ дней можно, при усердныхъ поискахъ, собрать больше птицъ, чѣмъ сколько встрѣтишь здѣсь втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Однако при всей бѣдности видами и индивидуумами, почти въ каждомъ классѣ и порядкѣ находятся одинъ или два вида, такой необычайной красоты или оригинальности, что могутъ соперничать и даже превзойти все, что дается даже южной Америкою.

Однажды, занимаясь своими насѣкомыми и будучи окруженъ толпою удивленныхъ зрителей, я показалъ одному изъ нихъ маленькое насѣкомое въ лупу. Удивленіе его выразилось такъ ясно, что всѣ пожелали посмотрѣть въ лупу. Я прикрѣпилъ стекло къ куску мягкаго дерева, подставилъ подъ нее маленькаго жучка изъ вида Hispa и пустилъ приборъ по рукамъ. Впечатлѣніе было огромное Нѣкоторые объявили, что жукъ величиною въ футъ; другіе пугались и сейчасъ же роняли приборъ, всѣ были изумлены до крайности и шумѣли какъ дѣти при видѣ маріонетокъ или волшебнаго фонаря. И все это возбужденіе было произведено маленькою карманною лупою, съ фокуснымъ разстояніемъ въ полтора дюйма, которая слѣдовательно увеличивала всего раза въ четыре, но для неопытнаго глаза дикарей казалось, что предметъ увеличивался разъ во сто.

Въ послѣдній день моего пребыванія здѣсь одному изъ моихъ охотниковъ удалось встрѣтить и застрѣлить прелестнаго никобарскаго голубя, котораго я такъ долго искалъ. Ни одинъ изъ жителей не видалъ его, что показываетъ его рѣдкость и пугливость. Мой экземпляръ былъ самкою въ отличномъ видѣ. Ея блестящія мѣдно-красныя и зеленыя перья, бѣлоснѣжный хвостъ и красивый висячій ошейникъ, возбуждали всеобщее восхищеніе. Впослѣдствіи я пріобрѣлъ еще одинъ экземпляръ въ Новой Гвинеѣ и видѣлъ еще разъ этого голубя на островахъ Каіойа. Онъ встрѣчается также на нѣкоторыхъ изъ маленькихъ островковъ, окружающихъ Макассаръ и Борнео и на Никобарскихъ островахъ, отъ которыхъ и происходитъ его названіе. Это тяжелая мясистая птица, проводящая свою жизнь на землѣ и только спящая на деревьяхъ. Легко понять, что подобныя привычки обусловливаютъ ея полнѣйшее отсутствіе на большихъ западныхъ островахъ и распространеніе на маленькихъ островкахъ восточной половины архипелага; проводя жизнь на землѣ, она подвергается нападенію плотоядныхъ четвероногихъ, которыя не водятся на очень мелкихъ островахъ. Однако ея широкое распространеніе по всему архипелагу, отъ крайней восточной и до западной

границы, кажется весьма удивительнымъ, такъ какъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ хищныхъ, ни одна изъ сухопутныхъ птицъ не распространена на такомъ обширномъ пространствѣ. Всѣ птицы, проводящія свою жизнь на землѣ, обыкновенно дурно летаютъ, а никобарскій голубь до такой степени великъ и тяжелъ, что съ перваго взгляда кажется неспособнымъ пролетѣть даже милю. Однако болѣе внимательный осмотръ показываетъ, что крылья его замѣчательно велики,—быть можетъ, сравнительно съ его величиною больше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ голубей, грудные же мускулы его чрезвычайно сильно развиты. Фактъ, сообщенный мнѣ сыномъ друга моего м-ра Дювенбодена, показываетъ, что соотвѣтственно этимъ особенностямъ строенія никобарскій голубь можетъ пролетать обширныя пространства. Г. Дивенбоденъ построилъ маслобойню на маленькомъ коралловомъ островѣ, расположенномъ на сѣверъ отъ Новой Гвинеи, въ разстояніи ста миль отъ открытаго моря. Годъ спустя послѣ занятія острова и изслѣдованія его по всѣмъ направленіямъ, сынъ его посѣтилъ островъ. Какъ разъ въ ту минуту когда шкуна бросала якорь, птица, летѣвшая съ юга и выбившаяся изъ силъ упала въ воду, не достигнувъ берега. За нею была послана лодка и оказалось, что это былъ никобарскій голубь, который долженъ былъ изъ Новой Гвинеи пролетѣть сто миль, потому что до того времени на островѣ не водилось этой птицы.

Никобарскій голубь представляетъ весьма любопытный примѣръ приспособленія организма къ необыкновеннымъ и исключительнымъ случаямъ. Обыкновенно птица эта не нуждается въ большой летательной способности, потому что живетъ въ лѣсу, питается упавшими плодами и спитъ, подобно прочимъ земляным голубямъ, на низкихъ деревьяхъ. Поэтому большинству индивидуумовъ никогда не приходится вполнѣ пользоваться громадною силою крыльевъ, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда они заносятся вѣтромъ въ море или должны эмигрировать вслѣдствіе вторженія какого либо плотояднаго или по причинѣ недостатка въ пищѣ. Здѣсь произошло, повидимому, видоизмѣненіе, обратное тому, которое произвело безкрылыхъ птицъ (безкрылыхъ (Apteryx), казуаровъ и додо). Объясненіе, вѣроятно, такое же, какое предложено Ч. Дарвиномъ для жуковъ Мадейры, изъ конхъ одни совершенно лишены крыльевъ, тогда какъ другіе снабжены болѣе развитыми крыльями, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ виды на континентѣ. Этимъ жукамъ было выгодно или вовсе не летать и не подвергаться вслѣдствіе того риску быть занесенными въ море, или же летать такъ хорошо, чтобы быть въ состояніи вернуться на землю или перелe-

тѣть на континентъ. Летать дурно было опаснѣе, чѣмъ вовсе не умѣть летать. Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что на островѣ, лежащемъ среди открытаго моря далеко отъ всякой земли, какъ напр. Новая Зеландія и Маврикія, было безопаснѣе для земляной птицы не летать вовсе, — короткокрылые индивидуумы должны были выживать и развиться мало по малу въ безкрылыхъ птицъ. Съ другой стороны, въ обширномъ Архипелагѣ, густо усѣянномъ островами и островками, было полезно мочь иногда эмигрировать, поэтому индивидуумы съ большими и сильнѣйшими крыльями могли дольше поддерживать свое существованіе, вытѣснить подъ конецъ всѣхъ прочихъ и распространиться по всему архипелагу.

Единственною новою птицею, которую я пріобрѣлъ въ эту поѣздку, былъ, кромѣ никабарскаго голубя, рѣдкій козодой (Batrachostomus cinnifrons), единственный пока видъ, открытаго на молуккскихъ островахъ, рода. Изъ моихъ насѣкомыхъ лучшимъ была рѣдкая Pieris alma, прекраснаго хромово-желтаго цвѣта, съ черными ободкомъ и замѣчательными бѣлыми усиками, принадлежащая, быть можетъ, къ самымъ красивымъ представителямъ рода; вторымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ было черное, похожее на осу насѣкомое, съ огромными челюстями, какъ у рогача, которое было названо г. Ф. Смитомъ Megachile pluto. Я собралъ около ста совершенно неизвѣстныхъ мнѣ видовъ, но большею частью чрезвычайно мелкихъ, а также много красивыхъ и рѣдкихъ насѣкомыхъ, уже собранныхъ мною на Батчіанѣ. Вообще я былъ доволенъ своей семнадцатидневной экскурсіей, которая, доставляя мнѣ большое удовольствіе, дала возможность познакомиться съ значительною частью острова. Я напялъ помѣстительный ботъ и везъ съ собою маленькій столъ и свой ратановый стулъ. Это было большимъ удобствомъ, потому что съ ними я могъ водвориться немедленно, гдѣ только была крыша, и работать и ѣсть весьма удобно. Если мнѣ не удавалось найти ночлега въ какомъ либо прибрежномъ домикѣ, то я спалъ въ ботѣ, который всегда втаскивался на берегъ, когда намъ нужно было простоять на мѣстѣ нѣсколько дней.

По возвращеніи въ Батчіанъ, я уложилъ свою коллекцію и приготовился возвратиться въ Терпатъ. Прибывши сюда въ первый разъ, я отослалъ назадъ свой ботъ съ кормчимъ и нѣсколькими людьми, которые рады были оказіи. Теперь я воспользовался казеннымъ ботомъ, пришедшимъ только что съ рисомъ для гарнизона. Я испросилъ позволеніе возвратиться на немъ, и 13 апрѣля покинулъ Батчіанъ, на которомъ прожилъ безъ недѣли шесть мѣсяцевъ. Ботъ, на которомъ мы плыли, принад-

лежавшій къ числу такъ называемыхъ «кора-кора», былъ совершенно открытъ, очень мелокъ и тонны въ четыре вмѣстимостью. Онъ былъ снабженъ утлегарями изъ бамбука въ пять футовъ съ каждой стороны, на немъ помѣщалась бамбуковая платформа, простиравшаяся во всю длину судна. На внѣшней сторонѣ послѣдней сидѣло двадцать гребцовъ, внутри же оставался свободный проходъ. Средняя часть бота была прикрыта соломенной крышей, подъ которой располагались пассажиры и складывался багажъ. Верхній край борта поднимаясь не выше фута надъ водою и вслѣдствіе дурного расположенія центра тяжести и общей неуклюжести эти боты весьма опасны въ бурную погоду и часто гибнутъ. Мы неслись на треугольномъ рогожномъ парусѣ, когда вѣтеръ былъ попутный, чего, по обыкновенію, никогда не было, хотя по причинѣ муссона должно было быть. Той воды, которая сохранялась въ нашихъ бамбуковыхъ трубкахъ, могло хватить всего на два дня, путешествіе же продолжалось семь дней, поэтому намъ приходилось нѣсколько разъ пристать къ берегу. Капитанъ не отличался энергичностью, и матросы гребли медленно; на самомъ же дѣлѣ мы могли совершить переѣздъ въ три дня, потому что все время стояла прекрасная погода и дулъ легкій вѣтерокъ.

Кромѣ меня на ботѣ было еще нѣсколько пассажировъ: три или четыре яванскихъ солдата, два каторжника, отбывшихъ свой срокъ (одинъ изъ нихъ былъ, что довольно курьезно, тотъ самый, который укралъ у меня деньги и ключи), жена школьнаго учителя съ горничною, ѣхавшіе въ гости, и китайскій купецъ, ѣхавшій для закупки товаровъ. Намъ приходилось спать всѣмъ вмѣстѣ въ довольно тѣсной каютѣ, но спутники мои весьма любезно очистили мнѣ мѣсто для матрацовъ, и мы сохраняли во всю дорогу самыя дружескія отношенія. На носу была маленькая кухня, въ которой мы могли варить себѣ рисъ и кофе, при чемъ каждый приносилъ, разумѣется, свою собственную провизію и выбиралъ какое угодно время для обѣда. Путешествіе можно было бы назвать пріятнымъ, если бы не ужасные «томъ-томъ», или деревянные барабаны, въ которые безпрерывно колотятъ, пока матросы гребутъ. Два человѣка все время заняты лишь этимъ дѣломъ. Гребцами у насъ туземцы, присланные тернатскимъ султаномъ. Они получаютъ около трехъ пени въ день на своихъ харчахъ. У каждаго есть сундучекъ съ бетелемъ, на которомъ они обыкновенно сидятъ, рогожа для спанья, и одна смѣна платья; гребутъ же они почти нагими, въ одномъ коротенькомъ сарогѣ или кускѣ полотна вокругъ поясницы. Они спятъ на своихъ мѣстахъ, укрывшись рогожами, которыя довольно хорошо защищаютъ отъ дождя.

Они безпрерывно жуютъ бетель или курятъ сигаретки; ѣдятъ сухое саго и немного сухой рыбы; они обыкновенно молчаливы, рѣдко поютъ во время гребли, развѣ когда находятся въ возбужденномъ состояніи и желаютъ поскорѣе пристать къ берегу. Они большею частью малайцы съ прибавкою алфуросовъ изъ Гилоло и папуасовъ изъ Гвебе или Ваигіу.

Однажды послѣ обѣда мы пристали къ острову Макіану, почти всѣ вышли на берегъ и принесли съ собою множество платановъ, банановъ и другихъ плодовъ. Затѣмъ мы проплыли еще немного, и вечеромъ снова бросили якорь. Прежде чѣмъ отправиться спать я потушилъ свѣчку, потому что оставалась еще тусклая лампа; въ это время я уронилъ платокъ и, думая поднять его, опустилъ руку на одинъ изъ своихъ ящиковъ, на которомъ что-то бѣлѣло. Я тотчасъ же отдернулъ руку, почувствовавъ нѣчто холодное и гладкое, пошевелившееся при моемъ прикосновеніи. «Несите скорѣй свѣчу» закричалъ я «здѣсь змѣя». И точно это была змѣя, свернувшаяся клубочкомъ и поднявшая голову, чтобы освѣдомиться, кто обезпокоилъ ее. Необходимо было поймать или убить ее тотчасъ же, потому что въ противномъ случаѣ она могла спрятаться между багажамъ и мы едва-ли спали бы спокойно. Одинъ изъ бывшихъ каторжниковъ вызвался схватить ее рукою, завернувши ее въ холстъ, но по его движеніимъ я замѣтилъ, что онъ взволнованъ и дастъ змѣѣ уйти, поэтому я не далъ ему привести въ исполненіе его намѣренія. Тогда, вооружившись большимъ ножомъ и тщательно отодвинувши сѣтку, которая висѣла какъ разъ надъ змѣею и мѣшала мнѣ свободно двигать ножомъ, я спокойно перерѣзалъ ее, придержавши ножемъ; въ то же время одинъ изъ моихъ мальчиковъ разрубилъ ей голову другимъ ножомъ. Разсматривая потомъ ея голову я нашелъ большіе мѣшечки съ ядомъ. Удивительно, какъ она не укусила меня, когда я дотронулся до нея въ первый разъ.

Полагая совершенно неправдоподобнымъ, чтобы двѣ змѣи попали на ботъ въ одно время, я легъ спать, но, вслѣдствіе смутной боязни прикоснуться рукою къ другой змѣѣ, я лежалъ удивительно смирно и противъ обыкновенія ни разу не повернулся во время сна. На другой день мы прибыли въ Тернатъ, и я отправился въ свой комфортабельный домъ осмотрѣть всѣ свои сокровища и хорошенько упаковать ихъ для отправки домой.

ГЛАВА XXV.

ЦЕРАМЪ, ГОРАМЪ И ОСТРОВА МАТАБЕЛЛО.

Жители Церама.—Голландская система.—Мановолько.—Горамская группа.—Матабелло.—Горамъ.

29-го октября я выѣхалъ изъ Амбойны, намѣреваясь въ первый разъ посѣтить Церамъ. Нѣсколько дней намъ пришлось откладывать поѣздку, потому что никакъ нельзя было собрать всего экипажа. Капитанъ Ванъ-деръ-Бекъ, на ботѣ котораго я долженъ былъ ѣхать, бѣгалъ за людьми весь день, а въ полночь намъ все таки пришлось отыскивать двухъ изъ моихъ людей. Одного мы нашли въ его домѣ, нѣсколько подъ хмѣлькомъ отъ прощальныхъ возліяній, другой же перешелъ на другую сторону бухты, такъ что мы должны были уѣхать безъ него. Мы остановились на нѣсколько часовъ у двухъ деревень, расположенныхъ близъ восточной стороны Амбойны, изъ коихъ въ одной мы выгрузили дрова для дома миссіонеровъ; на третій день послѣ полудня мы достигли плантацій капитана Ванъ-деръ-Бека, расположенныхъ близъ Гатозуа, въ той части Церама, которая лежитъ насупротивъ острова Амбойны. Это была прогалина въ низменномъ и болотистомъ лѣсу, величиною акровъ въ двадцать, засѣянная преимущественно какао и табакомъ. Кромѣ маленькаго котеджа, занимаемаго рабочими, здѣсь былъ обширный сарай для сушки табачныхъ листьевъ, одинъ изъ угловъ котораго былъ предложенъ мнѣ. Предполагая, на основаніи общаго вида этой мѣстности, что она хороша для сбора насѣкомыхъ, я составилъ свою походную кровать, столъ, скамейки и палки и сдѣлалъ всѣ приготовленія для стоянки недѣли на двѣ или на три. Однако нѣсколькихъ дней было достаточно, чтобы показать мнѣ несбыточность моихъ надеждъ. Жуки были еще довольно многочисленны, и я собралъ множество прекрасныхъ длиннорогихъ Anthribidae и красивыхъ дровосѣковъ, но это были большею ча-

стью тѣ же виды, которые я уже пріобрѣлъ втеченіи моего перваго кратковременнаго пребыванія на Амбойнѣ. По лѣсу, который, казалось, былъ весьма бѣденъ птицами и бабочками, проходило весьма мало тропинокъ, и втеченіи цѣлаго ряда дней мои охотники не приносили мнѣ ничего, заслуживающаго вниманія. По этому я сталъ вскорѣ подумывать о перемѣнѣ мѣста, потому что, оставаясь здѣсь, я, очевидно, не могъ составить себѣ понятія о произведеніяхъ почти неизслѣдованнаго острова Церама.

Но я съ сожалѣніемъ покидалъ это мѣсто, потому что мой хозяинъ принадлежалъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ людей и интересныхъ собесѣдниковъ, какихъ я только встрѣчалъ. Онъ былъ родомъ фламандецъ и подобно многимъ своимъ соотечественникамъ обладалъ поразительною способностью къ языкознанію. Будучи еще совершеннымъ юношею, онъ сопровождалъ какого то чиновника, который былъ посланъ для составленія отчета о торговлѣ и въ это время выучился разговорному языку всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ имъ приходилось пробыть нѣсколько недѣль. Впослѣдствіи онъ путешествовалъ въ Петербургъ и въ другія части Европы, въ томъ числѣ пробылъ нѣсколько недѣль въ Лондонѣ и затѣмъ отправился на востокъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ занимался торговлею и промышленностью на разныхъ островахъ. Теперь онъ одинаково хорошо владѣлъ голландскимъ, французскимъ, малайскимъ и яванскимъ языками; по англійски онъ говорилъ съ легкимъ акцентомъ, но совершенно бѣгло и съ полнѣйшимъ знаніемъ жаргоновъ, въ чемъ я напрасно старался сбить его. По нѣмецки и по итальянски онъ также изъяснялся совершенно свободно и еще зналъ кромѣ того ново-греческій, турецкій, русскій и разговорный еврейскій и латинскій. Чтобы показать размѣръ его способности, упомяну, что по торговымъ дѣламъ онъ простоялъ нѣсколько недѣль на отдаленномъ островѣ Самбабо. Такъ какъ я собиралъ словари, то онъ сказалъ мнѣ что можетъ припомнить нѣсколько словъ и продиктовалъ мнѣ значительное количество ихъ. Нѣсколько времени спустя мнѣ попался краткій списокъ словъ, записанныхъ на этомъ островѣ и ни разу они не расходились съ сообщенными мнѣ Ванъ-деръ-Бекомъ. Онъ часто пѣлъ еврейскую застольную пѣсню, выученную имъ отъ нѣсколькихъ евреевъ, съ которыми ему пришлось однажды путешествовать и которыхъ онъ изумилъ, заговоривши съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Въ его памяти сохранялся неистощимый запасъ разсказовъ и анекдотовъ про видѣнные имъ народы.

Въ большей части деревень, расположенныхъ въ этой части Церама,

заведены школы съ учителями туземцами, и жители давно обращены въ христіанство. Въ самыхъ большихъ деревняхъ живутъ европейскіе миссіонеры, но между деревнями христіанъ и алфуросовъ замѣчается мало, или вовсе не замѣчается, различія, равно какъ и между ихъ обитателями, насколько я могъ видѣть. Жители ближе подходятъ къ папуасамъ, чѣмъ жители Гилоло. Они темнѣе цвѣтомъ и многіе изъ нихъ имѣютъ курчавые папуасскіе волосы; черты лица у нихъ болѣе рѣзкія и выдающіяся; женщины же гораздо менѣе привлекательны, чѣмъ у малайцевъ. Капитанъ Ванъ-деръ-Бекъ никогда не уставалъ бранить жителей этихъ христіанскихъ деревень ворами, лгунами, пьяницами и неисправимыми лѣнтяями. На Амбойнѣ друзья мои д-ръ Моникe и д-ръ Долешоль, равно какъ и большинство европейскихъ жителей и купцовъ, упрекали ихъ въ томъ же самомъ и говорили, что охотнѣе взяли бы себѣ въ услуженіе магометанина, даже изъ каторжниковъ, чѣмъ одного изъ туземныхъ христіанъ. Одною изъ важныхъ причинъ этого различія служитъ то обстоятельство, что у магометанъ умѣренность составляетъ часть ихъ религіи и до такой степени входитъ въ привычку, что, практически, никогда не нарушается. Такимъ образомъ у однихъ исчезаетъ важный источникъ нужды и одна изъ побудительныхъ причинъ къ преступленіямъ и лѣности, тогда какъ у другихъ этотъ факторъ остается; кромѣ того, христіане считаютъ себя почти равными европейцамъ, исповѣдующимъ ту же религію, и стоящими гораздо выше послѣдователей ислама и бываютъ поэтому склонны презирать трудъ и стараться жить торговлею или обработкою собственной земли. Едва ли нужно прибавлять, что у народа, стоящаго на такой низкой ступени развитія, религія почти исключительно ограничивается одною обрядностью и что они не понимаютъ христіанскихъ доктринъ и не слѣдуютъ нравственнымъ предписаніямъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, на сколько могу полагаться на мои личныя наблюденія, что лучшіе классы «орангъ-сирани», столь же вѣжливы, обязательны и трудолюбивы, какъ и малайцы, которые превосходятъ ихъ только воздержностью въ употребленіи спиртныхъ напитковъ.

Обратившись къ помощнику губернатора Сапаруа (которому подчинялся въ судебномъ отношеніи противоположный берегъ Церама) съ просьбою снабдить меня ботомъ для продолженія моего путешествія, я получилъ большій ботъ, чѣмъ мнѣ было нужно съ экипажемъ въ двадцать человѣкъ. Мы распрощались съ капитаномъ и на другой день вечеромъ снялись съ якоря и поплыли къ деревнѣ Эльпипути, куда и прибыли черезъ два дня. Я намѣренъ былъ остановиться здѣсь, но мѣсто

мнѣ не понравилось, такъ какъ въ окрестностяхъ не видно было первобытныхъ лѣсовъ, поэтому я рѣшился проплыть еще двѣнадцать миль вдоль бухты Ахаган и высадиться въ недавно выстроенной деревнѣ, занятой нѣсколькими туземцами изъ внутреннихъ частей острова, вокругъ которой были расположены какаовыя плантаціи нѣсколькихъ амбойнскихъ купцовъ. Мы достигли этой деревни (называемой Аваіа) въ тотъ же день, и при помощи м-ра Петерса (управляющаго плантаціями) и туземнаго старшины я получилъ маленькій домикъ, перенесъ всѣ свои вещи въ него и расположился съ своими двадцатью гребцами, изъ коихъ двое чуть не свели меня съ ума своими томъ-томами.

Туземцы находятся еще въ первобытномъ состояніи и ходятъ почти нагишомъ. Мужчины собираютъ свои курчавые волосы въ плоскій узелъ надъ лѣвымъ вискомъ и продѣваютъ въ уши цилидрическія палочки въ палецъ толщиною, концы которыхъ окрашены въ красный цвѣтъ. Браслеты на ногахъ и рукахъ, изъ плетеной травы или серебра, вмѣстѣ съ ожерельями изъ бусъ или маленькихъ плодовъ, составляютъ все ихъ убранство. Женщины носятъ подобныя же украшенія, но только распускаютъ волосы. И тѣ и другіе высокаго роста, темнокоричневаго цвѣта и обладаютъ чисто папуасской физіономіей. Въ деревнѣ есть школьный учитель изъ Амбойны, къ которому каждое утро ходитъ значительное число дѣтей. Жителей, принявшихъ христіанство, легко узнать по распущеннымъ волосамъ, широкимъ шароварамъ и рубашкѣ. Весьма не многіе говорятъ по малайски, потому что всѣ эти прибрежныя деревни недавно основаны туземцами, которые привлечены сюда изъ ихъ недоступныхъ внутреннихъ областей. Во всей внутренней части Церама находится всего одна деревня въ горахъ, имѣющая довольно многочисленное населеніе. На крайнихъ восточныхъ и западныхъ частяхъ находится еще нѣсколько другихъ, остальные же жители Церама всѣ разселились по берегамъ. Въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ они большею частью магометане, въ южныхъ же и западныхъ, близъ Амбойны, они номинально христіане.

Во всѣхъ этихъ частяхъ архипелага голландцы дѣлаютъ, заслуживающія всякой похвалы, усилія улучшить положеніе туземцевъ посредствомъ посылки во всѣ деревни школьныхъ учителей (всѣ они большею частью уроженцы Амбойны или Сапаруа, обученные живущими тамъ миссіонерами) и оспопрививателей изъ туземцевъ, для предупрежденія страшныхъ опустошеній производимыхъ этою болѣзнью. Они также поощряютъ переселеніе европейцевъ и заведеніе новыхъ кофейныхъ и какаовыхъ плантацій, служащихъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для улучше-

нія быта туземцевъ, которые могутъ имѣть на нихъ выгодную работу и школу для знакомства съ европейскими нравами и обычаями.

Коллекція моя увеличивалась здѣсь не быстрѣе, чѣмъ на предшествовавшей стоянкѣ, впрочемъ бабочки встрѣчались чаще, и нѣкоторые изъ видовъ можно по утрамъ ловить на взморьѣ руками, такъ онѣ тихо сидятъ на мокромъ песку. Такимъ способомъ дѣти наловили мнѣ много красивыхъ экземпляровъ. Жуки же были рѣдки, а птицы еще рѣже и я начиналъ думать, что прекрасные виды, которые, какъ я часто слыхалъ, встрѣчаются на Церамѣ, должны водиться только на восточной оконечности острова.

На сѣверъ, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ насъ, расположена у входа въ Амагайскую бухту деревня Макарики, отъ которой поперегъ острова идетъ дорога къ сѣверному берегу. Другъ мой м-ръ Розенбергъ, съ которымъ я познакомился въ Новой Гвинеѣ, и который былъ въ настоящее время начальникомъ надъ всею этою частью Церама, возвратился изъ Вагаи на четвертой недѣлѣ послѣ моего пріѣзда сюда и показалъ мнѣ нѣсколько красивыхъ бабочекъ, пойманныхъ имъ въ горахъ по берегамъ ручьевъ. Онъ указалъ мѣсто близъ центра острова, гдѣ, по его мнѣнію, я могу съ пользою пробыть нѣсколько дней. Поэтому на другой день я посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ Макарики и онъ приказалъ старшинѣ дать мнѣ людей для переноски моего багажа и сопровожденія меня въ путешествіи. Такъ какъ жителямъ хотѣлось быть дома въ день Рождества, то слѣдовало отправляться какъ можно скорѣе; поэтому мы условились двинуться въ путь черезъ два дня и я возвратился, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія.

Я взялъ съ собою наименьшее количество багажа для шестидневной поѣздки, и утромъ 18-го декабря покинулъ Макарики, въ сопровожденіи шести человѣкъ, несшихъ мой багажъ и свою провизію, и мальчика изъ Аваіи, который привыкъ ловить для меня бабочекъ. Двухъ своихъ амбойнскихъ охотниковъ я оставилъ дома, наказавши имъ стрѣлять въ мое отсутствіе какихъ могутъ птицъ и приготовлять ихъ шкурки. Выйдя изъ деревни, мы сперва быстро шли втеченіи часа по густому и перепутанному подлѣсью, всему измокшему отъ дождя, шедшаго ночь и покрытому грязными лужами. Перейдя черезъ нѣсколько маленькихъ ручейковъ, мы подошли къ самой большой изъ церамскихъ рѣкъ, Руатану, чрезъ которую намъ нужно было переправиться. Она была глубока и быстра. Сперва перенесли по частямъ мой багажъ на головахъ, потому что вода подходила лишь подъ мышки, затѣмъ двое возвратились, чтобы помочь мнѣ перейти. Вода была мнѣ по грудь и текла столь быстро,

что навѣрно я былъ бы унесенъ, если бы вздумалъ переправляться одинъ. Меня крайне удивляло, что мои спутники могутъ еще поддерживать меня, тогда какъ мнѣ самому стоило величайшихъ усилій снова поставить на землю, разъ поднятую, ногу. Безъ сомнѣнія, бо́льшая сила и цѣпкость ихъ ногъ, слѣдствіе постояннаго хожденія босикомъ, даютъ имъ возможность удерживаться на этой быстринѣ.

Хорошенько выжавши наше мокрое платье, мы снова надѣли его и пошли далѣе по такой же узкой лѣсной тропинкѣ, покрытой гніющими листьями и поваленными деревьями, а въ болѣе открытыхъ мѣстахъ поросшей густою переплетенной растительностью. Черезъ часъ мы пришли къ меньшему ручью, протекавшему по гравіевому руслу, чрезъ который намъ также нужно было переправиться. Здѣсь мы остановились на полъ часа позавтракать и затѣмъ пошли далѣе, постоянно переходя чрезъ ручей или идя по его гравіевымъ берегамъ, пока наконецъ къ полудню онъ не сдѣлался скалистымъ и стѣсненнымъ низкими холмами. Нѣсколько далѣе мы вошли въ настоящую горную лощину и должны были карабкаться на скалы, безпрерывно переходить чрезъ ручьи или перерѣзывать лѣсъ. Это было очень утомительно. Часа въ три пополудни небо заволоклось черными тучами, громъ и молнія указали приближеніе грозы, поэтому намъ нужно было похлопотать о пристанищѣ, и мы вскорѣ достигли до одного изъ старыхъ домиковъ м-ра Розенберга, построенныхъ близъ дороги съ этою цѣлью. Остовъ этой маленькой лачуги сохранился, и едва только люди мои успѣли наскоро набрать крышу изъ пальмовыхъ листьевъ, какъ полилъ дождь. Багажъ былъ закрытъ листьями, а люди укрывались, какъ могли, пока не прошла гроза; но втеченіи ея вода въ рѣкѣ такъ сильно поднялась, что мы не могли бы продолжать свой путь, если бы даже хотѣли. Поэтому мы зажгли костры; я заварилъ себѣ кофе, а спутники свои изжарили свои платаны и рыбу; когда же стемнѣло, мы сколько возможно удобнѣе устроилось для ночлега.

Поднявшись на другой день въ шесть часовъ, мы должны были пройти еще три часа по такому же пути, при чемъ перешли черезъ рѣку по крайней мѣрѣ тридцать разъ; вода доходила обыкновенно до колѣнъ. По прошествіи этихъ трехъ часовъ мы пришли къ мѣсту, у котораго дорога отходитъ отъ ручья и остановились здѣсь позавтракать. Затѣмъ намъ пришлось идти по довольно порядочной горной тропинкѣ, поднимавшейся иногда до потуторы тысячи футовъ надъ поверхностью моря. Здѣсь я замѣтилъ одинъ изъ самыхъ мелкихъ и изящныхъ видовъ древовидныхъ папоротниковъ, какіе я когда либо видѣлъ. Стволъ его немного толще большого пальца, но достигаетъ пятнадцати и даже двадцати

футовъ въ высоту. Я поймалъ также новую бабочку изъ вида Pieris и прекрасную самку вида Papilio gambrisius, изъ котораго я имѣлъ только самцовъ, уступающихъ самкамъ по величинѣ и совершенно иначе окрашенныхъ. Спустившись по весьма крутой тропинкѣ съ противоположнаго ската горы, мы пришли къ другой рѣкѣ, протекавшей здѣсь почти черезъ центръ острова, гдѣ мы должны были простоять нѣсколько дней. Часа черезъ два люди мои построили мнѣ маленькій домикъ, футовъ въ восемь длиною при четырехъ ширины, со скамейкою изъ расколотыхъ бревенъ. Сами они поселились въ двухъ или трехъ другихъ, оставшихся здѣсь отъ прежнихъ путешественниковъ.

Рѣка, достигавшая въ этомъ мѣстѣ до двадцати ярдовъ въ ширину, протекала по булыжниковому или скалистому руслу, окаймленному крутыми холмами, отъ подошвы которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирались къ берегу рѣки болотистыя полосы. Вся страна представлялась однимъ густымъ, нетронутымъ и весьма влажнымъ и мрачнымъ первобытнымъ лѣсомъ. Какъ разъ у мѣста нашей стоянки, посреди рѣки, было расположено нѣсколько маленькихъ островковъ, покрытыхъ кустарникомъ, вслѣдствіе чего въ лѣсу образовалась прогалинка, дававшая возможность нѣсколькимъ солнечнымъ лучамъ проникнуть въ глубь лѣса. Здѣсь порхало поэтому нѣсколько красивыхъ бабочекъ, изъ коихъ прекраснѣйшую мнѣ не удалось, однако, поймать, и я ее больше не видѣлъ втеченіи моего двухдневнаго пребыванія здѣсь. Я цѣлые два дня бродилъ вдоль ручья, отыскивая бабочекъ, и поймалъ всего пятьдесятъ или шестьдесятъ экземпляровъ, изъ коихъ многіе принадлежали къ совершенно неизвѣстнымъ мнѣ видамъ. Кромѣ того здѣсь было много другихъ, которыхъ я только видѣлъ, но не могъ поймать, что заставляло меня пожалѣть объ отсутствіи деревни по сосѣдству, въ которой я могъ бы пробыть мѣсяцъ. Рано по утрамъ я отправлялся съ ружьемъ за птицами, а двое изъ моихъ людей все время искали краснаго звѣря, но въ лѣсу мы были одинаково несчастливы и всегда возвращались изъ него съ пустыми руками. Единственною хорошею птицею, которую мы въ немъ видѣли, было амбойнское лори, но они летали такъ высоко, что невозможно было застрѣлить ни одного изъ нихъ; кромѣ лори намъ попадались только большой молуккскій носорогъ, котораго мнѣ не было нужно. Я не видѣлъ ни одного земляного дрозда, ни одной альціоны, ни одного голубя и, по правдѣ, никогда не былъ въ лѣсу, до такой степени необитаемомъ. Даже въ насѣкомыхъ, за исключеніемъ бабочекъ, господствовала такая же скудость. Я надѣялся поймать, какъ на Целебесѣ при подобныхъ же условіяхъ, нѣсколько рѣдкихъ тигровыхъ жуковъ,

но хотя я внимательно искалъ ихъ въ лѣсу, по рѣкѣ и горнымъ ручьямъ, однако мнѣ удалось пріобрѣсти всего два обыкновенныхъ амбойнскихъ вида. Другихъ же жуковъ здѣсь совсѣмъ не было.

Вслѣдствіе постояннаго хожденія по водѣ и по острымъ камнямъ, двѣ пары башмаковъ, которыя я взялъ съ собою, буквально изорвались въ куски и въ послѣдній день мнѣ пришлось съ большою болью ходить въ чулкахъ, такъ что я вернулся домой совершенно искалѣченнымъ. Во все время нашего путешествія въ Макарики и обратно шелъ сильный дождь, такъ что мы возвратились въ Аваію вечеромъ больными и съ совершенно промокшимъ багажемъ. Втеченіи всего моего пребыванія на Церамѣ я сильно страдалъ отъ зудящихъ укушеній маленькаго чуть виднаго inacurus, которые хуже москитовъ, осъ и прочей чумы, потому что отъ нихъ невозможно уберечься. Послѣ же послѣдняго путешествія въ лѣсъ, я былъ покрытъ отъ головы до ногъ воспаленными язвами, которыя, по возвращеніи въ Амбойну, имѣли слѣдствіемъ серьезную болѣзнь, продержавшую меня въ комнатѣ около двухъ мѣсяцевъ—весьма непріятный сувениръ отъ моего перваго посѣщенія Церама, который я покинулъ въ концѣ 1859 года.

Только 24 февраля 1860 года я снова собрался въ путь, намѣреваясь объѣхать всѣ прибрежныя деревни, останавливаясь, гдѣ покажется нужнымъ. Отъ молуккскаго губернатора я имѣлъ письмо, въ которомъ онъ приказывалъ всѣмъ старшинамъ давать мнѣ боты и людей, необходимыхъ для моего путешествія. Первый ботъ перевезъ меня въ два дня въ Амагаію, расположенную на противоположной сторонѣ Амагайской бухты. Амагайскій старшина, удивительное дѣло! не сталъ мѣшкать подъ разными предлогами, но тотчасъ же назначилъ мнѣ ботъ, перегрузилъ на него мои вещи, вечеромъ оснастилъ его и въ ту же ночь набралъ матросовъ, такъ что на слѣдующее же утро въ пять часовъ мы уже двинулись въ путь. Такой энергіи я никогда не видывалъ до сихъ поръ въ туземномъ старшинѣ. Мы приставали на непродолжительное время къ Цепѣ и остановились ночевать у Тамиланы; Цепа состоитъ изъ двухъ магометанскихъ деревень на южномъ берегу Церама. На другой день, къ полудню мы достигли Гоіи, куда долженъ былъ довезти меня мой ботъ. Якорная стоянка расположена въ милѣ разстоянія на востокъ отъ деревни, предъ которой тянутся коралловые рифы, такъ что намъ пришлось ожидать прилива, чтобы переплыть черезъ нихъ и выгрузить багажъ въ странные навильоны изъ гнилого дерева, построенные на берегу для путешественниковъ.

Въ гавани не было бота, который могъ бы свезти всѣ мои вещи, но

хотя двухъ было бы совершенно достаточно, тѣмъ не менѣе раджа настоялъ, чтобы я взялъ четыре. Причина такого желанія заключалась, какъ я узналъ, въ томъ, что подъ его владычествомъ было четыре маленькихъ деревушки и посылая отъ каждой по боту, онъ избѣгалъ трудной задачи, назначить отъ двухъ и освободить двѣ другія. Мнѣ сказали, что въ ближайшей деревнѣ Телули живетъ много алфуросовъ и я могу пріобрѣсть тамъ въ изобиліи лори и другихъ птицъ. Раджа объявилъ мнѣ, что тамъ можно найти черныхъ и желтыхъ лори и черныхъ какаду; но я полагаю, что онъ умышленно лгалъ, чтобы отвезти меня только до этой деревни, а не до слѣдующей, отстоявшей на одинъ день пути, какъ я просилъ его. Здѣсь, какъ и въ большей части прочихъ деревень, у меня просили водки, потому что жители только номинально магометане, ограничивающіе свою религію отвращеніемъ къ свиному мясу и нѣсколькимъ другимъ сортамъ запрещенной пищи. На слѣдующее утро намъ удалось, послѣ большихъ хлопотъ, нагрузить свой багажъ. Путешествіе по глубокой Телульской бухтѣ, окаймленной величественною центральною горною цѣпью, было чрезвычайно пріятно. На каждомъ ботѣ, которые имѣли по шести гребцовъ, развѣвались флаги и раздавался безпрерывный бой въ томъ-томъ, сопровождаемый громкими пѣснями и криками, для поддержанія бодрости гребцовъ. Море было тихо, утро ясно и вся картина казалась чрезвычайно веселою. На пристани насъ ожидалъ орангъ-каіа съ нѣсколькими старшинами, въ роскошныхъ шелковыхъ курткахъ и провелъ меня въ приготовленный для меня домъ, въ которомъ я рѣшился остановиться и посмотрѣть есть ли что либо новое въ окрестностяхъ деревни.

Я прежде всего спросилъ про лори, но получилъ не слишкомъ пріятные отвѣты. Единственными, извѣстными здѣсь, видами были лори съ ошейникомъ и обыкновенныя красныя и зеленыя лори, встрѣчающіяся и въ Амбойнѣ. Черныя лори и какаду были совершенно неизвѣстны. Алфуросы жили въ горахъ на разстояніи пяти или шести дней пути и во всей деревнѣ можно было найти только одну или двѣ живыхъ птицы, да и то весьма обыкновенныхъ. Охотники мои принесли мнѣ всего нѣсколько обыкновенныхъ птицъ и не смотря на прекрасныя горы, роскошный лѣсъ и открытую мѣстность, простиравшуюся миль на сто на востокъ я не могъ найти ни одного новаго насѣкомаго и весьма мало даже изъ совершенно обыкновенныхъ въ Амбойнѣ и восточномъ Церамѣ видовъ. Было, очевидно, безполезно оставаться здѣсь долѣе, поэтому я рѣшился уѣхать, какъ можно скорѣе.

Деревня Телули довольно населена, но весьма грязна и разбросана.

*

Здѣсь саговыя деревья покрываютъ вершины холмовъ, вмѣсто того чтобы расти, какъ обыкновенно бываетъ, на болотистыхъ низменностяхъ; но болѣе внимательный осмотръ убѣждаетъ, что они растутъ въ маленькихъ болотцахъ, образовавшихся въ щеляхъ скалъ, покрывающихъ почву, которыя не пересыхаютъ, благодаря дождямъ и множеству, протекающихъ между ними, ручейковъ. Это саго составляетъ почти единственную пищу туземцевъ, которые ничего не воздѣлываютъ, кромѣ небольшого количества риса и кортофеля. Отсюда происходитъ, какъ объяснено выше, рѣдкость насѣкомыхъ. Орангъ-каіа имѣетъ богатыя одежды, красивыя лампы и иные дорогіе европейскіе предметы роскоши, но питается такъ же бѣдно, какъ и остальные, сагомъ и рыбою.

Пробывши три дня въ этой безплодной мѣстности я покинулъ ее утромъ 6 марта на двухъ такихъ точно ботахъ, на какихъ пріѣхалъ въ Телули. Съ нѣкоторымъ трудомъ я получилъ позволеніе ѣхать на этихъ ботахъ до Тобо, гдѣ мнѣ хотѣлось простоять нѣкоторое время и потому мы ѣхали довольно быстро, перемѣнивши гребцовъ въ деревнѣ Лаіему и прибыли въ Агтіаго во время сильнаго дождя. Мы вытащили боты на берегъ, потому что было много валуновъ и можно было ожидать что ихъ пригонитъ еще больше, если ночью будетъ дуть сильный вѣтеръ. Поужинавши въ домѣ орангъ-каіа и составивши списокъ словъ языка алфуросовъ, живущихъ въ горахъ, я отправился ночевать на ботъ. На слѣдующее утро мы снова пустились въ путь, перемѣнивши матросовъ въ деревнѣ Варенамѣ и въ Гатометенѣ, которыя обѣ не имѣютъ пристани, а окружены валунами, такъ что на берегъ или обратно можно пробраться только вплавь. Близъ Батуассы, первой деревни, принадлежащей раджѣ Тоббо и принадлежащей къ губернаторству Банда, къ которой мы прибыли вечеромъ 1 марта, валуны дѣлались чрезвычайно крупными, по причинѣ сильнаго западнаго вѣтра. Поэтому мы обогнули скалистый мысъ, на которомъ расположена деревня, но увидѣли, что и на другой сторонѣ не лучше. Однако мы должны были высадиться здѣсь. Мы подождали пока туземцы накладывали по берегу, перпендикулярно къ краю его, рядъ бревенъ для втаскиванія бота; потомъ, давши пройти самымъ крупнымъ валунамъ, стали грести какъ можно сильнѣе прямо на эти бревна. Какъ только ботъ прикоснулся къ берегу, весь экипажъ выскочилъ изъ него и, при помощи стоявшихъ на берегу людей, попробовалъ втащить ботъ на берегъ; но рукъ было слишкомъ мало и валуны нѣсколько разъ ударили въ корму. Однако, благодаря отлогости берега, это не произвело ни какого вреда. Другой же ботъ былъ встащенъ совершенно благополучно, потому что за дѣло принялись оба экипажа.

Въ двухъ ближайшихъ селеніяхъ, Тобо и Оссонгъ мы перемѣнили людей; въ послѣднемъ изъ нихъ къ намъ пересѣлъ раджа и сопровождалъ насъ до Кисса-Лота, гдѣ онъ отдалъ въ мое распоряженіе свой домъ. Здѣсь тоже было сильное волненіе, и мы съ трудомъ пристали къ берегу. Въ Амбойнѣ мнѣ говорили, что въ это время года море покойно, но мнѣ нигдѣ не могли дать положительныхъ свѣдѣній о направленіи вѣтровъ и погодѣ мѣстностей, отстоявшихъ на два или на три дня пути. Впрочемъ, кажется, судя по положенію острова Серама (В. Ю. В. и З. С. З.), что во время западнаго муссона здѣсь должно господствовать сильное волненіе, и едва ли есть какая либо покойная пристань на южномъ берегу, такъ что безопасное плаваніе возможно лишь въ восточномъ направленіи; во время же восточнаго муссона, когда я предполагалъ предпринять обратное путешествіе въ Вагай вдоль сѣвернаго берега, я встрѣтилъ бы тѣже затрудненія. Но хотя западный муссонъ производитъ въ бандскомъ морѣ сильное волненіе мы мало пользовались попутнымъ вѣтромъ, такъ какъ, вслѣдствіе многочисленныхъ бухтъ и мысовъ, всю дорогу дулъ юговосточный вѣтеръ, переходившій даже въ восточный, такъ что почти весь путь отъ Амбойны мы прошли на веслахъ. Насъ увѣряли, что при западномъ муссонѣ мы совершимъ легкое и пріятное путешествіе; между тѣмъ вышло совершенно наоборотъ: кромѣ неудобствъ мы ничего не испытали.

Я пробылъ въ Кисса-Лотѣ около четырехъ недѣль, хотя послѣ первыхъ же дней убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія и обратился къ раджѣ съ просьбою дать мнѣ шлюпку и людей для переѣзда на Горамъ. Но, вмѣсто того чтобы дать мнѣ одну изъ находившихся тутъ же шлюпокъ, онъ послалъ за нею въ другое селеніе, отстоявшее на нѣсколько миль отсюда; прибывшая черезъ продолжительное время шлюпка оказалась и неудобною и слишкомъ малою для моего багажа. Мнѣ обѣщали доставить другую черезъ три дня, но цѣлая недѣля прошла въ напрасныхъ ожиданіяхъ и мы должны были обратиться за шлюпкой въ ближайшее селеніе, гдѣ такъ легко было достать ее въ самомъ началѣ. Сначала было нужно привести ее въ порядокъ, потомъ возникли споры между ея хозяиномъ и людьми раджи, такъ что прошло еще десять дней безъ всякой для меня пользы, такъ какъ эта часть Серама совершенно безплодна въ зоологическомъ отношеніи, хотя и отличается богатою растительностію. Явленіе это составляетъ для меня до сихъ поръ загадку; втеченіи мѣсячнаго пребыванія, я встрѣтилъ здѣсь только нѣсколько сухопутныхъ раковинъ.

Наконецъ, 4 апрѣля мы отправились въ путь на небольшомъ суднѣ

въ четыре тонны величиной; мои вещи заняли на немъ такъ много мѣста, что едва можно было отвести уголки для спальни и кухни. Постройка судна носила самый первобытный характеръ и не могла похвастаться даже ни однимъ желѣзнымъ гвоздемъ. Доски были по обыкновенію скрѣплены деревянными гвоздями и тростникомъ. Мачта была сдѣлана изъ бамбука, безъ винтовъ, и съ рогожей вмѣсто паруса; у кормы повѣшены были на тростникѣ два руля, якорь былъ изъ дерева, а канатомъ служилъ длинный и толстый раттангъ. Наша команда состояла изъ четырехъ человѣкъ, для которыхъ было отведено помѣщеніе въ носовой части судна, въ три фута длиною и въ четыре шириною, съ соломенной кровлей, подъ которой они могли отдыхать лишь поочередно. Намъ нужно было проплыть около ста миль, по бурному бандскому морю, волненія котораго бываютъ по временамъ весьма значительны; но къ счастію во время нашего плаванія море было совершенно покойно, такъ что путешествіе было сравнительно комфортабельно.

На второй день мы достигли восточной оконечности Церама, представляющаго группу известковыхъ холмовъ; плывя около острововъ Кваммера и Кеффинга, густо населенныхъ, мы замѣтили небольшой городъ Кильвару, который подымается съ моря на подобіе Венеціи. Дѣйствительно, видъ города крайне оригиналенъ, такъ какъ взорамъ не представляется ни одного клочка земли или мѣстечка, покрытаго растительностію, а видно только большое селеніе, какъ бы плавающее на водѣ. Онъ построенъ на островѣ въ нѣсколько акровъ протяженія, но дома построены такъ плотно другъ къ другу, что суши совершенно незамѣтно для глаза. Городъ ведетъ значительную торговлю, служа складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, производимыхъ въ этихъ моряхъ; въ немъ живутъ много бугисскихъ и серамскихъ купцовъ; своимъ значеніемъ онъ обязанъ близости глубокаго пролива, соединяющаго обширныя мели Серамлота и восточной оконечности Церама. Въ это время дулъ противный (восточный) вѣтеръ и на протяженіи тридцати миль мы должны были грести баграми по коралловымъ отмелямъ Серамлота. Путешествіе наше стало опасно лишь подъ конецъ, потому что, гребя веслами къ Мановолько, самому большому острову изъ Горамской группы, сильное западное теченіе понесло насъ такъ быстро, что одно время я опасался что оно пронесетъ насъ мимо острова; въ такомъ случаѣ положеніе наше стало бы и непріятно и опасно, такъ какъ наступившій восточный вѣтеръ помѣшалъ бы на нѣсколько дней нашему возвращенію, а у насъ воды хватило бы только на день. Въ критическую минуту я далъ людямъ водки, которая значительно подкрѣпила ихъ силы, и мы во время пристали къ берегу.

Когда мы прибыли на Мановолко, раджа находился на противоположномъ островѣ Горамѣ; мы его немедленно увѣдомили о нашемъ прибытіи, а пока намъ отвели для помѣщенія большой сарай. Ночью пріѣхалъ раджа и на другой день былъ у меня съ визитомъ; оказалось, что я его видѣлъ три года тому назадъ на Ару. Онъ встрѣтилъ меня весьма дружески и мы долго съ нимъ бесѣдовали; но когда я попросилъ его дать мнѣ судно и людей для переправы въ Кё, то получилъ весьма неутѣшительный отвѣтъ. Раджи заявилъ, что въ его распоряженіи нѣтъ ни одного судна, такъ какъ всѣ они отправлены или на Кё или на Ару; да если бы и было, то онъ не могъ бы дать мнѣ людей, которые всѣ отправились на торговые промыслы. Онъ все таки обѣщался сдѣлать что возможно, и мнѣ пришлось ждать. Прошло нѣсколько дней, а дѣло не подвигалось впередъ, такъ что въ это время я успѣлъ ознакомиться съ островомъ и его населеніемъ.

Мановолко имѣетъ около пятнадцати миль въ длину и представляетъ не болѣе какъ коралловый рифъ, поднявшійся надъ поверхностію моря. На немъ возвышаются коралловыя скалы, въ двѣсти или триста футовъ вышиною, и во многихъ мѣстахъ совершенно отвѣсныя; скалы эти составляютъ характеристическую черту острова. На вершины этихъ скалъ можно пробраться лишь по тропинкамъ, образуемымъ разсѣлинами; вершины ихъ представляютъ открытую волнообразную мѣстность, на которой жители разводятъ важнѣйшія растенія.

Здѣшнее населеніе—по крайней мѣрѣ главные его представители—принадлежитъ къ болѣе чистой малайской расѣ, чѣмъ магометане Церама; явленіе это можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что во время прибытія на эти небольшіе острова первыхъ поселенцевъ, здѣсь вовсе не было туземныхъ жителей. Въ Церамѣ, альфуросы папуасской расы составляютъ преобладающій типъ, и рѣдко попадаются типичныя малайскія физіономіи; здѣсь же совершенно наоборотъ, и смѣшеніе папуанцевъ съ малайцами и бугиссами произвело весьма красивый типъ. Низшій классъ населенія состоитъ почти исключительно изъ уроженцевъ прилежащихъ острововъ. Они представляютъ красивую расу, съ рѣзкими папуанскими чертами лица, курчавыми волосами и темнымъ цвѣтомъ кожи. Горамскій языкъ употребляется также на восточной оконечности Церама и на прилежащихъ островахъ. Онъ имѣетъ общее сходство съ нарѣчіями Церама, но отличается и особенностями, которыхъ я не встрѣчалъ въ остальныхъ нарѣчіяхъ Архипелага.

Наконецъ мнѣ достали жалкую шлюпку, на которой мнѣ удалось установить лишь самыя необходимыя для меня вещи и выбрать для себя

особый уголокъ. Меня увѣрили, что небольшая шлюпка въ это время года особенно удобна для путешествія. Мы плыли сначала вдоль берега и на слѣдующее утро (11 апрѣля) достигли восточный оконечности острова. Здѣсь сталъ дуть сильный З. Ю. З. вѣтеръ. Качаніе нашей небольшой шлюпки подѣйствовало на меня весьма скверно, такъ что я принужденъ былъ лечь, спокойно ожидая своей участи. Черезъ три или четыре часа мнѣ сказали, что мы почти у цѣли путешествія, но когда часа два спустя я всталъ, то нашелъ что мы находимся на довольно значительномъ разстояніи отъ острововъ Матабелло, такъ какъ намъ мѣшало сильное противное теченіе. Съ наступленіемъ ночи сталъ дуть попутный вѣтеръ, вслѣдствіе чего мы поставили паруса. Затѣмъ наступилъ штиль и мы, смотря по надобности, шли то на веслахъ, то на парусахъ; въ четыре часа утра мы подошли къ селенію Киссивой, сдѣлавъ въ послѣдніе полсутки не болѣе трехъ миль.

На разсвѣтѣ мы очутились въ прекрасной небольшой гавани, образуемой коралловыми рифами, въ которой не страшенъ былъ никакой вѣтеръ. Такъ какъ мы ничего не ѣли съ предъидущаго утра, то расположились на берегу готовить завтракъ; въ полдень мы снова сѣли на шлюпку и поплыли вдоль береговъ двухъ острововъ этой группы, лежащихъ на одной линіи и отдѣляющихся другъ отъ друга узкимъ проливомъ. Оба они состоятъ изъ приподнявшейся надъ поверхностію моря коралловой массы, которая со временемъ снова опустилась, на что указываетъ рифъ, тянущійся вдоль всего берега, отъ котораго находится въ разныхъ мѣстахъ на различномъ разстояніи. При слабомъ волненіи моря рифъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва замѣтенъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ настолько высокъ, что на немъ растутъ небольшіе кустарники. Я въ первый разъ видѣлъ подобный рифъ, представляющій какъ бы ограду, обязанный своимъ происхожденіемъ пониженію берега, какъ это ясно было доказано Дарвиномъ. Въ закрытомъ архипелагѣ рѣдко можно замѣтить подобные рифы, вслѣдствіе отсутствія громадныхъ волнъ и буруновъ, которые обнажаютъ коралловые рифы на значительную вышину; здѣсь же они рѣдко поднимаются до поверхности.

Приставъ къ берегу южнаго острова, по имени Ута, мы ждали здѣсь два дня попутнаго вѣтра для переправы на ближайшій островъ, Теоръ; я началъ терять надежду добраться до Ке и рѣшился возвратиться назадъ. Мы отплыли при южномъ вѣтрѣ, который внезапно превратился въ сѣверо-восточный и заставилъ меня снова повернуть къ югу, такъ какъ я считалъ его признакомъ наступленія благопріятной погоды, которая могла продолжаться нѣсколько дней. Втеченіи часа мы плыли

Рынокъ подъ открытымъ небомъ въ Сурабайѣ.

весьма быстро по направленію къ Теору, но вслѣдъ за тѣмъ вѣтеръ принялъ направленіе на З. Ю. З., такъ что мы сбились съ дороги и къ ночи очутились въ открытомъ морѣ, что навело большой страхъ на людей правившихъ шлюпкой, такъ какъ мы могли цѣлую недѣлю проблуждать въ морѣ, а открытое наше суденышко было такъ нагружено, что почти по края было погружено въ воду; или же мы могли быть выброшены на берегъ Новой Гвинеи, гдѣ, по всей вѣроятности, намъ угрожала вѣрная смерть отъ рукъ туземцевъ. Опасенія моихъ людей были настолько основательны, что я ничего не нашелъ сказать противъ нихъ; хотя направленіе вѣтра и не позволяло намъ предпринять обратный путь, но команда все таки настаивала на возвращеніе, къ счастію около десяти часовъ мы наткнулись на небольшой коралловый островокъ, гдѣ и нашли пріютъ до утра; наступившій за тѣмъ благопріятный вѣтеръ доставилъ насъ обратно на Ута, а вечеромъ (11 апрѣля) мы вернулись на нашу первую стоянку въ Матабелло, гдѣ я рѣшился пробыть нѣсколько дней и затѣмъ возвратиться въ Горамъ. Я съ большимъ сожалѣніемъ отказался отъ поѣздки на Ке и промежуточные острова, гдѣ я надѣялся вознаградить себя за Церамъ, такъ какъ мое кратковременное пребываніе на островахъ Ару доставило мнѣ много рѣдкихъ и красивыхъ насѣкомыхъ.

Жители Матабелло занимаются почти исключительно приготовленіемъ масла изъ кокосовыхъ орѣховъ, которое они сбываютъ бугисскимъ и горамскимъ купцамъ, отправляющимъ его на Банду и Амбойну. Неровная поверхность коралловыхъ скалъ, повидимому, особенно благопріятна для произрастанія кокосовой пальмы, которая растетъ по всему острову, даже на самыхъ высокихъ вершинахъ и приноситъ плоды круглый годъ. Здѣсь растетъ также много орѣховой пальмы, изъ орѣховъ которой приготовляется родъ тѣста, потребляемаго въ большомъ количествѣ малайцами и папуанцами, жующими бетель. Даже дѣти, едва начинающія бѣгать, жуютъ эту отвратительную красную массу; куреніе сигаръ они тоже начинаютъ чуть не съ пеленокъ. Туземцы питаются кокосовыми орѣхами, сладкими пататами, иногда саговымъ печеньемъ, и выбросками, остающимися послѣ выжимки изъ кокосовыхъ орѣховъ масла, извлекаемаго изъ нихъ кипяченіемъ. Послѣдствіемъ такой непитательной и нездоровой пищи бываютъ частыя сыпи и другія накожныя болѣзни, нерѣдко обезображивающія лица дѣтей.

Селенія расположены на высокихъ коралловыхъ пикахъ, къ которымъ ведутъ узкія тропинки, съ переброшенными черезъ пропасти лѣстницами и мостами. Селенія представляютъ въ высшей степени непривлекательный видъ; на каждомъ шагу встрѣчаешь гнилую шелуху и масляныя выжимки;

хижины мрачны и грязны до невѣроятности. Населеніе тоже отличается крайнею неопрятностію, одѣто постоянно въ лохмотья и ведетъ самый жалкій образъ жизни; такъ какъ за водой нужно сходить на берегъ, то здѣсь никто не умывается, между тѣмъ жители весьма зажиточны и могли бы покупать не только все необходимое, но и предметы роскоши. Живности и яицъ здѣсь вдоволь, но ихъ не ѣдятъ, считая употребленіе этой пищи прихотью и сбываютъ ее на сторону. Почти всѣ женщины носятъ въ ушахъ массивныя золотыя кольца; въ каждомъ селеніи попадаются дюжинами небольшія бронзовыя пушки, изъ которыхъ каждая стоитъ среднимъ числомъ около 10 фунтовъ стерлинговъ. Бывшіе у меня въ гостяхъ старшины селеній имѣли на себѣ шелковое и цвѣтное атласное платье, но дома ихъ и вся обыденная обстановка была та же, что и у остальныхъ жителей. Какой контрастъ составляетъ это населеніе съ племенами горныхъ дайяковъ на Борнео и индѣйцами Уапеса въ Южной Америкѣ: тамъ вездѣ чистота и опрятность, хорошая пища, здоровая и красивая наружность. Дѣйствительно, между различными дикими племенами существуютъ такія же рѣзкія различія, какъ и между цивиллизованными народами, и можемъ положительно сказать, что лучшіе представители первыхъ стоятъ гораздо выше низшихъ классовъ послѣднихъ.

На Матабелло приготовляется также пальмовое вино, которое есть ничто иное какъ перебродившій сокъ, извлекаемый изъ цвѣтовыхъ стеблей кокосоваго орѣха. Напитокъ этотъ весьма пріятенъ и болѣе похожъ на сидръ чѣмъ на пиво, хотя имѣетъ такое же опьяняющее свойство какъ и послѣднее. Молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ тоже весьма много, и стоитъ только взлѣсть на дерево, чтобы добыть восхитительный напитокъ. Въ питье употребляется жидкость, наполняющая молодые плоды, прежде чѣмъ успѣетъ затвердѣть сердцевина; въ такихъ орѣхахъ находится болѣе жидкости, и послѣдняя чище и освѣжительнѣе; тонкая оболочка студенистой сердцевины считается особенно вкусною. Жидкость созрѣвшихъ кокосовыхъ орѣховъ никогда не употребляется въ питье, хотя она въ тысячу разъ пріятнѣе жидкости, наполняющей старые сухіе орѣхи, которые только и можно достать у насъ. Сначала мнѣ не нравилась мякоть кокосоваго орѣха; но здѣсь такъ мало плодовъ, за исключеніемъ извѣстныхъ временъ года, что скоро начинаешь довольствоваться и тѣмъ, что есть.

Многіе европейцы того мнѣнія, что самые вкусные плоды изобилуютъ въ тропическихъ лѣсахъ, и безъ сомнѣнія будутъ сильно удивлены, что на этомъ обширномъ и роскошномъ архипелагѣ, растительность котораго

можетъ поспорить съ любою частью свѣта, плодовъ менѣе, чѣмъ на британскихъ островахъ, и по вкусу они хуже нашихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются клубника и малина, но онѣ такъ безвкусны, что ихъ не стоитъ ѣсть; вы здѣсь не встрѣтите ничего, что напомнило бы напримѣръ нашу ежевику; лѣсные орѣхи похожи на наши, но дикія яблоки и сливы, ягоды боярышника, встрѣчающіяся у насъ, здѣсь неизвѣстны. Всѣ прекрасные тропическіе плоды разводятся искусственно, подобно нашимъ яблокамъ, персикамъ и сливамъ; въ дикомъ же видѣ они вообще или безвкусны или и вовсе не съѣдобны.

Жители Матабелло, подобно населенію большей части магометанскихъ селеній восточнаго Церама и Горама, имѣютъ весьма странныя понятія о Крымской войнѣ. Они убѣждены, что русскіе не только были окончательно разбиты турками, но и совершенно покорены ими и обращены въ исламизмъ. Убѣдить ихъ въ противномъ едва ли возможно, точно также какъ и въ томъ, что бѣдный султанъ обязанъ своимъ спасеніемъ помощи Франціи и Англіи. Они убѣждены, что турки—самый многочисленный и сильный народъ въ мірѣ, нѣчто въ родѣ расы исполиновъ, что они потребляютъ громадное количество мяса, и отличаются крайнею свирѣпостью и непобѣдимостью. Откуда у нихъ такія понятія—трудно сказать; остается только предположить, что онѣ занесены къ нимъ возвратившимися изъ Мекки арабскими духовными лицами или хаджами, которые вѣроятно слышали о прежней храбрости турецкихъ полчищъ, заставлявшихъ дрожать въ свое время всю Европу, и полагаютъ, что и по настоящее время они сохранили прежнюю воинственность.

Наступилъ постоянный сѣверо-восточный вѣтеръ и мы возвратились въ Мановолько 25 апрѣля, а день спустя переправились въ Ондоръ, главное селеніе Горама.

Вокругъ этого острова тянется, за немногими перерывами, кольцеобразный коралловый рифъ, въ разстояніи четверти мили отъ берега; въ обыкновенное время онъ представляется въ видѣ блѣдно-зеленой полосы воды, и подымается надъ поверхностью послѣдней только во время сильнаго отлива. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ образуетъ глубокіе каналы и внутри представляетъ спокойную и безопасную стоянку для кораблей. Почва острова постепенно возвышается къ центру, откуда текутъ во всѣ стороны ручьи. Одно существованіе этихъ ручьевъ показываетъ, что островъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не исключительно кораллам, такъ какъ въ противномъ случаѣ вся вода ушла бы черезъ пористую массу, какъ это мы видимъ на Мановолько и Матабелло; наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ руслахъ ручьевъ мы

находимъ камешки, служащіе представителями различныхъ переслоившихся кристаллическихъ породъ. Въ разстояніи ста ярдовъ отъ берега подымается коралловая стѣна, вышиною въ десять или двѣнадцать футовъ; вершина ея представляетъ волнообразную коралловую поверхность, которая понижается по направленію къ внутренней части острова, и затѣмъ снова поднявшись на небольшую высоту, примыкаетъ къ другой коралловой стѣнѣ. Подобныя стѣны встрѣчаются и далѣе, и коралъ попадается на самой высокой части острова.

Такая особенность строенія показываетъ, что до образованія коралла здѣсь находилась суша, которая постепенно понижалась, за небольшими перерывами, во время которыхъ кругомъ успѣли образоваться рифы различной высоты. Слѣдуетъ также предположить, что измѣненія эти произошли въ сравнительно недавнюю эпоху, такъ какъ поверхность коралла почти нисколько не пострадала отъ атмосферическаго вліянія и на поверхности острова до самой его вершины встрѣчаются въ значительномъ количествѣ морскія раковины, совершенно схожія съ тѣми, которыя попадаются на берегу; онѣ сохранили даже цвѣтъ послѣднихъ.

Трудно опредѣлить, составляла ли первоначально Горамская группа часть Новой Гвинеи или Церама; на вопросъ этотъ мало прольютъ свѣта и ея естественныя произведенія, если, согласно моему предположенію, острова окончательно погрузились въ воду еще въ эпоху существующихъ видовъ животныхъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ея настоящая флора и фауна обязаны своимъ происхожденіемъ недавнему переселенію видовъ изъ окружающихъ мѣстностей; незначительное число встрѣчающихся на ней видовъ вполнѣ согласуется съ этимъ предположеніемъ. Она имѣетъ много общаго съ восточнымъ Церамомъ, а также съ островами Ке и Банда. Красивый видъ голубя, Carpophaga Concinna водится на Ке, Бандѣ, Матабелло и Горамѣ; на Церамѣ мѣсто его занимаетъ особый видъ — C. neglecta. Насѣкомыя названныхъ четырехъ острововъ тоже представляютъ много общаго.

Жители Горама, среди которыхъ я пробылъ около мѣсяца, занимаются исключительно торговлей. Каждый годъ они отправляются на Тенимберъ, Ке и острова Ару, а также посѣщаютъ сѣверо-западный берегъ Новой Гвинеи отъ Этаната до Сальватти, и острова Вайгіу и Мизоль. Они бываютъ даже на Тидорѣ и Тернатѣ, Бандѣ и Амбойнѣ. Суда ихъ построены жителями острова Ке, которые ежегодно изготовляютъ ихъ нѣсколько сотъ штукъ большихъ и малыхъ; произведенія этихъ искусныхъ судостроителей отличаются необыкновенною красотою формы и доброкачественностію работы. Они торгуютъ главнымъ образомъ

трепангами, хиной, дикими мушкатными орѣхами и черепашьими покровами, которые они продаютъ промышленникамъ Бугиса въ Серамлотѣ или на Ару; немногіе изъ нихъ посѣщаютъ другіе рынки. Въ другихъ отношеніяхъ они лѣнивы, живутъ бѣдно и въ значительномъ количествѣ потребляютъ опіумъ. Туземныя мануфактурныя произведенія состоятъ исключительно изъ парусовъ, грубой хлопчатобумажной ткани и коробокъ изъ пандана, красивой отдѣлки съ украшеніями изъ раковинъ.

На островѣ Горамѣ, имѣющемъ восемь или десять миль въ длину, живетъ около дюжины раджей, которые мало чѣмъ отличаются отъ остальныхъ жителей и пользуются лишь номинальною властію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда исполняютъ приказанія голландскаго правительства, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, чувствуя за собою поддержку, они дѣйствуютъ рѣшительнѣе. Пріятель мой, раджа Аммера (обыкновенно его зовутъ раджою Горама) сообщилъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до вмѣшательства голландцевъ въ дѣла острова, здѣшняя торговля не отличалась настоящимъ мирнымъ характеромъ вслѣдствіе соперничества судопромышленниковъ, часто сопровождавшихся серьезными стычками. Въ настоящее время, благодаря цивилизованному правительству, ничего подобнаго не бываетъ. Впрочемъ, споры между селеніями продолжаютъ иногда рѣшаться битвой, и разъ мнѣ попались на встрѣчу около пятидесяти человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, пришедшихъ съ другаго конца острова вести переговоры о спорныхъ границахъ и рѣшившихся, въ случаѣ неудачнаго исхода переговоровъ, поддерживать свои права оружіемъ.

Во время пребыванія на Мановолько я купилъ себѣ за сто флориновъ небольшую шлюпку, которая была доставлена мнѣ въ Горамъ, гдѣ находилось нѣсколько мастеровыхъ съ острова Ки, содѣйствіе которыхъ мнѣ было необходимо для приспособленія судна къ требованіямъ моего комфорта.

Приступая къ отдѣлкѣ шлюпки, я долженъ былъ оставить на время мои коллекціи, такъ какъ безъ моего постояннаго надзора работы мало подвинулись бы впередъ. Предполагая совершить на ней продолжительное путешествіе и потому желая устроить ее вполнѣ комфортабельно, я самъ занялся внутренней отдѣлкой шлюпки, при содѣйствіи моихъ амбойнскихъ мальчиковъ. Туземцамъ было въ диковинку видѣть европейца за работой, и потому мнѣ не было отбоя отъ непрошенныхъ зрителей, которые съ изумленіемъ смотрѣли на новыя приспособленія, которыя я сдѣлалъ въ туземномъ ихъ суднѣ. Къ счастію, я захватилъ съ собою

изъ Англіи нѣкоторые инструменты, которые въ настоящее время оказали мнѣ большую услугу, такъ какъ мнѣ пришлось возиться съ тяжелымъ желѣзнымъ деревомъ, на обдѣлку котораго потребовалось бы вдвое болѣе времени, если бы у меня не было превосходныхъ инструментовъ. Къ сожалѣнію мои буравчики оказались слишкомъ малы и мнѣ приходилось раскаленнымъ желѣзомъ дѣлать отверзтія, въ которыя нужно было вколачивать гвозди; процедура эта была въ высшей степени скучна и неудовлетворительна.

Для окончательной отдѣлки купленнаго мною судна я нанялъ пять человѣкъ рабочихъ, которые впослѣдствіи должны были сопровождать меня на Мизоль, Вайгіу и Тернатъ. Но работы ихъ шли крайне вяло, такъ что мнѣ съ ними было не мало возни; на работу являлось обыкновенно не болѣе двухъ, трехъ человѣкъ, да и тѣ старались сократить свой трудъ на половину. Въ то же время они постоянно просили денегъ впередъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ нечего ѣсть. Въ случаѣ исполненія ихъ просьбы я былъ увѣренъ, что они не явятся на слѣдующій день; въ случаѣ же отказа они совершенно переставали работать. Чѣмъ далѣе подвигалась отдѣлка судна, тѣмъ труднѣе было мнѣ сладить съ рабочими. Одинъ заявлялъ мнѣ, что у него на рукахъ дядя, требующій постояннаго ухода; другой, что больная жена не отпускаетъ его изъ дому; третій жаловался на лихорадку и головную боль; четвертый на неумолимаго кредитора, который всюду его преслѣдуетъ. Всѣ они получили мѣсячное жалованье впередъ и хотя израсходованная мною сумма была не велика, но мнѣ необходимо было заставить ихъ возвратить ее назадъ, въ противномъ случаѣ я вовсе не нашелъ бы рабочихъ.

Вслѣдствіе этого я обратился къ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, при посредствѣ которыхъ мнѣ удалось взыскать три четверти выданной мною суммы.

Вскорѣ намъ пришлось убѣдиться, съ какими опасностями сопряжена торговля съ Новой Гвинеей. Въ наше селеніе прибыли въ небольшой лодкѣ шесть человѣкъ, почти умиравшихъ съ голоду, и товарищи которыхъ (8 человѣкъ) были умерщвлены жителями Новой Гвинеи. Они оставили наше селеніе нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и въ числѣ убитыхъ находились сынъ раджи и родственники или рабы остальныхъ обитателей селенія. По полученіи извѣстія о печальномъ исходѣ экспедиціи сосѣди мои предались неописанному горю. Женщины, лишившіяся мужей, братьевъ, сыновей и другихъ менѣе близкихъ родственниковъ, оглашали воздухъ самыми пронзительными криками и воплями, продолжавшимися, за небольшими перерывами, до поздней ночи; и такъ какъ

жилъ въ центрѣ селенія, то положеніе мое нельзя было назвать особенно пріятнымъ.

Мѣстность, гдѣ произошло нападеніе (противъ небольшаго острова Лакая) вообще не пользуется доброю славою. Люди нашего селенія были умерщвлены среди бѣлаго дня, въ то время, какъ они вели торгъ съ папуанцами; остальные спаслись благодаря лишь тому, что находились въ это время на бортѣ судна и успѣли во время спустить лодку въ море.

Вообще юго-западная часть Новой Гвинеи, извѣстная здѣсь подъ названіями «Папуа Ковійе» и «Папуа Оненъ», населена самыми коварными и кровожадными племенами. Экипажи многихъ уже кораблей поплатились здѣсь жизнію, и не проходитъ года безъ новыхъ жертвъ. Сами торговцы Горама и Церама вообще отличаются кроткимъ характеромъ, они хорошо знакомы съ кровожаднымъ характеромъ туземцевъ и стараются не подать имъ никакого повода къ нападенію. Они посѣщаютъ обыкновенно каждый годъ однѣ и тѣ же мѣста, и туземцы неимѣютъ повода питать относительно ихъ тѣхъ опасеній, которые побуждаютъ ихъ нападать на европейцевъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ тою же папуанскою расою, каковы Мизоль, Сальватти, Вайгіу, населеніе усвоило себѣ первыя начатки цивилизаціи, благодаря, вѣроятно, поселившейся среди нихъ колоніи промышленниковъ разныхъ національностей, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего не было слышно о какихъ либо убійствахъ въ этой части Гвинеи. Но на юго-западномъ берегу и на большомъ островѣ Джоби туземцы находятся еще въ состояніи крайняго варварства и пользуются всякимъ случаемъ ограбить или убить пришельцевъ; привычка эта еще болѣе укоренилась въ нихъ вслѣдствіе безнаказанности, которою сопровождаются ихъ преступленія, такъ какъ преступникамъ легко укрыться отъ преслѣдованій въ окружающей ихъ дикой гористой и лѣсистой мѣстности. Въ томъ же самомъ селеніи, четыре года тому назадъ, было умерщвлено болѣе пятидесяти жителей Горама, и такъ какъ дикари овладѣли при этомъ богатою добычею, то слѣдуетъ опасаться и на будущее время повторенія подобныхъ же нападеній, если только промышленники не съумѣютъ какъ слѣдуетъ проучить дикарей. Проучить же ихъ мудрено, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ: не захвативъ напримѣръ хитростью ихъ начальниковъ, которые должны отвѣчать собственными головами за поимку убійцъ. Но подобный образъ дѣйствій совершенно противорѣчитъ системѣ, принятой голландскимъ правительствомъ въ его сношеніяхъ съ туземцами.

Наконецъ моя шлюпка была совершенно готова, я собралъ свой эки-

пажъ и въ назначенный день (27 мая) отплылъ къ великому изумленію населенія Горама, для котораго моя аккуратность была въ диковину. Экипажъ мой состоялъ изъ трехъ человѣкъ и одного мальчика, не считая двухъ молодцовъ, взятыхъ мною съ Амбойны; ихъ было достаточно во время обыкновеннаго плаванія, но нельзя сказать того же въ то время, когда приходилось пускать въ ходъ весла. На слѣдующій день погода стояла весьма дождливая, со шквалами, штилями и противными вѣтрами, такъ что намъ не безъ труда удалось достигнуть Кильвару, метрополіи промышленниковъ бугисовъ на дальнемъ востокѣ. Такъ какъ мнѣ нужно было сдѣлать нѣсколько закупокъ, то я остановился здѣсь на два дня и отправилъ на макассарскомъ суднѣ въ Тернатъ два ящика съ коллекціями, что значительно облегчило нашъ грузъ. Я накупилъ ножей, чашекъ, платковъ, бусъ и другихъ мелочей, для мѣны съ дикарями. По просьбѣ моихъ спутниковъ я запасся и нѣсколькими ружьями, на случай нападенія пиратовъ.

Небольшой островъ Кильвару представляетъ одну песчаную мель и заключаетъ въ себѣ лишь одно небольшое селеніе. Онъ окруженъ коралловыми рифами и представляетъ хорошее убѣжище во время муссоновъ. На немъ встрѣчаются колодцы съ прекрасною водою, не смотря на то, что онъ имѣетъ въ ширину не болѣе 50-ти ярдовъ и возвышается надъ поверхностью моря лишь на три или четыре фута; это странное явленіе указываетъ на существованіе глубокихъ подземныхъ протоковъ, соединяющихъ Кильвару съ другими островами. Благодаря этому удобству и положенію въ центрѣ папуанской торговой мѣстности, онъ часто посѣщается промышленниками бугисами. Сюда жители Горама привозятъ свои произведенія, которыя они обмѣниваютъ на холстъ, саго и опіумъ; съ тою же цѣлію посѣщаютъ его и жители сосѣднихъ острововъ. Онъ служитъ мѣстомъ сбора для судовъ, торгующихъ съ различными частями Новой Гвинеи. Сюда привозятся трепанги, хинная корка, мускатные орѣхи, черепашья кость, жемчугъ и райскія птички. Жители Церама доставляютъ саго. Горамцы пріѣзжаютъ сюда за опіумомъ, который закупаютъ какъ для собственнаго употребленія, такъ и для мѣны съ островами Мизоль и Вайгіу, гдѣ его употребляютъ въ громадномъ количествѣ богатые люди. Шкуны съ острова Бали пріѣзжаютъ сюда для покупки папуанскихъ рабовъ, а бугисы привозятъ изъ далекаго Сингапура произведенія китайскихъ мастерскихъ, а также и издѣлія Ланкашира и Массачусетса.

Одинъ изъ промышленниковъ бугисовъ, прибывшій сюда съ Мизоля за нѣсколько дней передъ тѣмъ, сообщилъ мнѣ новости о моемъ помощни-

кѣ Чарльзѣ Алленѣ, который, по его словамъ, весьма успѣшно пополнялъ свои коллекціи птицъ и насѣкомыхъ, за исключеніемъ райскихъ птицъ, которыхъ въ Силинтѣ, гдѣ онъ находился, не водилось. Получивъ такія удовлетворительныя вѣсти, я возъимѣлъ сильное желаніе поскорѣе соединиться съ моимъ товарищемъ.

Мы покинули Кильвару рано утромъ 1-го іюля; дулъ сильный восточный вѣтеръ, и около полудни мы обогнули Церамскій мысъ, при чемъ намъ пришлось испытать сильную качку, отъ которой очень пострадалъ мой хрупкій грузъ. Такъ какъ погода не обѣщала повидимому ничего хорошаго, то мы укрылись за рифы и стали выжидать перемѣны погоды. Ночь сопровождалась сильными шквалами, отъ которыхъ намъ пришлось много вытерпѣть, не смотря на удачно выбранное мѣсто стоянки; утромъ я сдѣлалъ крайне непріятное для меня открытіе: всѣ мои спутники съ Горама дали тягу, захвативъ съ собою разныя вещи; мы лишены были возможности пристать къ берегу, такъ какъ благодаря бѣглецамъ у насъ не оказалось лодки. Я приказалъ моимъ амбойнцамъ стрѣлять, желая этимъ сигналомъ дать знать на берегъ о моемъ критическомъ положеніи; дѣйствительно намъ скоро выслали лодку, на которой мы и перебрались на берегъ. Я попросилъ старшину селенія послать немедленно людей въ погоню за бѣглецами. Шлюпку мою отвели въ небольшую бухту, гдѣ она была въ совершенной безопасности; въ то же время мнѣ дали помѣщеніе у одного изъ жителей селенія. Такимъ образомъ мнѣ пришлось неожиданнымъ образомъ разочароваться въ надеждѣ, что я преодолѣлъ всѣ главныя препятствія. Такъ какъ я обращался съ своими людьми чрезвычайно ласково и исполнялъ каждое ихъ желаніе, то приписываю ихъ бѣгство лишь тому обстоятельству, что они вовсе не привыкли находиться въ услуженіи у европейца и питали какое то смутное опасеніе относительно моихъ намѣреній. Старшій по лѣтамъ изъ бѣглецовъ былъ страстный воръ; все это было мнѣ извѣстно, но такъ какъ мнѣ предложили его вмѣсто другаго, неисполнившаго своего обѣщанія, и притомъ передъ самымъ отъѣздомъ, когда я не имѣлъ времени сдѣлать выбора, то и принужденъ былъ взять его. Я увѣренъ, что онъ побудилъ и другихъ бѣжать, и такъ какъ бѣглецамъ хорошо была извѣстна мѣстность и притомъ они успѣли далеко уйти, прежде чѣмъ мы ихъ хватились, то мало было надежды на ихъ поимку.

Мы находились въ восточной части Церама, въ мѣстности, гдѣ въ изобиліи растетъ саго, доставляющее пищу населенію большинства сосѣднихъ острововъ; въ теченіи недѣли, которую я провелъ здѣсь, я имѣлъ случай наблюдать весь процессъ саговаго производства и собралъ о немъ

*

нѣсколько интересныхъ статистическихъ данныхъ. Саговое дерево принадлежитъ къ породѣ пальмъ, оно толще и массивнѣе кокосовой пальмы, но обыкновенно ниже послѣдней, и отличается громадными игластыми листьями, которыми стволъ дерева до извѣстнаго возраста бываетъ совершенно покрытъ. У саговаго дерева такой же ползучій корень какъ и у пальмы Nipa; по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста на деревѣ появляется громадный пучокъ цвѣтовъ, и затѣмъ оно умираетъ; растетъ оно въ болотистыхъ мѣстностяхъ или въ болотистыхъ ущельяхъ скалъ. Твердая часть громадныхъ листьевъ замѣняетъ бамбукъ и во многихъ отношеніяхъ выше послѣдняго. Оно имѣютъ отъ 12 до 15 футовъ длины, въ нижней части не тоньше человѣческой ноги, отличаются легкостью и состоитъ исключительно изъ твердой сердцевины, покрытой тонкою, но крѣпкою корой. Изъ нея строятся цѣлые дома, которымъ дерево сообщаютъ весьма красивый видъ и не требуютъ ни окраски, ни полировки. Изъ нея также приготовляются прекрасные ящики. Всѣ мои коробки для насѣкомыхъ, собираніемъ которыхъ я занимался на Молукскихъ островахъ, были сдѣланы изъ этой же части саговаго дерева, и я былъ чрезвычайно доволенъ ихъ прочностью и легкостью. Внутренность ствола составляетъ главную пищу нѣсколькихъ сотъ тысячъ туземнаго населенія.

Для приготовленія саго выбираютъ созрѣвшее дерево передъ самымъ его цвѣтеніемъ. Его срубаютъ у самой земли, затѣмъ очищаютъ отъ листьевъ и срѣзываютъ широкую полосу коры на верхней части ствола, обнаруживая такимъ образомъ сердцевину дерева, цвѣтъ которой чѣмъ выше, тѣмъ свѣтлѣе; она также тверда, какъ сухое яблоко, но отличается отъ послѣдняго деревянистыми волокнами. Изъ сердцевины приготовляютъ родъ грубаго порошка, измельчая его посредствомъ особаго инструмента—родъ дубины изъ твердаго и тяжелаго дерева, на тупой оконечности которой прочно насаживается кусокъ остраго кварца, выдающійся на полъ дюйма наружу. Отъ удара этою дубиною отдѣляются куски сердцевины и падаютъ внизъ въ цилиндръ, образуемый корою. Затѣмъ куски сердцевины складываются въ корзины и промываются. Широкія влагалищныя основанія листьевъ замѣняютъ корыто, а волокнистая оболочка листьевъ молодой кокосовой пальмы служитъ цѣдилкою. На куски сердцевины льютъ воду, при чемъ ихъ мѣшаютъ и выжимаютъ сквозь цѣдилку до тѣхъ поръ, пока не растворится и не пройдетъ черезъ нее весь крахмалъ; волокнистый остатокъ выбрасывается и затѣмъ насыпается новая корзинка. Вода, насыщенная саговымъ крахмаломъ протекаетъ въ корыто съ углубленіемъ въ сре-

динѣ, гдѣ крахмалистая масса осѣдаетъ, излишекъ же воды стекаетъ далѣе. Затѣмъ, по наполненіи корыта, изъ массы крахмала, имѣющаго слабый красноватый цвѣтъ, приготовляются куски цилиндрической формы фунтовъ сорокъ вѣсомъ; куски эти покрываются саговыми листьями и въ такомъ видѣ продаются какъ сырое саго.

Вскипяченное съ водою саго представляетъ клейкую массу, имѣющую вяжущій вкусъ, которую ѣдятъ съ солью, лимономъ и перцомъ. Изъ саго приготовляютъ также родъ пироговъ, которые пекутъ въ небольшихъ глиняныхъ печахъ. Для этого предварительно обращаютъ въ куски сырое саго, затѣмъ сушатъ его на солнцѣ, толкутъ въ порошокъ и просѣваютъ. Печка нагрѣвается на горячей золѣ и затѣмъ наполняется саго. Отверзтіе печки закрывается саговою корой и черезъ пять минутъ пироги уже готовы. Горячіе пироги очень вкусны съ масломъ; они особенно хороши съ небольшимъ количествомъ сахара и кокосовыми орѣхами. Они отличаются нѣжнымъ вкусомъ и напоминаютъ пироги изъ крупитчатой муки, но имѣютъ особый вкусъ, который утрачивается въ употребляемомъ нами саго. Если они не употребляются тотчасъ же въ пищу, то сушатся въ теченіи нѣсколькихъ дней на солнцѣ, и затѣмъ могутъ сохраняться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; въ такомъ видѣ они очень жестки, но туземцы настолько привыкли къ нимъ съ дѣтства, что вы увидите маленькихъ дѣтей, жующихъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Намоченные въ водѣ и потомъ поджаренные, они почти такъ же хороши, какъ и свѣжіе; въ такомъ видѣ я употреблялъ ихъ ежедневно вмѣсто хлѣба съ кофе. Изъ нихъ можно даже приготовить хорошій пудингъ и въ такомъ случаѣ они замѣняютъ рисъ, который не всегда легко достать на дальнемъ востокѣ.

Мнѣ часто приходилось съ удивленіемъ наблюдать, какимъ образомъ цѣлый стволъ дерева, въ двадцать футовъ вышиною и въ 4 или 5 футовъ въ окружности, обращался такъ легко въ пищу. Изъ дерева средней величины приготовляется тридцать томановъ или связокъ въ тридцать фунтовъ каждая, а изъ каждаго томана приготовляется шестьдесятъ пироговъ по три на фунтъ. Пять подобныхъ пироговъ достаточно человѣку для дневного пропитанія; считая такимъ образомъ, что дерево даетъ тысячу восемьсотъ пироговъ въ шестьсотъ фунтовъ вѣсомъ, оказывается, что одно саговое дерево можетъ прокормить человѣка втеченіи цѣлаго года. Самое приготовленіе пищи требуетъ ничтожнаго труда. Два человѣка могутъ извлечь все саго изъ одного дерева въ теченіи пяти дней, а двѣ женщины могутъ обратить его въ пироги въ те-

ченіи такого же количества времени, такъ что годовой запасъ пищи можетъ быть приготовленъ въ 10 дней. Теперь всѣ саговыя деревья составляютъ частную собственность, и при покупкѣ каждое обходится въ семь шиллинговъ и шесть пенсовъ; дневной заработокъ составляетъ здѣсь пять пенсовъ, такъ что годовое продовольствіе одного человѣка обходится въ 13 шиллинговъ. Такая дешевизна пищи имѣетъ вредныя послѣдствія, и жители саговыхъ странъ далеко не отличаются тѣмъ благосостояніемъ, которымъ пользуются обитатели рисовыхъ мѣстностей. Здѣсь въ большинствѣ случаевъ вы не встрѣтите ни овощей, ни плодовъ, такъ какъ большинство жителей питается исключительно саго и небольшимъ количествомъ рыбы. Кромѣ добыванія саго они ведутъ мелочной торгъ или отправляются для ловли рыбы на сосѣдніе острова; что касается до удобствъ жизни, то въ этомъ отношеніи они далеко уступаютъ дайякамъ, Борнео и многимъ еще болѣе дикимъ племенамъ архипелага.

Мѣстность, окружающая мою стоянку низменна и болотиста; проникнуть здѣсь въ лѣсъ почти невозможно за отсутствіемъ всякихъ тропинокъ. Поэтому моя стоянка здѣсь не обогатила моихъ коллекцій. Такъ какъ мнѣ не удалось найти людей, которые согласились бы сопровождать меня во время всего путешествія, то мнѣ пришлось довольствоваться людьми, изъявившими согласіе ѣхать со мною до Вагая, который находится въ срединѣ сѣвернаго берега Церама и составляетъ главную голландскую станцію на островѣ.

Наше путешествіе продолжалось пять дней и не сопровождалось никакими интереснымъ эпизодами. Въ Вагаѣ, куда я прибылъ 15-го іюня, я былъ любезно встрѣченъ комендантомъ и моимъ старымъ другомъ Розенбергомъ, который находился здѣсь въ настоящее время по оффиціальному порученію. Я занялъ у него нѣсколько денегъ для расплаты съ своими людьми; мнѣ удалось здѣсь также нанять трехъ человѣкъ, изъявившихъ желаніе сопровождать меня въ Тернатъ. Но такъ какъ меня покинулъ одинъ изъ амбойнцевъ, то численный составъ моей свиты все еще не удовлетворялъ меня.

Здѣсь я засталъ письмо Чарльза Аллена, который находился въ Силинтѣ на Мизолѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня, такъ какъ у него истощился запасъ провизіи и притомъ онъ нуждался въ нѣкоторыхъ принадлежностяхъ для коллекцій; въ то же время онъ писалъ мнѣ, что боленъ и намѣренъ вернуться въ Вагай, если я не прибуду въ непродолжительномъ времени.

Путешествіе мое отсюда въ Вайгіу, во время котораго я посѣтилъ

острова, населенные папуанскою расою и оставившее во мнѣ много печальныхъ воспоминаній, я опишу въ особой главѣ, посвященной папуанскимъ островамъ. Въ настоящее время я обойду молчаніемъ годъ, проведенный мною на Вайгіу и Тиморѣ, и займусъ островомъ Буру, которымъ и закончатся мои изслѣдованія на Молукскихъ островахъ.

ГЛАВА XXVI.

БУРУ.

Пребываніе на Буру.—Трудность экскурсій.—Змѣи.—Туземцы.—Ихъ дикость.

Я давно желалъ посѣтить обширный островъ Буру, который лежитъ на западъ отъ Церама и почти неизвѣстенъ натуралистамъ. Я прибылъ въ Буру изъ Тиморъ-Делли на голландскомъ почтовомъ пароходѣ, и рѣшился провести на этомъ островѣ мѣсяца два.

Мы прибыли въ гавань Каіели 4-го мая; насъ встрѣтилъ комендантъ крѣпости, явившійся на пароходъ за полученіемъ почты и проводившій затѣмъ насъ на берегъ. Насъ помѣстили въ домѣ обзейнера, или надсмотрщика, уроженца Амбойны, такъ какъ Буру, по своему значенію, не заслуживаетъ представителя съ болѣе громкимъ титуломъ; впрочемъ по наружности селеніе гораздо лучше Делли, въ которомъ пребываетъ «его превосходительство губернаторъ». Этотъ небольшой фортъ прекрасно устроенъ, и хотя весь его гарнизонъ состоитъ изъ двѣнадцати яванскихъ солдатъ, но онъ смотритъ гораздо грознѣе, чѣмъ жалкая крѣпость Делли съ ея многочисленнымъ штабомъ лейтенантовъ, капитаномъ и маіоромъ. Но подобно большинству фортовъ, построенныхъ на Молукскихъ островахъ онъ былъ первоначально сооруженъ самими португальцами! О Лузитанія, какъ ты низко упала!

Въ то время, какъ обзейнеръ читалъ письмо, я отправился съ проводникомъ отыскивать себѣ помѣщеніе въ селеніи. Вся окружающая мѣстность представляла одно болото. Дома были деревянные и по большей части хорошо построены, отличались необыкновенною сыростью и мрачностью; полъ замѣняла та же голая, черная земля, стоявшая на одномъ уровнѣ съ окружавшею болотистою мѣстностью. Наконецъ мнѣ удалось найти квартиру, гдѣ полъ былъ приподнятъ на одинъ футъ надъ уровнемъ улицы; я упросилъ хозяина перебраться въ тотъ же день, что ему,

впрочемъ, не стоило большого труда, такъ какъ меблировка квартиры далеко не отличалась богатствомъ. Пространство между домами было засажено сплошь фруктовыми деревьями, сквозь которыя почти не проходилъ дневной свѣтъ.

На сколько прохладно и пріятно должно быть здѣсь въ жаркое лѣто, на столько же непріятно и нездорово жить въ подобной сырой атмосферѣ въ остальныя времена года. Къ сожалѣнію, я прибылъ сюда двумя мѣсяцами раньше, чѣмъ слѣдовало, когда еще не прошли дожди, и потому грязь и вода составляли преобладающія черты мѣстнаго ландшафта.

Въ разстояніи мили на востокъ отъ селенія начинались холмы, покрытые, впрочемъ, только грубою травою и изрѣдка встрѣчавшимся деревьями, Melaleuca cajuputi, изъ листьевъ котораго приготовляется знаменитое каюпутовое масло. Подобная мѣстность не представляетъ для зоолога никакого интереса. Нѣсколько миль далѣе возвышались высокія горы, покрытыя повидимому лѣсомъ, но гдѣ очевидно никогда не была человѣческая нога; по отсутствію всякихъ тропинокъ онѣ были недоступны для путешественника, дорожившаго своимъ временемъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось убѣдиться, что мнѣ не удастся здѣсь обогатить своихъ коллекцій; услышавъ отъ одного туземца, что въ нѣсколькихъ миляхъ на востокъ лежитъ прибрежное селеніе, расположенное на гористой и лѣсной мѣстности, я отправилъ туда Али для предварительнаго изслѣдованія указаннаго мнѣ мѣста. Въ то же время я предпринялъ небольшую экскурсію вдоль рѣки, которая протекаетъ въ пяти миляхъ къ сѣверу отъ города, близъ селенія альфуросовъ или туземцевъ, гдѣ и надѣялся встрѣтить болѣе удачи.

Раджа Каіели, весьма любезный старикъ, вызвался проводить меня, такъ какъ селеніе входило въ составъ его владѣній; мы сѣли въ длинную узкую лодку съ восемью гребцами, и въ одно прекрасное утро отправились въ путь. Черезъ два часа мы достигли рѣки, гдѣ намъ пришлось плыть противъ сильнаго теченія. Рѣка имѣла около ста ярдовъ ширины, берега ея были покрыты высокою травою, по временамъ попадались также кустарники и пальмовыя деревья. Вся окружающая мѣстность представляла болѣе или менѣе болотистую низменность, на которой тамъ и сямъ встрѣчались деревья и кустарники. Подъ конецъ нашего путешествія полилъ сильный дождь. Прибывъ къ мѣсту назначенія, намъ пришлось ждать около часа подъ проливнымъ дождемъ, отъ котораго насъ защищала только дырявая рогожа, до прибытія альфуросовъ, которымъ поручено было нести мой багажъ. Мѣстность, гдѣ намъ пришлось высадиться, предоставляла глубокое болото, для безопаснаго путешествія

по которому мнѣ посовѣтовали принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Засучивъ какъ можно выше панталоны и взявъ въ руки крѣпкую палку, я смѣло погрузился въ первую попавшуюся мнѣ лужу, за которою слѣдовала вторая, третья и т. д. Такъ какъ грязь доходила до колѣна, то мы весьма медленно подвигались впередъ. По бокамъ дороги расла высокая жесткая трава, промежутки которой тоже были наполнены водой, такъ что свернуть въ сторону не было никакого расчета, и мы продолжали барахтаться въ грязи, глубина которой составляла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь нѣсколько дюймовъ, въ другихъ же доходила до двухъ футовъ и болѣе, такъ что при подобной неровности почвы весьма трудно было сохраненіе равновѣсія. Приходилось ступать ногой то на скрытый острый пень, отъ котораго могъ приключиться вывихъ, то погружаться въ мягкую грязь, доходившую выше колѣна. Всю дорогу шелъ дождь, и такъ какъ кругомъ расла высокая трава, футовъ въ шесть, то мы далѣе нѣсколькихъ шаговъ ничего не видѣли впереди. Не успѣли мы дойти до селенія какъ уже стемнѣло, а намъ нужно было перейти черезъ небольшой, но глубокій и быстрый потокъ, черезъ который было переброшено бревно, погрузившееся больше чѣмъ на футъ въ воду. Перила замѣнялъ тонкій качающійся прутъ, такъ что мы каждую минуту подвергались опасности свалиться въ воду. Послѣ часового крайнѣ утомительнаго и непріятнаго путешествія мы достигли селенія; за нами шли люди съ ружьями, ящиками и постельными принадлежностями, болѣе или менѣе намокшими. Мы напились горячаго чаю, истребили часть нашей холодной закуски и сейчасъ же легли спать.

На слѣдующее утро погода стояла прекрасная, и я отправился осматривать мѣстность. Селеніе было, очевидно, недавно построено и состояло изъ одной прямой улицы, по бокамъ которой стояли жалкія хижины, лишенныя какъ снаружи такъ и внутри всякаго комфорта и уютности. Оно построено было на нѣсколько возвышенной песчаной мѣстности, тоже поросшей высокою грубою травою, доходившею до самыхъ домовъ. Невдалекѣ отъ селенія виднѣлись въ разныхъ направленіяхъ клочки лѣса, произраставшаго на низменной и болотистой почвѣ. Я было пытался пробраться подальше по единственной тропинкѣ, которую могъ найти, но вскорѣ наткнулся на глубокую лужу, черезъ которую можно было перейти только босикомъ, поэтому я отложилъ дальнѣйшую экскурсію до завтрака. Отправившись затѣмъ въ лѣсъ, гдѣ я встрѣтилъ нѣсколько саговыхъ деревьевъ, я все таки долженъ былъ отказаться отъ ловли насѣкомыхъ, такъ какъ на каждомъ шагу мнѣ попадались лужи и ручейки, и потому я долженъ былъ постоянно смотрѣть себѣ подъ

ноги, а при подобномъ условіи было крайне неудобно ловить насѣкомыхъ. Я застрѣлилъ нѣсколькихъ птицъ и поймалъ двѣ, три бабочки, но тѣ и другія не представляли ничего новаго, и я уже видѣлъ ихъ около Каіели.

По возвращеніи въ селеніе мнѣ сказали, что вся мѣстность на много миль кругомъ имѣетъ такой же грунтъ, и мнѣ пришлось такимъ образомъ придти къ заключенію, что Вайпо для меня мало подходящее мѣсто. На слѣдующее утро мы предприняли обратное путешествіе по лужамъ, и въ полдень прибыли въ Каіели, гдѣ я сталъ дожидаться возвращенія Али, отъ котораго зависѣлъ дальнѣйшій планъ моихъ дѣйствій. Онъ пришелъ на другой день и сообщилъ мнѣ весьма неутѣшительныя свѣдѣнія о видѣнной имъ мѣстности: она тоже была покрыта высокою травою и каепутовыми деревьями, къ которымъ я питалъ такое отвращеніе. Я обратился за дальнѣйшими свѣдѣніями къ одному лицу, которое, какъ мнѣ сообщили, изъѣздило островъ вдоль и поперегъ. На мой вопросъ, нѣтъ ли на островѣ Буру мѣстности, гдѣ бы не расла «кусу-кусу», какъ называютъ туземцы мѣстную грубую траву, онъ замѣтилъ, что значительная часть южнаго берега покрыта лѣсомъ, сѣверная же часть острова представляетъ одни болота и холмы, поросшіе травою. Указанная лѣсистая мѣстность, какъ я узналъ изъ дальнѣйшихъ вопросовъ, начиналась у Вайноти, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пелахъ (куда я посылалъ Али); мнѣ въ то же время посовѣтовали отправиться туда пѣшкомъ, такъ какъ путешествіе водою было сопряжено съ опасностью, вслѣдствіе дувшаго у берега восточнаго мусона. Я немедленно отправился къ обзейнеру, который съ своей стороны послалъ за раджой. Посовѣтовавшись съ ними, я распорядился о наймѣ лодки, которая на слѣдующій день должна была доставить меня въ Пелахъ, откуда дальнѣйшее путешествіе я долженъ былъ совершить пѣшкомъ; я послалъ за день впередъ орангъ-кайя, которому поручилъ нанять альфуросовъ для переноски моего багажа.

19-го мая мы прибыли въ Вайноти, пройдя около десяти миль по берегу, окаймленному лѣсомъ. Вмѣсто селенія оказалось нѣсколько стоявшихъ отдѣльно домовъ и плантацій, расположенныхъ на гористой и лѣсистой мѣстности, обѣщавшей мнѣ довольно богатую добычу. Мнѣ удалось добыть небольшую хижину съ полуразвалившеюся крышею, сквозь которую виднѣлось небо. Къ счастію, ночью не было дождя, и на другой день намъ удалось ее поправить.

Въ полумили отъ дома протекалъ быстрый горный ручей, за которымъ виднѣлись холмы, покрытые прекраснымъ лѣсомъ. Мнѣ удалось пе-

рейти потокъ въ бродъ, такъ какъ вода была въ немъ немного выше колѣнъ, впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ были ямы, я погружался въ воду по поясъ; подобную переправу я совершалъ раза два въ недѣлю, такъ какъ это было единственное средство добраться до лѣса. Къ несчастію въ послѣднемъ почти вовсе не было удобныхъ тропинокъ, да и не особенно много было насѣкомыхъ и птицъ. Къ тому же я имѣлъ глупость оставить на пароходѣ мою единственную пару крѣпкихъ сапогъ, другая же пара почти износилась, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось ходить босикомъ и на каждомъ шагу опасаться поранить ногу, что заставило бы меня пролежать нѣсколько недѣль, какъ это и было на Борнео Ару и Дорей. Хотя здѣсь было много плантацій маиса, но вовсе не было просѣкъ, и такъ какъ при отсутствіи послѣднихъ нельзя было встрѣтить самыхъ интересныхъ для меня насѣкомыхъ, то я нанялъ двухъ человѣкъ для расчистки части лѣса, въ надеждѣ встрѣтить здѣсь богатую добычу.

Впрочемъ во все мое пребываніе здѣсь я не замѣтилъ изобилія въ насѣкомыхъ. На расчищенномъ мною мѣстѣ мнѣ удалось поймать нѣсколько красивыхъ Buprestidae, отличавшихся отъ видѣнныхъ мною прежде, но они далеко уступали какъ по числу, такъ и по красотѣ насѣкомымъ небольшого острова Амбойны. Въ теченіи трехлѣтняго пребыванія на Буру, я успѣлъ собрать только 210 видовъ различныхъ бабочекъ, между тѣмъ какъ въ теченіи трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ 1857 г. на Амбойнѣ, я встрѣтилъ болѣе 300 видовъ. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ насѣкомыхъ острова Буру принадлежитъ большая Cerambyx, блестящаго темно-каштановаго цвѣта и съ очень длинными усиками. Величина ея очень разнообразна: отъ 3-хъ до 1-го дюйма длины, а величина усиковъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 5 дюймовъ.

Разъ какъ то Али сообщилъ мнѣ, что видѣлъ большую змѣю. Пробираясь однажды сквозь высокую траву, онъ наступилъ на какой-то предметъ, который принялъ сначала за небольшое свалившееся дерево, но, почувствовавъ затѣмъ, что онъ наступилъ на что-то холодное и мягкое, онъ отскочилъ въ страхѣ назадъ и готовился выстрѣлить, но не успѣлъ прицѣлиться въ животное, которое по его словамъ походило на дерево, тащившееся по травѣ. Такъ какъ ему приходилось не разъ стрѣлять большихъ змѣй, то изъ разсказа его я заключилъ, что видѣнное имъ въ послѣдній разъ животное дѣйствительно было громадныхъ размѣровъ. Такихъ змѣй водится здѣсь не мало, и мой сосѣдъ показывалъ мнѣ слѣды, оставленные на его ногѣ одною изъ такихъ змѣй, напавшею на него у самаго порога дома. Она была на столько велика, что могла

схватить пастью его ногу повыше колѣна и по всей вѣроятности сожрала бы его, если бы не прибѣжали сосѣди и не убили бы змѣю на мѣстѣ. Она должна была имѣть по моимъ соображеніямъ около 20 футовъ длины; змѣя же, видѣнная Али, была, вѣроятно, еще значительно больше.

Черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ мною здѣсь, я совершенно помирился съ моею хижиной и даже находилъ ее комфортабельной. Она представляла голый шалашъ, съ одной стороны котораго устроена была широкая бамбуковая платформа; на ней я отвелъ себѣ небольшое мѣстечко для спальни; кромѣ того у меня былъ грубой работы столъ, ножки котораго были врыты въ земляной полъ, со мною же было мое уютное кресло; на бамбуковой полкѣ помѣщалось небольшое количество взятой мною съ собой посуды; вдоль стѣнъ были разставлены ящики, и тутъ же были расположены на висячихъ полкахъ мои коллекціи. На столѣ у меня лежали книги, ножики, щипцы и булавки, а также ярлыки, на которыхъ были обозначены названія птицъ и насѣкомыхъ. Назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ составляло для туземцевъ неразрѣшимую задачу.

Большинство здѣшнихъ жителей никогда не видало булавки, и когда я знакомилъ одного изъ нихъ съ ея назначеніемъ, то онъ потомъ съ гордостью разсказывалъ своимъ товарищамъ о свойствахъ и назначеніи этой странной вещи, придуманной европейцами—иголка съ головкой, но безъ ушка! Для нихъ составляла предметъ любопытства даже бумага, которую выбрасывали вмѣстѣ съ соромъ: они старательно подбирали ее и прятали въ карманъ. А сколько странныхъ предметовъ имъ приходилось видѣть во время моего утренняго кофе и вечерняго чая! Чайникъ, чашки, чайныя ложечки, все было имъ въ диковину; многіе изъ нихъ въ первый разъ видѣли чай, сахаръ, сухари. Одинъ изъ нихъ спросилъ меня, указывая на сахаръ: это должно, быть «гула-пассиръ?»—такъ называютъ они сахарный песокъ въ отличіе отъ грубаго пальмоваго сахара туземнаго производства. Сухари они считали чѣмъ то въ родѣ саговаго печенья, и были того мнѣнія, что европейцы употребляютъ ихъ за отсутствіемъ настоящаго саго. Цѣль моихъ экскурсій, естественно, была для нихъ совершенно непонятна. Они постоянно спрашивали меня, что дѣлаютъ бѣлые люди съ птицами и насѣкомыми, за которыми я такъ тщательно ухаживалъ. Они еще можетъ быть поняли бы меня, еслибъ я собиралъ только то, что бросалось въ глаза по своей красотѣ, но ухаживаніе за муравьями, мухами и разными некрасивыми насѣкомыми сильно изумляло ихъ; они были убѣждены, что я

собираю ихъ съ врачебною цѣлію или ради колдовства, но стараюсь сохранить отъ нихъ свою цѣль въ глубокой тайнѣ. Имъ такъ же мало извѣстна цивилизованная жизнь, какъ индѣйцамъ Скалистыхъ горъ или дикарямъ центральной Африки. А между тѣмъ въ двадцати миляхъ отъ нихъ, въ Каіели, каждый мѣсяцъ пристаетъ пароходъ, это высшее торжество человѣческой изобрѣтательности, а на Амбойнѣ, находящемся отсюда только въ разстояніи шестидесяти миль, болѣе трехъ столѣтій существуетъ европейское населеніе и управленіе.

Я имѣлъ случай видѣть значительное число туземцевъ въ Буру какъ изъ близкихъ, такъ и изъ отдаленныхъ мѣстностей и пришелъ къ тому убѣжденію, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ, которыя въ настоящее время отчасти смѣшались между собою. Значительную часть населенія составляютъ малайцы целебесскаго типа, часто представляющіе поразительное сходство съ Тодорскимъ населеніемъ восточнаго Целебеса; другіе же походятъ на альфуросовъ Церама. Смѣшеніе обѣихъ расъ не трудно объяснить. Острова Сула, находящіеся въ тѣсной связи съ восточнымъ Целебесомъ, находятся лишь въ разстояніи сорока миль отъ сѣвернаго берега Буру, между тѣмъ какъ островъ Манипа представляетъ удобный пунктъ переселенія для обитателей Церама. Моя догадка подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что нарѣчія въ Буру представляютъ одинаковое сходство какъ съ нарѣчіями Сулы такъ и нарѣчіями Церама. Вскорѣ по прибытіи, Али встрѣтилъ небольшую красивую птицу изъ рода Pitta, которою я очень интересовался, такъ какъ на каждомъ островѣ она представляетъ особые виды, и изъ видовъ, встрѣчающихся на Буру, ни одинъ не извѣстенъ натуралистамъ. Мои спутники видѣли ее раза два или три въ теченіи недѣли и нерѣдко слышали издаваемые ею характеристическіе звуки, но добыть ее не были въ состояніи, такъ какъ она всегда посѣщаетъ густую и тернистую чащу лѣсовъ, гдѣ ее можно видѣть только мелькомъ, и притомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что они не рѣшались стрѣлять, изъ опасенія совершенно раздробить ее. Али очень досадовалъ на свою неудачу тѣмъ болѣе, что ему пришлось нѣсколько разъ уже сильно поранить ногу въ тернистыхъ кустарникахъ, и такъ какъ намъ становилось только два дня до отъѣзда, то онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку и отправился на ночлегъ въ небольшую хижину, расположенную въ лѣсу, съ цѣлью воспользоваться разсвѣтомъ, когда птенцы выходятъ покормиться и бываютъ очень заняты ѣдою. На слѣдующій вечеръ онъ принесъ мнѣ два экземпляра названной птицы: одна была совершенно безъ головы и вообще сильно попорчена зарядомъ, другая же весьма хорошо сохра-

нилась. Оба экземпляра представляли новый видъ весьма похожій на Pitta celebensis, но съ четырехугольными пятнами ярко-краснаго цвѣта на задней части шеи.

На слѣдующій день я возвратился въ Каіели и, упаковавъ мои коллекціи, сѣлъ на пароходъ и покинулъ Буру. Во время двухдневной стоянки на Тернатѣ я захватилъ оставленный на немъ багажъ и распростился со всѣми моими друзьями. Затѣмъ мы поплыли къ Менадо, и я окончательно разстался съ Молукскими островами, на которыхъ пространствовалъ болѣе трехъ лѣтъ.

Коллекціи, собранныя мною на Буру, представляли большой интересъ, хотя и не отличались численностью экземпляровъ; въ числѣ 66-ти добытыхъ мною на немъ видовъ птицъ, не менѣе семнадцати было новыхъ, или до того времени не встрѣчавшихся натуралистамъ ни на одномъ изъ Молукскихъ острововъ. Сюда принадлежали два вида зимородка, Taniysiptera acis и Ceyx Caseli; прекрасная Nectarinsa proserpina; красивая небольшая черная и бѣлая мухоловка Monarchia loricata, и другія менѣе интересныя.

ГЛАВА XXVII.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ МОЛУКСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

Млекопитающія. Птицы, насѣкомыя Молукскихъ острововъ. Ихъ особенности.—Передразниванья между птицами.

Молукскіе острова состоятъ изъ трехъ большихъ острововъ: Гилоло, Церама и Буру, изъ которыхъ первые два имѣютъ до двухсотъ миль въ длину каждый, и большого числа малыхъ острововъ и островковъ, изъ которыхъ самые важные: Батчіанъ, Морти, Оби, Кп, Тиморлотъ, Амбойна, Тернатъ, Тидоръ, Каіойа и Банда. Они лежатъ подъ 10° широты и 8° долготы, и соединяются посредствомъ группъ небольшихъ острововъ: на востокѣ съ Новою Гвинеею, на сѣверѣ съ Филиппинскими островами, на западѣ съ Целебесомъ и на югѣ съ Тиморомъ. Мы попросимъ читателя запомнить главныя черты о пространствѣ и географическомъ положеніи названныхъ острововъ, такъ какъ они пригодятся намъ при обозрѣніи населяющаго ихъ животнаго царства и при сравненіи послѣдняго съ фауною сосѣднихъ странъ.

Мы сначала займемся млекопитающими животными, которыя представляютъ здѣсь странныя аномаліи. Сухопутныхъ млекопитающихъ здѣсь чрезвычайно мало: ихъ извѣстно только десять. Съ другой стороны летучія мыши весьма многочисленны; мы встрѣчаемъ здѣсь ихъ не менѣе двадцати пяти видовъ. Но даже эта крайняя скудность сухопутныхъ млекопитающихъ не вполнѣ выражаетъ собою дѣйствительную бѣдность Молукскихъ острововъ въ этомъ отношеніи, потому что, какъ мы постараемся доказать впослѣдствіи, многіе виды завезены сюда человѣкомъ нарочно или случайно.

Изъ четыреукихъ животныхъ мы встрѣчаемъ только мартышку, Cynopithecus nigrescens, о которой мы говорили при описаніи фауны

Целебеса. Она водится только на островѣ Батчіанѣ; присутствіе ея на послѣднемъ, до такой степени кажется страннымъ,—такъ какъ трудно представить себѣ, какимъ образомъ она могла естественнымъ образомъ переселиться на этотъ островъ, не попавши въ то же время черезъ узкій проливъ на Гилоло, — что его можно объяснить лишь происхожденіемъ отъ индивидуумовъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, такъ какъ малайцы любятъ держать у себя подобныхъ животныхъ и часто берутъ ихъ съ собою на свои суда.

Изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ, водящихся на Архипелагѣ, на Молукскихъ островахъ встрѣчается только Viverra tangalunga, населяющая Батчіанъ и Буру и, вѣроятно, нѣкоторые другіе острова. Я полагаю, что она тоже завезена сюда случайно, такъ какъ малайцы часто ловятъ ихъ живыми; животное это трудно приручить, и потому оно часто убѣгаетъ. Догадка эта дѣлается еще правдоподобнѣе въ виду разсказа Антоніо-де-Моргa, посѣтившаго Филиппинскіе острова въ 1602 году. Онъ пишетъ: «туземцы Минданао возятъ цибетъ въ клѣткахъ и продаютъ жителямъ острововъ; они добываютъ изъ нихъ также *мускусъ* и затѣмъ снова отпускаютъ ихъ на свободу». Тотъ же видъ встрѣчается на всѣхъ большихъ островахъ Индо-Малайской группы.

Изъ жвачныхъ животныхъ на Молукскихъ островахъ встрѣчается только олень, который прежде принимали за особый видъ, но теперь оказывается, что онъ составляетъ только легкую разновидность яванской Rusa hippelaphus. Оленя часто дѣлаютъ ручнымъ; малайцы такъ любятъ его мясо, что стараніе ихъ распространить это животное является весьма естественнымъ, тѣмъ болѣе, что разведенію его весьма благопріятствуютъ роскошные туземные лѣса. Странная бабируса, водящаяся на Целебесѣ, встрѣчается только на одномъ Буру, и трудно объяснить какимъ образомъ она сюда попала. Правда, между птицами острововъ Сула (на которыхъ тоже встрѣчается бабируса) и птицами Буру существуетъ нѣкоторое сходство, которое повидимому указываетъ на то обстоятельство, что недавно острова эти находились въ болѣе тѣсной связи между собою, и что между ними находилось промежуточное пространство суши, которое впослѣдствіи исчѣзло. Къ этому-то періоду и слѣдуетъ отнести переселеніе бабирусы на Буру, такъ какъ она плаваетъ такъ-же хорошо, какъ ея родичи свиньи. Послѣднія распространены по всему Архипелагу и даже водятся на нѣкоторыхъ малыхъ островахъ и часто представляютъ особые виды. Такимъ образомъ онѣ могли распространиться совершенно естественнымъ путемъ. Обыкновенно полагаютъ, что свиньи не могутъ плавать, но ошибочность подобнаго

мнѣнія доказана уже Чарльзомъ Ляйеллемъ. Въ своемъ сочиненіи «Основанія геологіи» онъ ясно доказалъ, что свиньи могутъ проплыть нѣсколько миль, и что вообще онѣ плаваютъ легко и скоро. Я видѣлъ собственными глазами, какъ дикая свинья проплыла пространство между Сингапуромъ и полуостровомъ Малаккою; такимъ образомъ легко объясняется, какимъ образомъ свиньи могли распространиться до самой Новой Гвинеи, хотя съ другой стороны странно, что онѣ миновали Австралію.

Небольшая Sorex myosurus, встрѣчающаяся на Суматрѣ, Борнео и Явѣ, водится также на большихъ Молуккскихъ островахъ, на которые она могла быть случайно завезена на туземныхъ судахъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что за исключеніемъ свиньи, всѣ млекопитающія животныя завезены, по всей вѣроятности человѣкомъ, такъ какъ всѣ онѣ за исключеніемъ свиньи, представляютъ виды тождественные съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ на большихъ Малайскихъ островахъ, или Целебесѣ.

Остальныя млекопитающія животныя принадлежатъ къ сумчатымъ, составляющимъ отличительную черту Австралійской фауны; сюда слѣдуетъ вопервыхъ причислить небольшого летуна опоссума Belideus-aeriel, небольшое красивое животное, похожее на векшу по наружности, но принадлежащее къ семейству сумчатыхъ. Остальные три вида принадлежатъ къ роду кускусовъ который составляетъ характеристическую черту Австралійско-Малайской фауны. Они похожи на опоссума, съ длиннымъ цѣпкимъ хвостомъ, конецъ котораго обыкновенно обнаженъ. У нихъ маленькая голова, большіе глаза и густая шерсть, обыкновенно бѣлаго цвѣта съ черными пятнами неправильной формы. Они живутъ на деревьяхъ и питаются листьями. Движенія ихъ весьма медленны, но убить ихъ весьма трудно, вслѣдствіе ихъ живучести и густоты шерсти. Нерѣдко пуля засѣдаетъ у нихъ въ кожѣ, не причиняя имъ никакого вреда.

Они живутъ по нѣскольку часовъ даже послѣ перелома спинной кости или по раздробленіи черепа. Всѣ туземцы ѣдятъ ихъ мясо, и такъ какъ ихъ легко ловить вслѣдствіе медленности движеній, то съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, какъ ихъ до сихъ поръ не истребили. Но дѣло въ томъ, что густая шерсть ихъ защищаетъ отъ хищныхъ животныхъ, а во вторыхъ острова, на которыхъ они водятся, слишкомъ слабо заселены. Мною найденъ Cuscus ornatus, новый видъ, открытый на Батчіанѣ; онъ встрѣчается также и на Тернатѣ и свойственъ исключительно Молукскимъ островамъ, между тѣмъ какъ другіе два вида, населяющіе Церамъ, водятся также на Новой Гвинеѣ и Вайгіу.

На сколько Молукскіе острова бѣдны млекопитающими животными, на столько они богаты представителяли пернатаго царства. Число извѣстныхъ намъ видовъ птицъ, встрѣчающихся на Молукскихъ островахъ, простирается до 265, но изъ нихъ только 70 принадлежатъ къ столь распространенному отряду голенастыхъ и лапчатокрылыхъ; послѣднее обстоятельство показываетъ, что мы еще мало знакомы съ фуаной Молукскихъ острововъ. Мы здѣсь займемся 195 видами сухопутныхъ птицъ, такъ какъ остальные представляютъ мало характеристическихъ чертъ.

Если принять въ соображеніе, что вся Европа, при ея разнообразіи въ климатѣ и растительности, знакомая намъ вдоль и поперегъ, и постоянно пополняемая представителями животнаго царства изъ Азіи и Африки, заключаетъ въ себѣ только 257 видовъ сухопутныхъ птицъ, то нельзя не удивляться богатству, которое обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи небольшіе и сравнительно весьма мало извѣстные Молукскіе острова. Но при этомъ нельзя не обратить вниманіе на то обстоятелство, что распредѣленіе птицъ по семействамъ отличается здѣсь крайнею неравномѣрностью: нѣкоторые отдѣлы представляютъ поразительные пробѣлы, которые пополняются избыткомъ представителей остальныхъ отдѣловъ. Такъ при сравненіи птицъ Молукскихъ острововъ съ птицами Индіи оказывается, что три группы: попугаевъ, зимородковъ и голубей составляютъ приблизительно *одну треть* всѣхъ сухопутныхъ птицъ названныхъ острововъ, между тѣмъ какъ въ Индіи онѣ обнимаютъ только *двадцатую часть* пернатаго царства. Съ другой стороны столь распространенныя птицы, какъ дрозды, малиновки и зяблики, составляющіе въ Индіи приблизительно *одну треть* всѣхъ сухопутныхъ птицъ, на Молукскихъ островахъ обнимаютъ собою только *одну четырнадцатую часть*.

Это странное явленіе объясняется тѣмъ, что фауна Молукскихъ острововъ обязана своимъ происхожденіемъ почти исключительно Новой Гвинеѣ, на которой встрѣчаются тѣже особенности. Изъ семидесяти восьми родовъ сухопутныхъ птицъ, водящихся на Молукскихъ островахъ, не менѣе семидесяти встрѣчаются и на Новой Гвинеѣ, и только восемь принадлежатъ исключительно индо-малайскимъ островамъ. Но это сходство съ Новой Гвинеей не распространяется на всѣ виды, потому что изъ 195 видовъ сухопутныхъ птицъ не менѣе 140 принадлежатъ исключительно Молукскимъ островамъ, 32 встрѣчаются также на Новой Гвинеѣ и 15 на индо-малайскихъ островахъ. Явленіе это указываетъ на то обстоятельство, что переселеніе сухопутныхъ птицъ съ Новой

*

Гвинеи на Молукскіе острова совершилось уже давно, такъ какъ значительная часть видовъ успѣла измѣниться. Мы видимъ также, что многіе виды птицъ, характеризующіе фауну Новой Гвинеи, вовсе не встрѣчаются на Молукскихъ островахъ, другіе же, хотя и попадаются на Церамѣ и Гилоло, но не доходятъ до Буру. Принимая затѣмъ въ соображеніе отсутствіе на Молукскихъ островахъ большей части млекопитающихъ животныхъ, водящихся на Новой Гвинеѣ, мы должны придти къ заключенію, что острова эти составляютъ особый островной районъ, который образовался совершенно самостоятельно, и во время всѣхъ испытанныхъ имъ переворотовъ постоянно обогащался переселенцами съ богатаго и производительнаго острова Новой Гвинеи. Предположеніе, что Молукскіе острова давно уже обособились подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что на нихъ находимъ два особыхъ рода птицъ, Semioptera и Lycocorax, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся.

Мы можемъ раздѣлить этотъ небольшой архипелагъ на двѣ характеристическія группы: Церамскую, причисляя къ ней также Буру, Амбойну, Банду и Ки, и Гилольскую, включая сюда Морти, Батчіанъ, Оби, Тернатъ и другіе небольшіе острова. Каждая изъ этихъ группъ представляетъ значительное число исключительно ей свойственныхъ видовъ; въ одной Церамской группѣ встрѣчаются не менѣе пятидесяти пяти видовъ; кромѣ того большая часть отдѣльныхъ острововъ имѣютъ сверхъ того свои особые виды. Такъ на островѣ Морти водятся особые виды зимородковъ, и скворцовъ; на Тернатѣ дрозды (pitta) и мухоловки; на Бандѣ голубь и сорокопутъ и дроздъ; на Ки двѣ мухоловки, Zosterops, сорокопутъ, кукушка; на Тиморлотѣ какаду.

Молукскіе острова особенно богаты попугаями, которыхъ здѣсь насчитывается до 22 видовъ, въ томъ числѣ большой какаду, котораго часто привозятъ въ Европу; всѣ эти виды исключительно свойственны Молукскимъ островамъ и Ново-Гвинейской группѣ. Не менѣе многочисленны и красивы голуби, которыхъ насчитывается двадцать одинъ видъ. За ними слѣдуютъ зимородки (16 видовъ), замѣчательные своею красотою и яркостью цвѣтовъ.

Къ числу самыхъ интересныхъ птицъ, встрѣчающихся въ большомъ количествѣ на Молукскихъ островахъ, принадлежатъ Megapodii, изъ семейства куриныхъ. Величиной онѣ съ небольшую курицу и замѣчательны большими крѣпкими ногами и длинными когтями, цвѣтъ ихъ обыкновенно темно-пепельный. Онѣ напоминаютъ целебесскаго «Maleo», о которомъ мы уже говорили, но отличаются отъ него привычками. Megapodii любятъ посѣщать морской берегъ, преимущественно мѣста, по-

росшія захирѣвшими кустарниками, гдѣ накопляется разный мусоръ, изъ раковинъ, морской травы и пр. Изъ этого мусора они строятъ большіе валы, футовъ въ шесть или восемь вышиною и отъ двадцати до тридцати футовъ въ діаметрѣ; благодаря большимъ и мускулистымъ ногамъ имъ не трудно набрасывать такую громадную кучу: они сгребаютъ мусоръ ногами и потомъ отбрасываютъ его назадъ. Въ срединѣ вала, на глубинѣ двухъ или трехъ футовъ, кладутся яйца, которыя нагрѣваются теплотою, развивающеюся въ кучѣ вслѣдствіе броженія растительныхъ веществъ.

Мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ подобные валы на островѣ Лэмбокѣ; тогда я не могъ себѣ представить, какимъ образомъ такія небольшія птицы могутъ воздвигать столь громадныя плотины; но впослѣдствіи мнѣ часто приходилось наблюдать ихъ работу. Зарывъ яйца въ мусоръ онѣ болѣе не заботятся о нихъ; дѣтеныши сами прокладываютъ себѣ дорогу сквозь мусоръ; при выходѣ изъ яйца они бываютъ покрыты густыми пушистыми перьями, съ развитыми крыльями, но безъ хвоста.

Мнѣ посчастливилось открыть новый ихъ видъ (Megapodius wallacei), населяющій Гилоло, Тернатъ и Буру, съ темно-красными полосками на спинѣ и крыльяхъ; онъ красивѣе всѣхъ другихъ видовъ, отъ которыхъ отличается и образомъ жизни. Онъ водится въ лѣсахъ и приходитъ на морской берегъ для кладки яицъ, для которыхъ не строитъ впрочемъ валовъ, а зарываетъ ихъ въ песокъ, фута на три въ глубину; желая предохранить ихъ отъ покушеній туземцевъ и скрыть слѣды, ведущіе къ тому мѣсту, гдѣ положены яйца, онъ старается скрыть послѣднія тѣмъ, что дѣлаетъ по сосѣдству много новыхъ слѣдовъ. Яйца кладетъ онъ только ночью; громкіе его крики слышатся до поздней ночи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ ведетъ полуночной образъ жизни; всѣ яйца ржаваго краснаго цвѣта и слишкомъ велики для такой небольшой птицы: онѣ имѣютъ обыкновенно три или три съ четвертью дюйма въ длину и два или два съ четвертью въ ширину. Мясо ихъ составляетъ любимое кушанье туземцевъ.

Далѣе, слѣдуетъ сказать о казуарѣ, который встрѣчается только на островѣ Церамѣ. Это большая и сильная птица, футовъ пять или шесть въ вышину, покрытая длинными грубыми перьями чернаго цвѣта. Голова его украшена большимъ роговымъ шлемомъ, а обнаженная кожа шеи окрашена въ ярко-голубой и красный цвѣта. Крыльевъ совсѣмъ нѣтъ; мѣсто ихъ занимаютъ черные роговые отростки, напоминающіе грубыя иглы дикобраза. Онъ водится въ обширныхъ лѣсахъ, покрыва-

ющихъ возвышенности острова Церама и питается павшими плодами, насѣкомыми и разнообразными животными. Самка кладетъ отъ трехъ до пяти большихъ яицъ, красиваго зеленаго цвѣта; она высиживаетъ ихъ въ теченіи мѣсяца. Долгое время одинъ этотъ видъ (Casuarius galeatus) и былъ только извѣстенъ натуралистамъ. Впослѣдствіи были открыты новые виды на Новой Гвинеѣ, Новой Британіи и въ Сѣверной Австраліи.

На Молукскихъ островахъ мнѣ въ первый разъ пришлось наблюдать «передразниваніе» птицъ; явленіе это настолько интересно, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Но сначала необходимо объяснить, что понимается въ естественной исторіи подъ словомъ «передразниванье». Я уже говорилъ прежде о бабочкѣ, которая, въ покойномъ состояніи, представляетъ такое поразительное сходство съ древеснымъ листомъ, что благодаря ему избѣгаетъ нападенія непріятеля. Это такъ называемое «предохранительное сходство». Но бабочка, составляющая лакомый кусокъ для птицъ, тоже можетъ избавится отъ преслѣдованій послѣднихъ, если съумѣетъ принять видъ бабочекъ, нелюбимыхъ птицами и потому никогда неупотребляемыхъ ими въ пищу; вотъ это то сходство и названо «передразниваньемъ» Бэтсомъ, который первый открылъ это явленіе между насѣкомыми.

Долгое время явленіе это замѣчалось только у насѣкомыхъ и потому я былъ очень доволенъ, когда встрѣтилъ на островѣ Буру двухъ птицъ, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ семействамъ, но которыхъ я постоянно смѣшивалъ другъ съ другомъ. Одна изъ нихъ называется Tropidorhynchus buruensis, а другая Mimeta buruensis, родъ и волги. Послѣдняя имѣетъ съ первою слѣдующія сходственныя черты: верхняя и нижняя поверхность обѣихъ птицъ окрашены въ одни и тѣ же темно-коричневый и свѣтло-коричневый цвѣта; Tropidorhynchus имѣетъ около глазъ большое обнаженное черное пятно; у Mimeta такое же пятно образуютъ черныя перья. Верхняя часть головы Tropidorhynchus имѣетъ чешуйчатый видъ вслѣдствіе расположенныхъ чешуеобразно перьевъ; у Mimeta перья больше, но нижній край каждаго пера окаймленъ темною полосою. У Tropidorhynchus находится на задней части шеи что то въ родѣ брыжей изъ загнутыхъ назадъ перьевъ; нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и у Mimeta. Наконецъ клювъ Tropidorhynchus принимаетъ у основанія килеобразную форму; тоже мы замѣчаемъ и у Mimeta, хотя и не у всѣхъ. Такимъ образомъ при поверхностномъ взглядѣ нельзя отличить одну птицу отъ другой, хотя онѣ существенно отличаются другъ отъ друга строеніемъ, и по внутреннимъ признакамъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены рядомъ.

На сосѣднемъ островѣ Церамѣ встрѣчаются совершенно отличные виды обѣихъ названныхъ птицъ; и странное дѣло! они представляли тоже сходство что и птицы Буру. Tropidorhynchus Subcornutus имѣетъ темный земляной цвѣтъ, съ желтыми пятнами; у него обнаженныя вѣки и тѣ же брыжжи на задней части шеи. Mimeta forsteni имѣетъ такіе же наружные признаки.

Мы двоякимъ путемъ можемъ догадаться, которая изъ означенныхъ птицъ—оригиналъ и которая—копія. Tropidorhynhus окрашенъ въ цвѣта, общіе всему семейству, къ которому онъ принадлежитъ, между тѣмъ какъ Mimeta отличается цвѣтомъ отъ своихъ родичей. Изъ этого мы можемъ заключить, что подражателемъ является послѣдняя. Но если наше предположеніе справедливо, то Mimeta должна извлекать какую либо пользу изъ этого подражанія; и дѣйствительно она нуждается въ защитѣ, такъ какъ у ней небольшіе ноги и когти и вообще она представляетъ слабую птицу. Съ другой стороны Tropidorhynchi весьма сильныя и дѣятельныя птицы: у нихъ крѣпкіе когти и длинные кривые острые клювы. Они водятся группами и замѣчательны громкимъ крикомъ, который они издаютъ во время опасности, сзывая товарищей. У нихъ весьма драчливый характеръ, и они часто сгоняютъ съ дерева вороновъ и даже ястребовъ. Поэтому понятно, что небольшія хищныя птицы не рѣшаются нападать на нихъ и оставляютъ ихъ въ покоѣ, и потому имѣть съ ними сходство весьма выгодно для слабой и менѣе храброй Mimeta. Сходство это могло быть пріобрѣтено помимо воли самихъ птицъ; оно могло быть вызвано законами видоизмѣненій, въ силу которыхъ право на существованіе сохраняется за индивидуумами, наиболѣе приспособленными къ окружающей средѣ. Кто читалъ «Происхожденіе видовъ» Дарвина, тому не трудно будетъ прослѣдить всѣ процессы водоизмѣненія.

Насѣкомыя Молукскихъ острововъ замѣчательно красивы, и въ этомъ отношеніи стоятъ выше насѣкомыхъ другихъ частей Архипелага. Большія бабочки Ornithoptera достигаютъ здѣсь высшихъ предѣловъ величины и красоты; тоже нужно сказать о многихъ видахъ Papilio, Pieridae, Danaidae и Nymphalidae. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи небольшой островъ Амбойна.

Насѣкомыя Молукскихъ острововъ, подобно птицамъ, представляютъ болѣе сходства съ насѣкомыми Новой Гвинеи, чѣмъ съ естественными произведеніями большихъ западныхъ острововъ Архипелага; разница только въ томъ, что насѣкомыя западной и восточной группы не отличаются такъ рѣзко другъ отъ друга какъ птицы, что обусловливается

большею зависимостію насѣкомыхъ отъ климата и растительности. Однообразіе климата и растительности на Архипелагѣ имѣло послѣдствіемъ и однообразіе насѣкомыхъ; но съ другой стороны явилось крайнее разнообразіе въ формѣ и цвѣтѣ, вслѣдствіе большей зависимости насѣкомыхъ отъ внѣшнихъ условій.

Молукскіе острова представляютъ для натуралиста поразительный примѣръ богатства тропической животной жизни, вслѣдствіе преобладанія, съ одной стороны, птицъ, попугаевъ, голубей, зимородковъ, а съ другой—громаднаго количества большихъ и красивыхъ бабчекъ. Наконецъ отсутствіе млекопитающихъ животныхъ и столь распространныхъ птицъ, какъ дятлы, дрозды, фазаны и др. показываетъ, что Молукскіе острова имѣютъ мало общаго съ великимъ азіатскимъ материкомъ, хотя, повидимому, и соединяются съ нимъ непрерывною цѣпью острововъ.

Яванская свадебная процессія.

ГЛАВА XXVIII.

ОТЪ МАКАССАРА ДО ОСТРОВОВЪ АРУ.

Переѣздъ.—Туземное судно.—Его устройство и экипажъ.—Водяные часы.—Прибытіе къ островамъ Кп.

Въ началѣ декабря на Макассарѣ наступилъ періодъ дождей. Въ теченіи почти трехъ мѣсяцевъ я созерцалъ солнце, которое ежедневно восходило изъ за пальмовыхъ рощъ, подымалось до зенита и затѣмъ, заходя, погружалось подобно огненному шару въ волны океана, все время сохраняя свой яркій блескъ; теперь же все небо было покрыто мрачными свинцовыми тучами, изъ за которыхъ вовсе не было видно солнца. Теплые и сухіе восточные вѣтры, неизмѣнно дувшіе до сихъ поръ, смѣнились теперь порывистыми непостоянными вѣтрами и сильными дождями, часто продолжавшимися въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ безъ перерыва; выжженныя рисовыя поля, тянувшіяся на нѣсколько миль кругомъ города, были совершенно затоплены, такъ что приходилось переѣзжать ихъ въ лодкахъ или пробираться по вершинамъ валовъ, служившихъ пограничными линіями для отдѣльныхъ частныхъ владѣній.

Такъ какъ подобная погода могла протянуться мѣсяцевъ пять на южномъ Целебесѣ, то на это время я рѣшился избрать моимъ мѣстопребываніемъ климатъ болѣе благопріятный; для цѣли же моего путешествія, на слѣдующее лѣто я предполагалъ вернуться сюда опять для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Къ счастію я находился въ одномъ изъ главныхъ промышленныхъ центровъ Архипелага. Сюда доставляется раттангъ съ Борнео, сандальное дерево и пчелиный воскъ съ Флореса и Тимора, трепанги съ Карпентарскаго залива, каепутовое масло съ Буру, мускатные орѣхи и хинная корка съ Новой Гвинеи; окружающая же мѣстность доставляетъ рисъ и кофе. Но особенно важна торговля съ Ару, группою острововъ, лежащихъ у юго-западнаго берега Новой Гвинеи и достав-

ляющихъ свои произведенія на островъ Макассаръ. Острова эти вовсе не посѣщаются европейскими промышленниками и населены исключительно чернокожими дикарями; между тѣмъ произведенія ихъ служатъ для удовлетворенія изысканнаго вкуса самыхъ цивилизованныхъ народовъ. Они доставляютъ Европѣ жемчугъ, перламутръ и черепашью кость, а гастрономамъ Китая—съѣдобныя птичьи гнѣзда и трепангъ и морскихъ слизней.

Острова Ару давно уже пріобрѣли торговое значеніе, первыя райскія птички доставлены были намъ отсюда. Вслѣдствіе мусоновъ туземныя суда совершаютъ путешествіе только разъ въ годъ, они оставляютъ Макассаръ въ январѣ или декабрѣ, когда начинается западный мусонъ и возвращаются въ іюлѣ или въ августѣ, сопутствуемыя восточнымъ мусономъ. Даже туземцы Макассара считаютъ путешествіе на острова Ару необычайною и романтическою поѣздкой, неразлучною съ странными приключеніями. Человѣкъ побывавшій на островахъ Ару пріобрѣтаетъ въ глазахъ туземцевъ особенное значеніе, и немногимъ изъ нихъ удается исполнить свое завѣтное желаніе съѣздить въ этотъ волшебный край. Я самъ былъ мало увѣренъ, что мнѣ удастся посѣтить эту интересную мѣстность, и когда наступило время для осуществленія моего давнишняго желанія, то едва только я рѣшился на путешествіе въ 1,000 миль на бугисскомъ суднѣ и на предстоявшее затѣмъ мнѣ шести или семи мѣсячное пребываніе среди коварныхъ промышленниковъ и свирѣпыхъ дикарей—то почувствовалъ то же, что чувствуетъ мальчикъ, когда въ первый разъ садится въ дилижансъ, отправляющійся въ столь заманчивый для каждаго молодого англичанина городъ Лондонъ!

Меня познакомили съ хозяиномъ одного изъ большихъ туземныхъ судовъ, отправлявшихся въ непродолжительномъ времени на острова Ару. Это былъ умный и привѣтливый яванецъ, человѣкъ женатый; но жена его, молодая и красивая голландка, не сопровождала его въ путешествіи, а осталась на Макассарѣ. Когда я заговорилъ съ нимъ о платѣ за проѣздъ, то онъ отказался опредѣлить ее теперь же, предоставивъ моему усмотрѣнію заплатить какую мнѣ будетъ угодно сумму по возвращеніи изъ путешествія. «Тогда», сказалъ онъ мнѣ, «дадите ли вы мнѣ одинъ долларъ или сто, я во всякомъ случаѣ буду доволенъ и больше не потребую».

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ я посвятилъ приготовленіямъ къ путешествію въ столь отдаленный край; кромѣ многочисленныхъ закупокъ, мнѣ нужно было озаботиться пріисканіемъ прислуги. Утромъ 13-го декабря мы перебрались на судно, но поѣздку нашу пришлось

отложить на нѣсколько дней, такъ какъ пошли сильные дожди, сопровождавшіеся бурею, заставившею насъ вернуться въ Макассарскую гавань. Мы простояли здѣсь лишнихъ четыре дня, такъ какъ все это время шелъ дождь, вслѣдствіе чего невозможно было просушить и исправить наши громадные паруса изъ рогожъ. Всѣ эти дни я пробылъ на бортѣ судна, изученію устройства котораго я посвящалъ тѣ рѣдкія минуты, когда не шелъ дождь.

Судно наше поднимало до семидесяти тоннъ и имѣло видъ китайской джонки. Палуба имѣла покатость къ носу, которая составляла такимъ образомъ самую нижнюю часть судна, на которомъ прилажены были два большіе руля.

На задней части судна находился низкій ютъ, вышиною въ $3^1/_2$ фута, составлявшій каюту капитана, убранство которой заключалось въ сундукахъ, рогожахъ и подушкахъ. Спереди ютa и гротъ мачты устроено было на палубѣ подобіе домика, въ 4 фута вышиною; одно отдѣленіе его, представлявшее родъ каюты въ $6^1/_2$ футовъ длиною и въ $5^1/_2$ шириною, я взялъ въ свое распоряженіе; это былъ самый уютный комфортабельный уголокъ, какой только мнѣ приходилось имѣть во время морскихъ путешествій. На одной сторонѣ его была устроена низкая подъемная дверь, а на другой находилось крошечное окно. Полъ былъ сдѣланъ изъ бамбука и приподнятъ на шесть дюймовъ надъ палубою, такъ что оставался постоянно сухъ. Онъ былъ покрытъ красивыми тростниковыми матами, выдѣлкою которыхъ славится Макассаръ; здѣсь разставлены были мои коробки съ насѣкомыми, платье и книги; середину каюты занимала постель, подлѣ двери разложены были различныя дорожныя принадлежности; ружья, револьверъ и охотничій ножъ были привѣшаны къ потолку. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ своимъ помѣщеніемъ и предпочиталъ его раззолоченнымъ и неуютнымъ салонамъ первокласнаго парохода. Да и вообще вся обстановка судна мнѣ чрезвычайно нравилась—здѣсь я не чувствовалъ запаха ни краски, ни смолы, ни новыхъ канатовъ (противнѣе запаха которыхъ трудно себѣ представить), ни сала, ни масла, ни лаку; вездѣ былъ бамбукъ, раттангъ, пальма и другія растительныя вещества, запахъ которыхъ (если только они пахнутъ) наводитъ мысль о зеленомъ и тѣнистомъ лѣсѣ.

Экипажъ нашъ состоялъ изъ тридцати человѣкъ, туземцевъ Макассара и прилегающихъ острововъ. Все это былъ по большей части молодой и веселый народъ. Костюмъ ихъ во время работы состоялъ обыкновенно изъ однихъ панталонъ и платка повязаннаго вокругъ головы, вечеромъ же они надѣвали куртку изъ тонкой бумажной ткани. Четверо

изъ нихъ были рулевыми и раздѣлены были на двѣ смѣны, по два человѣка на смѣну, продолжавшуюся шесть часовъ. Одинъ старикъ исполнялъ должность старшаго помощника капитана и занималъ вторую половину домика устроеннаго на палубѣ. Въ числѣ экипажа находилось человѣкъ десять почтенныхъ китайцевъ или бугисовъ, которые, какъ неисправные должники, отданы были своими кредиторами на заработки; вознагражденіе за ихъ трудъ шло на уплату долговъ. Подобный обычай введенъ здѣсь голландцами и повидимому приноситъ пользу. Онъ весьма на руку промышленникамъ, которые, вслѣдствіе малонаселенности здѣшнихъ острововъ, должны имѣть здѣсь агентовъ, которымъ даютъ товаръ въ кредитъ; но послѣдніе часто проматываютъ вырученныя ими деньги, предаваясь игрѣ и кутежамъ. Нисшій классъ населенія почти не выходитъ изъ долговъ. Купцы продолжаютъ имъ вѣрить въ кредитъ, пока цифра долга не составитъ крупную сумму, послѣ чего они обращаются въ судъ, который и отдаетъ должниковъ на заработки до уплаты ими долга. Нельзя сказать, чтобы должники были недовольны подобнымъ исходомъ дѣла; они рады, что свободны отъ отвѣтственности и въ то же время имѣютъ мѣсто у какого либо богатаго и извѣстнаго купца; они ведутъ небольшой торгъ на свой собственный счетъ, и обѣ стороны довольны другъ другомъ. Подобные обычаи имѣютъ болѣе смысла, чѣмъ заключеніе неисправныхъ должниковъ въ тюрьму. Хозяинъ нашего судна обращался съ своими бугисами чрезвычайно вѣжливо и обѣдалъ съ ними за однимъ столомъ.

Моя прислуга состояла изъ трехъ человѣкъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Али, малайскій мальчикъ, взятый мною на Борнео. Онъ служилъ у меня уже годъ, оказался весьма способнымъ и предупредительнымъ малымъ и пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ былъ хорошимъ стрѣлкомъ и выучился подъ моимъ руководствомъ прекрасно препарировать птицъ. Другой, по имени Бадерунъ, съ Макассара, былъ тоже хорошій малый, но отчаянный игрокъ. За недѣлю передъ отъѣздомъ, онъ взялъ у меня жалованье за пять мѣсяцевъ впередъ подъ предлогомъ покупки дома для его матери и платья для самого себя, но всю полученную сумму проигралъ до послѣдняго доллара въ день или два. Онъ явился на судно безъ платья, табаку и другихъ дорожныхъ принадлежностей, которыя мнѣ пришлось вновь закупить для него. И тому и другому было лѣтъ по шестнадцати; третій, помоложе, былъ бойкій мальчикъ, по имени Базо, служившій уже у меня съ мѣсяцъ или два и выучившійся довольно сносно готовить кушанье. Онъ исполнялъ у меня важныя обязанности повара и эконома, такъ какъ я не могъ достать болѣе опыт-

наго человѣка, который бы рѣшился сопровождать меня въ столь отдаленный край; нанять такого человѣка было также трудно, какъ пріискать chef de cuisine, который бы согласился ѣхать въ Патагонію.

На пятый день пребыванія моего на суднѣ (15 декабря) дождь пересталъ, и сдѣланы были всѣ приготовленія къ отплытію. Въ послѣднее время лодки то и дѣло, что доставляли намъ провизію для путешествія, плоды, овощи, рыбу и пальмовый сахаръ. Въ полдень прибыли къ намъ двѣ женщины съ многочисленными друзьями и родственниками; при прощаніи присутствующіе взаимно потерлись носами (малайскій поцѣлуй); не обошлось дѣло и безъ слезъ. На другой день въ три часа утра явился къ намъ хозяинъ судна, послѣ чего былъ поднятъ якорь, и въ четыре часа мы отплыли. Когда мы удалились на приличное разстояніе отъ другихъ судовъ, старикъ, исправлявшій должность старшаго помощника капитана сказалъ нѣсколько молитвъ, при чемъ всѣ окружающіе повторяли «Аллахъ иль Аллахъ»; чтеніе молитвъ сопровождалось ударами въ гонгъ; въ заключеніе всѣ пожелали другъ другу «сааламатъ яланъ», т. е. безопаснаго и счастливаго путешествія. Море было покойно и дулъ легкій вѣтерокъ, вообще утро было прекрасное, такъ что начало нашего путешествія нельзя было не назвать удачнымъ.

Весь день прошелъ также благополучно. Къ вечеру намъ пришлось плыть мимо острова «Танакаки, у южной оконечности Целебеса, гдѣ попадаются опасные подводные камни. Когда мнѣ случилось какъ-то плюнуть за бортъ, то одинъ изъ служащихъ остановилъ меня и замѣтилъ, что плевать за бортъ не слѣдуетъ, такъ какъ мѣстность, въ которой мы находимся, внушаетъ имъ сильный страхъ. Сначала я не понялъ его и заставилъ повторить сдѣланное имъ замѣчаніе; когда я увидѣлъ, что онъ говоритъ совершенно серьезно, то спросилъ, «вѣроятно здѣсь водятся «гантусъ» (духи)?» «Да», отвѣчалъ онъ, «и они не любятъ, чтобы бросали что нибудь за бортъ; не одно уже судно погибло отъ этого». Я обѣщался на будущее время быть осторожнѣе. При захожденіи солнца добрые мусульмане пропѣли хоромъ молитву, что возбудило въ моей душѣ пріятное воспоминаніе объ «Ave Maria» въ католическихъ странахъ.

20-го декабря, при восходѣ солнца мы очутились противъ горы Бонтайнъ, слывущей одною изъ высочайшихъ горъ Целебеса. Послѣ полудня мы проплыли чрезъ Салайерскій проливъ, гдѣ на насъ набѣжалъ маленькій шквалъ, который заставилъ насъ снять большую мачту, паруса и большія реи. Въ остальную часть вечера дулъ хорошій западный вѣтеръ, несшій насъ со скоростью почти пяти узловъ въ часъ, что,

быть можетъ, составляло наибольшую скорость, которую могло пріобрѣсти наше старое, неуклюжее судно.

Декабря 21-го было большое волненіе съ юго-запада, которое качало насъ весьма сильно. Однако дулъ постоянный вѣтеръ и мы шли очень хорошо; 22-го волненіе прекратилось. Мы проплыли мимо Бутонга большого, высокаго и лѣсистаго острова, родины нѣсколькихъ нашихъ матросовъ. Небольшая «прау», возвращавшаяся изъ Бали на о. Горамъ, встрѣтилась съ нами. Накота (капитанъ) былъ знакомъ съ нашимъ хозяиномъ. Они путешествовали уже два года, но были полны народомъ и между ними было нѣсколько черныхъ папуасовъ. Въ 6 часовъ по полудни мы проплыли мимо Вангиванги, низменнаго, но холмистаго острова, обитаемаго и подчиненнаго Бутонгу. Мы спокойно вошли въ Молукскій проливъ. Когда стемнѣло, руль нашъ представлялъ весьма занимательное зрѣлище: изъ него изливались, крутясь подобно водоворотамъ, потоки фосфорическаго свѣта, пересыпанные яркими блестками, вращавшимися подобно вихрю. Они походили (это наиболѣе подходящее сравненіе, какое я только могу подобрать) на большую неправильную звѣздную туманность, видимую въ хорошій телескопъ, съ тѣмъ однако преимуществомъ, что они безпрерывно мѣняли свою форму и находились въ волнообразномъ движеніи.

Солнце, окруженное краснымъ заревомъ, прекрасно взошло надъ горизонтомъ на слѣдующій день; островъ, который мы покинули наканунѣ, едва видимъ позади насъ; горамская «прау» на югѣ отъ насъ приблизительно въ одной мили разстоянія. У нихъ нѣтъ компаса, однако они весьма вѣрно держали свой путь въ теченіе ночи. Нашъ хозяинъ сказалъ мнѣ, что они оріентируются по морскимъ волнамъ, направленіе которыхъ замѣчаютъ при закатѣ солнца. Въ этихъ моряхъ имъ никогда не приходится (въ хорошую погоду) оставаться въ открытомъ морѣ болѣе двухъ дней. Разумѣется иногда случается, что противные вѣтры и теченія уносятъ ихъ въ сторону, но они всегда попадаютъ въ непродолжительномъ времени на какой нибудь островъ, гдѣ всегда можно найти на какомъ либо суднѣ стараго моряка, который знакомъ съ моремъ и который можетъ указать другой путь. Прошлою ночью была поймана акула около пяти футовъ длиною; сегодня утромъ ее изрѣзали и сварили. По полудни поймали другую и мнѣ изжарили маленькій кусокъ; онъ показался мнѣ сухимъ и жесткимъ, но довольно вкуснымъ. Вечеромъ солнце закатилось, окруженное густыми тучами, которыя, когда стемнѣло, пріобрѣли зловѣщій чёрный цвѣтъ. Въ ожиданіи сильнаго вѣтра или дождя мы, по обыкновенію, свернули большія паруса и положили ихъ

вмѣстѣ съ ихъ реями на палубу, оставивши только маленькій четыреугольный носовой парусъ. Большими парусами въ высшей степени трудно управлять въ дурную погоду. Реи, поддерживающія ихъ, бываютъ въ семнадцати футовъ длиною и разумѣется очень тяжелы, а такъ какъ единственный способъ свернуть ихъ заключается въ навертываніи паруса на бонъ, то весьма опасно оставить ихъ не снятыми, когда налетитъ шквалъ. Нашъ экипажъ, хотя достаточно многочисленный для судна не въ 70, а въ 700 тоннъ, предоставляетъ судно обыкновенно самому себѣ, такъ что рѣдко бываетъ за работою больше двѣнадцати человѣкъ. Когда же нужно сдѣлать что либо важное, то всѣ берутся за работу довольно охотно, но при этомъ каждый считаетъ себя въ правѣ подавать свое мнѣніе, и командующихъ является съ полъ-дюжины; на кораблѣ царствуетъ такой шумъ и безпорядокъ, что удивительно, какъ еще дѣлается хотя что нибудь.

Принимая во вниманіе, что нашъ экипажъ въ 50 человѣкъ состоялъ изъ людей различныхъ племенъ, дикихъ, неукротимыхъ, изъ которыхъ лишь немногіе были нѣсколько обузданы нравственными требованіями и воспитаніемъ, приходится сказать, что мы плыли удивительно благополучно. У насъ не бываетъ ни дракъ ни ссоръ, которыя непременно возникли бы среди такого же количества европейцевъ, если бы они сдерживались такою же слабою дисциплиною, ни того шума и гама, которые можно бы было ожидать. Въ хорошую погоду большинство доставляетъ себѣ самыя невинныя наслажденія: нѣкоторые спятъ въ тѣни паруса; другіе, разбившись на маленькія группы по три или четыре человѣка, болтаютъ или жуютъ бетель; одинъ придѣлываетъ новую ручку къ своему ножу, другой шьетъ новую пару брюкъ или рубашку, однимъ словомъ всѣ ведутъ себя также смирно и хорошо, какъ на отлично управляемомъ англійскомъ купеческомъ кораблѣ. Двое или трое по очереди становятся часовыми на носу и наблюдаютъ за брасомъ и фалами большого паруса; двое рулевыхъ спускаются внизъ къ рулю; капитанъ, или *юрганъ*, даетъ направленіе, соображаясь отчасти съ направленіемъ вѣтра, и смѣна въ два или три человѣка наблюдаетъ на кормѣ за должнымъ положеніемъ парусовъ и выкрикиваетъ время, указываемое водяными часами. Это весьма остроумное приспособленіе, отлично измѣряющее время, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную погоду. Это ничто иное какъ простое ведро, наполненное водою до половины, въ которомъ плаваетъ хорошо выскобленная скорлупа, кокосоваго орѣха. Въ днѣ этой скорлупы проверчено маленькое отверзтіе, такъ что когда скорлупа положена на воду, въ нее устремляется тоненькая струйка воды. Вслѣд-

ствіе этого скорлупа мало по малу пополняется водою а отверзтіе сдѣлано такихъ размѣровъ, что, по прошествій ровно часа, скорлупа разомъ идетъ ко дну. Тогда часовой выкрикиваетъ часъ, считая отъ солнечнаго восхода, вынимаетъ скорлупу, опорожняетъ ее и снова опускаетъ на воду. Этотъ приборъ прекрасно выполняетъ свое назначеніе. Я сличалъ его съ своими часами и нашелъ, что въ часъ онъ отклонялся менѣе чѣмъ на одну минуту и что качка не имѣетъ на него никакого вліянія, такъ какъ поверхность воды въ ведрѣ остается, разумѣется, горизонтальною. Для грубыхъ дикарей приборъ этотъ имѣетъ ту выгоду, что его легко понять, легко наблюдать, вслѣдствіе его крупныхъ размѣровъ, и того, что при погруженіи скорлупы происходитъ нѣкоторое движеніе и клокотаніе воды, которое легко замѣтить. Наконецъ, если онъ испортится, то во время стоянки легко сдѣлать новый.

Нашъ капитанъ и хозяинъ, на мой взглядъ, человѣкъ смирный, добродушный, отлично приспособляющійся ко всему его окружающему. Въ дорогѣ онъ никогда не пьетъ ни вина, ни водки и довольствуется кофеемъ съ печеньями, который онъ пьетъ утромъ и послѣ обѣда вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ и помощниками. Онъ получилъ нѣкоторое образованіе, умѣетъ хорошо читать и писать по голландски и по малайски, употребляетъ компасъ и имѣетъ карту. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ купцомъ въ Ару, и хорошо извѣстенъ, какъ европейцамъ, такъ и туземцамъ этой страны.

Декабря 24-го день былъ прекрасный съ легкимъ вѣтеркомъ. Въ первый разъ со времени нашего отплытія отъ Макассара на горизонтѣ не видно земли. Въ тихій полдень полилъ ливень, которымъ наши матросы воспользовались, чтобы вымыть свое платье, и послѣ полудня вся палуба была выложена рубахами, брюками и саронгами различныхъ яркихъ цвѣтовъ. Сегодня я сдѣлалъ открытіе, которое съ перваго раза испугало было меня. Два отверзтія, въ которыя входятъ концы румпеля, идущіе отъ боковъ ручки руля, расположены не выше, какъ на три или четыре фута надъ поверхностью воды, которая имѣетъ такимъ образомъ свободный доступъ во внутренность корабля. Я, разумѣется, подумалъ, что это мѣсто отгорожено отъ трюма непроницаемымъ для воды простѣнкомъ, такъ что вода можетъ залить только эту часть и не будетъ имѣть другихъ послѣдствій кромѣ того, что искупаетъ рулевыхъ. Однако, къ моему удивленію и ужасу, я увидѣлъ, что она совершенно свободно сообщается съ трюмомъ и слѣдовательно въ бурную ночь кораблю нашему стоитъ покачнуться съ боку на бокъ разъ шесть, чтобы вполнѣ или почти вполнѣ потопить насъ. Представьте себѣ корабль,

отправляющійся въ море на цѣлый мѣсяцъ, съ двумя отверзтіями въ квадратный футъ каждое, расположенными въ трюмѣ на три фута надъ ватеръ-линіей, — отверзтіями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ быть законопачены! Но нашъ капитанъ говоритъ, что всѣ прау такъ устроены, и хотя онъ сознаетъ опасность, «тѣмъ не менѣе онъ не знаетъ какъ помочь горю, потому что всѣ къ этому привыкли; онъ не такого понятія о прау, какъ они, и если бы онъ сдѣлалъ такое важное измѣненіе, то ему навѣрное было бы трудно набрать экипажъ!» Это доказываетъ однако, что прау весьма хорошіе морскіе ботики, потому что капитанъ уже десять лѣтъ безпрерывно плаваетъ на нихъ и утверждаетъ, что не помнитъ ни одного случая, чтобы воды набралось такое большое количество, чтобы судну угрожала опасность.

День Рождества Христова занялся надъ нами среди порывовъ вѣтра, проливного дождя, грома и молніи; прибавьте къ этому сильное волненіе, которое пренепріятнымъ образомъ кидало наше странное судно. Однако къ девяти часамъ небо прояснилось, и мы увидѣли передъ собою прекрасный островъ Бору, до котораго оставалось еще миль сорокъ или пятьдесятъ; на горизонтѣ виднѣлись его горы, покрытыя тучами, нижняя же часть еще не была видна. Послѣ полудня погода стояла прекрасная и вѣтеръ снова сталъ дуть къ западу. Впрочемъ хотя это настоящій восточный мусонъ, тѣмъ не менѣе въ немъ нѣтъ ни правильности, ни постоянства,—безпрерывно наступаетъ безвѣтріе и дуютъ слабые вѣтры по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Капитанъ, хотя считаетъ себя протестантомъ, не имѣетъ повидимому никакого понятія о Рождествѣ, какъ праздникѣ. Обѣдъ нашъ состоялъ, какъ всегда, изъ риса и соуса съ пряностями, и лишній стаканъ вина составлялъ все, чѣмъ я могъ отпраздновать этотъ день.

Прекрасный видъ представился на горы острова Бору, къ которому мы значительно приблизились на слѣдующій день Наши матросы выглядываютъ увальнями. Они не ходятъ по палубѣ съ легкимъ покачиваніемъ англійскихъ моряковъ, но запинаются и переваливаются съ боку на бокъ какъ обитатели твердой земли. Ночью нижній бонъ нашей большой мачты сломался, и они цѣлое утро поправляли его. Онъ состоялъ изъ двухъ бамбуковыхъ тростей, связанныхъ такъ, что комлевыя части приходились къ тонкимъ и имѣлъ около 70 ф. въ длину. Оснастка и устройство этихъ прау и европейскихъ кораблей представляютъ странную противоположность другъ съ другомъ. Въ европейскихъ корабляхъ канаты и всевозможныя снасти, хотя они гораздо многочисленнѣе, расположены такъ, чтобы могли имѣть полную независимость дѣйствія; здѣсь же совершен-

*

но напротивъ: хотя здѣсь нѣтъ ни вантовъ ни штаговъ, столь осложняющихъ оснастку, однако почти ничего нельзя сдѣлать, не устранивъ сперва нѣсколькихъ мѣшающихъ снастей. Большой парусъ нельзя повернуть для измѣненія направленія движенія корабля, не опустивши предварительно кливера; для производства того же маневра нужно опустить и отвязать боны передняго и задняго паруса. Сверхъ того веревки перепутаны другъ съ другомъ, и нельзя поднять всѣхъ парусовъ (хотя ихъ мало), чтобы при этомъ значительная часть поверхности однихъ парусовъ не закрывалась отъ вѣтра другими. Однако прау весьма нравятся даже тѣмъ, кто имѣлъ европейскій корабль, вслѣдствіе ихъ дешевизны и легкости ремонта; почти всѣ поврежденія могутъ быть исправлены матросами же и требуется весьма мало европейскихъ запасовъ.

Сегодня 28-го декабря, мы увидѣли группу Бандскихъ острововъ: сперва показался вулканъ,—красивый конусъ, весьма похожій на египетскія пирамиды и почти столь же правильный. По вечерамъ дымъ стоялъ надъ нимъ, какъ маленькое неподвижное облачко. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ дѣйствующій вулканъ; но картинки и панорамы такъ сильно запечатлѣваютъ ихъ видъ въ нашей памяти, что мы наконецъ смотримъ на нихъ, какъ на нѣчто весьма обыкновенное.

30-го декабря мы прошли мимо острова Теоръ и группы острововъ, лежащихъ близъ него, и весьма неправильно изображаемыхъ на картахъ. Множество летучихъ рыбъ носилось по воздуху. Онѣ нѣсколько меньше летучихъ рыбъ Атлантическаго океана, но гораздо игривѣе и красивѣе ихъ. Скользя по поверхности воды, онѣ поворачиваются на бокъ и показываютъ свои прелестныя плавательныя перья; онѣ пролетаютъ пространства футовъ въ 300 и въ высшей степени граціозно поднимаются на воздухъ и падаютъ въ воду. На небольшомъ разстояніи онѣ весьма похожи на ласточекъ, и никто изъ видящихъ ихъ не подумаетъ, что онѣ не летаютъ, а только падаютъ облически съ высоты, которой достигли вслѣдствіе удара перьями о поверхность воды. Вечеромъ водяная птица изъ породы морскихъ бѣлыхъ воронъ, (sula fiber) сѣла на нашъ курятникъ и была поймана за шею однимъ изъ моихъ мальчиковъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня показались Кійскіе острова, гдѣ мы простоимъ нѣсколько дней. Около полудня мы обогнули сѣверную оконечность ихъ и попробовали пристать къ берегу, чтобы бросить якорь; но такъ какъ мы находились на той сторонѣ острова, которая была подъ вѣтромъ, то на насъ подулъ порывистый неправильный вѣтеръ; наконецъ, послѣ того какъ мы перестали лавировать, насъ понесло назадъ. Какъ разъ въ

эту минуту показались два туземныхъ ботика, и послѣ переговоровъ съ нашимъ хозяиномъ они согласились, при содѣйствіи нашего ботика, тащить насъ на буксирѣ; они попробовали сдѣлать это, но безуспѣшно. Вслѣдствіе этого мы должны были бросить якорь на весьма опасномъ скалистомъ мѣстѣ; мы проработали почти до самой ночи, пока наконецъ намъ не удалось зацѣпиться канатами за нѣсколько подводныхъ скалъ. Берега острова Ки, мимо которыхъ мы плыли, весьма живописны. Слегка окрашенныя известковыя скалы, отвѣсно поднимающіяся надъ водою на высоту нѣсколькихъ сотъ футовъ, повсюду покрыты были самою разнообразною и роскошною растительностью и представляли множество выступающихъ зубцовъ и башень, верхушки которыхъ вслѣдствіе дождей сдѣлались коническими, а поверхность вся изрылась нишами. У подошвы на скалахъ расли пандановыя деревья, кустарники лилейныхъ страннаго вида, перемѣшанные съ кустами ползучихъ; болѣе же возвышенныя склоны скалъ были покрыты густымъ лѣсомъ. Тамъ и сямъ ослѣпительно бѣлѣли островки и заливы. Вода была прозрачна какъ хрусталь, и окрашивала усѣянный скалами скатъ, погружавшійся въ нее на неизмѣримую глубину, во всѣ цвѣта, начиная съ изумруднаго и кончая темносинимъ. Море было спокойно какъ озеро, и величественное тропическое солнце обливало все это цѣлыми потоками свѣта. Эта картина казалась мнѣ невыразимо очаровательною. Я былъ въ новомъ мірѣ, и могъ мечтать о чудесахъ, скрывающихся въ этихъ лѣсистыхъ скалахъ и въ этихъ лазурныхъ безднахъ. Лишь немногіе европейцы ступали когда либо по берегамъ, на которые я смотрѣлъ; ихъ растенія, животныя и обитатели были почти въ равной степени неизвѣстны, и я не могъ еще отгадать что откроетъ свѣту мое непродолжительное пребываніе на этихъ берегахъ.

ГЛАВА XXIX.

ОСТРОВЪ КЙ.

Встрѣча съ туземцами.—Характеръ ихъ.—Рѣзкая противоположность между двумя расами.—Лѣса и кораблестроеніе у туземцевъ.—Животныя.

Туземныя лодки, вышедшія къ намъ на встрѣчу, числомъ четыре, заключали въ себѣ всего около пятидесяти человѣкъ. Это были длинныя байдары, корма и носъ которыхъ поднимались въ видѣ клюва въ шесть или восемь футовъ и были украшены раковинами и перьями казуара. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ папуасовъ въ ихъ отечествѣ и не болѣе какъ въ пять минутъ убѣдился въ томъ, что мнѣніе, составленное по наблюденіямъ надъ нѣсколькими рабами изъ Тимора и Новой Гвинеи, въ сущности справедливо, и что люди, которыхъ я видѣлъ предъ собою рядомъ, принадлежатъ къ двумъ наиболѣе противоположнымъ и рѣзко опредѣленнымъ расамъ, какія только живутъ на землѣ. Если бы я былъ даже слѣпъ, то и тогда не усумнился бы, что эти островитяне не малайцы. Громкій, быстрый, горячій говоръ, безпрерывная жестикуляція, необыкновенная пылкость темперамента, обнаруживающаяся въ рѣчи и въ дѣйствіяхъ, составляютъ діаметральную противоположность съ спокойствіемъ, неподвижностью, безжизненностью малайцевъ. Обитатели Ки плыли съ пѣніемъ и восклицаніями, глубоко погружая весла въ воду и взбрасывая цѣлыя тучи брызгъ; подплывши ближе, они встали въ своихъ лодкахъ и удвоили крики и жестикуляцію; подплывши къ нашему кораблю, большая часть ихъ, не спрашивая позволенія и не задумываясь ни минуты, бросилась на нашу палубу, какъ будто они пришли овладѣть кораблемъ, взятымъ въ плѣнъ. Затѣмъ началась невообразимая суматоха. Эти сорокъ черныхъ, голыхъ, швабро-головыхъ дикарей казалось опьянѣли отъ удовольствія. Ни одинъ изъ нихъ не могъ постоять мгновенія спокойно. Каждаго изъ членовъ нашего экипажа окружали, раз-

сматривали, просили табаку или водки, скалили надъ нимъ зубы и оставляли, чтобы окружить другого. Всѣ говорили вмѣстѣ; нашъ капитанъ былъ осаждаемъ предводителями, желавшими тащить насъ на буксирѣ и запальчиво требовавшими, чтобы имъ было заплачено впередъ. Подарокъ небольшого количества табаку заставлялъ ихъ глаза искриться; радость свою они выражали смѣхомъ, восклицаніями, кувырканьемъ по палубѣ или прыжкомъ внизъ головой за бортъ. Школьники при неожиданномъ праздникѣ, ирландцы на ярмаркѣ или моряки на берегу, могутъ дать лишь слабое представленіе о необузданной животной радости этого племени.

При подобныхъ же обстоятельствахъ малайцы не могли бы держать себя такъ, какъ держали себя папуасы. Когда малайцы взойдутъ на палубу корабля (испросивши предварительно позволеніе), то не произносятъ сперва ни одного слова, кромѣ немногихъ привѣтствій, и только по прошествіи нѣкотораго времени они, съ большою осторожностью, начинаютъ говорить о дѣлѣ. Говорятъ всегда по одному, тихимъ голосомъ и съ большою обдуманностью; ихъ способъ веденія торга заключается въ томъ, что они спокойно отказываются отъ всѣхъ вашихъ предложеній или даже уходятъ, не говоря ни слова, пока вы не поднимете своей платы до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ она покажется имъ сходною. Нашъ экипажъ (многіе не бывали ни разу въ этихъ краяхъ) былъ, повидимому, окончательно скандализированъ такимъ ничѣмъ не вызваннымъ неприличнымъ поведеніемъ, и только мало по малу онъ сталъ выказывать готовность побраться съ черными джентельменами. Наши люди напоминали мнѣ кружокъ скромныхъ, хорошо воспитанныхъ дѣтей, къ которымъ внезапно ворвалась куча рѣзвыхъ и проказливыхъ ребятишекъ, поведеніе которыхъ кажется первымъ въ высшей степени страннымъ и неприличнымъ.

Такое различіе въ характерѣ убѣждаетъ насъ въ полномъ различіи этихъ двухъ расъ, еще болѣе чѣмъ даже различіе въ наружности, хотя послѣднее также весьма поразительно. Черная лоснящаяся кожа, курчавая голова, похожая на швабру и, что всего важнѣе, совершенно иной типъ лица, чѣмъ у малайцевъ, составляютъ такіе признаки, которые не могутъ объясняться вліяніемъ климата или другихъ видоизмѣняющихъ условій на одну и ту же расу. Лицо малайцевъ принадлежитъ къ монгольскому типу; оно широкое и плоское. Бровныя дуги вдавлены, ротъ широкъ, но не выдается впередъ, носъ небольшой и былъ бы красивымъ, если бы не широкія ноздри. Лицо гладкое, у немногихъ со слѣдами бороды; волосы черные, жесткіе, совершенно прямые. Съ другой стороны, лицо папуаса какъ будто сдав-

лено и выпучилось впередъ. Бровныя дуги выпуклыя и нависшія, ротъ широкъ и выпячивается впередъ, носъ же весьма великъ, кончикъ вытянутъ внизъ, хребетъ широкъ и ноздри велики. Эти выдающіяся и замѣчательныя черты лица составляютъ какъ разъ противоположность тому, что мы находимъ въ лицѣ малайца. Курчавая борода и курчавые волосы дополняютъ этотъ замѣчательный контрастъ. Значитъ я дѣйствительно проникъ въ новый міръ, населенный страннымъ племенемъ. Мы можемъ смѣло утверждать, что между малайскими племенами, среди которыхъ я жилъ нѣсколько лѣтъ, и между папуасами, въ отечество которыхъ я только что вступилъ, такая же разница въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ между краснокожими индѣйцами южной Америки и неграми Гвинеи, живущими на противоположномъ концѣ Атлантическаго океана.

Сегодняшній день 1-го января 1857 года, полонъ наслажденій. Я бродилъ по лѣсамъ острова, который рѣдко видитъ европеецъ. До солнечнаго восхода мы снялись съ якоря и черезъ часъ прибыли къ деревнѣ Гаръ, гдѣ должны были простоять три или четыре дня. Цѣпь холмовъ отступаетъ въ этомъ мѣстѣ, образуя маленькую бухту и превращается въ рядъ шиковъ и куполообразныхъ холмовъ, перемежающихся съ равнинами и впадинами. Полоса самаго бѣлаго песку окаймляетъ бухту, и сама въ свою очередь окаймляется широкой полосой кокосовыхъ пальмъ, скрывающей въ своей тѣни хижины туземцевъ и окруженной густымъ и разнообразнымъ строевымъ лѣсомъ. Лодки и ботики различныхъ размѣровъ были разбросаны по берегу, и одинъ или два праздношатающихся съ нѣсколькими дѣтьми и собакою смотрѣли на нашу прау, когда мы достигли якорнаго мѣста.

Первый предметъ, обратившій на себя наше вниманіе, когда мы сошли на берегъ, былъ большой и хорошо построенный сарай, подъ которымъ строилась длинная лодка, а нѣсколько другихъ въ различной степени готовыхъ лежали на берегу въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга. Нашъ капитанъ, нуждавшійся въ двухъ лодкахъ средней величины для производства торговли на островахъ Ару, тотчасъ же началъ торговаться, и въ непродолжительное время уговорился относительно количества ружей, бубенъ, саронговъ, платковъ, топоровъ, жестяныхъ тарелокъ, табаку и арака, которое ему слѣдовало заплатить за пару лодокъ, долженствовавшихъ быть готовыми черезъ четыре дня. Послѣ того мы отправились въ деревню, состоявшую всего изъ трехъ или четырехъ лачугъ, построенныхъ на неправильномъ скалистомъ участкѣ земли, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, банановъ и другихъ плодовыхъ де-

ревьевъ. Хижины, очень грубо построенныя, черныя и полусгнившія, состояли изъ высокой соломенной крыши на сваяхъ, поднимавшихся на нѣсколько футовъ отъ земли; низкія стѣны были сдѣланы изъ бамбука. Дома были снабжены дверью, но не имѣли ни одного окна; для выхода же дыма было продѣлано отверзтіе въ крышѣ, служившее также для освѣщенія. Полъ былъ сдѣланъ изъ тонкихъ, скользкихъ и упругихъ бамбуковыхъ полосъ, до такой степени некрѣпкихъ, что я боялся провалиться на каждомъ шагу. Корзины домашняго приготовленія изъ листьевъ пандана и сердцевины пальмъ, рогожи изъ того же матеріала, глиняные кувшины и горшки также туземной работы, нѣсколько европейскихъ тарелокъ и сосудовъ, составляли всю домашнюю посуду; внутренность хижины была совершенно темная, закопченная дымомъ и до крайности унылая.

Въ сопровожденіи Али и Бадеруна я отправился на экскурсію, ведя за собой кучу мальчиковъ, желавшихъ посмотрѣть, что мы будемъ дѣлать. Наиболѣе проторенная дорога привела насъ отъ бухты въ тѣнистую впадину, покрытую колоссальными деревьями и весьма мелкимъ подлѣсьемъ. Съ вершины этихъ деревьевъ слышались звуки, подобные звукамъ турецкаго барабана, которые сперва испугали насъ, но вскорѣ перестали тревожить, потому что мы убѣдились, что они производятся какими то крупными голубями. Мои мальчики стали стрѣлять въ нихъ и, послѣ одного или двухъ промаховъ, убили одного изъ нихъ. Это была прекрасная птица въ двадцать дюймовъ длиною, голубоватаго цвѣта съ черными крыльями и зеленымъ металлическаго блеска хвостомъ, переливавшимся золотымъ, синимъ и фіолетовымъ цвѣтами, съ красными, какъ кораллъ, ногами и желтыми глазами. Это рѣдкій видъ, названный мною *Carpophaga concinna* и встрѣчающійся только на нѣсколькихъ островкахъ, гдѣ, впрочемъ, онъ находится въ изобиліи. Этотъ самый видъ называется на островѣ Банда *мускатнымъ* голубемъ, вслѣдствіе его привычки объѣдать плодъ этого растенія, извергая сѣмя или орѣхъ. Хотя эти голуби обладаютъ небольшимъ клювомъ и узкимъ горломъ, однако ихъ челюсти и глотка могутъ такъ сильно разширяться, что они проглатываютъ весьма большіе плоды. Еще до того я застрѣлилъ одинъ экземпляръ гораздо меньшихъ размѣровъ и нашелъ въ зобу его твердые шаровидные пальмовые плоды болѣе чѣмъ въ дюймъ діаметромъ.

Нѣсколько далѣе дорога расходилась на двѣ стороны. Одна шла по взморью чрезъ болото, поросшее корнепускомъ и саговыми деревьями, другая вела къ воздѣланнымъ полямъ. Поэтому мы возвратились назадъ

въ деревню и, отдохнувши, попытались подняться на холмы, чтобы проникнуть во внутренность острова. Однако дорога была самая утомительная. Гдѣ была земля, тамъ мы ступали по красноватому пласту глины, лежавшему на скалѣ, и до такой степени сглаженному босыми туземцами, что въ башмакахъ я совершенно не могъ устоять на немъ. Нѣсколько далѣе мы вступили на голую скалу, что было еще хуже, потому что отъ дождей она была до такой степени изборождена углубленіями и усѣяна острыми ребрами и верхушками, что мои мальчики, ходившіе всю свою жизнь босикомъ, не могли двигаться по ней. Изъ ногъ ихъ сочилась кровь, и я увидѣлъ, что долженъ возвратиться, если не желаю искалѣчить ихъ окончательно. Мои башмаки на тонкихъ подошвахъ могли служить лишь слабою защитою и вскорѣ изорвались бы въ куски; однако наши маленькіе голые путеводители совершенно свободно ходили по этой скалѣ, удивляясь, что мы до такой степени изнѣжены, что не можемъ совершить прогулки, которая была для нихъ самою пріятною вещью. Въ теченіи остального времени нашей стоянки на островѣ, мы принуждены были ограничиться осмотромъ окрестностей бухты и обработанныхъ полей и болѣе низменныхъ частей лѣса, гдѣ отложился тонкій пластъ земли, и гдѣ скалы были менѣе подвержены атмосферному вліянію.

Островъ Ки длиненъ и узокъ, тянется съ сѣвера на югъ и почти весь состоитъ изъ скалъ и горъ. Онъ повсюду покрытъ роскошнымъ лѣсомъ, а бухты и заливы усыпаны бѣлѣйшимъ пескомъ, получившимся вслѣдствіе разложенія известковыхъ коралловъ, изъ которыхъ островъ состоитъ. Во всѣхъ маленькихъ болотистыхъ бухтахъ изобилуютъ саговыя деревья, которыя удовлетворяютъ большую часть потребностей туземцевъ, не сѣющихъ риса и, кромѣ кокосовыхъ пальмъ, платановъ и ямсоваго корня, не знающихъ другихъ плодовыхъ растеній. Изъ орѣховъ кокосовыхъ пальмъ, окружающихъ каждую хижину и прекрасно растущихъ на пористой известковой почвѣ, пропитанной соленою водою, добывается масло, которое съ выгодою продается торговцамъ изъ Ару, пріѣзжающимъ сюда именно за масломъ, лодками и гончарными издѣліями. Деревянные стаканы, миски и корыта также дѣлаются здѣсь въ большомъ количествѣ изъ крѣпкихъ кусковъ дерева при помощи ножа и теслы; эти издѣлія развозятся во всѣ части Молукскихъ острововъ. Но главное ремесло, которымъ въ высшей степени славятся жители Ки есть кораблестроеніе. Ихъ лѣса доставляютъ имъ превосходный строевой лѣсъ, который, впрочемъ едвали лучше лѣса, доставляемаго многими другими островами; но по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ эти отдаленные

дикари достигли совершенства въ искусствѣ, считающемся очень труднымъ. Ихъ маленькія байдары красиво сдѣланы, широки и низки посрединѣ, концы же приподняты, оканчиваются болѣе или менѣе загнутыми клювами и украшены птичьими перьями. Они не вырѣзаны изъ одного куска дерева, а построены изъ досокъ, идущихъ отъ одного конца и до другого и такъ хорошо пригнанныхъ, что часто трудно найти щель между ними, въ которую можно было бы вставить лезвіе ножа. Самыя большія байдары бываютъ въ 20 — 30 тоннъ и скрѣпляются одними только деревянными гвоздями; при постройкѣ ихъ не употребляютъ никакого инструмента, кромѣ топора, теслы и бурава. Байдары эти красивы, легки на ходу, отличные морскіе ботики, и совершенно безопасно могутъ совершить продолжительное путешествіе, пройдя весь океанъ отъ Новой Гвинеи и до Сингапура, океанъ, который, какъ подтвердятъ всѣ моряки, много плававшіе по немъ, вовсе не такъ тихъ, какъ его любятъ описывать путешественники.

На островѣ Ки растетъ прекрасный строевой лѣсъ, высокій, прямой, прочный и разнообразный; утверждаютъ даже, что нѣкоторые сорты его лучше индійскаго тика. Для каждой пары досокъ, идущихъ на постройку большой байдары, употребляется цѣлое дерево. Его срубаютъ иногда за нѣсколько миль отъ берега, отрубаютъ требуемую часть по длинѣ и раскалываютъ продольно на двѣ равныя части. Затѣмъ обтесываютъ ихъ топоромъ для приданія толщины въ 3 или 4 дюйма; при этомъ концы оставляются необтесанными для предотвращенія раскола. Посрединѣ доски оставляется также рядъ выступовъ въ три или четыре дюйма толщиною и шириною и въ футъ длиною; они имѣютъ весьма большое значеніе при постройкѣ судна. Когда изготовлено достаточное количество досокъ, человѣка по четыре стаскиваютъ ихъ на берегъ, гдѣ будетъ производиться постройка. Сперва закладываютъ широкое посрединѣ и значительно приподнимающееся съ боковъ дно, которое кладутъ на катки и хорошенько подпираютъ. Края хорошо выравниваются и выстругиваются, и къ нимъ прикладывается доска, срѣзанная по дугѣ въ точности соотвѣтствующей выгибу дна и постепенно съуживающаяся къ концамъ; по шнуру обрѣзываютъ съ обоихъ концовъ лишнія части. Затѣмъ буравомъ провертываютъ съ противоположной стороны рядъ дыръ приблизительно въ палецъ, въ которыя пропускаютъ болты изъ очень крѣпкаго дерева, такъ что обѣ доски крѣпко и плотно прикладываются другъ къ другу. Какъ ни трудно кажется сдѣлать съ помощью одного искусства такой срѣзъ, который приходился бы точь въ точь по выгибу и провертѣть дыры какъ разъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ,

тѣмъ не менѣе дикари дѣлаютъ это такъ хорошо, что лучшему европейскому корабельному мастеру не сдѣлать болѣе прочныхъ и плотныхъ соединеній. Судно строится такимъ образомъ, накладывая доску на доску, пока не достигнется требуемая высота и ширина. Мы имѣемъ теперь оболочку, которая держится только при помощи деревянныхъ, очень крѣпкихъ и эластичныхъ болтовъ, ничѣмъ не предохраняющихъ отъ образованія щелей, кромѣ своей хорошей пригонки. Теперь въ маленькихъ лодкахъ устраиваютъ сидѣнья, а въ большихъ поперечины, Они укрѣпляются въ нарочно сдѣланныя зарубки и привязываются вѣтвями ратана къ выступамъ досокъ. Затѣмъ придѣлываются ребра, которыя приготовляются изъ цѣльнаго куска твердаго дерева и вытесываются такъ, чтобы выступы досокъ плотно входили въ сдѣланные въ нихъ неглубокіе пазы; ребра привязываются къ выступамъ посредствомъ ратана, продѣваемаго сквозь отверзтіе, проверченное въ выступахъ. Концы реберъ упираются въ вертикальные носовой и кормовой брусья и снова скрѣпляются деревянными гвоздями и ратаномъ. Теперь лодка готова; когда же къ ней придѣлаютъ руль, мачты и покроютъ соломенной покрышкой, тогда она можетъ уже вступить въ бой съ волнами. Внимательное изученіе такого способа постройки заставляетъ меня полагать, что судно старательно построенное по такому способу, принимая во вниманіе крѣпость ратана (который въ этомъ отношеніи болѣе похожъ на проволку, чѣмъ на веревку) будетъ прочнѣе судна, скрѣпленнаго, какъ обыкновенно бываетъ, гвоздями.

Въ теченіе нашей стоянки здѣсь всѣ мы были весьма заняты. Нашъ капитанъ ежедневно наблюдалъ за постройкой своихъ двухъ лодокъ. Въ теченіе цѣлаго дня прибывали на лодкахъ туземцы съ рыбою, кокосовыми орѣхами, попугаями и лори, глиняными горшками, деревянными чашками, мисками и т. д., что покупалось для собственной надобности каждымъ изъ пятидесяти обитателей нашего прау, такъ что все свободное и большая часть необходимаго мѣста на нашемъ кораблѣ была завалена этими предметами,—каждый считаетъ себя въ полномъ правѣ вести самостоятельную торговлю и покупать все, что только можетъ купить.

Деньги неизвѣстны и не имѣютъ никакой цѣнности здѣсь; ножи, матеріи, и аракъ составляютъ, вмѣстѣ съ табакомъ, играющимъ роль мелкой монеты, единственныя орудія обмѣна. Каждая покупка совершается послѣ отдѣльнаго торга и даетъ поводъ къ продолжительнымъ переговорамъ. Положительно необходимо давать весьма мало, потому что туземцы никогда не останутся довольными, если вы не прибавите немного. Это имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ если бы вы имъ сразу предложили вдвое больше, но отказались бы прибавлять.

Я также завелъ маленькую торговлю, уговоривши нѣсколькихъ туземцевъ собирать для меня насѣкомыхъ. Когда они убѣдились, что я въ самомъ дѣлѣ даю имъ самый душистый табакъ за ничтожныхъ жуковъ, то ко мнѣ являлись цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ бамбуковыми трубками, наполненными ползающими существами, которыя, увы!, часто поѣдали другъ друга послѣ суточнаго заключенія. Мнѣ доставили много экземпляровъ одного большого новаго жука, переливавшаго краснымъ и зеленымъ, цвѣтами, котораго я попросилъ достать мнѣ, замѣтивши его крылышко на табачномъ кисетѣ одного туземца. Это былъ совершенно новый типъ, не найденный нигдѣ кромѣ этого островка. Онъ принадлежитъ къ семейству златокъ (Buprestidae) и былъ названъ мною *Cyphogastra calepyga*.

Каждое утро я отправлялся послѣ ранняго завтрака бродить по лѣсу и съ наслажденіемъ ловилъ бабочекъ, которыя были довольно многочисленны и большею частью новы для меня, потому что я находился на границѣ Молукскихъ и Гвинейскихъ острововъ, странѣ, произведенія которой составляли самую большую рѣдкость и драгоцѣнность нашихъ коллекцій. Здѣсь я въ первый разъ наслаждался разсматриваніемъ прелестнаго краснаго лори, а также и видомъ «пріама» самой роскошной изъ всѣхъ бабочекъ, но летающей столь высоко, что мнѣ не удалось изловить ни одного экземпляра. Одну изъ нихъ мнѣ принесли въ бамбуковой трубкѣ, но она была посажена туда вмѣстѣ съ нѣсколькими жуками и, разумѣется, была изгрызена въ куски. Главная трудность въ поимкѣ летающихъ насѣкомыхъ заключается въ недостаткѣ хорошихъ тропинокъ и въ страшно изрытой поверхности почвы, что заставляетъ постоянно посматривать на ноги, такъ что весьма трудно поймать быстро летающее насѣкомое, которое успѣваетъ скрыться изъ виду, пока смотришь, не попадешь ли со слѣдующимъ шагомъ въ трещину или пропасть. Другое неудобство состоитъ въ отсутствіи ручейковъ, вслѣдствіе чрезвычайной пористости почвы, всасывающей всю падающую на нее воду; такъ было по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ бухты, осмотрѣнныхъ нами, гдѣ находился всего одинъ ручеекъ, протекавшій близъ самаго берега.

Лѣса острова Ки изобилуютъ древовидными пандановыми и лилейными, отъ которыхъ зависитъ характеръ растительности въ наиболѣе открытыхъ скалистыхъ мѣстахъ. Цвѣтковъ мало, орхидныя немногочисленны, но я замѣтилъ прекрасную бѣлую *Phalaenopsis grandiflora* или сходный съ нею видъ. Сила и свѣжесть растительности производили весьма пріятное впечатлѣніе и при такой тощей поч-

вѣ служили вѣрнымъ доказательствомъ постоянно влажнаго климата. Характеристическую черту составляли высокіе, гладкіе стволы, изъ которыхъ многіе были снабжены подпорками и громадныя деревья изъ семейства фиговыхъ (ficus) съ надземными корнями, которые своими сплетеніями образовывали сводъ футовъ во сто высотою. Отсутствіе терновыхъ кустовъ и колючаго раттана сдѣлало бы эти лѣса весьма пріятнымъ мѣстомъ прогулки, если бы не изборожденная поверхность почвы, о которой я уже говорилъ. Влажныя мѣста поросли роскошнымъ подлѣсьемъ изъ широколистыхъ травянистыхъ растеній, на которыхъ кишѣли маленькія зеленыя ящерицы съ хвостиками самаго небесно-голубого цвѣта; они такъ быстро извиваются между листвою и стеблями, что часто я могъ замѣтить только ихъ хвостикъ, такъ что сперва они показались мнѣ весьма похожими на маленькихъ змѣй. Почти единственные звуки, слышимые въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ, производятся двумя породами птицъ,—краснымъ лори, испускающимъ пронзительные крики, какъ большая часть семейства попугаевъ, и большимъ зеленымъ мускатнымъ голубемъ, крикъ котораго похожъ на звукъ очень большого бубна или на особеннаго рода лягушечье кваканье. По словамъ туземцевъ на островѣ встрѣчаются всего двѣ породы млекопитающихъ — дикая свинья и кускусъ, или восточный опоссумъ, но я не могъ добыть ни того, ни другого.

Насѣкомыя были болѣе многочисленны и болѣе интересны. Я поймалъ тридцать пять видовъ бабочекъ, большая часть которыхъ попадались мнѣ въ первый разъ, а многія были совершенно неизвѣстны въ Европѣ. Къ числу ихъ относится прекрасная черно-желтая бабочка *Papilio euchenor*, которая до того времени была поймана лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ и нѣсколько другихъ красивыхъ крупныхъ породъ, а также нѣсколько голубыхъ и нѣсколько блестящихъ породъ дневныхъ мотыльковъ. Породы жуковъ менѣе многочисленны, однако я пріобрѣлъ нѣсколько весьма красивыхъ и рѣдкихъ видовъ. На листьяхъ одного маленькаго куста въ старой просѣкѣ я поймалъ прекрасныхъ голубыхъ и черныхъ жуковъ изъ породы Eupholus, которые по красотѣ почти не уступаютъ алмазному жуку южной Америки. На нѣкоторыя находившіяся въ цвѣту кокосовыя пальмы, стоявшія на прибрежьѣ, слетались красивые зеленые жучки (Lomaptera papua), которые разлетались, какъ маленькій рой, когда трясли цвѣтокъ. Я попросилъ одного изъ нашихъ матросовъ взлѣсть на дерево, и онъ принесъ мнѣ въ рукѣ нѣсколько штукъ этихъ жучковъ; увидѣвши, что они заслуживаютъ вниманія, я снова послалъ его уже съ сѣткой, чтобы стрясти цвѣтокъ въ

сѣтку и поймать такимъ образомъ значительное количество ихъ. Но лучшимъ изъ моихъ пріобрѣтеній былъ прекрасный жукъ изъ семейства златокъ (Buprestis), уже упомянутый мною однажды, который былъ принесенъ мнѣ туземцами, сказавшими, что они находятъ его на горахъ въ гнилыхъ деревьяхъ.

Въ самомъ лѣсу единственными часто встрѣчающимися и замѣчательными жуками изъ отряда жесткокрылыхъ (coleoptera) были два вида тигровыхъ жуковъ (arctiidae) Одинъ, Therates labiata, значительно превосходящій своей величиной нашего зеленаго тигроваго жука, имѣетъ темно-пурпуровый цвѣтъ съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ и верхней губой ярко-желтаго цвѣта. Онъ сидитъ на листьяхъ большею частью широколистыхъ травянистыхъ растеній, часто перелетаетъ съ листа на листокъ, сохраняя хлопотливый видъ, какъ будто озираясь на добычу. Его присутствіе легко замѣтить раньше, чѣмъ увидишь его, по весьма пріятному запаху, напоминающему запахъ розъ, который повидимому постоянно испускается имъ и служитъ, по всей вѣроятности, для привлеченія мелкихъ насѣкомыхъ, составляющихъ его пищу. Другой Tricondyla aptera, есть одинъ изъ наиболѣе интересныхъ представителей семейства Cicindelidae (скакуновъ, изъ жужелицевыхъ — Carabicina) и встрѣчается почти на однихъ Малайскихъ островахъ. По виду онъ похожъ на весьма большого муравья темнопурпуроваго цвѣта въ дюймъ слишкомъ длиною. Подобно муравью онъ не имѣетъ крыльевъ и обыкновенно вползаетъ на деревья; когда къ нему приближаешься, чтобы избѣжать поимки, онъ забѣгаетъ за стволъ, такъ что нужно сразу броситься на него и быстро схватить — иначе онъ убѣжитъ. Это насѣкомое испускаетъ непріятный запахъ, свойственной всѣмъ земляным жукамъ. Въ теченіи нашей четырехдневный стоянки на о. Кп я собралъ для своей коллекціи 13 видовъ птицъ, 194 вида насѣкомыхъ и три вида земляныхъ улитокъ.

Островъ населенъ двумя племенами: туземцами, несомнѣнно принадлежащими къ папуасамъ и погруженными въ язычество, и смѣшаннымъ племенемъ, номинально исповѣдующимъ магометанство и носящимъ бумажное платье, тогда какъ туземцы закрываютъ только поясницу кускомъ бумажной ткани или рогожи. Говорятъ, что эти магометане были привезены изъ Банды первыми европейскими колонистами. Они имѣли, вѣроятно, коричневый цвѣтъ кожи и были родственны малайцамъ; ихъ смѣшанное потомство представляетъ по цвѣту кожи, волосамъ и чертамъ лица всѣ переходныя ступени отъ малайскаго до папуасскаго типа. Интересно видѣть вліяніе прежней торговли португальцевъ съ этими

островами въ нѣкоторыхъ словахъ ихъ языка, которыя до сихъ поръ употребляются этими отдаленными дикими островитянами. Платокъ называется здѣсь lenco, а ножъ faca, вмѣсто соотвѣтствующихъ имъ малайскихъ названій. Португальцы и испанцы были, въ самомъ дѣлѣ, удивительными завоевателями и колонизаторами. Они производили въ покоренной странѣ болѣе глубокія измѣненія, чѣмъ какой либо изъ нынѣ живущихъ народовъ, напоминая римлянъ по способности прививать свой языкъ, религію и нравы грубымъ и варварскимъ племенамъ.

Рѣзкое различіе въ характерѣ обѣихъ племенъ, населяющихъ островъ, обнаруживается во многихъ мелочахъ. Когда я бродилъ однажды по лѣсу, какой то старикъ остановился и сталъ смотрѣть, какъ я ловлю жука. Онъ стоялъ смирно, пока я накалывалъ жука и ставилъ въ свою коробку, но послѣ этого онъ не могъ болѣе удерживаться и, схватившись за животъ, расхохотался во все горло. Всякій приметъ это за вѣрный признакъ негра. Малаецъ вытаращилъ бы глаза и спросилъ бы съ удивленіемъ, зачѣмъ я это дѣлаю, потому что по натурѣ своей онъ мало склоненъ къ смѣху, въ особенности къ хохоту, а тѣмъ паче въ присутствіи чужестранца, которому однако ихъ презрительные взгляды и замѣчанія, высказанныя шопотомъ, болѣе непріятны, чѣмъ самый искренній хохотъ. Здѣшнія женщины не пугаются иностранцевъ въ такой степени, и ихъ не заставляютъ такъ запираться, какъ у малайцевъ; дѣти ихъ игривѣе и отличаются негрскимъ зубоскальствомъ; наконецъ шумливость и болтливость мужчинъ и ихъ способность приходить въ возбужденное состояніе отъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, составляютъ полную противоположность съ обычною молчаливостью и выдержанностью малайцевъ.

Языкъ обитателей Ки состоитъ почти изъ равнаго числа одно, дву и трехсложныхъ словъ и характеризуется изобиліемъ придыхательныхъ и малымъ количествомъ горловыхъ звуковъ. Различныя деревни говорятъ на нѣсколько отличныхъ нарѣчіяхъ, но могутъ понимать другъ друга и языкъ ихъ, если исключить слова, вошедшія очевидно вслѣдствіе торговыхъ сношеній, не имѣетъ, повидимому, какого либо родства съ малайскимъ языкомъ.

Маленькія лодки были окончены и мы 6-го января въ 4 часа по полудни поплыли къ Аруанскимъ островамъ. Видъ на берега острова Ки, который мы покидали, былъ великолѣпенъ, на югъ тянулись, на сколько могъ видѣть глазъ, холмы въ три или четыре тысячи футовъ высотою, покрытые повсюду высокимъ, густымъ и сплошнымъ лѣсомъ. Вѣтеръ дулъ весьма тихій, такъ что мы употребили тридцать часовъ, чтобы прибыть къ отстоявшимъ въ 60 миляхъ низменнымъ, но также лѣ-

систымъ Аруанскимъ островамъ, гдѣ мы бросили якорь въ гавани Доббо, на другой день въ 9 часовъ вечера.

Такимъ образомъ мое первое путешествіе на прау благополучно окончилось, и я долженъ поэтому, прощаясь съ нею на нѣсколько мѣсяцевъ, отдать справедливость достоинствамъ судна. Оставляя въ сторонѣ всякую мысль объ опасности, которая, вѣроятно, не больше здѣсь, чѣмъ на какомъ либо другомъ маленькомъ суднѣ, я долженъ сказать, что никогда, ни до, ни послѣ того, не совершалъ двадцатидневнаго плаванья съ такой пріятностью, или, быть можетъ, выражаясь точнѣе, съ такимъ отсутствіемъ непріятностей. Я приписываю это главнымъ образомъ тому, что въ моемъ исключительномъ распоряженіи была маленькая каюта на палубѣ, что я имѣлъ свою собственную прислугу и тому, что не испытывалъ невыносимаго для меня запаха краски, смолы, сала и новыхъ веревокъ. Нѣкоторую долю нужно приписать также полной свободѣ въ одеждѣ, времени ѣды и т. п. и вѣжливости и предупредительности капитана. Я уговорился обѣдать вмѣстѣ съ нимъ, но могъ, если мнѣ хотѣлось, обѣдать у себя и въ какое угодно время. Всѣ матросы были вѣжливы и добродушны и, при весьма слабой дисциплинѣ, все шло отлично; корабль содержался чрезвычайно чисто и въ должномъ порядкѣ, такъ что я остался совершенно доволенъ путешествіемъ и готовъ былъ отдать предпочтеніе удобствамъ полу-варварской прау предъ лучшими пароходами, совершеннѣйшими продуктами нашей цивилизаціи.

ГЛАВА XXX.

АРУАНСКІЕ ОСТРОВА. СТОЯНКА ВЪ ДОББО.

Оживленіе на островѣ.—Характеристика жителей.—Сходство здѣшней природы съ африканскою.—Отсутствіе правительства и порядокъ.—Мѣстный самосудъ.

8-го Января 1857-го года мы пристали къ Доббо, торговой станціи бугисовъ и китайцевъ, ежегодно посѣщающихъ острова Ару. Она построена на маленькомъ островкѣ, Вамма, на песчаной косѣ, выдающейся на сѣверъ и до такой степени узкой, что на ней можетъ помѣщаться всего три ряда хижинъ. Хотя это мѣсто кажется на первый взглядъ совершенно неудобнымъ для постройки деревни по своей безплодности, однако оно имѣетъ много выгодъ. Къ нему есть свободный проходъ чрезъ коралловые рифы, окружающіе островъ и оно представляетъ хорошую якорную стоянку по ту или другую сторону деревни, какъ въ восточный, такъ и въ западный муссонъ. Будучи съ трехъ сторонъ доступно вѣтрамъ, оно отличается здоровымъ климатомъ, а мягкій песчаный берегъ допускаетъ втаскиваніе прау на сушу, для предохраненія отъ червей и для починки предъ возвращеніемъ домой. Южною своею оконечностью песчаная коса соединяется съ прибрежьемъ, гдѣ къ ней подступаетъ высокій и роскошный лѣсъ. Дома различной величины, но выстроены всѣ по одному образцу. Это не что иное, какъ бо́льшіе сараи, крытые соломою, небольшая часть которыхъ, прилегающая къ двери, служитъ жильемъ, а остальная отгораживается и часто раздѣляется одною или двумя перегородамик, для лучшаго складыванія товаровъ и домашнихъ произведеній.

Такъ какъ мы прибыли сюда въ началѣ торговаго сезона, то большая часть домовъ были пусты, и вся деревня казалась заброшенною; насъ встрѣтило всего съ полъ-дюжины китайцевъ и бугисовъ. Нашъ капитанъ,

г. Варчбергенъ, обѣщалъ мнѣ отдѣльный домикъ, но неожиданныя препятствія представились при выполненіи этого обѣщанія. Одинъ изъ домиковъ, который предлагался мнѣ, былъ безъ крыши и хозяинъ его, строившій его съ комерческой цѣлью, обѣщалъ кончить не раньше мѣсяца. Другой, хозяинъ котораго умеръ и которымъ я могъ овладѣть по праву перваго захвата, требовалъ значительнаго ремонта, а никто не хотѣлъ взяться за работу, не смотря на то, что я предлагалъ почти вчетверо дороже, чѣмъ это стоило. Поэтому капитанъ посовѣтовалъ мнѣ поселиться рядомъ съ нимъ въ довольно хорошемъ домикѣ, хозяина котораго ожидали не раньше какъ черезъ нѣсколько недѣль; мнѣ очень хотѣлось быть поскорѣе на берегу, поэтому я тотчасъ очистилъ его, въ тотъ же вечеръ перевезъ туда всѣ свои вещи и сдѣлался гражданиномъ Доббо. Я перевезъ къ себѣ тростниковый стулъ и нѣсколько легкихъ досокъ, изъ которыхъ сейчасъ же составили столъ и полки. Широкая бамбуковая скамейка служила диваномъ и кроватью, мои ящики были какъ слѣдуетъ разставлены, рогожи разложены по полу, въ стѣнѣ изъ пальмовыхъ листьевъ было прорублено окно для освѣщенія моего стола, и хотя домикъ былъ самой жалкою и темною конурою, какую только можно себѣ представить, тѣмъ не менѣе я былъ такъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ, какъ если бы мнѣ дали прекрасно меблированный дворецъ и съ безпримѣрнымъ удовольствіемъ подумывалъ о мѣсяцѣ, который мнѣ придется провести здѣсь.

На другой день, послѣ ранняго завтрака, я отправился для осмотра дѣвственныхъ лѣсовъ Ару, чтобы выйти поскорѣе изъ неизвѣстности, какъ относительно сокровищъ, которыми они могутъ подарить, такъ и относительно вѣроятнаго успѣха моей столь долго обдумываемой поѣздки. Маленькій мальчуганъ изъ туземцевъ служилъ намъ проводникомъ, обольщенный нѣмецкимъ ножикомъ въ полтора пени, который я обѣщалъ подарить ему. Бадерунъ, мальчикъ взятый мною на Макассарѣ, несъ свой ножъ, для прочищенія дороги въ случаѣ надобности.

Мы должны были пройти съ полъ мили по взморью, потому что мѣстность позади деревни была большею частью болотиста, и повернуть затѣмъ въ лѣсъ по дорогѣ, которая вела къ туземной деревнѣ Вамма, расположенной на противоположной сторонѣ острова приблизительно въ трехъ миляхъ отъ насъ. Тропинка была узка, мало проторена, часто шла по болоту и заграждалась упавшими деревьями такъ, что, пройдя съ милю, мы совершенно потеряли ее; нашъ проводникъ повернулъ назадъ, и мы должны были послѣдовать его примѣру. Однако я не оставался праздным въ это время, и съ энтомологической точки зрѣнія день

*

мой былъ очень удаченъ. Я поймалъ около тридцати видовъ бабочекъ, чего мнѣ никогда не удавалось сдѣлать съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ щедрые берега Амазонки, и между ними было много весьма рѣдкихъ и красивыхъ насѣкомыхъ, которыя до того времени были извѣстны только по нѣкоторымъ экземплярамъ изъ Новой Гвинеи. Большая и красивая бабочка Hestia durvillei; блѣднокрылая попугаевая бабочка, Drusilla catops и прекраснѣйшая и замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ перепончатокрылыхъ бабочекъ, Cocytia Urvillei, были особенно интересны, равно какъ и нѣсколько маленькихъ голубыхъ, равнявшихся по яркости и красотѣ прекраснѣйшимъ представителямъ міра бабочекъ. Въ другихъ отдѣлахъ насѣкомыхъ я не былъ такъ счастливъ, но этому нечего удивляться въ экскурсіи, имѣвшей своей цѣлью поверхностный осмотръ, въ которомъ привлекаетъ вниманіе только наиболѣе рѣдкое и бросающееся въ глаза. Я собралъ нѣсколько красивыхъ жучковъ, прекрасную кимзу (Cimes) и небольшое количество улитокъ и возвратился послѣ полудня, вполнѣ довольный первымъ осмотромъ обѣтованной земли.

Два слѣдующіе дня были такъ влажны и дождливы, что я не выходилъ на экскурсіи; но на третій день погода была великолѣпная и я имѣлъ счастіе поймать одну изъ прекраснѣйшихъ бабочекъ въ мірѣ — птицекрылаго Ornithoptera poseidon. Я задрожалъ отъ волненія, когда завидѣлъ ее еличественно летящею ко мнѣ и съ трудомъ вѣрилъ, что не промахнулся пока не вынулъ изъ сѣтки и не сталъ любоваться, не помня себя отъ восторга, на ея бархатисто-черныя и ярко-зеленыя крылья въ семь дюймовъ длиною, на золотистое тѣло и красную грудь. Я, правда, видѣлъ эту бабочку дома въ коллекціяхъ, но совсѣмъ иное дѣло поймать ее самому, чувствовать какъ она бьется между пальцами, наслаждаться ея свѣжими и живыми прелестями, этимъ блестящимъ алмазомъ сіяющимъ посреди унылаго, темнаго, непроходимаго лѣса. Въ этотъ вечеръ въ деревнѣ Доббо былъ покрайней мѣрѣ одинъ счастливый человѣкъ.

Пробывши здѣсь уже двѣ недѣли, я началъ нѣсколько понимать свойства и особенности этой мѣстности. Постоянно прибывали прау и торговое населеніе увеличивалось почти съ каждымъ днемъ. Каждые два или три дня открывался новый домикъ и дѣлались въ немъ необходимыя поправки. По всѣмъ направленіямъ можно было видѣть людей, таскающихъ въ дома жерди, бамбуковыя трости, ратанъ и пальмовыя листья, для починки или постройки стѣнъ, крышъ, дверей и ставень, что здѣсь производилось чрезвычайно быстро. Нѣкоторые изъ пріі-

ѣзжихъ были макассарцы или бугисы, но большая часть были изъ лежащаго на востокъ отъ Церама маленькаго острова Горама, жители котораго ведутъ мелочную торговлю на дальнемъ Востокѣ. Затѣмъ съ противоположной стороны острова Ару (называемаго здѣсь «блакангъ тана», или «спина страны») прибыли туземцы съ продуктами, собранными въ теченіи предшествовавшихъ шести мѣсяцевъ, для продажи ихъ пріѣзжимъ купцамъ, у которыхъ нѣкоторые изъ туземцевъ, повидимому, въ долгу. Почти всѣ и даже, смѣло могу сказать, всѣ, дѣлали мнѣ визитъ, чтобы собственными глазами взглянуть на феноменъ,—на человѣка, пріѣхавшаго въ Доббо и ничѣмъ не торгующаго. Они составили себѣ оригинальное мнѣніе объ употребленіи, которое можно сдѣлать изъ птицъ, насѣкомыхъ и раковинъ, которыя не настоящія раковины, т. е. «матери жемчуга». Они ежедневно приносятъ мнѣ кучи разбитыхъ раковинъ, которыя я могу собирать сотнями на взморьѣ и крайне изумляются и огорчаются, когда я отказываюсь отъ нихъ. Если же между ними найдутся улитки, то я беру ихъ и прошу принести еще; причина моего предпочтенія до такой степени непонятна для нихъ, что они отчаяваются отыскать ее или же разрѣшаютъ недоумѣніе, приписывая тайную лечебную силу тѣмъ, которыя я такъ старательно прячу.

Всѣ эти купцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ китайцевъ, принадлежатъ къ малайскому племени или къ помѣси, въ которой малайское племя играетъ главную роль. Жители же Ару, напротивъ того, папуасы, съ черною или темно-коричневою кожею, курчавыми или шерстовидными волосами, большимъ носомъ съ толстымъ хребтомъ, и довольно тонкими членами. Большинство ничего не носитъ, кромѣ куска матеріи вокругъ поясницы и нѣкоторые изъ нихъ по цѣлымъ днямъ бродятъ по полу-опустѣлымъ улицамъ Доббо, предлагая на продажу небольшое количество своихъ товаровъ.

Такъ какъ я живу въ купеческомъ домѣ, то ко мнѣ приносятъ всѣ возможные товары, какъ и ко всѣмъ другимъ: вязанки копченыхъ трепанговъ, похожихъ на колбасу, выкатанную въ грязи и повѣшанную въ трубу; сушеные плавники акулы, жемчужныя раковины и райскихъ птицъ, которыя однако до такой степени грязны и дурно сохранены, что мнѣ до сихъ поръ не попалось ни одной штуки, которую стоило бы купить. Когда я почти не смотрю на товаръ и ничего не даю за него, то они не вѣрятъ и, полагая что не поняли меня, снова предлагаютъ товаръ и говорятъ, что они желаютъ получить за него—ножи, или табакъ, или саго, или платки. Тогда я стараюсь объяснить имъ черезъ какого нибудь переводчика, что ни трепанги, ни жемчужныя раковины не имѣ-

ютъ никакой привлекательности въ моихъ глазахъ, но что съѣдобное я куплю—какую нибудь рыбу, черепаху или растеніе. Однако почти единственная пища, которую мы можемъ постоянно имѣть, заключается въ рыбѣ и двустворчатки (cardium) весьма хорошихъ качествъ. Для удовлетворенія нашимъ насущнымъ потребностямъ мы непремѣнно должны имѣть четыре предмета: табакъ, ножи, саговыя лепешки и голландскіе донты (мелкая мѣдная монета), потому что если у насъ нѣтъ именно той вещи, которую спрашиваетъ продавецъ, то рыба идетъ въ слѣдующій домъ, а мы можемъ остаться безъ обѣда. Очень любопытны употребляющіяся здѣсь ведра и корзинки. Двустворчатки носятся въ большихъ раковинахъ, вѣроятно изъ Cymbium ducale, имѣющихъ видъ завитка, воду же носятъ въ огромныхъ щитовидныхъ раковинахъ Cassis, снабженныхъ ручкой изъ ратана. Естествоиспытателю весьма больно видѣть, какъ внутреннія камеры этихъ прекрасныхъ раковинъ безжалостно ломаются, чтобы сдѣлать ихъ годными для ихъ неблагороднаго употребленія.

Однако моя коллекція возрастаетъ медленно, по причинѣ неожиданнаго наступленія дурной погоды; сильные вѣтры, сопровождаемые ливнями, были такъ продолжительны, что изъ шестнадцати дней, проведенныхъ мною здѣсь, выдалось всего четыре, въ которые можно было собирать коллекцію. Однако собраннаго было достаточно, чтобы показать мнѣ, что, при достаточномъ времени и хорошей погодѣ, я могу сдѣлать кое что путное. Отъ туземцевъ я пріобрѣлъ нѣсколько весьма красивыхъ насѣкомыхъ и небольшое количество сухопутныхъ улитокъ, а изъ немногихъ застрѣленныхъ мною птицъ болѣе половины считалось Ново-Гвинейскими видами и были, разумѣется, очень рѣдки въ Европѣ; остальныя же, по всей вѣроятности, были вовсе неизвѣстны. Въ одномъ отношеніи моимъ надеждамъ суждено было, повидимому, рушиться. Я мечталъ объ удовольствіи самому приготовить нѣсколько шкурокъ райскихъ птицъ, но теперь я узналъ, что въ это время года онѣ линяютъ, и что только въ сентябрѣ и октябрѣ онѣ имѣютъ длинныя, и шелковистыя желтыя перья во всей ихъ красѣ. А такъ какъ всѣ прау возвращаются въ іюлѣ, то мнѣ невозможно будетъ провести эти мѣсяцы на Ару, не оставшись здѣсь еще на цѣлый годъ, о чемъ не могло быть и мысли. Впрочемъ мнѣ сказали, что маленькія красныя «царскія райскія птицы» никогда не линяютъ, поэтому я могъ надѣяться имѣть ихъ.

Познакомившись съ лѣсами острова, я замѣтилъ, что по характеру своему они отличаются отъ лѣсовъ Борнео и Малакки, и, что весьма странно и любопытно, вызываютъ во мнѣ полу-забытыя впечатлѣнія

лѣсовъ экваторіальной Америки. Такъ напримѣръ, пальмы встрѣчаются здѣсь въ большемъ изобиліи, чѣмъ вообще на востокѣ; онѣ чаще примѣшиваются къ другимъ деревьямъ, представляютъ больше разнообразія по внѣшнему виду, и нѣкоторые изъ видовъ ихъ принадлежатъ къ тѣмъ гладкоствольнымъ, верхушечнолистымъ породамъ, которыя напоминаютъ Уауассу (Attalea speciosa) Амазонской рѣки, рѣдко встрѣчающимся на Малайскихъ островахъ.

Въ животной жизни изобиліе и разнообразіе пауковъ и ящерицъ напоминало плодородныя полосы южной Америки; особенно много маленькихъ прыгающихъ пауковъ, живущихъ на цвѣтахъ и блистающихъ самыми яркими красками. Виды пауковъ, ткущихъ паутину, также встрѣчались здѣсь въ большемъ изобиліи, чѣмъ во всѣхъ посѣщенныхъ мною странахъ, и сильно надоѣдали мнѣ, потому что протягивали свои сѣти поперегъ дорожекъ какъ разъ на высотѣ моего лица, нити же такъ крѣпки и липки, что нужно большое усиліе чтобы освободиться отъ нихъ. Кромѣ того вовсе непріятно наткнуться носомъ на ихъ строителей, чудовищъ въ два дюйма длиною и съ ногами соотвѣтствующей величины, когда гонишься за великолѣпной бабочкой или отыскиваешь вверху птицу, издающую странные звуки. Вскорѣ я увидѣлъ, что необходимо не только разрушить сѣть, но и убить паука, потому что, разорвавши въ первый день паутину я замѣтилъ на другое утро, что трудолюбивое насѣкомое протянуло ее на томъ же самомъ мѣстѣ.

Ящерицы также поражали своею многочисленностью, разнообразіемъ и мѣстомъ нахожденія. Здѣсь не видно было красивыхъ голубо-хвостыхъ ящерицъ, изобиловавшихъ на островѣ Ки. Ящерицы Ару разнообразнѣе, но темнѣе цвѣтомъ — часто попадаются оттѣнки зеленаго, сѣраго, коричневаго и даже чернаго цвѣтовъ. Каждый кустъ и травовидное растеніе кишѣли ими, каждая сломанная вѣтка, каждый гнилой пень служили засадою нѣсколькимъ изъ этихъ проворныхъ охотниковъ за насѣкомыми, уничтожающихъ, къ сожалѣнію, для удовлетворенія своей прожорливости, множество алмазовъ міра насѣкомыхъ, которые могли бы восхищать зрѣніе и сердце самаго разборчиваго энтомолога. Другая любопытная черта здѣшнихъ лѣсовъ заключается въ изобиліи морскихъ раковинъ, попадающихся повсюду, какъ на землѣ, такъ и на деревьяхъ, и занятыхъ отшельниковыми (pagurus), которые мѣняютъ прибрежье на лѣсъ. Я дѣйствительно видѣлъ однажды паука, который тащилъ раковину порядочныхъ размѣровъ и пожиралъ сидѣвшее въ ней (вѣроятно молодое) животное. По берегу, по которому я ежедневно долженъ былъ проходить, идя въ лѣсъ, эти животныя кишѣли тысячами.

Каждая мертвая раковина, начиная отъ самой маленькой и кончая самой большой, была занята ими. Они окружали каждый кусокъ палки или морской водоросли компаніями въ десять или двадцать штукъ, но быстро прятались, заслышавши шаги. Послѣ бурной ночи на берегъ выбрасывалось нѣсколько трепанговъ, омерзительнаго на видъ лакомства китайцевъ; берегъ былъ усѣянъ при этомъ также и нѣкоторыми изъ красивѣйшихъ раковинъ, украшающихъ наши кабинеты, и кусками коралловъ и страннаго вида губокъ, которыхъ я набралъ болѣе двадцати различныхъ сортовъ. Часто губки и кораллы такъ похожи другъ на друга, что только прикоснувшись можно отличить ихъ. Выбрасывается также много водорослей, но, какъ ни странно это можетъ показаться, онѣ далеко не такъ красивы и разнообразны, какъ на нѣкоторыхъ изъ нашихъ береговъ.

Туземцы, даже принадлежащіе къ чисто папуасскому племени, гораздо сдержаннѣе и молчаливѣе, чѣмъ жители острова Кп. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ я видѣлъ ихъ только среди иностранцевъ и притомъ небольшими партіями. Нужно видѣть дикаря дома, чтобы узнать что онъ такое. Однако, даже и здѣсь иногда прорывается папуасскій характеръ. Маленькіе мальчики весело поютъ во время ходьбы или разговариваютъ сами съ собою (чисто негрская черта) и, какъ ни стараются мужчины, они все таки не могутъ скрыть своихъ ощущеній, какъ малайцы. Однажды нѣсколько туземцевъ пришли ко мнѣ и, желая попробовать что за штука трепангъ, я купилъ пару, заплативши за нихъ такое несообразное количество табаку, что продавецъ тотчасъ замѣтилъ, что я весьма неопытный покупатель. Онъ не могъ однако скрыть своего восторга; нюхая душистое растеніе и показывая полную горсть своимъ товарищамъ, онъ скалилъ зубы, тихонько хохоталъ и кривлялся самымъ выразительнымъ образомъ. До того времени я часто дѣлалъ подобныя же ошибки, покупая разныя бездѣлки у малайцевъ. Но никогда ихъ удовольствіе не отражалось на лицѣ,—тупая нерѣшительность одна выражала его удивленіе, которое обнаруживалось совершенно одинаково, переплатили ли ему или недоплатили. Эти мелкія черты характера весьма важны, если разсматривать ихъ въ связи съ физическою организаціею. Онѣ не могутъ такъ же удобно объясняться внѣшними условіями, какъ физическія различія. Пишущіе о человѣческихъ племенахъ должны часто основываться на свидѣтельствахъ путешественниковъ, быстро переѣзжающихъ изъ одной страны въ другую и имѣющихъ мало случаевъ познакомиться съ особенностями народнаго характера или даже опредѣлить въ точности его

Подвижной трактиръ на Амбойнѣ.

физическія отличительныя черты. Такіе путешественники могутъ легко впасть въ ошибку въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ двѣ расы перемѣшались другъ съ другомъ, и смотрѣть на переходныя формы, какъ на доказательство естественнаго превращенія одной въ другую, а не какъ на результатъ помѣси двухъ различныхъ племенъ. Подобная ошибка будетъ еще возможнѣе, если, какъ напримѣръ въ настоящее время, писатели по этому предмету имѣютъ привычку смотрѣть на эти племена какъ на видоизмѣненія одного общаго типа, считать ихъ близко-родственными другъ съ другомъ по физическому строенію, что, впрочемъ, легко считать необходимымъ вслѣдствіе ихъ сосѣдства. Насколько я до сихъ поръ могъ видѣть, малайцы и папуасы представляются до такой степени чуждыми расами, какъ только могутъ быть различны двѣ человѣческія расы, потому что они различаются самымъ рѣзкимъ образомъ по физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ.

Я воспользовался прекраснымъ тихимъ днемъ, 5-го февраля, чтобы съѣздить на островъ Воканъ, находящійся приблизительно отъ насъ въ милѣ разстоянія и составляющій часть «танна бузаръ» или главной массы земли острова Ару. Ару—большой островъ, простирающійся съ сѣвера на югъ миль на сто, но до такой степени низменный, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ совершенно пересѣкается заливами такой ширины, что по нимъ можетъ пройти корабль порядочныхъ размѣровъ. На западной сторонѣ, гдѣ мы находимся, расположено нѣсколько островковъ, изъ конхъ нашъ (Вамма) самый большой, но восточная сторона усѣяна островами, простирающимися на нѣсколько миль отъ берега и образующими «блаканъ тана», или «спину страны» торговцевъ, гдѣ именно главнымъ образомъ производится добываніе жемчуга, трепанга и черепахъ. Нѣкоторыя породы птицъ и животныхъ встрѣчаются исключительно на твердой землѣ, напримѣръ райскія птицы, черный какаду, одинъ крупный видъ индѣекъ и казуаръ. Однако я не ожидалъ встрѣтить какую либо опредѣленную разницу въ лѣсѣ и его произведеніяхъ, и былъ поэтому пріятно изумленъ. Берегъ былъ покрытъ высокими деревьями, вѣтви которыхъ гнулись подъ тяжестью орхидныхъ папоротниковъ и другихъ эпифитическихъ (воздушныхъ) растеній. Въ лѣсахъ было болѣе разнообразія, потому что нѣкоторыя мѣста были сухи и покрыты мелкими деревьями, тогда какъ на другихъ расли прекраснѣйшія пальмы, какія мнѣ только доводилось видѣть, съ совершенно прямымъ, гладкимъ и тонкимъ стволомъ, поднимавшимся на сто футовъ и съ короною изъ красивыхъ опущенныхъ листьевъ. Но самою большою новостью и наиболѣе поразительною чертою были, по моему мнѣнію, древовидные па-

поротники, которые я видѣлъ здѣсь во всей ихъ красѣ въ первый разъ, не смотря на семилѣтнее пребываніе въ тропикахъ. До сихъ поръ мнѣ попадались лишь мелкіе виды, не превосходившіе двѣнадцати футовъ, а они не даютъ и понятія о невыразимой прелести деревьевъ, которыя поднимаютъ свою величественную лиственную главу болѣе чѣмъ на тридцать футовъ надъ землею, подобно деревьямъ, изобильно разсѣяннымъ по этому лѣсу. Во всей тропической растительности нѣтъ ничего прекраснѣе ихъ.

Мой мальчикъ застрѣлилъ пять птицъ, изъ коихъ ни одна не была убита нами въ теченіе мѣсяца охоты на Ваммѣ. Двѣ изъ нихъ были очень красивыя мухоловки (muscicara), найденныя до того времени въ Новой Гвинеѣ; одна изъ нихъ (Monarcha chrysomela), блестящаго чернаго и ярко-оранжеваго цвѣта, считается нѣкоторыми натуралистами красивѣйшею изъ мухоловокъ; другая совершенно бѣлаго и бархатисточернаго цвѣта съ широкимъ ободкомъ тѣлеснаго цвѣта вокругъ глазъ небесно-голубого цвѣта, называется «мухоловкой въ очкахъ» (Monarcha telescophalma), и была открыта въ первый разъ, вмѣстѣ съ предъидущею, въ Новой Гвинеѣ французскимъ натуралистомъ во время путешествія корабля Coquille.

Передъ отплытіемъ изъ Макассара 18-го февраля я написалъ къ губернатору Амбойны, прося его распорядиться о содѣйствіи мнѣ со стороны аруанскихъ старшинъ. Теперь я получилъ чрезъ прау, прибывшую изъ Амбойны, весьма вѣжливый отвѣтъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что сдѣланы нужныя распоряженія, и я могу разсчитывать на всевозможное содѣйствіе. Я уже радовался, что могу наконецъ потребовать лодку и людей для поѣздки во внутренность острова, но вдругъ планы мои рушились вслѣдствіе нападенія пиратовъ. Прибыла маленькая прау, на которую напали пираты и ранили одного человѣка. По ихъ словамъ у пиратовъ было пять лодокъ, но полагали что сзади слѣдуетъ больше; всѣ купцы пришли въ ужасъ, опасаясь что будутъ ограблены ихъ маленькія суда, посланныя для торговли въ «блакангъ тана». Аруанцы были также въ страшномъ волненіи, потому что пираты нападаютъ на деревни, жгутъ и грабятъ и уводятъ въ рабство женщинъ и дѣтей. Въ теченіи нѣкотораго времени ни одинъ житель не покинетъ своей деревни, и я поневолѣ долженъ оставаться плѣнникомъ въ Добо. Губернаторъ Амбойны, изъ простой любезности, сказалъ старшинамъ, что они отвѣчаютъ за мою безопасность, поэтому у нихъ была отличная отговорка чтобы не ѣхать.

Нѣсколько прау отправилось искать разбойниковъ, разставили часо-

выхъ и зажгли по берегу сторожевые огни, для предупрежденія неожиданнаго ночного нападенія, хотя трудно повѣрить, чтобы пираты дерзнули попытаться ограбить Доббо. Къ утру прау вернулись и мы убѣдились, что эти бичи восточныхъ морей дѣйствительно находятся близъ насъ. Одна изъ маленькихъ прау г. Варцбергена прибыла также въ весьма плачевномъ состояніи. Шесть дней тому назадъ на нее напали пираты, когда она возвращалась изъ «блакангъ тана». Экипажъ спасся на лодкахъ и спрятался въ лѣсъ, пираты же стали грабить корабль. Они забрали все, кромѣ жемчужныхъ раковинъ, которыя были слишкомъ громоздки для нихъ. Все платье, сундуки экипажа, паруса и снасти, все было забрано. У нихъ было четыре большихъ военныхъ бота, и они дали залпъ при своемъ приближеніи, пустивши въ атаку свои маленькіе ботики. Когда они отплыли, то экипажъ замѣтилъ изъ своего убѣжища, что одинъ маленькій ботикъ съ тремя человѣками остался позади; приведенный въ отчаяніе видомъ грабежа, одинъ изъ матросовъ бросился на нихъ вплавь, вооруженный лишь своимъ ножемъ и, неожиданно напавши на нихъ, убилъ одного, ранилъ двухъ другихъ, получилъ самъ нѣсколько легкихъ ранъ и, почти обезсилѣвъ, вернулся назадъ. Двѣ другія прау также были ограблены, и на одной изъ нихъ весь экипажъ перебитъ до послѣдняго человѣка. Пираты, какъ говорятъ, изъ Сулу, но между ними есть нѣсколько бугисовъ. По дорогѣ они опустошили одинъ изъ маленькихъ острововъ на востокъ отъ Церама. Уже прошло одиннадцать лѣтъ со времени ихъ послѣдняго нападенія на Ару, вслѣдствіе этого успѣваетъ забыться опасность, и они застаютъ безоружное и довѣрчивое населеніе. Ни одна изъ маленькихъ торговыхъ прау не имѣетъ на себѣ оружія, хотя онѣ бываютъ вооружены въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ послѣ нападенія, т. е. именно въ то время, когда всего менѣе опасности. Недѣлю спустя въ «блакангъ танѣ» былъ захваченъ маленькій пиратскій ботикъ. Семь человѣкъ было убито, а трое взято въ плѣнъ. Часто видѣли болѣе крупныя суда, но не могли поймать, потому что они снабжены многочисленнымъ экипажемъ и могутъ убѣжать, гребя прямо противъ вѣтра и возвращаясь ночью. Такимъ образомъ имъ удается удерживаться между безчисленными островами, пока перемѣна муссона не даетъ имъ возможности уплыть на западъ.

Въ теченіи четырехъ или пяти дней дулъ сильный вѣтеръ, переходившій повременамъ въ бѣшеный и порывистый, который казалось хотѣлъ стереть Доббо съ лица земли. Каждый часъ льетъ дождь, такъ что погоду нельзя назвать пріятною. Въ такое время я не могу многаго сдѣлать, но хлопочу о снаряженіи ботика, который я нанялъ для

экскурсіи во внутренность острова. Людей собрать чрезвычайно трудно, но я надѣюсь что «орангъ-кайя», или ваммскій старшина поѣдетъ со мною, чтобы охранять меня отъ опасностей.

Сдѣлавшись старымъ обывателемъ деревни Доббо, постараюсь описать ея видъ, звуки, которыми она полна а также привычки и обычаи ея жителей. Теперь она почти полна, и улицы имѣютъ гораздо болѣе, оживленный видъ, чѣмъ въ первое время послѣ нашего прибытія. Каждый домикъ есть магазинъ, въ которомъ туземцы вымѣниваютъ свои продукты на то, что имъ нужно. Ножи, косы, сабли, ружья, табакъ, гамбиръ *), тарелки, тазы, платки, саронги, коленкоръ и аракъ составляютъ главные продукты, требуемые туземцами; но нѣкоторыя лавки держатъ также чай, кофе, сахаръ, вино, сухари; другія же наполнены предметами роскоши, китайскими украшеніями, зеркалами, бритвами, зонтиками, трубками и кошельками, плѣняющими воображеніе самыхъ богатыхъ туземцевъ. Въ хорошую погоду у дверей разстилаются рогожи, на которыя раскладываются для просушки трепанги, сахаръ, соль, сухари, чай, матеріи и другіе предметы. Утромъ и вечеромъ чопорные китайцы въ синихъ брюкахъ, бѣлыхъ куртахъ и съ длинными косами, въ которыя вплетены доходящія до земли шелковыя ленты, гуляютъ по улицамъ или болтаютъ другъ съ другомъ у дверей. Старый бугисскій гаджи каждый день совершаетъ вечернюю прогулку со всею важностью, свойственной зеленому шелковому платью и яркому тюрбану, сопровождаемый двумя маленькими мальчиками, несущими его сири и бетель.

Всюду, гдѣ только возможно, строятся новые домики; къ старымъ домикамъ пристраиваются новыя лачуги, а гдѣ нибудь вдали отъ улицы стоитъ массивный бревенчатый хлѣвъ для откармливанія свиней,—потому что не можетъ китаецъ оставаться цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ безъ поросятъ? То тамъ, то сямъ стоятъ лотки, на которыхъ продаются бананы, и каждое утро два маленькихъ мальчика ходятъ по улицамъ съ мисками свѣжаго риса и облупленными кокосовыми орѣхами, жареной рыбой или жареными платанами; но, что бы они ни имѣли, они постоянно выкрикиваютъ «шекола-а-а-дъ!» Это, по всей вѣроятности передающееся изъ вѣка въ вѣкъ испанское или португальское слово, потерявшее свое значеніе. Бугискіе матросы, поднимая большой парусъ, кричатъ «vela, vela». Такъ какъ «vela» по португальски означаетъ парусъ, то я полагалъ, что открылъ происхожденіе этого слова, но впослѣдствіи я услышалъ, что они кричатъ то-же самое когда поднимаютъ якорь, часто за-

*) Густой сокъ ползучаго растенія, встрѣчающагося на Индійскомъ архипелагѣ.

мѣняя его словомъ «pela», которое такъ часто употребляется для обозначенія усилія и тяжелаго дыханія, что должно быть, по всей вѣроятности, отнесено къ междометіямъ.

Можно сказать, что въ настоящее время въ Доббо находится около пятисотъ человѣкъ различныхъ племенъ, принадлежащихъ къ тѣмъ людямъ, которые, какъ они выражаются, «заботятся о своей будущности», т. е. стараются всевозможными способами зашибить деньгу. Все это люди, пользующіеся весьма дурною репутаціею относительно честности и прочихъ видовъ нравственности; тутъ встрѣчаются китайцы, бугисы, церамесцы, яванцы и небольшое число полудикихъ папуасовъ изъ Тимора, Баббера и другихъ острововъ,—однако до-сихъ поръ все было смирно. Это пестрое, невѣжественное, кровожадное, вороватое населеніе живетъ здѣсь безъ малѣйшей тѣни правительства, безъ полиціи, безъ судовъ безъ законовѣдовъ; однако они не перерѣзываютъ другъ другу горла, не грабятъ другъ друга днемъ и ночью, не впадаютъ въ анархію, которую можно было бы ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ. Это въ высшей степенныхъ удивительно! Это вызываетъ странныя мысли о цѣлыхъ легіонахъ начальства, которому подчиняется народъ въ Европѣ и заставляетъ полагать что насъ, такъ сказать, зауправляли. Подумайте о сотняхъ указовъ, издаваемыхъ ежегодно парламентомъ для того, чтобы не дать намъ перерѣзать горло другъ другу или дѣлать своему сосѣду то, чего вовсе не желаемъ себѣ съ его стороны. Подумайте о тысячахъ юристовъ и адвокатовъ, употребляющихъ всю свою жизнь на объясненіе того, что означаютъ эти сотни парламентскихъ указовъ, и вы должны будете сознаться, что если въ Доббо слишкомъ мало законовъ, то въ Англіи ихъ слишкомъ много.

Здѣсь мы видимъ въ простѣйшей формѣ генія торговли на служеніи цивилизаціи. Торговля есть тотъ волшебникъ, который соединяетъ всѣ эти разнородные элементы въ благоустроенное общество. Всѣ занимаются торговлей и всѣ понимаютъ, что порядокъ необходимъ для торговли; такимъ образомъ создается общественное мнѣніе, дѣлающее невозможными беззаконія. Часто въ прежніе года, путешествуя вдоль Кампонгъ—Глама въ Сингапурѣ, я думалъ о томъ, какой свирѣпый и дикій видъ имѣютъ бугисскіе моряки, и съ какою неохотою я довѣрился бы имъ. Теперь же они кажутся мнѣ весьма приличными, смирными людьми; я ежедневно брожу, безоружный, по лѣсу, гдѣ постоянно встрѣчаюсь съ ними; я сплю въ хижинѣ изъ пальмовыхъ листьевъ, въ которую всякій можетъ войти и въ который я также мало подвергаюсь опасности быть ограбленнымъ или убитымъ, какъ если бы я былъ подъ защитою столи-

чной полиціи. Правда, здѣсь чувствуется вліяніе голландцевъ, — островъ находится въ номинальномъ подданствѣ молуккскому правительству, которое признается туземными старшинами. Почти каждый годъ изъ Амбойны пріѣзжаетъ комиссаръ, который объѣзжаетъ островъ, выслушиваетъ жалобы, разрѣшаетъ споры и увозитъ съ собою плѣнниками важныхъ преступниковъ. Въ этомъ году его не ожидаютъ, потому что не пришло никакого распоряженія о приготовленіи къ его принятію, такъ что жители Даббо предоставлены самимъ себѣ. Однажды былъ схваченъ человѣкъ, покусившійся украсть кусокъ желѣза изъ дома г. Варцбергена, куда онъ влѣзъ чрезъ дыру, продѣланную имъ въ соломенной крышѣ. Вечеромъ главные купцы Доббо, китайцы и бугисы, собрались, произвели судебное разбирательство и, найдя его виновнымъ, присудили къ наказанію на мѣстѣ же двадцатью ударами. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе посреди улицы, но безъ особенной строгости,—для наказанія употребили маленькую вѣтку ратана, и удары были наносимы не сильно, потому что исполнители, повидимому, нѣсколько сочувствовали преступнику. Въ наказаніи придается, кажется, больше значеніе позору, чѣмъ физической боли, потому что явное воровство и грабежъ осуждаются всѣми, хотя самое крупное мошенничество считается скорѣе похвальнымъ поступкомъ, чѣмъ заслуживающимъ порицанія.

ГЛАВА XXXI.

АРУАНСКІЕ ОСТРОВА.

Путешествіе и жизнь внутри острова. — Райскія птицы. — Черный какаду. — Дикари. Ихъ простодушіе. — Страхъ наводимый пиратами. — Вопросы о моемъ отечествѣ. — Предположенія и догадки о чучелахъ. — Домашняя жизнь дикарей. — Ихъ вопросы относительно своихъ соотечественниковъ.

Мой ботъ былъ наконецъ готовъ, и выпросивши двухъ человѣкъ, кромѣ моихъ слугъ, послѣ долгихъ переговоровъ, мы покинули наконецъ Доббо утромъ 13 марта и поплыли къ центральнымъ частямъ Ару. Въ полдень мы достигли устья маленькой рѣчки или залива, по которой мы стали подниматься, извиваясь среди болотъ, поросшихъ корнепускомъ, изрѣдка пересѣкаемыхъ участками сухой земли. Послѣ двухчасового пути, мы достигли домика, или скорѣе маленькой лачужки самаго жалкаго вида, въ которомъ, по словамъ нашего кормчаго, «орангъ-кайа» острова Ваммы, мы должны были остановиться и близъ котораго, какъ онъ увѣрялъ, можно поймать всѣхъ птицъ и животныхъ, какія только водятся на Ару. Въ сараѣ жило человѣкъ двѣнадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей; въ немъ горѣлъ огонь для варки пищи и было мало надежды, что мнѣ удастся устроиться здѣсь. Но прежде чѣмъ дѣлать разспросы, я рѣшился осмотрѣть окружающій лѣсъ и поэтому тотчасъ же вышелъ на берегъ съ двумя человѣками, сѣткой и ружьями, и отправился въ лѣсъ по дорогѣ, начинавшейся позади дома. Видѣннаго мною въ теченіи часа было достаточно, чтобы заставить меня рѣшиться простоять въ этомъ мѣстѣ; по возвращеніи я самъ, такъ какъ съ «орангъ-кайа» сдѣлался сильный припадокъ лихорадки, и онъ ничего не могъ сдѣлать, вступилъ съ хозяиномъ дома въ переговоры объ отдачѣ мнѣ на недѣлю полосы въ пять футовъ въ одномъ концѣ дома; онъ взялъ съ меня за это въ видѣ наемной платы «парангъ», или ножъ. Я тотчасъ же выгрузилъ изъ бота свои ящики и

постель, придѣлалъ полку для птичьихъ шкурокъ и насѣкомыхъ и приготовилъ все, что было нужно для начала работы съ завтрашняго же утра. Мальчикъ мой спалъ въ лодкѣ для охраненія прочей моей собственности; вблизи подъ деревомъ былъ разложенъ костеръ. Я чувствовалъ то спокойствіе и радость, которыя всегда испытываю, когда, послѣ многихъ хлопотъ и отсрочекъ, получаю наконецъ возможность начать изслѣдованія въ новой мѣстности.

Первою моею заботою было разспросить гдѣ живутъ люди, занимающіеся охотой на райскихъ птицъ. Они жили въ лѣсу на нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ и за ними былъ посланъ одинъ изъ туземцевъ. По приходѣ ихъ я вступилъ съ ними въ переговоры чрезъ «орангъ-кайа», служившаго намъ переводчикомъ, и они сказали, что надѣются доставить мнѣ нѣсколько штукъ. Они объяснили мнѣ, что стрѣляютъ райскихъ птицъ при помощи лука и стрѣлъ, къ концу которыхъ придѣлывается коническая шишка величиною съ чайную чашку, чтобы убить птицу силою одного толчка, не нанося ей никакой раны и не проливая ни капли крови. Деревья, посѣщаемыя этими птицами, очень высоки, поэтому необходимо сдѣлать на вѣтвяхъ закрытіе или курень, куда охотникъ влѣзаетъ утромъ до разсвѣта и сидитъ цѣлый день, и если на дерево прилетитъ птица, то онъ почти навѣрное не промахнется. Они ушли во свояси въ тотъ же вечеръ, и послѣ того я ничего не получилъ отъ нихъ, потому что, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ такое раннее время нельзя было добыть птицъ съ хорошими перьями.

Первые два дня нашей стоянки здѣсь были очень сыры, и я пріобрѣлъ всего нѣсколько птицъ и насѣкомыхъ, но наконецъ, когда я начиналъ уже отчаяваться, мальчикъ мой Бадерунъ возвратился съ экземпляромъ, который заплатилъ мнѣ за мѣсяцы ожиданія. Это была маленькая птица, нѣсколько меньше дрозда. Большая часть ея перьевъ были яркаго киноварно-краснаго цвѣта. На головѣ перья дѣлались короче и переходили въ прекрасный оранжевый цвѣтъ. Брюхо, начиная отъ груди, было совершенно бѣлое, мягкое и блестящее какъ шелкъ, а поперегъ груди шла полоса темно-зеленаго металлическаго цвѣта, отдѣлявшая бѣлый животъ отъ краснаго горла. Надъ каждымъ глазомъ было круглое пятнышко такого же зеленаго металлическаго цвѣта; клювъ былъ желтый, а ноги прекраснаго голубого, кобальтоваго цвѣта и представляли рѣзкій контрастъ съ цвѣтомъ остальныхъ частей тѣла. Уже по одному цвѣту и нѣжности перьевъ эта маленькая птичка была алмазомъ самой чистой воды, но они составляли лишь половину ея удивительныхъ прелестей. Съ обѣихъ сторонъ груди расположены, обыкно-

венно спрятанные подъ крыльями, маленькіе пучки сѣроватыхъ перьевъ около двухъ дюймовъ длиною, оканчивающіеся широкимъ пояскомъ изумрудно-зеленаго цвѣта. Эти перья могутъ быть подняты по волѣ птицы и раздвинуты въ два изящные вѣера, когда крылья подняты. Но это не единственное украшеніе. Два среднія хвостовыя пера имѣютъ видъ тонкихъ проволокъ около пяти дюймовъ длиною, расходящихся въ видѣ красивой двойной кривой. Приблизительно на полъ дюйма отъ основанія эти проволоки сохраняютъ бородки только съ внѣшней стороны и, завиваясь спирально во внутрь, образуютъ двѣ красивыя, блестящія пуговки, висящія на пять дюймовъ подъ тѣломъ и въ такомъ же разстояніи другъ отъ друга. Эти два украшенія — грудные вѣеры и хвостовыя проволоки, оканчивающіяся спиральнымъ завиткомъ — стоятъ совершенно особнякомъ, не встрѣчаясь ни у одного изъ восьми тысячъ извѣстныхъ намъ видовъ птицъ; въ соединеніи же съ поразительною красотою перьевъ они дѣлаютъ ее однимъ изъ прелестнѣйшихъ между прелестными произведеніями природы. Припадокъ удивленія и восторга, овладѣвшій мною, несказанно забавлялъ моихъ черныхъ хозяевъ, которые смотрѣли на «буронгъ раджа» такъ же равнодушно, какъ мы смотримъ на реполова или щегла Такимъ образомъ одна изъ цѣлей моего путешествія на далекій востокъ была достигнута. Я пріобрѣлъ экземпляръ царской райской птицы (Paradisea regia), описанной Линнеемъ по кожамъ, сохраненнымъ въ поврежденномъ видѣ туземцами. Я зналъ, какъ мало европейцевъ видѣло прекрасное маленькое существо, которое я держалъ въ рукахъ, и какъ не полны до сихъ поръ свѣдѣнія о немъ въ Европѣ. Невозможно вполнѣ выразить, не обладая поэтическимъ талантомъ, волненія естествоиспытателя, который давно жаждалъ видѣть настоящій предметъ, извѣстный ему только по описаніямъ, рисункамъ или дурно сохраненнымъ покровамъ,—въ особенности если этотъ предметъ чрезвычайно рѣдокъ и поразительно прекрасенъ. Отдаленный островъ, на которомъ я стоялъ, вдали отъ торговыхъ путей, на почти невѣдомомъ морѣ; дикая прелесть дѣвственнаго тропическаго лѣса, со всѣхъ сторонъ обступившаго меня; грубые, неразвитые дикари, сголпившіеся вокругъ,—все это имѣло вліяніе на то волненіе, съ какимъ я смотрѣлъ на это воплощеніе красоты. Я думалъ о длинномъ рядѣ минувшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ катилась жизнь послѣдовательныхъ поколѣній этого маленькаго существа, въ теченіи которыхъ они рождались, жили и умирали среди этихъ темныхъ и унылыхъ лѣсовъ, не встрѣчая ни одного разумнаго глаза, который могъ бы любоваться ихъ красотою. Какая напрасная трата красоты! Такія мысли возбуждаютъ ме-

*

ланхолическое чувство. Грустно подумать, что съ одной стороны такія прелестныя созданія должны жить и блистать своей красотой только въ этихъ дикихъ, негостепріимныхъ странахъ, которымъ предопредѣлено и въ грядущемъ оставаться въ безнадежномъ варварствѣ; съ другой же стороны, если только цивилизованный человѣкъ проникнетъ когда либо въ эти отдаленныя страны и внесетъ нравственный и умственный свѣтильникъ въ чащу этихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что равновѣсіе между органическимъ и неорганическимъ міромъ будетъ нарушено до такой степени, что поведетъ къ исчезновенію и наконецъ къ вымиранію тѣхъ самыхъ существъ, красотой которыхъ онъ одинъ способенъ наслаждаться. Эти соображенія должны, безъ сомнѣнія, убѣдить насъ въ томъ, что всѣ живыя существа не были созданы для человѣка. Многія изъ нихъ не имѣютъ съ нимъ никакой связи. Циклъ ихъ жизни совершается независимо отъ его цикла и нарушается или даже прерывается всякимъ шагомъ впередъ въ умственномъ развитіи человѣка; ихъ счастіе и наслажденія, ихъ любовь и ненависть, ихъ борьба за существованіе, ихъ интенсивная жизнь и ранняя смерть, имѣютъ, повидимому, непосредственную связь съ ихъ собственнымъ благосостояніемъ и сохраненіемъ, ограниченнымъ только такимъ же благосостояніемъ и сохраненіемъ безчисленныхъ другихъ живыхъ существъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ ними.

Послѣ пріобрѣтенія первой царской птицы я отправился со своими людьми въ лѣсъ, и не только былъ награжденъ другою, равнявшеюся первой по красотѣ перьевъ, но успѣлъ также замѣтить нѣкоторыя черты изъ образа жизни, какъ этого вида, такъ и другого, превосходящаго его величиною. Онѣ посѣщаютъ болѣе низкія деревья въ менѣе густыхъ частяхъ лѣса; они очень подвижны, безпрерывно перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, летаютъ быстро, производя жужжаніе. Онѣ питаются твердыми плодами съ одеревенѣлой скорлупой, величиною съ крыжевникъ. Они часто хлопаютъ крыльями, подобно южно-американскимъ манекенамъ (ampelidae), при чемъ поднимаютъ и раздвигаютъ красивые вѣеры, украшающіе ихъ грудь. Туземцы называютъ ихъ «гоби-гоби».

Однажды я попалъ подъ дерево, на которомъ собралось много райскихъ птицъ, но онѣ находились высоко въ чащѣ листвы и безпрерывно порхали и прыгали, такъ что я не могъ хорошенько разсмотрѣть ихъ. Наконецъ я застрѣлилъ одну изъ нихъ; но это былъ еще молодой птенецъ совершенно коричневаго цвѣта безъ зеленаго горла и желтыхъ перьевъ взрослыхъ птицъ. Всѣ, которыхъ мнѣ довелось видѣть до сихъ

поръ, похожи на него, и туземцы сказали мнѣ, что у птицъ вполнѣ отрастутъ перья мѣсяца черезъ два, поэтому я еще надѣюсь имѣть ихъ. Крикъ ихъ весьма замѣчателенъ. Рано утромъ, передъ солнечнымъ восходомъ, мы слышимъ громкій крикъ «уокъ-уокъ-уокъ», который раздается по всему лѣсу, безпрерывно мѣняя направленіе. Это большая райская птица отправляется искать себѣ завтракъ. Другія вскорѣ слѣдуютъ ея примѣру; лори и попугаи пронзительно кричатъ, какаду взвизгиваютъ, болѣе мелкія птицы щебещутъ или высвистываютъ свою утреннюю пѣсенку. Слушая, лежа въ постели, эти звуки, я думаю о томъ, что я первый европеецъ, который когда либо жилъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ подрядъ на островахъ Ару—мѣстѣ которое я скорѣе надѣялся, чѣмъ ожидалъ посѣтить когда либо. Я думаю о томъ, въ дѣствительности сколько человѣкъ до меня страстно желали посѣтить эти почти волшебныя страны и увидѣть своими глазами множество удивительныхъ и прекрасныхъ организмовъ, которые попадаются мнѣ на каждомъ шагу. Но вотъ Али и Бадерунъ встали и приготовляютъ ружья и заряды, маленькій Базозажегъ огонь и кипятитъ на немъ мой кофе; я вспоминаю, что у меня съ вечера лежитъ черный какаду, съ котораго я немедленно долженъ снять кожу, и я вскакиваю и весьма удачно начинаю свои дневныя работы.

Этотъ какаду, первый котораго мнѣ приходится видѣть, представляетъ драгоцѣнную находку. Тѣло его довольно маленькое и жидкое, ноги длинны и тонки, крылья велики, необыкновенно сильно развитая голова украшена великолѣпнымъ гребнемъ и вооружена огромнымъ и чрезвычайно сильнымъ клювомъ. Перья совершенно черны, но покрыты интереснымъ бѣлымъ порошкообразнымъ выдѣленіемъ, характеристичнымъ для какаду. Щеки, кроваво-краснаго цвѣта, голы. Голосъ его, въ противоположность рѣзкому взвизгиванію бѣлаго какаду, похожъ на заунывный свистъ. Языкъ весьма интересенъ,—это тонкій цилиндрическій мускулъ темнокраснаго цвѣта, заканчивающійся черною роговою пластинкою съ поперечными зарубками и отличающійся нѣкоторой цѣпкостью. Весь языкъ можетъ значительно вытягиваться. Я разскажу здѣсь кое-что объ образѣ жизни этой птицы, съ которой я впослѣдствіи хорошо познакомился. Она посѣщаетъ болѣе низкія деревья и встрѣчается всегда одна или не болѣе какъ по двѣ или по три. Она летаетъ медленно и безъ шума и можетъ упасть мертвымъ отъ сравнительно легкой раны, питается разными плодами и сѣменами, но, повидимому, всего болѣе любитъ зерна канарскихъ орѣховъ, растущихъ на высокомъ лѣсномъ деревѣ (Canarium commune), изобилующемъ въ лѣ-

сахъ, обитаемыхъ этою птицею. Способъ, которымъ она справляется съ этими орѣхами, показываетъ соотношеніе между строеніемъ и привычками птицы, по которому ей самой природой назначено питаться по преимуществу канарскими орѣхами. Скорлупа ихъ до такой степени тверда, что ее можно разбить только тяжелымъ молоткомъ; они почти трехгранны и совершенно гладки съ поверхности. Способъ разламыванія этихъ орѣховъ, употребляемый чернымъ какаду, весьма замѣчателенъ. Поставивши орѣхъ въ своемъ зобу торчкомъ и удерживая его на мѣстѣ нажиманіемъ языка, какаду выпиливаетъ въ немъ поперечную зарубку посредствомъ бокового движенія нижней челюсти, снабженной острыми краями. Послѣ того онъ беретъ орѣхъ въ лапку, обертываетъ его древеснымъ листомъ и кладетъ въ углубленіе верхней челюсти, гдѣ онъ удерживается благодаря упругости листа; затѣмъ онъ вставляетъ конецъ нижней челюсти въ зарубку и посредствомъ сильнаго щипка отламываетъ кусокъ скорлупы. Наконецъ онъ снова беретъ орѣхъ въ лапку, выковыриваетъ весьма острымъ и тонкимъ кончикомъ клюва кусочки ядра, которые вытаскиваются по кусочкамъ растяжимымъ языкомъ. Такимъ образомъ каждая деталь въ формѣ и строеніи необыкновеннаго клюва этой птицы имѣетъ, повидимому, свое назначеніе, и мы легко поймемъ, что черный какаду могъ удержаться въ борьбѣ съ своими болѣе живыми и многочисленными бѣлыми родственниками, вслѣдствіе своей способности питаться орѣхами, которыхъ ни одна птица не можетъ достать изъ ихъ, крѣпкой какъ камень, скорлупы. У натуралистовъ этотъ видъ носитъ названіе Microglossum atterimum.

Въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія моеговъ этомъ домѣ, я имѣлъ полную возможность наблюдать дикарей дома, видѣть ихъ обычную домашнюю жизнь. Въ ежедневной жизни дикаря царствуетъ полнѣйшая монотонность и однообразіе, и она показалась мнѣ гораздо болѣе жалкою, чѣмъ въ первое время, когда имѣла для меня прелесть новизны. Начнемъ съ наиболѣе важнаго фактора въ жизни дикихъ народовъ,—съ пищи. Жители Ару не имѣютъ постоянной пищи, въ родѣ хлѣба, риса, маніока, маиса или саго, которые составляютъ ежедневную пищу значительной части человѣчества. У нихъ есть однако много питательныхъ растительныхъ веществъ, каковы платаны, ямсъ, картофель и сырое саго; сверхъ того они жуютъ большое количество сахарнаго тростника, равно какъ и бетеля, гамбира и табаку. Прибрежные жители имѣютъ рыбу въ изобилін, но живущіе вдали отъ берега, какъ напр. здѣсь, только повременамъ бываютъ у моря, и тогда они привозятъ въ своихъ лодкахъ двустворчатокъ (Cardium) и другихъ мягкотѣлыхъ.

Отъ времени до времени имъ попадается дикая свинья или кенгуру, но слишкомъ рѣдко чтобы составить сколько нибудь постоянную часть ихъ пищи. Поэтому пища ихъ главнымъ образомъ состоитъ изъ растеній и, что еще важнѣе по своему вліянію на ихъ здоровье, изъ зеленыхъ, водянистыхъ, дурно сваренныхъ растеній, которыя къ тому же не всегда бываютъ въ достаточномъ количествѣ. Накожные струпья, столь частые у дикарей, тѣсно связаны со скудостью и неправильностью ихъ пищи. Малайцы, никогда не остающіеся безъ своей дневной порціи риса, не страдаютъ накожными болѣзнями; горные дайяки Борнео, сѣющіе рисъ и живущіе хорошо, имѣютъ здоровую кожу, тогда какъ менѣе промышленныя и опрятныя племена, питающіяся нѣкоторую часть года одними растеніями, весьма сильно подвержены накожнымъ болѣзнямъ. Ясно, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, человѣкъ не можетъ безнаказанно обращать себя въ животное, питаясь, подобно травоядным, одними растеніями и не думая о завтрашнемъ днѣ. Для сохраненія своего здоровья и красоты онъ долженъ добывать себѣ какое либо мучнистое вещество, способное сохраняться и накопляться обезпечивающее ему постоянную и здоровую пищу. Когда онъ имѣетъ ее, то съ успѣхомъ можетъ прибавлять къ ней мясо, растенія и плоды.

Главнѣйшій предметъ роскоши на Ару, послѣ бетеля и табаку, есть аракъ (явайскій ромъ), привозимый сюда въ большомъ количествѣ и продаваемый весьма дешево. За дневной уловъ рыбы или дневной нарѣзъ ратана можно купить бутылку не менѣе чѣмъ въ полъ галона *). За годовой же сборъ трепанговъ или птичьихъ гнѣздъ они получаютъ цѣлые ящики въ пятнадцать бутылокъ каждый, вокругъ которыхъ всѣ обитатели дома сидятъ дни и ночи, пока не опорожнятъ ихъ всѣхъ. Они сами разсказывали мнѣ, что въ такое время они часто разносятъ домъ въ которомъ пьютъ, бьютъ и ломаютъ все, что попадается подъ руку и производятъ такое адское безобразіе, на которое страшно смотрѣть.

Дома и домашнія принадлежности вполнѣ соотвѣтствуютъ пищѣ. Грубый сарай, скорѣе на тонкихъ необдѣланныхъ жердяхъ, чѣмъ на сваяхъ, вотъ обыкновенная архитектура этихъ домовъ. Внутренность дома раздѣляется соломенными стѣнками на нѣсколько маленькихъ каморокъ или спаленъ для помѣщенія двухъ или трехъ семействъ, живущихъ обыкновенно въ одномъ домѣ. Нѣсколько рогожъ, корзинъ и горшковъ вмѣстѣ съ немногими жестяными тарелками и сосудами, купленными у макассарскихъ купцовъ, составляютъ всю ихъ домашнюю ут-

*) Галонъ равняется приблизительно тремъ штофамъ.

варь; копья и луки составляютъ ихъ вооруженіе; саронгъ или рогожа составляетъ платье женщинъ, полотенце вокругъ поясницы—одежду мужчинъ. Они по цѣлымъ часамъ и даже днямъ сидятъ, ничего не дѣлая, въ своихъ домахъ, женщины же приносятъ растенія и саго, составляющія ихъ пищу. Иногда они немного охотятся или ловятъ рыбу, или чинятъ домъ или лодку, но имъ нравится, какъ видно, полнѣйшее бездѣйствіе, поэтому они работаютъ какъ можно меньше. Кромѣ лѣни и болтовни они не знаютъ другихъ наслажденій. Но ужъ за то и болтаютъ они! Каждый вечеръ вокругъ меня совершается маленькое столпотвореніе вавилонское, но такъ какъ я ни слова не понимаю, то могу спокойно продолжать свое чтеніе или работу. Повременамъ они взвизгиваютъ или вскрикиваютъ, или, для разнообразія, бѣшено хохочутъ, это продолжается въ перемежку съ громкимъ говоромъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, еще долго послѣ того какъ я уже крѣпко сплю за своей занавѣсью, предохраняющей отъ москитовъ.

Здѣсь я нѣсколько разъяснилъ себѣ причину удивительной смѣси племенъ на Ару, которая поставила бы въ тупикъ этнолога. Многіе изъ туземцевъ, хотя такъ же черны какъ и прочіе, по лицу мало похожи на папуасовъ, а болѣе приближаются къ красивымъ чертамъ европейскаго типа и имѣютъ болѣе блестящіе курчавые волосы. Они сперва привели меня въ окончательное недоумѣніе, потому что они столь же мало похожи на малайцевъ, какъ и на папуасовъ, а чернота кожи и волосъ не позволяла допустить примѣсь голландской крови. Но, вслушиваясь въ ихъ разговоръ, я разобралъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ словъ. Одно изъ нихъ было «ассаво», что очевидно не могло быть случайнымъ сходствомъ, потому что, справившись по малайски у сказавшагося, что означаетъ это слово, я узналъ, что оно значитъ «окончено или сдѣлано», — настоящее португальское слово, сохранившее свое значеніе. Кромѣ того я часто слышалъ слово «јахиі», и даже не спрашивая могъ видѣть, что оно означаетъ «онъ ушелъ», какъ и на португальскомъ. Слово «рогсо» также весьма часто употребляется здѣсь, хотя смыслъ его совершенно потерянъ. Это разрѣшило мое недоумѣніе. Я тотчасъ понялъ, что нѣкоторые ранніе португальскіе торговцы проникли въ эти острова смѣшались съ туземцами, повліяли на ихъ языкъ и на долго оставили слѣды своей расы. Если мы прибавимъ къ этому случайную помѣсь туземцевъ папуасовъ съ малайцами, голландцами и китайцами, то намъ нечего будетъ удивляться замѣчательному разнообразію чертъ лица и тѣлосложенія аруанцевъ. Въ этомъ самомъ домѣ жилъ макассарецъ съ женой аруанкой и нѣсколькими дѣтьми смѣшанной породы. Въ Доббо я

видѣлъ яванца и амбоинца съ женами аруанками и дѣтьми. Такое смѣшеніе продолжалось по крайней мѣрѣ три столѣтія, но вѣроятно еще больше, и произвело рѣшительное вліяніе на физическія свойства значительной части населенія острова, въ особенности въ Доббо и окрестностяхъ.

«Орангъ-кайа», будучи жестоко мучимъ лихорадкою, попросился домой и договорилъ одного изъ жившихъ въ этомъ домѣ сопровождать меня вмѣсто него. Когда же я хотѣлъ продолжать путь, то меня стали застращивать пиратами, увѣряя что опасно ѣхать дальше ближайшаго ручья. Это не дѣйствовало на меня, потому что я рѣшился пробраться чрезъ каналъ, называемый Вателяи, въ блакангъ-тяна, но мой путеводитель непоколебимо трусилъ пиратовъ, нападенія которыхъ, какъ мнѣ было извѣстно, рѣшительно нельзя было ожидать, такъ какъ нѣсколько кораблей отправились на поиски за ними вмѣстѣ съ голландской военною шлюпкой, которая уже возвратилась, послѣ того какъ я покинулъ Доббо. Къ счастью я узналъ въ это время, что пріѣхалъ голландскій комисаръ и потому пригрозилъ моему путеводителю, что если онъ тотчасъ же не поѣдетъ, то я пожалуюсь на него, и у него, безъ сомнѣнія, отберутъ кусокъ полотна, который орангъ-кайа заплатилъ ему за меня въ видѣ задатка. Угроза имѣла желанное дѣйствіе; вскорѣ все было готово и мы отправились на слѣдующее утро. Однако дулъ противный вѣтеръ и послѣ тяжелой работи веслами мы вошли въ устье маленькой рѣчки, по берегамъ которой стояло нѣсколько лачугъ, чтобы сварить себѣ обѣдъ. Мѣстность не была многообѣщающею, но такъ какъ, по причинѣ противнаго вѣтра, мы не могли достигнуть цѣли нашего путешествія, рѣки Вателаи, то я рѣшился постоять здѣсь день или два. Поэтому, заплативши за квартиру ножъ, я приказалъ перенести въ домикъ свою кровать и нѣсколько коробокъ. Вечеромъ послѣ солнечнаго заката мы были неожиданно встревожены крикомъ «баджанъ, баджанъ»! (пираты!) Всѣ мужчины бросились на берегъ, схвативши свои луки и копья; мы же зарядили свои ружья и приготовились къ сопротивленію, но черезъ нѣсколько минутъ всѣ съ хохотомъ и болтовней вернулись назадъ, потому что за пиратовъ была принята маленькая туземная лодка, на которой ихъ же товарищи возвращались съ рыбной ловли. Когда все уже успокоилось, одинъ изъ мужчинъ, говорившій немного по малайски, подошелъ ко мнѣ и сталъ просить меня, чтобы я не спалъ слишкомъ крѣпко. «Зачѣмъ» спросилъ я? Можетъ быть пираты въ самомъ дѣлѣ нападутъ на насъ» сказалъ онъ совершенно серіозно; я не могъ не засмѣяться и увѣрилъ его, что буду спать, какъ можно крѣпче.

Мы провели здѣсь два дня, но такъ какъ мѣстность была бѣдна интересными насѣкомыми и птицами, то мы сдѣлали новую попытку продолжать свой путь. Лишь только мы отплыли нѣсколько отъ берега, подулъ попутный вѣтеръ и по прошествіи шести часовъ мы достигли устья канала Вателаи, отдѣляющаго самую сѣверную часть Ару отъ средней. Въ устьѣ своемъ каналъ достигаетъ до полумили въ ширину, но вскорѣ съуживается и на милю или двѣ вверхъ по теченію онъ совершенно принимаетъ видъ рѣки шириною съ Темзу въ Лондонѣ, извивающуюся по низменной, но часто холмистой мѣстности. Виды были совершенно такіе, какихъ можно ожидать во внутренности континента. Проливъ тянулся, сохраняя повсюду почти одинаковую ширину, образуя плесы и излучины, съ однимъ берегомъ низменнымъ и повидимому аллювіальнымъ, тогда какъ другой былъ крутъ, и часто представлялъ вертикальные утесы; одна только соленость воды и совершенное отсутствіе теченія, кромѣ производимаго приливомъ и отливомъ, убѣждали, что плывешь по проливу, а не по рѣкѣ. Дулъ хорошій вѣтеръ, который гналъ насъ при незначительной помощи веселъ, до трехъ часовъ по полудни; затѣмъ, мы причали къ устью маленькаго ручейка, образовывавшаго два или три бассейна въ коралловыхъ скалахъ и ниспадавшаго затѣмъ въ видѣ миніатюрнаго каскада въ каналъ. Здѣсь мы выкупались, сварили обѣдъ, и лѣниво отдыхали до солнечнаго заката, послѣ котораго мы плыли еще два часа и наконецъ привязали на ночь свою лодку къ дереву, склонявшемуся надъ водою.

На другой день въ пять часовъ утра мы снова двинулись въ путь и, по прошествіи часа нагнали нашу большую прау, на которой ѣхали комиссары совершавшіе свой оффиціальный объѣздъ вокругъ острова и проѣхавшіе мимо насъ ночью. Я сдѣлалъ визитъ голландцамъ, изъ коихъ одинъ немного говорилъ по англійски, но мы увидѣли, что намъ гораздо удобнѣе изъясняться на малайскомъ языкѣ. Они сказали мнѣ, что были посланы для поимки пиратовъ къ одному изъ сѣверныхъ островковъ, и что они видѣли три ихъ лодки, но не могли схватить ихъ, потому что замѣтивши погоню, пираты начинаютъ грести прямо противъ вѣтра, что имъ очень удобно, потому что у нихъ около пятидесяти гребцовъ на каждомъ ботѣ. Напившись чаю, я распрощался съ ними и повернулъ въ маленькій каналъ, который, по словамъ нашего путеводителя, долженъ привести насъ къ деревнѣ Вателаи, расположенной на восточной сторонѣ Ару. Пройдя нѣсколько миль, мы увидѣли, что каналъ почти преграждается кораллами, такъ что нашъ ботъ терся о нихъ дномъ и обламывалъ такъ сказать живыя скалы. Иногда всѣмъ приходилось выходить изъ лодки и

идти по водѣ, таща за собой лодку. Но наконецъ мы преодолѣли всѣ препятствія и достигли широкаго залива или лимана, усыпаннаго маленькими островками и скалами и ведущаго къ многочисленнымъ островамъ блакангъ тана. Здѣсь я увидѣлъ, что деревня, къ которой мы плывемъ, находится еще на нѣсколько миль разстоянія, что намъ нужно поэтому выйдти въ открытое море и обогнуть мысъ. Приближался, повидимому, шквалъ, а такъ какъ я боюсь ѣздить въ маленькихъ лодочкахъ по бурному морю и сверхъ того, судя по всему, что я узналъ, мнѣ нечего было останавливаться въ Вателаи (тамъ нельзя было добыть райскихъ птицъ), то я рѣшился вернуться назадъ и ѣхать въ деревню, стоящую на притокѣ рѣки Вателаи и расположенную почти въ центрѣ острова. Жители этой деревни описывались мнѣ, какъ люди добродушные и привычные къ охотѣ и птицеловству, такъ какъ, по причинѣ своей удаленности отъ моря, они не могутъ питаться его продуктами. Пока я раздумывалъ объ этомъ набѣжалъ шквалъ; по рѣкѣ поднялась страшное волненіе, опрокинувшее бутылку съ масломъ и лампу, разбившее нѣсколько горшковъ и приведшее все въ невообразимый безпорядокъ. Въ сумерки намъ удалось, послѣ большихъ усилій, снова войти въ самую рѣку, и мы стали отыскивать мѣсто, гдѣ бы можно было намъ поужинать. Въ это время былъ приливъ, такъ что всѣ песчаные мысы и островки были покрыты водою, поэтому только послѣ долгихъ поисковъ въ темнотѣ мы нашли покатую четыреугольную скалу, на которой могли развести огонь и сварить себѣ на ужинъ небольшое количество риса. Весь слѣдующій день мы плыли назадъ, и на второй вошли въ устье рѣки, впадающей съ юга въ рѣку Вателяи. Мы поплыли вверхъ по теченію, идя по берегу тамъ, гдѣ уже нельзя было плыть и прибыли въ маленькую деревню Ванумбаи, расположенную среди дѣвственныхъ аруанскихъ лѣсовъ и состоящую всего изъ двухъ большихъ домовъ, кругенныхъ плантаціями. Видъ деревни понравился мнѣ, и я хотѣлъ простоять здѣсь нѣкоторое время, по этому я послалъ своего путеводителя для переговоровъ относительно помѣщенія. Хозяинъ и старшина деревни долго отговаривался. Сперва онъ сказалъ, что боится что я останусь недовольнымъ его домомъ; потомъ выразилъ сомнѣніе, будетъ ли его сынъ, находившійся въ отсутствіи доволенъ, что онъ впуститъ меня. Я самъ долго говорилъ съ нимъ и старался растолковать ему, чѣмъ я занимаюсь и сколько вещей я куплю у нихъ, показалъ ему свои бусы, ножи, полотно и табакъ, обѣщая дать ему и его семейству и друзьямъ часть всего этого, если онъ согласится дать мнѣ кровъ. Это его нѣсколько поколебало, и онъ сказалъ, что по-

совѣтуется съ женою, а я тѣмъ временемъ отправился осматривать окрестности. По возвращеніи, я снова послалъ своего путеводителя, прибавляя что немедленно уѣду, если онъ не согласится уступить мнѣ часть своего дома. Черезъ полъ часа онъ вернулся и запросилъ за наемъ части дома на нѣсколько недѣль почти половину его стоимости. Такъ какъ теперь вопросъ былъ только о деньгахъ, то я вынулъ десять ярдовъ холста, топоръ, нѣсколько нитей бусъ и небольшое количество табаку и послалъ ихъ ему, какъ окончательную цѣну за указанную мною часть дома. Послѣ еще нѣкоторыхъ переговоровъ эта плата была принята, и я немедленно былъ введенъ во владѣніе.

Домъ былъ большой и хорошій, на сваяхъ футовъ въ семь, со стѣнами футовъ въ десять и высокою крышей. Полъ былъизъ бамбуковыхъ пластинъ, а въ покатой крышѣ было продѣлано огромное отверзтіе, закрывавшееся одною ставнею, служившее для пропусканія свѣта и воздуха. На томъ концѣ, гдѣ оно находилось, полъ былъ приподнятъ на одинъ футовъ и эта именно часть, футовъ въ десять шириною и двадцать длиною, ничѣмъ не отгороженая отъ остальной части,была предоставлена мнѣ.На концѣ ея находилась кухня съ глинянымъ поломъ и полками для посуды, отдѣленная отъ остальной соломенною перегородкой. На противоположномъ концѣ была повѣшена моя занавѣска противъ москитовъ, вокругъ стѣнъ мы разставили ящики и другія принадлежности, поставили столъ и стулъ, и послѣ нѣкотораго чищенія комната приняла вполнѣ комфортабельный видъ. Ботъ нашъ былъ втащенъ на берегъ и покрытъ пальмовыми листьями, паруса и весла внесены въ домъ; для сушенія кожъ были устроены двѣ висячія палки—одна на дворѣ, а другая въ комнатѣ и мальчики мои принялись чистить ружья и готовить все нужное для начала работъ.

Слѣдующій день я занимался осмотромъ дорожекъ, проходившихъ по ближайшимъ окрестностямъ. Маленькая рѣчка, по которой мы плыли до сихъ поръ, въ этомъ мѣстѣ перестаетъ быть судоходною и превращается въ скалистый ручеекъ, совершенно пересыхающій въ жаркое время года. Но теперь въ немъ было довольно много воды; дорога же, которая шла частью по водѣ частью по берегу ручья обѣщала большой сборъ бабочекъ и жучковъ. Здѣсь мнѣ попалась прекрасная голубая Papilio ulissus, а также нѣсколько другихъ, столь же красивыхъ видовъ, которые медленно летали вдоль ручья, садясь по временамъ отдохнуть на листья деревьевъ, склонившихся надъ водою; въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ насѣкомыхъ, ползающихъ по влажнымъ камнямъ или по берегамъ грязныхъ прудовъ. Немного далѣе нѣсколько тропинокъ развѣтвлялось по участкамъ молодого

лѣса и вело къ полямъ сахарнаго тростника, садамъ и отдѣльнымъ домикамъ, за которыми снова возвышалась густая сплошная стѣна зелени съ просвѣчивающимися кое гдѣ стволами, обозначавшая границу первобытнаго лѣса. Голоса многочисленныхъ птицъ обѣщали богатую добычу, и уже тотчасъ по возвращеніи моемъ я увидѣлъ, что мои мальчики убили двѣ или три птицы, которыхъ мнѣ не случалось видѣть ранѣе, а вечеромъ одинъ туземецъ принесъ мнѣ рѣдкій и красивый видъ земляного дрозда (Pitta novae-guineae), найденнаго до сихъ поръ только въ Новой Гвинеѣ.

Познакомившись ближе съ своими сожителями, я сильно заинтересовался ими, какъ хорошимъ образчикомъ настоящихъ дикихъ аруанцевъ, почти свободныхъ отъ всякихъ иностранныхъ примѣсей. Въ этомъ домѣ жило четыре или пять семействъ и обыкновенно отъ шести до двѣнадцати гостей. Они каждый день съ утра до ночи занимались все однимъ и тѣмъ же — болтали, хохотали, кричали безъ перерыва, — что не слишкомъ пріятно, но любопытно, какъ черта народнаго характера. Одинъ изъ моихъ мальчиковъ Али, не привыкшій къ такому краснорѣчію ни у себя дома, ни въ какой либо изъ видѣнныхъ имъ странъ, сказалъ мнѣ, «баніакъ куотъ битчара орангъ ару» (аруанцы большіе болтуны). Однажды вечеромъ туземцы, побѣдивши свою первую робость, начали понемногу заговаривать со мною, распрашивая меня объ моемъ отечествѣ и т. д. я, въ свою очередь сталъ спрашивать ихъ о преданіяхъ которыя они имѣютъ о своемъ происхожденіи. Я имѣлъ однако весьма мало успѣха, потому что они никакъ не могли понять вопроса, откуда произошли аруанцы. Я всячески видоизмѣнялъ вопросъ, но безъ всякаго толку, — вопросъ былъ выше ихъ пониманія. Они, очевидно, никогда не думали ни очемъ подобномъ и не могли представить себѣ столь отдаленной и столь ненужной вещи, какъ вопросъ объ ихъ происхожденіи. Потерявши надежду узнать что нибудь, я спросилъ, не знаютъ ли они, когда впервые началась торговля на Ару, когда въ первый разъ пріѣхали на своихъ прау китайцы, бугисы, макассарцы для покупки трепанговъ, черепаховыхъ раковинъ, птичьихъ гнѣздъ и райскихъ птицъ? Это они поняли, но отвѣтили, что такъ всегда было, сколько помнятъ они и ихъ отцы, но что теперь въ первый разъ къ нимъ прибылъ настоящій бѣлый человѣкъ «и ты видишь, говорили они, какъ со всѣхъ окрестныхъ деревень сходятся смотрѣть на тебя». Это было очень лестно для меня и объясняло большое стеченіе посѣтителей, которое я счелъ сперва случайнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я смотрѣлъ въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ остальной публикой, зоолусовъ и ацтековъ, теперь роли перемѣнились, — въ глазахъ этихъ людей я былъ

новымъ и страннымъ видоизмѣненіемъ человѣка и имѣлъ честь давать имъ даромъ собственною особою любопытное представленіе.

Всѣ аруанскіе мужчины и мальчики отличные стрѣлки изъ лука, безъ котораго они никогда не ходятъ. Они стрѣляютъ всевозможныхъ птицъ, а иногда и свиней и кенгуру, такъ что къ растительной пищѣ они могутъ прибавлять довольно большое количество мяса. Слѣдствіемъ такого улучшенія пищи является лучшее здоровье, болѣе крѣпкое тѣлосложеніе и чистота кожи. За бусы и табакъ они приносили мнѣ много маленькихъ птичекъ, но страшно уродовали ихъ, несмотря на всѣ мои наставленія. Если имъ удавалось поймать живую птицу, то они часто привязывали ее ниткой за ногу и оставляли ее въ такомъ положеніи день или два, послѣ чего ея перья дѣлались до такой степени измятыми и испачканными, что она становилась почти ни куда негодною. Одною изъ первыхъ птицъ, которыя они принесли мнѣ былъ живой экземпляръ любопытнаго и краснаго царскаго рыболова. Увидѣвши какъ я доволенъ имъ, они принесли мнѣ послѣ того еще нѣсколькихъ, которые передъ солнечнымъ восходомъ были всѣ взяты спящими въ углубленіяхъ скалистыхъ береговъ ручья. Мои охотники также убили нѣсколько штукъ, красные носы которыхъ были у всѣхъ болѣе или менѣе запачканы землею. Это указываетъ на привычки птицы, которая, хотя и называется рыболовомъ, тѣмъ не менѣе никогда не питается рыбою, а употребляетъ въ пищу насѣкомыхъ и мелкихъ мягкотѣлыхъ, которыхъ она ловитъ въ лѣсу, бросаясь на нихъ съ какой либо низкой вѣтки. Видъ Tanysiptera, которому принадлежитъ эта птица, замѣчателенъ по чрезвычайной длинѣ хвоста, который у другихъ видовъ царскихъ рыболововъ малъ и коротокъ. Линней назвалъ извѣстный ему видъ Alcedo dea, по причинѣ его замѣчательной граціозности и красоты; перья его блестящіе голубого и бѣлаго цвѣта, клювъ же кораллово краснаго. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько видовъ этихъ интересныхъ птицъ, живущихъ исключительно на Молукскихъ островахъ, на сѣверной окраинѣ Австраліи и въ Новой Гвинеѣ. Они такъ похожи одинъ на другого, что могутъ быть отличены только послѣ внимательнаго сравненія. Впрочемъ одинъ изъ наиболѣе рѣдкихъ видовъ, живущихъ въ Новой Гвинеѣ, рѣзко отличается отъ прочихъ ярко-краснымъ животомъ вмѣсто бѣлаго. Тотъ, который я пріобрѣлъ, принадлежалъ къ новому виду и былъ названъ Tanysiptera hydrocharis, но по общему строенію и по цвѣту перьевъ онъ совершенно похожъ на наиболѣе распространенный видъ ихъ, встрѣчающійся на Амбойнѣ.

Мои мальчики или туземцы постоянно приносили мнѣ новыя и инте-

ресныя породы птицъ, а въ концѣ недѣли Али возвратился, послѣ полудня, неся съ торжествомъ прекрасный экземпляръ большой райской птицы. Красивыя перья птицъ еще не достигли своей настоящей величины, но ничто не могло быть прекраснѣе блестящаго оранжеваго цвѣта и чрезвычайной нѣжности ихъ свободно качающихся перьевъ. Въ то же время мнѣ принесли большого чернаго какаду, прекраснаго лѣснаго голубя и нѣсколькихъ мелкихъ птицъ, такъ что всѣ мы усердно работали до самаго солнечнаго заката надъ сдираніемъ шкурокъ. Лишь только мы убрали все и приготовились лечь спать, какъ было принесено странное животное, убитое туземцами. По величинѣ и бѣлой волнистой шерсти, оно походило на маленькаго жирнаго ягненка, но имѣло длинный цѣпкій хвостъ и короткія ноги, оканчивавшіяся ступнями, похожими на руку и снабженными большими когтями. Это былъ кускусъ (cuscus maculatus), одно изъ курьезныхъ животныхъ отечества папуасовъ, и мнѣ очень хотѣлось пріобрѣсти его шкуру. Хозяева же его объявили, что намѣрены его съѣсть и хотя я предлагалъ имъ хорошую плату и обѣщалъ отдать все мясо, тѣмъ не менѣе они сильно колебались. Догадываясь о причинѣ его, я предложилъ имъ, хотя было уже поздно, тотчасъ же содрать съ него шкуру и отдать имъ тѣло; на это они согласились. Животное было сильно искалѣчено и заднія ноги его были почти отрублены, но это былъ самый крупный и красивый экземпляръ кускусовъ, который мнѣ только доводилось видѣть; послѣ часоваго усерднаго труда я отдалъ тѣло хозяевамъ, которые тотчасъ же изрѣзали его на куски и стали жарить себѣ на ужинъ.

Такъ какъ мѣсто было весьма удобнымъ для собиранія птицъ, то я рѣшился пробыть здѣсь еще мѣсяцъ и, воспользовались случаемъ, послалъ Али на туземной лодкѣ, отправлявшейся въ Доббо, за провизіей и зарядами.

Въ день ихъ отправленія (10-го апрѣля), домъ наполнился по крайней мѣрѣ сотнею мужчинъ, мальчиковъ, женщинъ и дѣвочекъ, которые сносили свои запасы сахарнаго тростника, платановъ, ямса и т. д.; отъ каждаго дома отправлялся одинъ человѣкъ для продажи товара и для производства закупокъ. Шумъ и гамъ были невообразимые. По крайней мѣрѣ пятьдесятъ человѣкъ изъ ста говорили въ одно время и говорили не тихимъ, размѣреннымъ тономъ апатично-вѣжливыхъ малайцевъ, а громко, съ хохотомъ и восклицаніями, при чемъ женщины и дѣти еще болѣе отличались, чѣмъ мужчины. Они нѣсколько смолкали только въ то время, когда смотрѣли на меня, потому что все вниманіе ихъ было поглощено мною. Черноземъ, покрывающій коралловые рифы, чрезвычайно плодороденъ, поэтому здѣшній сахарный тростникъ лучше всѣхъ, какіе мнѣ до-

велось видѣть. Трости, которыя складывались въ лодку, достигали десяти и даже двѣнадцати футовъ, при соотвѣтственной толщинѣ, и имѣли короткія междоузлія, надувавшіяся отъ обилія драгоцѣннаго сока. Въ Доббо они получаютъ за сахарный тростникъ высокую плату, отъ одного до трехъ пени за трость, и на него существуетъ сильнѣйшій запросъ между матросами прау и рыболовами Бабы. Здѣсь его постоянно ѣдятъ. Они наполовину живутъ имъ и иногда кормятъ имъ свиней. Передъ каждымъ домомъ сложены цѣлыя кучи обсосковъ сахарнаго тростника, и ивовыя корзинки для складыванія этихъ обсосковъ состовляютъ необходимую часть домашней утвари. Въ какую бы пору дня вы ни вышли, вы всегда можете быть увѣрены, что увидите двухъ или трехъ человѣкъ, которые держатъ въ одной рукѣ кусокъ тростника около фута длиною, въ другой рукѣ ножъ, между ногами корзинку и отрѣзываютъ ломтики, жуютъ и обсасываютъ, а потомъ сбрасываютъ въ корзинку. Они дѣлаютъ все это съ такимъ усердіемъ, съ какимъ голодная корова ѣстъ траву, а гусеница листъ.

Послѣ пятидневнаго отсутствія лодка возвратилась изъ Доббо, привезя Али и все, за чѣмъ я посылалъ, совершенно благополучно. Много народу собралось разбирать привезенные продукты, въ числѣ которыхъ было много кокосовыхъ орѣховъ, считающихся здѣсь большимъ лакомствомъ. Кажется страннымъ, что они не сажаютъ ихъ у себя, но причина этого заключается попросту въ томъ, что они не могутъ рѣшиться закопать въ землю такую прекрасную вещь, имѣя въ виду собираніе плодовъ только чрезъ двѣнадцать лѣтъ. Кромѣ того, если не сторожить плода днемъ и ночью, то его, вѣроятно, выроютъ и съѣдятъ. Въ числѣ вещей, привезенныхъ мнѣ, находился ящикъ арака и меня, разумѣется осаждали просьбами дать хоть капельку. Я далъ имъ большую двойную бутылку, которую они очень скоро опорожнили и стали увѣрять меня, что изъ присутствующихъ многіе даже губъ не помочили. Опасаясь, что отъ моего арака скора ничего не останется, если я буду удовлетворять всѣмъ ихъ просьбамъ, я объявилъ имъ, что одну бутылку я имъ подарилъ, но другую они должны купить, и что впередъ я буду давать по бутылкѣ за каждую райскую птицу. Они тотчасъ же разослали людей по всему сосѣдству и набрали одну рупію голландскими мѣдными монетами, за что получили еще буылку, которую опорожнили такъ же скоро, какъ и первую. Они сдѣлались чрезвычайно болтливыми, но не до такой степени шумливыми и докучливыми, какъ я ожидалъ, Двое или трое окружили меня и въ двадцатый разъ спрашивали какъ называется моя родина, но такъ какъ они не могли выговорить имени, то утверждали, что я обманываю ихъ и

самъ сочинилъ такое названіе. Одинъ забавный старикъ, который самымъ смѣшнымъ образомъ походилъ на одного изъ моихъ друзей въ Англіи, приходилъ почти въ негодованіе. «Унгъ-Лунгъ!» восклицалъ онъ, «кто слыхалъ когда нибуть такое названіе?—ангъ-лангъ, андеръ-лангъ, не можетъ быть названіемъ страны; ты смѣешься надъ нами». Затѣмъ онъ старался пояснить свою мысль убѣдительнымъ примѣромъ: «Мое отечество Ванумбаи—каждый можетъ произнести Ванумбаи; я—орангъ-Ванумбаи! но нъ-глунгъ! кто когда нибудь слыхалъ такое названіе? Скажи намъ настоящее названіе твоей страны, чтобы мы знали какъ говорить о тебѣ, когда ты уѣдешь». Этимъ блестящимъ доводамъ я, разумѣется, не могъ ничего противоставить, кромѣ простого увѣренія, и все общество оставалось при твердомъ убѣжденіи, что, по той или другой причинѣ, я обманываю ихъ. Затѣмъ они напали на меня съ другой стороны—для чего я такъ старательно прячу всѣхъ животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и раковины. Они еще прежде часто спрашивали меня объ этомъ и я пробовалъ объяснить имъ, что изъ нихъ будутъ набиты чучелы и они будутъ похожи на живыхъ, и люди моей страны будутъ приходить и будутъ смотрѣть на нихъ. Но это не удовлетворяло ихъ: въ моемъ отечествѣ должно быть много болѣе интересныхъ вещей, и они не могли повѣрить, чтобы я столько трудился надъ ихъ птицами и животными только для того, чтобы люди могли на нихъ смотрѣть. Вѣдь имъ не нужно же смотрѣть на нихъ, и мы, умѣющіе дѣлать и коленкоръ, и стекло, и ножи, и разныя другія удивительныя вещи, не можемъ имѣть надобность въ животныхъ изъ Ару, чтобъ смотрѣть на нихъ. Они, очевидно, думали объ этомъ и пришли наконецъ къ весьма, повидимому, удовлетворительному объясненію. Тотъ же самый старикъ сказалъ мнѣ тихимъ, таинственнымъ голосомъ: «Что съ ними сдѣлается, когда ты отправишься за море?» «Я ихъ запакую въ ящикъ» отвѣтилъ я. «Что съ ними сдѣлается послѣ этого; какъ ты думаешь?, Они всѣ оживутъ, не правдѣ ли?» сказалъ онъ; и хотя я старался возразить ему шуткой, сказавши что у насъ будетъ въ такомъ случаѣ большое изобиліе въ пищѣ, однако онъ твердо стоялъ на своемъ и съ глубокимъ убѣжденіемъ повторялъ: «да, всѣ они оживутъ, вотъ что съ ними будетъ,—всѣ они оживутъ!»

Черезъ нѣсколько времени послѣ порядочной болтовни съ своими соотечественниками, онъ начинаетъ опять: — Я все понимаю,—о, да! До твоего пріѣзда каждый день шелъ дождь — было очень сыро. Теперь, съ тѣхъ поръ какъ ты здѣсь, стоитъ теплая, хорошая погода. О, да! я все понимаю; ты меня не проведешь!» И такъ я обвинялся

въ заклинательствѣ и не могъ отвергнуть обвиненія. Но заклинатель былъ поставленъ въ тупикъ слѣдующимъ вопросомъ: «Какой это корабль, спросилъ старикъ, куда бугисы и китайцы ѣздятъ продовать свои товары? Онъ всегда въ открытомъ морѣ и называется Джонгъ; скажи намъ про него все.» Тщетно я распрашивалъ ихъ, что они знаютъ про него; они ничего не знали, кромѣ того, что имя ему Джонгъ, что онъ всегда въ морѣ и что это очень большой карабль и прибавляли въ заключеніе, «можетъ быть это твое отечество?» Видя что я не могу или не хочу разсказать имъ что либо про Джонгъ, они снова начали сожалѣть, что я не хочу сказать имъ настоящаго имени своего отечества. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ комплиментовъ, въ которыхъ они говорили мнѣ, что я гораздо лучше бугисовъ и китайцевъ, которые иногда пріѣзжаютъ сюда торговать, потому что я даю имъ вещи даромъ и не стараюсь надуть ихъ. Сколько времени я еще пробуду здѣсь? былъ слѣдующій серіозный вопросъ. Не останусь ли я еще мѣсяца на два или на три? Они доставили бы мнѣ множество птицъ и животныхъ, и я вскорѣ могъ бы израсходовать всѣ свои запасы, но тогда, прибавилъ старикъ ораторъ, не уѣзжай, а пошли опять за вещами въ Доббо и оставайся у насъ годъ или два». И зачѣмъ опять сначала: скажи намъ: какъ называется твоя страна. Мы знаемъ бугисовъ, и китайцевъ, и яванцевъ, и макассарцевъ; мы не знаемъ только изъ какой страны ты пріѣхалъ. Унгъ-Лунгъ! это не можетъ быть; я знаю что твоя страна такъ не называется.» Видя, что этому разговору не будетъ конца, я сказалъ, что утомился и хочу спать; они тихо ушли, выпросивши предварительно: одинъ,—кусочекъ сушеной рыбы на ужинъ, другой, немного соли для саго. Я же вышелъ на дворъ, походилъ при свѣтѣ луны вокругъ дома, раздумывая о простодушіи жителей и объ удивительныхъ произведеніяхъ Ару, затѣмъ отправился за свою занавѣсь и заснулъ съ чувствомъ полнѣйшей безопасности среди этихъ добродушныхъ дикарей.

Въ теченіе семи или восьми дней стояла жаркая и сухая погода, вслѣдствіе чего ручеекъ обратился въ рядъ мелкихъ лужъ, соединенныхъ тончайшей струйкой воды. Если бы на этихъ островахъ существовало такое же сухое время года, какъ на Макассарѣ, то Аруанскія острова были бы необитаемы, потому что ни одна часть ихъ неподнимается больше чѣмъ на сто футовъ, а пористыя коралловыя скалы быстро всасываютъ воду, скопляющуюся на поверхности. Сухое время года (около сентября и октября) продолжается на этихъ островахъ мѣсяцъ или два, и въ это время здѣсь бываетъ такой недостатокъ воды, что иногда сотни птицъ и животныхъ умираютъ отъ жажды. Тогда туземцы пересе-

ляются къ источникамъ маленькихъ ручейковъ, гдѣ въ тѣни лѣса сохраняется еще небольшое количество воды. Но и въ такомъ случаѣ многимъ изъ нихъ приходится ходить за нѣсколько миль за водой, которую они держатъ въ широкихъ бомбуковыхъ трубкахъ и расходуютъ весьма бережливо. Они увѣряютъ меня, что убиваютъ или ловятъ всякую дичь, сторожа ее у водяныхъ резервуаровъ, или разставляя вокругъ нихъ тенета. Это было бы самымъ лучшимъ временемъ для составленія моей коллекціи, но недостатокъ воды будетъ страшнымъ неудобствомъ, а необходимость прожить здѣсь еще цѣлый годъ дѣлаетъ это совершенно немыслимымъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Доббо, я страшно страдалъ отъ насѣкомыхъ, которыя, казалось, рѣшились отомстить мнѣ здѣсь за продолжительное преслѣдованіе ихъ племени. На первой нашей стоянкѣ песчаныя мухи (Simulium nocivum изъ москитовыхъ) по ночамъ были чрезвычайно многочисленны, проникали повсюду и производили болѣе продолжительный и непріятный зудъ, чѣмъ другіе москиты. Особенно страдали мои ноги, которыя были сплошь покрыты маленькими красными опухолями, мучившими меня невыносимо. По прибытіи сюда мы были чрезвычайно довольны, не встрѣтивши здѣсь ни москитовъ, ни песчаныхъ мухъ, но на плантаціяхъ, по которымъ я ежедневно ходилъ, кишили дневные москиты и, казалось, съ особеннымъ наслажденіемъ нападали на мои бѣдныя ноги. Послѣ мѣсяца безпрерывныхъ наказаній, эти полезные члены возстали противъ такого обращенія и открыто взбунтовались, покрывшись многочисленными воспаленными язвами, которыя были весьма мучительны и отнимали у меня возможность выходить. Такимъ образомъ я подвергся домашнему аресту, безъ надежды скоро освободиться отъ него. Ранки и ссадины на ногахъ особенно трудно заживаютъ въ жаркихъ странахъ, поэтому я боялся ихъ болѣе всякой другой болѣзни. Заключеніе было крайне непріятно, потому что прекрасная теплая погода была особенно благопріятна для собиранія насѣкомыхъ, составить прекрасную коллекцію которыхъ я вполнѣ могъ надѣяться; для отысканія же мелкихъ и наиболѣе рѣдкихъ и интересныхъ видовъ необходимы усердные поиски днемъ. Пробираясь купаться въ рѣкѣ, я часто видѣлъ голубо-крылаго Papilio ulysses или другое столь же рѣдкое и прекрасное насѣкомое, но мнѣ оставалось только терпѣть и медленно возвращаться обдирать кожи или заниматься какимъ либо другимъ комнатнымъ дѣломъ. Укушенія и зудъ, производимые этою чумою тропическихъ лѣсовъ можно переносить безъ жалобъ; но ни ихъ винѣ оставаться въ заключеніи въ такой прекрасной и неизслѣдованой странѣ, гдѣ въ каждую прогулку по лѣсу пріобрѣ-

*

тается такъ много нового, въ странѣ, до которой достигнулъ послѣ такого длиннаго и утомительнаго пути и которая не будетъ снова посѣщена съ тою же цѣлью—это слишкомъ тяжелое наказаніе для естествоиспытателя, чтобы пройти его молчаніемъ.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ служили мнѣ птицы, ежедневно приносимыя съ охоты моими мальчиками, въ особенности райскія, которыхъ мнѣ удалось наконецъ имѣть во всей ихъ красѣ. Для меня было истиннымъ наслажденіемъ пріобрѣтеніе послѣднихъ, потому что я едвали уѣхалъ-бы изъ Ару безъ нихъ. Но что я цѣнилъ почти такъ же высоко, какъ и самыхъ птицъ, это свѣдѣнія объ ихъ привычкахъ, почерпаемыя мною какъ изъ наблюденій моихъ охотниковъ, такъ и изъ разговоровъ съ туземцами.

Въ настоящее время птицы начинаютъ то, что туземцы называютъ «сакалели» или пляски. Для этого они выбираютъ извѣстныя деревья въ лѣсу, (принадлежащія не къ фруктовымъ, какъ я полагалъ сначала), снабженныя широкими верхушками, состоящими изъ распростертыхъ вѣтвей и крупныхъ но рѣдкихъ листьевъ, дающихъ птицамъ достаточно простора для движенія и обнаруживанія своихъ перьевъ. На одномъ изъ такихъ деревьевъ собирается штукъ двѣнадцать или двадцать самцовъ съ вполнѣ отросшими перьями; они вытягиваютъ шеи, поднимаютъ крылья и свои прелестныя перья, производя ими безпрерывное движеніе; повременамъ они съ большою живостью перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, такъ что все дерево кажется наполненнымъ движущимися перьями. Сама птица величиною съ ворону и покрыта перьями богатаго кофейнаго цвѣта. Голова и шея чистаго соломенно-желтаго цвѣта вверху и прекраснаго металлическаго зеленаго внизу. Длинные пучки перьевъ золотисто-оранжеваго цвѣта выходятъ изъ подъ обоихъ крыльевъ, такъ что отчасти закрываются ими, когда птица сидитъ спокойно. Въ минуту же возбужденія крылья поднимаются вертикально надъ спиною, голова нагибается внизъ и вытягивается впередъ, а длинныя перья поднимаются и раздвигаются въ два великолѣпные золотистые вѣера съ темнокрасными полосами внизу, переходящими мало по малу въ свѣтлокоричневыя полосы, оканчивающіяся въ слабо раздѣленныхъ и слегка колеблющихся краяхъ. Тогда вся птица закрывается этими вѣерами; присѣвшее тѣло, желтая голова и изумрудное горло составляютъ лишь основаніе для золотого сіянія, колеблющагося надъ ними.

Въ такомъ видѣ райская птица дѣйствительно заслуживаетъ своего названія и должна быть причислена къ прекраснѣйшимъ и удивительнѣйшимъ изъ живыхъ существъ. И такъ я продолжалъ собирать попадавшихся мнѣ райскихъ птицъ, равно какъ и красныхъ голубей, малень-

кихъ птицъ, похожихъ всего болѣе на ново-гвинейскія и австралійскія породы.

Здѣсь, какъ и у всѣхъ дикарей, среди которыхъ мнѣ приходилось жить, я наслаждался красотою человѣческаго тѣла, красотою о которой сидящій дома цивилизованный человѣкъ не можетъ имѣть даже понятія. Что значатъ прекраснѣйшія греческія статуи въ сравненіи съ живыми, движущимися, дышащими людьми, которыхъ я ежедневно видѣлъ вокругъ себя? Нужно видѣть, чтобы понять непринужденную грацію нагого дикаря во время его дневныхъ трудовъ или лѣниваго отдыха. Юноша, натягивающій лукъ, есть идеалъ мужской красоты. Женщины же, кромѣ самой ранней молодости, далеко не такъ красивы какъ мужчины. Ихъ рѣзко очерченные члены не имѣютъ въ себѣ ничего женственнаго, а тяжелые труды, лишенія и весьма ранніе браки вскорѣ уничтожаютъ и ту красоту и грацію, которыми онѣ обладаютъ въ теченіе короткаго времени. Ихъ платье весьма просто, но также, къ сожалѣнію долженъ прибавить, весьма грубо и некрасиво. Оно состоитъ только изъ рогожи, сплетенной изъ полосокъ пальмовыхъ листьевъ, обвязываемой вокругъ поясницы и доходящей до колѣнъ. Она, кажется, не мѣняется, пока не износится, рѣдко моется и бываетъ обыкновенно очень грязна. Это всеобщій костюмъ, замѣняемый лишь въ рѣдкихъ случаяхъ малайскими «саронгами». Ихъ вьющіеся волосы связываются сзади въ пучекъ. Онѣ чрезвычайно любятъ чесать волосы или разбирать ихъ большою деревянною вилкою съ четырьмя расходящимися спицами, которая гораздо болѣе всякаго гребешка годится для чесанія ихъ длинной, курчавой, сбитой въ комки черепной растительности. Единственнымъ женскимъ украшеніемъ служатъ серьги и ожерелья, которыя онѣ носятъ различными, довольно красивыми, способами. Часто концы ожерелья привязываются къ серьгамъ и вплетаются затѣмъ въ волосы. Это, въ самомъ дѣлѣ, изящно; ожерелья красиво висятъ съ обѣихъ сторонъ головы и, соединяясь съ серьгами, придаютъ нѣкоторый видъ этимъ варварскимъ украшеніямъ. Мы рекомендуемъ такой ихъ способъ ношенія тѣмъ изъ нашего прекраснаго пола, кто до сихъ поръ прокалываетъ себѣ отверстія въ ушахъ и вдѣваетъ въ нихъ серьги. По другому способу ношенія, распространенному между этими папуасскими красавицами, ожерелье, состоящее изъ двухъ частей, проходитъ вокругъ груди отъ одного плеча подъ противоположную руку, такъ что на груди обѣ нити пересѣкаются. Это имѣетъ очень красивый видъ, отчасти по причинѣ контраста между бѣлыми зубами кенгуру, изъ которыхъ нанизаны ожерелья, и черною лоснящюеся кожею. Серьги состоятъ изъ мѣдной или серебряной

проволоки, загнутой такъ, что концы скрещиваются. Мужчины, какъ обыкновенно бываетъ у дикарей, украшаютъ себя болѣе, чѣмъ женщины. Они носятъ ожерелья, серьги, кольца, и любятъ обвивать руки какъ разъ подъ плечомъ тугимъ поясомъ изъ плетеной травы, къ которому они привязываютъ для красоты пучекъ волосъ или ярко окрашенныхъ перьевъ. Зубы маленькихъ животныхъ, одни или въ перемежку съ черными бусами, составляютъ ихъ ожерелья, а иногда и браслеты. Для послѣднихъ они предпочитаютъ однако мѣдныя проволоки или черныя роговыя иглы крыльевъ казуара, въ которыхъ они предполагаютъ волшебную силу. Кольца изъ проволоки или изъ раковинъ для лодыжекъ и тугія плетеныя подвязки подъ колѣнами дополняютъ ихъ обыкновенное убранство. Нѣсколько коборцевъ, живущихъ далѣе на югъ и считающихся самымъ грубымъ и дикимъ изъ аруанскихъ племенъ, посѣтили насъ однажды. Они имѣли нѣсколько болѣе дикій видъ, по причинѣ большаго количества носимыхъ ими украшеній, изъ которыхъ прежде всего бросался въ глаза подковообразный гребень, упиравшійся концами въ виски, а серединой лежавшій на лбу. Задняя часть гребня была придѣлана къ куску дерева, обитому спереди жестяной пластинкой, а сверху снабженному перьями изъ пѣтушьяго хвоста. Въ остальномъ же они почти не отличались отъ племени, среди котораго я жилъ. Они принесли мнѣ пару птицъ и нѣсколько насѣкомыхъ и раковинъ, что показывало, что молва о бѣломъ человѣкѣ и его дѣяніяхъ дошла и до нихъ. Вообще едва ли въ это время былъ въ Ару хотя одинъ человѣкъ, который не слыхалъ бы обо мнѣ.

Кромѣ домашней утвари, упомянутой выше, движимая собственность туземца весьма не велика. У него достаточный запасъ луковъ и копій для охоты, парангъ или ножъ, и топоръ, потому что каменный періодъ уже прошелъ здѣсь, благодаря торговлѣ съ бугисами и другими малайскими племенами. На поясѣ или черезъ плечо виситъ у него маленькая кожанная сумка и разукрашенная бамбуковая кубышка, въ которыхъ находится бетель, табакъ, клей; сверхъ того между поясомъ и голой кожей затыкается обыкновенно маленькій ножикъ съ деревянной ручкой. У каждаго мужчины есть также «каджанъ» или рогожа, служащая матрацомъ, аккуратно сплетенная въ три ряда изъ широкихъ пандановыхъ листьевъ. Эта рогожа имѣетъ около четырехъ футовъ въ длину и ширину; ее складываютъ пополамъ и зашиваютъ съ одного конца. Въ зашитый конецъ можно вставлять голову или ноги; во время же дождя можно надѣть каджанъ на голову, и тогда онъ служитъ и одеждой и зонтикомъ. Онъ легко складывается для удобствъ

переноски и представляетъ тогда легкую и эластичную подушку. Такимъ образомъ въ дорогѣ онъ одинъ замѣняетъ платье, домъ, постель и подушку.

Единственными украшеніями аруанскихъ домовъ служатъ охотничьи трофеи—челюсти дикихъ свиней, головы и хребты казуаровъ и пучки перьевъ райскихъ птицъ, казуаровъ и пѣтуховъ. Копья, щиты, ручки ножей и другія вещи всѣ покрыты болѣе или менѣе фантастическою рѣзьбою, а корзинки и рогожи изъ листьевъ разрисованы или украшены вплетенными въ нихъ полосками краснаго, чернаго и желтаго цвѣта. Я долженъ упомянуть объ этихъ ящикахъ, въ высшей степени искусно сдѣланныхъ изъ среднихъ частей пальмовыхъ листьевъ и выложенныхъ изнутри пандановыми листьями, а снаружи ими же или плетеной травой. Всѣ соединенія и углы выложены пластинками ратана, крѣпко пришитаго къ нимъ. Крышка покрыта коричневой кожистой оболочкой орѣха арековой пальмы, непроницаемой для воды, и весь ящикъ аккуратенъ, крѣпокъ и красивъ. Они дѣлаются отъ нѣсколькихъ дюймовъ до двухъ или трехъ футовъ въ длину и составляютъ постоянный предметъ вывоза изъ Ару, потому что весьма цѣнятся малайцами, какъ ящики для платья. Туземцы употребляютъ маленькіе ящики для табаку и бетеля, но большіе всегда производятся на продажу, потому что у нихъ рѣдко бываетъ столько платья, чтобы для помѣщенія его требовался большой.

Къ числу домашнихъ животныхъ, которыя обыкновенно встрѣчаются въ домахъ, относятся пестрые попугаи краснаго, зеленаго и голубого цвѣтовъ, нѣсколько, спящихъ на конькѣ крыши, домашнихъ птицъ, для которыхъ привѣшены корзины, и нѣсколько полумертвыхъ отъ голода собакъ, похожихъ на волковъ. Вмѣсто мышей и крысъ здѣсь водятся любопытныя маленькія млекопитающія такой же величины, выползающія по ночамъ и грызущія все съѣдобное, которое оставлено неспрятаннымъ. Четыре или пять видовъ муравьевъ нападаютъ на все, что не изолировано водою, а одинъ видъ даже переплываетъ воду; крупные пауки забираются въ ящики и корзинки или прячутся въ складкахъ моей занавѣски; стоножки и тысяченожки попадаются повсюду, — я ловилъ ихъ у себя на головѣ и подъ подушкой; въ тоже время въ каждомъ ящикѣ, подъ каждымъ столомъ, которые не трогались втеченіи нѣсколькихъ дней, можно найти маленькихъ скорпіоновъ, плотно прижавшихся другъ къ другу и быстро поднимающихъ для нападенія и защиты свои странные хвосты. Такіе сожители кажутся очень непріятными и опасными, но всѣ они вмѣстѣ не причиняютъ тѣхъ страданій, которыя причиняются одними москитами. Послѣдніе составляютъ

постоянный источникъ страданій, тогда какъ вы можете долго жить среди пауковъ, скорпіоновъ и стоножекъ, какъ ни отвратительны и ни ядовиты они, и ни разу не подвергнуться ихъ укушенію.

Сухопарыя и безобразныя собаки, упомянутыя выше, были моими злѣйшими врагами и заставляли меня быть вѣчно на сторожѣ. Если мои мальчики оставляли на нѣсколько времени птицу, съ которой снимали кожу, то собаки навѣрное уносили ее. Все съѣдобное нужно было привѣшивать къ крышѣ, чтобы предохранить отъ нихъ. Однажды Али уронилъ шкурку райской птицы, только что снятую имъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ нагнуться, чтобы поднять ее, она уже была схвачена одною изъ голодныхъ собакъ и ему удалось отнять ее только изорванною въ клочки. Двѣ шкурки большой райской птицы, совершенно высохшія, завернутыя въ бумагу и готовыя къ упаковкѣ, были неосторожно оставлены на ночь на столѣ. На слѣдующее утро онѣ исчезли, и только нѣсколько разбросанныхъ перьевъ обнаруживало ихъ участь. Онѣ не могли достать до моей висячей полки, но, безразсудно не убравши ящикъ, служившій мнѣ подставкой, я увидѣлъ, что на слѣдующее утро исчезла прекрасная райская птица, и одна изъ собакъ еще пережевывала ея остатки, пачкая въ грязи прелестныя золотистыя перья. Каждый вечеръ, легши въ постель, я слышалъ какъ онѣ шарили подъ столомъ, вокругъ ящиковъ и корзинокъ, отыскивая нѣтъ ли чего сожрать, и заставляли меня безпрерывно опасаться не оставлено ли нечаянно что либо цѣнное. Онѣ могли выпить масло изъ моего ночника и съѣсть свѣтильню, могли опрокинуть и разбить посуду, если мои лѣнивые мальчики не вымыли ихъ такъ, чтобы не было даже и запаха чего либо съѣдобнаго. Впрочемъ, какъ ни скверны онѣ здѣсь, у дайаковъ на Борнео онѣ еще хуже, потому что тамъ онѣ объѣли носки моихъ непромокаемыхъ сапогъ, отгрызли большой кусокъ отъ моего кожаннаго яхташа и, сверхъ того, съѣли значительную часть моей занавѣски!

Вчера вечеромъ апрѣля 28-го у насъ была важная бесѣда, которую, очевидно, приготовили и обдумали заранѣе. Толпа туземцевъ окружила меня и сказала, что желаетъ со мною поговорить. Двое лучшихъ знатоковъ малайскаго языка помогали другъ другу, прочіе вставляли замѣчанія на родномъ нарѣчіи. Они разсказали мнѣ длинную, безсвязную исторію; но, частью по причинѣ незнанія малайскаго языка со стороны туземцевъ, частью по причинѣ моего малаго знакомства съ туземнымъ языкомъ, частью же по причинѣ безтолковости ихъ разсказа, я не могъ хорошенько понять ее. Это было однако какое то преданіе, и я былъ очень радъ тому, что онѣ у нихъ есть. Много лѣтъ тому назадъ, сказа-

Сборъ сири на Явѣ.

ли они, нѣсколько иностранцевъ прибыли на Ару и пришли въ Ванумбаи, и старшины ванумбайскаго народа не полюбили ихъ и хотѣли чтобы они ушли; но они не хотѣли уйти, и произошло сраженіе, и много аруанцевъ было убито и нѣкоторые, вмѣстѣ съ старшиною, были взяты въ плѣнъ и увезены иностранцами. Нѣкоторые изъ ораторовъ утверждали однако, что старшина не былъ взятъ въ плѣнъ, а уплылъ на своей собственной лодкѣ въ море, чтобы избѣгнуть плѣна, и больше не возвращался. Но всѣ были убѣждены, что старшина и прочіе аруанцы до сихъ поръ живутъ въ какой либо чужой странѣ, и если бы имъ только узнать гдѣ, то они послали бы за ними. Смутно предполагая, что бѣлые люди знаютъ всѣ заморскія страны, они желали узнать, не встрѣчалъ ли я ихъ соотечественниковъ у себя, или гдѣ нибудь на морѣ. По ихъ мнѣнію они должны были непремѣнно находиться тамъ, потому что гдѣ бы имъ быть иначе? Они искали ихъ повсюду, говорили они, — на морѣ и на сушѣ, въ лѣсахъ и въ горахъ, въ воздухѣ и на небѣ,—и нигдѣ не могли найти ихъ; поэтому они должны быть въ моемъ отечествѣ, и они упрашивали меня сказать имъ гдѣ они, потому что я это непремѣнно долженъ знать, такъ какъ я пріѣхалъ изъ за великаго моря. Я попробовалъ растолковать имъ, что ихъ друзья не могли доплыть до моего отечества въ маленькихъ лодкахъ, что на морѣ множество острововъ какъ Ару, которые навѣрное должны были попасться имъ. Кромѣ того они, вѣроятно, уже умерли, такъ какъ это было очень давно. Но послѣднее предположеніе показалось имъ весьма смѣшнымъ, потому что, по ихъ словамъ, у нихъ были доказательства, что они живы. Затѣмъ они разсказали мнѣ, что много лѣтъ тому назадъ, когда говорившіе были еще мальчиками, нѣсколько рыболововъ встрѣтили въ морѣ этихъ потерянныхъ аруанцевъ и говорили съ ними, и старшина далъ воканцамъ тысячу саженей холста для передачи ванумбайцмамъ, чтобы показать имъ, что они живы и скоро возвратятся; но воканцы были воры и не отдали холста, и только впослѣдствіи они узнали объ этомъ,— и когда они стали говорить объ этомъ воканцамъ, то они запирались и говорили, что не получили холста;—поэтому они вполнѣ убѣждены, что друзья ихъ живы, и находятся гдѣ-то на морѣ. Кромѣ того нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ сообщили, что бугискіе купцы привезли нѣсколько дѣтей отъ ихъ потерянныхъ соотечественниковъ; поэтому они отправились въ Доббо и хозяинъ дома, который говорилъ это, тоже пошелъ; но бугисъ не хотѣлъ показать имъ дѣтей и грозилъ убить ихъ, если они войдутъ къ нему въ домъ. Дѣти были спрятаны у него въ большомъ ящикѣ, и онъ увезъ ихъ съ собою. Послѣ каждаго изъ этихъ разсказовъ они жалобнымъ тономъ

упрашивали меня сказать имъ, если я знаю, гдѣ теперь находятся ихъ соотечественники и старшина.

Посредствомъ разспросовъ я узналъ нѣкоторыя подробности объ иностранцахъ, увезшихъ ихъ соотечественниковъ. По ихъ словамъ, они были удивительно сильными, и каждый изъ нихъ могъ убить много аруанцевъ; если они бывали ранены, хотя бы тяжело, то имъ стоило плюнуть на рану и она тотчасъ же заживала. Они дѣлали большія сѣти изъ ратана, душили въ нихъ своихъ плѣнниковъ и топили въ морѣ, — и на другой день, когда они вытягивали сѣти на берегъ, то утопленники оживали и разрывали ихъ.

Много подобнаго разсказывали они мнѣ еще, но такъ безсвязно и безтолково, что я ровно ничего не могъ понять, пока не спросилъ наконецъ какъ давно это все случилось; на это они отвѣтили мнѣ, что послѣ того, какъ ихъ друзья были взяты иностранцами, на Ару пріѣхали бугисы на своихъ прау для покупки трепанговъ и птичьихъ гнѣздъ. Быть можетъ нѣчто подобное, дѣйствительно происшедшее, на Ару когда прибыли первые португальцы, послужило зерномъ, изъ котораго развилась впослѣдствіи басня. Я не сомнѣваюсь, что съ слѣдующимъ поколѣніемъ, а можетъ быть и раньше, я буду превращенъ въ волшебника или полубога, одареннаго сверхъестественными знаніями и творящаго чудеса. Они уже теперь вѣрятъ, что всѣ животныя, которыхъ я собираю, снова оживутъ, дѣтямъ же ихъ будетъ разсказано, что они дѣйствительно ожили. Необыкновенное начало хорошей погоды именно послѣ моего прибытія внушило имъ мысль, что я могу управлять погодою; моя привычка ходить одному по лѣсу кажется имъ удивительною и таинственною, равно какъ и мои просьбы достать мнѣ птицъ и животныхъ, которыхъ еще не видѣлъ, для знакомства съ ихъ строеніемъ, цвѣтомъ и привычками. Эти факты приводились мнѣ въ опроверженіе, когда я на какой либо изъ ихъ вопросовъ отговаривался незнаніемъ. «Ты должно быть знаешь, говорили они, ты все знаешь: ты дѣлаешь хорошую погоду, чтобы твоимъ людямъ было хорошо стрѣлять; ты знаешь нашихъ птицъ и животныхъ, такъ же хорошо, какъ мы сами; ты ходишь по лѣсу одинъ и не боишься.» Поэтому всякое сознаніе въ невѣдѣніи считалось съ моей стороны, обманомъ употребляемымъ для того, чтобы не сказать имъ слишкомъ много. Даже мои книги и письменныя принадлежности были въ ихъ глазахъ чѣмъ то волшебнымъ, и если бы мнѣ только захотѣлось немного подурачить ихъ самыми простыми опытами съ магнитомъ и увеличительнымъ стекломъ, то чудесамъ, которыя мнѣ въ нѣсколько лѣтъ приписали бы, не было бы конца, и

будущій путешественникъ, проникнувъ въ Ванумбаи, едва ли повѣрилъ бы, что бѣдный англійскій натуралистъ, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ среди нихъ, послужилъ оригиналомъ для созданія сверхъестественнаго существа, которому приписываютъ столько чудесъ.

Въ послѣднее время замѣчалось сильное возбужденіе вокругъ меня; много незнакомцевъ, вооруженныхъ копьями, щитами, саблями и луками безпрерывно приходили и уходили. Теперь я узналъ, что около насъ происходила война: двѣ сосѣднія деревни поссорились изъ за какого то вопроса мѣстной политики, котораго я не могъ понять. Они говорятъ, что это самая обыкновенная вещь, и что во всякое время гдѣ нибудь въ окрестностяхъ происходитъ война. Деревни вмѣшиваются въ частныя ссоры, и неуплата обѣщанной за жену платы составляетъ наиболѣе частую и обыкновенную причину ссоръ и кровопролитія. Одинъ изъ щитовъ мнѣ принесли показать. Онъ былъ сдѣланъ изъ ратана и сплетенъ хлопчатобумажными веревками, такъ что онъ легокъ, крѣпокъ и твердъ. Я полагаю, что обыкновенная круглая пуля не пробьетъ его. Близъ центра продѣлано отверзтіе для вставленія руки, снабженное крышкою, или клапаномъ; вслѣдствіе этого можно стрѣлять изъ лука, имѣя все тѣло до самыхъ глазъ закрытымъ щитомъ, что невозможно при обыкновенномъ щитѣ, носимомъ на рукѣ посредствомъ петель, расположенныхъ на внутренней сторонѣ его. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, жившихъ въ нашемъ домѣ, отправились помогать своимъ друзьямъ, но я не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ былъ раненъ или чтобъ было большое кровопролитіе.

Я пробылъ уже шесть недѣль въ Ванумбаи, но больше половины этого времени лежалъ у себя съ больными ногами. Такъ какъ мои запасы почти истощены, ящики для птицъ и насѣкомыхъ почти полны, и не было надежды вылечиться въ скоромъ времени, то я рѣшился вернуться въ Доббо. Въ послѣднее время птицы стали попадаться довольно рѣдко, а райскія птицы еще не вполнѣ отростили свои перья, которыя, по словамъ туземцевъ, достигнутъ своей настоящей величины чрезъ мѣсяцъ. Ванумбайцы были, казалось, весьма опечалены моимъ отъѣздомъ, что было совершенно естественно, потому что за насѣкомыхъ, которыхъ они собирали, идя на плантаціи или возвращаясь съ нихъ, и за птицъ, которыхъ ихъ мальчики стрѣляли изъ своихъ луковъ, всѣ они были снабжены табакомъ и гамбиромъ и, кромѣ того, могли накопить для будущаго употребленія запасъ бусъ и мѣдныхъ голландскихъ монетъ. Хозяинъ дома, когда ни просилъ, всегда получалъ немного риса, рыбы и соли, что, долженъ сказать, онъ дѣлалъ не очень часто. Передъ

отъѣздомъ я роздалъ имъ остатки своихъ товаровъ, подарилъ хозяину бутылку арака, и увѣренъ, что въ цѣломъ мое пребываніе среди этихъ простыхъ и добродушныхъ людей доставило пользу и удовольствіе обѣимъ сторонамъ. Я хотѣлъ совершенно вернуться, и если бы я могъ предвидѣть, что обстоятельства помѣшаютъ мнѣ исполнить это, то, безъ сомнѣнія, съ грустью покинулъ бы мѣсто, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ столько прекрасныхъ живыхъ существъ и съ такой полнотой испыталъ то наслажденіе, которое наполняетъ душу натуралиста, когда ему посчастливится открыть еще неизслѣдованную мѣстность, гдѣ съ каждымъ днемъ онъ открываетъ новыя и неожиданныя сокровища. Мы нагрузили нашъ ботъ наканунѣ и, пустившись въ путь до солнечнаго восхода, прибыли благодаря попутному вѣтру въ Доббо въ тотъ же вечеръ.

ГЛАВА XXXII.

АРУАНСКІЕ ОСТРОВА. — ВТОРАЯ СТОЯНКА ВЪ ДОББО.

Оживленіе деревни.—Пѣтушиные бои.—Дешевизна европейскихъ продуктовъ.—Невыгоды развитія промышленности для Англіи и выгоды для дикарей.—Религія туземцевъ.—Торговля.

Деревня Доббо была биткомъ набита народомъ, поэтому я долженъ былъ занять зданіе суда, въ которомъ засѣдали комисары. Теперь они уже покинули островъ, и я нашелъ свою квартиру очень пріятною, потому что она находилась на краю деревни и изъ нея открывался видъ на главную улицу. Это былъ простой сарай, но половина его имѣла деревянный, грубо вымощенный, полъ; расположивши же въ ней перегородку и прорубивши окно, я сдѣлалъ ее весьма привлекательнымъ жилищемъ. Въ одномъ изъ ящиковъ, которые я оставилъ на попеченіе г. Варцбергена, поселилась цѣлая колонія маленькихъ муравьевъ и нанесла милліоны яицъ. Къ счастью былъ прекрасный жаркій день и, чтобы освободиться отъ нихъ безъ вреда, мнѣ стоило только отнести ящикъ на нѣкоторое разстояніе отъ дома и выставить каждую вещь на солнце на часъ или на два, потому что муравьи принадлежали къ безвредной породѣ.

Деревня имѣла чрезвычайно оживленный видъ. Было выстроено пять или шесть новыхъ домиковъ; всѣ прау заѣхали на западную сторону косы, гдѣ были вытащены на берегъ, и передъ возвращеніемъ домой законопачивались и обмазывались густымъ клейкимъ составомъ бѣлаго цвѣта, что дѣлало ихъ самыми блестящими предметами во всей деревнѣ. Маленькіе ботики большею частью возвратились изъ блакангъ-таны (задняя часть острова), какъ здѣсь называютъ ту сторону острововъ, которая обращена къ новой Гвинеѣ. За домами лежали кучи топлива; плотникъ и парусники усердно работали; жемчужныя раковины соеди-

нялись въ связки, а черные, безобразные, копченые трепанги, въ послѣднійразъ передъ упаковкою, просушивались на солнцѣ. Матросы рубили и тесали бревна, и боты изъ Церама и Горама постоянно выгружали свои грузы саговыхъ лепешекъ для продовольствія купцовъ во время обратнаго пути. Куры, утки, козлы, всѣ выглядывали очень жирными, отъѣвшись на остаткахъ пищи, выбрасываемыхъ въ густо населенномъ мѣстѣ, а китайскія свиньи были въ томъ періодѣ дородства, который предвѣщаетъ преждевременную кончину. Попугаи, лори и какаду, сортовъ двѣнадцати висѣли на дверяхъ домовъ вмѣстѣ съ зелеными или бѣлыми лѣсными голубями, которые такъ музыкально кричали утромъ и вечеромъ. Молодые казуары, страннымъ образомъ испещренные черными и коричневыми полосами, бѣгали вокругъ домовъ или, подобно котятамъ, рѣзвились на солнышкѣ. Иногда къ нимъ присоединялся хорошенькій маленькій кенгуру, пойманый въ аруанскихъ лѣсахъ, но уже сдѣлавшійся ручнымъ и игривымъ, какъ молодой избалованный олень.

По вечерамъ замѣчалось больше жизни, чѣмъ во время моего прежняго пребыванія. Повсюду раздавались звуки «тамъ-тама» и даже скрипки и меланхолическія малайскія пѣсни пріятно раздавались въ ночной темнотѣ. Почти ежедневно на улицѣ происходилъ пѣтушій бой. Зрители становятся въ кружокъ, и какъ только къ ногамъ пѣтуховъ привяжутся длинныя стальныя шпоры и бѣдныя птицы выпустятся, чтобы терзать и убивать другъ друга, съ той минуты въ публикѣ замѣчается сильнѣйшее волненіе. Держащіе пари визжатъ и воютъ или бѣшено прыгаютъ, смотря потому, кажется ли имъ что они выиграютъ или проиграютъ; но въ нѣсколько минутъ все кончается; побѣдители громко кричатъ ура, хозяева схватываютъ своихъ пѣтуховъ, побѣдившаго хвалятъ и ласкаютъ, побѣжденный бываетъ обыкновенно убитъ или очень тяжело раненъ, если онъ живъ, то часто хозяинъ рветъ ему перья, неся его домой, чтобы зарѣзать на кухнѣ.

Меня интересовала впрочемъ гораздо болѣе игра въ мячъ, начинавшаяся обыкновенно послѣ солнечнаго заката. Мячъ, которымъ играютъ, довольно малъ и сдѣланъ изъ выдолбленнаго внутри куска ратана, вслѣдствіе чего онъ легокъ и эластиченъ. Игрокъ сперва заставляетъ его подпрыгать нѣсколько времени на концѣ ступни, на ляжкѣ или на рукѣ, а потомъ уже сильно подбрасываетъ его подъемомъ ноги. Другой игрокъ бѣжитъ ловить его и при первомъ же прыжкѣ принимаетъ его на ступню и подбрасываетъ въ свою очередь. До мяча никогда не должно дотрогиваться кистью руки, но самая рука плечо, колѣно или ляжка, могутъ помогать ступнѣ. Двое или трое играли отлично, никогда не давая

мячу упасть на землю, но было слишкомъ мало мѣста для обнаруженія всѣхъ тонко стей игры. Однажды возникла ссора вслѣдствіе какого то спора въ игрѣ, поднялся страшный шумъ и боялись что начнется бой—не между двумя человѣками, а между цѣлыми партіями человѣкъ по двѣнадцати или двадцати съ обѣихъ сторонъ, настоящій бой на ножахъ и дубинахъ; но послѣ продолжительной перебранки ссора прекратилась и впослѣдствіи мы ничего о ней неслыхали.

Большинство европейцевъ, надѣленныхъ отъ природы роскошными волосами на лицѣ, полагаютъ, что они безобразятъ ихъ, и ведутъ постоянную борьбу съ природой, сбривая ежедневно кончики выросшіе въ теченіи предъидущихъ двадцати четырехъ часовъ. Мужчины же монгольской расы рождаются отъ природы такими, какими мы стараемся сдѣлаться. Большинство ихъ до старости сохраняетъ такое же гладкое и безбородое лицо, какъ у ребенка. Но бритье есть, какъ видно, инстинктъ чѣловѣческой расы, потому что многіе изъ этихъ людей, за неимѣніемъ бороды, брѣютъ себѣ голову. Другіе же напрягаютъ всѣ свои силы, что-бы заставить природу дать имъ бороду. Однимъ изъ главнѣйшихъ пѣтушьихъ бойцовъ въ Доббо былъ яванецъ, нѣчто въ родѣ церемоніймейстера пѣтушьихъ боевъ; онъ бралъ подъ свое покровительство одного изъ хозяевъ и привязывалъ шпоры его пѣтуху. Этому человѣку удалось, послѣ неусыпныхъ трудовъ создать себѣ усы, которые были чудомъ искусства; природа дала ему около дюжины волосковъ съ каждой стороны, которые, будучи хорошо нафабрены и закручены, были замѣтны (впрочемъ не на слишкомъ большомъ разстояніи) въ видѣ двухъ черныхъ нитокъ, висящихъ по обѣимъ сторонамъ рта. Но создать себѣ бороду было весьма трудно, потому что жестокая природа не дала ему ни одного волоска на подбородкѣ, а самый талантливый садовникъ ничего не сдѣлаетъ если ему нечего будетъ воздѣлывать. Но истинный геній побѣждаетъ препятствія. Хотя собственно на бородѣ и не было волосъ, но за то нѣсколько сбоку было родимое пятнышко, на которомъ (какъ часто бываетъ) росло нѣсколько рѣдкихъ волосковъ. Онъ имъ воспользовался, какъ только могъ лучше. Они достигали четырехъ или пяти дюймовъ въ длину и составляли другую черную нитку, которая шла наискось по подбородку. Обладатель этихъ нитокъ носилъ ихъ, какъ нѣчто замѣчательное въ чемъ нѣтъ спору; онъ часто нѣжно гладилъ ихъ, пропускалъ ихъ между пальцами и, очивидно, весьма гордился своими усами и бородой!

Одною изъ наиболѣе удивительныхъ вещей, которыя можно было сказать про Ару, была необыкновенная дешевизна всѣхъ предметовъ европейской и туземной промышленности. Мы были въ двухъ тысячахъ

миляхъ отъ Сингапура и Батавіи, которыя сами суть торговые пункты «отдаленнаго востока;» мѣсто это не посѣщалось европейскими купцами и было почти неизвѣстно имъ; все доходило сюда по крайней мѣрѣ черезъ третьи или четвертыя руки, а часто и болѣе, тѣмъ не менѣе англійскій коленкоръ и американскія бумажныя ткани стоили здѣсь 8-мь шиллинговъ кусокъ, ружье—15; обыкновенные нѣмецкія ножницы и ножи полтора пени штука, другіе инструменты, бумажныя матеріи и гончарныя издѣлія продавались по подобнымъ же цѣнамъ. Обитатель, этого удаленнаго отъ всѣхъ путей острова, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, покупать всѣ эти предметы почти по какой же цѣнѣ, какъ и англійскій рабочій; но въ сущности онъ пріобрѣтаетъ ихъ гораздо дешевле, потому что продукты нѣсколькихъ часовъ труда даютъ дикарю возможность накупить въ изобиліи предметы роскоши, которое для европейца суть предметы первой необходимости. Однако дикарь не счастливѣе и не лучше вслѣдствіе такой дешевизны. Напротивъ она имѣетъ на него въ высшей степени вредное вліяніе. Чтобы заставить его трудиться необходима сила нужды: и еслибы желѣзо было такъ дорого, какъ серебро, а коленкоръ, какъ шелкъ, то слѣдствія этой дороговизны были бы благотворны для него. Теперь онъ можетъ проводить большее число часовъ въ праздности, можетъ получать больше табаку, можетъ напиваться аракомъ и чаще и сильнѣе,—аруанецъ не любитъ напиваться наполовину, ему мало полнаго стакана арака, ему нужно не менѣе половины галона, что бы напиться всласть.

Непріятно разсуждать о такомъ положеніи дѣлъ. По крайней мѣрѣ половина всѣхъ милліоновъ нецивилизованныхъ племенъ, которыя снабжаются товарами нашихъ громадныхъ мастерскихъ, остались бы въ физическомъ отношеніи на той же степени благосостоянія и несомнѣнно улучшились бы нравственно, еслибы всѣ наши товары стоили вдвое и втрое дороже ихъ нынѣшней цѣнности. Если бы вмѣстѣ съ тѣмъ разность въ стоимости, или большая часть ея, была помѣщена въ карманы рабочихъ, то тысячи перешли бы отъ нужды къ благосостоянію, отъ голодной смерти къ здоровому образу жизни и были бы избавлены отъ главнѣйшей причины, побуждающей ихъ къ преступленіямъ. Англичанину трудно безъ гордости смотрѣть на нашу гигантскую и безпрерывно возрастающую промышленность и торговлю, трудно не думать, о томъ, какое количество добра принесъ бы еще болѣе быстрый прогрессъ ихъ, какъ чрезъ пониженіе производимыхъ продуктовъ, такъ и чрезъ открытія новыхъ рынковъ для сбыта ихъ. Но если мы зададимъ вопросъ, который такъ часто задается Cui — bono? то отвѣтить будетъ труднѣе,

чѣмъ предполагаютъ. Выгоды, даже для тѣхъ немногихъ, для которыхъ онѣ существуютъ, окажутся исключительно матеріальными, тогда какъ широко распространенныя нравственныя и умственныя страданія отъ безпрерывной работы, низкой рабочей платы, тѣсноты помѣщеній и отъ однообразія труда, имѣющія мѣсто для огромнаго числа людей, эти страданія представляютъ такой страшный противовѣсъ всѣмъ благамъ промышленнаго развитія, что могутъ заставить самаго сильнаго поклонника этого развитія усумниться въ желательности его продолженія. Мнѣ отвѣтятъ: «Мы не можемъ остановить его; капиталы должны употребляться, народъ долженъ работать; если мы замѣшкаемся на минуту, то остальные народы, сильно тѣснящіе насъ уже теперь, перегоняютъ насъ и послѣдуетъ раззореніе государства.» Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій справедливы, другія ложны. Намъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ разрѣшить трудный вопросъ, и я склоненъ думать, что именно по причинѣ этой трудности люди утверждаютъ, что состояніе, которое невозможно измѣнить, должно быть хорошее, что его благодѣянія должны превосходить зло, причиняемое имъ. Такова была логика и американскихъ защитниковъ рабства, они не видѣли удобнаго, годнаго положенія дѣлъ внѣ его. Что же касается до насъ, то можно надѣяться, что если внимательное и всестороннее разсмотрѣніе вопроса обнаружитъ, что происходитъ больше зла, чѣмъ добра отъ громадности нашей промышленности и торговли, зла которое будетъ возрастать вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ, то въ англичанахъ найдется достаточно политической мудрости и истинной филантропіи, чтобы заставить ихъ обратить на другое употребленіе избытокъ своего богатства. Фактъ, который повелъ къ этимъ замѣчаніямъ во всякомъ случаѣ поразителенъ: въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ земли дикари могутъ покупать платье дешевле, чѣмъ народъ въ той странѣ, гдѣ оно производится; дитя ткача должно дрожать зимой отъ холода, не будучи въ состояніи купить себѣ вещей, доступныхъ дикарю тропическихъ странъ, гдѣ платье служитъ только для украшенія. Этотъ фактъ заставляетъ насъ призадуматься прежде, чѣмъ мы станемъ смотрѣть съ восторгомъ на систему, поведшую къ такимъ послѣдствіямъ и заставляетъ съ нѣкоторой подозрительностью относиться къ благодѣяніямъ ея дальнѣйшаго развитія. Нужно вспомнить также, что наша торговля развивалась не совершенно естественнымъ путемъ. Ей всегда покровительствовало правительство, а поддержка флота и арміи насильно придавала ей неестественные размѣры и блескъ. Уже не разъ были высказаны сомнѣнія въ разумности и справедливости такой политики. Поэтому если только

*

будетъ дознано, что дальнѣйшее расширеніе нашей промышленности и торговли принесетъ вредъ, то противодѣйствіе этому придетъ скоро.

Послѣ шестинедѣльнаго заключенія у себя въ комнатѣ я наконецъ выздоровѣлъ и могъ возобновить свои ежедневныя прогулки въ лѣсъ. Я нашелъ его, однако, не столь богатымъ, какъ въ первое время послѣ моего прибытія въ Доббо. Унылое безмолвіе царствовало въ лѣсу, и насѣкомыя попадались очень рѣдко. На лучшихъ для собиранія мѣстахъ я увидѣлъ теперь кучи гніющихъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ молодыми отпрысками и обросшими ползучими растеніями; тѣмъ не менѣе мнѣ каждый день удавалось прибавить что либо къ своей коллекціи. Однажды я замѣтилъ любопытный примѣръ ошибочности инстинкта, который, показывая его способность ошибаться, заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что инстинктъ представляетъ нѣчто особенное, а не сумму наслѣдственныхъ привычекъ, обусловливаемыхъ незначительными видоизмѣненіями чувствъ. Нѣсколько моряковъ срубили большое дерево и я, по обыкновенію, нѣсколько времени посѣщалъ его ежедневно, отыскивая насѣкомыхъ. Къ нему собралось между прочимъ множество маленькихъ короѣдовъ (Peatypus Tesserocerus и др,) и начали углублятся въ кору. На другой или на третій день я, къ удивленію своему, увидилъ множество короѣдовъ застрявшихъ въ проверченныхъ ими углубленіяхъ. По разсмотрѣніи оказалось, что млечный сокъ дерева обладалъ, подобно гуттаперчѣ, свойствомъ быстро отвердѣвать отъ прикосновенія съ воздухомъ и что, слѣдовательно, онъ оклеилъ маленькихъ насѣкомыхъ въ ими самими вырытыхъ могилахъ. Привычка проверчивать въ корѣ углубленія для помѣщенія яицъ, не сопровождалась инстинктивнымъ пониманіемъ, какое дерево годно для нихъ, а какое гибельно. Если, что весьма вѣроятно, запахъ этихъ деревьевъ привлекаетъ къ нимъ извѣсныя виды короѣдовъ, то эти виды, по всей вѣроятности, вымрутъ; другіе же виды, которымъ непріятенъ его запахъ и которые будутъ вслѣдствіе этого избѣгать опаснаго дерева, сохранятся, и мы припишемъ инстинкту ихъ выборъ, въ которомъ они на самомъ дѣлѣ руководствуются чувствами.

Короѣды, именно брентиды (Brenthidae), были очень распространены на Ару. Самки снабжены удлиненнымъ на подобіе хоботка рыльцемъ, которымъ онн просверливаютъ въ корѣ углубленія, засовывая иногда хоботокъ по самые глаза, и кладутъ въ эти углубленія яйца. Самцы крупнѣе, ихъ хоботокъ расширенъ на концѣ и часто оканчивается довольно крупными челюстями. Однажды я видѣлъ двухъ дерущихся брентидъ; они положили другъ другу переднія лапки на шею, придали хоботкамъ самый грозный видъ и вообще были очень забавны. Въ другой разъ два

самца дрались изъ за самки, которая невдалекѣ спокойно занималась сверленіемъ дыръ. Они повидимому съ большою яростью толкали другъ друга своими хоботками, били и царапали лапками, хотя твердые покровы ихъ предохраняли обоихъ отъ всякаго поврежденія. Однако меньшій вскорѣ обратился въ бѣгство, признавъ себя побѣжденнымъ. У большинства жесткокрылыхъ самки крупнѣе самцевъ, поэтому интересно видѣть, какъ примѣръ вліянія полового подбора, что въ этомъ случаѣ, а также у рогачей (Incanus), у которыхъ самцы также дерутся, они должны быть не только лучше вооружены, но и крупнѣе самокъ.

Какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ распустились цвѣты прекраснаго дерева изъ породы Erithrina, усыпая весь лѣсъ пучками ярко-красныхъ цвѣтовъ. Видъ былъ бы очень красивый, если бы на него смотрѣть съ возвышенія, съ низу же я видѣлъ только гроздья и вѣнки прекраснаго цвѣта, надъ которыми съ визгомъ летали голубые и оранжевые лори.

Въ теченіи сезона въ Доббо умерло много народу, полагаю что около двадцати. Ихъ хоронили въ маленькой сосѣдней казуариновой рощѣ. Въ числѣ купцовъ былъ магометанскій священникъ, совершавшій похороны, которыя были весьма просты. Тѣло обертывалось въ новую бѣлую бумажную матерію и относилось на носилкахъ въ могилу. Всѣ зрители садились на землю, а священникъ пѣлъ нѣсколько стиховъ изъ корана. Могилы были огорожены рѣшеткой изъ тонкаго бамбука, а въ головахъ вбивали для обозначенія мѣста столбъ съ небольшою рѣзьбою. Въ деревнѣ была также маленькая мечеть, куда по пятницамъ правовѣрные приходили молиться. Это, вѣроятно, самая отдаленная отъ Мекки мечеть, обозначающая крайнюю границу магометанства на востокѣ. Китайцы обнаруживали здѣсь, какъ и вездѣ, превосходство своей цивилизаціи надгробными камнями изъ гранита, привезенными изъ Сингапура, покрытыми глубоко вырѣзанными красными надписями. Ни одинъ народъ не выказываетъ большаго почтенія къ могиламъ родныхъ и друзей, чѣмъ этотъ странный, вездѣсущій, сколачивающій деньгу народъ.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ Доббо, мой макассарскій мальчикъ Бадерунъ, взялъ свое жалованье и ушелъ отъ меня, потому что я упрекнулъ его въ лѣности. Онъ пустился въ игру и сначала игралъ счастливо, покупалъ различныя украшенія и имѣлъ вдоволь денегъ. Но потомъ счастье перемѣнилось,—онъ пропгралъ все, занялъ денегъ и снова проигралъ, послѣ чего долженъ былъ пойти въ рабство къ своему кредитору для отрабатыванія долга. Это былъ проворный и дѣятельный мальчикъ когда онъ хотѣлъ, но былъ склоненъ къ лѣни и до такой степени

преданъ азартнымъ играмъ, что ему по всей вѣроятности прійдется когда нибудь закабалить себя на всю жизнь.

Приближался конецъ іюня, восточный муссонъ сталъ дуть постоянно и черезъ недѣлю или двѣ Доббо опустѣетъ. Повсюду видны были дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду, и въ каждый ясный день (уже довольно рѣдкіе) улицы кишѣли народомъ, какъ пчелиный улей. Вязанки трепанговъ окончательно просушивались и складывались въ мѣшки; жемчужныя раковины, связанныя ратангомъ, цѣлый день нагружались на корабли; холщевые и рогожные паруса чинились передъ отправленіемъ въ дальній путь; боченки наливались прѣсною водою. Почти ежедневно приходили съ самыхъ дальнихъ концовъ острова группы туземцевъ съ бананами и сахарнымъ тростникомъ, чтобы обмѣнять ихъ на табакъ, сагo, хлѣбъ и другіе предметы роскоши, прежде чѣмъ всѣ разъѣдутся. Китайцы закололи свою откормленную свинью, устроили прощальный пиръ и любезно прислали мнѣ кусокъ ея вмѣстѣ съ тарелкой птичьихъ гнѣздъ, которыя немногимъ вкуснѣе вермишеля. Мой мальчикъ Али возвратился изъ Ванумбаи, куда я послалъ его одного на двѣ недѣли для покупки райскихъ птицъ и приготовленія шкурокъ; онъ привезъ мнѣ шестнадцать прекрасныхъ экземпляровъ и привезъ бы вдвое больше, если бы не былъ боленъ лихорадкой. Онъ жилъ въ домѣ моего прежняго хозяина, и, что служитъ доказательствомъ расположенія дикарей къ людямъ, хорошо обращающимся съ ними, ни разу не было сдѣлано попытки ограбить его, что можно было совершить съ полнѣйшею безнаказанностью, я же далъ ему много серебряныхъ долларовъ для покупки птицъ. За нимъ ухаживали во время болѣзни и привезли ко мнѣ съ неиздержанными долларами.

Ванумбайцы, какъ почти всѣ аруанскія племена, полнѣйшіе дикари, и я не замѣчалъ въ нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какой либо религіи. На берегу есть, однако, двѣ или три деревни, въ которыхъ живутъ школьные учителя изъ Амбойны, гдѣ жители номинально христіане и до нѣкоторой степени воспитаны и цивилизованы. Въ теченіи моего кратковременнаго пребыванія, я не могъ пріобрѣсти много положительныхъ свѣдѣній объ обычаяхъ аруанцевъ, но замѣтилъ, что они подверглись сильному вліянію магометанъ, вслѣдствіе продолжительныхъ торговыхъ сношеній съ ними. Они часто хоронятъ своихъ мертвецовъ, хотя по туземному обычаю слѣдуетъ оставлять тѣло на высокомъ мѣстѣ, пока оно не разложится. Хотя мужчина можетъ имѣть неопредѣленное число женъ, однако число ихъ рѣдко бываетъ больше одной или двухъ. Жена просто покупается у родителей за весьма длинный списокъ вещей, въ числѣ

которыхъ непремѣнно находятся бубны, горшки и полотно. Мнѣ разсказывали, что нѣкоторыя племена убиваютъ своихъ стариковъ и старухъ, когда они не въ состояніи больше работать, но мнѣ случалось видѣть весьма дряхлыхъ стариковъ, съ которыми обращались повидимому, довольно хорошо. Безъ сомнѣнія всѣ племена, находящіяся въ продолжительныхъ сношеніяхъ съ бугизскими и церамезскими купцами мало по малу теряютъ многіе изъ своихъ обычаевъ, тѣмъ болѣе, что эти купцы часто поселяются въ туземныхъ деревняхъ и берутъ себѣ въ жены туземокъ.

Торговля, которую ведетъ Доббо, достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ году здѣсь было пятнадцать большихъ прау изъ Макассара и, быть можетъ, до сотни маленькихъ судовъ изъ Церама, Горама и Ки. Грузъ каждой изъ макассарскихъ прау стоитъ приблизительно 1000 ф., грузъ же всѣхъ прочихъ вмѣстѣ взятыхъ можетъ быть оцѣненъ приблизительно въ 3000 футовъ; ежегодный вывозъ можетъ быть оцѣненъ въ 18.000 ф. Главную часть вывоза составляютъ жемчужныя раковины и трепанги, къ нимъ присоединяется небольшое количество черепахи, съѣдобныхъ птичьихъ гнѣздъ, жемчугу, дорогого дерева и райскихъ птицъ. Все это обмѣнивается на различные товары. Ежегодно потребляется арака, равняющагося по крѣпости обыкновенному вестъ-индскому рому, 3.000 ящиковъ по пятнадцати бутылокъ въ полъ галона въ каждой. Целебесскій холстъ весьма цѣнится за свою прочность, и его продаютъ здѣсь въ большомъ количествѣ, равно какъ и бѣлый англійскій коленкоръ и американскія небѣленыя бумажныя ткани, простыя ножи и гончарныя издѣлія, ружья, порохъ, бубны, и зубы слоновъ. Три послѣдніе предмета составляютъ богатство аруанцевъ, которое они даютъ за женъ и вообще движимое имущество. Табакъ требуется въ огромномъ количествѣ для жеванія; онъ долженъ быть чрезвычайно крѣпокъ, иначе аруанецъ и невзглянетъ на него. Зная какъ мало работаютъ эти дикари, слѣдуетъ заключить, по огромной массѣ вывозимыхъ съ него продуктовъ, что островъ довольно густо населенъ, особенно по берегу моря, такъ какъ девять десятыхъ всего вывоза составляютъ морскіе продукты.

2-го іюля мы покинули Ару, сопровождаемые всѣми макассарскимъ прау, которыя сговорились плыть вмѣстѣ. Мы прошли южные острова Банды, затѣмъ направились на западъ и продолжали свой путь, не видя земли въ теченіе трехъ дней, пока не показалось на западъ отъ Бутона нѣсколько низменныхъ острововъ. Днемъ и ночью дулъ постоянный юго-восточный вѣтеръ, который несъ насъ со скоростью пяти узловъ въ часъ,

тогда какъ корабль, вооруженный какъ клиперъ дѣлалъ бы двѣнадцать. Небо было постоянно черное, покрытое тучами, угрожающее; повременамъ шелъ мелкій дождь; такая погода продолжалась до тѣхъ поръ, пока мы не достигли западной стороны Бору, послѣ чего небо прояснилось и во всю остальную часть нашего путешествія мы наслаждались ясными солнечными днями сухой части года. Именно здѣсь стало быть проходитъ черта, раздѣляющая архипелагъ, по погодѣ, на восточную и западную часть. На западъ отъ этой черты погода отъ іюня до декабря бываетъ обыкновенно ясная, въ остальную же часть года—дождливая. На востокъ отъ нея погода бываетъ чрезвычайно непостоянною, такъ что каждый островъ и каждая сторона острова имѣютъ свои особенности. Разница заключается главнымъ образомъ не въ распредѣленіи дождливыхъ дней, а въ распредѣленіи облаковъ и атмосферной влажности. Напримѣръ въ Ару при нашемъ отъѣздѣ пересохли всѣ маленькіе ручейки, хотя погода была туманная; тогда какъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ, когда стояли самые жаркіе солнечные дни, они все время были полны воды. Самое сухое время года на Ару бываетъ, какъ и на Целебесѣ, въ сентябрѣ и октябрѣ. Дождливый періодъ совпадаетъ слѣдовательно съ дождливымъ періодомъ западныхъ острововъ, хотя погода совершенно иная. Воды молукскаго моря темно-синяго цвѣта, совершенно отличнаго отъ свѣтло-голубого цвѣта Атлантическаго океана. Когда же небо покрыто тучами, то море дѣлается совершенно чернымъ и, будучи покрыто пѣнистыми волнами, имѣетъ грозный и суровый видъ. Постоянный и сильный вѣтеръ дулъ во все время нашего путешествія, такъ что мы прибыли совершенно благополучно въ Макассаръ вечеромъ 11 іюля, употребивъ на путешествіе (болѣе чѣмъ въ тысячу миль) девять съ половиною дней.

Моя экспедиція на Ару увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Хотя я цѣлые мѣсяцы не могъ выходить изъ дому по причинѣ болѣзни и потерялъ много времени вслѣдствіе отсутствіе средствъ передвиженія и чрезъ неумѣніе выбрать самое удобное время и мѣсто, тѣмъ не менѣе я везъ съ собою болѣе девяти тысячъ экземпляровъ по крайней мѣрѣ тысячи шестисотъ различныхъ видовъ. Я познакомился съ страннымъ и мало извѣстнымъ племенемъ; я познакомился съ торговлею дальняго Востока; я наслаждался изслѣдованіемъ новой фауны и флоры одного изъ прекраснѣйшихъ, замѣчательнѣйшихъ и наименѣе извѣстныхъ уголковъ земли; наконецъ мнѣ удалось достигнуть главной цѣли своего путешествія, т. е. пріобрѣсти хорошіе образчики великолѣпныхъ райскихъ птицъ

и наблюдать ихъ привычки въ ихъ родныхъ лѣсахъ. Именно этотъ успѣхъ возбудилъ во мнѣ желаніе продолжать мои изслѣдованія на Молукскихъ островахъ и Новой Гвинеѣ еще пять лѣтъ, и я до сихъ поръ вспоминаю это время съ величайшимъ удовольствіемъ.

ГЛАВА XXXIII.

АРУАНСКІЕ ОСТРОВА.

Физическая географія и видъ природы. Связь острововъ съ Новою Гвинеею.—Бѣдность цвѣтовъ въ экваторіальныхъ странахъ,—Ложное мнѣніе объ этомъ предметѣ, установившееся въ Европѣ.

Въ этой главѣ я намѣренъ представить общій обзоръ физической географіи Аруанскихъ острововъ и ихъ отношенія къ окружающимъ землямъ и связать такимъ образомъ съ своими собственными работами свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разсказовъ купцовъ и изъ сочиненій прочихъ натуралистовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ этой въ высшей степени интересной области.

Группа Аруанскихъ острововъ состоитъ изъ весьма большого центральнаго острова, окруженнаго многими мелкими. Большой островъ называется у купцовъ и дикарей «тана-бузаръ» (большая земля) для отличія его, какъ цѣлаго, отъ Доббо и многихъ другихъ отдѣльныхъ острововъ. Онъ имѣетъ неправильную продолговатую форму и тянется съ сѣвера на югъ на разстояніи восьмидесяти миль, въ ширину же т. е. съ востока на западъ онъ достигаетъ только сорока или пятидесяти и перерѣзывается въ этомъ направленіи тремя узкими каналами, раздѣляющими его на четыре части. Эти каналы всегда называются между купцами рѣками, что крайне изумляло меня, пока я самъ не убѣдился въ какой мѣрѣ это названіе приложимо къ нимъ. Сѣверный каналъ, называемый рѣкою Вателаи, въ устьѣ своемъ достигаетъ до четверти мили въ ширину, но вскорѣ съуживается до одной восьмой и сохраняетъ эту ширину съ небольшими уклоненіями на всемъ своемъ протяженіи (около пятидесяти миль), въ восточномъ же устьѣ онъ снова расширяется. Направленіе его довольно извилисто, а берега большею частью сухи и нѣсколько возвы-

шенны. Во многихъ мѣстахъ возвышаются невысокія скалы кораллового известняка, болѣе или менѣе размытаго водою; въ другихъ же мѣстахъ низменный берегъ тянется въ глубь земли, до подошвы отстоящихъ на нѣкоторое разстояніе холмовъ. Въ него впадаютъ справа и слѣва маленькіе ручейки, у устьевъ которыхъ расположено нѣсколько скалистыхъ островковъ. Глубина канала весьма постоянна, колеблясь между десятью и пятнадцатью саженями; такимъ образомъ онъ совершенно похожъ на рѣку, отъ которой отличается собственно только соленостью воды и отсутствіемъ теченія. Два другіе канала, называемые Воркаи и Майрокъ, говорятъ, весьма похожи въ общихъ чертахъ на Вателаи, отъ котораго отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что, проходя близко другъ къ другу, соединяются между собою боковыми каналиками, пересѣкающими лежащую между ними плоскую часть острова. Южный берегъ Майрока весьма гористъ, и начиная съ этого мѣста вся мѣстность на югъ представляется возвышенною и скалистою страною, пересѣкаемою многочисленными ручейками, въ высокихъ скалистыхъ берегахъ которыхъ собираются преимущественно съѣдобныя птичьи гнѣзда. Всѣ единогласно утверждали, что двѣ южныя рѣки шире Вателаи.

Вообще весь островъ низменный, но далеко не такой плоскій, какъ его изображаютъ, или какимъ онъ кажется съ моря. Почва его большею частью скалиста и суха; поверхность нѣсколько волниста, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходящая въ обрывистые холмы, въ другихъ же пересѣкаемая крутыми и узкими оврагами. Кромѣ клочковъ болотъ у устья почти каждой рѣки, на Ару нѣтъ совершенно низкой мѣстности, хотя наибольшая высота горъ не превосходитъ, быть можетъ, двухъ сотъ футовъ. Скалы, которыя повсюду оказываются коралловымъ известнякомъ, бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хрупкими и мягкими, въ другихъ же твердыми и кристаллическими, какъ горный известнякъ.

Маленькіе островки, окружающіе центральный островъ, весьма многочисленны; но большая часть ихъ расположена на восточной сторонѣ, гдѣ они образуютъ родъ бахрамы, простирающейся иногда миль на десять и пятнадцать отъ центральнаго острова. На западной же сторонѣ число ихъ весьма не велико; изъ нихъ Вамма и Пуло Баби самые крупные, а Оугіа и Вассина расположены на сѣверо-восточной окраинѣ. На восточной сторонѣ море повсюду весьма мелко и поросло кораллами; здѣсь то и собираются жемчужныя раковины, составляющія главный предметъ аруанской торговли. Всѣ острова покрыты густымъ и высокимъ лѣсомъ.

Описанныя здѣсь физическія свойства представляютъ особенный

интересъ и, насколько мнѣ извѣстно, до нѣкоторой степени единственныя въ своемъ родѣ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удалось нигдѣ найти описанія острова величиною съ Ару, который бы пересѣкался каналами, столь похожими на настоящія рѣки. Какъ образовались эти каналы, былъ вопросъ, который долго приводилъ меня въ недоумѣніе, пока, послѣ внимательнаго изслѣдованія всѣхъ вообще свойствъ Аруанскихъ острововъ, я не пришелъ къ тому объясненію, которое постараюсь изложить. Невулканическій островъ можетъ образоваться, или можетъ быть приведенъ въ свое нынѣшнее состояніе, тремя способами: чрезъ поднятіе, чрезъ осѣданіе и чрезъ отдѣленіе отъ континента или болѣе крупнаго острова. Нахожденіе коралловыхъ скалъ или поднятаго морского берега внутри острова, служитъ яснымъ доказательствомъ недавняго возвышенія почвы; коралловые острова съ лагунами или съ окружающими ихъ въ видѣ пояса скалами, подверглись осѣданію; тогда какъ напр. наши острова, произведенія которыхъ совершенно тожественны съ произведеніями ближайшаго континента, были отдѣлены отъ него. Аруанскіе же острова всѣ состоятъ изъ коралловыхъ скалъ, и сосѣднее море мелко и покрыто кораллами; слѣдовательно они, очевидно, поднялись со дна океана и притомъ не въ слишкомъ отдаленную эпоху. Но если мы допустимъ, что поднятіе было главною и единственною причиною ихъ нынѣшняго очертанія, то будемъ совершенно не въ состояніи объяснить происхожденіе любопытныхъ рѣкъ-каналовъ, пересѣкающихъ ихъ. Трещины во время поднятія не могли бы имѣть одинаковой ширины и извилистости, которыми эти каналы характеризуются, а приливъ и отливъ во время поднятія острова могли образовать прямые проливы неодинаковой глубины, а не каналы того рѣкообразнаго вида, который они теперь имѣютъ. Если мы предположимъ наконецъ, что послѣднимъ движеніемъ почвы было осѣданіе, уменьшавшее величину острова, то эти каналы останутся въ такой же степени необъяснимыми, потому что осѣданіе непремѣнно поведетъ къ затопленію всѣхъ низменностей, расположенныхъ по берегамъ старыхъ рѣкъ, а слѣдовательно сдѣлаетъ незамѣтнымъ первоначальное русло, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно вполнѣ сохранилось и имѣетъ почти одинаковую ширину и глубину на всемъ своемъ протяженіи.

Если же эти каналы были когда либо рѣками, то послѣднія должны были течь съ болѣе возвышенной мѣстности, которая должна была находиться на востокѣ, потому что на сѣверѣ и на западѣ море на небольшомъ разстояніи отъ берега имѣетъ неизмѣримую глубину, тогда какъ съ восточной стороны до самой новой Гвинеи на протяженіи полутора-

ста миль тянется отмель, глубиною не болѣе пятидесяти саженъ. Поднятіе почвы на триста футовъ превратило бы всю эту полосу въ довольно возвышенную твердую землю и сдѣлало бы Аруанскіе острова частью Новой Гвинеи, а рѣки, кокорыхъ устья теперь находятся у Утанаты и Вамуки, протекали бы по Ару, быть можетъ по тѣмъ самымъ русламъ, которыя теперь залиты соленою водою. Когда промежуточная полоса снова погрузилась въ море, то земля, составляющая нынѣ Аруанскіе острова, должна была остаться, что не представляетъ ничего неправдоподобнаго, если принять во вниманіе обширность мелкой полосы и незначительность пониженія земли, потребнаго для опущенія ея на такую глубину.

Но мнѣніе, что Аруанскіе острова соединялись нѣкогда съ Новой Гвинеей опирается не на однѣ эти соображенія. Между продуктами этихъ двухъ странъ замѣчается такое поразительное сходство, какое можетъ существовать только между частями одной и той же территоріи. На Ару я собралъ сто видовъ сухопутныхъ птицъ, изъ конхъ восемьдесятъ встрѣчаются въ Новой Гвинеѣ. Въ числѣ ихъ находится большой безкрылый казуаръ, два вида крупныхъ индѣекъ и два—короткокрылыхъ дроздовъ, которые, безъ сомнѣнія не могли пролетѣть пространство въ 180 миль открытаго моря, отдѣляющее Аруанскіе острова отъ Новой Гвинеи. Это препятствіе должно было бы быть столь же дѣйствительно, относительно многихъ другихъ птицъ, живущихъ исключительно въ глубинѣ лѣса; таковы альціонъ (Dacelo gaudichaudi), муховловъ (Todopsis) крупный видъ вѣнценоснаго голубя (Goura coronata) и маленькіе лѣсные голуби (Ptilonopus perlatus, P. aurantiifrons и P. coronulatus). Для показанія вліянія этого препятствія возьмемъ островъ Церамъ, отстоящій отъ Новой Гвинеи ровно на такое же разстояніе, какъ и Ару, но отдѣленный отъ нея глубокимъ моремъ. Изъ семидесяти птицъ, встрѣчающихся на Церамѣ только пятнадцать общи у него съ Новой Гвинеей, и ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ ходящимъ или живущимъ въ глубинѣ лѣса. Казуары различны; царскіе рыболовы, попугаи, голуби, муходовы, дрозды, кукушки почти-всегда принадлежатъ къ совершенно различнымъ видамъ. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ двадцать видовъ, общихъ у Новой Гвинеи и Ару не встрѣчаются въ Церамѣ, что убѣждаетъ всякаго естествоиспытателя, что эти два острова получили свою фауну радикально противоположными путями. Сверхъ того, на Ару встрѣчается настоящій кенгуру, который находится также и на Мисолѣ, сходномъ по своей фаунѣ съ Ару; тотъ же, или весьма родственный ему видъ, встрѣчается въ Новой Гвинеѣ; но на Церамѣ кенгуру

вовсе не встрѣчается, хотя онъ отстоитъ отъ Мисола всего на шестьдесятъ миль. Другое маленькое сумчатое Parameles doreyanus встрѣчается и на Ару и въ Новой Гвинеѣ. Насѣкомыя показываютъ тоже самое. Всѣ аруанскія бабочки принадлежатъ или къ ново-гвинейскимъ видамъ, или весьма мало отличаются отъ нихъ, тогда какъ церамскія бабочки отличаются отъ ново-гвинейскихъ еще болѣе, чѣмъ птицы.

Въ настоящее время всѣми признано, что мы можемъ смѣло опираться на подобные факты, составляющія одну изъ страницъ столь неполной геологической лѣтописи. Поднятіе и осѣданіе, которыя претерпѣвала почва, а также послѣдовательность ихъ, могутъ быть опредѣлены съ точностью; но одна геологія не можетъ ничего сообщить намъ о земляхъ совершенно скрывшихся въ глубинѣ океана. Здѣсь величайшую услугу оказываетъ намъ физическая географія и распредѣленіе животныхъ и растеній. Опредѣляя глубину морей, отдѣляющихъ одну страну отъ другой, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о совершившихся перемѣнахъ. Если существуютъ другія указанія на осѣданіе, то мелкость моря доказываетъ, что прилежащія земли были когда то соединены; но если такихъ указаній нѣтъ, или же если существуютъ указанія на поднятіе почвы, то въ такомъ случаѣ мелкость моря показываетъ, что въ будущемъ двѣ страны соединятся, но не доказываетъ, что они были соединены прежде. Свойства же флоры и фауны этихъ странъ почти всегда даютъ намъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ. Ч. Дарвинъ показалъ намъ, какимъ образомъ мы можемъ, по присутствію или отсутствію сухопутныхъ млекопитающихъ и пресмыкающихся, опредѣлить соединялся ли когда либо островъ съ континентомъ или болѣе крупнымъ островомъ, или же нѣтъ. Тѣ, которыхъ онъ причисляетъ къ «океаническимъ островамъ», не имѣютъ ни тѣхъ ни другихъ животныхъ, хотя они могутъ быть покрыты роскошною растительностью и обладать большимъ количествомъ птицъ, насѣкомыхъ и улитокъ; мы заключаемъ отсюда, что они возникли среди океана и никогда не соединялись съ ближайшими массами твердой земли. Островъ Св. Елены, Мадейра, и Новая Зеландія могутъ служить примѣрами океаническихъ острововъ. Всѣ прочіе организмы встрѣчаются на нихъ, потому что они обладаютъ средствами распространяться по обширнымъ пространствамъ, которыхъ лишены сухопутныя млекопитающія и птицы, что вполнѣ доказано Ч. Ляйэлемъ въ его «основаніяхъ Геологіи» и Ч. Дарвиномъ въ его «Происхожденіи видовъ».

Но въ подобныхъ случаяхъ, число переселившихся указаннымъ путемъ видовъ должно быть весьма ограничено, причемъ окажется значи-

тельный пробѣлъ даже въ птицахъ и летающихъ насѣкомыхъ, переселенію которыхъ, по нашимъ соображеніямъ, не могло представиться никакихъ препятствій. Въ такихъ отношеніяхъ находится островъ Тиморъ (какъ я уже указалъ въ главѣ XIII) въ Австраліи; на немъ встрѣчаются нѣкоторыя австралійскія формы птицъ и насѣкомыхъ, при полномъ отсутствіи австралійскихъ млекопитающихъ или пресмыкающихся животныхъ, а также значительнаго числа наиболѣе распространенныхъ и характеристическихъ видовъ австралійскихъ птицъ и насѣкомыхъ. Совершенно иное мы видимъ на Британскихъ островахъ, гдѣ значительное количество растеній, насѣкомыхъ, пресмыкающихся и млекопитающихъ животныхъ, прилегающихъ частей материка имѣютъ многочисленныхъ представителей, причемъ не встрѣчается пробѣловъ, всегда замѣчаемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда есть основаніе предполагать отсутствіе подобной связи. Отношенія острововъ Суматры, Борнео и Явы къ азіатскому материку также вполнѣ ясны; при общности многихъ млекопитающихъ, сухопутныхъ птицъ и пресмыкающихся они заключаютъ въ себѣ еще болѣе значительное число родственныхъ формъ. Геологія показываетъ намъ, что послѣднія являются по истеченіи значительнаго времени, изъ чего мы должны заключить, что отдѣленіе Великобританіи отъ материка произошло недавно, такъ какъ почти всѣ виды встрѣчающихся на ней животныхъ совершенно тожественны съ континентальными формами; отдѣленіе же Суматры и Явы имѣло мѣсто въ болѣе отдаленный періодъ, такъ какъ на нихъ значительное число континентальныхъ видовъ замѣнено представителями.

Приведенные нами примѣры показываютъ, что для объясненія первоначальнаго состоянія земной поверхности весьма важно изученіе географическаго распредѣленія животныхъ и растеній. Естественныя произведенія острова Ару, какъ нельзя яснѣе показываютъ, что въ недавнее время острова эти составляли часть новой Гвинеи, и что отдѣленіе послѣдовало вслѣдствіе пониженія обширной плоскости, первоначально соединявшей ихъ между собою.

Читатели, усвоившіе себѣ обыденное понятіе отр опической ростительности и потому полагающіе, что послѣдняя отличается обиліемъ пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ, будутъ весьма удивлены, если я скажу имъ, что растительность на Ару, при всемъ своемъ великолѣпіи и разнообразіи, вовсе не подверждаетъ усвоеннаго ими взгляда; здѣсь или вовсе нѣтъ пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ, или ихъ такъ мало, что они совершенно теряются въ массѣ остальной растительности. Въ теченіи шести мѣсячнаго пребыванія на островахъ Ару я имѣлъ случай изслѣдовать

почти каждый уголокъ ихъ и не видѣлъ ни одного растенія, которое бросалось бы въ глаза яркостью своихъ цвѣтовъ или красотою, и которое напомнило бы мнѣ нашъ боярышникъ или жимолость. Цвѣты всѣхъ растеній имѣютъ зеленовато-бѣлую окраску, въ родѣ нашихъ липъ. На рѣчныхъ отмеляхъ и по берегамъ встрѣчается въ небольшомъ количествѣ Convolvuleaceae, уступающее нашимъ садовымъ Ipomaeas, въ глубинѣ лѣсовъ попадаются красивыя пурпурнаго цвѣта Zingiberaceae, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что они совершенно исчезаютъ въ массѣ остальной растительности. Но въ то же время вы встрѣтите здѣсь на каждомъ шагу благородныхъ Cycadaceae, въ 30 или 40 фут. вышиною, красивые папоротники, высокія пальмы и множество красивыхъ и замѣчательныхъ растеній, свидѣтельствующихъ о теплотѣ и влажности тропическаго климата, и о плодоносности почвы. Правда, мнѣ самому острова Ару показались чрезвычайно бѣдными цвѣтами, но та же черта встрѣчается и въ другихъ тропическихъ странахъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ; мое продолжительное пребываніе въ экваторіальныхъ странахъ запада и востока убѣдило меня, что самыя роскошныя тропическія мѣстности, по количеству цвѣтовъ и яркости красокъ, далеко уступаютъ странамъ съ умѣреннымъ климатомъ. Подъ тропиками мнѣ никогда не приходилось встрѣчать полей и луговъ, которыя представляли бы такой пестрый коверъ цвѣтовъ, какъ тѣ, которые попадаются на каждомъ шагу въ Англіи, гдѣ въ такомъ изобиліи встрѣчаются: дрокъ, верескъ, макъ, ранункулы, дикія гіацинты и пр. Въ экваторіальныхъ же странахъ, будетъ-ли то лѣсъ или степь, все одѣто въ однообразный зеленый цвѣтъ. Вы можете пропутешествовать нѣсколько часовъ и даже нѣсколько дней, не встрѣтивъ ничего, что нарушило бы монотонность окружающей обстановки. Здѣсь цвѣты вездѣ рѣдки, и трудно встрѣтить растеніе, которое поражало бы оригинальностью и красотою своихъ красокъ.

Предположеніе, что тропическая природа отличается отъ нашей преимущественно богатствомъ и яркостію красокъ, легло даже въ основаніе теорій искусства: намъ запрещаютъ употреблять яркіе цвѣта въ костюмѣ или украшеніи жилищъ, на томъ основаніи, что это будто бы противорѣчитъ характеру окружающей насъ природы. Аргументъ этотъ оказывается самъ по себѣ несостоятельнымъ, такъ какъ, разъ намъ дана способность восхищаться пестротою и яркостію красокъ, мы должны восполнять искусственно однообразіе окружающей насъ природы. Но предположеніе, на которомъ построенъ этотъ аргументъ, совершенно ложно въ своемъ основаніи, и потому мы имѣемъ полное право, не нару-

шая характера окружающей природы, употреблять въ костюмѣ и украшеніи домовъ тѣ пестрые цвѣта, которыми отличается растительность нашихъ полей, горъ, лѣсовъ и луговъ.

Не трудно объяснить, какимъ образомъ составился такой ошибочный взглядъ на характеръ тропической растительности. Въ нашихъ оранжереяхъ и на цвѣточныхъ выставкахъ собраны вмѣстѣ самыя красивыя цвѣточныя растенія изъ наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга странъ земнаго шара; въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ вы нигдѣ не встрѣтите ихъ въ природѣ. На выставкахъ и въ оранжереяхъ вы видите на небольшомъ пространствѣ сотни растеній, отличающихся яркостію, оригинальностію и великолѣпіемъ своихъ цвѣтовъ, въ дѣйствительности же вы не встрѣтите и двухъ подобныхъ растеній рядомъ. При этомъ всѣ внѣ европейскія страны съ умѣренно жаркимъ климатомъ не отдѣляются въ понятіяхъ большинства отъ тропическихъ мѣстностей, вслѣдствіе чего составилось неопредѣленное убѣжденіе, что все, бросающееся въ глаза своею красотою, обязано своимъ происхожденіемъ знойнымъ тропикамъ. Въ дѣйствительности же мы видимъ совершенно противное. Родобендроны и азалеи свойственны умѣренному климату, чудныя лиліи обязаны своимъ происхожденіемъ Японіи, климатъ которой то же умѣренный, а значительная часть нашихъ самыхъ великолѣпныхъ цвѣточныхъ растеній родомъ съ Гималая, изъ Соединенныхъ Штатовъ, Чили, или изъ Китая и Японіи, все умѣренныхъ странъ. Правда, и подъ тропиками встрѣчается много великолѣпныхъ цвѣтовъ, но число ихъ ничтожно въ сравненіи съ массою остальной растительности, такъ что далеко не имѣетъ такого вліянія на видъ окружающей природы, которое мы замѣчаемъ въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ.

ГЛАВА XXXIV.

НОВАЯ ГВИНЕЯ.—ДОРЕЯ.

Ново-Гвинейскіе миссіонеры.—Ихъ положеніе.—Туземцы.—Ихъ жилища.—Дикость и развитіе изящнаго вкуса.—Муравьи и мухи.

Возвратившись съ Гилоло на Тернатъ, въ мартѣ 1858 года, я сталъ собираться въ давно задуманное путешествіе на Новую Гвинею, гдѣ я надѣялся встрѣтить еще болѣе интереснаго, чѣмъ на островахъ Ару. При этомъ мнѣ пришлось убѣдиться какъ бѣденъ Тернатъ вещами, вошедшими у европейцевъ въ самое обыденное употребленіе. Я обошелъ всѣ магазины и не могъ достать такихъ простыхъ вещей какъ мука, металлическія ложки, широкогорлыя склянки, пчелиный воскъ, перочинные ножи и каменныя или металическія ступки съ пестиками. Прислуга моя состояла изъ четырехъ человѣкъ: Али и тернатскаго мальчика по имени Юмаатъ (пятница), Лалаги, степеннаго человѣка среднихъ лѣтъ, и Лоиза; послѣдній былъ поваръ. Такъ какъ я зналъ, что въ Дорей, куда я отправлялся, мнѣ придется построить для себя домъ, то взялъ съ собою восемьдесятъ непромыкаемыхъ матовъ, сдѣланныхъ изъ пандановыхъ листьевъ; впослѣдствіи они должны были мнѣ понадобиться для покрышки моего дома теперь же я завернулъ въ нихъ багажъ.

Мы отплыли 25-го марта на шкунѣ Hester Helena, принадлежавшей моему другу Дивенбодену; она нанята была для поѣздки съ промышленною цѣлію вдоль сѣвернаго берега Новой Гвинеи. Вслѣдствіе штиля и слабаго вѣтра мы черезъ три дня достигли только Гане, лежащаго близъ южной оконечности Гилоло, гдѣ мы остановились для пополненія нашего запаса воды и для закупки небольшого количества провизіи. Здѣсь мы накупили живности, яицъ, саго, сладкихъ пататовъ, желтыхъ тыквъ, стручковаго перцу, рыбы и сушенаго оленьяго мяса; въ полдень 29-го марта мы продолжали наше путешествіе къ Дорейской гавани.

Но намъ весьма трудно было подвигаться впередъ, потому что у экватора муссоны далеко не отличаются правильностію; штили и противное теченіе отняли у насъ напрасно почти пять дней. Наступившій затѣмъ шквалъ бросилъ насъ въ Дампіеровъ проливъ, гдѣ насъ снова застигъ штиль, и мы въ теченіи трехъ дней вынуждены были плестись черепашьимъ шагомъ. Въ это время къ намъ явились лодки съ Вайгіу и Батанга съ небольшимъ запасомъ обыкновенныхъ раковинъ, пальмовыми матами, какосовыми орѣхами и тыквами. Они запрашивали съ насъ страшныя цѣны, такъ какъ привыкли продавать свои товары китоловнымъ и китайскимъ кораблямъ, экипажи которыхъ, готовы платить за каждую бездѣлушку вдесятеро дороже, чѣмъ она стоитъ. Лодки были очень узки, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ находилось только по одному человѣку, а между тѣмъ онѣ проплыли отъ 8 до 10 миль. Все это были папуанцы, очень похожіе на туземцевъ Ару.

Выбравшись изъ пролива въ Великій Тихій океанъ, мы въ первый разъ по отплытіи съ Терната встрѣтили постоянный вѣтеръ, но къ несчастію онъ дулъ противъ насъ, такъ что намъ пришлось лавировать вдоль берега Новой Гвинеи. Я наблюдалъ съ крайнимъ интересомъ мрачныя горы, отступавшія одна за другую во внутренность острова, на который еще ни разу не ступала нога образованнаго человѣка. То была страна казуара и древеснаго кенгуру, а ея мрачные лѣса были населены самыми необыкновенными и красивыми пернатыми обитателями земли — многочисленными видами райскихъ птицъ. Черезъ нѣсколько дней я надѣялся быть у цѣли моего путешествія, обѣщавшаго мнѣ столько интереснаго по части птицъ и насѣкомыхъ. Но насъ задержали штили и слабые противные вѣтры; только 10-го апрѣля подулъ попутный западный вѣтеръ, но ночью случился шквалъ, такъ что мы попали въ Дорейскую гавань только на слѣдующее утро. Мы бросили якорь у небольшого острова Манзинама, на которомъ жили два нѣмецкихъ миссіонера, Отто и Гейслеръ. Первый немедленно явился къ намъ на шкуну съ визитомъ и пригласилъ насъ къ себѣ на завтракъ. Мы познакомились и съ его товарищемъ, который страшно страдалъ отъ нарыва на пяткѣ, заставившаго его просидѣть полгода дома,—и съ его молодой женою, нѣмкой. Къ сожалѣнію она не говорила ни по малайски, ни по англійски, такъ что нашу похвалу ея прекрасному завтраку мы могли выразить только тѣмъ, что ѣли его съ величайшимъ аппетитомъ.

Оба миссіонера принадлежали къ рабочему классу, такъ какъ лица пославшія ихъ, полагали, что вліяніе ихъ на дикихъ будетъ благотворнѣе вліянія лицъ высшаго круга. Они находились здѣсь уже два года,

*

по истеченіи которыхъ Отто выучился бѣгло говорить на папуанскомъ языкѣ и началъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ библіи. Но папуанскій языкъ такъ бѣденъ, что часто необходимо пользоваться малайскими словами, и еще вопросъ, можно ли дать какое либо понятіе о подобной книгѣ народу, стоящему на столь низкой степени цивилизаціи. Миссіонерамъ удалось обратить въ христіанскую вѣру лишь нѣсколькихъ женщинъ, которыя могутъ быть названы христіанками только по имени. Небольшое число дѣтей посѣщаетъ школу и учится читать, но дѣлаютъ мало успѣховъ. Я долженъ здѣсь указать на одну черту этой миссіи которая, по моему мнѣнію, вредитъ ея нравственному характеру. Такъ какъ миссіонеры получаютъ ничтожное жалованье, то имъ разрѣшено заниматься торговлею; такимъ образомъ имъ приходится для полученія барышей слѣдовать торговому принципу: покупать дешево и продавать дорого. Подобно всѣмъ дикарямъ туземцы не заботятся о будущемъ, и собравъ свой небольшой урожай рису, они отдаютъ значительную часть его миссіонерамъ, въ обмѣнъ за ножи, бусы, топоры, табакъ и другіе предметы потребленія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ періодъ дождей, когда ощущается недостатокъ въ пищѣ, они покупаютъ у миссіонеровъ свой же хлѣбъ, обмѣнивая его на черепашью кость, трепангъ, дикіе мускатные орѣхи и другіе предметы. Такимъ образомъ имъ приходится покупать рисъ гораздо дороже, чѣмъ онъ былъ проданъ, что совершенно естественно и справедливо—миссіонеры въ этомъ случаѣ оказываютъ большую услугу туземцамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣдніе истребили бы въ короткое время весь запасъ собраннаго хлѣба и за отсутствіемъ послѣдняго въ остальное время года погибли бы съ голоду, но едва-ли туземцы смотрятъ на дѣло съ той же точки зрѣнія. Дѣятельность торгующихъ миссіонеровъ внушаетъ имъ нѣкоторое подозрѣніе; они болѣе довѣряли бы безкорыстности ихъ ученія, если бы миссіонеры дѣйствовали по примѣру іезуитовъ въ Сингапурѣ. Если миссіонеры желаютъ показать благотворное вліяніе на дикарей, то должны прежде всего стараться убѣдить ихъ, что поступками ихъ руководятъ не личныя цѣли, а исключительно благо туземцевъ же. Для достиженія же этой цѣли они не должны торговать съ дикарями, ради барышей, а скорѣе безвозмездно помогать имъ въ нуждѣ. Имъ слѣдовало бы самимъ сообразоваться до извѣстной степени съ туземными обычаями, и затѣмъ стараться постепенно измѣнять послѣднее къ лучшему. При подобномъ образѣ дѣйствій нѣсколько энергическихъ и бѣдныхъ людей могли бы оказать вліяніе на нравственное улучшеніе самыхъ дикихъ племенъ, между тѣмъ какъ торгующіе миссіонеры, проповѣдующіе ученіе Спасителя, но не

слѣдующіе ему на дѣлѣ, могутъ сообщить туземцамъ лишь поверхностный лоскъ христіанской вѣры.

Дорейская гавань находится въ прекрасной бухтѣ, и вмѣстѣ въ двумя или тремя небольшими островами представляетъ безопасное мѣсто для стоянки. Во время нашего прибытія въ ней стоялъ только одинъ голландскій бригъ, нагруженный углемъ для ожидавшагося со дня на день военнаго парохода, который долженъ былъ отправиться въ экспедицію для изслѣдованія береговъ Новой Гвинеи, съ цѣлію пріискать удобное мѣсто для поселенія одной колоніи. Вечеромъ мы посѣтили бригъ и отправились въ селеніе Дорей, гдѣ мнѣ нужно было выбрать мѣсто для постройки дома. Отто предложилъ мнѣ свои услуги и условился съ нѣкоторыми изъ туземныхъ старшинъ о присылкѣ людей для заготовки строительныхъ матеріаловъ.

Устройство селеній Манзинамъ и Дорей было для меня совершенною новинкой. Всѣ дома въ нихъ стоятъ въ водѣ, и сообщеніе между ними поддерживается посредствомъ длинныхъ мостовъ грубой работы. Крыши домовъ, которые очень низки, имѣютъ видъ большой лодки, обращенной вверхъ дномъ. Подпорки, на которыхъ стоятъ дома, мосты и платформы представляютъ небольшіе кривые шесты, нагроможденные безъ всякой симметріи. Полъ сдѣланъ тоже изъ подобныхъ же шестовъ неправильной формы, которые такъ слабо укрѣплены и оставляютъ такія щели, что я почти не могъ ходить по нимъ. Стѣны построены главнымъ образомъ изъ барочнаго лѣса и представляютъ самый жалкій видъ. У многихъ домовъ выставлены снаружи человѣческія головы, трофеи битвъ съ дикими арфаками, которые живутъ внутри страны и часто нападаютъ на туземцевъ. Главное зданіе построено на большихъ столбахъ съ грубою рѣзьбою, представляющею обнаженную мужскую или женскую фигуру; у входа находятся еще болѣе возмутительныя изображенія. Видъ древняго селенія пріозерныхъ жителей, помѣщенный въ сочиненіи Чарльза Ляйеля «Древность человѣка» взятъ главнымъ образомъ съ селенія Дорей; только оригиналъ далеко не представляетъ той правильности, которую мы видимъ на рисункѣ, да по всей вѣроятности его не было и въ дѣйствительныхъ пріозерныхъ селеніяхъ.

Обитатели этихъ жалкихъ хижинъ представляютъ большое сходство съ островитянами Ки и Ару; нѣкоторые изъ нихъ высокаго роста и хорошо сложены, съ красивыми чертами лица и большими орлиными носами. Цвѣтъ кожи—темнокоричневый, часто приближающійся къ черному; расположеніе курчавыхъ волосъ придаетъ головѣ видъ тыквы и считается здѣсь признакомъ большой красоты; родъ гребня изъ бамбука съ шестью

зубцами служитъ для сохраненія этого расположенія волосъ Подобное же расположеніе волосъ встрѣчаемъ мы и среди смѣшанныхъ племенъ Южной Америки. Не показываетъ ли это, что и папуанцы составляютъ смѣшанную расу?

Въ теченіи первыхъ трехъ дней послѣ нашего прибытія я былъ занятъ съ утра до вечера постройкою дома при содѣйствіи нашихъ людей и человѣкъ двѣнадцати папуанцевъ. Но мнѣ стоило большого труда ладить съ моими рабочими, такъ какъ почти ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ сказать ни слова по малайски, и объясняться съ ними можно было посредствомъ самыхъ подробныхъ жестовъ. Скажешь напримѣръ одному изъ нихъ, принеси какую нибудь простую вещь, и они бросаются всѣ разомъ. Словомъ на каждомъ шагу встрѣчались помѣхи. Мѣсто для дома я выбралъ въ двухстахъ ярдахъ отъ морского берега, на возвышенности, подлѣ главной тропинки, которая вела изъ селенія Дорей и расположена была близь лѣса. Въ разстояніи 20 ярдовъ отъ дома находился небольшой ручей съ прекрасною водой, въ которомъ весьма удобно было купаться; кругомъ дома расположенъ былъ мелкій кустарникъ, который мы очистили ярдовъ на двадцать кругомъ. Домъ былъ построенъ исключительно изъ дерева, и имѣлъ 20 футовъ въ длину и 15 въ ширину; полъ былъ сдѣланъ изъ бамбука; единственное находившееся въ немъ окно открывало видъ на море: у него я поставилъ свой столъ, а рядомъ постель. Я купилъ у туземцевъ значительное число большихъ матовъ изъ пальмовыхъ листьевъ, изъ которыхъ были устроены стѣны; привезенные же мною маты послужили для крыши. Сзади дома находился небольшой шалашикъ, замѣнявшій кухню; тутъ же находился навѣсъ, гдѣ мои люди занимались препаровкой птицъ и животныхъ. Когда домъ былъ оконченъ постройкой, я перевезъ въ него свои вещи и расплатился съ папуанцами ножами и другими мелочами. На слѣдующій день шкуна покинула нашъ островъ, и я очутился единственнымъ европейцемъ на обширной Новой Гвинеѣ.

Такъ какъ мы не совсѣмъ довѣряли туземцамъ, то ложились спать съ заряженными ружьями и ставили часового; но черезъ нѣсколько дней мы оставили эти мѣры предосторожности, такъ какъ убѣдились въ дружелюбномъ характерѣ туземцевъ; да едва ли они и рѣшились бы напасть на пять хорошо вооруженныхъ человѣкъ. Намъ еще пришлось употребить нѣсколько дней на окончательную отдѣлку дома и устройство висячихъ полокъ для просушки коллекцій. Кромѣ того намъ нужно было проложить тропинку къ водѣ и разчистить мѣсто передъ домомъ.

Такъ какъ 17-го числа пароходъ не прибылъ, то корабль, нагруженный

углемъ, ушелъ, простоявъ здѣсь мѣсяцъ, согласно контракту; въ тотъ же день мои люди отравились въ первый разъ на охоту; они принесли домой великолѣпнаго голубя и нѣсколько другихъ обыкновенныхъ птицъ. Слѣдующій день былъ удачнѣе, и имъ удалось убить одну райскую птицу, двухъ красивыхъ папуанскихъ Lorius domicella, нѣсколькихъ попугаевъ, одну Gracula dumonti, Dacelo gaudichaudi, Tanysiptera galatea, и двухъ или трехъ менѣе красивыхъ птицъ. Самъ я отравился въ селеніе, находившееся позади Дорея и захватилъ съ собой небольшой запасъ холста, ножей и бусъ, съ цѣлію пріобрѣсти расположеніе старшины селенія и попросить у него людей для ловли птицъ. Селеніе состояло изъ хижинъ самаго жалкаго вида; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ полъ былъ съ такими щелями, что въ нихъ могли провалиться дѣти. Обитатели селенія были еще безобразнѣе жителей Дорея. Они составляютъ настоящихъ туземцевъ этой части острова Новой Гвинеи, и занимаются обработкою земли и охотничьимъ промысломъ. Жители же Дорея составляютъ прибрежное населеніе и занимаются рыбной ловлей и мелкой торговлею, имѣя такимъ образомъ видъ колоній, переселившейся изъ другой мѣстности. Первыя называются арфаками и отличаются особенными физическими чертами. Они вообще чернаго цвѣта, но иногда бываютъ и коричневаго подобно малайцамъ. Волосы у нихъ коротки, хотя всегда болѣе или менѣе курчавы, а не длинные какъ у прибрежныхъ жителей. Половина арфаковъ страдаетъ накожными болѣзнями. Старый старшина былъ очень доволенъ моимъ подаркомъ и обѣщалъ черезъ переводчика оказать защиту моимъ людямъ, если они вздумаютъ охотиться въ его владѣніяхъ; онъ обѣщался мнѣ также доставить нѣсколько птицъ и животныхъ. Во время разговора туземцы курили табакъ собственнаго производства, изъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ одного куска дерева съ длинной прямой ручкой.

Мы прибыли въ Дорей въ концѣ дождливаго сезона, когда вся страна была пропитана сыростью. Туземныя дороги такъ плохо содержались, что представляли море грязи. Голые папуанцы нисколько не тяготятся этимъ. Они смѣло идутъ въ лужи, а ближайшій ручей даетъ имъ возможность обмыться отъ грязи; но мнѣ, въ сапогахъ и брюкахъ, было крайне непріятно барахтаться каждое утро въ грязи. Человѣкъ, котораго я привезъ съ собою для рубки лѣса, заболѣлъ вскорѣ послѣ пріѣзда, иначе я воспользовался бы его услугами для разчистки новыхъ тропинокъ. Въ теченіи первыхъ десяти дней дождь шелъ обыкновенно послѣ полудня и всю ночь; я пользовался каждымъ часомъ хорошей погоды, и потому мои коллекціи насѣкомыхъ и птицъ пополнялись весьма исправ-

но; большая часть встрѣченныхъ мною видовъ была уже открыта Лестономъ, но попадалось и много новыхъ. Впрочемъ на Дорей почти нѣтъ райскихъ птицъ; сюда онѣ привозятся съ Амбербаки, съ которымъ жители Дорея ведутъ торговлю; онъ лежитъ миль на сто на западъ. Острова, расположенные около бухты, обязаны повидимому своимъ происхожденіемъ коралловымъ рифамъ. Вблизи бухты расположены арфакскія горы, которыя, по словамъ французскихъ мореплавателей достигаютъ 10 тыс. фут. высоты и населены дикими племенами. Послѣднія навели большой страхъ на дорейцевъ, такъ какъ нерѣдко нападали на нихъ съ цѣлію грабежа, и въ числѣ трофеевъ у нихъ красуется не мало человѣческихъ головъ. Лишь только мальчики замѣчали, что я направляюсь къ горамъ, какъ начинали кричать: «арфаки, арфаки!» Такими же криками они провожали Лестона сорокъ лѣтъ тому назадъ.

15-го мая прибылъ голландскій военный пароходъ *Этна*, но такъ какъ корабль въ углемъ ушелъ, то ему пришлось ждать его возвращенія. Капитанъ парохода зналъ, когда должно было прибыть судно съ углемъ, и сколько времени оно обязано было пробыть въ Дорей, но онъ надѣялся, что его подождутъ и потому не торопился. Пароходъ бросилъ якорь прямо противъ моего дома, и мнѣ каждые полчаса приходилось слышать звонокъ, звукъ котораго былъ для меня весьма пріятенъ среди окружавшаго меня безмолвія. Меня посѣтили: капитанъ, докторъ, инженеръ и другія лица, служившія на пароходѣ; прислуга стирала въ рѣкѣ бѣлье, а сынъ Тидорскаго принца вмѣстѣ съ однимъ или двумя товарищами приходили купаться; въ другое время рѣдко приходилось ихъ видѣть, и потому гости не такъ часто тяготили меня своими визитами, какъ я опасался въ началѣ. Въ это время стояла прекрасная погода, но птицъ и насѣкомыхъ все таки было очень мало. Насѣкомыхъ еще было достаточно, но они далеко уступали въ красотѣ насѣкомымъ Амбойны, и я долженъ былъ придти къ заключенію, что Дорей будетъ мало для меня полезенъ. Бабочекъ было очень мало, и большая часть изъ нихъ представляли тѣ же виды, что и острова Ару.

Въ числѣ насѣкомыхъ самую интересную группу представляли такъ называемыя рогатыя мухи, которыхъ я встрѣтилъ четыре особыхъ вида, водившихся на свалившихся деревьяхъ и гнилыхъ пняхъ. Эти насѣкомыя, которыхъ В. В. Саундерсъ отнесъ къ особому роду, подъ названіемъ Elaphomia или оленьихъ мухъ, имѣютъ полъ дюйма въ длину и отличаются чрезвычайно длинными ногами, такъ что туловище ихъ значительно возвышается надъ предметомъ, на который онѣ садятся. Передняя пара ногъ гораздо короче и направлена обыкновенно впе-

Сторожка на рисовыхъ поляхъ.

редъ, такъ что походитъ на пару усиковъ. Рога или рожки представляютъ какъ бы продолженіе нижней части глазной впадины. Изъ четырехъ видовъ рогатыхъ мухъ самый интересный Elaphomia cervicornis, у котораго рожки такъ же длинны какъ и туловище и представляютъ большое сходство съ рогами оленя. Они чернаго цвѣта, а туловище и ноги желтовато-темнаго, глаза (въ живомъ состояніи) фіолетоваго и зеленаго. Слѣдующій видъ (Elaphomia wallacei) темно-коричневаго цвѣта, съ желтыми пятнами и полосками. Рожки составляютъ одну треть длины насѣкомаго, широки, плоски, и имѣютъ удлиненную трехъ-угольную форму. Они окрашены въ розовый цвѣтъ, съ черной оторочкой и свѣтловатой полосой въ серединѣ. Передняя часть головы то же розоваго цвѣта, а глаза фіолетово-розоваго, съ зеленой полоской поперегъ, что придаетъ насѣкомому весьма красивую и странную наружность. Третій видъ (Elaphomia alcicornis), нѣсколько меньше двухъ предъидущихъ, но по цвѣту походитъ на Elaphomia Wallacei. Рожки у него весьма замѣчательны, такъ какъ расширяются въ плоскую пластинку, сильно зазубренную по краямъ, и поразительно похожи на рога лося.

Туземцы рѣдко приносили мнѣ что нибудь интересное. Имъ рѣдко удавалось застрѣлить какую нибудь птицу, свинью, кенгуру и даже лѣниваго Cuscus, родъ опоссума. Хотя здѣсь и водятся кенгуру, но встрѣчаются очень рѣдко, и мои люди ни разу его не видѣли. Чаще другихъ птицъ здѣсь встрѣчаются какаду и попугаи. Здѣсь водится мало даже голубей.

Передъ самымъ прибытіемъ парохода я поранилъ себѣ ногу, пробираясь по пнямъ и вѣтвямъ свалившихся деревьевъ (гдѣ особенно много водится насѣкомыхъ); рана моя, благодаря климатическимъ условіямъ приняла довольно серьезный характеръ и заставила меня долгое время просидѣть дома. Послѣ того, какъ зажила рана, въ ногѣ открылось внутреннее воспаленіе, такъ что различные припарки, кровопусканіе, піявки и т. п. отняли у меня нѣсколько недѣль. Я просто приходилъ въ отчаяніе, такъ какъ погода стояла прекрасная, и мимо моей двери постоянно пролетали красивыя бабочки, такъ что будь я здоровъ, мнѣ не трудно было бы добыть каждый день двадцать или тридцать новыхъ видовъ насѣкомыхъ. И это, замѣтьте въ Новой Гвинеѣ! въ странѣ, гдѣ мнѣ можетъ быть не придется быть въ другой разъ; въ странѣ, въ которой до меня не поселялся еще ни одинъ натуралистъ; въ странѣ, которая по оригинальности и красотѣ своей фауны превосходитъ всѣ остальныя части земного шара. Натуралистъ въ состояніи будетъ понять, что я

долженъ былъ чувствовать, оставаясь весь день дома безъ малѣйшаго движенія; я долженъ былъ довольствоваться тѣми птицами и насѣкомыми, которыхъ добывали мои люди. Къ довершенію моего горя всѣ они были болѣе или менѣе нездоровы: одинъ хворалъ лихорадкой, другой диссентеріей; въ одно время изъ четырехъ человѣкъ прислуги оставался на ногахъ одинъ только поваръ. Вскорѣ меня оставила и послѣдняя надежда на поживу, такъ какъ все, что было интересно на Дорей, было закуплено у туземцевъ экипажемъ парохода.

Наконецъ черезъ мѣсяцъ я настолько оправился, что могъ выходить изъ дому; въ то же время мнѣ удалось достать лодку, на которой я отправилъ Али и Лахаги на Амбербаки. Али было поручено купить всѣхъ райскихъ птицъ, какія только ему удастся достать, не упуская случая пріобрѣсти и другихъ рѣдкихъ или новыхъ птицъ; Лахаги долженъ былъ заняться собираніемъ насѣкомыхъ, которыхъ, по моимъ соображеніямъ, должно было быть на Амбербаки болѣе чѣмъ на Дорей.

Когда я сталъ снова ежедневно отправляться на поиски за насѣкомыми, я нашелъ въ окрестностяхъ большую перемѣну, очень пріятную для меня. Во время моей болѣзни экипажъ корабля и яванскіе солдаты, (пріѣхавшіе на парусномъ суднѣ, немного спустя послѣ Этны), срубили и распилили на дрова большія деревья; ими хотѣли топить пароходъ при обратномъ путешествіи въ Амбойну, если бы корабль съ углемъ не вернулся; такимъ образомъ они проложили въ лѣсу по различнымъ направленіямъ широкія прямыя дороги къ большому удивленію туземцевъ, которые никакъ не могли понять, что все это значитъ. Теперь у меня было много мѣстъ для прогулокъ и множество пней, на которыхъ можно было искать насѣкомыхъ; но не смотря на эти преимущества ихъ вовсе не было такъ много, какъ въ Саравакѣ, Амбойнѣ или Батчіанѣ, и это обстоятельство еще болѣе подтвердило мое мнѣніе о томъ, что Дорей не благопріятное мѣсто для насѣкомыхъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что я набралъ бы гораздо болѣе нѣсколько милями далѣе внутри острова, вдали отъ недавно поднявшихся коралловыхъ рифовъ, и внѣ вліянія морского воздуха. Разъ послѣ обѣда я пошелъ на бортъ парохода отдать визитъ капитану, и тамъ мнѣ показали нѣсколько очень хорошенькихъ экскизовъ, срисованныхъ однимъ изъ лейтенантовъ на южномъ берегу и на горѣ Арфакъ, на которую они дѣлали экскурсію. Изъ этихъ рисунковъ и изъ разсказовъ капитана можно заключить, что населеніе Арфака походитъ на жителей Дорея; я ничего не слышалъ о прямоволосой расѣ, о которой Лессонъ разсказываетъ, какъ о живущей внутри острова, ее никто не видалъ, и разсказъ о ней вѣроятно основывается на какой нибудь

ошибкѣ. Капитанъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже очень подробно изслѣдовалъ часть южнаго берега и теперь намѣревается снова отправиться, какъ только придетъ уголь, въ заливъ Гумбольдта до 141° восточной долготы, границы голландскихъ владѣній въ Новой Гвинеѣ. На пароходѣ я встрѣтился съ своимъ собратомъ натуралистомъ, нѣмцемъ, по фамиліи Розенбергомъ. Съ нимъ было два человѣка, которые стрѣляли птицъ и приготовляли шкурки; ему удалось купить у туземцевъ нѣсколько очень рѣдкихъ шкурокъ. Въ числѣ ихъ была пара прелестныхъ райскихъ сорокъ (Astrapia Nigra), сохранившихся довольно хорошо. Онѣ были привезены съ острова Джоби, который вѣроятно ихъ родина, также какъ и еще болѣе рѣдкаго вида вѣнценосныхъ голубей (Goura steursii).

Однако Джоби очень опасное мѣсто для путешественниковъ; моряковъ, рискнувшихъ сойти на землю, тамъ часто умерщвляютъ, а иногда туземцы нападаютъ даже на корабли. На Вандименовой землѣ, островѣ напротивъ Джоби, гдѣ, какъ говорятъ, также очень много птицъ, еще хуже въ этомъ отношеніи, такъ что въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ я не уцѣлѣлъ бы и недѣли, еслибъ рѣшился жить тамъ одинъ безъ защиты, какъ на Дореѣ. На пароходѣ было три живыхъ кенгуру древолазовъ. Они главнымъ образомъ отличаются отъ обыкновенныхъ кенгуру тѣмъ, что имѣютъ волосистый хвостъ, не утолщенный при основаніи и не служащій опорой при движеніи, и схватываютъ листья, служащія имъ пищею. Они двигаются короткими прыжками на заднихъ ногахъ, которыя кажутся не особенно хорошо приспособленными для лазанья по деревьямъ. Предполагали, что эти кенгуру древолазы есть видоизмѣненіе обыкновенной формы кенгуру, живущей на землѣ; это видоизмѣненіе образовалось вслѣдствіе необходимости приспособляться къ условіямъ жизни на болотистыхъ, полузалитыхъ водою лѣсахъ Гвинеи. Г. Уиндзоръ Ирль сильно поддерживалъ это предположеніе, но, къ несчастію для него, кенгуру древолазы водятся главнымъ образомъ на сѣверномъ полуостровѣ Новой Гвинеи, который состоитъ изъ холмовъ и горъ съ очень небольшимъ количествомъ плоской земли, тогда какъ кенгуру на низкихъ Аруанскихъ островахъ (Dorcopsis asiaticus) принадлежатъ къ обыкновенному виду. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что кенгуру древолазы видоизмѣнились съ цѣлью приспособляться къ питанію листьями въ обширныхъ лѣсахъ Новой Гвинеи, такъ какъ лѣса составляютъ главное отличіе этой страны отъ Австраліи. 5-го іюня изъ Амбойны прибылъ корабль съ углемъ и привезъ свѣжіе припасы для продовольствія парохода. Дерево, которое было почти все перенесено на бортъ, снова выгрузили и замѣнили углемъ; а 17-го пароходъ и корабль вмѣстѣ от-

плыли въ заливъ Гумбольдта. Теперь намъ стало нѣсколько спокойнѣе, и мы могли достать себѣ пищи.

Все время, пока у насъ стояли корабли, каждый кусокъ рыбы и вся зелень относилась на бортъ, и мнѣ часто приходилось довольствоваться однимъ попугайчикомъ на два обѣда. Мои люди воротились теперь изъ Амбербаки, но увы! они мнѣ почти ничего не принесли. Они исходили нѣсколько деревень и углублялись даже впродолженіи двухъ дней во внутрь страны, но не могли достать ни одной райской птички, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ видовъ, и тѣхъ очень мало. Найденныя птицы были тѣже, что и на Дорей, но здѣсь ихъ было еще меньше. Никто изъ туземцевъ, живущихъ около берега не стрѣляетъ и не набиваетъ чучелъ райскихъ птицъ, онѣ привозятся изъ самой глубины острова черезъ двѣ или три цѣпи горъ; переправа совершается такимъ образомъ: туземцы перепродаютъ ихъ изъ деревни въ деревню до тѣхъ поръ, пока онѣ не достигнутъ моря. Здѣсь жители Дореи покупаютъ ихъ, и при своемъ возвращеніи домой перепродаютъ купцамъ въ Бужи и Тернатѣ. Потому путешественники ни въ одномъ мѣстѣ на берегу Новой Гвинеи, гдѣ продаются рѣдкія райскія птицы, не могутъ надѣяться достать отъ туземцевъ только что убитые экземпляры; рѣдкость этихъ птицъ также доказывается тѣмъ, что въ этомъ году нигдѣ, даже въ округѣ Амбербаки, знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ было получено пять или шесть рѣдкихъ видовъ, нельзя было достать ни одной изъ болѣе рѣдкихъ птицъ. Принцъ Тидорскій, который конечно досталъ бы ихъ, еслибъ только они были, долженъ былъ удовольствоваться обыкновенными желтыми. Очень возможно, что послѣ болѣе долгаго пребыванія въ глубинѣ острова нашлись-бы болѣе рѣдкіе виды, такъ какъ мнѣ удалось достать одну самку великолѣпной чешуйчатогрудой Hiloris magnificus. Въ Тернатѣ я много слышалъ о черной королевской райской птицѣ, которая вѣроятно еще неизвѣстна въ Европѣ. У нея загибающійся хвостъ и прекрасныя боковыя перья, какъ у обыкновенныхъ видовъ, но все остальное опереніе блестяще-чернаго цвѣта. Жители Дореи не знаютъ этой птицы, хотя они узнавали по описанію многіе изъ другихъ видовъ.

По отплытіи парохода, на меня напала сильная лихорадка. Черезъ недѣлю я выздоровѣлъ, но за ней послѣдовала такая сильная боль во рту, въ языкѣ и глоткѣ, что я нѣсколько дней не могъ ничего пить, кромѣ жидкой пищи, хотя и былъ со всѣмъ здоровъ. Въ то же время двое изъ моихъ людей снова сильно захворали, одинъ лихорадкой, другой диссентеріей. Я дѣлалъ для нихъ все, что могъ сдѣлать съ моимъ маленькимъ запасомъ лекарствъ, но они вышли черезъ нѣсколько не-

дѣль, и бѣдный Джюматъ умеръ 26-го іюня, Это былъ 18-ти лѣтній мальчикъ, родомъ, кажется, изъ Бутона, спокойный, не особенно дѣятельный, но усердный и старательный слуга. Мои люди всѣ были магометане, потому я позволилъ имъ похоронить его по ихъ обрядамъ и далъ холста на гробъ.

6-го іюля пароходъ вернулся съ востока. Погода все еще стояла дождливая, хотя по времени ей слѣдовало бы быть ясною и сухою. Намъ почти нечего было ѣсть, и мы всѣ были больны. Лихорадка, диссентерія и простуда не оставляли насъ, такъ что мнѣ также сильно хотѣлось уѣхать изъ Новой Гвинеи, какъ прежде поѣхать туда. Капитанъ Этны отдалъ мнѣ визитъ и разсказалъ много интереснаго про свое путешествіе

Они простояли нѣсколько дней въ заливѣ Гумбольдта и нашли, что онъ гораздо любопытнѣе, красивѣе и лучше, какъ гавань, чѣмъ Дорей.

Туземцы почти первобытный народъ, ихъ никто не посѣщаетъ, кромѣ заблудившихся китолововъ, и они физически и нравственно стоятъ выше жителей Дорея. Они ходятъ почти нагими, ихъ дома стоятъ отчасти на водѣ, отчасти на землѣ и построены всѣ очень красиво и прочно, ихъ поля хорошо воздѣланы, и дороги къ нимъ прочищены, тогда какъ дорейцы въ этомъ отношеніи невыносимы.

Они сначала испугались и встрѣтили суда непріязненными знаками, натянули стрѣлы, показывая видъ, что станутъ стрѣлять, если будетъ сдѣлана попытка высадиться на берегъ. Капитанъ очень благоразумно удалился, но послалъ на берегъ нѣсколько подарковъ и послѣ двухъ или трехъ попытокъ имъ позволили сойти на берегъ, осмотрѣть страну и снабдили фруктами и зеленью. Переговоры велись съ помощью знаковъ, такъ какъ переводчикъ изъ Дорея, сопровождавшій корабль, не понималъ ни слова изъ ихъ языка. Они недостали новыхъ птицъ или животныхъ, но видѣли въ украшеніяхъ туземцевъ перья райской птицы, и это обстоятельство показываетъ, что эта птица водится, какъ и слѣдовало ожидать далеко по этому направленію, вѣроятно по всей Новой Гвинеѣ.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій представляетъ то обстоятельство, что любовь къ искусству проявляется на очень низкой степени цивилизаціи. Народонаселеніе въ Дорѣ очень искусные рѣзчики и живописцы. Внѣшняя сторона домовъ, гдѣ есть планки, украшена грубыми, но очень характерными фигурами. Высокія кормы ихъ лодокъ богато украшены филагранной работой, сдѣланной на твердомъ кускѣ дерева, часто по очень изящному рисунку. Главная фигура или верхушка иногда пред-

ставляетъ человѣческую фигуру съ перьями казуара на головѣ, въ подражаніе папуанской прическѣ. Поплавки на удочкахъ, деревянные инструменты, которыми приготовляютъ глину для выдѣлки посуды, табакерки и другая домашняя утварь украшается рѣзьбой изящнаго и часто даже элегантнаго рисунка. Еслибъ уже не было извѣстно, что такой вкусъ и искусство вполнѣ совмѣстимы съ самымъ грубымъ варварствомъ, мы едва бы повѣрили, что этотъ самый народъ въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ лишенъ всякаго чувства порядка, комфорта или приличія. Но здѣсь это дѣйствительно такъ. Дорейцы живутъ въ самыхъ несчастныхъ ветхихъ и грязныхъ хижинахъ, которыя совершенно лишены всего могущаго назваться украшеніемъ, нѣтъ ни одного стула, скамейки или стола, щетка кажется неизвѣстна, а платье, которое они носятъ, часто грязное и сдѣлано изъ лохмотьевъ или парусины. Дорожки, по которымъ они ежедневно ходятъ взадъ и впередъ къ своимъ запаснымъ магазинамъ, не очищены ни отъ одной нависшей вѣтки или выдающагося кустарника, такъ что приходится перебираться чрезъ густую зелень, ползти между пнями и колючими ползучками, и перескакивать черезъ лужи грязи, которыя не могутъ высохнуть, потому что солнечные лучи не проникаютъ до нихъ. Ихъ пища состоитъ главнымъ образомъ изъ одной зелени и корней, рыба или дичь составляютъ роскошь, и вслѣдствіе этого они подвержены многимъ накожнымъ болѣзнямъ; дѣти въ особенности представляютъ жалкій видъ, они съ ногъ до головы покрыты сыпью и нарывами. Если и этотъ народъ еще не дикій, то кого же послѣ этого можно назвать имъ? А между тѣмъ они имѣютъ рѣшительную склонность къ изящнымъ искусствамъ и употребляютъ свой досугъ на приготовленіе издѣлій, которыя своимъ изяществомъ и вкусомъ часто приводятъ въ восторгъ наши рисовальныя школы.

Въ послѣднее время моего пребыванія на Новой Гвинеѣ, погода стояла очень дождливая, мой единственный стрѣлокъ былъ боленъ, и птицы стали очень рѣдки, такъ что мнѣ оставались только насѣкомыя. Я пользовался каждымъ часомъ хорошей погоды и ежедневно доставалъ новые виды. Каждый пень, каждая упавшая вѣтка были снова обысканы; на сухихъ и неопавшихъ еще листьяхъ, на нѣкоторыхъ срубленныхъ деревьяхъ я нашелъ множество маленькихъ жесткокрылыхъ, и хотя я впослѣдствіи нигдѣ не могъ достать такъ много большихъ и красивыхъ жуковъ, какъ на островѣ Борнео, здѣсь я собралъ очень много различныхъ видовъ. Въ первыя двѣ или три недѣли, когда я обыскивалъ лучшія мѣстности, мнѣ удалось приносить домой ежедневно до 30 различныхъ видовъ, не считая 15 видовъ бабочекъ и нѣкоторыхъ другихъ

отрядовъ. Но потомъ до самой послѣдней недѣлѣ я набиралъ по 40 видовъ каждый день. 31-го мая я досталъ 78 различныхъ видовъ; столько мнѣ еще никогда не удавалось ловить, и досталъ я ихъ большею частью на пняхъ и подъ истлѣвшими листьями. Одна длинная прогулка на холмы и къ плантаціямъ туземцевъ давала мнѣ до 60 видовъ, причемъ я собиралъ все, что мнѣ попадалось не совсѣмъ обыкновеннаго; но въ послѣдній день іюня я принесъ домой не менѣе 95 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ; такое количество мнѣ никогда не удавалось собрать въ одинъ день ни прежде, ни послѣ.

Былъ прекрасный теплый день, и я посвятилъ его на поиски за насѣкомыми между засохшими листьями, вѣтками и пнями во всѣхъ лучшихъ мѣстахъ, которыя я открылъ на моихъ прогулкахъ. Я вышелъ изъ дома въ 10 часовъ утра, а вернулся только въ 3 пополудни, и дома мнѣ пришлось употребить шесть часовъ, чтобъ наколоть всѣ экземпляры и распредѣлить ихъ по видамъ. Хотя я прежде ежедневно впродолженіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ работалъ въ этихъ мѣстахъ и набралъ до 800 видовъ жесткокрылыхъ, но въ этотъ день я прибавилъ къ нимъ 32 новыхъ. Между ними было четыре дровосѣка Longicornus 2 жужжелицы (Carabidae) 7 хищниковъ (Staphilinidae) 7 Curculionidae 4 Chrysomelidae 1 Elater и 1 златка (Buprestis), 2 навозника (Copridea); 3 Heteromera. Даже въ послѣдній день я досталъ 16 новыхъ видовъ. Такъ что на пространствѣ, непревышающемъ квадратной мили, я собралъ въ продолженіи 3 мѣсяцевъ моего пребыванія въ Дорей болѣе тысячи различныхъ породъ жуковъ; мнѣ кажется, что это количество не составляетъ и половины того, которое дѣйствительно водится на этомъ пространствѣ или четверти того, что могло бы быть собрано на пространствѣ въ 20 миль окружности.

22-го іюля пришла шкуна Hester Helena, и пять дней спустя мы простились съ Дорей безъ особеннаго сожалѣнія, такъ какъ изъ всѣхъ мѣстъ, куда я ѣздилъ, здѣсь я натерпѣлся болѣе всего лишеній и непріятностей. Постоянный дождь, болѣзни, недостаточная пища и безпокойство отъ муравьевъ и мухъ причиняли мученія, превосходившія всѣ испытанныя мною доселѣ, и только рвеніе натуралиста помогало переносить ихъ; когда же успѣхъ въ сборѣ коллекцій сталъ не особенно хорошъ, эти мученія сдѣлались невыносимы. Такимъ образомъ это давно задуманное и страстно желаемое путешествіе въ Новую Гвинею не осуществило моихъ ожиданій.

Она не только не лучше Аруанскихъ острововъ, но гораздо хуже ихъ почти во всѣхъ отношеніяхъ. Я не только не досталъ здѣсь ни од-

ной изъ рѣдкихъ райскихъ птицъ, но даже не видѣлъ ни одной изъ нихъ и не добылъ никакихъ особенно красивыхъ птицъ или насѣкомыхъ.

Впрочемъ я не могу отрицать, что Дорей очень богатъ муравьями. Въ особенности изобилуетъ одна порода небольшихъ черныхъ муравьевъ. Почти каждый кустарникъ или дерево покрыты ими, и ихъ большіе муравейники видны повсюду. Они немедленно завладѣли моимъ домомъ, устроили большой муравейникъ на крышѣ и повсюду провели тоннели. Они ползали по моему столу, когда я работалъ надъ насѣкомыми, утаскивали ихъ у меня изъ подъ самого носа и даже отрывали отъ картона, на которомъ тѣ были прикрѣплены, если я только уходилъ на минуту. Они постоянно ползали у меня по рукамъ и лицу, заползали въ волоса и во все тѣло. Обыкновенно они не особенно безпокоили до тѣхъ поръ, пока имъ ничто не мѣшало ползать, но встрѣтивъ какое нибудь препятствіе они начинали кусаться и такъ сильно, что я вскакивалъ отъ боли и вытряхалъ платье. Ночью они заползали на кровать, такъ что и въ это время нельзя было отдохнуть отъ ихъ преслѣдованія и мнѣ право кажется, что впродолженіи моего трехъ съ половиной мѣсячнаго пребыванія на Дорей они не оставляли меня въ покоѣ ни одного часа. Они не такъ хищны, какъ многія другія породы, но ихъ число и распространенность заставляютъ каждую минуту быть противъ нихъ насторожѣ.

Изъ мухъ меня больше всего безпокоила большая порода мясныхъ мухъ. Онѣ роями садились на шкурки птицъ, вывѣшенныя для просушки, клали въ ихъ перья свои яйца, изъ которыхъ на другой же день, при малѣйшемъ недосмотрѣ, выходили личинки. Онѣ забирались подъ перья и подъ мясо, лежавшее на сушильныхъ доскахъ, и количество яицъ, положенныхъ ими въ нѣсколько часовъ, было такъ велико, что они образовали слой, приподнявшій мясо на полъ дюйма отъ доски; каждое яйцо крѣпко прилѣплялось къ мускульнымъ волокнамъ перьевъ, и нужно было много времени и труда, чтобъ оторвать ихъ, не повредивъ птицу. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не испытывалъ такого мученья.

29-го мы оставили Дорей въ надеждѣ на скорое прибытіе домой, такъ какъ въ это время года обыкновенно дуютъ южные и восточные вѣтры. Вмѣсто этого однако, было или безвѣтріе или легкій западный вѣтеръ, и мы пріѣхали въ Тернатъ, лежавшій отсюда всего въ пятистахъ миляхъ, только черезъ семнадцать дней, тогда какъ при умѣренно благопріятномъ вѣтрѣ можно было-бъ проѣхать это пространство въ пять дней. Для меня было величайшимъ наслажденіемъ попасть снова въ мой комфортабельный домъ, имѣть возможность пить чай съ моло-

комъ и кофе, ѣсть свѣжій хлѣбъ съ масломъ, рыбу и живность ежедневно за обѣдомъ.

Это путешествіе въ Новую Гвинею истомило насъ всѣхъ, и я рѣшился остановиться и собраться съ силами, прежде чѣмъ начать новую экспедицію. Мои послѣдующія путешествія въ Джилоло и Батчіанъ были уже разсказаны, и мнѣ остается теперь только описать мое путешествіе въ Вайгіу, послѣднюю папуанскую землю, куда я отправился на поиски за райскими птицами.

ГЛАВА XXXV.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ЦЕРАМА ВЪ ВАЙГІУ.

Неудачное плаваніе.—Потеря людей.—Ихъ возвращеніе.

Въ двадцать пятой главѣ я описалъ мое прибытіе на Вагай по дорогѣ въ Майсоль и Вайгіу. Эти острова принадлежатъ къ папуасской области, и описаніе ихъ должно естественно слѣдовать за описаніемъ Новой Гвинеи. Теперь я возобновлю мой разсказъ съ отплытія изъ Вагая, откуда я ѣхалъ съ намѣреніемъ доставить необходимые припасы моему помощнику М. Аллену въ Силинто въ Мизолѣ и затѣмъ продолжать путь въ Вайгіу. Читатель помнитъ, что я ѣхалъ на туземномъ суднѣ (прау), которое я купилъ и снарядилъ въ Горамѣ и, что на берегу Церама мои люди разбѣжались, и я досталъ въ Вагаѣ пять чѣловѣкъ, которые вмѣстѣ съ стрѣлкомъ изъ Амбойны и составляли весь мой экипажъ.

Между Церамомъ и Мизолемъ лежитъ 60 миль открытаго моря, и вдоль этого широкаго канала сильно дуетъ муссонъ. Нашу маленькую прау никакъ нельзя было заставить лечь въ дрейфъ, и управлять ею было очень трудно, почему мы повернули назадъ къ западу и пошли вдоль берега Церама, гдѣ дуютъ береговые вѣтры. Но утромъ (18-го іюня) я увидѣлъ, что мы прошли совсѣмъ не такъ мно-го, какъ я ожидалъ. Мой рулевой Гурулампоко, старый опытный морякъ, увѣрилъ меня что здѣсь существуетъ сильное западное теченіе, благодаря которому, мы легко дойдемъ до Силинто въ Мизолѣ. Когда мы удалились отъ берега, вѣтеръ усилился, началась довольно значительная качка, и волны бросали наше маленькое судно изъ стороны въ сторону. Къ закату солнца, мы не проѣхали и половину пути хотя Мизоль уже ясно обозначился на горизонтѣ. Всю ночь мы ѣхали съ трудомъ; къ разсвѣту я съ ужасомъ

увидѣлъ, что мы ночью отклонились далеко къ западу, вѣроятно по оплошности рулевого, который заснулъ и не далъ судну надлежащее направленіе относительно вѣтра. Горы Мизоля уже ясно виднѣлись, но попасть туда все таки было нельзя; намъ было невозможно достигнуть крайней западной точки острова. Море сдѣлалось очень бурно, въ наше судно постоянно ударяли волны съ подвѣтренной стороны, и послѣ другой трудной ночи мы увидѣли, что намъ совсѣмъ нельзя было подойти къ Мизолю, а развѣ можетъ быть къ острову Пуло Канари, лежавшему на 10 миль сѣверо-западнѣе. Оттуда мы могли бы, дождавшись попутнаго вѣтра, пойти въ Вайгамъ на сѣверномъ берегу острова и добраться до Аллена на маленькой баркѣ.

Къ 9-ти часамъ вечера мы наконецъ подошли къ подвѣтренной странѣ этого острова и вошли въ почти тихія воды. Я былъ очень доволенъ, такъ какъ чувствовалъ себя очень дурно и ничего не ѣлъ со вчерашняго утра. Мы тихо приближались къ берегу, спокойная темная вода ручалась за благопріятный исходъ, и мы уже поздравляли другъ друга съ близкой стоянкой, съ надеждой на горячій кофе, хорошій ужинъ глубокій сонъ, какъ вдругъ вѣтеръ совершенно перемѣнился, и мы должны были взяться за весла. Намъ оставалось не болѣе двухъ сотъ ярдовъ отъ берега, какъ вдругъ я замѣтилъ, что мы не приближаемся, хотя люди и гребли изъ всѣхъ силъ, но несемся на западъ; лодка не повиновалась рулю, она постоянно поворачивала, и намъ стоило большого труда снова направить ее. Вскорѣ сильная рябь показала намъ въ чемъ дѣло; мы попали въ одно изъ тѣхъ сильныхъ теченій, которыя такъ часто противятся всѣмъ усиліямъ путешественниковъ по этимъ морямъ. Люди въ отчаяніи бросили весла, и черезъ нѣсколько минутъ мы были уже далеко отъ острова, снова въ открытомъ морѣ и потеряли всякую надежду достичь когда либо Мизоля. Поднявъ кливеръ, мы легли въ дрейфъ и утромъ были всего въ пяти миляхъ отъ берега, но вѣтеръ дулъ постоянно въ противную сторону, такъ что подойти къ острову не было никакой возможности. Тогда мы направились къ сѣверу, надѣясь дождаться южнаго вѣтра. Около полудня море стихло, и мы по ю. ю. з. вѣтру пошли по направленію къ Салвати, гдѣ я надѣялся достать ботъ и на немъ свезти провизію моему товарищу въ Мизоль. Этотъ вѣтеръ однако скоро стихъ, наступило полное безвѣтріе, затѣмъ легкій западный вѣтеръ, и густыя темныя облака снова дали намъ нѣкоторую надежду достигнуть Мизоля. Однако вскорѣ мы опять разочаровались. Поднялся сильный в. ю. в. вѣтеръ и продолжался всю ночь неправильными порывами. Наше судно бросало во всѣ стороны,

паруса постоянно срывало, и мы наконецъ были принуждены плыть подъ однимъ кливеромъ, такъ какъ съ главнымъ парусомъ легко было опрокинуться. Послѣ второй трудной и тревожной ночи, мы увидѣли, что насъ отбросило къ западу отъ о-ва Поппа; вѣтеръ снова перемѣнился на южный; и мы поплыли на всѣхъ парусахъ по направленію къ о-ву. Однако намъ не удалось добраться до него; когда мы повернули на сѣверозападъ, вѣтеръ сдѣлался в. ю. в., и съ нимъ вмѣстѣ изчезла наша послѣдняя надежда найти убѣжище до лучшей погоды. Это серьозно обезпокоило меня; я не зналъ, что сдѣлаетъ Шарль Аллепъ, если, прождавъ меня напрасно, вернется въ Вагай и узнаетъ, что я уже давно уѣхалъ и обо мнѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. Съ нимъ едва ли могло бы случиться происшествіе въ родѣ нашего, и онъ навѣрно подумаетъ, что мы потонули или мой экипажъ умертвилъ меня и уѣхалъ на суднѣ. Однако, такъ какъ попасть къ нему было физически невозможно, мнѣ оставалось только продолжать путь въ Вайгіу и надѣяться встрѣтить по дорогѣ какихъ нибудь путешественниковъ и съ ними отправить извѣстіе о моей безопасности.

Найдя на картѣ группу изъ трехъ небольшихъ о-вовъ въ двадцати пяти миляхъ къ сѣверу отъ Поппа, я рѣшился, если будетъ возможно, простоять тамъ день или два. Мы хотѣли направить наше судно къ сѣверовостоку, но сильное восточное теченіе постоянно относило насъ въ сторону, такъ что я едва надѣялся добраться до острововъ. Намъ было очень трудно держать судно по надлежащему направленію, мы не могли поставить его совсѣмъ противъ вѣтра, чтобъ не остановить ходъ, и не могли идти совсѣмъ по вѣтру. Я постоянно самъ управлялъ рулемъ и, благодаря неустанной бдительности, намъ удалось къ закату солнца подвести судно къ подвѣтренной сторонѣ къ сѣверному мысу одного изъ острововъ. Однако мѣсто стоянки было не совсѣмъ удачно, здѣсь былъ коралловый рифъ, выдающійся при низкой водѣ, и за нимъ-то мы были принуждены бросить якорь у мыса, усыпаннаго кораллами. Впродолженіи четырехъ дней насъ постоянно носило по морю на небольшомъ непокрытомъ суднѣ, и послѣ всѣхъ тревогъ и волненій мы были очень довольны возможности провести ночь сравнительно спокойно и безопасно. Мой старый рулевой въ продолженіи всего этаго времени не оставлялъ руля болѣе чѣмъ на часъ, чтобъ вздремнуть немного, пока другіе замѣняли его Поэтому на слѣдующее утро я рѣшился поискать другую болѣе удобную и безопасную гавань и остаться на берегу еще на день.

Утромъ я увидѣлъ, что намъ необходимо обогнуть скалистый мысъ и хотѣлъ послать своихъ людей на берегъ нарѣзать вьющихся прутьевъ,

чтобъ, привязавъ ими лодку, предохранить себя отъ опасности быть унесеннымъ въ море, такъ какъ вѣтеръ дулъ отъ берега. Къ несчастью, я поддался на увѣреніе рулевого и экипажа, которые убѣждали меня, что обогнуть мысъ очень легко, и они на веслахъ объѣдутъ его въ нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ они снялись съ якоря, подняли кливеръ и начали грести; но тутъ случилось то, чего я опасался; насъ сильно понесло отъ берега, и мы должны были снова бросить якорь въ глубокой водѣ. Двое изъ лучшихъ людей, папуанецъ и малаецъ поплыли на берегъ, каждый съ топоромъ, чтобъ нарубить прутьевъ для каната. Черезъ часъ нашъ якорь отдѣлился и началъ скользить. Это сильно обезпокоило меня, мы вынули запасный якорь, и съ помощю всего бывшаго у насъ каната довольно сносно укрѣпили его. Теперь насъ стало безпокоить долгое отсутствіе людей; мы хотѣли уже стрѣлять изъ ружей, когда замѣтили ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи на берегу. Въ это время якорь снова отдѣлился и насъ тихо понесло отъ берега въ глубокую воду. Мы тотчасъ же схватились за весла, но противъ теченія и вѣтра бороться было невозможно. Люди на берегу долго не слышали нашихъ отчаянныхъ криковъ, они какъ кажется, собирали раковины. Однако они наконецъ оглянулись и повидимому поняли свое положеніе, потому что бросились въ воду, чтобъ плыть, но вскорѣ перемѣнили намѣреніе и воротились на берегъ, какъ будто испугавшись своей попытки. Мы подняли якоря, чтобъ не мѣшать весламъ, но увидя, что ничего нельзя сдѣлать, снова спустили ихъ на всю длину каната. Они сильно замедляли нашъ ходъ, и мы отплывали очень медленно, надѣясь, что оставшіеся на берегу сколотятъ плотъ или срубятъ какое нибудь мягкое дерево и догонятъ насъ, такъ какъ мы отъѣхали отъ берега не болѣе чѣмъ на треть мили. Но они повидимому потеряли сознаніе, дѣлали дикіе жесты, бѣгали вдоль берега и наконецъ ушли въ лѣсъ. Мы стали надѣятся, что они готовятъ какой нибудь плотъ, чтобъ догнать насъ, какъ вдругъ дымъ въ лѣсу показалъ намъ, что они занялись печеньемъ раковинъ. Очевидно, они оставили всякую надежду соединиться съ нами, и мы сами должны были позаботиться о собственной участи.

Мы были съ милю отъ берега по серединѣ между двумя островами, но тихо плыли въ море къ западу и единственная надежда спасти людей было достигнуть противоположнаго берега. Поэтому мы поставили кливеръ и стали сильно грести, но вѣтеръ стихъ и насъ несло такъ сильно, что было очень трудно подъѣхать къ крайней западной точкѣ о-ва. Единственный оставшійся у насъ матросъ поплылъ съ канатомъ на берегъ и помогъ намъ обогнуть лѣсъ и бросить якорь въ довольно безопасномъ вѣр-

номъ мѣстѣ, хорошо защищенномъ отъ вѣтра, вода однако слегка волновалась, отчего якорь стоялъ не твердо и мы чувствовали себя не совсѣмъ хорошо. Наше положеніе было очень печально; мы потеряли двухъ лучшихъ людей и не знали, хватитъ ли у насъ силы поднять гротъ мачту. Воды оставалось только на два дня, а на этомъ небольшомъ, скалистомъ и вулканическомъ островѣ было мало надежды найти ее. Поведеніе людей на берегу заставляло сомнѣваться въ ихъ желаніи сдѣлать серьозную попытку присоединиться къ намъ, хотя это было имъ не трудно, такъ какъ у нихъ было два хорошихъ топора, съ помощью которыхъ они въ одинъ день могли сдѣлать небольшой плотъ и безопасно проѣхать на немъ двѣ мили по тихому морю при попутномъ вѣтрѣ, отплывъ съ восточнаго берега, чтобъ попасть въ теченіе. Я надѣялся, что у нихъ хватитъ настолько ума и рѣшился ждать, чтобы дать имъ эту возможность.

Мы провели тревожную ночь, опасаясь постоянно, чтобы нашъ якорь не сорвался, или не разорвался канатъ. Утромъ (23-го), найдя все безопаснымъ, я сошелъ на берегъ съ двумя людьми, оставивъ въ лодкѣ стараго рулевого и повара съ заряженнымъ ружьемъ, чтобъ позвать насъ въ случаѣ надобности. Сначала мы ошли вдоль берега до тѣхъ поръ, пока насъ не остановили отвѣсныя скалы на восточной сторонѣ острова; здѣсь мы увидѣли ясные признаки недавняго пребыванія какого нибудь судна: все показывало, что здѣсь варилось кушанье, валялась скорлупа отъ черепахи еще съ жиромъ и срубленныя деревья съ незасохшими листьями. Тогда мы пошли въ кустарники, прорубая дорогу на вершину холма, но оттуда ничего нельзя было замѣтить, такъ какъ густой лѣсъ застилалъ видъ. Вернувшись, мы срѣзали бамбукъ и заострили его, чтобъ набрать воды въ низкомъ мѣстѣ, гдѣ расло нѣсколько саговыхъ деревьевъ, но когда мы приступили къ этой работѣ, Хои, вагаецъ, сталъ звать насъ, говоря, что открылъ воду. Это была глубокая яма среди саговыхъ деревьевъ въ твердой черной глинѣ, наполненная свѣжей водой, но съ сильнымъ запахомъ отъ массы упавшихъ въ нее сгнившихъ листьевъ и остатковъ всего. Быстро сообразивъ, что эта вода изъ источника или просачивавшаяся черезъ глину, мы наполнили двѣнадцать или двадцать ведеръ съ грязью надѣясь ночью добыть изъ нея чистую воду. Затѣмъ я пошелъ на судно завтракать и велѣлъ двумъ моимъ людямъ сдѣлать бамбуковый плотъ, чтобъ имѣть возможность подплывать къ берегу и назадъ, не переходя вбродъ. Едва я кончилъ завтракъ, какъ нашъ канатъ лопнулъ, и мы сильно ударились о берегъ. Къ счастью было тихо и спокойно, все обошлось благополучно. Мы отыскали якорь,

веревка разорвалась вслѣдствіе тренія о кораллы. Еслибъ ночью былъ вѣтеръ, насъ могло бы отнести въ море безъ якоря, или сильно повредить судно. Утромъ мы принялись очищать воду отъ примѣси, и вскорѣ увидѣли съ сожалѣніемъ, что здѣсь ничего не было, кромѣ небольшого количества грязной жидкости. Очевидно, что въ этой ямѣ скоплялась дождевая вода, и она не наполнится вновь, пока стоятъ засухи. Не зная, придется ли намъ терпѣть отъ недостатка воды, мы наполнили наши бутылки этою грязною жидкостью, насколько въ нихъ могло помѣститься. Послѣ полудня я перебрался на другую сторону сторону острова и развелъ сильный огонь, чтобъ дать знать нашимъ людямъ, что мы еще здѣсь.

На слѣдующій день (24-го) я рѣшился снова отправиться искать воду. Когда начался приливъ, я обогнулъ скалистый мысъ и дошелъ до конца острова, не найдя никакихъ признаковъ источника. На возвратномъ пути я замѣтилъ небольшое высохшее русло ручья и отправился его изслѣдовать. Но здѣсь повсюду было сухо, и мои люди объявили, что нѣтъ ни малѣйшей надежды найти воду. Однако нѣсколько дальше мои старанія вознаградились находкой нѣсколькихъ пинтъ воды въ небольшомъ прудѣ. Мы стали искать выше въ каждой ямѣ и рву, гдѣ вода прежде показывалась, но не нашли ни одной капли болѣе. Я отослалъ одного изъ людей за большою бутылкою и чашками и сталъ искать вдоль берега, пока не напалъ на слѣды другого высохшаго русла; поднявшись выше я былъ настолько счастливъ, что открылъ двѣ глубокія ямы въ расколовшейся скалѣ, наполненныя нѣсколькими галлонами воды, которыми можно было налить всѣ наши бутылки. Когда принесли чашки, мы съ наслажденіемъ напились чистой холодной воды и, вѣроятно, послѣ нашего отъѣзда на островѣ не осталось болѣе ни одной капли воды.

Утромъ мы увидѣли на морѣ хорошо оснащенную прау, направляющуюся очевидно къ острову, на которомъ остались наши люди. Я сталъ надѣяться, что она замѣтитъ и возьметъ ихъ; но она прошла по срединѣ пролива, не обращая вниманія на дѣлаемые ими знаки. Я однако почти успокоился относительно участи моихъ людей. На нашемъ скалистомъ о—вѣ было множество саго, и по всей вѣроятности, на плоской мѣстности, на которой тѣ были оставлены, ихъ было тоже не мало. У нихъ были топоры, которыми они могли срубить дерево для добыванія саго, а воду легко было достать, прорывъ землю. Раковины водились въ изобиліи, и они оба могли прокормиться до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ какое нибудь судно или я не пошлю на ними. На слѣдующій день мы рубили деревья, наполнили наши бутылки всею водою, которую только могли

найти и приготовлялись къ отплытію. Я подстрѣтилъ маленькаго лори, очень похожаго на обыкновенный видъ въ Тернатѣ и блестящаго скворца, который отличается отъ другихъ видовъ въ Церамѣ и Матабелло. Кромѣ этихъ я видѣлъ еще большихъ древесныхъ голубей и воронъ, но не могъ достать ни одного экземпляра.

Въ восемь часовъ утра 25-го іюня мы отплыли, и увидѣли, что съ помощью всѣхъ нашихъ рукъ намъ можно поднять гротъ мачту.

Ночью при попутномъ вѣтрѣ мы плыли по направленію сѣверо-востока, и къ утру, окруженные множествомъ острововъ, очутились на разстояніи приблизительно двадцати миль отъ западной оконечности Вайгіу. Около десяти часовъ мы были страшно испуганы: насъ отнесло къ коралловымъ рифамъ, изъ которыхъ однако намъ удалось благополучно выбраться. Въ два часа пополудни мы достигли большого кораловаго рифа, и въ то время какъ проходили вдоль его береговъ, вѣтеръ вдругъ порывисто измѣнился и двинулъ насъ на камни; мы едва успѣли справиться и снять нашу тяжелую гротъ-мачту; съ большимъ трудомъ и усиліями мы снова выбрались на глубину и поплыли среди безчисленныхъ острововъ и рифовъ. По наступленіи ночи мы не знали что дѣлать; никто изъ насъ не могъ сказать, гдѣ мы находились, среди какихъ опасностей; единственный человѣкъ изъ нашей команды, хорошо знакомый съ берегомъ Вайгіу, былъ оставленъ на островѣ. Зная только, что мы находимся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ суши, мы рѣшились плыть на всѣхъ парусахъ. Поднялся однако легкій вѣтерокъ, и къ полночи насъ снова прибило къ коралловому рифу. Окруженные мракомъ, мы могли плыть только наугадъ, и при вѣтрѣ болѣе сильномъ насъ вѣроятно разбило бы на куски. Выбравшись однако черезъ полъ часа, мы сочли за лучшее укрѣпиться до утра на одномъ изъ рифовъ. 27-го съ разсвѣтомъ, найдя наше судно въ полномъ порядкѣ, мы двинулись далѣе. Пробираясь среди острововъ и рифовъ при измѣнчивыхъ вѣтрахъ и шквалахъ, нашими единственными путеводителями были небольшая очень неточная карта, которая вслѣдствіе этого была для насъ вполнѣ безполезна, и поверхностное знаніе главнаго направленія, по которому мы должны были двигаться. Послѣ полудня на одномъ изъ небольшихъ острововъ мы нашли удобную якорную стоянку и закрѣпились на ночи; мнѣ удалось убить тамъ большого голубя, совершенно неизвѣстнаго мнѣ вида, котораго я назвалъ Carpophaga timida. Я видѣлъ также и стрѣлялъ, но неудачно, рѣдкую птицу, бѣло-головаго Halcyon saurophaga. На слѣдующее утро при попутномъ вѣтрѣ мы приближались къ берегамъ большого острова Вайгіу, и въ то время какъ огибали мысъ,

насъ снова отбросило къ коралловымъ рифамъ; но въ это время къ нашему счастью вѣтеръ почти стихъ, и намъ съ большими усиліями удалось избѣжать опасности.

Послѣ этого мы начали отыскивать узкій каналъ, проходившій среди острововъ, который, какъ намъ извѣстно было, находился гдѣ то по близости и велъ къ деревнямъ, лежавшимъ на южномъ берегу Вайгіу. Войдя въ глубокую губу, которая, казалось, была началомъ канала, мы не пошли далѣе и, вслѣдствіе наступившей темноты, стали на ночь на якорь; весь запасъ воды у насъ истощился, мы не могли сварить себѣ рису и остались безъ ужина. 29-го рано утромъ, пройдя по берегу, поросшему корнепусками, мы вскорѣ отыскали воду; успокоившись нѣсколько и освѣжившись ею, мы отправились далѣе вдоль прибрежья острова искать прохода или людей, которые бы намъ указали его. Находясь впродолженіи трехъ дней среди острововъ и рифовъ, мы только одинъ разъ видѣли небольшую лодку на довольно близкомъ отъ насъ разстояніи; но она не обратила вниманія на наши сигналы и знаки и скрылась по противоположному направленію. Берега казались совершенно пустынными: не видно было ни жилищъ, ни лодокъ, ни клубовъ табачнаго дыма, словомъ ничего, что бы свидѣтельствовало о присутствіи человѣка; принужденные повиноваться постоянно измѣнявшемуся вѣтру (людей у насъ было недостаточно, чтобы идти на веслахъ) мы казалось должны были отказаться отъ надежды добраться до цѣли нашего пути. Пройдя по всей восточной части глубокой губы и не найдя прохода, мы направились къ западу, и на наше счастье къ вечеру нашли маленькую деревню, состоявшую изъ семи убогихъ хижинъ, укрѣпленныхъ сваями на поверхности воды. Орангъ-кайя или начальникъ деревни, говорившій нѣсколько по малайски, объяснилъ намъ, что изслѣдуемая нами губа была дѣйствительно началомъ пролива, который трудно было видѣть изъ-за окружавшихъ его береговъ. Онъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проливъ очень узокъ, а въ иныхъ образуетъ озера и окруженъ скалами и островами, и что потребуется не менѣе двухъ дней пути, чтобы добраться до большой деревни Мука и болѣе трехъ до Вайгіу. Мнѣ удалось нанять двухъ провожатыхъ до Мука, которые не могли отправиться въ тотъ же день, и потому я взялъ ружье и отправился въ лѣсъ. День былъ дождливый и пасмурный, и я застрѣлилъ только двухъ маленькихъ птицъ, но видѣлъ большого бѣлаго какаду и мелькомъ двухъ райскихъ птицъ, громкій крикъ которыхъ мы слышали еще при приближеніи къ берегу.

На слѣдующее утро (1-го іюля) при тихомъ вѣтрѣ мы покинули

деревню, и только къ концу дня достигли начала пролива, походившаго на небольшую рѣчку; входъ его былъ совершенно скрытъ выдававшимся высокимъ берегомъ, и не было ничего удивительнаго, что мы не могли отыскать и замѣтить его изъ-за густой лѣсной растительности, покрывающей острова до самаго уровня воды. Путь по каналу былъ затрудненъ надвигавшимися со всѣхъ сторонъ высокими скалами; обойдя ихъ и сдѣлавъ около двухъ миль, мы вошли повидимому въ озеро, которое оказалось на самомъ дѣлѣ глубокимъ заливомъ, съуживавшимся у южной части берега. Прибрежье залива было усѣяно множествомъ скалистыхъ островковъ, имѣвшихъ большею частью форму грибовъ; вода, постоянно просачиваясь, увлекала нижнія части ихъ, состоявшія изъ легко растворимыхъ коралловыхъ наслоеній, верхнія же части скалъ достигали отъ десяти до двадцати футовъ высоты. Вершины острововъ, покрытыхъ сплошь странными на видъ кустарниками и деревьями, были увѣнчаны граціозными, высокими пальмами, которыя покрывали также и остальные гористые берега: оригинальностью и красотою этотъ пейзажъ въ цѣломъ превосходилъ все, до него мною видѣнное. Попутный вѣтеръ, несшій насъ по проливу, стихъ; намъ пришлось взяться за весла и, при неповоротливой и грузной лодкѣ, этотъ трудъ оказался крайне тягостнымъ. Я нѣсколько разъ пробовалъ сходить на берегъ, но оказывалось, что крутыя, отвѣсныя скалы, покрытыя густою растительностію, были почти непроходимы. По прошествіи трехъ дней пути по проливу вѣтеръ на столько стихъ, что мы принуждены были остановиться и выжидать его дни, а можетъ и недѣли; но къ моему удивленію и великому удовольствію изъ Муки прибыло судно съ однимъ изъ начальниковъ, который, узнавъ какимъ то таинственнымъ образомъ о моемъ путешествіи, явился ко мнѣ на помощь съ запасомъ кокосовыхъ орѣховъ и зелени. Хорошо знакомый съ мѣстностью и при помощи бывшихъ съ нимъ людей, которые помогали намъ товеслами, то баграми, онъ къ ночи благополучно привелъ насъ къ пристанищу, которое было крайне отрадно послѣ труднаго и неудачнаго путешествія. Впродолженіе восьми дней, находясь среди рифовъ и острововъ Вайгіу, мы прошли около пятидесяти миль, и, съ того дня какъ вышли изъ Горама, находились въ плаваніи ровно сорокъ дней.

Тотчасъ по прибытіи въ Мука я нанялъ лодку и трехъ туземцевъ за поисками потерянныхъ людей; я послалъ съ ними одного изъ людей моей команды, который долженъ былъ указывать имъ вѣрный путь. Къ моему великому огорченію и неудовольствію они вернулись черезъ десять дней одни, безъ людей. Погода была настолько неблагопріятная,

что они хотя, и подошли къ острову, съ котораго уже былъ видѣнъ тотъ, на которомъ находились мои люди, но не могли къ нему приблизиться. Шесть дней они выжидали лучшей погоды, но затѣмъ недостатокъ провизіи и опасная болѣзнь посланнаго съ ними человѣка принудили ихъ вернуться. Такъ какъ они ознакомились теперь съ мѣстностью, гдѣ находился островъ, то я рѣшился (щедро предложивъ имъ въ уплату ножи, платки, табакъ и обильные запасы провизіи) убѣдить ихъ, не медля предпринять второе путешествіе. Они вернулись назадъ только 29-го іюля, по пути они заѣзжали погостить въ свою родную деревню, находившуюся въ Бессирѣ, но вернулись съ успѣхомъ: они привезли съ собою обоихъ потерянныхъ людей; нѣсколько исхудалые и утомленные они прибыли однако совершенно здоровыми. На островѣ они прожили ровно мѣсяцъ; нашли на немъ годную воду и пищу, состоявшую изъ корней и нѣжныхъ стебельковъ изъ растеній Bromelia, питались также моллюсками и яйцами черепахъ. Приплывъ на островъ въ однихъ брюкахъ и рубахахъ, они устроили себѣ изъ пальмовыхъ листьевъ шалашъ, который имъ служилъ прекраснымъ убѣжищемъ. Они видѣли, что я поджидалъ ихъ на противоположномъ островѣ впродолженіи трехъ дней, но они не рисковали броситься вплавь, такъ какъ вѣроятно вѣтеръ отнесъ бы ихъ въ море, въ которомъ бы ихъ ожидала неизбѣжная гибель. Они были увѣрены, что при первой возможности я пошлю за ними и за мой поступокъ выражали мнѣ благодарность, чувство, которое не часто проявляется между туземцами; въ свою очередь и я былъ крайне доволенъ, что мое путешествіе, хотя и очень неудачное, окончилось однако благополучно и не повлекло за собою жертвъ.

ГЛАВА XXXVI.

ВАЙГІУ.

Деревня Мука.—Мое жилище.—Здѣшняя райская птица.—Происхожденіе здѣшнихъ племенъ.—Бѣдность и праздность жителей.—Недолговѣчность райскихъ птицъ въ неволѣ.—Изумительная честность дикарей.

Деревня Мука, лежащая на южномъ берегу Вайгіу, состоитъ изъ множества бѣдныхъ хижинъ, построенныхъ частію на водѣ, частію на берегу; неправильно разбросанная, она тянется на протяженіи полу-мили по мелкой бухтѣ. Ее окружаютъ нѣсколько обработанныхъ полосъ земли и большой невысокій боръ; на протяженіи же приблизительно полумили высится дѣвственный лѣсъ; проведенныя черезъ него тропинки ведутъ къ нѣсколькимъ домикамъ и плантаціямъ, отстоящимъ на разстояніи одной или двухъ миль отъ берега. Мѣстность, по большей части плоская и мѣстами топкая, орошена однимъ или двумя потоками, которые протекаютъ за деревнею и вливаются въ омывающіе берега моря. Не найдя для себя ни одного подходящаго домика, и убѣдившись путемъ неоднократнаго опыта насколько выгодно жить по близости или среди лѣса, я набралъ шесть человѣкъ помощниковъ; и выбравъ мѣстечко, лежавшее между тропинкой и ручьемъ, близъ прекраснаго фиговаго дерева, стоявшаго среди лѣса, мы принялись за расчистку земли и постройку дома. Не разсчитывая здѣсь оставаться такъ долго, какъ въ Дорей я выстроилъ длинный, низкій, узкій сарай, вышиною около семи футовъ съ одной стороны, и около четырехъ съ другой; на него потребовалось немного дерева и мало труда. Стѣны или боковые навѣсы мы устроили изъ парусовъ и негодныхъ остатковъ отъ разобранныхъ хижинъ, крышу покрыли множествомъ «каджансовъ» или матами, сдѣланными изъ пальмовыхъ листьевъ. Къ концу третьяго дня въ мой устроенный домъ были внесены всѣ вещи и разставлены въ томъ порядкѣ, въ

какомъ это необходимо было для моихъ работъ; я былъ чрезвычайно доволенъ, что помѣстился въ такомъ прелестномъ мѣстѣ и такъ быстро устроился.

Погода стояла далеко не прекрасная; ночью пошелъ сильный дождь, и оказалось, что наша крыша не могла противустоять водѣ: сначала появились капли, а затѣмъ полились цѣлые потоки. Среди ночи я бросился спасать мои ящики съ насѣкомыми, рисъ и всѣ портящіяся отъ воды вещи; пришлось искать сухого мѣста для ночлега, ибо моя постель была насквозь промочена. Непрерывный дождь образовывалъ постоянно новые ручьи, и мы, ничѣмъ незащищенные, провели напролетъ безсонную ночь. Утромъ ярко свѣтившее солнце высушило всѣ наши промоченныя вещи. Осмотрѣвъ крышу, мы нашли, что маты были положены не тою стороною. Уложивъ ихъ какъ слѣдуетъ, мы внесли всѣ высушенныя вещи, и къ вечеру улеглись въ постели. Въ полночь снова полилъ ливень, а съ нимъ какъ и въ предъидущую ночь образовались тѣ же ручьи. Ночь конечно мы провели также безъ сна, и на слѣдующее утро, съизнова разобравъ крышу, тотчасъ-же увидѣли, что скатъ который былъ бы вполнѣ достаточенъ для крыши, покрытой соломою, для нашей оказался слишкомъ отлогимъ. Мы набрали остатки крышъ старыхъ хижинъ, а въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ихъ не хватало положили двойные маты, и такимъ образомъ добились наконецъ того, что наша крыша стала вполнѣ непромокаема.

Теперь мнѣ можно было приняться за изученіе естественной исторіи острова. Въ первые дни по пріѣздѣ я былъ очень удивленъ, узнавъ, что въ Мукѣ райскія птицы не водятся, но что ихъ множество въ Бессирѣ, и что тамъ занимаются ихъ ловлею и выдѣлкою шкуръ. Я увѣрялъ жителей, что неподалеку отъ деревни слышалъ крикъ этихъ птицъ, но они никакъ не допускали, чтобы я могъ узнавать ихъ по крику. Побывавъ однако одинъ разъ въ лѣсу, я ихъ не только слышалъ, но и видѣлъ, и пришелъ къ тому убѣжденію, что онѣ водятся здѣсь въ изобиліи, но вообще такъ пугливы, что сразу не всегда удается услѣдить за ними. Однажды мой стрѣлокъ убилъ самку, а я подошелъ одинъ разъ на довольно близкое разстояніе къ прекрасному самцу, который, какъ оказалось, принадлежалъ къ рѣдкому виду крайней райской птицы (Paradisea rubra), виду исключительно находимому только на этомъ островѣ. Онъ спустился очень низко и, подобно дятлу перелетая съ сучка на сучекъ, отыскивалъ насѣкомыхъ; его длинныя черныя нитеобразныя перья, походившія на ленты, продавали ему необыкновенную красоту и грацію. Не желая испортить его оперенія, я прицѣлился въ него изъ ружья съ легкимъ зарядомъ,

въ которомъ было немного пороху и до восьми дробинокъ, но зарядъ пролетѣлъ мимо, а птица въ ту же секунду скрылась въ густой чащѣ лѣса. На слѣдующій день въ разное время мы видѣли не менѣе восьми прекрасныхъ самцовъ; пущенные въ нихъ четыре выстрѣла каждый разъ давали промахъ; между тѣмъ, стрѣляя на такомъ разстояніи въ другихъ птицъ, мы рѣдко не попадали въ цѣль; я начиналъ уже думать, что намъ никогда не удастся пріобрѣсти птицъ этой роскошной породы. Наконецъ на сосѣднемъ съ моимъ домомъ фиговомъ деревѣ созрѣли плоды, и многія птицы стали слетаться къ нему; однажды утромъ, сидя за кофе, я увидѣлъ на вершинѣ его самца райской птицы; взявъ ружье я подошелъ къ дереву и сталъ наблюдать, какъ онъ, перелетая съ вѣтки на вѣтку, срывалъ то на одномъ, то на другомъ мѣстѣ фрукты; прежде чѣмъ мнѣ удалось прицѣлиться, что было не совсѣмъ легко, ибо это дерево одно изъ самыхъ высокихъ тропическихъ растеній, птица успѣла изчезнуть. Онѣ ежедневно стали прилетать по утрамъ, но оставались очень недолго; движенія же ихъ были настолько быстры, что ихъ трудно было слѣдить, а нерѣдко онѣ и совершенно скрывались за густою зеленью внизу растущихъ деревьевъ; однако, прокарауливъ нѣсколько дней, послѣ одного или двухъ промаховъ мнѣ удалось такй убить птицу—самца съ наироскошнѣйшимъ опереніемъ.

Эта птица очень отличается отъ раньше пріобрѣтенныхъ мною двухъ большихъ видовъ: ей недостаетъ украшающаго ихъ длиннаго золотаго хвоста; но, не смотря на это, она во всемъ остальномъ гораздо замѣчательнѣе и много красивѣе ихъ. Голова, спина и плечи покрыты яркимъ желтымъ цвѣтомъ; темно зелено-металлическая окраска горла распространяется до самой головы, на которой удлиненныя перья цвѣта золотисто-зеленаго образуютъ раздвоенный небольшой хохолокъ. Не особенно длинные боковые пучки перьевъ превосходнаго краснаго цвѣта заканчиваются бѣлоснѣжными крапинками, а среднія хвостовыя образуются изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ, полукруглыхъ, лентообразныхъ черныхъ перьевъ, которыя спускаются къ низу красивою спиралью. Я пріобрѣлъ и много другихъ интересныхъ птицъ, и около полудюжины совершенно новыхъ видовъ; но самымъ красивымъ изъ нихъ оказался прелестный маленькій голубь Ptilonopus pulchellus, котораго я убилъ въ числѣ остальныхъ голубей на этомъ же самомъ фиговомъ деревѣ. Преобладающій цвѣтъ его перьевъ прелестной зеленой окраски, верхняя часть его головы ярко малиновая, а нижняя, окрашенная превосходнымъ желтымъ цвѣтомъ въ перемежку съ бѣловато-пепельнымъ, окаймлена фіолетово-красной полосою.

Въ первый вечеръ по прибытіи въ Мука я наблюдалъ явленіе подобное сѣверному сіянію, хотя съ трудомъ допускалъ, чтобы оно возможно было въ этой части земли, лежавшей только нѣсколько южнѣе экватора. Ночь была ясная и тихая, и на сѣверной части освѣщеннаго небосклона поднимались такіе же непрерывные ряды вертикальныхъ не особенно яркихъ столбовъ, какіе обыкновенно наблюдаются въ Англіи. Слѣдующій день былъ прекрасный, вѣроятно благодаря дувшему сухому муссону, въ остальные же дни погода стояла крайне плохая; около мѣсяца шли непрерывные дожди, и солнце или вовсе не показывалось, а если и выглядывало около полдня, то не болѣе какъ на часъ или на два. Утромъ, вечеромъ и ночью шелъ дождь или моросило, небо было покрыто темными сѣрыми облаками, дули сильные порывистые вѣтры. Но за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, вообще было не холодно, и погода напоминала собою самый дурной ноябрь или февраль Англіи.

Жители Вайгіу не туземное племя, они не принадлежатъ къ «альфуросамъ или къ аборигенамъ острова. Это повидимому смѣшанная раса, вышедшая частію изъ Гилоло, частью изъ Новой-Гвинеи. Малайцы и альфуросы съ прежде обитаемаго ими острова вѣроятно переселились сюда, и многіе изъ нихъ брали женщинъ изъ Сальватти или Дорея, и такой постоянный наплывъ изъ этихъ мѣстъ людей и рабовъ способствовалъ образованію племени, въ которомъ оттѣнились всѣ переходныя водоизмѣненія отъ чисто малайскаго типа до папуасскаго. Они говорятъ чистымъ папуасскимъ языкомъ, тѣмъ самымъ, какой слышится по всему прибрежью Мизоля, Сальватти, въ сѣверо-западной части Новой-Гвинеи и на островахъ большой Гильвинкской Губы; фактъ этотъ прямо даетъ объясненіе того пути, какимъ образовывалось неселеніе этихъ прибрежій. Отсутствіе туземныхъ племенъ на многихъ островахъ, находящихся между Новой-Гвинеей и Молуккскими—какъ Вайгіу, Гвебе, Поппа, Оби, Батчіанъ, а также и на южномъ и восточномъ берегахъ Гилоло, отсутствіе и заселеніе ихъ очевидно племенами пришлыми, смѣшанными, служитъ замѣчательно сильнымъ подтвержденіемъ различія, существующаго между расами малайскою и папуанскою, и географическаго различія населяемыхъ ими странъ. Если эти двѣ громадныя расы представляютъ непосредственное видоизмѣненіе или переходъ одной въ другую, то мы непремѣнно должны найти такую однородную расу, которая бы носила именно этотъ промежуточный характеръ. Такъ напримѣръ между европейскимъ бѣлымъ населеніемъ и черными клингами южной Индіи находятся такія промежуточныя однородныя расы, которыя именно образуютъ собою постепенный переходъ одного племени въ другое; между тѣмъ

въ Америкѣ, хотя и существуетъ помѣсь англо-саксонцевъ съ неграми и испанцевъ съ индѣйцами, но нѣтъ собственно такой однородной расы, которая представляла-бы собою естественный переходъ или взаимное видоизмѣненіе одной и другой. Малайскій Архипелагъ представляетъ намъ превосходный примѣръ двухъ абсолютно различныхъ расъ, которыя повидимому сблизились въ очень давнія историческія эпохи, при заселеніи необитаемыхъ территорій, и я вполнѣ увѣренъ, что каждый непредубѣжденный человѣкъ, при изученіи ихъ на мѣстѣ, убѣдится, что такое разрѣшеніе проблемы гораздо истиннѣе и вѣроятнѣе почти общепринятаго взгляда, что это не промежуточныя, но только видоизмѣненія одной нераздѣльной расы.

Населеніе Мука живетъ въ крайней бѣдности, которая распространена почти всюду гдѣ въ изобиліи растетъ саговое дерево. Очень немногіе изъ нихъ заботятся о выращиваніи кой какой зелени или плодовъ, большинство же питается саго и рыбою; скудную одежду свою они пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ небольшого количества трепанга или черепашьихъ покрововъ. Однако всѣ они имѣютъ одного или нѣсколькихъ рабовъ папуанцевъ и насчетъ труда ихъ живутъ въ абсолютной праздности; по времепамъ впрочемъ для разнообразія своего скучнаго существованія, они отправляются на рыбные и торговые промыслы. Они находятся подъ управленіемъ султана Тидора, и ежегодно выплачиваютъ ему небольшую подать, состоящую изъ райскихъ птицъ, черепашьихъ покрововъ и саго. Отправляясь въ лучшее время года на материкъ Новой-Гвинеи, они забираютъ въ кредитъ небольшое количество товаровъ у нѣкоторыхъ торговцевъ Бугиса или Церама и, сбывъ ихъ, или получивъ за нихъ нужное количество продуктовъ, уплачиваютъ ими требуемыя подати, и остаются еще нѣсколько въ барышахъ.

Пребываніе въ такой странѣ, въ которой, за отсутствіемъ излишествъ, не существуетъ торговли, не особенно удобно; не поселись на время моей стоянки купецъ изъ Церама, и не будь у него маленькаго сада съ овощами и небольшого количества рыбы, вылавливаемой его людьми, мнѣ зачастую пришлось бы сидѣть безъ пищи. Живность, плоды и овощи — рѣдкость, которую трудно пріобрѣсти или купить въ Мука; даже въ кокосовыхъ орѣхахъ, въ этомъ необходимомъ продуктѣ восточной кухни, нерѣдко чувствовался недостатокъ; жители съ нѣсколькихъ сотень деревьевъ, растущихъ въ деревнѣ, срывали плоды еще недозрѣлыми и замѣняли ими овощи, которыя они не выращивали по лѣности или отвращенію къ труду. У насъ не было ни яицъ, ни кокосовыхъ орѣховъ, ни зелени; ловъ рыбы, вслѣдствіе бурныхъ вѣтровъ, былъ невозможенъ; намъ

оставалась охота за немногими годными для пищи птицами, и случайная добыча кускуса или восточнаго опоссума, который, за исключеніемъ свиней, былъ единственнымъ четвероногимъ животнымъ острова.

Я убилъ только двухъ самцовъ райскихъ птицъ, и послѣ этого онѣ перестали прилетать на дерево, было-ли то вслѣдствіе недостатка плодовъ, или онѣ были настолько смышлены, что понимали и боялись опасности? Въ лѣсу мы ихъ постоянно слышали и видѣли, но убить намъ не удалось ни одной штуки, и такъ какъ въ Вайгіу я главнымъ образомъ разсчитывалъ на пріобрѣтеніе этихъ птицъ, то рѣшился вслѣдствіе такой неудачи отправиться въ Бессиръ, гдѣ множество папуанцевъ занимались ловлею и выдѣлкою ихъ шкуръ. Для этого путешествія я нанялъ небольшое одномачтовое судно, и оставилъ одного изъ моихъ людей стеречь домъ и вещи. Прождавъ нѣсколько дней благопріятной погоды, мы наконецъ отправились рано утромъ, и, послѣ бурнаго непріятнаго перехода, поздно ночью прибыли на мѣсто. Деревня Бессиръ построена на водѣ, у самаго берега небольшаго острова. Устрицы составляютъ очевидно главную пищу населенія; это я видѣлъ по тѣмъ грудамъ раковинъ, которыя лежали на мели между хижинами и берегомъ острова, это слои «кухонныхъ остатковъ» въ будущемъ послужатъ цѣлью для изслѣдованій археологовъ. Мы провели ночь въ домѣ начальника деревни, и на слѣдующее утро отправились на берегъ искать удобнаго мѣста для помѣщенія. Эта часть Вайгіу, лежащая въ южной части узкаго канала, по которому мы проходили въ Мука, представляетъ совершенно иной видъ; она повидимому состоитъ почти вся изъ выдвинувшихся коралловыхъ наслоеній, сѣверная же часть — изъ твердыхъ кристаллическихъ скалъ. Берега покрыты невысокими утесами известняка, нанесеннаго водою; во многихъ мѣстахъ они изрѣзаны заливами и бухтами, въ которые вливаются, протекающіе по острову, небольшіе потоки и ручьи. Войдя въ одинъ изъ этихъ заливовъ мы втянули наше судно на берегъ, покрытый бѣлымъ чистымъ пескомъ. Тутъ же вблизи отъ него находилась, недавно обработанная, большая плантація, засѣянная ямсомъ и овощами и при ней маленькая хижина, которая, какъ говорилъ начальникъ деревни, исключительно была устроена для меня. Этотъ домикъ, годный для карлика, ровно въ семь квадратныхъ футовъ, стоялъ на столбахъ, полъ или нижняя часть его отстояла отъ земли на четыре съ половиною футовъ, а отъ пола до самой верхней части крыши было не болѣе пяти футовъ. Это обстоятельство меня привело въ нѣкоторое смущеніе, ибо вышина моего роста шесть футовъ и одинъ дюймъ; посмотрѣвъ однако другіе дома, я нашелъ, что они стояли слишкомъ близко къ водѣ, были страшно гряз-

*

ны и наполнены народомъ; я рѣшился тогда помѣститься и устроиться въ моемъ, насколько возможно удобнѣе. Я хотѣлъ вначалѣ ради удобства разобрать полъ, и такимъ образомъ уничтожить необходимость постоянно сгибаться, но, разсчитавъ, что помѣщеніе въ такомъ случаѣ окажется недостаточнымъ, оставилъ все по старому, по возможности убралъ его и внесъ свои вещи. Верхняя часть дома намъ служила комнатою для спанья и кладовою, а въ нижней (со всѣхъ сторонъ открытой) я вдѣлалъ въ землю небольшой столъ и внесъ свои ящики, набросалъ листьевъ поверхъ ихъ, растянулъ матъ и поставилъ свой ивовый стулъ, а другимъ матомъ, привѣсивъ его къ столбамъ, я защитилъ себя отъ вѣтряной стороны; вдвое согнувшись, я все таки кое какъ пролѣзалъ къ столу, и, сидя на стулѣ, касался головою о потолокъ. Въ такомъ удобномъ помѣщеніи я прожилъ ровно шесть недѣль и постоянно работалъ и обѣдалъ за этимъ маленькимъ столомъ. Въ положеніи почти горизонтальномъ мнѣ доводилось вползать и выползать изъ конуры разъ по двѣнадцати въ день; нѣсколько сильныхъ ударовъ въ голову при быстромъ приподниманіи со стула скоро научили меня примѣняться къ обстоятельствамъ. Нѣсколько всторонѣ находилась, устроенная мною, маленькая кухня и мѣсто, гдѣ мои люди потрошили птицъ. Къ ночи мы забирались на маленькій чердакъ и на разостланныхъ матахъ засыпали, довольные помѣщеніемъ.

Нѣсколько устроившись, я тотчасъ же послалъ за людьми, занимавшимися ловлею райскихъ птицъ. Явившимся нѣсколькимъ охотникамъ я показалъ топоры, четки, бусы, ножи и полотенца и объяснилъ имъ, что я дамъ ихъ въ уплату за свѣжеубитыхъ птицъ; расплата здѣсь обыкновенно производится впередъ. На эти условія согласился вначалѣ только одинъ изъ нихъ, и за извѣстную плату обѣщалъ доставить мнѣ двухъ птицъ. Остальные, относившіеся недовѣрчиво, хотѣли видимо выждать результатовъ торга съ страннымъ бѣлымъ человѣкомъ, котораго они видѣли въ первый разъ на своемъ островѣ. По прошествіи трехъ дней, онъ явился ко мнѣ съ прекраснѣйшею, еще живою, птицею но такъ какъ онъ принесъ ее въ небольшомъ мѣшкѣ, то хвостъ и перья ея, помятые и изломанные, находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Я старался объяснить ему и остальнымъ пришедшимъ съ нимъ, что мнѣ необходимо имѣть птицъ почти непопорченныхъ, и что поэтому они могутъ убивать или привязывать за ноги къ палкамъ. Когда имъ стало ясно, что я не имѣю относительно ихъ никакихъ посторонніхъ цѣлей, шестеро остальныхъ пошли на сдѣлку; кто взялъ плату за одну птицу, кто за нѣсколько, а одинъ обѣщалъ доставить болѣе шести штукъ. Они сказали,

что мѣсто ловли не близко, но что они вернутся какъ скоро наловятъ; нѣкоторые изъ нихъ, вернувшись спустя недѣлю или нѣсколько дней, принесли мнѣ птицъ, но снова въ мѣшкахъ. Мѣсто ловли находилось не близко отъ ихъ жилищъ, и они обыкновенно, поймавъ одну птицу и привязавъ ее къ палкѣ, оставляли у себя въ домѣ и отправлялись въ лѣсъ за другими. Несчастныя птицы употребляли страшныя усилія, чтобы освободиться, страшно пачкались пепломъ, уродовали себѣ члены и часто околѣвали отъ голода и изчеможенія. Одна изъ нихъ испачкала свою прелестную головку смолою, у другой отъ долгихъ предсмертныхъ конвульсій позеленѣлъ весь животъ. Къ счастью только, что перья и шкура этихъ птицъ настолько прочны, что ихъ удобнѣе было чистить и мыть чѣмъ шкуры всѣхъ остальныхъ птицъ, и мнѣ удавалось обыкновенно приводить ихъ въ такое состояніе, что онѣ почти не отличались отъ тѣхъ, которыхъ я самъ убивалъ.

Очень немногія впрочемъ изъ птицъ были приносимы въ тотъ же день какъ пойманы, и мнѣ мало посчастливилось наблюдать ихъ живыми во всей красотѣ. Когда я увидѣлъ, что въ большинствѣ случаевъ онѣ доставлялись мнѣ живыми, я приказалъ одному изъ моихъ людей устроить большую бамбуковую клѣтку, поставивъ въ нее воду и пищу, надѣясь что онѣ у меня будутъ жить. Туземцы приносили мнѣ вѣтви, покрытыя наиболѣе любимыми ихъ плодами, я собиралъ для нихъ-кузнечиковъ, и съ удовольствіемъ замѣчалъ съ какою они охотою поѣдали все предлагаемое и съ какою жадностью пили воду. Цѣлый день онѣ находились въ постоянномъ движеніи, порхали по всей клѣткѣ, перескакивали съ одной жердочки на другую; въ первый день не было минуты, въ которую бы онѣ оставались въ покоѣ. На слѣдующій день онѣ были уже не такъ игривы, хотя пищу принимали столь же охотно, а на утро третьяго дня повидимому безъ всякихъ причинъ онѣ лежали уже мертвыми. Нѣкоторыя изъ нихъ сваренный рисъ ѣли съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и насѣкомыхъ, но ни одна изъ десяти птицъ не прожила въ неволѣ болѣе трехъ дней. Я пробовалъ пріучать еще не совсѣмъ оперенныхъ птицъ, и наконецъ бросилъ, такъ какъ дѣло и съ ними оканчивалось одинаково печально. Я обратилъ тогда все свое вниманіе и трудъ на возможно лучшее сохраненіе и отдѣлку добытыхъ мною видовъ.

Красную райскую птицу здѣсь не убиваютъ стрѣлами, какъ это водится на островахъ Ару и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Гвинеи, но ее ловятъ посредствомъ остроумно устроенной западни. Приманкою имъ служатъ ихъ любимыя красныя ягоды ползучаго растенія арумъ. Охотникъ привязываетъ эти плоды на крѣпкую вилообразную палку, и остав-

ляетъ отъ нея у себя въ рукахъ тонкую но крѣпкую веревку. Затѣмъ онъ прячется обыкновенно въ лѣсу подъ тѣмъ деревомъ, на которое обыкновенно прилетаютъ эти птицы, веревка привязанная къ палкѣ, находящейся среди вѣтвей дерева, образуютъ очень незамѣтную петлю; птица прилетая за плодами, прямо попадаетъ ногами въ петлю, которая немедленно затягивается, и охотникъ, сдергивая на землю палку, захватываетъ вмѣстѣ съ нею и попавшуюся птицу. При обильной пищѣ охотникамъ приходится сидѣть подъ деревомъ и выжидать добычи впродолженіи двухъ и болѣе дней, но за то временами имъ удается ловить по двѣ и по три птицы въ день. Этимъ искусствомъ неизвѣстнымъ въ другихъ частяхъ острова, въ Бессирѣ занимается не болѣе десяти человѣкъ. Не смотря на полнѣйшее отсутствіе здѣсь пищи сколько нибудь годной для цивилизованнаго человѣка, я тѣмъ не менѣе ради сбора хорошихъ коллекцій рѣшился жить сколь возможно долго.

Овощей и плодовъ съ окружавшихъ насъ плантацій едва хватало на деревню, и они выкапывались обыкновенно еще совершенно недозрѣлыми; рыбы тоже не было, развѣ изрѣдка и то мелкая; куръ не имѣлось вовсе; мы исключительно питались голубями, какаду, и тѣми запасами риса и саго, какіе находились съ нами; по временамъ мы чувствовали недостатокъ даже и въ этихъ продуктахъ. Я очень исхудалъ, ослабѣлъ и получилъ очень любопытную болѣзнь (о которой я прежде не слыхивалъ), боль въ вискѣ. Эта сильная боль въ правомъ вискѣ начиналась каждое утро тотчасъ послѣ завтрака; она была страшнѣе самой ужасной зубной боли; промучивъ меня около двухъ часовъ, она обыкновенно къ полдню затихала; за нею слѣдовалъ приступъ лихорадки, послѣ которой я уже терялъ всякій аппетитъ и окончательно ослабѣвалъ: несомнѣнно мое здоровье спасено было въ то время экстрактомъ, который долго хранился у меня на всякій случай.

Въ концѣ сентября надо было безотлагательно собираться въ путь и успѣть добраться до дому до конца восточнаго мусона. Большая часть людей аккуратно расплатились со мною условленнымъ количествомъ птицъ, а одинъ бѣднята не поймавъ ни одной штуки, честно возвратилъ назадъ взятый имъ впередъ въ уплату топоръ; тотъ же, который поручился за шесть, за два дня до моего отъѣзда принесъ мнѣ пятую, и тотчасъ же отправился въ лѣсъ за послѣднею. Когда мы уже стали отчаливать отъ берега, онъ прибѣжалъ съ птицею въ рукахъ и, передавая мнѣ ее, самодовольно замѣтилъ, «Я вамъ теперь ничего не долженъ.» Такая удивительная честность была крайне замѣчательнымъ явленіемъ среди дикарей, тѣмъ болѣе что они вполнѣ безнаказанно могли не исполнить своего обязательства.

Бессиръ окруженъ гористою возвышенною мѣстностью, покрытою зазубренными коралловыми утесами, отдѣленными неглубокими оврагами и впадинами. Многія такія трещины перерѣзывались тропинками, и въ глубинѣ лѣса казались очень мрачными и глубокими; онѣ нерѣдко были покрыты прекрасными злаками и замѣчательными Lycopodiaceae съ голубыми листьями. По преимуществу здѣсь я находилъ большую часть моихъ маленькихъ бабочекъ, какъ то Sospita statira, Taxila, pulchra роскошную голубую Amblypodia hercules и много другихъ. На окраинѣ плантацій я нашелъ прелестную голубую Deudorix despoena, а подъ тѣнью деревъ красивую Lycaena wallacei. Здѣсь я добылъ также чудную Thyca aruna; яркою оранжевою краскою, покрывается ея верхняя часть, нижняя же окрашена малиновою въ перемежку съ блестяще черною; здѣсь же былъ пріобрѣтенъ роскошный видъ зеленыхъ Ornithoptera, составляющій и по-настоящее время славу моего кабинета.

Моя коллекція птицъ, хотя и немногочисленная, представляла уже не малый интересъ. Я пріобрѣлъ себѣ очень рѣдкій видъ ново-гвинейскаго коршуна (Henicopernis longicauda), большой, совершенно новый, видъ совы-ласточки (Podargus superciliaris), и совершенно новаго неизвѣстнаго мнѣ землянаго голубя, замѣчательнаго своимъ длиннымъ и крѣпкимъ клювомъ. Я его назвалъ Henicophaps albifrons. Я пріобрѣлъ себѣ цѣлую коллекцію большихъ голубей въ выпуклымъ клювомъ (Carpophaga tumida). Въ Вайгіу я собралъ семдесятъ три вида птицъ, изъ нихъ двѣнадцать было совершенно новыхъ видовъ, и много другихъ очень рѣдкихъ; кромѣ того мнѣ удалось вывезти двадцать четыре штуки прекрасныхъ птицъ Paradisea rubra. Вслѣдствіе уже этого обстоятельства я остался доволенъ своимъ путешествіемъ на островъ, хотя оно конечно далеко не отвѣчало тому, что я отъ него ожидалъ.

ГЛАВА XXXVII.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ВАЙГІУ НА ТЕРНАТЪ.

Снаряженіе въ путь.—Подводныя землетрясенія.—Неудачное плаваніе.—Прибытіе на Тернать.

Я поручилъ старому лоцману въ Вайгіу позаботиться о моемъ жилищѣ и привести его въ порядокъ, т. е. проконопатить дно и осмотрѣть верхъ, солому кровли и снасти. По возвращеніи моемъ все было уже почти готово, и я немедленно приступилъ къ упаковкѣ и къ приготовленіямъ въ дорогу. Гротъ составлялъ одну сторону нашего дома, но задній парусъ и кливеръ были спрятаны подъ крышу и развернувъ ихъ, чтобы посмотрѣть не нужно ли ихъ починить, мы съ ужасомъ увидѣли, что нѣсколько крысъ устроили въ нихъ свои гнѣзда и прогрызли ихъ мѣстахъ въ двадцати. Такимъ образомъ намъ пришлось покупать цыновки и дѣлать новые паруса, что задержало насъ до 29 сентября, когда намъ удалось наконецъ оставить Вайгіу.

Прошло четыре дня, прежде чѣмъ намъ удалось выбраться въ открытое море, ибо намъ приходилось плыть по узкимъ проливамъ, загроможденнымъ рифами и мелями, съ сильными теченіями, такъ что неблагопріятный вѣтеръ останавливалъ насъ совершенно. Однажды мы были почти въ открытомъ мѣстѣ, какъ вдругъ противнымъ теченіемъ и вѣтромъ насъ отнесло на десять миль назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли на якорѣ ночью. Эта задержка испугала насъ, ибо, въ случаѣ затишья въ морѣ, могло не хватить воды, по этому мы рѣшили, если только будетъ возможно, пристать къ тому острову, на которомъ пропали наши люди, и который лежалъ какъ разъ у насъ на пути. Но вѣтеръ по обыкновенію былъ противный, а именно Ю. Ю. З., вмѣсто того, чтобы быть Ю. Ю. В. согласно съ временемъ года, и все, что мы могли сдѣлать, это достичь острова Гали, гдѣ мы стали на якорѣ при лунномъ свѣтѣ подъ сѣнью голыхъ вулканическихъ холмовъ. Утромъ мы пытались войти въ глубокую бухту, въ которой, по словамъ галеласскихъ рыбаковъ, можно

Арековая тропическая пальма.

было достать прѣсной воды, но вѣтеръ не пускалъ насъ въ нее. Бирочемъ рыбаки ввезли насъ туда въ своихъ лодкахъ, получивъ въ награду за это платокъ, и мы наполнили свои кувшины и бамбуки. Затѣмъ мы проѣхали къ мѣсту ихъ стоянки на сѣверномъ берегу острова, чтобы попытаться купить чего нибудь съѣстнаго, но не нашли ничего, кромѣ копченаго черепашьяго мяса, твердаго, и чернаго какъ уголь. Нѣсколько далѣе находилась плантація, принадлежащая народу гебе, но находившаяся подъ надзоромъ папуанскаго раба, и на слѣдующее утро мы достали нѣсколько индѣйскихъ смоквъ и зелени въ обмѣнъ на платокъ и нѣсколько ножей. Когда мы оставляли это мѣсто, то оказалось, что якорь нашъ воткнулся въ скалу или въ потонувшее бревно на весьма значительной глубинѣ, такъ что послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ мы принуждены были перерубить канатъ и бросить его. Такимъ образомъ у насъ остался только одинъ якорь.

Когда мы пустились въ путь рано утромъ, 4-го октября, то продолжался все тотъ же Ю. Ю. З. вѣтеръ, и мы начали бояться, что намъ не удастся пробраться къ южной оконечности Гилоло. Ночью на 5-тое былъ шквалъ и громъ, но послѣ полупочи погода стала довольно хорошая, и мы плыли при легкомъ вѣтрѣ, стараясь разсмотрѣть берегъ Гилоло, къ которому мы повидимому приближались, какъ вдругъ позади насъ раздался страшно рокочущій шумъ, похожій на шумъ буруна. Въ короткое время рокотанье усилилось, и мы увидѣли приближающуюся бѣлую полосу пѣны, которая быстро прошла мимо насъ, не нанеся намъ никакого вреда, такъ какъ судно наше легко перескользнуло черезъ волну. Черезъ короткіе промежутки времени пробѣжали съ чрезвычайною быстротой еще десять или двѣнадцать такихъ волнъ, затѣмъ море стало совершенно гладко какъ и прежде. Я тотчасъ же заключилъ, что это должны быть волны отъ землятрясенія; принимая во вниманіе древнія путешествія, мы видимъ, что моря эти уже съ давнихъ поръ подвержены подобнымъ явленіямъ. Дампьеръ встрѣтилъ подобныя волны близъ Мизоля и Новой Гвинеи и описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Мы видѣли здѣсь странныя теченія, которыя бѣгутъ потоками и производятъ сильное волненіе, причемъ шумятъ такъ сильно, что мы могли уже слышать ихъ, когда они были отъ насъ на разстояніи мили. Море около нихъ было чрезвычайно безпокойно и качало нашъ корабль такъ сильно, что за цѣлость его нельзя было поручиться. Это продолжалось обыкновенно минутъ десять или двѣнадцать, и затѣмъ море становилось спокойнымъ и гладкимъ, какъ нельзя болѣе. Мы часто бросали лотъ среди ихъ, но никогда не находили земли. Въ одну ночь мы встрѣтили нѣсколько

такихъ теченій, которыя большею частью шли съ запада, и такъ какъ вѣтеръ былъ съ той же стороны, то мы слышали ихъ обыкновенно за долго до того, какъ они доходили до насъ, и иногда опускали морсели, принимая ихъ шумъ за порывъ вѣтра. Они были значительно длинны съ сѣвера къ югу, но ширина ихъ не превышала 200 ярдовъ. Хотя вѣтеръ былъ очень не великъ, но они проходили весьма скоро, оставляя воду совершенно гладкою, и, не доходя еще до нихъ, мы встрѣчали большую волну, которая однако же не разбивалась.» Черезъ нѣсколько времени я узналъ, что на берегу Гило чувствовалось землетрясеніе именно въ тотъ самый день, когда мы встрѣтили эти странныя волны.

Съ разсвѣтомъ мы увидѣли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, Гилоло, но оконечность его, къ сожалѣнію, лежала на навѣтренной сторонѣ. Мы употребили всѣ усилія, чтобы обѣгнуть ее, но, приблизившись къ берегу, мы попали въ сильное теченіе, направлявшееся къ сѣверу, которое такъ быстро понесло насъ съ собою, что мы нашли нужнымъ удалиться снова, для того, чтобы выйти изъ него. Не разъ мы приближались нѣсколько къ оконечности, и въ насъ пробуждалось уже надежда, какъ вдругъ вѣтеръ спадалъ и мы начинали опять по немногу отдаляться. Когда наступила ночь, мы были почти тамъ же, гдѣ и утромъ, поэтому чтобы предупредить дрейфъ, мы спустили якорь на канатѣ длиною саженей въ пятнадцать. Но утромъ, 7-го мы оказались все таки значительно выше и увидѣли лишь одно средство а именно, идти уже совсѣмъ рядомъ съ берегомъ, гдѣ могло быть обратное теченіе, и гдѣ бы мы могли подвигаться впередъ на веслахъ. Судно наше было тяжелое, а люди слабые, такъ что намъ пришлось употребить шесть часовъ, для того чтобы добраться до края рифа, окаймляющаго берегъ; но тутъ каждую минуту могъ подуть вѣтеръ, натолкнуть насъ на него и такимъ образомъ положеніе наше было весьма опасно. Къ счастію нѣсколько выше была песчаная бухта, гдѣ маленькая рѣчка препятствовала росту коралловъ; вечеромъ мы добрались до нея и стали въ ней на якорѣ на ночь. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколькихъ галела, стрѣлявшихъ свиней и оленей, но они не умѣли или не хотѣли говорить по малайски, и мы не могли многаго узнать отъ нихъ. Мы открыли, что около берега теченіе измѣнялось съ приливомъ, между тѣмъ какъ на разстояніи мили отъ него оно имѣло постоянно одно и то же направленіе на встрѣчу намъ; это подало намъ нѣкоторую надежду снова подойти къ оконечности, отъ которой мы были теперь на разстояніи двадцати миль. Утромъ оказалось, что галела ушли еще до свѣта, по всей вѣроятности изъ боязни и можетъ быть принимая меня за пирата. Въ скоромъ времени мимо насъ

прошло судно, и люди, бывшіе на немъ, сообщили намъ, на что на незначительномъ разстояніи далѣе къ окопечности есть гораздо лучшая гавань, гдѣ много галёла, которые быть можетъ помогутъ намъ.

Въ три часа послѣ полудня, когда теченіе повернулось, мы пустились въ путь, но подвигались медленно, такъ какъ вѣтеръ былъ противный, Въ сумерки мы добрались до входа въ гавань, но водою и порывомъ вѣтра были отнесены прочь и вынесены въ море. Послѣ заката солнца подулъ вѣтеръ съ берега и мы поплыли нѣсколько къ юго-востоку. Затѣмъ стало тихо и мы бросили якорь на глубинѣ сорока сажень, пытаясь противостоять теченію, но пользы отъ этого вышло мало, и къ утру мы оказались на значительномъ разстояніи отъ берега прямо противъ того мѣста, гдѣ мы стояли на якорѣ наканунѣ, и намъ пришлось усиленно работать веслами, чтобы добраться до него снова. Этотъ день я далъ людямъ отдохнуть и выспаться, и на слѣдующій 10 октября въ два часа утра пустились опять въ путь при береговомъ вѣтрѣ. Посадивъ людей къ весламъ и приказавъ имъ держаться какъ можно ближе къ берегу и ни въ какомъ случаѣ не выходить въ море, я сошелъ внизъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ. Но передъ разсвѣтомъ я, къ величайшему удивленію, увидѣлъ, что мы были снова далеко отъ берега; мнѣ сказали, что вѣтеръ постепенно повернулъ навстрѣчу и отнесъ насъ—между тѣмъ ни у кого не хватило смысла спустить парусъ и грести къ берегу или позвать меня. Когда разсвѣло мы увидѣли, что мы были отнесены назадъ и снова находились противъ мѣста нашей стоянки, такъ что намъ пришлось въ третій разъ съ трудомъ добираться до него на веслахъ. Приблизившись къ берегу я увидѣлъ, что теченіе для насъ благопріятно, и мы поплыли внизъ, пока не достигли входа въ нижнюю гавань. Но въ то самое время, какъ мы радовались, что наконецъ добрались до нея, нахлынулъ сильный юго-восточный шквалъ и отнесъ насъ назадъ, такъ что войти въ гавань оказалось невозможнымъ. Такъ какъ мысль о возвращеніи снова вспять была мнѣ не по душѣ, то я рѣшилъ попытаться стать на якорѣ, что и удалось намъ сдѣлать на значительной глубинѣ у самыхъ рифовъ, но господствовавшій вѣтеръ былъ таковъ, что если бы мы не стояли твердо, то намъ легко было бы уйти опять въ море. Между тѣмъ шквалъ прошелъ, теченіе повернулось намъ на встрѣчу, и какъ мы расчитывали, намъ предстояло ждать до четырехъ часовъ послѣ полудня, когда мы надѣялись уже войти въ гавань.

Но теперь настали для насъ самыя критическія минуты. Отъ волненія, произведеннаго шкваломъ судо наше сильно дергало канатъ, который вдругъ лопнулъ весьма глубоко въ водѣ. Мы поплыли въ море и тотчасъ

же натянули гротъ; но теперь у насъ не было ни одного якоря и при этомъ весьма мало людей, такъ что плыть на веслахъ даже противъ самаго слабаго теченія или самаго легкаго вѣтра было невозможно, а слѣдовательно было бы сумасшествіемъ приблизиться снова къ этому опасному берегу иначе, какъ въ самую тихую погоду. Кромѣ того пищи у насъ оставалось всего на три дня. Теперь слѣдовательно не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы пытаться обогнуть мысъ безъ посторонней помощи, и я порѣшилъ немедленно спѣшить къ деревнѣ Гани-дилуаръ, лежавшей на десять миль далѣе къ сѣверу, гдѣ должна была быть хорошая гавань, и гдѣ мы могли добыть себѣ провизіи и нѣсколькихъ гребцовъ. До этого времени вѣтеръ и теченіе постоянно препятствовали намъ идти къ югу, и мы имѣли основаніе надѣяться что теперь, когда мы поворотили бугспритъ въ противоположную сторону, они будуть благопріятствовать намъ. Но теперь вдругъ стало тихо, а затѣмъ подулъ легкій западный вѣтеръ съ берега, который не могъ быть намъ полезенъ, и такимъ образомъ намъ пришлось снова работать веслами нѣсколько часовъ подрядъ, и мы всетаки не достигли деревни къ ночи. Къ счастью намъ удалось найти прекрасную глубокую и защищенную бухту, гдѣ вода была совершенно спокойна; здѣсь мы устроили временный якорь, наполнивъ мѣшокъ баластовыми камнями и укрѣпивъ его помощью сѣти изъ индійскаго тростника; такимъ образомъ мы благополучно простояли ночь. На слѣдующее утро люди мои вышли на берегъ, чтобы нарубить дерева для устройства новыхъ якорей, а около полудня, когда теченіе сдѣлалось для насъ благопріятнымъ, мы добрались до деревни, гдѣ дѣйствительно нашли прекрасную и защищенную гавань.

Разспросивъ жителей, мы узнали, что начальники живутъ въ другой Гани на западномъ берегу полуострова, и необходимо было послать пословъ (пути было полъ дня) чтобы извѣстить ихъ о моемъ пріѣздѣ и просить ихъ помочь мнѣ. Затѣмъ мнѣ удалось купить немного саго, сушенаго оленьяго мяса и кокосовыхъ орѣховъ, разомъ удовлетворившихъ нашу настоятельную потребность поѣсть. Ночью нашъ мѣшокъ съ каменьями держалъ насъ отлично, и мы спали спокойно.

На слѣдующій день 12 октября люди мои приступили къ дѣланію якорей и веселъ. Туземный малайскій якорь устраивается весьма остроумно изъ куска твердаго вилкообразнаго дерева, причемъ лапа якоря прикрѣпляется помощью сплетенаго индійскаго тростника, точно такъ же какъ и перекладина, которая дѣлается изъ длиннаго плоскаго камня. якоря эти, когда они хорошо сдѣланы, держатъ чрезвычайно твердо, и такъ какъ для устройства ихъ не требуется желѣза, то они употребля-

ются почти всюду на небольшихъ судахъ. Послѣ полудня начальники явились и обѣщали дать мнѣ столькихъ гребцовъ, сколько ихъ помѣстится на суднѣ, а также принесли мнѣ яицъ и немного рису, что было весьма кстати. 14-го числа весь день дулъ сѣверный вѣтеръ, который былъ бы неоцѣненъ для насъ нѣсколько дней ранѣе, а теперь только мучилъ насъ. 16-го числа все было готово, и съ разсвѣтомъ мы пустились въ путь съ двумя новыми якорями и десятью гребцами, хорошо знавшими свое дѣло. Къ вечеру у насъ было пройдено болѣе половины пути, и на ночь мы стали на якорѣ въ маленькой бухтѣ. Въ три часа на слѣдующее утро я приказалъ поднять якорь; но тростниковый канатъ, перетершись о скалы порвался у самаго дна, и такимъ образомъ мы потеряли третій якорь во время этого несчастнаго путешествія. День былъ тихій, и около полудня мы обогнули южную оконченость Гилоло, на что намъ пришлось употребить одиннадцать дней, между тѣмъ какъ во время этого муссона не должно было бы потратить болѣе половины этого времени. Когда мы обогнули мысъ, путь нашъ пошелъ по совершенно противоположному направленію, при чемъ вѣтеръ, по обыкновенію, также измѣнилъ направленіе и задулъ съ сѣвера и сѣверо-запада, такъ что намъ пришлось идти на веслахъ до деревни Гани, которой мы не могли достигнуть ранѣе вечера 18-го. Одинъ бугисскій купецъ, жившій здѣсь, и *сенаджи*, т. е. начальникъ, оказались чрезвычайно любезными; первый снабдилъ меня запаснымъ якоремъ и канатомъ, а также овощами, послѣдній же велѣлъ напечь свѣжихъ саговыхъ пироговъ для моихъ людей, и далъ мнѣ пару куръ и бутылку масла Такъ какъ погода все еще была весьма ненадежная, то я взялъ еще четырехъ человѣкъ, которые должны были проводить меня до Терната, куда мы отправились 20-го послѣ полудня.

Намъ пришлось грести всю ночь, такъ какъ береговой вѣтеръ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы мы могли идти подъ парусомъ противъ теченія. 21-го послѣ полудня подулъ прекрасный вѣтеръ, который продолжался съ часъ, но затѣмъ онъ измѣнился въ сильный шквалъ съ дождемъ, причемъ мои неуклюжіе люди чуть было не опрокинули насъ, снимая парусъ, и что еще хуже—потеряли часъ благопріятнаго вѣтра. Ночь была тихая, и мы подвинулись весьма мало.

22-го былъ легкій противный вѣтеръ. Немного ранѣе полудня мы проплыли при помощи нашихъ веселъ проливъ Паціенція, самую узкую часть канала между Бачіаномъ и Гилоло. Названіе это было дано весьма удачно первыми португальскими мореплавателями, ибо теченія здѣсь весьма сильны, а водовороты такъ многочисленны, что даже при благо-

пріятномъ вѣтрѣ, корабли часто бываютъ не въ состояніи переплыть это мѣсто. Послѣ полудня сильный сѣверный вѣтеръ дважды принудилъ насъ бросить якоръ. Ночью было тихо, и мы медленно тащились впередъ на веслахъ.

23-го точно также было или затишье или встрѣчный вѣтеръ. По совѣту нашихъ людей изъ Гани, хорошо знавшихъ берегъ, мы снова перебрались къ твердой землѣ Гилоло, но на этомъ переѣздѣ насъ застигъ новый сѣверный шквалъ съ дождемъ и принудилъ бросить на ночь якорь у края коралловаго рифа. На утро, 24-го, я созвалъ людей часовъ около трехъ, но вѣтеръ не явился намъ на помощь, и мы медленно поплыли на веслахъ. Къ разсвѣту подулъ было легкій вѣтерокъ съ юга, но продолжался всего одинъ часъ. Все остальное время дня было то затишье, то легкій встрѣчный вѣтеръ, то шквалъ, и мы подвигались впередъ весьма медленно.

25-го мы отъѣхали на средину канала, но впередъ не двигались. Послѣ полудня мы направили и паруса, и весла къ южной оконечности Каіойа и около полуночи достигли деревни. Я рѣшилъ остановиться здѣсь на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться, надѣясь, что погода между тѣмъ поправится. Я купилъ здѣсь луку и другихъ овощей и множество яицъ, а люди мои напекли свѣжихъ саговыхъ пироговъ. Ежедневно я отправлялся на старое мѣсто охоты искать насѣкомыхъ но, успѣхъ былъ скудный. Погодастояла сырая и бурная, и въ жизни насѣкомыхъ чувствовался застой. Мы простояли пять дней, и втеченіи этого времени въ деревнѣ умерло двѣнадцать человѣкъ, большею частью отъ простой перемежающейся лихорадки, о леченіи которой туземцы не смѣютъ никакого понятія. Въ теченіе всего этого путешествія я сильно страдалъ отъ воспаленія губъ вслѣдствіе дѣйствія солнца,—ибо мнѣ приходилось цѣлые дни стоять на палубѣ, чтобы слѣдить за нашимъ ходомъ среди мелей и рифовъ близъ Вайгіу. Острый воздухъ такъ раздражалъ ихъ, что онѣ никакъ не заживали, причиняли сильную боль и при малѣйшемъ прикосновеніи изъ нихъ текла кровь, такъ что долгое время я могъ ѣсть лишь съ большимъ трудомъ, широко раскрывая ротъ и кладя въ него каждый кусокъ съ величайшею осторожностью. Онѣ были у меня постоянно смазаны мазью, что само по себѣ было весьма непріятно, и болѣли почти непрерывно болѣе мѣсяца, такъ какъ онѣ не зажили до тѣхъ поръ пока я не возвратился въ Тернатъ, гдѣ могъ прожить недѣлю, не выходя изъ дома.

Судно, отправленное въ Тернатъ на другой день нашего пріѣзда принуждено было воротиться по причинѣ дурной погоды. 31-го мы стали на

якорѣ у самаго устья гавани, чтобы быть готовымъ пуститься въ путь при первомъ удобномъ случаѣ.

1-го ноября я созвалъ людей въ часъ утра, и мы пустились въ путь при благопріятномъ теченіи. До сихъ поръ ночью обыкновенно было тихо, теперь же поднялся сильный западный шквалъ съ дождемъ, который ворочалъ наше судно и мы принуждены были бросить якорь. Послѣ того какъ онъ прошелъ, мы всю ночь плыли на веслахъ, но противный вѣтеръ противодѣйствовалъ благопріятному теченію, и мы подвигались медленно. Вскорѣ послѣ восхода солнца вѣтеръ сталъ сильнѣе и еще болѣе неблагопріятнымъ, а такъ какъ берегъ, близъ котораго мы находились, былъ весьма опасный то намъ пришлось выйти въ открытое море въ направленіи З. Ю. З. Это постоянство противнаго вѣтра и дурной погоды съ того самаго времени, какъ мы отправлялись въ путь, было замѣчательно. Люди мои настойчиво утверждали, что самое судно должно было быть по чему нибудь несчастно, и что передъ отправленіемъ мнѣ слѣдовало продѣлать надъ нимъ одну церемонію, именно просверлить на днѣ его дыру и пропустить сквозь нее какое то священное масло. Не слѣдуетъ забывать, что это было время юговосточныхъ муссоновъ, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Вайгіу, вѣтеръ не дулъ съ юго востока даже и половина дня. Противные вѣтры, шквалы и теченія управляли нами по произволу во все остальное время дня. Ночью также продолжались шквалы и переменная погода, и намъ пришлось сильно работать, то подымать, то опускать паруса, то грести веслами.

Восходъ солнца 2-го числа засталъ насъ посрединѣ канала въ десять миль шириною между Каіойа и Макіаномъ. Шквалы и проливной дождь перемежались другъ съ другомъ впродолженіе всего утра. Въ полдень наступила мертвая тишина, а затѣмъ подулъ легкій западный вѣтерокъ, давшій намъ возможность достигнуть вечеромъ одной деревни на Макіанѣ. Здѣсь я купилъ нѣсколько Citrus decumanu, орѣховъ и кофе и далъ своимъ людямъ поспать ночь.

Утромъ 4-го числа погода была хорошая, и мы медленно плыли на веслахъ вдоль берега Макіана. Капитанъ одного маленькаго судна, стоявшаго здѣсь на якорѣ, увидѣвъ меня на палубѣ и догадавшись, кто я такой, сталъ дѣлать намъ знаки, чтобы мы остановились и передалъ мнѣ письмо отъ Чарльза Олена, извѣщавшаго меня, что онъ находится въ Тернатѣ уже двадцать дней и тревожится въ ожиданіи моего пріѣзда. Это было хорошее извѣстіе, которое развеселило меня, ибо я также безпокоился на счетъ его. Тутъ поднялся легкій вѣтерокъ съ юга, и мы

начали надѣяться на хорошую погоду. Вскорѣ впрочемъ онъ измѣнился снова въ западный; на небѣ собрались густыя тучи, и менѣе чѣмъ черезъ полъ часа мы испытали шквалъ, самый сильный изъ всѣхъ, какіе намъ пришлось испытать во время всего этого путешествія. Къ счастью намъ удалось во время снять гротъ, иначе послѣдствія были бы весьма серьезныя. Это былъ настоящій маленькій ураганъ, и мой старый бугисскій рулевой началъ уже взывать къ «Аллахъ иль Аллаху», чтобы онъ спасъ насъ. Мы могли только подедрживать нашъ кливеръ, который былъ разорванъ вѣтромъ почти въ лохмотья, но, благодаря внимательному управленію, держалъ насъ противъ вѣтра и наша прау шла какъ слѣдуетъ. Наша маленькая лодка, купленная въ Гани и привязанная позади, скоро наполнилась водою, оторвалась, и мы больше не видали ее. Черезъ часъ времени вѣтеръ немного стихъ, и еще черезъ два часа мы уже могли поднять нашъ гротъ. Къ вечеру небо прояснилось, стало тихо и море опало. Не будучи настоящимъ морякомъ, я былъ сильно встревоженъ, но старый рулевой увѣрялъ меня, что никогда не испытывалъ болѣе сильнаго шквала во всю свою жизнь. Теперь онъ былъ, болѣе чѣмъ когда либо, увѣренъ въ несчастьи самаго судна и въ дѣйствительности священнаго масла, которое пропускаетъ сквозь свое дно каждая бугисская прау. По этому онъ приписывалъ наше спасеніе и скорое прекращеніе шквала единственно своимъ молитвамъ и говорилъ смѣясь: «да мы всегда поступаемъ такъ на своихъ прау; когда дѣла очень плохи, мы встаемъ и начинаемъ кричать наши молитвы такъ громко, какъ только можемъ, и тогда Туванъ Аллахъ помогаетъ намъ».

Послѣ этого намъ пришлось плыть до Терната еще два дня, такъ какъ затишья, шквалы и противные вѣтры не прекращались до самаго конца; разъ же намъ пришлось воротиться назадъ, къ мѣсту, гдѣ мы стояли на якорѣ, благодаря сильнымъ порывамъ вѣтра, и это случилось именно когда мы были уже у самаго города. Если прослѣдить все мое путешествіе на этомъ суднѣ, начиная съ того времени, когда я оставилъ Горамъ въ маѣ, то окажется, что мой опытъ ѣзды на туземной прау былъ не слишкомъ то привлекателенъ. Первый мой экипажъ сбѣжалъ; два человѣка пропадали цѣлый мѣсяцъ на пустынномъ островѣ; десять разъ мы наѣзжали на коралловые рифы; было потеряно четыре якоря, паруса были изгрызены крысами, маленькая лодка пропала, на возвратномъ пути мы пробыли тридцать восемь дней, между тѣмъ какъ слѣдовало пробыть не болѣе двѣнадцати; нѣсколько разъ мы чувствовали недостатокъ въ пищѣ и водѣ; у насъ не было компасовой лампы, такъ какъ въ Вайгіу, откуда мы отправились, не оказалось ни капли масла,

и въ довершеніе всего, втеченіи всего нашего путешествія изъ Горама черезъ Церамъ въ Вайгіу, и изъ Вайгіу въ Тернатъ, продолжавшагося въ общемъ семьдесятъ восемь дней, т. е. безъ двѣнадцати дней три мѣсяца (все это время погода должна была быть благопріятною) не было ни одного дня попутнаго вѣтра. Намъ постоянно приходилось бороться съ вѣтромъ, теченіями и дрейфомъ. Всякій морякъ согласится съ тѣмъ, что мое первое путешествіе на собственномъ суднѣ было самое несчастное.

Чарльзъ Оленъ составилъ въ Мизолѣ довольно порядочную коллекцію птицъ и насѣкомыхъ, которая впрочемъ была бы значительно больше, если бы я не былъ такъ несчастливъ и посѣтилъ бы его. Подождавъ еще недѣлю или двѣ, и чуть не умирая съ голоду, онъ возвратился съ Вагая на Церамъ и къ величайшему удивленію узналъ, что я уѣхалъ уже недѣли двѣ передъ тѣмъ. Здѣсь онъ пробылъ болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ явилась возможность возвратиться въ сѣверную часть Мизоля, мѣсто, какъ онъ находилъ, гораздо болѣе удобное; но собирать райскихъ птицъ теперь было не время, къ тому же онъ успѣлъ собрать лишь нѣсколько экземпляровъ обыкновеннаго вида, когда послѣдняя прау была уже готова къ отправленію въ Тернатъ, и ему пришлось воспользоваться этимъ случаемъ, ибо онъ расчитывалъ, что я уже ждалъ его тамъ.

Этимъ заканчиваются записки о моихъ странствованіяхъ. Послѣ этого я отправился на Тиморъ, а затѣмъ на Буру, Яву и Суматру, которые уже были описаны. Чарльзъ Оленъ совершилъ поѣздку въ Новую Гвинею, о которой будетъ сдѣланъ короткій очеркъ въ слѣдующей главѣ о райскихъ птицахъ. По возвращеніи оттуда онъ отправился на острова Сула, гдѣ составилъ весьма интересную коллекцію, послужившую къ опредѣленію границъ целебесской зоологической группы, именно такъ, какъ это сдѣлано въ главѣ о естественной исторіи этого острова. Слѣдующее затѣмъ путешествіе его было на Флоресъ и Соломъ, гдѣ пріобрѣтены имъ весьма цѣнные матеріалы, указанные мною въ главѣ о естественной исторіи тиморской группы. Затѣмъ онъ отправился въ Коти на восточномъ берегу Борнео, откуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось добыть коллекцію, такъ какъ это мѣсто совершенно новое, какъ нельзя болѣе отличающееся отъ Сараваки, къ тому же я слышалъ о немъ весьма много хорошаго. По возвращеніи своемъ оттуда въ Сурабойю на Явѣ, онъ долженъ былъ отправиться на совершенно неизвѣстный островъ Сумба или островъ сандальнаго дерева. Но, къ величайшему несчастію, по пріѣздѣ въ Коти съ нимъ сдѣлалась страшная лихорадка въ которой

*

онъ пролежалъ тамъ нѣсколько недѣль, а затѣмъ былъ перевезенъ въ Сингапуръ, но уже послѣ того, какъ я отправился въ Англію. Поправившись, онъ получилъ въ Сингапурѣ мѣсто и такимъ образомъ я былъ лишенъ его услугъ въ качествѣ собирателя коллекцій.

Въ трехъ заключительныхъ главахъ моего сочиненія будетъ говориться о райскихъ птицахъ, и естественной исторіи острововъ папуанскихъ и о человѣческихъ племенахъ Малайскаго архипелага.

ГЛАВА XXXVIII.

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

Обиліе породъ райскихъ птицъ на Архипелагѣ.

Такъ какъ многія мои поѣздки совершались съ исключительною цѣлью пріобрѣсти экземпляры райской птицы, и такъ какъ я, насколько мнѣ это извѣстно, единственный англичанинъ, видѣвшій этихъ чудесныхъ птицъ въ ихъ родныхъ лѣсахъ, и пріобрѣвшій экземпляры многихъ видовъ ихъ, то и намѣренъ систематически изложить здѣсь результаты моихъ наблюденій и свѣдѣній.

Когда первые европейскіе путешественники достигли Молукскихъ острововъ, отыскивая гвоздику и мускатъ, бывшія въ то время рѣдкою и драгоцѣнною пряностью, то имъ пришлось увидѣть здѣсь высушенныя кожи птицъ, которыя были такъ странны и красивы, что возбудили удивленіе даже въ этихъ, одного лишь богатства аллкавшихъ бродягахъ. Малайскіе торговцы называютъ ихъ «манукъ девата» или божьими птицами; португальцы же, не находя у нихъ ни ногъ, ни крыльевъ и не будучи въ состояніи узнать объ нихъ что либо достовѣрное, назвали ихъ «Passoros de sol» или птицами солнца; между тѣмъ какъ ученые голландцы, писавшіе на латинскомъ языкѣ, называли ихъ «Avis paradiseus» или райскими птицами. Джонъ ванъ Линшотенъ называетъ ихъ такъ въ 1598 году и говоритъ, что ни одинъ человѣкъ не видалъ этихъ птицъ живыми, ибо онѣ живутъ въ воздухѣ, и никогда не спускаются на землю, пока не умрутъ; у нихъ нѣтъ ни ногъ, ни крыльевъ, что, какъ онъ прибавляетъ, можно видѣть по экземплярамъ, привозимымъ въ Индію и иногда въ Голландію. Вообще же, по своей драгоцѣнности, въ Европѣ онѣ встрѣчались въ то время рѣдко. Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ этого м-ръ Вильямъ Фуннель, сопровождавшій Дампьера и написавшій отчетъ путешествія, видѣлъ экземпляры этой птицы на Амбойнѣ и слышалъ,

что онѣ прилетали на Банду ѣсть мускатные орѣхи, отчего пьянѣли и падали безъ чувствъ на землю, гдѣ ихъ убивали муравьи. Но въ Европѣ не встрѣчалось ни одного хорошаго экземпляра и не было положительно ничего извѣстно о нихъ вплоть до 1760 года, когда Линней назвалъ самый крупный видъ ихъ *aradisea apoda* (безногая райская птица). Да и теперь, сто лѣтъ спустя, еще во многихъ книгахъ говорится, что онѣ ежегодно переселяются на Тернатъ, Банду и Амбойну, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ на этихъ островахъ такъ же неизвѣстны въ дикомъ состояніи, какъ и въ Англіи. Линнею извѣстенъ былъ еще одинъ маленькій видъ, который онъ назвалъ Paradisearegia (королевская райская птица) послѣ чего даны были названія еще девяти или десяти другимъ видамъ, которые сначала всѣ были описаны по чучеламъ, сохраненнымъ дикарями Новой Гвинеи большею частью плохо. Въ настоящее время райскія птицы извѣстны въ Малайскомъ архипелагѣ подъ названіемъ «буронгъ моти», или мертвыхъ птицъ, что доказываетъ, что малайскіе торговцы никогда не видали ихъ живыми.

Paradiseidae есть группа птицъ средней величины, сходныхъ по строенію и образу жизни съ воронами, скворцами и австралійскими медососками, но отличаются чрезвычайнымъ развитіемъ перьевъ, какого вовсе не встрѣчается у другихъ птицъ. У нѣкоторыхъ видовъ съ каждаго боку спускается ниже крыльевъ по большому пучку нѣжныхъ ярко окрашенныхъ перьевъ въ видѣ шлейфа, вѣера или щита, а среднія хвостовыя перья часто бываютъ удлинены въ формѣ проволоки, изогнутой самымъ фантастическимъ образомъ, или отливающей самыми яркими металлическими цвѣтами. Въ другой группѣ видовъ эти дополнительныя перья спускаются съ головы, спины или плечь, а роскошь цвѣтовъ и металлическаго блеска перьевъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни у какихъ другихъ птицъ, за исключеніемъ, быть можетъ, колибри, но и послѣднія не стоятъ выше въ этомъ отношеніи. Обыкновенно ихъ раздѣляли на отдѣльныя семейства, Paradiseidae и Epimachidae; послѣднія отличаются длиннымъ и тонкимъ клювомъ. Но обѣ эти группы такъ близко сходны во всѣхъ существенныхъ чертахъ строенія и привычекъ, что я буду разсматривать ихъ какъ подраздѣленія одного и того же семейства. Теперь я намѣренъ сдѣлать краткое описаніе каждаго изъ извѣстныхъ видовъ, и затѣмъ присовокупить общія замѣчанія объ ихъ естественной исторіи.

Большая райская птица Линеева Paradisea apoda есть самый большой изъ извѣстныхъ видовъ, величиною отъ затылка до конца хвоста

обыкновенно семнадцать или восемнадцать дюймовъ. Брюшко, крылья и хвость у ней прекраснаго кофейнаго коричневаго цвѣта, который на груди переходитъ въ черно-фіолетовый или пурпурово-коричневый, а вся верхняя часть головы и шеи самаго нѣжнаго соломенно-желтаго цвѣта, при чемъ перья коротки и сидятъ такъ плотно, что походятъ на плюшъ или бархатъ; снизу шея до глазъ одѣта чешуйчатыми перьями изумрудно-зеленаго цвѣта съ роскошнымъ металлическимъ блескомъ, а на лбу идутъ въ видѣ полосы бархатистыя перья болѣе темнаго зеленаго цвѣта, между тѣмъ какъ глаза ярко желтые. Спина блѣдно свинцово-синяя, а ноги, которыя довольно велики, весьма сильны и хорошо сформированы, блѣдно пепельно-розовыя. Два среднія хвостовыя пера имѣютъ двѣ бородки: одну при основаніи, а другую на самомъ концѣ, образующихъ проволокообразные изящно изгибающіеся усики, длина которыхъ бываетъ отъ двадцати четырехъ до тридцати четырехъ дюймовъ. Съ обѣихъ сторонъ тѣла изъ подъ крыльевъ выходитъ по густому пучку длинныхъ и нѣжныхъ перьевъ, иногда въ два фута длиною, самаго яркаго золотисто-оранжеваго цвѣта и чрезвычайно блестящихъ, вверху же переходящихъ въ блѣдно-коричневый цвѣтъ. Эти пучки перьевъ могутъ быть подняты и распущены какъ угодно и даже покрыть собою все тѣло птицы.

Эти пышныя украшенія исключительно свойственны только самцамъ, между тѣмъ какъ самки совершенно простыя и обыкновенныя птицы однообразнаго и никогда не измѣняющагося кофейно-коричневаго цвѣта, не имѣющія даже длинныхъ хвостовыхъ усиковъ и ни одного зеленаго перышка на головѣ. Молодые самцы, которымъ не больше года, совершенно похожи на самокъ и могутъ быть отличены отъ нихъ лишь при анатомическомъ изслѣдованіи. Первую перемѣну составляетъ появленіе желтыхъ и зеленыхъ перьевъ на головѣ и шеѣ, въ то-же время два средніе хвостовые пера вырастаютъ на нѣсколько дюймовъ длиннѣе другихъ, но все еще имѣютъ бородки по обѣимъ сторонамъ. Въ позднѣйшій періодъ перья эти замѣняются длинными голыми стержнями такой длины, какой они бываютъ у взрослыхъ птицъ, но прекрасныхъ оранжевыхъ боковыхъ перьевъ еще нѣтъ и слѣда: они довершаютъ полный нарядъ взрослаго самца лишь впослѣдствіи. Для того, чтобы произошли всѣ эти перемѣны, необходимы по крайней мѣрѣ три линянья, а такъ какъ я встрѣчалъ птицъ во всѣхъ этихъ фазахъ приблизительно въ одно и то же время, то весьма вѣроятно, что онѣ линяютъ только разъ въ годъ и оперяются вполнѣ лишь по прошествіи четырехъ лѣтъ. Долго предполагали, что прекрасные пучки перьевъ вырастаютъ лишь

на короткое время, а именно на время токованья; но мои собственныя наблюденія, а также наблюденія за птицами сродныхъ видовъ, привезенными мною домой, и прожившими у меня два года, показываютъ, что всѣ перья остаются втеченіи всего года за исключеніемъ короткаго періода линянья, какъ это бываетъ и у большей части другихъ птицъ.

Большая райская птица весьма проворна и сильна, и повидимому находится въ непрерывномъ движеніи весь день. Ихъ чрезвычайно много, такъ что небольшія стаи самокъ и молодыхъ самцовъ встрѣчаются безпрестанно, и хотя вполнѣ оперившіяся птицы не такъ многочисленны однако же ихъ громкій крикъ, который слышится ежедневно, показываетъ, что и ихъ здѣсь достаточно. Крикъ ихъ такой: «уокъ-уокъ-уокъ-уокъ, уокъ-уокъ,» и онъ до того громокъ и пронзителенъ, что слышенъ на большомъ разстояніи; въ то же время онъ составляетъ самый своеобразный и характеристическій животный звукъ на островахъ Ару. Ихъ способъ вить гнѣздо неизвѣстенъ, но туземцы говорили мнѣ, что онѣ дѣлаютъ гнѣзда изъ листьевъ, помѣщая ихъ на муравьиной кучѣ или на выдающейся вѣтви высокаго дерева, и что въ гнѣздѣ бываетъ только по одному птенцу. Яйца ихъ неизвѣстны вовсе, и даже туземцы говорятъ, что никогда не видали ихъ. Одинъ голландецъ предлагалъ весьма значительную награду за яйцо этой птицы, но тщетно. Онѣ линяютъ въ январѣ или февралѣ, а въ маѣ, когда онѣ уже вполнѣ оперятся, самцы собираются рано по утрамъ, чтобы показать себя тѣмъ оригинальнымъ образомъ, какъ это описано уже на стр. 492. Этотъ обычай даетъ туземцамъ возможность пріобрѣтать экземпляры ихъ безъ особеннаго затрудненія. Какъ только они узнаютъ, что птицы выбрали дерево, на которомъ будутъ собираться, они строятъ маленькій шалашъ изъ пальмовыхъ листьевъ въ надлежащемъ мѣстѣ между вѣтвями, куда еще до свѣту садится охотникъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, оканчивающимися круглою шишкою; подъ деревомъ же садится мальчикъ и ждетъ. Когда съ восходомъ солнца птицы слетятся въ достаточномъ количествѣ и начнутъ свою пляску, тогда охотникъ пускаетъ свою тупую стрѣлу на столько сильно, чтобы ошеломить птицу, которая падаетъ на землю, гдѣ мальчикъ поднимаетъ ее и убиваетъ, не запачкавъ ея перьевъ ни одною каплею крови. Остальныя птицы не обращаютъ на это вниманія, и падаютъ одна за другой, пока наконецъ не опомнятся и не улетятъ.

Туземный способъ сохранять птицъ состоитъ въ томъ, что отрѣзываются крылья и ноги, сдирается кожа до спины, и вынимается черепъ. Затѣмъ чучела насаживается на крѣпкую палку, которая торчитъ изо рта и около которой набиваютъ немного листьевъ, послѣ чего все это

Улица въ Батавіи.

завертывается въ пальмовую обертку и высушивается въ дымной хижинѣ. При такомъ способѣ голова, которая вообще велика, превращается почти въ ничто, туловище также сокращается и больше всего бросаются въ глаза лишь развѣвающіяся перья. Иныя изъ этихъ туземныхъ чучелъ, сдѣланы весьма чисто и имѣютъ крылья и ноги, другія же страшно испорчены дымомъ, и всѣ онѣ даютъ самое ложное понятіе объ относительныхъ размѣрахъ живой птицы.

Paradisea apoda, на сколько это извѣстно съ достовѣрностью, ограничивается только твердою землею острововъ Ару, никогда не встрѣчаясь на мелкихъ островкахъ, окружающихъ центральную массу. Она безъ сомнѣнія не встрѣчается также ни въ одной изъ частей Новой Гвинеи, посѣщаемыхъ малайскими и бугисскими торговцами, и ни на одномъ изъ другихъ острововъ съ которыхъ добываются райскія птицы. Но это отнюдь не достовѣрно, ибо туземцы могутъ приготовлять чучелъ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, и въ то же время та же самая птица можетъ водиться въ изобиліи и еще гдѣ нибудь, не будучи кому либо извѣстною. Такимъ образомъ очень возможно, что этотъ видъ живетъ также въ обширной южной области Новой Гвинеи, отъ которой отдѣлились Ару, между тѣмъ какъ его наиболѣе близкій сродникъ, описанный мною ниже, ограничивается сѣверозападнымъ полуостровомъ.

Маленькая райская птица (Paradisea papuana Бехьштейна) «Le petit Emeraude» французскихъ авторовъ, значительно меньше предъидущей, хотя весьма сходна съ ней. Она отличается болѣе свѣтлымъ коричневымъ цвѣтомъ, не переходящимъ въ болѣе темный или пурпуровый на груди; распространеніемъ желтаго цвѣта на всю верхнюю часть спины и на покровы крыльевъ; болѣе блѣднымъ желтымъ цвѣтомъ боковыхъ перьевъ, которыя имѣютъ только оранжевый оттѣнокъ, а на концахъ почти совсѣмъ бѣлыя, и относительно короткими хвостовыми усиками. Самка этой птицы отличается отъ самки Paradisea apoda весьма значительно: снизу она совершенно бѣлая и потому гораздо красивѣе. Молодые самцы бываютъ сначала окрашены подобнымъ же образомъ, и только впослѣдствіи становятся коричневыми, проходя при опереніи тѣ же самыя фазы, которыя уже были описаны у сроднаго имъ вида. Эта птица есть именно та самая, которую женщины обыкновенно употребляютъ въ этой странѣ какъ головной уборъ, и которая составляетъ весьма важный предметъ торговли на востокѣ.

Paradisea papuana распространена сравнительно весьма сильно, составляя обыкновенный видъ какъ на материкѣ Новой Гвинеи, такъ и на островахъ Мизоль, Солватти, Джоби, Біакъ и Соокъ. На южномъ бе-

регу Новой Гвинеи голландскій натуралистъ Мюллеръ встрѣтилъ ее на рѣкѣ Оэтаната, подъ 136° в. д.; я самъ пріобрѣталъ экземпляры ея близъ Дореи а капитанъ голландскаго парохода Эгна сообщалъ мнѣ что видѣлъ перья ея среди туземцевъ Гумбольдтова залива подъ 141° в. д. Весьма вѣроятно, что она распространена даже по всему материку Новой Гвинеи.

Настоящія райскія птицы всеядны; онѣ питаются и плодами, и насѣкомыми, предпочитая изъ первыхъ мелкія фиги, а изъ послѣднихъ — кузнечиковъ, стрекозъ а также таракановъ и гусеницъ. Возвращаясь домой въ 1862 году, имѣлъ счастіе найти въ Сингапурѣ двухъ взрослыхъ самцовъ этого вида, и такъ какъ они казались здоровыми и жадно ѣли рисъ, бананы и таракановъ то я рѣшился заплатить ту дорогую цѣну, какую за нихъ просили, и привезти ихъ въ Англію подъ моимъ личнымъ надзоромъ. Дорогою я останавливался на недѣлю въ Бомбеѣ, для того чтобы отдохнуть и запастись свѣжими бананами для моихъ птицъ. Впрочемъ доставить имъ насѣкомыхъ было для меня большое затрудненіе, ибо на полуостровныхъ и восточныхъ пароходахъ таракановъ было мало, такъ что только помощью разставленныхъ въ чуланахъ ловушекъ и часовой охоты каждую ночь въ форъ-кастелѣ мнѣ удавалось добыть нѣсколько дюжинъ этихъ существъ, чего было еле достаточно лишь на одинъ разъ. Въ Мальтѣ, гдѣ я пробылъ недѣли двѣ, я добылъ въ одной пекарнѣ множество таракановъ и, отправляясь, взялъ ихъ съ собою нѣсколько полныхъ жестянокъ, въ качествѣ провизіи на дорогу. Средиземное море мы переѣзжали въ мартѣ при весьма холодномъ вѣтрѣ, и единственное удобное мѣсто на почтовомъ пароходѣ, гдѣ можно было пристроить большую клѣтку, подвергалось весьма сильному теченію воздуха черезъ люкъ стоявшій открытымъ и день и ночь; однако же птицы казалось никогда не чувствовали холода. Во время ночного переѣзда изъ Марсели въ Парижъ былъ сильный морозъ, но онѣ всетаки прибыли въ Лондонъ совершенно здоровыми, и прожили въ зоологическихъ садахъ одна годъ, а другая два года, часто выставляя свои прекрасныя перья на удивленіе зрителямъ. Очевидно отсюда, что райскія птицы весьма крѣпки, и требуютъ воздуха и движенія болѣе чѣмъ тепла. Я увѣренъ, что если бы имъ могла быть посвящена обширная оранжерея, или если бы онѣ могли быть пущены на свободу въ тропическомъ отдѣленіи Хрустальнаго Дворца или въ Большомъ Пальмовомъ Домѣ въ Кью, то онѣ прожили бы въ этой странѣ много лѣтъ.

Красная райская птица (Paradisea rubra Вьелло) хотя и сродна обѣимъ описаннымъ, однако же гораздо болѣе отличается отъ нихъ, неже-

ли эти послѣднія другъ отъ друга. Величиною она почти такая же какъ и Paradisea papuana (отъ 13 до 14 дюймовъ въ длину), но отличается отъ нея во многихъ подробностяхъ. Боковыя перья, вмѣсто того чтобы быть желтыми, ярко малиновыя и только на три или на четыре дюйма длиннѣе хвоста; онѣ нѣсколько грубоваты, и въ концѣ загибаются внизъ и внутрь, при чемъ самые кончики ихъ бѣлые. Два среднія хвостовыя пера, вмѣсто того чтобы быть просто удлиненными и лишенными бородокъ, превращены въ твердыя черныя ленты въ четверть дюйма шириною, согнутыя въ видѣ расколотаго ствола пера и похожія на тонкіе полуцилиндры рога или китоваго уса. Если положить мертвую птицу на спину, то видно, что ленты эти изгибаются такъ, что, описавъ двойной кругъ, должны встрѣтиться на шеѣ животнаго; но когда во время жизни онѣ висятъ внизъ, то вьются спирально и образуютъ чрезвычайно изящной двойный изгибъ. Длиною онѣ въ двадцать два дюйма, и постоянно обращаютъ на себя вниманіе какъ самый выдающійся и своеобразный признакъ вида. Богатый металлически зеленый цвѣтъ шеи распростирается и на переднюю часть головы далѣе глазъ, причемъ на лбу образуется изъ чешуйчатыхъ перьевъ маленькій двойной хохолокъ, что придаетъ внѣшнему виду птицы много живости. Клювъ у ней желтый какъ гуммигутъ, а зрачки глазъ черновато-оливковые.

Самка этого вида почти вездѣ одинаковаго кофейно-коричневаго цвѣта, но голова черноватая, а затылокъ, шея и плечи желтаго цвѣта, отмѣчающаго тѣ мѣста, которыя у самцовъ окрашены ярко. Перемѣна перьевъ идетъ тѣмъ же послѣдовательнымъ порядкомъ, какъ и у другихъ видовъ, т. е. прежде всего являются яркіе цвѣта на головѣ и шеѣ, затѣмъ развиваются хвостовые усики, и уже послѣ всего вырастаютъ красныя боковыя перья. Мною былъ пріобрѣтенъ цѣлый рядъ экземпляровъ, по которымъ можно было прослѣдить весь замѣчательный ходъ развитія оригинальныхъ черныхъ хвостовыхъ лентъ. Сначала онѣ появляются въ видѣ двухъ обыкновенныхъ перьевъ, болѣе короткихъ, чѣмъ всѣ остальныя перья хвоста, слѣдующая затѣмъ перемѣна такая же, какая была и у Paradisea apoda, т. е. перья эти нѣсколько удлиняются, а бородки въ серединѣ укорачиваются; третью степень развитія представлялъ экземпляръ, у котораго середина стержня голая, а конецъ въ видѣ лопаточки; у другаго голая часть стержня была немного расширенная и полуцилиндрическая, а бородки на концѣ пера очень маленькія; у пятаго экземпляра черныя рогообразныя ленты были развиты уже вполнѣ, но на концѣ все еще были коричневыя бородки въ видѣ лопаточки,

между тѣмъ какъ у другого экземпляра и на самой черной лентѣ, но только съ одной стороны были короткія коричневыя бородки. Только послѣ того, какъ уже совершились всѣ эти перемѣны, начинаютъ появляться красныя боковыя перья.

Постепенное развитіе цвѣтовъ и перьевъ райской птицы весьма интересно, ибо она поразительнымъ образомъ согласуется съ теоріею, предполагающею, что оно произошло простымъ путемъ видоизмѣненій и силою выбора самками тѣхъ самцовъ, которые разукрашены болѣе обыкновеннаго. Видоизмѣненія *цвѣта* чаще, поразительнѣе и легче всѣхъ другихъ могутъ быть вызваны и выработаны искусственнымъ подборомъ. Поэтому весьма естественно предполагать что половыя различія *цвѣтовъ* должны были выработаться и опредѣлиться прежде всего, и потому прежде всѣхъ проявляться у молодыхъ птицъ—что дѣйствительно совершенно такъ и бываетъ у райской птицы. Видоизмѣненія *формы* перьевъ всего чаще бываютъ на головѣ и въ хвостѣ. Онѣ случаются въ большей или меньшей степени въ каждомъ семействѣ птицъ, и легко могутъ быть произведены у многихъ домашнихъ породъ, между тѣмъ какъ необыкновенное развитіе перьевъ туловища встрѣчается рѣдко во всемъ классѣ птицъ, у домашнихъ породъ еще рѣже или даже никогда. Согласно съ этими фактами мы находимъ, что чешуеобразныя перья шеи, хохолки на головѣ и длинные усики въ хвостѣ бываютъ уже вполнѣ развиты прежде, нежели появятся боковыя перья. Въ противномъ случаѣ, т. е. если отличительныя перья самцовъ не пріобрѣтены путемъ постепенныхъ видоизмѣненій, но имѣлись таковыми, какіе они есть, съ перваго момента появленія этихъ птицъ на землѣ, такая послѣдовательность была бы для насъ непонятною, ибо тогда мы не видѣли бы причины, по которой измѣненіе не должно происходить разомъ или въ обратномъ порядкѣ.

Что извѣстно объ образѣ жизни этой птицы и о способѣ туземцевъ ловить ее, были уже изложено на главѣ XXXVI.

Красная райская птица представляетъ собою примѣръ замѣчательно ограниченнаго распространенія, будучи свойственна единственно только маленькому острову Вайгіу у сѣверо-западной оконечности Новой Гвинеи, гдѣ она замѣняетъ сродные виды, находимые на другихъ островахъ.

Три только что описанныя птицы, будучи сходны по всѣмъ общимъ чертамъ строенія, по относительно большой величинѣ, по коричневому цвѣту туловища, крыльевъ и хвоста, по особенному характеру украшеній, которыми отличаются самцы, образуютъ особую группу. Группа эта распространяется почти по всей области, населенной семействомъ

Paradiseidae, но каждый отдѣльный видъ имѣетъ свою особую ограниченную область и никогда не встрѣчается въ одномъ мѣстѣ ни съ однимъ изъ своихъ близкихъ сродниковъ. Собственно этимъ то тремъ птицамъ и принадлежитъ родовое названіе Paradisea или настоящихъ райскихъ птицъ.

Слѣдующій затѣмъ видъ есть Paradisea regia Линнея, или королевская райская птица, которая такъ значительно отличается отъ трехъ предшествовавшихъ видовъ, что заслуживаетъ особаго родового названія; она была названа Cicinnurus regius. Малайцы называютъ ее «буронгъ раджа» или королевской птицей, а туземцы островъ Ару — «гоби-гоби».

Эта миленькая маленькая птичка длиною всего около шести съ половиною дюймовъ, съ весьма короткимъ хвостомъ, который не длиннѣе крыльевъ. Голова, шея и вся верхняя сторона тѣла самаго прекраснаго блестяще малиноваго цвѣта, который на лбу переходитъ въ оранжево малиновый, при чемъ перья ростутъ далѣе ноздрей и покрываютъ болѣе половины клюва. Перья вообще чрезвычайно блестятъ съ металлическими или стеклообразными переливами. Грудь и брюшко самаго чистаго шелковисто бѣлаго цвѣта, и между этимъ бѣлымъ цвѣтомъ и краснымъ цвѣтомъ шеи идетъ широкая полоса прекраснаго металлическаго зеленаго цвѣта; надъ самыми глазами находятся два маленькія пятнышка совершенно такого же цвѣта. Съ каждой стороны туловища изъ подъ крыльевъ выходитъ по пучку широкихъ нѣжныхъ перьевъ около полутора дюйма длиною, пепельнаго цвѣта, но оканчивающихся широкою полосою изумрудно зеленаго цвѣта, въ свою очередь окоймленою съ внутренней стороны узенькою свѣтложелтою полоскою. Перья эти спрятаны подъ крыльями, но, по желанію, птички, могутъ быть освобождены изъ подъ нихъ и распущены такимъ образомъ, что образуютъ около плечъ изящные полукруглые вѣера. Но у этой маленькой птицы есть еще одно украшеніе еще болѣе необыкновенное и. если возможно, еще болѣе прекрасное.

Два средія хвостовыя пера обращены въ весьма тонкіе проволокообразные стержни около шести дюймовъ длиною, и на концѣ каждаго изъ нихъ, но только съ внутренней стороны, находится по одной бородкѣ изумрудно зеленаго цвѣта, свернутой въ совершенно правильный спиральный кругъ, что весьма оригинально и чрезвычайно красиво. Клювъ оранжево темный, а ноги и голени прекраснаго синяго цвѣта.

Самка этой маленькой игрушечки окрашена такъ просто, что съ перваго взгляда трудно повѣрить, что она принадлежитъ тому же виду. Сверху она мрачнаго земляного коричневаго цвѣта; легкій оранжево красный оттѣнокъ замѣтенъ только по краямъ перьевъ. Снизу цвѣтъ ея

блѣдный, желтовато коричневый испещренный узкими темными мѣточками. Молодые самцы совершенно такіе же какъ самки и безъ сомнѣнія проходятъ также всѣ тѣ степени измѣненій, какъ и Paradisea rubra, но къ несчастію мнѣ не удалось пріобрѣсти такіе экземпляры, по которымъ бы можно было прослѣдить это наглядно.

Эти изящныя маленькія созданія любятъ небольшія деревья въ самыхъ густыхъ частяхъ лѣса, гдѣ они питаются различными плодами, часто слишкомъ большими для такой маленькой птички. Онѣ весьма проворна какъ при полетѣ, такъ и вообще; когда птица летитъ, то производитъ шуршащій шумъ въ родѣ того какъ южно-американскія манакины. Часто она распускаетъ крылья и показываетъ прекрасный вѣеръ, украшающій ея грудь, между тѣмъ какъ хвостовыя проволочки со звѣздочками, расходясь, образуютъ изящный двойной изгибъ. На островахъ Ару птички эти довольно многочисленны, вслѣдствіе чего онѣ были привезены въ Европу довольно давно вмѣсѣ съ Paradisea apoda. Онѣ встрѣчаются также на островѣ Мизоль и во всѣхъ посѣщенныхъ натуралистами частяхъ Новой Гвинеи.

Теперь мы дошли до замѣчательной маленькой птички называемой «великолѣпною,» которая впервые была изображена Бюффономъ и названа Бодэртомъ Paradisea speciosa, и которая вмѣстѣ съ другимъ сроднымъ ей видомъ была отнесена принцемъ Бонапартомъ къ отдѣльному роду, подъ названіемъ Diphyllodes, вслѣдствіе страннаго двойного плаща на спинѣ.

Голова у ней покрыта короткими коричневыми бархатистыми перьями, которыя надвигаются на клювъ такъ, что прикрываютъ ноздри. На затылкѣ поднимается густая масса перьевъ соломенно желтаго цвѣта, вырастающихъ до полутора дюйма въ длину и образующихъ надъ верхнею частью спины родъ плаща. Подъ этимъ послѣднимъ находится другой плащъ, состоящій изъ прекрасныхъ блестящихъ красновзго коричневыхъ перьевъ, и образующій около перваго койму шириною приблизительно въ одну треть дюйма. Остальная часть спины оранжево-бурая, хвостовые покровы и хвостъ темно бронзовые, крылья блѣдно оранжево-желтыя. Вся нижняя поверхность тѣла покрыта большимъ количествомъ перьевъ, начинающихся по краямъ груди; цвѣтъ ихъ темнозеленый съ пурпуровымъ отливомъ. Посреди груди идетъ широкая полоса чешуйчатыхъ перьевъ такого же цвѣта, мѣжду тѣмъ какъ подбородокъ и горло металлически бронзовые. Изъ середины хвоста выходятъ два узкія пера прекраснаго синяго стальнаго цвѣта около десяти дюймовъ длиною. Онѣ имѣютъ бородки только съ внутренней стороны и изогнуты къ наружи, такъ что образуютъ два круга.

Изъ того, что извѣстно о нравахъ сродныхъ видовъ, мы можемъ заключить съ достовѣрностью, что чрезвычайно развитые покровы этой птицы должны подниматься и распускаться какимъ нибудь особеннымъ образомъ. Масса перьевъ нижней поверхности по всей вѣроятности распускается такъ, что образуетъ полушаръ, между тѣмъ какъ прекрасный желтый плащъ непремѣнно поднимается кверху, и такимъ образомъ птица получаетъ совершенно не тотъ видъ, какой имѣютъ туземныя высушенныя и сплющенныя чучела ея, по которымъ она только и извѣстна въ настоящее время. Ноги, какъ кажется, должны быть темно-синія.

Эта рѣдкая и изящная маленькая птичка встрѣчается только на материкѣ Новой Гвинеи и на островѣ Мизоль.

Еще болѣе рѣдкій и прекрасный видъ нежели этотъ послѣдній представляетъ *Diphyllodes wilsoni* описанная м-ромъ Кассиномъ по туземной чучелѣ, находящейся богатомъ филадельфійскомъ музеѣ. Эта же самая птица была впослѣдствіи названа принцемъ Бонапартомъ «Diphyllodes respublica», а затѣмъ Бернштейномъ «Schlegelia calva». Бернштейнъ имѣлъ счастье пріобрѣсти въ Вайгіу свѣжіе экземпляры ея.

У этого вида верхній плащъ сѣро-желтый, а нижній, равно какъ и крылья, чисто красные, грудныя перья темнозеленыя, а удлиненныя среднія хвостовыя перья значительно короче, чѣмъ у сроднаго вида. Но самое странное различіе представляетъ лысая голова, причемъ голая кожа яркаго кобальтово-синяго цвѣта, и пересѣкается нѣсколькими полосками изъ бархатисто-черныхъ перьевъ.

Величиною эта птичка приблизительно равняется Diphyllodes speciosa, и несомнѣнно свойственна одному лишь острову Вайгіу. Самки, согласно изображенію и описанію д—ра Бернштейна, весьма похожи на самокъ Cicinnurus regius, ибо точно такъ же полосаты снизу, откуда мы можемъ заключить, что самки близко сроднаго вида «великолѣпныхъ» такъ же просты какъ и эти, но экземпляры ихъ еще не пріобрѣтены.

Превосходная райская птица была впервые изображена Бюффономъ и названа Бодэртомъ *Paradesia atra*, вслѣдствіе чернаго основнаго цвѣта ея перьевъ. По Вьелло она составляетъ родъ Lophorina и представляетъ собою самый рѣдкій и самый блестящій видъ изъ всей групы, но извѣстна только по искаженнымъ туземнымъ чучеламъ. Эта птичка немного больше «великолѣпной». Основной цвѣтъ перьевъ черный, но съ прекрасными бронзовыми отливами на шеѣ, а голова вся покрыта чешуйчатыми перьями блестящаго металлически зеленаго цвѣта. На груди у ней находится щитъ изъ узкихъ, нѣсколько жесткихъ перьевъ, значи-

тельно удлиненныхъ съ боковъ, чистаго синевато зеленаго цвѣта съ атласистымъ блескомъ. Но еще болѣе необыкновенное украшеніе растетъ у ней на задней сторонѣ шеи—это щитъ формою похожій на тотъ, что на груди, но значительно больше и бархатисто чернаго цвѣта съ бронзовымъ и пурпурнымъ отливами. Самыя крайнія перья этого щита на полъ дюйма длиннѣе крыльевъ, и когда онъ поднятъ, то вмѣстѣ съ груднымъ щитомъ долженъ совершенно измѣнять форму и общій видъ птицы. Клювъ черный, а ноги, какъ кажется, желтыя.

Эта удивительная маленькая птичка живетъ только во внутренней части сѣвернаго полуострова Новой Гвинеи. Ни я, ни м—ръ Олленъ не слыхали ничего объ ней ни на одномъ изъ острововъ и ни на которой части берега. Правда что Лессонъ пріобрѣлъ экземпляръ ея отъ береговыхъ жителей, но м—ръ Олленъ, бывши въ 1861 году въ Соронгѣ узналъ, что ее находятъ на разстояніи трехъ дней пути въ глубинѣ страны. Вслѣдствіе того, что эти такъ называемыя черныя райскія птицы не такъ высоко цѣнятся въ торговлѣ, туземцы рѣдко сохраняютъ ихъ въ настоящее время, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ мною на берегу Новой Гвинеи и на Молуккскихъ островахъ, мнѣ не удалось пріобрѣсти ни одной чучелы ихъ. Такимъ образомъ мы вовсе не знакомы съ нравами этой птицы, а также съ самкою ея, которая безъ сомнѣнія должна быть такою же простою и незамѣтною, какъ и въ другихъ видахъ этого семейства.

Золотая или шестистержневая райская птица представляетъ второй рѣдкій видъ, впервые изображенный Бюффономъ, и ни разу не пріобрѣтенный въ надлежащемъ видѣ. Она была названа Бодэртомъ *Paradisea sexpennis* и по Вьелло составляетъ родъ Parotia. Эта чудная птица величиною съ самку Paradisea rubra. Перья ея на первый взглядъ кажутся черными, но при извѣстномъ освѣщеніи они горятъ бронзовымъ и темно-пурпурнымъ свѣтомъ. Горло и грудь покрыты широкими плоскими перьями густо-золотаго цвѣта, переливающаго въ зеленый и синій. Черезъ затылокъ идетъ широкая изогнутая полоса перьевъ, блескъ которыхъ описать невозможно: онъ скорѣе походитъ на блескъ изумруда и топаза, нежели какой либо органической субстанціи. Надъ лбомъ находится большое пятно изъ чисто бѣлыхъ перьевъ, которое блеститъ какъ атласъ, а по бокамъ головы растутъ тѣ шесть чудесныхъ перьевъ, отъ которыхъ птица получила свое названіе. Это тонкіе стерженьки въ шесть дюймовъ длиною съ маленькимъ овальнымъ пучкомъ бородокъ на концѣ. Въ добавленіе къ этимъ украшеніямъ, по обѣимъ сторонамъ груди, находится по огромному пучку нѣжныхъ перьевъ, которыя, будучи подняты,

должны совершенно скрыть крылья и сдѣлать птицу по виду вдвое больше, чѣмъ она. Клювъ черный, короткій и окруженъ перьями, надвигающимися на ноздри, какъ у Cicinnurus regius. Эта странная и блестящая птичка обитаетъ въ той же области, какъ и дивная райская птица, и ничего болѣе не извѣстно объ ней, кромѣ того, что мы можемъ заключить изъ разсмотрѣнія чучелъ, изготовляемыхъ туземцами Новой Гвинеи.

Знамекрылъ, называемый м—ромъ Ж. Р. Грейемъ Semioptera wallacei, есть совершенно новый видъ райской птицы, открытый мною на островѣ Батчіанъ, и отличающійся главнымъ образомъ парою узкихъ длинныхъ бѣлыхъ перьевъ, которыя выростаютъ среди короткихъ покрововъ, одѣвающихъ сгибъ крыла и могутъ быть по желанію подняты вверхъ. Общій цвѣтъ этой птицы нѣжный оливково-бурый, переходящій на серединѣ спины въ бронзовато-оливковый, а на верху головы въ нѣжный пепельно-лиловый съ металлическимъ отблескомъ. Перья, покрывающія ноздри и спускающіяся до половины клюва растутъ свободно и загибаются кверху. Снизу птички гораздо красивѣе. Чешуеобразныя перья на груди имѣютъ каемки прекраснаго металлическаго сине-зеленаго цвѣта, который распространяется сплошь по горлу и по бокамъ шеи, а также на длинныя заостренныя перья, растущія по сторонамъ груди и кончающіяся почти наравнѣ съ крыльями. Но самый любопытный признакъ этой птицы и въ то же время единственный во всемъ классѣ, заключается въ парѣ узкихъ длинныхъ нѣжныхъ перьевъ, торчащихъ въ каждомъ крылѣ у сгиба. Приподнявъ покровы крыльевъ можно видѣть, что они выходятъ изъ двухъ трубчатыхъ роговыхъ влагалищъ растущихъ около точки соединенія кистевыхъ костей. Какъ уже было описано выше, онѣ подвижны, и когда птица встревожена, то поднимаются подъ прямымъ угломъ къ крылу и нѣсколько расходятся. Длиною они отъ шести до шести съ половиною дюймовъ, причемъ верхнее нѣсколько длиннѣе нижняго. Вся длина птицы равняется одинадцати дюймамъ. Клювъ роговой оливковый, зрачки темно-оливковые, а ноги ярко-оранжевыя.

Самка замѣчательно проста, она вся мрачнаго блѣдно-бураго земляного цвѣта и только на головѣ есть легкій пепельно-лиловый оттѣнокъ, какъ бы для оживленія общаго однообразія; молодые самцы совершенно похожи на нихъ.

Птица эта любитъ низкія деревья въ лѣсахъ, и подобно большей части райскихъ птицъ находится въ постоянномъ движеніи, перелетая съ вѣтки на вѣтку и лазая по сучьямъ и даже по самымъ гладкимъ вертикальнымъ стволамъ, почти съ такою же легкостью, какъ дятлы. Она безпрестанно издаетъ рѣзкій скрипучій звукъ, состав-

*

ляющій нѣчто среднее между крикомъ Paradisea apoda и болѣе музыкальными звуками Cicinnurus regius. Самцы часто распускаютъ крылья, поднимаютъ длинныя плечевыя перья и развертываютъ свои изящные зеленые щиты на груди.

Знамекрылъ встрѣчается какъ на Гилоло, такъ и на Батчіанѣ; но у всѣхъ экземпляровъ съ перваго острова зеленые грудные щиты нѣсколько длиннѣе, верхушка головы болѣе темнаго фіолетоваго цвѣта, а нижняя поверхность туловища нѣсколько болѣе испещрена зеленымъ цвѣтомъ. Въ настоящее время это единственная райская птица, встрѣчаемая въ Молуккской области, всѣ же другія свойственны только островамъ Папуасскимъ и сѣверной Австраліи.

Теперь мы дошли до *Epimachidae* или длинно-клювыхъ райскихъ птицъ, которыя, какъ уже было сказано выше, не должны быть отдѣляемы отъ Paradiseidae. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ видовъ между ними представляетъ двѣнадцатиусиковая райская птица, Paradisea alba Блумепбаха, но въ настоящее время причисляемая къ роду Selencides Лессона.

Эта птица въ длину равняется приблизительно двѣнадцати дюймамъ, изъ которыхъ два приходятся на сплюснутый и согнутый клювъ. Цвѣтъ груди и верхней поверхности съ перваго взгляда кажется чернымъ, но болѣе точное изслѣдованіе показываетъ, что ни одна часть ея не лишена цвѣта и, подвергая ее различнымъ освѣщеніямъ, мы можемъ видѣть на ней самые богатые и яркіе оттѣнки. Голова, покрытая короткими бархатистыми перьями, которыя на подбородкѣ растутъ гораздо далѣе, чѣмъ на верхней части клюва, цвѣта пурпурно-бронзоваго, вся спина и плечи роскошнаго бронзово-зеленаго, сложенныя же крылья и хвостъ самаго блестящаго фіолетово-пурпурнаго, и притомъ всѣ перья имѣютъ нѣжный шелковистый блескъ. Масса перьевъ, покрывающихъ грудь, дѣйствительно почти черная съ слабыми зелеными и пурпурными отблесками, но ихъ наружные края окаймлены блестящими изумрудно-зелеными полосками. Вся нижняя часть тѣла прекраснаго свѣтложелтаго цвѣта, равно какъ и пучки перьевъ, растущіе по бокамъ и простирающіеся на полтора дюйма далѣе хвоста. Когда чучелы подвержены дѣйствію свѣта, то желтый цвѣтъ превращается въ тусклый бѣлый, откуда и произошло видовое названіе птицы. Штукъ шесть изъ самыхъ срединныхъ этихъ перьевъ съ каждой стороны имѣютъ стержни, вытянутые въ тонкія черныя проволоки, которыя согнуты подъ прямыми углами и завороченъ нѣсколько назадъ, при длинѣ дюймовъ въ десять, образуя такимъ образомъ одно изъ тѣхъ странныхъ и фантастическихъ украшеній, которыми такъ

богата эта группа птицъ. Клювъ черный какъ смоль, а ноги ярко желтыя.

Самки хотя и не такъ просты, какъ самки другихъ видовъ, однако же не представляютъ ни одного изъ тѣхъ яркихъ цвѣтовъ или украшеній, которыя свойственны самцу. Верхушка головы и задъ шеи черные, всѣ остальныя верхнія части яркія красновато-бурыя, между тѣмъ какъ вся нижняя поверхность желтовато-пепельная, нѣсколько черньѣе на груди и всюду испещренная узкими черноватыми волнистыми полосками.

Seleucides alba водится на островѣ Сальватти и въ сѣверо-западныхъ частяхъ Новой Гвинеи, гдѣ она часто посѣщаетъ цвѣтущія деревья, преимущественно саговыя пальмы и пандапы, высасывая изъ цвѣтовъ сокъ, причемъ она можетъ отлично лазать, благодаря своимъ чрезвычайно большимъ и сильнымъ ногамъ. Движенія ея чрезвычайно быстры. Она рѣдко остается на деревѣ болѣ нѣсколькихъ минутъ, вдругъ вспархиваетъ и быстро перелетаетъ на другое. Она издаетъ громкій пронзительный крикъ, который можетъ быть слышенъ далеко, и состоитъ изъ звука «кахъ, кахъ», повторяемаго пять или шесть разъ по нисходящей гаммѣ, причемъ при послѣдней нотѣ она обыкновенно улетаетъ. Самцы нрава не общительнаго, хотя быть можетъ въ извѣстное время и собираются вмѣстѣ, какъ настоящія райскія птицы. Всѣ экземпляры застрѣленные и вскрытые моимъ помощникомъ м-ромъ Олленомъ, который пріобрѣлъ этихъ прекрасныхъ птицъ во время своей послѣдней поѣздки въ Новую Гвинею, не имѣли въ желудкахъ ничего, кромѣ бурой сладкой жидкости по всей вѣроятности нектара цвѣтовъ, которымъ онѣ питались. Впрочемъ онѣ навѣрное ѣдятъ также плоды и насѣкомыхъ, ибо живой экземпляръ, видѣнный мною на одномъ голландскомъ пароходѣ, поѣдалъ таракановъ и плоды съ жадностью. Эта птица имѣла странную привычку сидѣть въ полдень поднявши клювъ вертикально вверхъ. Она околѣла при переѣздѣ въ Батавію, но я сохранилъ ея трупъ и изготовилъ скелетъ, который неопровержимо доказываетъ, что это дѣйствительно райская птица. Языкъ очень длинный и растяжимый, но плоскій и нѣсколько жидкій на концѣ, совершенно какъ у настоящихъ Paradisea.

На островѣ Сальватти туземцы ищутъ по лѣсамъ мѣстъ, гдѣ спитъ птица, которыя они узнаютъ по ея калу на землѣ. Обыкновенно такимъ мѣстомъ бываетъ низкое густое дерево. Ночью они влѣзаютъ на него и убиваютъ птицъ тупыми стрѣлами, или же ловятъ ихъ живыми, накрывъ какою нибудь одеждою. Въ Новой Гвинеѣ ихъ ловятъ западнями поставленными на деревья часто ими посѣщаемыя, совершенно такъ же какъ ловятъ красныхъ райскихъ птицъ на Вайгіу, что уже описано выше.

Большой эпимакъ или длинно-хвостая райская птица (Epimachus magnus) есть другое такое же странное созданіе, извѣстное только по плохимъ чучеламъ, изготовляемымъ туземцами. По своимъ темнымъ бархатистымъ перьямъ съ бронзовымъ пурпурнымъ блескомъ, она похожа на Seleucides alba, но у ней превосходный хвостъ, болѣе чѣмъ въ два фута длиною, имѣющій съ верхней стороны самый густой опалово-синій отливъ. Впрочемъ главное ея украшеніе состоитъ въ группѣ широкихъ перьевъ, растущихъ по сторонамъ груди, расширяющихся къ концу и окаймленныхъ самымъ яркимъ металлически синимъ и зеленымъ цвѣтомъ. Клювъ длинный и согнутый, а ноги черныя, сходныя съ ногами сродныхъ формъ. Вся длина этой прекрасной птички отъ трехъ до четырехъ футовъ.

Эта роскошная птичка живетъ въ горахъ Новой Гвинеи въ одной области съ дивною и съ шестистержневою райскими птицами, и какъ мнѣ говорили, встрѣчается иногда въ мѣстностяхъ, лежащихъ ближе къ берегу. Мнѣ не разъ приходилось слышать увѣренія туземцевъ, что птица эта вьетъ себѣ гнѣздо въ подземной ямѣ или подъ камнями, съ двумя отверзтіями такъ, чтобы въ одно изъ нихъ можно было войти, а въ другое выйти. Это вовсе не согласуется съ тѣмъ, что мы могли бы думать о привычкахъ птицы, но трудно предположить, чтобы такой фактъ былъ выдумкою; къ тому же всѣмъ путешественникамъ извѣстно, что разсказы туземцевъ о нравахъ животныхъ, какъ бы странны они ни казались, почти всегда оказываются справедливыми.

Чешуегрудая райская птица (по Кювье Epimachus magnificus) въ настоящее время обыкновенно причисляется вмѣстѣ съ австралійскими птицами къ роду Ptiloris. Хотя она весьма красива, однако же менѣе разукрашена дополнительными перьями нежели другіе, нами описанные, виды; главное ихъ украшеніе составляетъ болѣе или менѣе развитый грудной щитъ изъ металлически-зеленыхъ перьевъ и небольшіе пучки волосоподобныхъ перьевъ по сторонамъ груди. Спина и крылья у этого вида, слабо отливающія, при извѣстномъ освѣщеніи, пурпуромъ. Два широкія среднія хвостовыя пера опалово сине-зеленыя съ бархатистою поверхностью, а верхушка головы покрыта перьями, похожими на чешуи изъ полированной стали. Большое треугольное пространство подбородка горла и груди густо покрыто перьями, имѣющими стальной, синій или зеленый блескъ и шелковистыми на ощупь. Снизу оно окаймлено узкою полоскою чернаго цвѣта, за которымъ слѣдуетъ блестящій бронзово-зеленый, а затѣмъ тѣло покрыто волосистыми перьями прекраснаго цвѣта бордоскаго вина, который у хвоста переходитъ въ черный. Пучки бо-

Охота дайяковъ.

ковыхъ перьевъ нѣсколько похожи на пучки настоящихъ райскихъ птицъ, но бѣдны, приблизительно такой же длины какъ хвостъ, и чернаго цвѣта. Бока головы фіолетовые, и бархатистыя перья съ обѣихъ сторонъ клюва спускаются ниже ноздрей.

Въ Дорей я пріобрѣлъ молодаго самца этой птицы, перья котораго были несомнѣнно на степени развитія ихъ у взрослыхъ самокъ, какъ у всѣхъ сродныхъ видовъ. Верхняя поверхность, крылья и хвостъ у этого экземпляра были прекраснаго красновато-бураго цвѣта, между тѣмъ какъ нижняя поверхность блѣдно пепельная часто изборожденная всюду узкими волнистыми черными полосками. Надъ глазами также блѣдныя полоски и затѣмъ длинныя темныя полосы, идущія отъ краевъ рта внизъ по шеѣ. Длина равнялась четырнадцати дюймамъ, между тѣмъ какъ туземныя чучела взрослыхъ самцовъ равняются всего десяти дюймамъ, благодаря тому, что хвостъ вшихивается внутрь, чтобы какъ можно болѣе выдвинуть на видъ перья, украшающія грудь.

У мыса Іоркъ въ сѣверной Австраліи водится близко сродный этому видъ Ptiloris alberti, самка котораго совершенно похожа на описаннаго здѣсь молодаго самца. Прекрасныя Rifle птицы Австраліи весьма сходныя съ этими райскими птицами называются Ptiloris paradiseus и Ptiloris victoriae. Щитогрудая райская птица повидимому ограничивается материкомъ Новой Гвинеи и встрѣчается не такъ рѣдко, какъ нѣкоторые другіе виды.

Есть еще три вида Ново-Гвинейскихъ птицъ, которые нѣкоторыми писателями причисляются къ райскимъ, и, будучи почти такъ же замѣчательны по роскоши перьевъ, заслуживаютъ упоминанія здѣсь. Первая изъ нихъ райская сорока (Astrapia nigra Лессона), птица величиною съ Paradisea rubra, но съ очень длинымъ хвостомъ, имѣющимъ сверху густой фіолетовый блескъ. Спина бронзовато-черная, нижняя поверхность зеленая, горло и шея окаймлены свободными широкими перьями съ густымъ мѣдно-краснымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ на верху головы и шеи они блестящія изумрудно-зеленыя. Всѣ перья вокругъ головы удлиненныя и подвижныя, и когда подняты у живой птицы, то должны производить едва ли меньшій эффектъ, нежели украшенія настоящихъ райскихъ птицъ. Клювъ черный, а ноги желтыя. Astrapia, какъ мнѣ кажется, представляетъ нѣчто среднее между Paradiseidae и Epimachidae.

Существуетъ одинъ, сродный послѣднему, видъ, у котораго голова голая съ мясистымъ наростомъ, и который былъ названъ Paradigalla carunculata. Предполагаютъ, что онъ, вмѣстѣ съ предъидущими, живетъ

въ гористой внутренней части Новой Гвинеи, но встрѣчается чрезвычайно рѣдко; единственный извѣстный экземпляръ его находится въ Филадельфійскомъ музеѣ.

Райскій оріолъ вторая прекрасная птица, которая въ настоящее время иногда причисляется къ райскимъ. Прежними натуралистами она была названа Paradisea aurea и Oriolus aureus, а нынѣ обыкновенно причисляется къ одному роду съ австралійскою птицею Sericulus chrysocephalus. Но форма ея клюва и характеръ перьевъ кажутся мнѣ вовсе не такими, какъ у послѣдней, и потому она должна была бы составлять особый родъ. Птица эта почти вся желтая, за исключеніемъ горла, хвоста, части крыльевъ и спины, которые чернаго цвѣта; но главная ея особенность, это большое количество длинныхъ перьевъ густаго блестящаго оранжеваго цвѣта, покрывающихъ шею и идущихъ до половины спины почти такъ же, какъ у пѣтуха.

Эта прекрасная птица живетъ на материкѣ Новой Гвинеи и встрѣчается также на Сальватти, но такъ рѣдко, что я могъ пріобрѣсти всего лишь одну плохую туземную чучелу ея, а объ образѣ ея жизни неизвѣстно рѣшительно ничего.

Теперь я намѣренъ дать списокъ всѣхъ извѣстныхъ въ настоящее время райскихъ птицъ съ обозначеніемъ мѣстъ, въ которыхъ, какъ полагаютъ, онѣ водятся.

1. Paradisea apoda (большая райская птица). Острова Ару.
2. Paradisea papuana (маленькая райская птица). Новая Гвинея, Мизоль, Джоби.
3. Paradisea rubra (красная райская птица). Вайгіу.
4. Cicinnurus regius (королевская райская птица). Новая Гвинея, острова Ару, Мизоль, Сальватти.
5. Diphyllodes speciosa (великолѣпная). Новая Гвинея, Мизоль, Сальватти.
6. Diphyllodes wilsoni (красная великолѣпная). Вайгіу.
7. Lophorina atra (дивная). Новая Гвинея.
8. Parotia sexpennis (золотая райская птица). Новая Гвинея.
9. Semioptera wallacei (знамекрылъ). Батчіанъ, Гилоло.
10. Epimachus magnus (длиннохвостая райская птица). Новая Гвинея.
11. Seleucides alba (двѣнадцатиусиковая райская птица). Новая Гвинея. Сальватти.
12. Ptiloris magnifica (щитогрудая райская птица). Новая Гвинея.
13. Ptiloris alberti (райская птица принца Альберта). Сѣверная Австралія.

14. Ptiloris paradisea. Восточная Австралія.
15. Ptiloris victoriae (викторійская птица). Сѣверо-востокъ Австраліи.
16. Astrapia nigra (райская сорока). Новая Гвинея.
17. Paradigalla carunculata (райская сорока съ мясистымъ наростомъ). Новая Гвинея.
18. (?) Sericulus aureus (райскій оріолъ). Новая Гвинея. Сальватти.

Мы видимъ отсюда, что изъ восемнадцати видовъ, заслуживающихъ мѣста среди райскихъ птицъ, какъ извѣстно, одинадцать живутъ на большомъ островѣ Новой Гвинеи, и восемь изъ нихъ ограничиваются исключительно имъ и едва отдѣленнымъ отъ него островомъ Сальватти. Если же принимать за истинныя части Новой Гвинеи всѣ тѣ острова, которые отдѣлены отъ нея лишь мелкими проливами, то окажется что ей свойственны четырнадцать видовъ райскихъ птицъ, затѣмъ три живутъ въ сѣверной и восточной части Австраліи и одинъ на Молукскихъ островахъ. Но всѣ наиболѣе причудливые и красивые виды ограничиваются исключительно папуасскою областью.

Не смотря на то, что я употребилъ такъ много времени на поиски за этими чудными птицами, мнѣ удалось пріобрѣсти всего пять видовъ втеченіи многихъ мѣсяцевъ пребыванія на островахъ Ару, Новой Гвинеи и Вайгіу. Поѣздка м-ра Оллена на Мизоль не прибавила ни одного вида, но мы оба слышали объ одномъ мѣстѣ, называемомъ Соронгъ, на материкѣ Новой Гвинеи, близъ Сальватти, гдѣ, какъ намъ говорили, мы могли бы пріобрѣсти всѣ виды, какіе только намъ хотѣлось. Поэтому мы порѣшили, что бы онъ посѣтилъ эту мѣстность и постарался проникнуть внутрь въ среду туземцевъ, дѣйствительно стрѣляющихъ и дѣлающихъ чучелъ изъ райскихъ птицъ. Онъ отправился туда въ маленькой прау, снаряженной мною въ Горамѣ и, благодаря любезной помощи голландскаго правительства въ Тернатѣ, султаномъ Тидора были посланы лейтенантъ и два солдата, чтобы сопровождать и охранять его, а также помочь ему достать людей и проникнуть внутрь.

Не смотря на эти мѣры предосторожности м-ру Оллену представились, во время этого путешествія, такія затрудненія, какихъ еще ни разу до того не приходилось испытывать ни которому изъ насъ. Чтобы понять ихъ необходимо принять во вниманіе, что райскія птицы составляютъ предметъ торговли, монополизированной начальниками прибрежныхъ деревень, которые пріобрѣтаютъ ихъ отъ горцевъ за весьма низкую плату и затѣмъ перепродаютъ бугисскимъ торговцамъ. Частью онѣ идутъ также ежегодно въ видѣ дани султану Тидора. По этому туземцы весь-

ма недружелюбно смотрятъ на иностранца, и въ особенности европейца, вмѣшивающагося въ ихъ торговлю, а главное старающагося проникнуть внутрь страны, чтобы вести дѣло съ самими горцами. Они дѣйствительно думаютъ, что онъ возвыситъ цѣну внутри страны и уменьшитъ доставку на берегъ, что было бы для нихъ весьма убыточно. Они думаютъ также, что данъ ихъ будетъ увеличена, если европеецъ увезетъ съ собою нѣкоторое количество рѣдкихъ сортовъ, и кромѣ того питаютъ смутную, но весьма естественную, боязнь какихъ нибудь дальнѣйшихъ плановъ бѣлаго человѣка, пріѣхавшаго въ ихъ страну, не смотря на безпокойство и издержки, только для того, чтобы пріобрѣсть райскихъ птицъ, между тѣмъ какъ они знаютъ, что онъ могъ купить ихъ сколько ему угодно (обыкновенныхъ желтыхъ, которыхъ они только и цѣнятъ) въ Тернатѣ, Макассарѣ или Сингапурѣ.

Поэтому, когда м-ръ Олленъ, по прибытіи въ Соронгъ, заявилъ о своемъ намѣреніи отправиться внутрь страны отыскивать райскихъ птицъ, то ему было представлено безчисленное множество возраженіи противъ этого. Ему говорили, что ему предстоитъ три или четыре дня пути черезъ болота и горы, что горцы народъ дикій и людоѣды, и непремѣнно убьютъ его, наконецъ, что ни одинъ человѣкъ въ деревнѣ не отважится идти съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ дней подобныхъ преній, такъ какъ онъ не переставалъ настаивать на желаніи попробовать и показалъ имъ полномочіе, данное отъ тидорскаго султана, отправляться куда ему угодно и притомъ пользоваться всевозможною помощью, ему дали наконецъ лодку, въ которой ему предстояло совершить первую часть своего путешествія вверхъ по рѣкѣ, но въ то же время были посланы частныя приказанія во внутреннія деревни отказываться продавать ему провизію, чтобы такимъ образомъ заставить его воротиться. Прибывъ въ деревню, гдѣ надлежало оставить рѣку и продолжать путь сухимъ путемъ, береговые люди воротились назадъ, оставивъ м-ра Оллена подвигаться впередъ, какъ онъ самъ знаетъ. Тутъ онъ прибѣгнулъ къ тидорскому лейтенанту, прося его помощи для того, чтобы добыть проводниковъ и людей, которые несли бы его кладь до деревень горцевъ. Но сдѣлать это было однако же не легко. Возникъ споръ, и туземцы, отказавшись повиноваться повелительнымъ приказаніямъ лейтенанта, взялись за ножи и копья, хотѣли напасть на него и на его солдатъ, такъ что м-ру Оллену пришлось самому вмѣшаться въ дѣло для того, чтобы защитить посланныхъ для его охраны. Уваженіе, питаемое къ бѣлому человѣку и раздача незначительныхъ подарковъ взяли верхъ; показавъ ножи, топоры и бусы, которые м-ръ Олленъ согласенъ былъ отдать тому, кто будетъ

сопровождать его, онъ водворилъ миръ, и на слѣдующій день, пройдя по страшно суровой странѣ, они достигли деревень горцевъ. Здѣсь м-ръ Олленъ прожилъ мѣсяцъ, не имѣя при себѣ никого такого, черезъ кого бы онъ могъ понять хоть одно слово или сообщить хоть одно желаніе. Однако же, при помощи знаковъ, подарковъ и мѣноваго торга, онъ успѣвалъ отлично; нашлись люди, которые отправлялись съ нимъ ежедневно въ лѣсъ на охоту съ тѣмъ, что если послѣдняя была удачна, то они получали незначительные подарки.

Впрочемъ относительно главнаго предмета, т. е. райскихъ птицъ, сдѣлано было весьма немного. Найденъ былъ всего одинъ видъ въ дополненіе къ прежнымъ Seleucides alba, одинъ экземпляръ котораго уже былъ пріобрѣтенъ имъ въ Сальватти, но онъ узналъ, что другіе виды, которыхъ онъ показалъ рисунки, можно найти на разстояніи двухъ или трехъ дней пути далѣе вглубь страны. Когда я посылалъ людей своихъ изъ Дорея въ Амбербаки, то они слышали совершенно ту же исторію — что самые рѣдкіе виды встрѣчаются лишь на разстояніи нѣсколькихъ дней пути внутрь страны, среди дикихъ горъ, и что чучела ихъ изготовляются дикими племенами, которыхъ никогда не видѣлъ ни одинъ изъ побережныхъ народовъ.

И такъ сама природа повидимому приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы эти отборныя сокровища не стали слишкомъ обыкновенными и такимъ образомъ не потеряли бы цѣнности. Этотъ сѣверный берегъ Новой Гвинеи подверженъ полной силѣ волнъ Тихаго океана, суровъ и неприступенъ. Страна покрыта скалами и горами, поросшими всюду густыми лѣсами, которые, благодаря своимъ болотамъ, пропастямъ и зубчатымъ кряжамъ представляютъ почти непроходимую преграду для проникновенія внутрь; люди же здѣсь опасные дикари, стоящіе на самой низкой степени варварства Въ этой то странѣ, среди такого народа находятся эти дивныя произведенія природы, райскія птицы, которыя по чрезвычайной красотѣ формъ и цвѣта и по странному развитію перьевъ способны возбудить удивленіе и восторгъ среди самыхъ цивилизованныхъ и развитыхъ людей и доставить неистощимый матеріалъ для изученія натуралиста и размышленія философа.

Вотъ каковы были мои поиски за этими прекрасными птичками. Пять поѣздокъ въ различныя части обитаемой ими области, изъ которыхъ каждая потребовала на свое исполненіе вмѣстѣ съ приготовленіями значительной части года, доставили мнѣ всего пять видовъ, между тѣмъ какъ извѣстно, въ Ново-Гвинейскамъ округѣ ихъ имѣется четырнадцать. Пріобрѣтенные экземпляры были тѣ, которые водятся по бере-

гамъ Новой Гвинеи и по островамъ ея, всѣ же остальные по видимому строго держатся центральныхъ горныхъ цѣпей сѣвернаго полуострова, и наши розыски въ Дорей и Амбербаки у одного края этого полуострова и въ Сальватти и Саронгѣ у другаго даютъ мнѣ возможность опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью родину этихъ рѣдкихъ и милыхъ птичекъ, хорошіе экземпляры которыхъ еще ни разу не достигали Европы.

Чрезвычайно странно, что втеченіе пятилѣтняго пребыванія и странствованій по Целебесу, Молукскимъ островамъ и Новой Гвинеѣ я не былъ въ состояніи пріобрѣсти чучелъ даже и половины того числа видовъ, которые Лессонъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ тѣхъ же странахъ пріобрѣлъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль. Мнѣ кажется, что всѣ они, за исключеніемъ видовъ обыкновенныхъ въ торговлѣ, пріобрѣтаются теперь съ гораздо большимъ затрудненіемъ, нежели даже двадцать лѣтъ тому назадъ, и я приписываю это главнымъ образомъ преслѣдованію ихъ голландскими правительственными лицами черезъ тидорскаго султана. Начальники ежегодныхъ экспедицій для сбора податей имѣли приказаніе пріобрѣтать всѣ рѣдкіе виды райскихъ птицъ, и такъ какъ они платятъ за нихъ мало или даже вовсе ничего (имъ стоитъ только сказать что они нужны для султана) то начальники береговыхъ деревень перестали добывать ихъ отъ горцевъ, и вмѣсто нихъ стали предпочитать болѣе обыкновенные виды, менѣе уважаемые любителями, но болѣе цѣнные, какъ предметъ торговли. Тѣ же самыя причины часто побуждаютъ жителей нецивилизованныхъ странъ скрывать минералы или другія естественныя произведенія, черезъ которыя они могутъ сдѣлаться извѣстными, изъ боязни быть принужденными платить большое количество дани или навлечь на себя новый тягостный трудъ.

ГЛАВА XXXIX.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ПАПУАССКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

Млекопитающія, птицы и насѣкомыя.

Новая Гвинея вмѣстѣ съ островами, отдѣленными отъ нея лишь узкими проливами, составляетъ Папуасскую группу, отличающуюся весьма близкимъ сходствомъ, свойственныхъ ея частямъ, животныхъ формъ. Приведя уже нѣкоторыя подробности изъ естественной исторіи этой области въ главахъ объ островахъ Ару и о райскихъ птицахъ, я намѣренъ теперь сдѣлать общій очеркъ ея животныхъ произведеній и ихъ отношеній къ произведеніямъ остальнаго міра.

Новая Гвинея, будучи немного больше Борнео, представляетъ, быть можетъ, самый большой островъ на земномъ шарѣ. Въ длину она имѣетъ до тысячи четырехъ-сотъ миль, а въ ширину, въ самыхъ широкихъ мѣстахъ, до четырехъсотъ миль, и, какъ кажется, всюду покрыта роскошнымъ лѣсомъ. Почти все извѣстное донынѣ изъ ея естественныхъ произведеній исходитъ съ сѣверо-западнаго полуострова и немногихъ острововъ, сгруппированныхъ вокругъ него. Эта область не составляетъ и десятой доли всего пространства, занимаемаго островомъ, и такъ отъ него отрѣзана, что ихъ фауна можетъ быть весьма различною; однако же она представила (при весьма частномъ изслѣдованіи) не менѣе двухъ-сотъ пятидесяти видовъ сухопутныхъ птицъ, которыя почти всѣ нигдѣ болѣе не извѣстны, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ суть самыя любопытныя и самыя красивыя изъ всѣхъ птичьихъ породъ. Нечего и говорить о томъ, какъ много интереса связано съ значительно большею неизвѣстною частью этого большого острова, самою обширною *terra incognita*, остающеюся для изслѣдованій натуралиста, и единственною областью, гдѣ быть можетъ будутъ найдены на сколько новыя, на столько же и невообразимыя жизненныя формы. Я радъ, что могу сказать,

что въ настоящее время имѣется нѣкоторая вѣроятность пріобрѣтенія свѣдѣній объ этой обширной странѣ. Голландское правительство отдало хорошо снаряженный пароходъ въ распоряженіе натуралиста (г. Розенберга, уже упомянутаго въ этомъ сочиненіи) и его помощниковъ, отправляющихся въ Новую Гвинею, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ плаваніи вокругъ острова, входя по его большимъ рѣкамъ внутрь страны, на сколько возможно, и собирая обширныя коллекціи его естественныхъ произведеній.

Млекопитающихъ на Новой Гвинеѣ и на смежныхъ съ нею островахъ открыто пока семнадцать видовъ. Изъ нихъ два вида летучихъ мышей, одинъ особенный видъ свиньи (sus papuensis), остальные же всѣ сумчатые. Летучія мыши безъ сомнѣнія, гораздо многочисленнѣе, но есть полное основаніе полагать, что всѣ новыя сухопутныя млекопитающія, какія только будутъ открыты, будутъ принадлежать къ разряду сумчатыхъ. Между прочимъ имѣется одинъ настоящій кенгуру, весьма сходный съ австралійскими кенгуру средняго роста; онъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ первымъ животнымъ этого рода, увидѣннымъ европейцами. Онъ водится на Мизолѣ и островахъ Ару (одинъ сходный съ нимъ видъ встрѣчается на Новой Гвинеѣ); въ 1714 году его видѣлъ Ле Бренъ и описалъ по живому экземпляру въ Батавіи. Гораздо болѣе странное животное—это древесный кенгуру, два вида котораго извѣстны на Новой Гвинеѣ. Животныя эти по формѣ не особенно отличаются отъ кенгуру, живущихъ на землѣ, и, повидимому, весьма плохо приспособлены къ жизни на деревьяхъ, ибо они движутся медленно, и, какъ кажется, питаніе ихъ не обезпечивается древесными вѣтвями. Упругость мускулистаго хвоста утрачена, но за то пріобрѣтены могучія когти, способствующія лазанію; однако же въ другихъ отношеніяхъ животное болѣе приспособлено къ хожденію по твердой землѣ. Это несовершенство приспособленія можетъ быть есть слѣдствіе отсутствія хищныхъ въ Новой Гвинеѣ или другихъ какихъ либо враговъ, отъ которыхъ приходилось бы спасаться проворнымъ лазаніемъ. Въ Новой Гвинеѣ имѣется также четыре вида Cuscus и маленькій летающій опоссумъ; кромѣ того пять другихъ мелкихъ сумчатокъ, изъ которыхъ одна величиною съ крысу и занимаетъ мѣсто послѣдней, ибо приходитъ въ дома и поѣдаетъ провизію.

Птицы Новой Гвинеи представляютъ крайній контрастъ млекопитающимъ, будучи болѣе многочисленны, болѣе красивы, и представляя болѣе новыхъ, любопытныхъ и изящныхъ формъ, нежели птицы какого либо другого острова на земномъ шарѣ. Кромѣ райскихъ птицъ, уже до-

статочно подробно нами разсмотрѣнныхъ, островъ имѣетъ много другихъ любопытныхъ птицъ, отчего въ глазахъ орнитолога онъ долженъ казаться однимъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ на землѣ. Изъ тридцати видовъ попугаевъ большой черный какаду и маленькая жесткохвостая назитерна представляютъ собою великана и карлика всей этой породы. Гологоловый Dasyptilus есть одинъ изъ самыхъ странныхъ попугаевъ, какіе только извѣстны, между тѣмъ какъ хорошенькая маленькая длиннохвостая Charmosyna и разнообразныя, великолѣпно окрашенныя лори не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ мірѣ. Голубей на островѣ имѣется до сорока различныхъ видовъ, между прочимъ прекрасные хохлатые голуби, такъ хорошо извѣстные въ настоящее время въ нашихъ птичникахъ и выдающіеся какъ по красотѣ своей, такъ и по величинѣ; здѣсь же водится любопытный Trugon terrestris, приближающійся къ еще болѣе странному Didunculus съ Самоа; а также открытый мною новый родъ (Henicophaps), имѣющій весьма длинный клювъ, вовсе не похожій на клювы другихъ голубей. Между шестнадцатью ей свойственными зимородками имѣется интересный крючкоклювый Macrorhina, а также красный и синій Taniciptera, самый красивый изъ всего этого прекраснаго рода.

Естествоиспытатель получитъ болѣе ясное понятіе о разнообразіи и интересѣ произведеній этой страны, если сказать, что сухопутныя птицы ей свойственныя представляютъ 108 родовъ, изъ которыхъ 29 свойственны ей исключительно; затѣмъ 35 распространяются лишь на незначительное пространство, заключающее въ себѣ Молуккскіе острова и п сѣверъ Австраліи, но виды этихъ мѣстностей вполнѣ произошли отъ ново-гвинейскихъ. Около половины всего числа ново-гвинейскихъ родовъ встрѣчаются также въ Австраліи и около трети въ Индіи и на Индо-Малайскихъ островахъ.

Весьма любопытенъ фактъ, хотя до сихъ поръ на него мало обращалось вниманія, что у ново-гвинейскихъ птицъ преобладаетъ чисто малайскій элементъ. Мы находимъ два вида Eupetes, любопытнаго малайскаго рода, сроднаго вилохвостымъ водянымъ каменкамъ; два вида Alcippe; одну индійскую и малайскую форму подобную крапивнику; одинъ видъ Arachnothera, совершенно похожій на ловящихъ пауковъ медососокъ Молукки; два вида Gracula, Mynahs Индіи, и интереснаго маленькаго черпаго Prionochilus, пилоклюва плодоклюваго, несомнѣнно сроднаго малайской формѣ, хотя быть можетъ составляющаго особый родъ. Между тѣмъ ни одна изъ этихъ птицъ или что либо сродное имъ не встрѣчается на Молуккскихъ островахъ, а также (за однимъ исключеніемъ) на Целебесѣ или въ Австраліи; а такъ какъ большая часть ихъ

летаютъ плохо, то весьма трудно понять, какимъ образомъ онѣ могли перейти разстояніе въ тысячу слишкомъ миль, отдѣляющее ихъ нынѣ отъ сродныхъ имъ формъ. Факты эти указываютъ на перемѣны моря и суши на значительномъ протяженіи, въ періодъ, который будучи измѣряемъ временемъ, потребнымъ для измѣненія видовъ, не долженъ быть длиненъ. Размышляя объ этихъ перемѣнахъ, мы легко можемъ видѣть, какъ отдѣльныя волны иммиграціи вливались въ Новую Гвинею, и какъ сглаживался всякій слѣдъ прохожденія ихъ при помощи, слѣдовавшаго затѣмъ, исчезновенія промежуточной суши.

Изъ всего того, что мы узнаемъ черезъ изученіе геологіи, нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго и болѣе яснаго какъ крайнее непостоянство земной поверхности. Всюду подъ нашими ногами мы находимъ доказательства того, что теперешняя суша была моремъ, а гдѣ теперь разстилаются океаны, тамъ нѣкогда была земля, и что перемѣна суши въ море и моря въ сушу произошло не одинъ и не два раза, но множество разъ втеченіи безчисленныхъ протекшихъ лѣтъ. Въ настоящее время изученіе распредѣленія животной жизни, по нынѣ существующей земной поверхности, заставляетъ насъ смотрѣть на эти постоянныя перемѣженія воды и суши — на это соединеніе и уничтоженіе континентовъ, поднятіе и исчезновеніе острововъ,—какъ на всесильную дѣйствительность, преуспѣвавшую всегда и всюду и бывшую главнымъ дѣятелемъ при опредѣленіи существующаго нынѣ способа распространенія и группировки живыхъ существъ по земной поверхности. И если намъ постоянно встрѣчаются такія мелкія аномаліи въ распредѣленіи, какъ только что описанная, то единственное раціональное объясненіе имъ мы находимъ именно въ этихъ неоднократныхъ повышеніяхъ и пониженіяхъ, оставившихъ свои слѣды въ таинственныхъ, но все же ясныхъ чертахъ физіономіи органической природы.

Насѣкомыя Новой Гвинеи менѣе извѣстны нежели птицы, но, какъ кажется, точно также замѣчательны по красотѣ формы и по блеску цвѣтовъ. Прекрасныя зеленыя и желтыя Ornithoptegae находятся въ изобиліи, и по всей вѣроятности отсюда распространились на западъ до Индіи. Между болѣе мелкими бабочками есть нѣсколько особенныхъ родовъ Nymphalidae и Lycaenidae, замѣчательныхъ по значительной величинѣ, страннымъ пятнамъ и блеску окраски. Самая большая и красивая изъ прозрачнокрылыхъ ночныхъ бабочекъ Cocytia d'Urvillei также встрѣчается здѣсь, равно какъ и большая, красивая, зеленая ночная бабочка Nyctalemon orontes. Жуки представляютъ намъ много видовъ большой величины и самаго яркаго металлическаго блеска, между кото-

рыми самые быть можетъ замѣчательные Tmesisternus mirabilis, длинноногій жукъ золотистозеленаго цвѣта; чрезвычайно блестящіе розовые жуки Lomaptera wallacei и Anacamptorhina fulgida; одна изъ самыхъ красивыхъ Buprestidae, Calodema wallacei, и нѣсколько красивыхъ синихъ долгоносиковъ изъ рода Eupholus. Почти всѣ другіе разряды представляютъ намъ также или крупныя или необыкновенныя формы. О любопытныхъ рогатыхъ мухахъ уже было говорено выше; между Orthoptera всего замѣчательнѣе большіе снабженные щитами кузнечики.

Большіе острова, лежащіе на востокъ отъ Новой Гвинеи, извѣстны весьма мало; но нахожденіе на нихъ малиновыхъ лори, вовсе не встрѣчающихся въ Австраліи, и какаду, сходныхъ съ видами Новой Гвинеи и Молуккскихъ острововъ, показываетъ, что они принадлежатъ къ Папуасской группѣ; такимъ образомъ мы можемъ сказать опредѣленно, что Малайскій Архипелагъ простирается къ востоку до Соломоновыхъ острововъ, между тѣмъ какъ Новая Каледонія и Новые Гебридскіе острова болѣе сходны съ Австраліею; остальные же острова Тихаго океана, какъ ни бѣдны они въ отношеніи жизненныхъ формъ, имѣютъ тѣмъ не менѣе свои особенности, что заставляетъ насъ отнести ихъ къ отдѣльной группѣ. Хотя ради удобства я постоянно отдѣлялъ Молукку какъ особую зоологическую группу отъ Новой Гвинеи, однако въ то же время я показалъ, что фауна ея происходитъ преимущественно съ этого острова, равно какъ фауна Тимора происходитъ изъ Австраліи. И такъ, если бы намъ пришлось дѣлить австралійскую область единственно въ зоологическомъ отношеніи, то намъ пришлось бы составить три большія группы: одну, заключающую въ себѣ Австралію, Тиморъ и Тасманію, въ другую входили бы Новая Гвинея съ островами отъ Буру до Соломоновой группы—а въ третью, большая часть острововъ Тихаго Океана.

Сходство ново-гвинейской фауны съ фауною Австраліи весьма близкое. Относительно млекопитающихъ оно всего болѣе замѣтно въ обиліи сумчатыхъ и почти полномъ отсутствіи всѣхъ другихъ сухопутныхъ формъ. У птицъ оно менѣе рѣзко, хотя все же весьма ясно, ибо всѣ замѣчательныя формы стараго свѣта, которыхъ нѣтъ въ одной изъ этихъ областей, отсутствуютъ и въ другой, таковы: фазаны, тетерева, коршуны и дятлы; между тѣмъ какъ какаду, широкохвостые попугаи, большія семейства медососокъ и многіе другіе виды сухопутныхъ птицъ въ числѣ не менѣе двадцати четырехъ родовъ, свойственны обѣимъ этимъ странамъ и въ то же время однѣмъ имъ исключительно.

Если обратить вниманіе на удивительное несходство этихъ областей во всѣхъ тѣхъ физическихъ условіяхъ, которымъ приписывалось прежъ-

де свойство опредѣленія жизненныхъ формъ (Австралія покрыта открытыми равнинами, каменистыми пустынями, высохшими рѣками, а господствующій климатъ въ нея перемѣнчивый и умѣренный, въ Новой же Гвинеѣ преобладаютъ роскошные лѣса, постоянная жара, сырость и вѣчная зелень), то это огромное сходство въ ихъ произведеніяхъ изумительно, и несомнѣнно указываетъ на общее ихъ происхожденіе. Сходство далеко не такъ ясно замѣтно у насѣкомыхъ по той причинѣ, что этотъ классъ животныхъ значительно болѣе и непосредственнѣе зависитъ отъ растительности и климата, нежели птицы и млекопитающія, съ болѣе совершенною организаціею. Но въ то же время онѣ пользуются значительными средствами распространенія и далеко проникли всюду, гдѣ условія благопріятствуютъ ихъ развитію и размноженію. Такимъ образомъ гигантскіе Ornithoptcrae изъ Новой Гвинеи распространились по всему Архипелагу и даже до подошвы Гималая, между тѣмъ какъ изящные долгорогіе Anthribidae распространились въ противоположномъ направленіи отъ Малакки до Новой Гвинеи, но лишь вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій не могли поселиться въ Австраліи. Эта послѣдняя страна, съ другой стороны, произвела разнообразныхъ цвѣточныхъ жуковъ и Bubrestidae и множество большихъ и интересныхъ сухопутныхъ долгоносиковъ, изъ которыхъ едва-ли даже нѣкоторые свойственны сырымъ мрачнымъ лѣсамъ Новой Гвинеи, гдѣ встрѣчаются совершенно иныя формы. Однако-же тамъ есть нѣсколько группъ насѣкомыхъ, представляющихъ повидимому остатки древняго населенія экваторіальныхъ частей австралійской области, которыя и въ настоящее время свойственны ей почти исключительно. Таковы: интересное суб-семейство долгорогихъ Coleoptera-Tmesisternitae, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ родовъ Buprestidae-Cyphogastra, и прекрасные долгоносики, образующіе родъ Eupholus; а между бабочками роды: Mynes, Hyrocista и Elodina, а также любопытныя глазчатыя Drusilla—всего одинъ видъ, который встрѣчается на Явѣ, и затѣмъ ихъ нѣтъ ни на одномъ изъ западныхъ острововъ.

Средства распространенія у растеній еще значительнѣе, чѣмъ у насѣкомыхъ, и по мнѣнію первостепенныхъ ботаниковъ въ растительномъ мірѣ вовсе не существуетъ такъ опредѣленно ограниченныхъ областей, какъ въ зоологіи. Причины, влекущія за собою распространеніе, дѣйствуютъ здѣсь съ значительною силою, и имѣли слѣдствіемъ такое смѣшеніе флоръ смежныхъ областей, что теперь могутъ имѣть мѣсто развѣ только самыя широкія и общія дѣленія. Эти замѣчанія имѣютъ весьма важное значеніе въ отношеніи намѣренія раздѣлить земную повер-

ность на обширныя области, различающіяся радикально въ ихъ естественныхъ произведеніяхъ. Различія эти, какъ мы уже знаемъ, суть прямые результаты долго продолжавшагося разъединенія помощію непреодолимыхъ преградъ, а такъ какъ самыми непреодолимыми преградами для распространенія всѣхъ земныхъ жизненныхъ формъ являются широкіе океаны и сильные контрасты въ температурѣ, то первичныя дѣленія земли должны быть всего важнѣе для всѣхъ земныхъ организмовъ. Какъ ни разнообразны дѣйствія климата и какъ ни различны средства распространенія, онѣ никогда однако же не изгладятъ радикальныхъ послѣдствій продолжительнаго обособленія, и я твердо убѣжденъ, что когда ботаника и энтомологія Новой Гвинеи и окружающихъ ее острововъ будутъ такъ-же хорошо извѣстны, какъ млекопитающія и птицы, то и онѣ вполнѣ укажутъ на радикальныя различія между Индо-Малайскою и Австралійско-Малайскою областями великаго Малайскаго архипелага.

ГЛАВА XL.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ПЛЕМЕНА МАЛАЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

Самобытныя племена и помѣси.—Наружный видъ туземцевъ. Умственныя способности и характеръ.

Я намѣренъ заключить этотъ отчетъ о моихъ странствованіяхъ по Востоку краткимъ изложеніемъ моихъ взглядовъ на племена людей, населяющихъ различныя части Архипелага, на ихъ физическій и умственный характеръ, ихъ сходство между собою и съ племенами окрестныхъ странъ, ихъ переселенія и ихъ происхожденіе.

Архипелагъ населяется двумя совершенно различными племенами—малайскимъ, занимающимъ почти исключительно большую западную часть его, и папуасскимъ, главное мѣсто поселенія котораго—Новая Гвинея и нѣкоторые изъ смежныхъ острововъ. Между ними встрѣчаются племена, представляющія въ главныхъ чертахъ нѣчто среднее, и иногда весьма трудно бываетъ опредѣлить, къ которой изъ двухъ расъ принадлежатъ они, или же произошли они черезъ смѣшеніе ихъ обѣихъ.

Малайское племя несомнѣнно главное и одно изъ наиболѣе цивилизованныхъ, наиболѣе сталкивавшееся съ европейцами и единственное, имѣющее нѣкоторое мѣсто въ исторіи. Должно однако же отличать истинное малайское племя отъ тѣхъ, которые имѣютъ лишь малайскій элементъ въ нарѣчіи, представляютъ много сходнаго въ физическихъ и нравственныхъ чертахъ, но совершенно отличаются по цивилизаціи и языку. Оно состоитъ изъ четырехъ большихъ и нѣкотораго числа меньшихъ полуцивилизованныхъ племенъ и затѣмъ еще нѣсколькихъ, которыхъ можно назвать дикими. Собственно малайцы населяютъ Малакскій полуостровъ и почти всѣ береговыя области Борнео и Суматры. Всѣ они говорятъ на малайскомъ языкѣ или его нарѣчіяхъ, пишутъ арабскими знаками, и магометане по религіи. Яванцы населяютъ Яву, часть Сумат ры, Ма-

дуру, Бали и часть Лэмбока. Они говорятъ на языкахъ яванскомъ и киви и пишутъ на нихъ туземными знаками. Въ настоящее время они магометане на Явѣ, но на Бали и Лэмбокѣ—брамины. Бугисы являются обитателями большей части Целебеса; и кромѣ того на Сумбавѣ живетъ племя какъ кажется также сродное имъ. Они говорятъ на языкахъ бугисскомъ и макассарскомъ и ихъ нарѣчіяхъ, и имѣютъ для нихъ два различные рода туземнаго письма; всѣ они магометане. Четвертое большое племя это—тагалы Филипинскихъ острововъ, о которомъ, такъ какъ я не былъ на этихъ островахъ, скажу мало. Многіе изъ нихъ теперь христіане, и говорятъ какъ по испански, такъ и на своемъ родномъ языкѣ. Молуккскіе малайцы, населяющіе преимущественно Тернатъ, Тидоръ, Батчіанъ и Амбойну, могутъ быть разсматриваемы какъ пятый отдѣлъ, и именно какъ полуцивилизованные малайцы. Всѣ они магометане, но говорятъ разнообразными странными языками, происшедшими повидимому черезъ смѣшеніе языковъ бугисскаго и яванскаго съ языками дикихъ племенъ Молуккскихъ острововъ.

Дикіе малайцы—это дайаки Борнео, баттаки и другія дикія племена Суматры, якунцы малакскаго полуострова, первобытные жители сѣвернаго Целебеса, острова Сулы и части Буру.

Цвѣтъ всѣхъ этихъ различныхъ племенъ свѣтлый красновато-коричневый съ большимъ или меньшимъ оливковымъ оттѣнкомъ, не измѣняющійся никакимъ существеннымъ образомъ на пространствѣ, равняющемся всей южной Европѣ. Волосы точно такъ же неизмѣнны; они постоянно черные, прямые и нѣсколько жесткіе, такъ что нѣкоторый болѣе свѣтлый оттѣнокъ, или негладкость ихъ есть почти несомнѣнное доказательство примѣси какой нибудь посторонней крови. Бороды почти вовсе нѣтъ, на груди и конечностяхъ волосы также не растутъ. Ростъ почти всегда одинаковый и значительно ниже средняго европейскаго. Тѣлосложеніе здоровое, грудь хорошо развитая, ноги маленькія, толстыя и короткія, руки маленькія и довольно нѣжныя. Лицо нѣсколько широкое и отчасти плоское, лобъ скорѣе округленный, брови низкія, глаза черные и слегка направлены вкось; носъ скорѣе маленькій, не выдающійся, но прямой и красивой формы, сверху немного скругленный, съ широкими, слегка открытыми ноздрями; скуловыя кости нѣсколько выдаются, ротъ большой, губы толстыя, хорошо очерченныя, но не выдающіяся, подбородокъ круглый и красивый.

Въ этомъ описаніи нѣтъ повидимому ничего, противорѣчащаго понятію о красотѣ, но тѣмъ не менѣе малайцы въ общемъ вовсе не красивы. Въ молодости впрочемъ они имѣютъ нерѣдко довольно взрачный

видъ, и многіе мальчики и дѣвочки лѣтъ до двѣнадцати или пятнадцати весьма не дурны, а у нѣкоторыхъ физіономіи бываютъ почти совершенствомъ въ своемъ родѣ. Я склоненъ думать, что они теряютъ свою красоту вслѣдствіе дурныхъ привычекъ и неправильности образа жизни. Всѣ они съ раннихъ лѣтъ жуютъ табакъ и бетель почти не переставая, выносятъ много лишеній и опасностей во время рыбной ловли и другихъ экскурсій; жизнь ихъ часто проходитъ въ поперемѣнномъ голодѣ, постѣ, лѣности и тяжкой работѣ — что естественнымъ образомъ производитъ преждевременную старость и грубость чертъ.

По характеру малаецъ хладнокровенъ. Онъ сдержанъ, недовѣрчивъ и даже застѣнчивъ, что до нѣкоторой степени привлекательно и заставляетъ наблюдателя думать, что дикій и кровожадный характеръ, приписываемый этому племени, сильно преувеличенъ. Онъ не откровененъ. Чувства удивленія, восторга или страха никогда не выражаются имъ открыто, и по всей вѣроятности ощущаются не слишкомъ сильно. Говоритъ онъ медленно и обдуманно и никогда не заговариваетъ прямо о томъ, о чемъ нужно. Вотъ главныя черты его нравственной природы, проявляющіяся всюду въ его жизни.

Женщины и дѣти застѣнчивы и съ визгомъ убѣгаютъ, увидѣвъ неожиданно европейца. Въ обществѣ мужчинъ онѣ молчаливы и большею частью смирны и послушны. Наединѣ малаецъ молчаливъ; онъ никогда не говоритъ и не поетъ про себя, если же ихъ ѣдетъ нѣсколько въ одной лодкѣ въ качествѣ гребцовъ, то они поютъ иногда какую нибудь монотонную и жалостную пѣсню. Онъ старается не наносить обиды своему ближнему, неохотно споритъ изъ за денегъ, не любитъ напоминать слишкомъ часто объ уплатѣ даже прямыхъ долговъ, и скорѣе отстранится отъ нихъ, нежели вступитъ въ споръ съ своимъ должникомъ. Шутка вовсе не свойственна его праву, ибо онъ особенно чувствителенъ къ нарушеніямъ этикета или какому либо затрогиванію личной свободы, какъ его самого, такъ и другихъ. Какъ примѣръ я приведу здѣсь, что часто мнѣ было весьма трудно заставить слугу малайца разбудить другого слугу. Онъ будетъ кликать своего товарища такъ громко, какъ только можетъ, но никогда не дотронется до него, а тѣмъ болѣе не станетъ толкать его. Во время путешествія водою или сухимъ путемъ мнѣ часто приходилось крѣпко спящихъ будить самому.

Высшіе классы малайцевъ чрезвычайно вѣжливы, и держатъ себя съ такимъ же спокойствіемъ и достоинствомъ, какъ самые благородные европейцы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свойственна жестокость и пренебреженіе человѣческою жизнью, составляющія темную сторону ихъ характера. Не

удивительно поэтому, что различныя лица высказываютъ о нихъ совершенно противоположныя мнѣнія;—одни хвалятъ ихъ за ихъ воздержанность, вѣжливость и добродушіе, другіе бранятъ ихъ за лесть, коварство и жестокость. Древній путешественникъ Николо Конти, писавшій въ 1430 говоритъ: «Обитатели Явы и Суматры превосходятъ жестокостью всѣ другіе народы. Убить человѣка для нихъ пустяки и за этоне назначается никакого наказанія. Если кто нибудь купитъ себѣ новый мечь и желаетъ испробовать его, то вонзитъ его въ грудь перваго встрѣчнаго. Прохожіе изслѣдуютъ рану, и хвалятъ искусство того, кто нанесъ ее, если оружіе было направлено прямо». Между тѣмъ Драке говоритъ объ южной части Явы слѣдующее: «Народъ здѣсь (судя по ихъ королямъ) весьма ласковый, честный и обходительный.» А м-ръ Крау-фордъ говоритъ, что яванцы, которыхъ онъ зналъ отлично, народъ миролюбивый, послушный, воздержанный, простой и трудолюбивый. Барбози же, съ другой стороны, видѣвшій ихъ въ Молуккѣ около 1660 года говоритъ: «Они народъ чрезвычайно смышленый, весьма тонкій во всѣхъ своихъ поступкахъ и весьма злобный; они большіе обманщики, рѣдко говорятъ правду и всегда готовы на всякое злодѣйство, нещадя своей собственной жизни».

Умственныя способности малайскаго племени повидимому скорѣе ограниченныя. Они не способны ни начто болѣе, кромѣ самаго простаго сочетанія идей и не выказываютъ особеннаго желанія или энергіи къ пріобрѣтенію знаній. Настоящая цивилизація ихъ не должна быть туземною, ибо она свойственна исключительно тѣмъ народамъ, которые были обращены или въ магометанство или въ браманизмъ.

Теперь я сдѣлаю такой же краткій очеркъ другого большого племени Малайскаго архипелага, папуанцевъ.

Типическая папуасская раса во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположна малайской, и до сихъ поръ описанія ея были весьма неточны. Цвѣтъ тѣла темный или черный, какъ сажа, иногда приближающійся къ смоляно-черному нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, но никогда не переходящій въ него. Впрочемъ оттѣнки его варьируются гораздо больше, чѣмъ у малайскаго племени, и иногда доходятъ до темновато-коричневаго. Волосы у папуанцевъ совершенно особенные, жосткіе, сухіе и курчавые и растутъ небольшими пучками или локонами, которые въ молодости очень коротки и плотно прилегаютъ, но затѣмъ вырастаютъ до значительной длины, образуя сплошную курчавую швабру, составляющую гордость и славу папуанца. Лицо украшено бородою, такою же курчавою какъ волосы головы. Руки, ноги и грудь также въ большей или меньшей степени покрыты волосами такого же свойства.

Ростомъ папуанцы значительно выше малайцевъ и можетъ быть равняются или даже превосходятъ средній ростъ европейца. Ноги длинныя и тонкія, а кисти и ступни больше чѣмъ у малайцевъ. Лицо нѣсколько удлиненное, лобъ плосковатый, брови сильно выдаются, носъ большой, нѣсколько выгнутый и высокій, у основанія толстый, ноздри широкія, но отверзтія ихъ скрыты, оттого что кончикъ носа удлиненъ; губы толстыя и выдаются впередъ. Тѣмъ не менѣе папуанецъ имѣетъ болѣе европейскій видъ, нежели малаецъ, благодаря своему большому носу; и особенная форма этого органа, вмѣстѣ съ выдающимися бровями и свойствомъ волосъ на головѣ, лицѣ и тѣлѣ даютъ возможность различить эти два племени съ одного взгляда. Я замѣтилъ что всѣ эти характеристическія особенности настолько же проявляются у дѣтей десяти или двѣнадцати лѣтъ, какъ и у взрослыхъ. Особенная форма ихъ носа всегда бываетъ видна и на ихъ изваяньяхъ, которыми они украшаютъ дома или которыя они носятъ какъ талисманы на шеѣ.

Нравственныя черты папуанца по моему мнѣнію, на столько же отличаютъ его отъ малайца, какъ и физическія. Онъ живъ и выразителенъ въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Ощущенія и страсти свои онъ высказываетъ восклицаніями, смѣхомъ, крикомъ и неистовыми прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе во всякомъ разговорѣ и повидимому мало смущаются при видѣ иностранца или европейца.

Объ умственныхъ способностяхъ этого племени судить очень трудно, но я склоненъ думать, что оно въ этомъ отношеніи стоитъ нѣсколько выше малайскаго, не смотря на то, что до настоящаго времени папуанцы еще не сдѣлали ни одного шага къ цивилизаціи. Но тутъ не должно забывать, что малайцы втеченіи вѣковъ подвергались вліянію иммигрирующихъ индусовъ, китайцевъ и арабовъ, между тѣмъ какъ папуанцы подвергались лишь весьма незначительному и частному вліянію малайскихъ торговцевъ. У папуанца гораздо болѣе жизненной энергіи, которая несомнѣнно значительно помогла бы ему на пути къ умственному развитію. Папуанскіе рабы не кажутся ниже въ умственномъ отношеніи если сравнивать ихъ съ малайцами, скорѣе наоборотъ, а на Молуккскихъ островахъ они часто занимаютъ весьма значительныя должности. Папуанцы болѣе любятъ искусство нежели малайцы. Они украшаютъ свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь тщательно сдѣланными изваяніями,—обычай, весьма рѣдко встрѣчающійся между племенами малайской расы.

Страсти и нравственныя чувства напротивъ того, кажется, мало развиты у папуанцевъ. Въ обращеніи съ дѣтьми они часто бываютъ жес-

токи, между тѣмъ какъ малайцы почти всегда мягки и ласковы, едвали когда либо вмѣшиваются въ ихъ занятія и забавы, даютъ имъ полную свободу, до какихъ бы лѣтъ это ни продолжалось. Но эти крайне мирныя отношенія между дѣтьми и родителями безъ сомнѣнія въ значительной степени происходятъ отъ нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшіе члены никогда не противятся серьезно старшимъ; между тѣмъ какъ болѣе суровая дисциплина папуанцевъ главнымъ образомъ есть слѣдствіе болѣе значительной силы и энергіи ума, рано или поздно ведущей къ тому, что болѣе слабый возстаетъ противъ болѣе сильнаго, народъ противъ своихъ управителей, рабъ противъ своего господина, дитя противъ своихъ родителей.

Отсюда видно, что съ какой стороны мы ни будемъ разсматривать, со стороны ли физическаго сложенія, нравственныхъ свойствъ или умственныхъ способностей, племена малайское и папуанское представляютъ замѣчательныя различія и поразительныя противоположности. Малаецъ небольшого роста, смуглый, прямоволосый, безбородый и гладкотѣлый. Папуанецъ выше ростомъ, черный, курчавый съ бородою и съ волосами на тѣлѣ. Первый имѣетъ широкое лицо, маленькій носъ, плоскія брови, у второго лицо длинное, носъ большой и выдающійся, брови также выдаются. Малаецъ застѣнчивъ, хладнокровенъ, скрытенъ и тихъ; папуанецъ смѣлъ, горячъ и шумливъ. Первый степененъ и смѣется рѣдко, второй веселъ и смѣяться любитъ; одинъ скрываетъ свои ощущенія, другой постоянно выказываетъ ихъ.

Описавъ такимъ образомъ съ нѣкоторою подробностью значительныя физическія, умственныя и нравственныя различія между малайцами и папуанцами, мы разсмотримъ теперь обитателей многочисленныхъ острововъ, не имѣющихъ близкаго сходства ни съ которою изъ этихъ двухъ расъ. Острова Оби, Батчіанъ и три южные полуострова Гилоло не имѣютъ собственно туземнаго населенія, но сѣверный полуостровъ населенъ туземнымъ племенемъ, такъ называемыми альфуросами или галелами. Народъ этотъ совершенно отличенъ отъ малайцевъ и почти столько же отъ папуанцевъ. Они высокаго роста и хорошо сложены, съ папуанскими чертами лица и кудрявыми волосами; они имѣютъ бороду и волосы на ногахъ, но цвѣтомъ совершенно такіе же свѣтлые, какъ малайцы. Они народъ трудолюбивый и предпріимчивый, воздѣлываютъ рисъ и овощи, и неутомимы въ своихъ поискахъ за дичью, рыбою, трепангами, жемчугомъ и черепахами.

На большомъ островѣ Церамѣ есть также туземное племя, весьма сходное съ племенемъ сѣвера Гилоло. Буру имѣетъ повидимому два

различныя племени—одно низенькое, круглолицее съ малайскою физіономіею, которое вѣроятно перешло съ Целебеса черезъ острова Сула; другое болѣе высокое, съ бородою, похожее на церамское.

Далеко къ югу отъ Молуккскихъ острововъ лежитъ островъ Тиморъ, обитаемый племенами гораздо болѣе сходными съ истинными папуанцами, нежели молуккскіе.

Тиморцы внутренней части острова темнокоричневые или черноватые съ густыми курчавыми волосами и длиннымъ папуанскимъ носомъ. Они средняго роста и скорѣе тонки по сложенію.

Платье, носимое всѣми, есть накрученный около таліи длинный кусокъ матеріи, обшитый бахрамою конецъ котораго виситъ ниже колѣнъ. Говорятъ, они большіе воры и отдѣльныя племена ихъ постоянно воюютъ между собою, но они не слишкомъ храбры и не слишкомъ кровожадны. Обрядъ «табу», называемый здѣсь «помàли», распространенъ сильно; церемонія эта охраняетъ отъ грабежа плодовыя деревья, дома, жатвы и всякую другую собственность, и уваженіе къ ней весьма сильно. Пальмовый сукъ поставленный поперегъ отпертой двери, и показывающій что домъ табуированъ, есть болѣе существенная охрана противъ грабежа, нежели всякіе замки и засовы.

Дома на Тиморѣ отличны отъ домовъ большей части другихъ острововъ; они кажутся состоящими изъ одной крыши, солома которой прикрываетъ стѣны, свѣшиваясь до самой земли, исключая мѣста передъ входомъ, гдѣ она обрѣзана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго края Тимора и на маленькомъ островѣ Семо дома похожи на готтентотскіе; они имѣютъ форму яйца, весьма малы и съ дверью всего въ три фута вышиною. Они строятся на землѣ, между тѣмъ какъ въ восточныхъ областяхъ жилища подняты на столбахъ нанѣсколько футовъ отъ земли. По своей пылкой натурѣ, громкому голосу и безстрашному виду, тиморцы весьма похожи на жителей Новой Гвинеи.

На островахъ къ западу отъ Тимора до Флореса и Сандальныхъ острововъ включительно, встрѣчается племя, весьма сходное съ этимъ послѣднимъ, которое распространяется также и на востокъ, пока не начинаетъ появляться настоящее папуанское. Но маленькіе острова Саву и Ротти, къ западу отъ Тимора, весьма замѣчательны, ибо имѣютъ свое особое и во многихъ отношеніяхъ своеобразное племя. Оно весьма красиво, съ правильными чертами лица, и во многихъ отношеніяхъ сходно съ племенемъ, происходящимъ отъ смѣшенія индусовъ, арабовъ и малайцевъ. Оно несомнѣнно отлично отъ тиморцевъ и папуанцевъ и должно быть отнесено скорѣе въ западный, нежели въ восточный этнологическій отдѣлъ Архипелага.

Весь большой островъ Новой Гвинеи, острова Ки и Ару, вмѣстѣ съ Мизолемъ, Сальватти и Вайгіу, населены почти исключительно типичными папуанцами. Я не нашелъ никакого слѣда, чтобы какое нибудь другое племя населяло внутреннюю часть Новой Гвинеи, но береговые народы мѣстами смѣшаны съ болѣе коричневыми племенами Молуккскихъ острововъ. То же самое папуанское племя, какъ кажется, распространяется и на острова къ востоку отъ Новой Гвинеи до острововъ Фиджи.

Теперь остается упомянуть о шерстоволосыхъ черныхъ племенахъ Филиппинскихъ острововъ и Малайскаго полуострова; первые называются «негритосами», а вторые «семангами». Я самъ никогда не видѣлъ этихъ людей, но изъ многочисленныхъ точныхъ описаній ихъ, которыя были печатаемы, мнѣ не трудно было убѣдиться, что они мало имѣютъ общаго съ папуанцами, къ которымъ ихъ до настоящаго времени причисляли. Въ главнѣйшихъ чертахъ они болѣе отличаются отъ папуанцевъ нежели отъ малайцевъ. Ростомъ они карлики, всего отъ 4 футовъ 6 дюймовъ до 4 футовъ 8 дюймовъ вышиною, т. е. на 8 дюймовъ ниже малайцевъ, между тѣмъ какъ папуанцы положительно выше малайцевъ. Носъ во всѣхъ описаніяхъ изображается маленькимъ, приплюснутымъ или приподнятымъ, между тѣмъ самая общая характеристическая черта папуанскаго племени, есть выдающійся и большой носъ загнутый книзу, какъ это всегда изображается и у ихъ грубыхъ идоловъ. Волосы этихъ малорослыхъ племенъ сходны съ папуанскими, но они сходны и съ волосами африканскихъ негровъ. Негритосы и семанги по физическимъ признакамъ весьма сходны между собою и съ жителями Андаманскихъ острововъ, но они замѣтнымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ папуанскихъ племенъ.

Тщательное изученіе этихъ разнообразныхъ племенъ, и сравненіе ихъ съ племенами восточной Азіи, Тихаго океана и Австраліи дали мнѣ возможность пріобрѣсти относительно простой взглядъ на ихъ происхожденіе и сходства.

Если мы проведемъ линію начиная отъ восточной стороны Филиппинскихъ острововъ, вдоль западнаго берега Гилоло, черезъ островъ Буру, затѣмъ, обогнувъ западный конецъ Флореса, назадъ, черезъ Сандальные острова до Ротти, мы раздѣлимъ Архипелагъ на двѣ части, племена которыхъ будутъ имѣть строго обозначенныя отличительныя особенности. Линія эта отдѣлитъ малайскія и азіатскія племена отъ папуасскихъ и тѣхъ, что населяютъ Тихій океанъ, и хотя на протяженіи промежуточной линіи имѣли мѣсто интермиграціи и смѣшеніе, тѣмъ не менѣе раздѣленіе это въ общемъ почти также опредѣленно и точно,

какъ соотвѣтствующее зоологическое дѣленіе Архипелага на области Индо-малайскую и Австралійское-малайскую.

Я долженъ въ кратцѣ объяснить причины, заставившія меня смотрѣть на это дѣленіе океаническихъ племенъ, какъ на истинное и естественное. Малайская раса въ цѣломъ несомнѣнно весьма близко сходна съ восточно-азіатскимъ населеніемъ отъ Сіама до Манджуріи. Я былъ сильно пораженъ этимъ сходствомъ, когда на островѣ Бали увидѣлъ китайскихъ купцовъ, принявшихъ туземный костюмъ, и которыхъ по этому весьма трудно было отличить отъ малайцевъ; съ другой стороны, я видѣлъ туземцевъ Явы, которыхъ, если бы судить только по физіономіи, весьма легко было бы принять за китайцевъ. При этомъ, самыя типическія малайскія племена населяютъ часть самого материка Азіи и тѣ большіе острова, которые имѣютъ одинаковые съ смежными частями материка виды крупныхъ млекопитающихъ и по всей вѣроятности были связаны съ Азіей въ періодъ уже существованія человѣка. Негритосы безъ сомнѣнія племя совершенно отличное отъ малайцевъ, но такъ какъ въ настоящее время часть ихъ населяетъ материкъ, другая же — острова Андаманскіе въ Бенгальскомъ заливѣ, то должно полагать, что они скорѣе азіатскаго нежели полинезійскаго происхожденія.

Относительно восточной части Архипелага, сравнивая мои собственныя наблюденія съ наблюденіями самыхъ компетентныхъ путешественниковъ и миссіонеровъ, я нахожу, что на всѣхъ островахъ къ востоку до Фиджи живутъ племена тожественныя во всѣхъ главныхъ чертахъ съ папуанцами, далѣе же, за островами Фиджи, распространено по всему Тихому океану темное полинезійское племя, или въ нѣкоторой степени переходный типъ. Описанія этого послѣдняго племени часто вполнѣ согласуются съ признаками темныхъ туземцевъ Гилоло и Церама.

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что коричневыя и черныя полинезійскія племена совершенно похожи другъ на друга. Черты ихъ почти совершенно одинаковы, такъ что портретъ новозеландца или отаитянина часто можетъ служить точнымъ изображеніемъ папуанца или тиморца, единственное отличіе котораго составляютъ болѣе темный цвѣтъ кожи и болѣе курчавые волосы. Оба эти племени росту высокаго, и сходятся какъ въ любви къ искусству, такъ и въ стилѣ своихъ украшеній. Они энергичны, откровенны, веселы и любятъ смѣяться, и значительно расходятся по всѣмъ этимъ особенностямъ съ малайцами.

И такъ, я полагаю, что многочисленныя среднія формы, встрѣчающіяся на безчисленныхъ островахъ Тихаго океана, представляютъ собою не простой результатъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ, но до нѣкоторой

степени суть дѣйствительно среднія или переходныя формы; и что какъ коричневые, такъ и черные, папуанцы, туземцы Гилоло и Церама, фиджійцы, обитатели Сандвичевыхъ острововъ и обитатели Новой Зеландіи, все это различныя формы одного большого океанійскаго или полинезійскаго племени.

Весьма вѣроятно однакоже, что коричневые полинезійцы первоначально произошли именно черезъ смѣшеніе малайцевъ, или другого какого нибудь болѣе свѣтло окрашеннаго монгольскаго племени, съ темными папуанцами; но въ такомъ случаѣ смѣшеніе это имѣло мѣсто въ такую отдаленную эпоху и при такомъ сильномъ вліяніи физическихъ условій и естественнаго подбора, ведущихъ къ сохраненію извѣстнаго типа, приспособленнаго къ этимъ условіямъ, что вышло племя совершенно опредѣленнаго и стойкаго характера, и съ такимъ явнымъ преобладаніемъ папуанскаго элемента, что его скорѣе должно разсматривать какъ видоизмѣненіе папуасскаго типа. Присутствіе вполнѣ малайскаго элемента, въ папуанскихъ языкахъ, очевидно не имѣетъ ничего общаго съ этимъ древнимъ физическимъ сродствомъ. Это явленіе совершилось въ новѣйшее время, благодаря бродяжническимъ нравамъ главнѣйшихъ малайскихъ племенъ; доказательствомъ можетъ служить то, что мы встрѣчаемъ въ Полинезіи нынѣ употребительныя малайскія и яванскія слова, такъ мало искаженныя въ произношеніи, что узнать ихъ весьма легко; тутъ не требуется тщательныхъ филологическихъ изслѣдованій для отысканія однихъ только малайскихъ корней, какъ это было бы въ томъ случаѣ, если бы введеніе малайскихъ словъ относилось къ столь же древней эпохѣ, какъ и происхожденіе весьма отличнаго племени,—племени столь же не сходнаго съ малайцами по умственному и нравственному характеру, какъ и по физическимъ признакамъ.

Въ связи съ этимъ вопросомъ весьма важно указать на гармонію, существующую между линіею раздѣленія человѣческихъ племенъ Архипелага и линіей раздѣленія животныхъ произведеній той же самой области, о которомъ мною сказано много и подробно. Линіи эти правда не сливаются, но я нахожу весьма замѣчательнымъ и вовсе не пустою случайностью, что онѣ проходятъ черезъ однѣ и тѣ же области, близко приближаясь одна къ другой. Если я правъ, предполагая, что та область, по которой можно провести въ настоящее время линію границы зоологическихъ областей Индо-малайской и Австралійско-малайской, была покрыта прежде болѣе обширнымъ моремъ, нежели теперь, и если человѣкъ уже существовалъ тогда на землѣ, то должно быть весьма понятно, отчего племена, населяющія азіятскія области и племена Тихаго

океана встрѣчаются и отчасти смѣшиваются въ настоящее время именно вблизи этой линіи дѣленія.

Профессоръ Гексли утверждалъ недавно, что папуанцы всего ближе сродни неграмъ Африки нежели какому либо другому племени. Сходство это, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, часто поражало меня самого, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудненія, являющіяся въ случаѣ принятія такого положенія, не позволили мнѣ придавать особенное значеніе этому сходству. Судя по географическимъ, зоологическимъ и этнологическимъ даннымъ почти несомнѣнно, что если эти два племени и одного происхожденія, то происхожденіе это можетъ относиться лишь къ періоду гораздо болѣе отдаленному, нежели тотъ, который считается самымъ древнимъ по отношенію къ существованію человѣка. Но если даже и возможно доказать сродство ихъ, то это ни въ какомъ случаѣ не опровергаетъ моихъ доводовъ относительно сходства племенъ папуасскихъ и полинезійскихъ и радикальнаго ихъ отличія отъ малайцевъ.

Полинезія прежде всего есть область осѣвшая; ея большія, широко раскинувшіяся группы коралловыхъ рифовъ указываютъ на положеніе прежнихъ континентовъ и острововъ. Богатыя и разнообразныя, но въ то же время строго изолированныя, произведенія Австраліи и Новой Гвинеи точно такъ же указываютъ на существованіе обширнаго материка, гдѣ распространены были такія специфическія формы. Поэтому весьма вѣроятно, что племена, нынѣ населяющія эти страны, суть также потомки племенъ, населявшихъ древнюю твердую землю и острова ея. Такое предположеніе всего проще и естественнѣе, и если мы находимъ признаки прямаго сходства между обитателями какой нибудь другой части свѣта и обитателями Полинезіи, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что послѣдніе произошли отъ первыхъ, ибо въ то время, когда существовалъ материкъ Тихаго океана, вся земная поверхность въ географическомъ отношеніи должна была быть совершенно не такою, какъ въ настоящее время. Нынѣшніе материки, быть можетъ, еще не возвышались тогда надъ поверхностью океана; если же они дѣйствительно образовались въ позднѣйшую эпоху, то можетъ быть сдѣлано обратное предположеніе т. е. что обитатели ихъ могли произойти изъ полинезійской области. Несомнѣнно справедливо, что существуютъ доказательства обширныхъ миграцій между островами Тихаго океана, имѣвшихъ слѣдствіемъ обобщеніе языка отъ Сандвичевой группы до Новой Зеландіи, но нѣтъ никакихъ доказательствъ новѣйшей миграціи изъ какой либо сосѣдней страны въ Полинезію, ибо нигдѣ нѣтъ народа, достаточно сходнаго съ полинезійцами въ главнѣйшихъ физическихъ и нравственныхъ признакахъ.

Но если прошлое этихъ различныхъ племенъ темно и неясно, то будущее еще болѣе. Настоящіе полинезійцы, обитающіе на дальнѣйшихъ островахъ Тихаго океана, несомнѣнно осуждены на раннее изчезновеніе; напротивъ болѣе многочисленное малайское племя повидимому вполнѣ способно пережить ихъ въ качествѣ воздѣлывателей почвы, если даже страна его и управленіе будетъ въ рукахъ европейцевъ. Если бы наплывъ колонизаціи обратился къ Новой Гвинеѣ, то это навѣрное повлекло бы за собою вымираніе папуанскаго племени. Народъ воинственный и энергическій, не желающій подчиниться національному рабству на своей родинѣ, долженъ изчезнуть передъ бѣлымъ человѣкомъ такъ же непремѣнно, какъ волкъ и тигръ.

И такъ я окончилъ свою задачу. Въ большей или меньшей подробности я представилъ очеркъ моихъ восьмилѣтнихъ странствованій по самымъ большимъ и самымъ роскошнымъ островамъ, украшающимъ земную поверхность. Я старался передать впечатлѣнія, произведенныя на меня ихъ видомъ, ихъ растительностью, животными произведеніями и обитателями, и нѣсколько долѣе остановился на различныхъ интересныхъ проблемахъ, представляемыхъ ими изслѣдователю природы. Но прежде чѣмъ распроститься съ своими читателями, я хочу сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія относительно предмета, имѣющаго еще болѣе интереса и значенія, который обратилъ на себя вниманіе, благодаря наблюденію жизни дикихъ, и изъ котораго мы видимъ что цивилизованому человѣку слѣдовало бы кой чему поучиться у дикаря.

Большая часть изъ насъ полагаетъ, что мы, высшія расы, шли впередъ въ прошломъ, и идемъ впередъ и теперь. Если это такъ, то должна существовать такая степень совершенства, такая конечная цѣль, которой мы никогда не достигнемъ,но истинный прогрессъ долженъ вести насъ къ ней все ближе и ближе.Но какое же это такое идеальное соціальное положеніе, къ которому постоянно стремилось и постоянно стремится человѣчество? Лучшіе наши мыслители утверждаютъ, что это есть состояніе индивидуальной свободы и самоуправленія, возможное при равномъ развитіи и правильномъ равновѣсіи умственной, нравственной и физической сторонъ нашей природы—состояніе, при которомъ каждый изъ насъ будетъ какъ нельзя лучше приспособленъ къ соціальной жизни, ибо будетъ знать, что справедливо, и въ тоже время чувствовать непреодолимое влеченіе дѣлать именно то, что справедливо, отчего всякіе законы и наказанія окажутся излишними. Тогда каждый человѣкъ имѣлъ бы вполнѣ уравновѣшенную интеллектуальную организацію, для того чтобы понимать нравственный законъ во всѣхъ его подробностяхъ,

*

и не требовалъ бы никакихъ другихъ побужденій для того, чтобы повиноваться этому закону, кромѣ свободныхъ побужденій его собственной природы.

Весьма замѣчательно, что у людей, стоящихъ на весьма низкой ступени цивилизаціи, мы находимъ нѣчто близкое къ такому совершенному соціальному состоянію. Я жилъ въ обществахъ дикарей Южной Америки и на Востокѣ, у которыхъ не было другаго закона или суда, кромѣ свободно выраженнаго общественнаго мнѣнія деревни. Каждый отдѣльный человѣкъ вполнѣ уважаетъ права своего собрата, и посягательства на эти права случаются рѣдко или даже никогда. Въ такомъ обществѣ всѣ приблизительно равны. Въ немъ нѣтъ тѣхъ громадныхъ различій между образованіемъ и невѣжествомъ, богатствомъ и бѣдностью, господиномъ и слугою, какія производитъ наша цивилизація; въ немъ вовсе нѣтъ того широкаго раздѣленія труда, которое, увеличивая богатство, порождаетъ столкновеніе интересовъ; въ немъ нѣтъ того страшнаго соперничества или борьбы за существованіе или благосостояніе, неизбѣжно порождаемыхъ густымъ населеніемъ цивилизованныхъ странъ. Слѣдовательно для крупныхъ преступленій не имѣется поводовъ, мелкія же подавляются частью вліяніемъ общественнаго мнѣнія, а главнымъ образомъ тѣмъ естественнымъ сознаніемъ справедливости и правъ своего ближняго, которое повидимому до нѣкоторой степени присуще каждому человѣческому племени.

Такимъ образомъ выходитъ, что мы значительно ушли впередъ передъ дикими въ умственномъ отношеніи, но отнюдь не въ нравственномъ. Правда, что среди классовъ, не испытывающихъ такихъ нуждъ, которыя не могутъ быть легко удовлетворены, и среди которыхъ общественное мнѣніе имѣетъ большое значеніе, права ближняго уважаются вполнѣ. Правда также и то, что мы сильно расширили сферу этихъ правъ, разумѣя въ ней все человѣчество. Но въ то же время мы будемъ правы, если скажемъ, что масса нашего населенія въ понятіяхъ о нравственности вовсе не ушла далѣе дикаря и во многихъ отношеніяхъ даже опустилась ниже его. Недостаточность нравственности есть большой порокъ нашей современной цивилизаціи и главнѣйшее препятствіе истинному прогрессу.

Втеченіи послѣдняго столѣтія и преимущественно послѣднихъ тридцати лѣтъ наше умственное и матеріальное движеніе было слишкомъ быстро для того, чтобы мы могли вполнѣ воспользоваться имъ. Преодолѣніе силъ природы повело за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока, и поощреніе столькихъ

гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что это еще вопросъ, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло ли это движеніе болѣе зла, нежели блага. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, наша система правленія, и вообще вся наша соціальная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизированію знаній законовъ природы съ цѣлію дальнѣйшаго расширенія нашей торговли и богатства, то слѣдующій за этимъ неизбѣжно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ.

Мы должны признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія лишь на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи и не могутъ служить символомъ совершенства нашего соціальнаго быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многолюдные города создали цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которой увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпали лишь однѣ удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, паслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже положенія дикаря.

Явленіе это крайне неутѣшительно, и до тѣхъ поръ, пока мы не сознаемъ недостатковъ нашей цивилизаціи и пока наше законодательство, наша промышленность и вообще весь нашъ соціальный бытъ не проникнутся болѣе гуманными и нравственными чувствами, наше общество едва ли будетъ имѣть какое либо реальное превосходство надъ обществомъ лучшихъ изъ дикарей.

Вотъ урокъ, почерпнутый мною изъ наблюденій надъ нецивилизованными племенами. Затѣмъ мнѣ остается сказать читателю — прости!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Употребленный мною эпитетъ покажется жесткимъ и несправедливымъ для людей, полагающихъ, что нашъ соціальный бытъ приближается къ идеалу совершенства; но я полагаю, что къ нашей цивилизаціи эпитетъ этотъ какъ нельзя болѣе приложимъ. Англія самая богатая страна въ мірѣ, а между тѣмъ двадцатая часть ея населенія состоитъ изъ приход-

скихъ бѣдныхъ; число преступниковъ, попадающихся въ руки правосудія, представляетъ одну тридцатую часть всего населенія. Прибавьте сюда преступниковъ, избѣжавшихъ преслѣдованія, и бѣдныхъ, живущихъ главнымъ образомъ частною благотворительностію (въ одномъ Лондонѣ тратится на этотъ предметъ семь милліоновъ фунтовъ стерлинголъ) и вы получите въ результатѣ, что бѣдные и преступники составляютъ болѣе десятой части нашего населенія. И тѣхъ и другихъ мы обрекаемъ на лѣнь и непроизводительный трудъ, а между тѣмъ ежегодный расходъ на каждаго преступника превышаетъ доходъ честнаго земледѣльца. Мы спокойно смотримъ, какъ сотни тысячъ людей живутъ исключительно преступными средствами и многія тысячи дѣтей выростаютъ въ невѣжествѣ и порокѣ, подготовляя въ будущемъ цѣлое поколѣніе опытныхъ преступниковъ. Подобное явленіе въ странѣ, гордой возрастаніемъ своихъ богатствъ, исполинскими размѣрами торговли и промышленности, развитіемъ механическаго искусства и научныхъ знаній, высокой степенью своей цивилизаціи, и своимъ христіанскимъ духомъ, я не могу иначе охарактеризовать, какъ назвавъ его состояніемъ соціальнаго варварства. Мы также хвастаемся нашею любовью къ справедливости и утверждаемъ, что законъ одинаково охраняетъ какъ богатаго такъ и бѣднаго, а между тѣмъ у насъ денежные штрафы замѣняютъ наказаніе, и самое обращеніе къ правосудію требуетъ издержекъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы обнаруживаемъ варварскую несправедливость или отказъ бѣдному въ правосудіи. Далѣе, по нашимъ законамъ, вслѣдствіе несоблюденія одной формы имущество человѣка, вопреки желанію и намѣреніямъ послѣдняго, можетъ перейти къ постороннему лицу, а его прямые наслѣдники-дѣти остаются безъ куска хлѣба. Подобное явленіе тоже доказываетъ, что мы находимся въ состояніи соціальнаго варварства. Въ заключеніе я приведу еще одинъ примѣръ въ подтвержденіе правильности употребленнаго мною эпитета. У насъ крупный землевладѣлецъ имѣетъ законное право обратить свое помѣстье подъ лѣсъ или подъ мѣсто для охоты и согнать всѣхъ жившихъ въ немъ людей. Въ столь густо населенной странѣ какъ Англія, гдѣ каждый акръ земли имѣетъ своего владѣльца или жильца, подобное право есть ничто иное какъ право истреблять своихъ ближнихъ, и существованіе его еще разъ доказываетъ, что мы находимся въ состояніи варварства.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
ГЛАВА.	I.	*Физическая географія Малайскаго Архипелага.* — Границы и пространство острововъ. — Геологическіе контрасты.—Контрасты растительности.—Глубина прилежащаго моря.—Различіе въ естественныхъ произведеніяхъ.—Противоположности расъ	9
»	II.	*Сингапуръ.* Описаніе города и острова.—Китайцы.—Ихъ дѣятельность.—Миссіонеры.—Тигры	37
»	III.	*Малакка и гора Офиръ.*	32
»	IV.	*Борнео.* Орангъ-утаны на Борнео.—Мои охоты за ними.—Попытка приручить дѣтеныша.—Нравы и привычки животнаго.—Его величина	45
»	V.	*Борнео.* Поѣздка во внутрь страны	76
»	VI.	*Борнео.* Наружныя свойства дайаковъ. — Ихъ характеръ.—Задатки цивилизаціи.—Нравственный характеръ.—Незначительность населенія.—Причины того.—Управленіе Джемса Брука	97
»	VII.	*Ява.* Голландская система управленія на островѣ Явѣ.—Постепенное возрастаніе народонаселенія на островѣ.—Богатство и роскошь природы.—Способъ путешествія.—Обрѣзаніе туземцевъ.—Развалины.—Батавія.—Климатъ и обработка земли.	107
»	VIII.	*Суматра.* Постройки туземцевъ.—Ручныя бѣлки.—Способъ путешествія по острову.—Птицы и насѣкомыя.—Обезьяны.—Летающій макки	134
»	IX.	*Фауна и флора Индо-Малайскихъ острововъ.* Недостатокъ свѣдѣній о флорѣ. — Характеристичные животные виды. — Распредѣленіе ихъ по островамъ и смежному материку. — Ходъ геологическихъ событій на архипелагѣ	14

стр.

ГЛАВА X. *Бали и Лэмбокъ.* Характеръ острововъ.—Ихъ плодородіе и обработанность почвы.—Птицы и насѣкомыя.—Жители. — Ихъ легковѣріе 160

» XI. *Лэмбокъ.* Нравы и обычаи народа.—Аудіенція у раджи.—Ночлегъ подъ открытымъ небомъ.—Выдѣлка ружей.—Бѣшеные 175

» XII. *Лэмбокъ.* Какъ раджа сдѣлалъ перепись своему народу. 189

» XIII. *Тиморъ.* Физическое строеніе острова.—Мыльные ключи.—Городъ Купангъ.—Городъ Деллп.—Исторія съ мѣдною рудою на островѣ.—Жители.—Система управленія.—Какъ туземцы добываютъ пчелиный медъ. . . 196

» XIV. *Естественная исторія Тиморской группы.* Характерность фауны.—Ея сходство и различіе съ группами Индіи и Австраліи.—Подтвержденіе теоріи Дарвина. 216

» XV. *Целебесъ.* Городъ Макасаръ.—Мѣстный раджа.—Занятія и образъ жизни жителей.—Постройка домовъ. . 225

» XVI. *Целебесъ.* Птицы и насѣкомыя. — Характеръ мѣстности.—Невѣрность описаній тропическихъ ландшафтовъ.—Геологическое строеніе острова.—Наступленіе дождей 245

» XVII. *Целебесъ.* Городъ Менадо.—Его жители.—Ихъ способность къ цивилизаціи.—Туземные начальники.—Землетрясеніе. — Народная школа. — Голландская система управленія туземцами. — Ея результаты. — Неудовольствіе купцовъ.—Слабость увеличенія населенія.—Причины того.—Грязные вулканы и вулканическіе грязные источники.—Оригинальныя мѣстныя животныя.—Мнимый инстинктъ дикихъ 257

» XVIII. *Естественная исторія Целебеса.* Оригинальность и обособленность фауны острова. — Бѣдность видовъ и богатство формъ. 292

» XIX. *Банда.* Переѣздъ на пароходѣ.—Важность для Голландіи мускатнаго орѣха.—Справедливость монополіи. . 308

» XX. *Амбойна.* Вулканическая почва острова. — Богатство насѣкомыхъ.—Ночлегъ съ змѣею.—Образъ жизни голландцевъ.—Туземцы.—Болѣзнь.—Хлѣбное дерево и его плоды 319

» XXI. *Мулуккскіе острова.—Тернатъ.* Мѣстоположеніе Терната. — Прежніе султаны. — Утвержденіе на островѣ голландцевъ.—Ихъ политика и политическая экономія.—Землетрясенія.—Отношеніе между невольниками и господами 335

стр.

ГЛАВА XXII. *Гилло.* Пребываніе на островѣ Гилло. — Сагоэ. — Туземный типъ 345

» XXIII. *Отъ Терната до острововъ Каіойа и Батчіана.* Плаваніе.—Свойство береговъ и острова.—Богатство насѣкомыхъ.—Жители. 356

» XXIV. *Батчіанъ.* Помѣщеніе.—Птицы.—Мѣстное населеніе.—Воровство. — Потомки португальцевъ.—Морскіе разбои.—Нокобарскіе голуби. 363

» XXV. *Церамъ, Горамъ и острова Матабелло.* Жители Церама. — Голландская система. — Мановолько.—Горамская группа.—Матабелло.—Горамъ 383

» XXVI. *Буру.* Пребываніе на Буру.—Трудность экскурсій. — Змѣи. — Туземцы.—Ихъ дикость 416

» XXVII. *Естественная исторія Молукскихъ острововъ.* Млекопитающія.—Птицы и насѣкомыя Молукскихъ острововъ. Ихъ особенности. — Передразниванья между птицами. 424

» XXVIII. *Отъ Макасара до острововъ Ару.* Переѣздъ.—Туземное судно.—Его устройство и экипажъ.—Водяные часы.—Прибытіе къ островамъ Ки 435

» XXIX. *Островъ Ки.* Встрѣча съ туземцами.—Характеръ ихъ.—Рѣзкая противоположность между двумя расами.—Лѣса и кораблестроеніе у туземцовъ.—Животныя 446

» XXX. *Аруанскіе острова. Стоянка въ Доббо.* Оживленіе на островѣ.—Характеристика жителей.—Сходство здѣшней природы съ африканскою.—Отсутствіе правительства и порядокъ.—Мѣстный самосудъ 458

» XXXI. *Аруанскіе острова.* Путешествіе и жизнь внутри острова.—Райскія птицы. — Черный какаду. — Дикари — Ихъ простодушіе. — Страхъ наводимый пиратами. — Вопросы о моемъ отечествѣ. — Предположенія и догадки о чуженахъ.—Домашняя жизнь дикарей. — Ихъ вопросы относительно своихъ соотечественниковъ . . 473

» XXXII. *Аруанскіе острова.—Вторая стоянка въ Доббо.* Оживленіе деревни.—Пѣтушиные бои.—Дешевизна европейскихъ продуктовъ. — Невыгоды развитія промышленности для Англіи и выгоды для дикарей 503

» XXXIII. *Аруанскіе острова.* Физическая географія и видъ природы. — Связь острововъ съ Новою Гвинеею. — Бѣдность цвѣтовъ въ экваторіальныхъ странахъ.—Ложное мнѣніе объ этомъ предметѣ, установившееся въ Европѣ. 514

» XXXIV. *Новая Гвинея.—Дорея.* Ново-Гвинейскіе миссіонеры.—Ихъ положеніе.—Туземцы.—Ихъ жилища.—Дикость и развитіе изящнаго вкуса.—Муравьи и мухи 522

стр.

ГЛАВА XXXV. *Путешествіе изъ Церама въ Вайгіу.* Неудачное плаваніе.—Потеря людей.—Ихъ возвращеніе 540

» XXXVI. *Вайгіу.* Деревня Мука.—Мое жилище.—Здѣшняя райская птица.—Происхожденіе здѣшнихъ племенъ.—Бѣдность и праздность жителей.—Недолговѣчность райскихъ птицъ въ неволѣ.—Изумительная честность дикарей 550

» XXXVII. *Путешествіе въ Вайгіу на Тернатъ.* Снаряженіе въ путь.—Подводныя землетрясенія.—Неудачное плаваніе.—Прибытіе на Тернатъ 560

» XXXVIII. *Райскія птицы.* Обиліе породъ райскихъ птицъ на Архипелагѣ 573

» XXXIX. *Естественная исторія Папуанскихъ острововъ.* Млекопитающія, птицы и насѣкомыя 601

» XL. *Человѣческія племена малайскаго архипелага.* Самобытныя племена и помѣси.—Наружный видъ тузем-цевъ.—Умственныя способности и характеръ. . . . 608

Библиотека Географического Общества Союза ССР

10 -

12